

Джордж Тейлор Денисон
История кавалерии. Вооружение, тактика, крупнейшие
сражения

«История кавалерии. Вооружение, тактика, крупнейшие сражения / Пер. с англ. С. Федорова.»: Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-9524-5109-4

Аннотация

Джордж Тейлор Денисон, профессиональный военный, автор многих работ по военному делу, создал уникальный труд по всеобщей истории конницы с древнейших времен до второй половины XIX века. На примере величайших сражений автор проследил, как менялась роль и значение конницы в военных действиях разных народов на протяжении истории человечества, рассмотрел организацию конницы и тактику ведения боя в разные эпохи под знаменами великих полководцев, а также особенности вооружения и снаряжения воинов-кавалеристов.

Книга снабжена картами и схемами.

Джордж Тейлор Денисон История кавалерии. Вооружение, тактика, крупнейшие сражения

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2014

© ЗАО «Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Введение

Как следует из текстов Священного Писания, в то время, когда население было малочисленно, миром управляли патриархи, и имелось много свободных пастбищ и животных для охоты, войн не было. Такие тесные отношения сохранялись на протяжении продолжительного периода времени.

Вероятнее всего, первые раздоры начались из-за соперничества за лучшие места для пастбищ и обладание самыми доступными источниками воды. По мере того как число поселений увеличивалось, население становилось более плотным, соответственно возрастало и число столкновений.

В то время, когда почти все находилось в общественной собственности, права на собственность не устанавливались, охотники и пастухи стремились обеспечить свои потребности, покушаясь на права и собственность своих соседей. Естественно, что вторжения порождали сопротивление и возмездие, семьи призывали своих родственников на помощь, пока количество с обеих сторон не уравнивалось, и смертельная вражда продолжалась в течение ряда поколений.

Отмеченные конфликты и кровная месть вели к тому, что семьи стали объединяться в племена, стремясь к совместной защите, та же самая причина привела к образованию больших наций. Тогда причиной войн стали амбиции, сопровождавшиеся стремлением добиться возбуждения, фанатического и патриотического проявления чувств.

Скорее всего, человек научился использовать орудия для защиты задолго до того, как они потребовались для военных действий, ведь уже в самом начале развития человеческого общества люди должны были не только защищаться от диких зверей, но и убивать их во время охоты. Это было необходимым для выживания. Первым подобным орудием стала дубина или палица, а вскоре заостренная палка стала применяться как копье или дротик

(метательное орудие). Постепенно эти орудия улучшались благодаря обжигу заостренной части, а затем и закреплению на них острой кости, заточенного камня или кремневого наконечника. В позднейших копьях, как и в их современных аналогах, использовали медные, бронзовые, железные или стальные наконечники.

Вскоре изобрели нож, потребность в котором ощущалась с ранних времен. Когда его удлиннили и заострили, он превратился в кинжал, а от него уже было совсем недалеко и до меча.

Что же касается метательных орудий, то первым из них стал брошенный рукой камень. Их продолжали использовать вплоть до Троянской войны. Увеличению радиуса действия этих снарядов способствовала праща, в которой с помощью ремня сила человеческой руки возрастала во много раз. За ней последовали лук, баллиста и катапульта.

Использование метательного оружия естественным образом повлекло за собой изобретение соответствующего оборонительного (защитного) вооружения, оберегавшего воина от ударов во время боя. Первым приспособлением такого рода стал щит, изготовленный из дерева или шкур животных. За ним последовали кирасы и шлемы из кожи, затем из меди, бронзы и, наконец, из железа.

Когда много воинов собиралось вместе, чтобы отразить нападение врагов, требовалось обеспечить некоторый порядок и согласованность их действий. Для выполнения этой задачи стали выбирать одного или более вождя, которому подчинялись остальные. По мере того как число бойцов возрастало, происходило деление массы воинов на подразделения. Соответственно, правила, регулировавшие их действия во время сражения, становились более многочисленными и сложными.

В этот период истории войны стало очевидным, что сила, активность и продолжительность, соединенные с искусством применения оружия, стали основными квалификационными признаками солдата. У искусного воина имелось большое преимущество, и он оказывался более успешным. Он должен был не только уметь обращаться с различным защитным и поражающим вооружением, но и маршировать на длительное расстояние, чтобы добраться до места расположения противника, не потеряв слишком много сил к началу боя. Данное обстоятельство и стало причиной использования на войне лошадей.

Вскоре стало понятно, что солдаты, которые перемещаются на колесницах, не утомляются, приходят на место схватки свежими и в состоянии проявить максимальную энергию в смертельном поединке. Конник также обладал большим преимуществом в рукопашной над тем, кто был вынужден пройти далекий путь нагруженным тяжелой ношей. Все сказанное неизбежно привело к введению боевых колесниц.

Некоторые исследователи придерживаются мнения, что колесницы изобрели ради закрепления преимуществ, приобретенных воином на колеснице за счет его возвышенного положения и доминирования над пешим противником. Однако из древних источников следует, что данная особенность была осознана далеко не сразу, поскольку вначале колесницы использовались только для транспортировки вождей и тяжеловооруженных воинов к месту схватки или встречи с врагом.

Приближаясь к врагу, воин бросал метательное оружие, а затем спускался на землю, чтобы вступить в рукопашную схватку, в то время как колесничий разворачивал колесницу к лагерю и ожидал поблизости вместе с лошадьми. Если же воин получал ранение или наталкивался на серьезное сопротивление, он изыскивал удобный путь к отступлению к колеснице, открытой с задней стороны, вскочив на которую такой воин безопасно отступал к собственным рядам.

Поскольку причиной использования колесниц послужило именно стремление получить превосходство над врагом, то очевидно, что ее форма начала быстро меняться, размеры увеличивались, появился парапет, на котором закреплялось метательное оружие. По этому поводу достаточно ясно высказался Гомер, который приводит множество примеров использования колесниц при осаде Трои.

В песни четвертой Илиады, рассказывая об Агамемноне, Гомер подробно описывает применение колесницы (перевод Н. Гнедича):

Пламенно к брани, мужей прославляющей, он устремился.
Коней Атрид с колесницею, медью блестящей, оставил;
Их браздодержец могучий держал недалеко, храпящих,
Муж Эвримедон, потомок Пираосов, сын Птолемеев.
Близко держаться Атрид заповедал, на случай, когда он
Члены трудом истомит, обходящий и строящий многих.

Роль колесничего ярко показана в следующем фрагменте пятой песни:

Мало Тидид отступив, впереди колесницы и коней
Стал и к Сфенелу воззвал, Капанееву храброму сыну:
«Друг Капанид, поспеши на мгновенье сойти с колесницы,
Чтоб извлечь у меня из рама горькую стрелу».
Так он сказал, – и Сфенел с колесницы спрыгнул на землю;
Стал за хребтом и из рама извлек углубившуюся стрелу.

Похоже что бои при осаде Трои не отличались организованностью и слаженностью. Богатые воины, как правило вожди, которые имели колесницы, находились на передней линии.

Худшие солдаты, в которых были менее уверены, были построены во второй линии, в то время как фаланга пеших воинов, составлявших основную боевую силу, находилась в третьей линии. Приблизившись к врагу, вожди прежде всего стремились ранить или убить своих противников, бросая копья с медными наконечниками.

Описание щита Аякса (седьмая песнь Илиады) позволяет сделать вывод, что он был покрыт семью слоями воловьей шкуры и, кроме того, обшит снаружи восьмым слоем меди. Главным вооружением воина на колеснице считалось копье, а меч рассматривался исключительно как вспомогательное оружие.

В описании битвы в последней части четвертой песни Илиады охарактеризован стиль сражения, и только один эпизод в этом описании четко показывает использование сабли и копья:

Пирос герой, Имбразид, к Илиону из Эны притекший.
Обе на голени жилы и кость раздробил совершенно
Камень бесстыдный, и навзничь, шатаясь, в прах Амаринкид
Грянулся, руки дрожащие к милым друзьям простирая,
Дух предающий; а тут прилетел поразивший фракиец,
Пирос могучий, и пику вонзил средь утробы; на землю
Вылилась внутренность вся, – и мрак осенил ему очи.
Пироса бурного пикой ударил Фоас этолиец
В перси, выше сосца, и вонзилась в легкое пика.
Быстро примчался Фоас этолиец; могучую пику
Вырвал из персей фракийца и, меч обнажив изощренный,
В чрево его посредине ударил и душу исторгнул.

Вернемся к седьмой песни, к бою между Аяксом и Гектором. Поединок начался с использования копий, затем воины метали друг в друга огромные камни и, наконец, сойдясь, стали сражаться своими мечами, пока их не остановили «глашатаи, вестники бога и смертных».

Пока продолжался этот бой, колесничие с обеих сторон приблизили свои колесницы,

готовые унести прочь под защиту лагеря или флангов тех воинов, кто устал или был ранен. Продолжая сражаться, воин отступил к колеснице, взобравшись, защищал тыл, в то время как возничий погонял лошадей, чтобы быстрее покинуть поле боя.

Критический момент, когда воин стремился забраться в колесницу, часто оказывался роковым. У Гомера описано много случаев, когда смерть застигала сражавшихся во время боя, так, в начале пятой песни Идомоней убивает Феста.

Мужа сего Девкалид копьеносец копьем длиннотенным
Вдруг, в колесницу всходившего, в правое рамо ударил:
В прах с колесницы он пал и ужасною тьмой окружился.

В то время колесницу использовали почти исключительно как средство быстрой транспортировки. У Гомера не встречаются эпизоды, где показано, что она использовалась как средство ведения боя, равно как нет описаний того, что лошадей использовали под седлом. В пятнадцатой песни Илиады Гомер иронически сравнивает героя с ездоком, перепрыгивающим с одного коня на другого. Данный пассаж показывает, что в то время искусство вольтижировки было практически неизвестно.

Амио утверждает, что колесницы, подобные упоминаемым Гомером, использовались в Китае уже в 2600 году до н. э. и что примерно в то же время использовали и кавалерию. Трудно все же сказать, насколько данное утверждение основывается на достоверных источниках. Как известно, китайцы страшно гордятся своей древностью, точно так же, как и некоторые уэльские дворяне гордятся своей родословной, утверждая, что происходят от Адама и Евы¹.

В Индии колесницы использовались в более отдаленные времена, чем осада Трои. В Египте также колесницы были в обиходе в XVIII веке до н. э. или более чем за пятьсот лет до Троянской войны. Когда Иосиф пользовался милостью фараона, тот позволил ему ехать на второй из своих колесниц, что свидетельствует об использовании колесниц в то давнее время. Таковы первые упоминания использования лошадей в истории.

Во время исхода людей Израиля из Египта «фараон запряг колесницу свою, и народ свой взял с собою; и взял шестьсот колесниц отборных и все колесницы Египетские, и начальников над всеми ими» (Исх., 14: 6, 7). «И погнались за ними Египтяне, и все кони с колесницами фараона, и всадники, и все войско его...» (Исх., 14: 9).

Обычно всадники, что упоминаются в связи с колесницами, скорее всего, оказывались и теми воинами, кто сражался на них и управлял лошадьми, но вовсе не всадниками в общепринятом значении слова.

Всадников нет на египетских памятниках, даже на тех, что относятся к позднему времени, в то время как колесницы изображают постоянно. Похоже что сказанное доказывает, что, когда колесницы стали постоянно изображать на памятниках, рельефах на папирусах, они только начали применяться в армии вместе со сражающимися и обслуживающими их воинами, а также пехотинцами. Однако не менее очевидно, что о коннице речь еще не идет.

Ведь очевидно, что, изображая действующие армии, художник изобразил бы все имевшиеся в его время роды войск. Вполне вероятно, что после того как поколения художников изображали армии только с колесницами и пешими воинами, выработались удобные правила, мешавшие представлять действительную картину и реальных всадников в течение многих лет после того, как их начали использовать.

До появления конницы слово «всадник» использовали для обозначения возничих, как единственных воинов, связанных с лошадьми, чтобы отличить сражавшихся на колесницах и

¹ Колесницы, технологию производства бронзы и многое другое в 3-м тысячелетии до н. э. принесли в Китай индоевропейцы. Возникла культура Яншао. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. ред.)

управлявших ими от пеших воинов. На это указывает их обозначение на иврите, применявшееся и для обозначения самих лошадей, безотносительно к их погонщикам или наездникам.

В то же время, вероятно, тем же самым словом стали обозначать настоящую конницу, когда она появилась. Оно применяется в поздних книгах Библии, где говорится о многочисленных случаях использования кавалерии. Но имеющиеся источники показывают, что во времена Моисея кавалерии не существовало.

Колесницы изображены на ассирийских рельефах, когда же начали использовать конницу, она также появилась на рельефах. Вряд ли конница могла существовать в Древнем Египте, если не осталось никаких явных свидетельств этого, особенно если мы вспомним, какими подробными являются рельефы и живописные изображения, оставленные египтянами².

Невозможно установить с определенной точностью, когда же впервые начали применять колесницы, хотя самым первым историческим свидетельством считается описание в Книге Бытия. В Книге Бытия (41: 43) говорится об их применении.

И Вергилий, и Плиний приписывают изобретение колесницы Эрихтонию, четвертому правителю Афин, который, как полагают, умер в 1437 году до н. э., но сказанное противоречит завещанию Моисея, что позволяет отнести их использование к 1715 или 1491 году до н. э.

В 1444 году до н. э. ханаанеи также использовали железные колесницы. Сирийцы применяли их в сражении против царя Давида в 1037 году до н. э.

Ассирийцы применяли военные колесницы уже при правлении Тиглатпаласара I³, жившего примерно в 1120 году до н. э.

Первые изображения этих колесниц показывают, что сначала они оставались небольшими и приземистыми, колеса состояли сначала из четырех, затем из шести спиц. Обычно в них запрягали две, иногда три лошади, но никогда четыре. Чаще третью лошадь привязывали за повод справа или слева, чтобы использовать как запасную вместо убитой или искалеченной.

В колесницах почти всегда, например, ассирийцы использовали лук и стрелы, находившиеся в двух колчанах, размещенных справа и слева снаружи корпуса, поднимавшегося не более чем на три фута (0,9). Кроме лучника на колеснице находился возничий, управлявший лошадьми. Знатного воина сопровождал помощник, державший щит, защищавший стрелка во время стрельбы. В некоторых случаях, когда речь шла о правителе или военачальнике, занимавшем высокий пост, на колеснице находились два стражника, защищавшие его с каждой стороны круглыми щитами.

В специальном креплении на одной из сторон колесницы также располагалось копье, использовавшееся как дополнительное оружие.

Как правило, воины стреляли из луков с колесниц, но иногда спешивались и переходили к головам лошадей, чтобы повысить меткость выстрела. Тогда помощник также спешивался и защищал вождя небольшим круглым или обычным щитом.

В поздних колесницах колеса были гораздо больше, а ее пол располагался примерно в футах (0,3 м) над осью, так что вождь, возвышавшийся над полем сражения, обладал преимуществом над любым противником, нападавшим на него с земли. У воина также имелся небольшой меч, висевший на ремне под его левой рукой, но он никогда не изображался ни с ним, ни с копьем, всегда находившимся у него под рукой.

Исаия описывает ассирийцев своего времени (760 г. до н. э.): «Стрелы его заострены, и

² Особенно массовым было применение колесниц хеттами – в битве при Кадеше в 1312 (или 1282 г.) до н. э. они задействовали 2500 боевых колесниц.

³ Тиглатпаласар I – царь Ассирии ок. 1114 – ок. 1076 до н. э.

все луки его натянуты; копыта коней его подобны кремню, и колеса его – как вихрь» (Ис., 5: 28). Любопытно сравнение копыт с кремнем, что говорит о том огромном значении, которое придавали звонким копытам в тот век, когда еще не изобрели подковы.

Ксенофонт в «Киропедии» рассказывает, что ассирийцы использовали свои колесницы на передней линии иногда точно так же, как и во время Троянской войны, воины спешивались и сражались как стрелки в цепи пешими впереди армии. Очевидно, что они использовали луки и стрелы.

Приблизившись к врагу, они снова взбирались на колесницы и возвращались к собственным линиям. Пешие лучники, копьеносцы и пращеносцы тогда выпускали свои метательные снаряды в приближающегося врага, и, наконец, тяжеловооруженная пехота, составлявшая основную ударную силу армии, принимала участие в ближнем бою.

Кир II Великий, царь Персии с 559 года до н. э., был одним из первых военных реформаторов, и если следовать за описанием его жизни, приводимым Ксенофонтом, то следует сделать вывод, что военное искусство во многом продвинулось вперед благодаря его мудрым усовершенствованиям.

Народы Мидии, Сирии, Аравии и других частей Азии использовали подобные приемы точно так же, очевидно, что их воины производили ряд стычек перед основной армией, шедшей сзади. Такие легковооруженные воины использовали только метательные орудия, но никогда не подходили к противнику на близкое расстояние и отступали, когда вступала в бой вооруженная копьями тяжелая пехота.

Уже описывалась Троянская война, где применялись колесницы, оба метода сохранились и продолжали использоваться во времена Кира II.

Похоже что Кир II стал первым, кто использовал массу и скорость лошади и колесницы как ударную силу. Он придерживался мнения, что даже храбрейшие воины на колесницах, лучшие в его армии, действуя на расстоянии как стрелки, не вносили по-настоящему существенного вклада в победу. А ведь 300 колесниц требовали 300 сражающихся (не считая возниц) и 1200 лошадей.

Поэтому Кир II изменил тактику их использования и изобрел новый вид колесницы с прочными и устойчивыми колесами, которые практически нельзя было сломать, и длинными осями, чтобы помешать им переворачиваться. Место для возничего представляло собой башенку, изготовленную из прочного дерева, так что он мог управлять лошадьми с сиденья и был защищен доспехами, доходившими до его локтей.

С каждой стороны к колесному валу были прикреплены стальные лезвия около метра в длину, еще одни, расположенные ниже, были повернуты к земле, явно для того, чтобы помешать врагу спастись, бросившись на землю, когда колесница проходила мимо.

Лошадей также одели в доспехи, защитив переднюю часть, грудь и бока, так что колесница стала напоминать машину, предназначенную для того, чтобы пробиться через линию врага и вызвать потери и смятение в его рядах.

В битве при Сардах в 546 году до н. э. Кир располагал 300 колесницами, оснащенными лезвиями. Они сослужили хорошую службу.

Как отмечает Ксенофонт, они одновременно яростно обрушились на огромные массы врага, за ними тесно следовала пехота, рубившая тех, кого разбросали колесницы. Успех нововведения оказался настолько существенным, что подобные колесницы продолжали использовать многие поколения персидских царей.

Древние британцы также использовали военные колесницы против римлян. Они направляли их против своих врагов, бросали копья, стремясь пробить их ряды. Когда они спешивались и сражались как пехота, возницы отводили колесницы на метр, размещая их в досягаемости от хозяев, держа наготове, чтобы те могли быстро ими воспользоваться.

Высказываясь о них, Цезарь замечает: «Эти варвары соединили подвижность конницы с устойчивостью пехоты. Благодаря ежедневному опыту и упражнению они достигают умения даже на крутых обрывах останавливать лошадей на всем скаку, быстро их задерживать и поворачивать, вскакивать на дышло, становиться на ярмо и с него быстро

спрыгивать в колесницу», отдавая должное их военному искусству⁴.

Геродот упоминает об африканском народе завесов, примыкавшем к максийским ливийцам, обычно использовавшим для управления колесницами женщин.

Часть первая. С древнейших времен до падения Западной Римской империи

Глава 1. Конница в древнейшие времена

Скифская и ассирийская конница

Невозможно установить период, когда впервые начали использовать конницу в современном значении этого слова. Однако она не была известна в Греции во время Троянской войны (традиционные даты осады Трои 1194–1184 гг. до н. э.) или когда о ней писал Гомер, иначе бы отдельные сведения появились в его сочинениях. В Библии также какие-либо достоверные упоминания о ней отсутствуют вплоть до времен Давида (ок. 1000 до н. э.). Однако когда писал Геродот (ок. 484 – ок. 425 до н. э.), конница использовалась разными народами Азии⁵, причем в течение длительного времени.

Большинство авторов сходятся во мнении, что всадники, сражавшиеся как конные воины, появились примерно спустя 120 лет после Троянской войны, хотя и эта дата достаточно условна.

Скорее всего, хотя исторические свидетельства данного факта и не сохранились, первыми начали использовать лошадей для езды скифы. Ведя кочевой образ жизни на огромных равнинах⁶, где лошади были в огромных количествах, а климат и земля способствовали их росту и обеспечивали пищей, кормясь за счет своих табунов и стад, скифы достаточно рано начали использовать лошадей для езды. Как только обычай привился, так за весьма короткое время он и распространился, так что вскоре весь народ привык практически с рождения находиться на спинах лошадей⁷.

Скифы настолько искусно обращались с лошадьми и привыкли к верховой езде, что чужеземцы даже отождествляли их с конями. Еще не зная, что человек действительно способен ездить на лошадях, греки придумали историю о кентавре, увидев всадников, которых ошибочно приняли за полулюдей-по-лулошадей. Возможно, данный образ отражает естественный страх пешей нации при встрече с теми, кто постоянно находился на спине лошади. Похоже, что скифы вообще не использовали колесницы во время военных действий, все свидетельства, скорее, указывают на них как на самую первую нацию, применявшую лошадей. Правда, Амио⁸ все же отдает пальму первенства китайцам.

Оружием скифов были в основном луки и стрелы. Как отмечает Геродот, наконечники стрел делались из меди или бронзы. Хотя Аммиан Марцеллин, описывавший скифов спустя 800 лет, говорит, что наконечники делались из кости, кроме луков и стрел скифы

⁴ Однако колесницы британцам в столкновении с легионами помогли мало. Конница, а затем пехота римлян обращали британцев в бегство.

⁵ Она использовалась также и народами Европы.

⁶ А также на горных пастбищах Кавказа, Алтая, Саян и др.

⁷ Женщины с детьми помещались в повозках типа кибиток.

⁸ Амио Жак (1513–1593) известен своим переводом «Жизнеописаний» Плутарха.

использовали копья, ножи⁹ и боевые топоры. Скифы носили бронзовые нагрудники, считались хорошими лучниками и превосходными наездниками.

Скифы яростно сражались, без всякого установленного порядка, обычно нападали группами треугольной формы, издали засыпая противника стрелами, и редко, если вообще когда-либо, вступали в рукопашную схватку. Таким образом они изматывали своих противников, истощая их силы, и избегали сокрушительного удара. У них не было никакой специальной военной организации, а военными действиями руководили самые искусные вожди.

Недавно обнаруженные ассирийские таблички и надписи, а также тщательное изучение барельефов и других памятников скульптуры во многом проливает свет на раннюю историю ассирийцев, равно как и на их обычаи и образ жизни. Эти открытия позволяют нам с большой точностью показать происхождение и развитие конницы. Они тем более интересны, что являются практически единственным источником сведений о раннем этапе развития этого рода войск.

Похоже что в Ассирии конница появилась незадолго или во время правления Тиглатпаласара I, взойшедшего на трон около 1120 года до н. э. или вскоре после Троянской войны¹⁰. Сказанное подтверждается тем фактом, что в длинной надписи, посвященной этому событию, кавалерия не упоминается, но много говорится о колесницах.

В рельефах и скульптурах времени правившего позже (с 885 г. до н. э.) Ашшурнасирпала также немало изображений колесниц, но рядом с ними появляются и всадники, что говорит о том, что это был новый вид войск, значение которого не понимали и практически не использовали.

Позже, на изображениях времени правления Саргона II (722–705 до н. э.) и Синахериба (705–680 до н. э.), численность конницы во многом возросла, она постоянно изображается в батальных сценах, тогда как колесницы используют только правитель и некоторые представители высшей знати.

В это время лошади для кавалерии снаряжались весьма своеобразно, на них были недоуздок, хомут и крестовик, сбруя оставалась практически такой же, как и у лошадей, запряженных в повозку. Для управления лошадью использовали ремennую уздечку с украшениями. Искусно отделанный хомут охватывал шею лошади посередине. На него навешивали плоды гранатового дерева и кисточки. Интересно, что первые конники ездили без седел.

Странно, что для кавалерийских лошадей использовали такую же упряжь, как и в колесницах, например хомут, вовсе не нужный всаднику. Возможно, так происходило потому, что, желая перемещаться по земле, там, где колесницы не проходили, воины отпрягали лошадей от повозки и садились на них верхом. Вероятно, так поступали и для того, чтобы преследовать убежавшего врага по неровной местности.

Примечательны и ранние изображения посадки всадника – колени подняты вровень со спиной лошади, тесно прижаты к бокам лошади, бедра, ноги и ступни обнажены. Ясно, что верховая езда и седлание коня еще не вошли в обиход и еще не выработана правильная и естественная посадка. Рассмотренная кавалерия и представляет самых первых конных воинов.

Сказанное подтверждается тем фактом, что всадник, использовавший в качестве основного оружия лук, сопровождался помощником на лошади, не имевшим доспехов и одетым лишь в шлем и тунику. Он должен был удерживать лошадь стрелка во время

⁹ Короткие, 40–60 см, мечи акинаки.

¹⁰ Тиглатпаласар I правил ок. 1114–1076 гг. до н. э., а Троянская война была существенно раньше, в 1194–1184 гг. до н. э.

стрельбы из лука¹¹.

Все это подтверждает высказанное нами предположение, что лошадей в то время, возможно, распрягал из колесницы ехавший на одной из них солдат. В обязанности колесничего входило управление лошадьми, на одной он и ехал, направлял же и управлял обеими. Скорее всего, искусство верховой езды находилось в младенческом возрасте, и мы постарались представить его особенности. Стрелок, одетый в расшитую тунику и остроконечный шлем, кроме своего лука, носил также меч и щит, однако нам не известны изображения применения этого оружия.

В следующий период конница претерпела множественные изменения. Прежде всего, появились два ее вида: одна состояла из лучников, другая из копейщиков, соответственно изменились и приемы верховой езды. В качестве седла стали использовать квадратную подушку или покрывку, по форме близкую к современному седлу. Она обычно крепилась с помощью одной подпруги, иногда применялся грудной ремень и подхвостник. Богатый орнамент покрывал оголовье уздечки и кожаный нагрудник.

На поздних скульптурах обозначены явные улучшения в сиденьях для возничих, седла стали более точными и изящными, во многом улучшилось и управление лошадьми, так что помощники больше не видны, хотя они и контролировали передвижение. Копейщики держат поводья в левой руке, а копьё в правой, в то время как конный лучник смело бросает свои поводья и выпускает стрелы. Очевидно, что лошадей приучали стоять спокойно или продолжать движение без направляющей силы уздечки.

Иногда изображался хомут, иногда он отсутствует, похоже что он начинал использоваться, как мы уже предполагали. Хотя лошадей в ряде случаев выпрягали из колесниц, первоначально хомут оставляли по привычке. Если украшали, то делали это весьма пышно.

Изменилась и одежда всадника. Они облачались в туники, украшенные бахромой, широкий пояс охватывал талию, иногда у них был короткий меч. На всаднике были плотно прилегавшие штаны и обувь на шнурках. Завершалось одеяние остроконечным шлемом.

Руки от локтей ничем не прикрывались.

Позже, в правление Синаххериба, в 705–680 годах до н. э., конников Ассирии одели в кольчугу¹², покрывавшую все тело, кожаные штаны и сапоги выше колен и защитный шлем. Такое одеяние носили как лучники, так и копейщики.

Лучники использовали луки длиной примерно четыре фута (1,2 м), они стреляли стрелами примерно длиной в три фута (0,9 м), которые носили в колчане на спине. Иногда у копейщика имелся лук, свисавший с плеча как дополнительное оружие, на тот случай, если копьё сломается.

В правление Асархаддона (680–669 до н. э.) лошади стали защищаться большой попоной, прикрывавшей заднюю часть лошади, ее грудь и спину. Она делалась из толстого войлока и хорошо защищала от стрел и камней.

Геродот пишет, что царь Мидии Киаксар первым построил «азиатов в колонны, разделив их на копейщиков, лучников и кавалерию».

Царь Киаксар умер в 585 году до н. э., процарствовав (с 625 г. до н. э.) 40 лет. Но, судя по изображениям, различные виды войск появились в ассирийской армии примерно за сто лет до него, в царствование Синахериба, если только не раньше. На скульптурных рельефах его времени представлены изображения кавалеристов в походе, их сопровождают подразделения пехоты. Те схватки, в которых только конница сражается с врагом, выглядят как длинный ряд копейщиков,двигающихся двойной линией. Иногда они делятся на

¹¹ Самые ранние седла (без стремян) появились лишь во второй половине 1-го тысячелетия до н. э.

¹² Защитное вооружение ассирийцев – доспех из мелких пластинок (обычно бронзовых), связанных между собой.

отдельные группы, тогда лучники перемещаются вместе, тоже группами, каждая из них отличается собственной формой. Показаны также копьеносцы, они одеты и вооружены точно так же.

Персидская конница

По мнению Ксенофонта, персидскую кавалерию учредил Кир II Великий, проводший глубокое преобразование своей армии. Он хотел получить военную силу, способную не только быстро сокрушить врага, но и преследовать его при отступлении, для чего и организовал конные войска.

Первоначально он использовал подвижную конницу не столько для атаки, сколько для рассеяния построения противника и отрезания пути к отступлению после того, как пехота сокрушит основную массу вражеских войск. Для этого Кир защитил людей и лошадей нагрудными доспехами, мечами, а также копьями, которые они могли метать или применить в ближнем бою. У его людей не было ни луков, ни дротиков для поражения противника на расстоянии, то есть фактически они представляли собой тяжеловооруженную армию из уланов, обученных сражаться врукопашную. Из них были составлены эскадроны по сто всадников по фронту и восемь в глубину.

Во время битвы при Сардах Кир поостерегся выпустить своих конников против лидийских кавалеристов Креза, весьма искусных в использовании длинного копья и управлявших своими лошадьми с необычайной сноровкой. Для усиления он собрал всех верблюдов, которые находились в его армии для перевозки провизии и грузов, посадив на них воинов в обмундировании кавалерии.

Затем Кир построил их на первой линии, велел пехоте следовать за ними. Только что организованная кавалерия расположилась за пехотой, продемонстрировав, что он еще не решался полностью полагаться на всадников. Благодаря данному построению лошади лидийской кавалерии возбудились от вида и запаха верблюдов, начав крутиться и беспокойно разбегаться. Лидийцам пришлось спешиться и, хотя они храбро врубались в ряды пехоты Кира, после тяжелой борьбы потерпели поражение.

В своем описании сражения Ксенофонт отдает должное персидской коннице, но приведенное выше описание, которое точно следует за текстом Геродота, выглядит более достоверным.

После Кира конница превратилась в значимую составляющую персидской армии. Она была тяжеловооруженной – как люди, так и лошади были защищены железными и бронзовыми доспехами и так нагружены, что с трудом смогли поспевать за более легковооруженными всадниками.

По примеру ассирийцев персы спутывали своих лошадей по ночам. Такая пагубная привычка делала их беспомощными в случае внезапного нападения, требуя сооружения укреплений вокруг лагеря.

Когда Ксеркс в 480 году вторгся в Грецию, он имел в своей армии 80 тысяч кавалеристов, не считая верблюдов и колесниц. Среди них оказались и 8 тысяч саргатов, представителей кочевого народа персидского происхождения, вооруженных только арканом и кинжалами. Они обычно сражались, бросая с расстояния аркан, а запутав врага, тащили его на себя и тотчас убивали кинжалом.

Мидийская конница имела чешуйчатые доспехи с нарукавниками. У мидян были небольшие щиты, изготовленные из ивняка, короткие копья, длинные луки и стрелы, короткий меч размещался над правым бедром. Точно так же были вооружены конники из Элама.

Кавалерия, набранная из каспиев, носила короткие накидки из козлиных шкур, имела луки и кривые мечи. Одетые в кожаные одеяния ливийцы использовали копья, закаленные в огне, и передвигались на колесницах. Арабы с длинными луками на правом плече и в стяннутых поясом одеждах ездили на верблюдах и располагались позади и в стороне от

остальной конницы, чтобы не пугать лошадей.

В той войне конница использовалась, как и в более поздние времена: в сражении у горы Киферони, затем в битве при Платеях (479 г. до н. э.), перед сражением персидскую кавалерию разбивали на эскадроны. Военачальник Масистий в золотых доспехах возглавлял передний отряд.

Когда он упал, его воины, пытаясь вернуть тело, подбадривая друг друга, бросили лошадей вперед, и произошла острая рукопашная схватка.

Осознав преимущества сражения небольшими отрядами, командование персидской кавалерии весьма эффективно использовало их метательное оружие, чтобы изнурять и утомлять врагов.

Накануне битвы при Платеях Мардоний отправил конных лучников, чтобы те напали на армию греков. Они ехали верхом, пуская стрелы и бросая копья, однако вовсе не стремились переходить к ближнему бою.

Действия персидской кавалерии породили сильное беспокойство среди греков, побудив их переменить позицию, и, скорее всего, и стали причиной начала битвы при Платеях 26 сентября 479 года до н. э.

Примерно сто лет спустя, когда Ксенофонт служил в Персии под руководством Кира Младшего, колесницы с лезвиями-косами продолжали использоваться, равно как и тяжелая и легкая кавалерия. Командующие или нижестоящие военачальники использовали как колесницы, так и верховых лошадей.

Сам Кир Младший ехал на колеснице, а когда ему сообщали, что враг приближается, он тотчас соскакивал, надевал доспехи и, взобравшись на лошадь, брал в руку копье, а затем отдавал своему войску приказ строиться в боевой порядок.

В распоряжении Кира Младшего было 600 всадников, выполнявших обязанности телохранителей, все имели латы, включая защиту ног, и шлемы, лошади также имели защиту на голове и груди. В руках у всадников были мечи.

Во время битвы при Кунаксе в 401 году до н. э. вместе с этими 600 вооруженными конниками он выступил против 6 тысяч воинов, расположившихся перед царем Артаксерксом, обратил их в бегство и лично убил их командующего Артагерза. Очевидно, что сражение происходило как рукопашный бой.

Тисаферн, командовавший в этом сражении конницей Артаксеркса, попытался пробиться вместе со своими конниками через греческих пелтастов. Те разомкнули свои ряды и, окружив всадников, рубили их мечами и забросали копьями. Сказанное свидетельствует о храбрости конников в рукопашном бою.

После гибели Кира Младшего, как пишет Ксенофонт, 10 тысяч греков, в составе которых не было конницы,несли урон от персидских всадников. Держась на безопасном расстоянии, персидские стрелки, лучники и другие бросали свое метательное оружие в тяжеловооруженных греков. Если же те нападали на них, то персы быстро отступали, стреляя назад, оборачиваясь во время движения.

Ксенофонт сформировал небольшой конный отряд из вьючных лошадей. Конников обеспечили кожаными нагрудниками, они оказались необычайно полезными во время отступления¹³.

В войне между Дарием III и Александром Великим персы сохраняли военные колесницы, хотя похоже, что они во многом утратили свою эффективность благодаря искусству ведения боя воинами Александра. Конница была многочисленной, состояла из тяжеловооруженных всадников, сражавшихся мечами и копьями, и легкой конницы, применявшей луки со стрелами и дротики, успех последней во многом определялся неожиданностью нападения, чтобы она смогла нанести удар противнику метательным

¹³ Им удалось с боями за 1 год и 3 месяца пройти около 4 тысяч километров, выйти в 400 г. до н. э. к Черному морю и оттуда возвратиться в Грецию.

оружием.

Глава 2. Греческая конница

Афинская и фессалийская конница

Греки были далеко не первым народом, использовавшим на войне конницу. Нехватка пастбищ и гористый характер страны, общая неприиспособленность к использованию лошадей привели к тому, что сила греческой армии определялась действиями пехоты. В течение длительного периода конница у греков использовалась весьма ограниченно, не так, как это было в ранний период у скифов, персов и ассирийцев.

Самой ранней из упоминаемых в литературе войн с участием Греции была война семерых вождей против Фив в 1225 году до н. э., но она явно носит мифический характер, поскольку в ее описаниях нет практически никакой информации. Как бы то ни было, конница в тот период еще не использовалась.

Следующей по времени войной, о которой имеются исторические источники, стала осада Трои, происходившая сорок лет спустя, в 1194–1184 годах. Гомер приводит весьма полное и детальное описание этой войны, подробно рассказывая о вооружении и тактике ведения военных действий в то время. Он откровенно говорит о том, что, хотя греческие вожди использовали боевые колесницы, как и их противники, настоящая конница как военная сила не была известна обоим сражающимся армиям.

Наиболее правдоподобно предположение, что изобретение военной колесницы принадлежит жителям Малой Азии или Египта¹⁴, от которых его унаследовали греки, подражавшие им. Геродот выразительно пишет о том, что греки научились у ливийцев запрягать в повозку четырех лошадей.

Без сомнения, первыми в Греции кавалерию начали использовать фессалийцы, возможно, задолго до того, как она получила широкое распространение в этой стране. Фессалийские равнины с множеством пастбищ, мягкий климат и плодородная земля необычайно подходили для выращивания лошадей, поэтому в этой провинции они оказались более многочисленными и выносливыми, чем в большинстве других. Вергилий пишет о том, что лапифы (лапиты), жившие в Фессалии, первыми сели на лошадей, стали использовать узду и поводья, тренировать лошадь на круге и обучать вооруженного всадника прищипывать ее.

Естественно, что и другие народы обратились к примеру фессалийцев, чтобы обеспечить свои армии во время войны такой же конницей. Мы знаем, что, когда Писистратиды свергли правительство Афин и изгнали Алкмеонидов, последние воспользовались помощью лакедемонян, отправивших большую армию через море, чтобы напасть на Афины.

Услышав о готовившемся вторжении, Писистратиды обратились за поддержкой к фессалийцам и получили тысячу всадников. Полагаясь в основном на эти войска, афинские тираны очистили Фалерскую равнину от местных жителей, приспособив ее для действий конницы. И когда лакедемоняне высадились, против них бросили фессалийских наемников.

Фессалийцы атаковали храбро, убили многих спартанцев, включая и их предводителя царя Анхимолия, заставив уцелевших спастись на своих кораблях. Так закончилась первая экспедиция. Во время второй попытки, произошедшей некоторое время спустя, удача оказалась на стороне лакедемонян, они нанесли поражение фессалийской коннице, потерявшей около сорока человек убитыми, после чего, упав духом, она тотчас вернулась в

¹⁴ Легкая боевая колесница-двуколка была изобретена на юго-востоке Малой Азии и в Северной Сирии в начале 2-го тысячелетия до н. э.

Фессалию. С того времени фессалийская и фракийская конница постоянно принимает участие в войнах в Греции вплоть до времени Александра, который из уроженцев Фессалии и Фракии набирал, наверное, самые лучшие кавалерийские части своей армии.

Плутарх утверждает, ссылаясь на Филостефана, что первым организатором кавалерии в Спарте стал Ликург, что он сформировал из них подразделения по пятьдесят человек, строившиеся четырехугольниками. Другое его утверждение, что Деметрий Фалерский¹⁵ заявлял, что кавалерия Ликурга не имела военного применения, ибо в то время Спарта пребывала в состоянии мира, представляется сомнительным. Сказанное подтверждает свидетельство Ксенофонта в его «Трактате об управлении Лакедемонией», где он утверждает, что Ликург разделил армию на кавалерию и тяжеловооруженную пехоту, создав по шесть отрядов в каждом из видов войска.

Спустя 60 лет после Ликурга, в 743 году, во время Первой мессенской войны, конница уже использовалась. Как отмечает Павсаний, и у спартанцев и у мессенцев было по пятьсот всадников и легковооруженные воины.

Во время одной из битв тяжеловооруженные фаланги обеих сторон оказались разделены ручьем и не могли начать бой, не нарушив строй, отчего сражение вели только конница и легковооруженные войска.

В другом сражении, как он говорит, кавалерия с обеих сторон оставалась весьма малочисленной и не совершила ничего примечательного. Павсаний добавляет, что в это время жители Пелопоннеса еще не были искусными наездниками, что, вероятно, обуславливает тот факт, что в заключительной битве у подножия горы Итома (Ифома) никакой конницы с обеих сторон не было вовсе.

У древних греков верховая езда не пользовалась популярностью, поэтому они практически не уделяли внимания своей кавалерии, и эти войска практически отсутствовали в армиях греческих государств. Состоятельные граждане, которые были обязаны служить в качестве конных воинов, обычно предпочитали заменять себя наемниками, а сами шли в тяжелую пехоту.

Основной своей силой греческие государства считали фаланги тяжеловооруженной пехоты (гоплитов), и, хотя они нередко терпели поражение из-за недостатка конницы, все же в течение длительного времени не ликвидировали этот пробел. Греки пытались обеспечить необходимую помощь фаланге с помощью легковооруженной пехоты, использовались дротики, пращи, луки и стрелы. Хотя количество лучников никогда не было значительным, в сражении они всегда оказывались полезными.

Появившиеся наконец небольшие подразделения кавалерии не приносили почти никакой пользы. Всадники не были собственниками лошадей, на которых ездили, и поэтому вполне можно утверждать, что плохо ими управляли и недостаточно умело использовали свое оружие, находясь на чужих лошадях.

Следовательно, когда греки выпускали свою кавалерию на поле сражения, она обычно уступала противнику как в количестве, так и в дисциплине, ее нельзя было разделить на два фланга, соответственно ее размещали на одном фланге или спереди, готовой к действиям. Чаще же ее оставляли в тылу в качестве резерва. Подобную методику греки использовали начиная со Второй мессенской войны и вплоть до вторжения персов при Ксерксе. Фессалийцы остались единственным народом, который использовал конницу, и только у них служба в кавалерии пользовалась предпочтением перед пехотой.

В решающей битве при Марафоне (13 сентября 490 г. до н. э.), определившей судьбу первого вторжения персов, Афины имели 10 тысяч тяжеловооруженных пехотинцев. Их союзники платейцы, числом в тысячу, были вооружены сходным образом. Таким образом, у греков не было ни кавалерии, ни лучников. В распоряжении же персов находилось много конных воинов и лучников.

¹⁵ Деметрий Фалерский (350–283 до н. э.) – афинский (и не только) государственный деятель и философ.

Мильтиад постарался как можно лучше защитить свое войско от персидской конницы, понимая ее значение в бою. За счет ослабления центра он вытянул боевую линию в длину так, что фланги ее оказались прикрытыми поросшими лесом и кустарником склонами холмов, где вражеской коннице, обычно действовавшей на флангах, было не развернуться. Кроме того, Мильтиад приказал преодолеть расстояние в 100–150 метров, с которого персы начали осыпать греков градом стрел из луков, камней из пращей, бегом, а не медленным шагом. Это было сделано, чтобы ошеломить врага, а также чтобы успеть нанести удар прежде, чем развернется кавалерия персов. Когда греческие фланги начали сходиться (в центре персы и мидяне сумели даже прорвать строй фаланги), персы не выдержали и бросились отступать к своим кораблям.

Как уже отмечалось, Мильтиад защитил свои фланги, растянув фалангу и используя характер местности. Быстрая атака его пехоты не позволила персидской коннице соответствующим образом действовать.

Скорее всего, в битве при Фермопилах греки также не использовали кавалерию, однако у Ксеркса имелось 80 тысяч всадников, а также 20 тысяч ливийцев и арабов, применявших колесницы и верблюдов. Геродот пишет о том, что греки предпочли ожидать захватчика в Фермопильском проходе, заранее рассчитав, что варвары «не смогут воспользоваться ни своей численностью, ни кавалерией».

После возвращения Ксеркса в Персию, когда греки прошли через Истм (Коринфский перешеек), чтобы атаковать Мардония (командующего персидскими силами, оставленными Ксерксом в Греции), не встречаются упоминания о каком-либо использовании кавалерии в греческой армии. Персы же не только располагали многочисленной собственной конницей, но и их союзники фиванцы обзавелись кавалерией, оказавшейся весьма результативной. Она сослужила свою роль как в стычках до битвы при Платеях, так и в ходе отступления персидской армии.

Трудно объяснить, по какой именно причине в составе греческой армии не было конницы, в то время как те из греческих полисов, кто присоединился к персам и сражался в составе их войска, выставили конные отряды, причем воинов весьма искусных в обращении со своими лошадьми и оружием. Наверное, сказанное следует объяснить особой убежденностью греков в силе тяжеловооруженной пехоты, и поэтому для решающих битв, как, например, при Фермопилах, применялась только тяжеловооруженная пехота.

Возможно и другое объяснение, основанное на том факте, что греки, бывшие в союзе с персами Мардония, выставя свою кавалерию, понимали, что персидская конница настолько многочисленнее и искуснее, что небольшой отряд всадников, который могли выдвинуть противостоящие персам греки, не смог бы реально противодействовать им. В этом случае грекам пришлось бы сражаться с персидской конницей в одинаковых условиях, то есть благоприятных для действий конницы, на ровных просторах, что при разнице в численности и опыте было бы выгодно только персам.

Сосредотачивая свои усилия на формировании и оснащении мощной пехоты, греки понимали, что станут располагать армией, не обремененной всадниками и способной действовать везде. Сражаясь в гористой, пересеченной местности, они смогут нейтрализовать преимущества персидской армии в силе их прекрасной конницы. Практика вполне подтверждает эту догадку. Мардоний ушел из Аттики, потому что она не подходила для его кавалерии, и переместился в Фивы, где местность позволяла использовать его конницу. Сказанное говорит о том значении, которое он ей придавал.

Греки переместились из Элевсина к подножию горы Киферон и построились здесь, стремясь не выходить на равнину. Мардоний отправил свою кавалерию под предводительством Масистия, чтобы он напал на мегарцев, которые единственные из греков, численностью в 3 тысячи человек, удерживали передовой форпост на равнине. Вскоре мегарцы получили подкрепление в виде большого количества греческой пехоты.

Геродот говорит, что персы атаковали греков эскадронами и нанесли им большие потери. Во время боестолкновения был убит Масистий, и сражение развернулось вокруг его

тела. Атаковавшую кавалерию жестко встречала тяжеловооруженная пехота. Контратаковав конницу, она отбросила ее и отбила тело мертвого военачальника персов. Ничто не отражает лучше великолепные качества греческой пехоты, чем то, что позволило им отразить натиск лучшей конницы своего времени.

Персидская кавалерия действовала весьма энергично и напористо, что полностью соответствовало задачам этого рода войск и приводило к эффективному результату. Грекам в это время были направлены большие пополнения, а также запасы продовольствия через проходы от Киферона к Платеям.

Ночью Мардоний направил часть своей конницы в обход к этим проходам, надеясь нанести удар по вражеским коммуникациям. Выбравшись на равнину, всадники натолкнулись на конвой в пятьсот вьючных животных, перевозивших провизию из Пелопоннеса в распоряжение греческой армии. Персы тотчас напали и захватили конвой, убив или пленив сопровождающих, а также и большое количество животных, после чего увели оставшихся в свое распоряжение. Возможно, перед нами одно из первых подтверждений использования кавалерии, организованной таким образом, что она смогла действовать в тылу врага.

Конные лучники персидской армии сильно беспокоили греков. Они изматывали их тем, что на полном скаку пускали стрелы и метали дротики, избегая ближнего боя. Эта конница отсекла греков от реки Азоп, так что они стали испытывать серьезную нехватку воды. Воины, посланные в Пелопоннес за продовольствием, также были отрезаны кавалерией и не смогли достичь лагеря. В течение некоторого времени они оставались в весьма сложном положении и наконец решили переправиться на остров на реке Азоп, где надеялись найти защиту от атак кавалерии. Чтобы избежать столкновения с вражеской конницей, греки совершили марш ночью. Эти события завершились битвой при Платеях, закончившейся убедительной победой греков.

Беотийская (фиванская) кавалерия сослужила прекрасную службу персам, способствуя их отступлению. В конце фиванская кавалерия сразилась в бою с всадниками из Мегар и Флиунта, которые пришли, чтобы присоединиться к греческой армии, и выступили вместе с ней. Геродот пишет о том, что фиванцы убили их порядка шести сотен, заставив остальных искать укрытия на горе Киферон. Описание дает представление об этой яростной атаке.

В этой войне греки ощутили настолько сильную потребность в эффективных действиях кавалерии, что на первом народном собрании афинян после отступления персов Аристид предложил выставить 10 тысяч человек пехоты, 1 тысячу конников и 100 боевых кораблей, чтобы те смогли участвовать в войне против варваров.

После этого греческая конница поднялась на должную высоту и смогла проявить себя во время следующей большой войны, которая подробно и детально описана в дошедших до нас источниках, – в Пелопоннесской войне. К началу боевых действий у афинян было 13 тысяч тяжеловооруженных пехотинцев, кроме размещенных в гарнизонах, и 16 тысяч воинов, защищавших Афины. «В их распоряжении было также 1200 всадников, 1600 лучников и 300 триер, пригодных для плавания по морю», – пишет Фукидид¹⁶.

Кавалерия не отличалась особыми достижениями, ведь во время двух боев, произошедших за первые два года войны, она потерпела поражение и была заперта в Афинах.

На третий год войны в битве, произошедшей под стенами города Спартол в Халкидики, тяжеловооруженная пехота афинян нанесла поражение тяжеловооруженным халкидонянам, заставив их отступить в город. Легковооруженные и конные халкидоняне воспользовались своим преимуществом над конницей и легкой пехотой афинян и во время последовавшего отступления нанесли афинской армии значительный урон своим метательным оружием, не

¹⁶ Всего Афины и их союзники к началу войны имели в сухопутных силах свыше 40 тыс. чел., но для полевых действий только 13 тыс. гоплитов, 1200 всадников и 1600 лучников. Сухопутные силы Спарты и ее союзников насчитывали 60 тыс.

приближаясь на близкое расстояние.

Сказанное доказывает, что к описываемому времени афинская кавалерия не пользовалась никаким уважением и не смогла соперничать с конниками Македонии или Фессалии.

На седьмой год Пелопоннесской войны у афинян появились транспортные суда, в основном предназначенные для перевозки кавалерии, и две сотни конников были перевезены по морю во время нападения на Коринф. Рассказывая о последовавшей затем битве, Фукидид замечает, что полученное афинянами преимущество от использования конницы, которой не было у их противников, и обеспечило их победу.

В бою при Делиуме (424 г.) Пагонд одержал победу, направив две группы всадников в обход холма, чтобы ударить в тыл афинским войскам. Афиняне вначале приняли их за подошедшее подкрепление, но затем остановились, потерпели поражение и бежали с поля боя. В этой битве кавалерия и легковооруженная пехота располагалась на флангах, что облегчало им маневрирование. В битве при Мантинее (418 г.) кавалерия у обеих сторон также располагалась на флангах тяжеловооруженной пехоты, но так и не смогла оказать существенного влияния на исход боя.

Обратим внимание, что именно в это время впервые вошел в обиход обычай прикрепления к каждому коннику пехотинца. Фукидид пишет, что вскоре после битвы при Мантинее беотийцы собрались в Флиунте. Их войско состояло из 5 тысяч тяжеловооруженных и 5 тысяч легковооруженных воинов, 500 конников, к каждому из которых прикреплялся один пеший. Помощников обучили сражаться совместно с кавалерией. «У каждого конника имелся в распоряжении свой пехотинец, сражавшийся рядом с ним, он служил ему и помогал по мере необходимости». Тот же самый обычай впоследствии вошел в обиход среди германцев, где пешие солдаты следовали за кавалерией, они бежали рядом и держались за гривы лошадей.

В ходе экспедиции против Сиракуз у афинян совсем не было конницы; это обстоятельство вынудило их в первом же сражении принять для обеспечения себя от нападений многочисленной и хорошей конницы сиракузян совершенно новое построение. Половина армии стала в одну линию развернутым строем в 8 шеренг; другая же часть построилась пустым внутри каре, каждая сторона которого была также в 8 шеренг. В середине каре стоял обоз и выюки. Сиракузяне стояли в обыкновенной фаланге глубиной в 16 человек. После упорного боя афиняне одержали верх, но не могли воспользоваться плодами своей победы, так как конница сиракузян вполне успешно прикрыла отступление своей пехоты.

Поскольку их армия нуждалась в усилении, афиняне отправили следующей весной в Катанию 250 всадников со всем снаряжением и вооружением, но без лошадей, которых им поставили союзники – эгейцы и катанейцы, а остальных купили у соседних народов.

Во время Пелопоннесской войны спартанцев сильно удручили их потери на острове Сфактерия (425 г. до н. э.), и занятие острова Кифера (Китира) афинянами (в 424 г. до н. э.). В дополнение к отрядам конницы, которую в походах за пределами Пелопоннеса им поставляли союзники – фиванцы и фокейцы, спартанцы сформировали собственный отряд из четырех сотен всадников и лучников.

В греческой армии кавалерия состояла из трех родов войска – тяжеловооруженных всадников (катафрактов), греков и тарентинцев. Катафракты использовались еще мало. Они носили шлемы, прикрывавшие половину лица, затылок и уши, латы из железных или роговых пластин, покрывавших тело спереди и сзади. Одновременно бедра и правая рука защищались кожаным доспехом, покрытым металлическими пластинками. Лошади также обеспечивались защитой, конник носил сапоги со шпорами, был вооружен пикой, копьем, длинным мечом, иногда дротиками.

Тактической единицей в коннице была ила из 64 человек. В разные времена и у разных народов применялись различные способы ее построения. Фракийцы придавали иле вид клина, обращенного острием к неприятелю; фессалийцы строили ромб из двух ил,

направленный одним из углов к противнику, остальные греки применяли ромб редко, чаще всего – квадрат или четырехугольник, причем последние четыре шеренги служили резервом. У Эпаминонда ила делилась на четыре взвода по 16 человек в каждом – четыре человека по фронту и четыре в глубину, но чаще всего ила имела 16 человек по фронту и четыре в глубину. Две илы составляли эпилархию – 128 конников, две эпилархии – тарентинархию – 256 конников, две тарентинархии – ксенагию или гиппархию – 512 конников, две гиппархии – эфиппархию – 1024 конников, две эфиппархии – телос – 2048 конников и два телоса – эпитагму – 4096 конников.

Греки применяли и другие разновидности кавалерии, прежде всего более легковооруженную, которая и называлась «греческой». Всадник имел только копье и меч, лошади не защищались доспехами. Всадники носили доспехи, схожие с теми, что имели катафракты, – из толстой кожи или чешуйчатый доспех, небольшой круглый щит, сапоги со шпорами.

Эта средняя или греческая кавалерия, названная так, потому что ее разновидности обычно использовались в Греции, делилась на дорифоров, контофоров и лонгофоров, различавшихся видом, длиной и способом употребления копий. Наиболее длинные копья были у дорифоров, у прочих – короче и приспособлены как для нанесения ударов, так и для бросания, для чего к их древку была прикреплена бечевка, с помощью которой всадник притягивал к себе брошенное копье. Некоторые всадники имели еще щиты. Вообще все греческие конники были сравнительно легко вооружены, но тем не менее достаточно, чтобы подойти близко к врагу во время сражения и действовать копьем и мечом в ближнем бою. Некоторые из них не имели из защиты ничего, кроме щитов.

Тарентинцы, или легкая конница, не имели постоянной организации. Иногда их вооружали дротиками, в ряде случаев луком и стрелами. Они могли иметь меч или боевой топор, для защиты использовали небольшой щит, иногда носили нагрудники из толстой кожи.

Такая кавалерия использовала дротики или другое метательное оружие, действуя на расстоянии, некоторых даже обучали стрелять, оборачиваясь при отходе, как это делали парфяне. Такие конники старались не приближаться к противнику, потому что были слишком легко вооружены, чтобы противостоять ему в ближнем бою. К этой коннице относились и конные лучники, самыми известными из них были критяне. Все эти всадники именовались акроболитами, поскольку сражались на расстоянии.

Место конницы в боевом порядке определялось в зависимости от местности. Тарентинцы, или легкая кавалерия, смешавшись с легковооруженной пехотой, иногда размещались перед греческой, или средней, кавалерией, иногда на ее флангах.

Катафракты обычно удерживались в резерве и вступали в дело, когда бой разгорался. Атакуя противника, они сминали его ряды, расчищая путь пехоте, которая и завершала разгром.

Греческая кавалерия не использовала ни седел, ни стремян, их лошади не подковывались. Всадники ездили верхом без седла или садились на легкую попону из кожи или сукна.

Спартанцы, не придававшие коннице особенного значения, содержали ее очень немного и назначали в нее преимущественно людей физически слабых и наименее храбрых. Ксенофонт говорит, что в сражении при Левктрах лакедемонская конница была очень неудовлетворительна, так как в мирное время богатые люди содержали лошадей, которые при начале войны передавались вместе с вооружением только что набранным людям. Взяв коня и вооружение, они тотчас же выступали.

По сравнению со спартамцами афиняне тщательно подбирали свою кавалерию и заботились о ее нуждах. Они поддерживали кавалерию в 1200 всадников. Каждый 120 конников имели командиром филарха, а во главе всей конницы были два гиппарха, ежегодно выбиравшиеся для командования.

В описанном выше сражении при Левктрах в 371 году до н. э. фиванская кавалерия

насчитывала всего лишь 500 всадников, но это были хорошо организованные и обученные воины. Они атаковали лакедемонскую кавалерию, разбили их и рассеяли перед рядами своей пехоты, подготовив путь для фаланги¹⁷ фиванцев, которой Эпаминонд нанес свой сокрушительный удар правому крылу армии спартанцев.

В сражении при Мантинее в 362 году до н. э. Эпаминонд действовал сходным образом, только его левое крыло использовалось вместо правого. Его кавалерия, находившаяся на правом крыле, при поддержке пехоты образовала мощное клинообразное построение.

Часть кавалерии и отряд пехоты он разместил слева от своей пехоты на возвышенности, против афинской конницы, стоявшей на правом фланге лакедемонян. Его планы увенчались полным успехом, расположенная от него справа фиванская конница разбила кавалерию, выступившую против них, и выгнала ее с поля сражения. В это время фаланга ударила по левому флангу противника, смешала его ряды и одержала победу. Афинская кавалерия, сдерживаемая фиванской конницей, так и не смогла принять участия в сражении.

Греческая конница во времена Филиппа II и Александра

Во времена обоих вышеназванных македонских царей военное могущество Греции достигло высшего развития, и македонская армия может быть названа вполне образцовой и по устройству своему сравнена разве только с лучшими современными европейскими армиями. Она имела полевые и осадные метательные орудия и особые обозные части (из лошадей, мулов и повозок), входившие в состав армии. Фаланга (малая) пехотинцев из 4096 человек строилась в четырехугольник, имевший по фронту 256 и в глубину 16 человек; к ней придавалось 2048 легковооруженных пехотинцев и два полка или гиппархии конницы, каждая из 512 всадников¹⁸.

Изобретение клина – построения, имеющего форму треугольника, обращенного углом к неприятелю и применявшегося скифами, фракийцами и македонянами, – приписывается отцу Александра Македонского – Филиппу II. Он ставил по углам офицеров, лучших воинов – в наружные ряды, а середину составлял из слабых и недостаточно обученных солдат.

Кавалерия была трех видов: тяжелая, носившая чешуйчатые доспехи, шлемы и поножи, вооруженная мечами и короткими копьями. Легкая кавалерия, использовавшаяся в основном для несения дозоров, вооружалась копьями примерно в шестнадцать футов (около 5 м) длиной. Димахи, придуманные Александром Великим, напоминали современных драгун, сражающихся как пешими, так и конными.

Они были вооружены более мощно, чем остальная кавалерия, но все же легче тяжеловооруженной пехоты. Александр придал им слуг или помощников, в обязанность которых входило удерживание лошадей, когда всадники спешили, чтобы сражаться пешими. Похоже что перед нами первый случай использования драгунов, и мы снова встречаемся с тем же самым представлением, которое привело к использованию первых военных колесниц, предназначенных для быстрой перевозки воинов, чтобы те не уставали и могли сразу свежими вступить в бой.

К тому времени искусство ведения войны сильно улучшилось, так что быстрота перемещения и нападения на врага стала необычайно значимым моментом. Александр, один из величайших военных реформаторов, увидел преимущества использования димахов, которые могли действовать на пересеченной местности, там, где нельзя было использовать колесницы.

Саму же кавалерию Александр значительно видоизменил, он уменьшил глубину строя

¹⁷ Фаланга – ударная колонна, имевшая 50 шеренг.

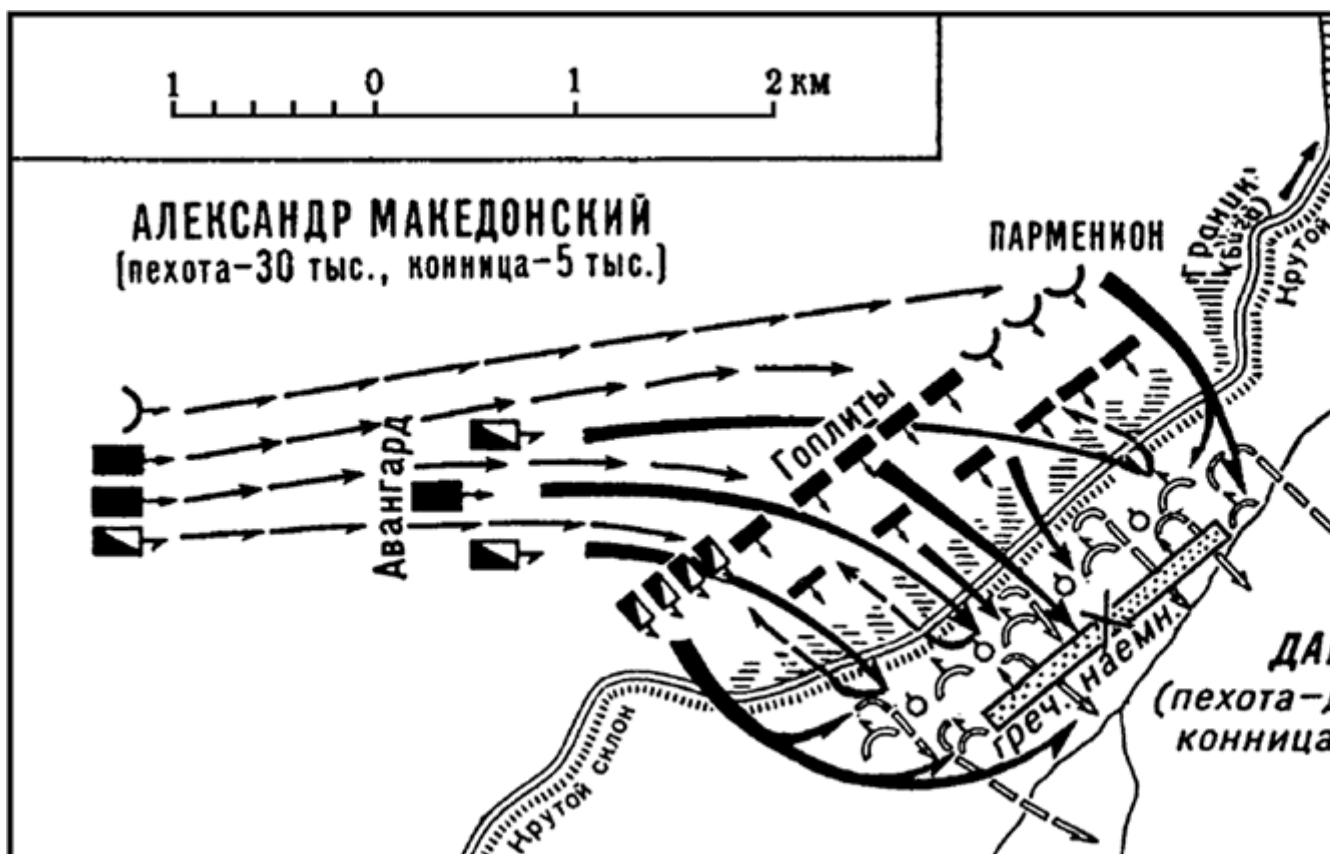
¹⁸ Четыре малые фаланги тяжелой пехоты образовывали большую фалангу из 16 384 человек.

до восьми всадников и увеличил интервалы между частями, куда ставил легковооруженную пехоту, чтобы та помогала и поддерживала конников. Наступление начиналось с удара тяжелой конницы. В прорыв шли гипасписты – отборный корпус примерно в 6 тысяч средневооруженных пехотинцев, отличавшихся высокой подвижностью. За ними следовала главная фаланга, завершая разгром врага.

Александр стал первым среди греков, кто придавал особое значение кавалерии в своей армии. До него кавалерия составляла от одной двенадцатой до одной пятнадцатой части пехоты. В начале своего похода в Персию Александр имел 5 тысяч конников и 30 тысяч пехотинцев, то есть пропорция составляла 1 к 6. При Арбелах (Гавгамелах) в его распоряжении имелось 40 тысяч пехотинцев и 7 тысяч конников.

Без сомнения, он не только изменил соотношение, но и увеличил быстроту передвижения конницы, способность маневрировать большими массами. Его резкая и порывистая манера ведения военных действий естественно привела к тому, что он стал придавать особое значение кавалерии. Мы установили, что практически во всех сражениях он вел кавалерию правого крыла, открывая начало битвы собственноручно, всегда появлялся в решающий момент во главе победоносного корпуса всадников.

Он явно оказался первым, кто осознал идею использовать лошадь и ее наездника как ударное оружие. Александр понимал преимущество массы всадников, надвигающихся на врага и ломающих его ряды. Пока его конница и средняя пехота наносили сокрушительные удары, фаланга в центре оставалась для него своего рода точкой опоры, пока не наступал перелом в битве, и лишь тогда она наступала, окончательно сокрушая врага.

Сражение на р. Граник, 334 г. до н. э.

Основная мощь кавалерии Александрии состояла из двух отборных полков, одного из Македонии, другого – из Фессалии. Каждый полк состоял примерно из 1500 человек. Они были вооружены как тяжелая кавалерия или катафракты, имели длинные копья и мечи, и люди, и лошади были хорошо защищены.

Кроме того, Александр имел в своем распоряжении конный полк, состоявший в

основном из молодых македонцев, выделявшихся своим происхождением, храбростью и ловкостью. Они назывались «друзьями царя» (гетеры) и всегда сражались рядом с ним. После битвы на реке Граник (334 г. до н. э.) он приказал Лисиппу отлить в бронзе статуи двадцати пяти павших членов его корпуса, которые поставили в городе Диум (Дион).

Во время сражения на реке Граник Александр пересек реку вброд во главе конницы своего правого крыла. Как пишет Арриан: «Завязался конный бой с невиданным упорством». Персы, ожидавшие нападавших на берегу, в основном метали копьями с зубцами, македонцы кололи пиками. Заметив, где находились персидские военачальники и их лошади, Александр направил удар туда.

Отличавшиеся прекрасной дисциплиной македонцы, вооруженные копьями и мечами для рукопашного боя, скоро разгромили своих противников, надеявшихся в основном на метательное оружие. У сражавшегося в гуще войска Александра сбили шлем, и он был легко ранен, но его друг и соратник Клит спас Александру жизнь, зарубив пифридата, атаковавшего македонского царя сзади. По словам Арриана, легкая пехота, сражавшаяся среди всадников, нанесла персам огромный урон.

В сражении Александр проявил все качества великого кавалерийского командующего, ибо, нанеся поражение коннице врага и изгнав ее с поля боя, он не стал ее преследовать, а тотчас развернулся и яростно напал на персидских наемников (20 тысяч греческих воинов. – *Ред.*), прочно удерживавших свои позиции. Македонская фаланга тяжеловооруженной пехоты атаковала их с фронта, а конница с флангов и с тыла.

Его армия одержала полную победу, почти все греческие наемники персидской армии были убиты, кроме 2 тысяч, которые были взяты в плен.

Ничто лучше не свидетельствует о действиях Александра в этом бою как главнокомандующего кавалерией. В своих основных особенностях сражение весьма схоже с битвой при Рокруа, где великий Конде, используя кавалерию, одержал схожую победу. Как же она отличалась от поведения Руперта при Нейзби в 1645-м и Марстон-Муре в 1644-м и Иоанна фон Верта при Нёрдлингене (Алерхайме) в 1645 году!

В битве при Иссе в 333 году до н. э. Александр снова сражался на правом крыле, перешел через реку под градом стрел, но, как только его воины подошли на близкое расстояние, враг пустился бежать, показав свои спины. Греческие наемники в армии Дария III в этой битве сражались стойко, нанеся тяжелые потери македонцам, и все же были разбиты. Только когда наемники были разбиты, Александр вместе со своей конницей начал яростное преследование. Дарию пришлось бросить свою колесницу вместе с плащом, луком и щитом, спастись бегством верхом на коне под покровом ночи.

Во время сражения при Арбелах (Гавгамелах) в 331 году до н. э., как обычно, Александр сражался на правом крыле во главе своей кавалерии, стремясь помешать во время решающей схватки персам охватить правый фланг македонской армии. Персидский левый фланг намного перекрывал правый фланг своих противников, и им удалось бы взять верх, если бы Александр, не предвидя этого, не сформировал резерв или вторую линию под командой Менида, чтобы контратаковать персов¹⁹ во время их наступления и отбросить назад.

¹⁹ Здесь на стороне Дария III действовала великолепная скифская конница.

Однако полк бактрийцев, пришедший на помощь отступившим, укрепил их и восстановил равновесие в битве.

В ходе тяжелой битвы Александр построил из кавалерии, находившейся под его непосредственным командованием, нечто вроде клина или колонны, атаковал и прорвал персидскую боевую линию²⁰.

Успех его атаки поддержала фаланга, ворвавшаяся в ряды варваров с неостановимой мощью. Тогда Дарий решил, что все проиграно, и бежал.

В это время находившийся на левом фланге македонского войска Парменион вступил в бой, отражая сильный натиск правого крыла персидской армии. Корпус персидской кавалерии проделал брешь в линии македонцев, прорвавшись между Парменионом и Александром, достигнув лагеря, где находились припасы и пленники под охраной фракийской пехоты.

Судьба битвы висела на волоске, когда Александр повернул назад свою конницу, начавшую преследование, яростно напал на конницу правого крыла врага. В яростной схватке он разгромил их и бросился на помощь Пармениону. В это время и фессалийские всадники левого фланга Пармениона настолько яростно атаковали, что при появлении Александра персы дрогнули и побежали. Александр тут же развернулся вместе со своими конниками и продолжил преследование Дария III, пока не стемнело, а Парменион не закрепил победу на поле боя.

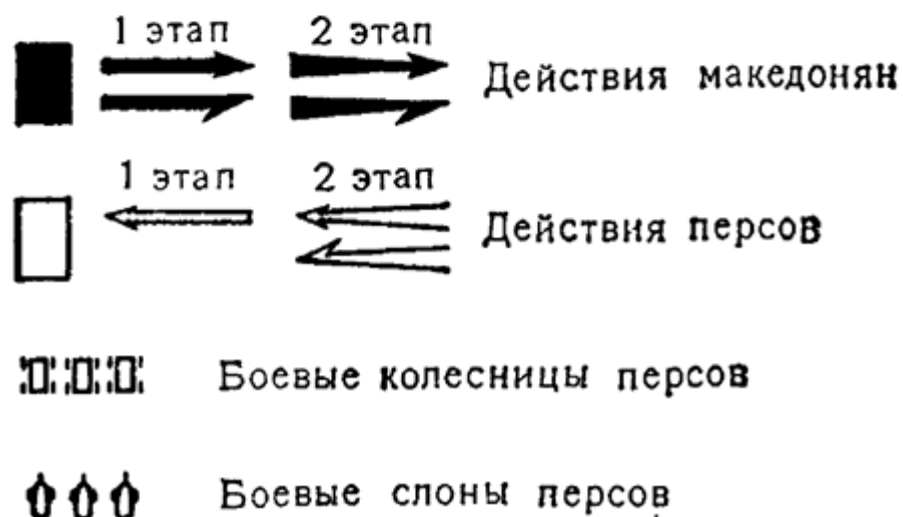
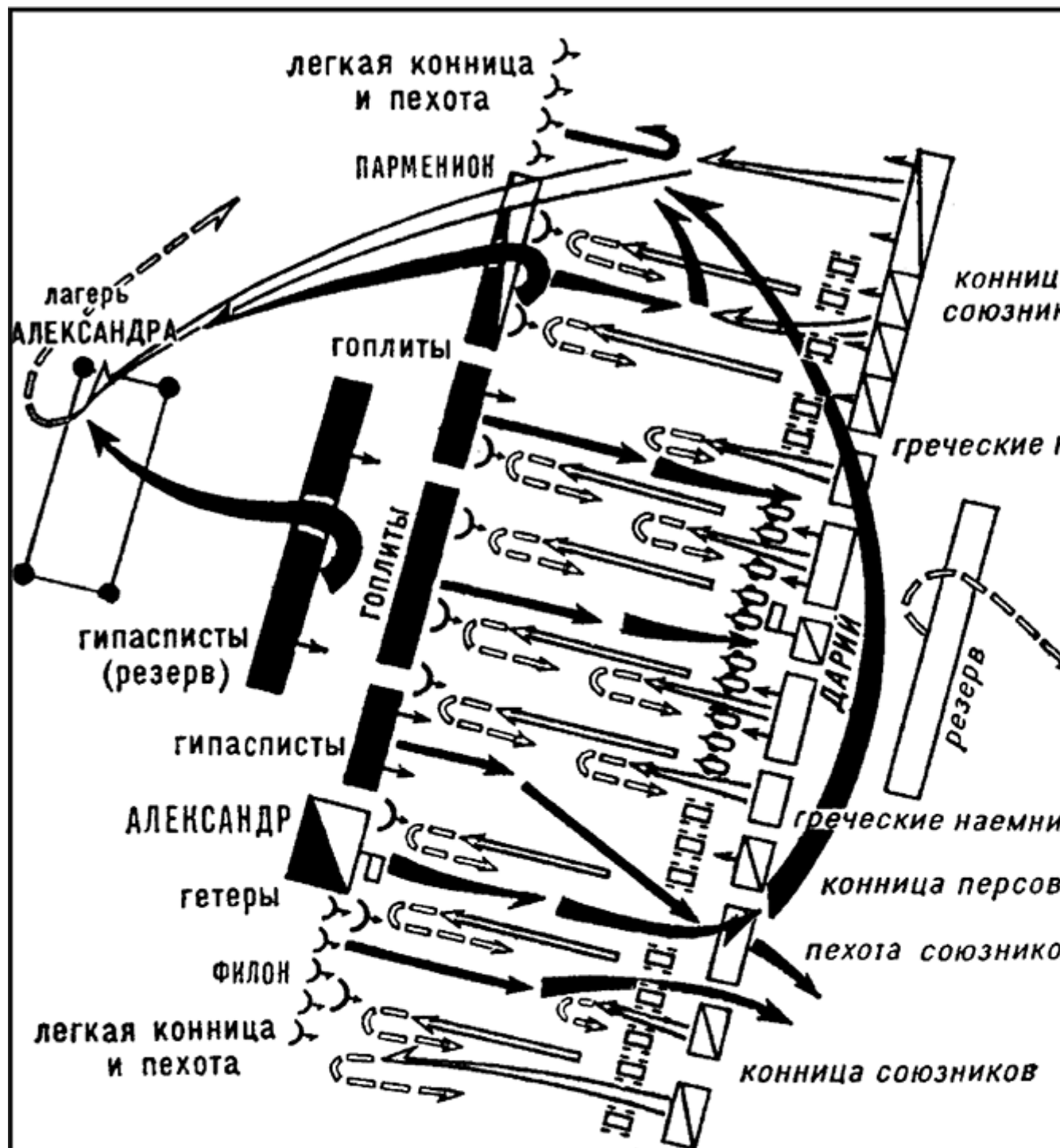
В этом сражении персы использовали большое количество боевых колесниц, поставленных в первой линии. К тому времени греки научились встречать их. Они поставили впереди своих войск агрианов, легковооруженных пехотинцев, лучников и метателей дротиков под командой Балакра. С помощью своих метательных орудий они уничтожили большинство лошадей в колесницах и их возничих. Они ловко хватали лошадей за поводья и, останавливая их, сбрасывали на землю возничих и убивали их.

Некоторые колесницы все же пробились к македонским рядам, и тогда передние шеренги разомкнули свои ряды по приказу Александра при приближении колесниц, затем сомкнули их и не понесли потерь. Находившаяся в резерве кавалерия затем захватила большинство прорвавшихся колесниц.

Перейдя реку Ликус, Александр остановился, чтобы его люди и лошади передохнули до полночи, а затем продолжил преследование. На следующий день он прибыл в Арбелы, находившиеся на расстоянии в 600 фарлонгов (примерно в 70 английских милях) от поля сражения.

В истории нет другой битвы, которая служила бы лучшим подтверждением роли кавалерии, а также приемов оптимального ее использования как во время атаки, так и во время преследования.

²⁰ Между левым флангом и центром боевого порядка иранских войск.

План сражения при Гавгамелах (Абелек)

После этой битвы Александр изменил организацию своей кавалерии, назначив каждому подразделению по два декуриона. К тому времени декурионов в коннице не существовало. Отчасти он провел эти назначения, чтобы обеспечить свою кавалерию лучшими командирами, вероятно, также и для продвижения некоторых своих воинов, служивших ему храбро и преданно.

Александр также учредил подразделения конных стрелков из лука, создал и постоянно использовал летучие колонны, состоявшие в основном из кавалерии всех видов, с помощью которых совершал набеги или вторжения на территорию народов, живших рядом с маршрутом его движения.

Именно с помощью этих летучих колонн, в основном состоявших из кавалерии с некоторым количеством лучшей по выносливости пехоты, Александр преследовал Дария II после битвы при Арбелах (Гавгамелах), когда услышал, что персидского царя захватил его бактрийский сатрап Бесс. Идя почти без остановок в течение трех дней и ночей, его пехота от усталости падала с ног. Тогда он велел спешиться 500 своим конникам и разместил лучших тяжеловооруженных пехотинцев на их лошадях, настояв на продолжении преследования ночью, а остальной пехоте, равно как и спешившимся конникам, велел более медленно следовать за ними пешком. Утром Александр нагнал отступающих. Увидев Александра, Бесс бежал вместе с 600 всадниками, оставив на поле умирающего от раны (нанесенной ему Бессом) Дария III, который умер тогда, когда Александр увидел его.

Едва ли в истории найдется пример подобного по стремительности преследования. Тот факт, что Александр спешил часть кавалерии, чтобы посадить на лошадей пехоту, заслуживает пристального изучения. Он показывает, какое значение великий мастер искусства войны придавал способности действовать как в конном, так и в пешем строю. Пользуясь быстротой перемещения конницы, такие воины обладали мощностью удара и обороны, которую раньше имели только пешие солдаты (таким образом, он получил предшественников драгун).

В нашей работе мы покажем, как в целом развивалась эта идея и как использовали этот принцип в разные века. Мы хотим со всех сторон обсудить проблему, чтобы понять, какой вклад в современную военную науку сделали драгуны, принесшие столько пользы в прошлом.

Следует также заметить, что в войнах Александра, равно как и в предыдущих, легкая кавалерия использовалась для несения службы на аванпостах, всадники применялись для разведки, патрулирования, охраны, вероятно, использовались и конные часовые, причем на тех же самых принципах службы, какие применяются и сегодня.

Обучение греческой конницы

Греки придавали особое значение обучению своих воинов. С младенчества они привыкли заниматься физическими упражнениями, стремясь поддерживать себя в форме. Борьба и кулачные состязания, правда, оставались для профессиональных атлетов, ибо использовались для демонстрации физической силы. Подобные навыки не считались необходимыми для солдата. Греческие юноши упражнялись в беге, лазании, метании дротиков, а также в тех умениях, которые могли пригодиться в бою, скажем, учились использовать пики (при обучении без железных наконечников).

Солдат-конников обучали правильно садиться на лошадь и слезать с нее, а также посадке на деревянных муляжах, что было совершенно необходимо, ибо в то время они не могли пользоваться стремянами, с помощью которых так легко садятся на лошадей современные всадники.

Ксенофонт шаг за шагом описывает процесс формирования основного корпуса

кавалерии Агесилаем²¹, находившимся в Фригии. Похоже что искусный военачальник делал все от него зависящее, чтобы заставить рекрутов стать настоящими конниками. Он набирал их из районов, где занимались выращиванием лошадей, полагая, что они станут искусными наездниками. Собрав молодых воинов в Эфесе, он постоянно занимался их обучением, принуждая их преодолевать боль, учредил призы, скажем, давал награду тому, кто приходил первым. Места состязаний постоянно были переполнены людьми, практиковавшимися в езде, здесь же тренировались метатели дротиков и лучники, стремившиеся попасть в цель. Столь искусно обученная кавалерия во многом и обеспечивала успех в последовавшей затем войне.

В своих сочинениях о коннице («Советы для начальников конницы», «Советы для всадников») Ксенофонт приводит доскональное описание методики посадки на лошадь в его время. Похоже что даже тогда на лошадь садились с левой стороны. Он говорит, что всадник «должен брать поводья, прикрепленные к нижней части удила в левую руку, так, чтобы они проходили под подбородком. Удерживая их, он мог свободно вскочить на спину лошади, схватившись за гриву около ушей или опираясь на пику».

Очевидно, здесь переданы два способа посадки на лошадь. Один похож на способ, с помощью которого сегодня садятся грумы, другой напоминает посадку с помощью копыя. Подтверждением служит, как пишет Беренже, коллекция античных тарелок, хранящихся в Британском музее, на одной из которых изображен солдат, собирающийся садиться на лошадь с помощью копыя. Копье размещено с одной стороны лошади, на нем имеется крючок, на который человек ставил свою ногу, чтобы легче сесть верхом на лошадь. Рисунок служит пояснением к тексту. Тот же самый автор добавляет, что, по Ливию, данный способ посадки на лошадь практиковался среди римских солдат. Ксенофонт пишет, что воины практиковались в посадке и с правой стороны, проделывая такие же движения левой рукой и ногой, как до этого с помощью правой.

Всадника обучали сидеть прямо, совсем не так, как на сиденье, учили удерживаться бедрами, свободно опуская ноги от колена. Тело всадника оставалось прямым, так что он полностью владел оружием. Поводья удерживались в левой руке, как и сегодня, рука прижималась к боку.

Всадники вели друг с другом тренировочные поединки, используя затупленные (с шарами на остриях) копыя и дротики, отступая и наступая, они достигали необходимого мастерства в использовании своих лошадей и оружия, требуемых в настоящей войне.

Сочинение Ксенофонта о коннице

Труд Ксенофонта является самым ранним исследованием, посвященным коннице. Он интересен и тем, что отражает точку зрения опытного воина, который на протяжении всего сочинения проявляет не только глубокие знания предмета, но и показывает себя как личность.

По-видимому, автор трактата обращается к своему сыну Гриллу, служившему в афинской кавалерии. В нем подробно описаны обязанности командующего кавалерией в армии афинян, говорится о том, какую численность всадников следует считать приемлемой, как следует их снаряжать и тренировать в мирное и военное время.

Исследование показывает, что по многим значимым позициям греки его времени добились существенного прогресса в устройстве своей кавалерии. Поскольку вооружение и боевая тактика пехоты и конников того времени существенно отличаются от тех, что используются сегодня, тривиальные детали подготовки не представляют для нас практического интереса. Однако те общие принципы, которые определяют использование и применение кавалерии с точки зрения Ксенофонта, заслуживают внимания.

²¹ Агесилай II (444–360 до н. э.) – царь Спарты в 399–360 гг. до н. э.

В своей первой главе он подчеркивает, что необходимо придавать особое значение выбору лошадей для кавалерии. Не следует использовать брыкливых и непослушных животных, отбирая только хорошо обьеженных. Обязательно надо уделять внимание их ногам, чтобы укреплять копыта, конюхам следует держать лошадей в помещениях с полом из гладких круглых камней. Тогда еще не знали об использовании железных подков.

Также следует обратить пристальное внимание на отработку посадки, чтобы всадники без труда садились на лошадей, легко скакали по любой местности. Как только заканчивали обучение езде и рекрут уже мог сидеть прямо, его тренировали владению копьём, сидя на спине лошади. Получив в свое распоряжение обученных людей и лошадей с оборонительным вооружением, командующий воспитывал у них дисциплинированность, «ибо без дисциплины не будет никакого толка ни в хороших лошадях, ни в прочно сидящих всадниках, ни в прекрасном оружии».

Ксенофонт также советует кавалерии тренироваться, чтобы та могла скакать по сельской местности и бездорожью, пускать своих лошадей в галоп по дорогам любого вида, невзирая ни на что, вступать в бой в подобных местах.

Зейдлиц, лучший кавалерист Фридриха Великого, обычно тренировал свой полк на пересеченной местности, причем настолько рьяно, что Фридрих однажды упрекнул его, заметив, что подобная практика ведет к гибели солдат. Зейдлиц на это хладнокровно заметил: «Если вы устраиваете такую шумиху по поводу нескольких сломанных шей, то у вас не будет отважных конников, столь необходимых на поле брани».

Филархи, или командующие эскадронами, должны были тщательно следить за снаряжением и заботиться о постоянном обучении находящихся в их подчинении воинов. Они должны уметь ездить верхом и знать службу лучше своих подчиненных, чтобы служить им живым примером и заслужить уважение и готовность подчиняться.

Копье следовало держать так, чтобы оно выступало вперед над головой лошади между ее ушами. Подобное движение обычно производилось во время парадов перед советом на Ареопаге («холме Арея»), чтобы показать мощь армии, в Афинах приняли закон, согласно которому ни один человек не мог служить в кавалерии, не пройдя вначале экспертизу и не получив одобрения.

Во время марша он должен давать отдохнуть лошадям, равно как и позволять перевести дух всадникам, для чего следовало переходить на медленный шаг, а иногда велеть всадникам спешиться и вести своих лошадей в поводу. Эта мера особенно необходима во время форсированных маршей, поскольку облегчение для людей и лошадей достигается за короткий промежуток времени.

Рекомендуемый Ксенофонтом способ перехода из развернутого строя в походные колонны и обратно вполне схож с употребляемым ныне. Узкие дефиле следует проходить по одному; при следовании по широким дорогам вести каждую трибу развернутым строем, а при движении по открытой равнине построить из всех триб сомкнутый отряд.

При движении по вражеской территории он рекомендует высылать вперед не только обычные сторожевые разъезды, но и более далекую разведку, чтобы своевременно получить извещение о приближении противника.

Командир конницы должен еще в мирное время хорошо ознакомиться как со своей страной, так и с неприятельской. Ксенофонт справедливо замечает, что «знающий дороги командир находится в выигрышном положении перед тем, кто с ними не знаком, и что при составлении плана действий знающий страну имеет большое преимущество перед тем, кто ее не знает».

Пикеты и сторожевые аванпосты следует ставить скрытно, чтобы они были надежной охраной своим и вероятной засадой для неприятеля. Скрытые аванпосты более надежны и страшны для врага, ибо, не зная, где встретит сопротивление, нападающая армия должна следить за местностью и не сможет двигаться быстро и свободно.

Путешествуя летом 1868 года по восточным районам Франции, в предвидении начала войны, разразившейся спустя два года, генерал фон Мольтке следовал советам Ксенофонта.

В итоге стало ясно, что советы не пропали даром и оказались полезными спустя более чем 2200 лет.

Труд Ксенофонта отражает огромный опыт и всестороннее знакомство автора с работой командира, отличается глубоким знанием человеческой природы и морального влияния, какое он оказывал на солдата.

Глава 3. Римская конница

В древние времена

С древних времен основную силу римской армии составляла пехота. Именно с ее помощью римляне завоевали весь мир. Поэтому пехоте уделяли особое внимание, чтобы она всегда оставалась в высшей степени готовности. Римская пехота была прекрасно вооружена наступательным и оборонительным оружием, постоянно обучалась и тренировалась, всегда отличаясь высокой дисциплиной.

Вначале она строилась по греческой модели, то есть в виде фаланги, но довольно скоро приняла систему манипул, насчитывающих 60—120 человек, при таком построении легион делился на ряд небольших частей, что позволяло быстро маневрировать. Во времена Цезаря несколько манипул объединили, и основной тактической единицей стала когорта. При империи такое образование считалось типичным, когорты состояли примерно из пятисот с лишним человек каждая.

Изначально римляне, как и спартанцы, не были конной нацией, хотя высшие классы государства служили именно в этом виде войск. Стоит упомянуть, что ни одному командиру легиона во времена республики не разрешалось служить верхом. Во время острой потребности, когда назначали диктатора, ему также, хотя он и был наделен высшей властью, не дозволялось ездить верхом без особого разрешения.

Из ранних сказаний, составивших основу древнего периода римской истории, которым можно верить, ясно, что римляне хорошо осознавали значение конной службы и использовали ее в некотором роде с самого основания государства.

Тем не менее вплоть до Второй пунической войны римская кавалерия оставалась малочисленной, и, хотя в ней служили храбрые и отважные солдаты, все же они не считались искусными наездниками. В ранних войнах Рима исход битв практически полностью определялся усилиями пеших легионеров, а примеры успешных действий кавалерии немногочисленны. Заслуживают внимания захват города тусков Троссулума римскими всадниками без всякой поддержки. В связи с этим их иногда именовали не всадниками, а троссулами.

Когда, как гласит легенда, Ромул разделил ради военных и гражданских целей все население Рима на трибы и курии, каждая триба стала состоять из 10 курий, а каждая курия выставляла по 100 человек. Так что три трибы выставляли войско в 3 тысячи пехотинцев, что составляло основную военную мощь государства.

Кроме того, Ромул также учредил отряд всадников, называвшихся эквитами, организовав из них три центурии по 100 человек каждая, поровну взяв их из трех триб. Полагают, что они были вооружены мечами и копьями, обучались конному и пешему бою. Их набирали из патрициев, отобранные молодые люди служили царю Рима и в мирное, и в военное время, напоминая по своим функциям личную гвардию.

Тарквиний Древний придавал большее значение кавалерии, чем его предшественники, и эффективнее ее использовал, для чего удвоил ее численность, добавив по 100 человек к каждой из трех центурий. Вновь сформированные центурии именовались соответственно трем трибам: Ramnenses, Tetienses и Inceres posteriores. В ранних источниках говорится, что Тарквиний усиленно использовал конницу в своих походах, возлагая на нее особые надежды.

Сервий Туллий реорганизовал армию и государство. Три дополнительные центурии он

разделил надвое, превратив в шесть патрицианских центурий, известных под названием *sex suffragii*. К ним добавили двенадцать новых центурий, составленных из самых богатых членов сообщества, теперь состояние, а не только происхождение стали критерием для их отбора.

Без сомнения, в них входило много плебеев, но существенную часть составляли и патриции, поскольку вряд ли все они могли вписаться в шесть патрицианских центурий. В первые годы республики туда допускались только богатые и ничем не запятнавшие себя молодые люди, а также те, чьи отец и дед были свободными гражданами.

Все восемнадцать центурий, набранных по указу Туллия, оснащались лошадьми за счет государства, оно же выплачивало всадникам ежегодное жалованье, поддерживая их. Позже, примерно с 403 года до н. э., кроме старой армии стал использоваться другой класс всадников. Он состоял из тех граждан, кто обладал достаточным состоянием, чтобы служить с собственным конем. Тогда службе в кавалерии отдавали предпочтение перед службой в пехоте, но эти всадники считались ниже эквитов.

Цензоры проводили регулярные публичные смотры всадников, служивших на казенных лошадях. Они проходили быстрым шагом перед цензорами друг за другом, причем каждый всадник держал свою лошадь. Если цензоров не удовлетворял внешний вид всадника или состояние его лошади или вооружения, то его могли вычеркнуть из списка, считая недостойным служить в столь престижном подразделении, лишали лошади и в некоторых случаях принуждали служить пешим. Подобное наказание считалось общественным позором.

В 251 году до н. э. 400 римских конников отказались подчиниться распоряжениям консула Аврелия Котты и работать на строительстве укреплений в Сицилии. Он сообщил о них цензорам, которые разжаловали виновных, лишив их звания и права голоса на выборах.

Срок службы в коннице был 10 лет, в пехоте шестнадцать или двадцать, если того требовали обстоятельства. Если всадник, прослуживший 10 лет, хотел продолжить службу в кавалерии, то он мог это сделать, если был боеспособен.

Социальные классы, из которых набиралась кавалерия в Риме, считались самыми высокими по положению в обществе и богатству. Похоже что такой обычай свойствен всем нациям в древние времена, кроме некоторых греческих государств. По ассирийским и египетским источникам мы знаем, что представители правящего класса сражались на колесницах, а затем верхом. Очевидно, что в связи с социальным делением их и должны были рассматривать как конную армию.

Римские всадники, обладавшие множеством исключительных привилегий, вскоре стали занимать особое положение в обществе. Активное участие всадников в подавлении заговора Катилины увеличило их власть и влияние до такой степени, что Плиний говорит, что с того времени они стали третьей силой в государстве, так что к титулу «*Senates Populusque Romanus*» с тех пор стали прибавлять еще «*et Equestris Ordo*». Как знак своего звания всадники носили золотое кольцо и отличительный значок.

В соседних государствах кавалерию также набирали из представителей аристократии. Например, в рассказе о победе, одержанной Папирием над самнитами в 293 году до н. э., читаем, что основная часть их армии бежала в их лагерь или в город Аквилонию, а кавалерия, состоявшая из вождей и знати, отошла к Бовиануму.

В Риме класс эквитов существовал много лет спустя после того, как перестал использоваться в качестве отдельного корпуса кавалерии, составлявшей часть армии. В поздние периоды республики кавалерия почти полностью пополнялась из соседних государств. Во время Галльской войны Цезарь не имел в своем распоряжении конников-римлян, поэтому на свою встречу с Ариовистом он отправился в сопровождении ряда легионеров, которых посадил на лошади галльской кавалерии, ибо опасался доверить свою безопасность всадникам, предоставленным его союзниками.

Хотя в поздних войнах эквиты не выступают как особый корпус кавалерии, о них часто пишут, поскольку они назначались на должности, требующие доверия. Так, они служили как

офицеры в кавалерии союзников, командирами легионов, или штабными офицерами, помогавшими главнокомандующему. Иногда в качестве отдельных воинов (*singularii*) они выполняли особо опасные поручения.

В правление Августа конники занимали самое значительное положение, ибо из их среды выбирались все высшие офицеры армии, равно как и главные магистраты, так что считалось большой честью быть допущенным в их круг. Нахождение в нем служило лучшим пропуском в общественную жизнь, без которого молодой человек не мог рассчитывать на военную карьеру или занять значительную гражданскую должность.

Все эквиты, находившиеся на службе в армии, должны были жить в Риме, что и определило их особое социальное положение. Позже, при Валентиниане и Валенте, они занимали второй разряд в городе, их нельзя было подвергнуть телесному наказанию.

Отряды кавалерии считались выше командиров пехоты того же чина. Декурион кавалерии соответствовал центуриону легиона.

Немного информации сохранилось о системе обучения и приемах ведения боя, использовавшейся римлянами в самые ранние времена. В своем описании Тит Ливий говорит о сражении, состоявшемся между римлянами Валерия и Брута и веями, сражавшимися под командованием изгнанного Тарквиния и его сыновей. Ливий пишет, что Тарквиний вел свою пехоту, построенную в виде четырехугольника (очевидно, речь идет о фаланговом построении), а Брут выехал на коне вперед, чтобы провести разведку. Конницей воев командовал Арунс, сын Тарквиния. В стычке кавалерия поразила друг друга копьями, поскольку отмечено, что Брут и Арунс пронзили друг друга копьями и оба упали замертво со своих лошадей.

Похоже, что во время битвы на Регильском озере кавалерия сражалась копьями. Увидев, что римская пехота изнемогает в жестокой схватке и исход битвы стал неясен, диктатор Постулий направился к стоявшей в резерве кавалерии, потребовал, чтобы они спешились и вступили в бой, поддержав пехоту.

Всадники спешились, поспешили вперед, образовали первую линию и начали сражаться вместе с пехотинцами. Вдохновленные действиями молодых представителей знати, те увеличили напор и заставили латинян отступить. Затем к кавалерии подвели лошадей, они вновь сели верхом и начали преследовать врага, захватив его лагерь при поддержке своей пехоты.

Ливий пишет далее, что в 481 году до н. э. кавалерия консула Цезо Фабия опрокинула войско аквов, но пехота, неприязненно относившаяся к консулу, отказалась преследовать их. В 447 году, когда во время сражения сабиняне неожиданно ударили по левому флангу римской линии, примерно шестьсот кавалеристов из двух легионов спешились и устремились вперед, восстановив равновесие в битве. Затем снова сели на лошадей и галопом ринулись к другому флангу, и здесь также атаковали, обеспечив победу в сражении.

Другой примечательный случай отличных действий римских конников отмечен в битве, случившейся в 422 году до н. э. между римлянами под командованием консула Кая Семпрония и вольсками. Похоже, что во время сражения римская пехота не проявила должной боеспособности, историк жалуется на то, что в римской армии было меньше дисциплины, чем у вольсков. Вольски отважно наступали, римляне же колебались, были нерешительны и, хотя и не бежали, отступали по всем пунктам. Тогда командир конницы Секст Тимпаний призвал своих людей спешиться и повел их в бой, подняв свое копьё как штандарт, доказав, что если никакая кавалерия не может устоять против римлян, то уже пехота тем более.

Натиск оказался таким мощным, что вольски были вынуждены отойти, так что римляне прорвались через их линии, сомкнувшись за спешившимися конниками, и те были вынуждены сражаться в окружении. Увидев это, римская пехота предпринимала отчаянные усилия, чтобы спасти своих всадников.

Не сумев пробиться назад, Тимпаний достиг холма, где молодые римские всадники образовали круг наподобие того, что делали шотландские знать и другие воины при

Флоддене (в 1513 г.). Они сражались, пока ночь не разделила их, обе армии впали в панику и бежали в противоположных направлениях, оставив на поле только Тимпания с его отрядом. Он не двигался до рассвета, опасаясь засады, но утром, обнаружив, что окрестности покинуты, направился со своим отрядом в Рим, где его ожидал торжественный прием.

Из приведенных нами описаний сражений следует, что римские конники лишь при необходимости сражались пешими, вовсе не намереваясь ввести это в привычку, ибо в этом случае они, вероятно, имели бы оборонительное вооружение.

Во время битвы при Сентинуме римская и кампанская кавалерия дважды успешно атаковала галльских всадников, но затем, столкнувшись с боевыми колесницами врага, видом вооружения, испугавшим лошадей, бросилась назад и помешала своей пехоте. Похоже, что военные колесницы в этом сражении стали эффективными в основном потому, что оказались в новинку и произвели большой моральный эффект.

Снаряжение, вооружение, тактика ранней римской конницы

Снаряжение и вооружение первых римских всадников было достаточно простым. Они носили короткие туники, оставлявшие конечности обнаженными, чтобы они могли легко спешиваться и садиться на лошадь. Конники не использовали ни седел, ни стремян, на спину лошади клали попону, на которой сидели. Она закреплялась на месте подпругой, кожаным грудным ремнем и подхвостником.

Всадники не имели доспехов, используя в качестве единственного средства защиты круглый щит, покрытый воловьей шкурой, и шлем. Полибий пишет, что их копья оказывались бесполезными по двум причинам. Во-первых, они были очень легкими и хрупкими, так что легко ломались. Во-вторых, имели наконечник только на одном конце, так что, когда во время первого удара он ломался, в руке всадника оставалось бесполезное древко.

Полибий презрительно отзывается и о щитах, говоря, что они не выдерживали ударов, а скобы, за которые их держали, не отличались ни удобством, ни прочностью. Даже если технология их изготовления была правильной, под дождем кожа становилась мягкой и портилась до такой степени, что вскоре оказывалась бесполезной при отражении ударов. Ранняя римская кавалерия была вооружена мечами и копьями. Поскольку конники были легко вооружены и почти лишены средств защиты, во время боя они подвергались большой опасности.

Впоследствии римляне внесли улучшения в свою кавалерию, использовав опыт греков. Они приняли более длинное и прочное копье, имевшее железные наконечники на обоих концах. Улучшили и щиты, их сделали меньше и прочнее, квадратной или продолговатой формы. Лезвия мечей стали шире, длиной всего 13 дюймов (33 см), очень острые. Вначале их носили с правой стороны, а со времени Веспасиана²² слева, поскольку с правой стороны появился кинжал.

Сначала шлемы изготавливали из кожи, затем из металла. К тому времени, когда кавалерия стала воевать без защитного оружия, всю пехоту снабдили латами. Хотя в описанной выше битве между Брутом и Тарквинием кавалерия начала сражение, так было не всегда. Известно множество примеров, когда кавалерия находилась в тылу, действуя в качестве резерва. Если складывалась сложная ситуация, она спешивалась, приходя на помощь пехоте. Мы уже отмечали случаи на Регильском озере, и в бою между римлянами и сабинянами в 447 году до н. э., и с Секстом Тимпанием в 422 году до н. э., описанные выше.

По описанию Ливия легко установить причину, почему кавалерия начала сражение между Брутом и Тарквинием. Он говорит, что Брут выехал вперед со своей конницей, чтобы провести разведку, и Тарквиний поступил точно так же. Когда Арунс разглядел отряд во

²² Веспасиан (9—79) – римский император в 69–79 гг.

главе с консулом, то закричал, выйдя из себя: «Вот тот негодяй, что изгнал нас из нашей страны! Посмотрите, как он скачет вместе с знаками нашего достоинства. Да помогут мне боги отомстить за правителей!» Затем он пришпорил свою лошадь и яростно ринулся навстречу Бруту. Они пронзили друг друга копьями, упали замертво, и их кавалерия вступила в бой. Все это отражает яростную личную вражду, вызвавшую этот поединок между разведывательными отрядами, хотя и нет доказательства, что существовал такой обычай, но в случившееся можно поверить на основе имеющихся свидетельств.

Весьма вероятно, что кавалерия организовывалась, оснащалась и устраивалась ради двух целей – для разведки, где служба не требовала тяжелого вооружения, так что конники могли осуществлять свои обязанности, не подходя к противнику на близкое расстояние, и для преследования отходящего врага, где скорость играла особую роль. Обе эти задачи требовали максимально облегченного вооружения.

Во-вторых, похоже, что во время действий всадники держались в тылу, но не в качестве резерва, а скорее всего, с намерением в случае победы преследовать бегущего противника. Для подобных целей также не требовалось тяжелое защитное вооружение, ибо во время возникшей при отступлении паники не ожидалось никакого серьезного сопротивления со стороны беглецов. Не обремененные тяжелым вооружением, конники могли преследовать отходящих с большей скоростью.

Действительно, входило ли в намерения командования сохранение кавалерии в резерве, чтобы, спешившись, конники сражались, поражая пехоту, ясно одно, что они, вероятно, были вооружены еще тяжелее, чем пехотинцы, считаясь главной поддержкой во время сражения. Перемещаясь на спинах лошадей и не испытывая усталости, они, вероятно, носили более тяжелое вооружение, чем если бы не ездили верхом. Такой способ использования конников, скорее всего, установился со времен Ганнибала, когда в вооружение и устройство римской кавалерии были привнесены многие новшества.

Позже, в битве при Каннах (216 г. до н. э.), римские всадники также спрыгивали с лошадей и сражались с карфагенянами. Увидев это, Ганнибал сказал: «Лучше бы их доставили ко мне связанными по рукам и ногам».

Тактической единицей римских всадников оставалась турма, состоявшая из трех декурий по десять человек каждая, ими командовали три декуриона. Старший декурион командовал турмой. Кроме этих офицеров, имелось еще три, выбранные ими, они действовали как замыкающие, так что турма состояла из тридцати человек и шести офицеров, все они подчинялись главному, а в его отсутствие второму декуриону.

Для боя турма строилась в три ряда по десять человек, а иногда в четыре ряда по восемь. Командир находился в центре, второй и третий декурионы размещались на правом и левом флангах соответственно, также наравне с передним рядом. Три замыкающих располагались сзади, один в центре, остальные на каждом фланге. У каждой турмы имелся свой значок.

В каждом легионе было по десять турм, или по одной в каждой когорте, так что кавалерия составляла примерно одну одиннадцатую (или меньше) часть легиона. Обычно конники размещались на флангах, но могли находиться и в тылу у пехоты.

Легионы союзников состояли из того же количества пехоты, как и у римлян, однако кавалерии было в два раза больше, 640 в легионах союзников и 320 у римлян. Обычно турмы расставлялись с интервалами, равными их собственному фронту, между рядами оставляли примерно пять футов (1,5 м) пространства, чтобы дать солдатам достаточное место для использования метательного оружия. Эти небольшие тактические объединения оставляли большой простор для маневра, предназначаясь также для предотвращения паники, в которую легко впадали большие массы плохо обученных войск.

Когда объединяли шестнадцать турм, они образовывали крыло или алу под командованием префекта. На флангах к кавалерии обычно присоединяли легкую пехоту, они смешивались и сражались едиными отрядами, а остававшаяся часть кавалерии помещалась в тылу пехоты, закрепляя победу – преследуя разбитого врага.

Как мы уже показали, кавалерия союзников во много раз превышала ту, которой располагали римляне. Похоже, что она осуществляла функции легкой кавалерии и использовалась в основном для разведки и фуражировки. Часто она создавалась в местности, где происходили военные операции, и образовывалась из тех, кто являлся сторонниками Рима. В бою конница союзников действовала на флангах и называлась эквиты аларии (т. е. фланговые), отличаясь тем самым от римских конников, называвшихся эквиты легионарии.

Перед Пуническими войнами римляне, хотя и рассматривавшие службу в кавалерии как весьма почетную и пополнявшие ее ряды молодыми людьми, занимавшими самое высокое положение в обществе, так и не оценили ее истинное предназначение, не поняв, как ее следовало использовать на войне наилучшим образом, и конница служила для разведки или преследования. Похоже, другими функциями она у римлян не наделялась. Скорость лошади легко подходила для указанных целей, однако сама идея использования кавалерии как орудия сокрушения вражеского строя, сокрушающего сопротивление своей массой, силой и скоростью, никак не доходила до римлян.

Часто они использовали конницу наряду с пехотой, но странно, что никогда не пытались применять тяжеловооруженных драгун, которые, спешиваясь, могли занять свое место в боевом порядке вместе с триариями – лучшими пехотинцами-вете ранами. Римляне не организовали подобный корпус, продолжая использовать группы плохо вооруженных и снаряженных конников, совершенно не приспособленных для широкого применения, что могло бы случиться, если бы они учли возможности, открывшиеся перед кавалерией в то время, когда радиус действия поражающего оружия ограничивался несколькими шагами.

Конница в сражениях с Ганнибалом

Ганнибал, считавшийся одним из величайших мастеров военного дела, которые появляются только раз в столетие, гений которого внес так много в развитие военного искусства, стал первым в Западной Европе, кто осознал истинное значение конницы и полностью использовал ее возможности. Как и Александр на Востоке, так и Ганнибал на Западе добился серии блестящих успехов в сражениях против лучшей пехоты своего времени благодаря искусному использованию многочисленной и прекрасно обученной кавалерии.

Чтобы вторгнуться в Италию, Ганнибал прошел из Испании через Пиренеи вместе армией в 50 тысяч пехотинцев и 9 тысяч конников, сражавшихся под его командованием в войне в Испании и считавшихся опытными ветеранами²³. Соотношение кавалерии к пехоте было большим, чем в римских армиях, и почти тем же самым, как и в армии Александра, которую тот повел в Малую Азию.

Карфагенская кавалерия намного превосходила по качеству ту, которой обладали римляне. Она делилась на тяжелую и легкую. Тяжелая носила латы, включая защиту ног, использовала мечи и короткие копья, которые при необходимости можно было метать. Конники группировались согласно греческой традиции в эскадроны по шестьдесят четыре человека каждый, с построением восемь на восемь. Кавалерия галльских союзников также состояла из тяжеловооруженных всадников, использовавших длинные мечи, снаряжалась, формировалась и действовала по образцу греческих катафрактов.

Нумидийские всадники, составившие в армии Ганнибала легкую кавалерию, были лучшей легкой конницей того времени. Поскольку мы располагаем противоречивыми описаниями их снаряжения и вооружения, сложно точно представить, как они сражались.

Очевидно, они использовали небольших лошадей, на которых ездили без седел (как и

²³ После перехода через Альпы у Ганнибала осталось 20 тысяч пехотинцев и 6 тысяч всадников; пополнив свою армию галлами в Цизальпинской Галлии, он довел ее численность до 40 тысяч, а затем до 50 тысяч (при Каннах).

во всей античной кавалерии). Нумидийцы были бедно оснащены, фактически сражались почти голыми, управляли своими лошадьми кнутом или кожаной плетью. В армии Ганнибала они выполняли такой широкий круг обязанностей, что сложно представить, что их плохо кормили. В описании боя на реке Тицина (Тичино) в 218 году до н. э. Полибий сообщает, что они не использовали ни поводьев, ни уздечек. Он сообщает о тяжелой кавалерии, имевшей поводья, и что она размещалась в центре, а нумидийцы – на флангах, отсюда делаем вывод, что у нумидийцев не было поводьев. Кроме того, все древние писатели называют нумидийцев прямо «gens inscia freni» (племя, не знающее узды) или «Numidae infreni» (нумидийцы, едущие на невзнузданных лошадях).

На колонне Траяна нумидийцы изображены практически полностью обнаженными, единственным их одеянием был небольшой плащ, или мантия, носившийся через плечо и свободно свисавший. Одна такая фигура описана у Монфокона: римский солдат пытается стащить нумидийца с лошади за волосы. Лошадь представляет собой небольшое худое животное, не изображены ни седло, ни уздечка, ни попона.

Страбон также пишет о том, что нумидийцы управляют лошадьми с помощью прута и что без всякого принуждения лошади шли за ними, как собаки. Согласно столь авторитетному источнику, предположим, что нумидийцы действительно управлялись без уздечки. С другой стороны, Фалар, не слишком полагавшийся на изображения на колонне Траяна, рассматривает их как «чистый домysel скульптора». Весьма вероятно, что Фалар совершенно прав в отношении необходимости использования удила, но все писавшие о них авторы – Полибий, Страбон, Силий Италик, Иродиан и Вергилий – единогласно утверждают, что нумидийцы не использовали поводьев.

Вероятно, в своей собственной стране нумидийцы и привыкли служить практически обнаженными. Однако это вовсе не говорит о том, что, когда их вербовали в армию Ганнибала и они начали служить в Испании и Италии, они не получали какого-либо легкого одеяния. В качестве оружия они использовали дротики и небольшие круглые щиты. Нумидийцы не были приспособлены для ведения боя в сомкнутом строю или эскадронами, хотя, похоже, Ганнибалу удалось обучить их, а также сформировать из них эскадроны по шестьдесят четыре человека в каждом и расположить их на флангах своей армии, хоть и не на передней линии.

Очевидно, что их главной задачей было ошеломлять врага, вести разведку, добывать провиант, нападать на конвои и аррьергарды и совершать набеги с целью захвата вражеского фуража. Нумидийцы отличались храбростью и предприимчивостью, быстротой передвижения. Их главное преимущество состояло в способности изматывать, их тактика, как и у персов, состояла в том, чтобы наносить удары непостоянными группами. Нумидийцы также с удивительным искусством метали свои дротики, во время нападения могли быстро отступить и снова напасть, когда появлялась такая возможность, повторяя подобный маневр с такой быстротой, какую позволяла скорость передвижения, сила и готовность их лошадей.

Отличаясь искусством нападения из засады, преподносимыми сюрпризами, перестрелками, нумидийцы считались самыми полезными воинами на пересеченной местности и среди препятствий. Неудивительно, что Ливий считал их лучшей кавалерией во всей Африке.

Трудно переоценить те огромные преимущества, которые подобная конница давала Ганнибалу. Без нее и собственной тяжелой конницы он не смог бы продержаться в Италии даже на протяжении одной кампании. С ними же он большей частью победоносно сражался во враждебной стране шестнадцать долгих лет, находясь далеко от своих опорных пунктов, фактически отсеченный от источников пополнения и поддержки.

Если бы у римлян была так же хорошо оснащенная конница (или превосходящая Ганнибала по количеству), возможно, он тотчас начал бы страдать от недостатка продовольствия и сдался бы или же покинул Италию. Перед нами первый в истории Западной Европы пример использования тех огромных преимуществ, достигнутых благодаря преобладающей силе кавалерии. В настоящем исследовании мы покажем, что подобная идея

постоянно станет возникать, и множество примеров ясно покажет, чего можно достичь благодаря рациональному использованию многочисленной, должным образом обученной и оснащенной кавалерии.

Ганнибал не только в полной мере осознавал значение кавалерии во всех второстепенных военных операциях, но и первым на Западе стал использовать все ее тактические и силовые возможности. При нем конные эскадроны огромной массой обрушивались на врага, ошеломляя его стремительной атакой, становящейся основой победы. Никто лучше его не умел использовать кавалерию еще до начала боя, а затем добиваться успеха с помощью конников уже в самом сражении.

Первое столкновение Ганнибала с римлянами в Италии произошло на берегу реки Тицина (Тичино). Практически вся битва свелась к действиям кавалерии и показала не только превосходство карфагенской кавалерии, но и блестящее мастерство Ганнибала в управлении ею.

Услышав, что приближается противник, Сципион, командовавший армией римлян, выдвинувшийся со своей кавалерией и частью легковооруженного войска, чтобы разведать местность, почти сразу встретился с Ганнибалом, занимавшимся той же самой деятельностью с кавалерийским отрядом.

Их столкновение стало прологом Тичинского боя, ставшего первым столкновением между Ганнибалом и римлянами в Италии и выделяющегося не столько количеством участвовавших в нем войск, сколько моральным эффектом, породившим долговременные последствия.

Сципион построил свою тяжелую кавалерию в одну линию, видимо, по турмам и эскадронам по 64 человека каждый, с интервалами, в которых встала легкая пехота. В центре он поставил галльских союзников Рима, а римская конница находилась на флангах. Легкая пехота встала в интервалах между турмами и в центре, где легкая пехота выстроилась в линию. Ганнибал построил свою тяжелую конницу в линию, возможно эскадронами по 64 конника, с интервалами между эскадронами, и его силы были более многочисленными. Нумидийскую кавалерию он поместил на флангах, так что они частично охватывали линии его противников.

Сразу же стало ясно, что перемешивание римлянами кавалерии с легковооруженной пехотой снижает маневренные возможности конницы и более подходит для обороны. К тому же легковооруженные войска не обладали достаточной стойкостью, чтобы оказать реальное сопротивление кавалерии, против которой могла действовать только сильная группа тяжеловооруженной пехоты.

Ганнибал тотчас увидел слабость подобного построения. Его военачальники и всадники проявляли нетерпение и просили дать сигнал к атаке. Стремительная атака кавалерии не оставила времени для действий легковооруженной пехоты, которая, как пишет Полибий, «смогла бросить лишь свои первые дротики, как, испугавшись карфагенской конницы, обрушившейся на них, опасаясь, что их растопчут лошади, отступила назад и исчезла в проходах между эскадронами».

Римские всадники двинулись навстречу карфагенянам, завязалась рукопашная, в нее вступили спешившиеся всадники. Нумидийцы пронеслись мимо флангов римской конницы и, набросившись на легковооруженную пехоту, отступившую в тыл, начали крушить ее копытами своих лошадей. Уничтожив эти вспомогательные войска, нумидийцы развернулись и напали на тыл римского центра, все еще занятого отражением атаки карфагенской тяжелой кавалерии. Вскоре они обратили их в бегство, и окончательную победу таким образом одержал Ганнибал.

Приведенное выше описание отчетливо показывает, что внезапная атака тяжелой кавалерии карфагенян практически ошеломила римскую легковооруженную пехоту своей внезапностью. Произошедшее доказало превосходство Ганнибала в открытой местности, и моральный эффект оказался весьма продолжительным. Сципион тотчас отступил, поспешно прошел по долине к мосту, через реку По и переправился по нему со своей армией. Как

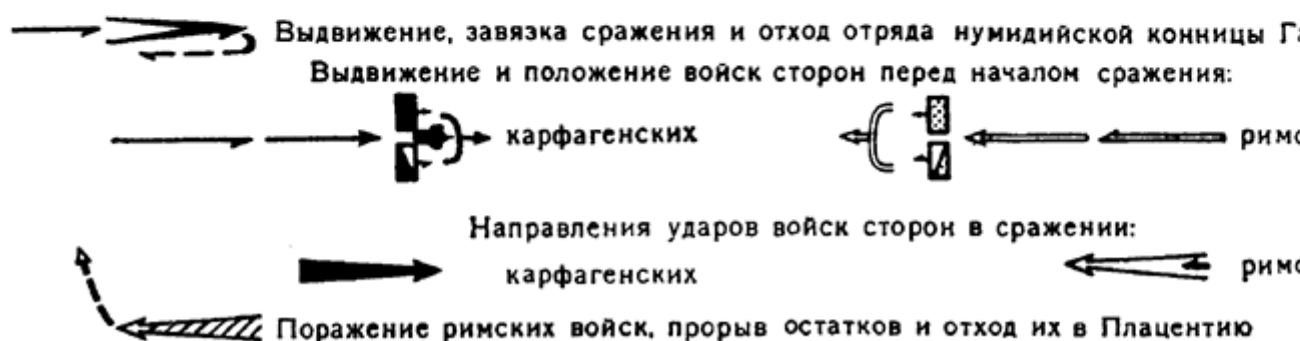
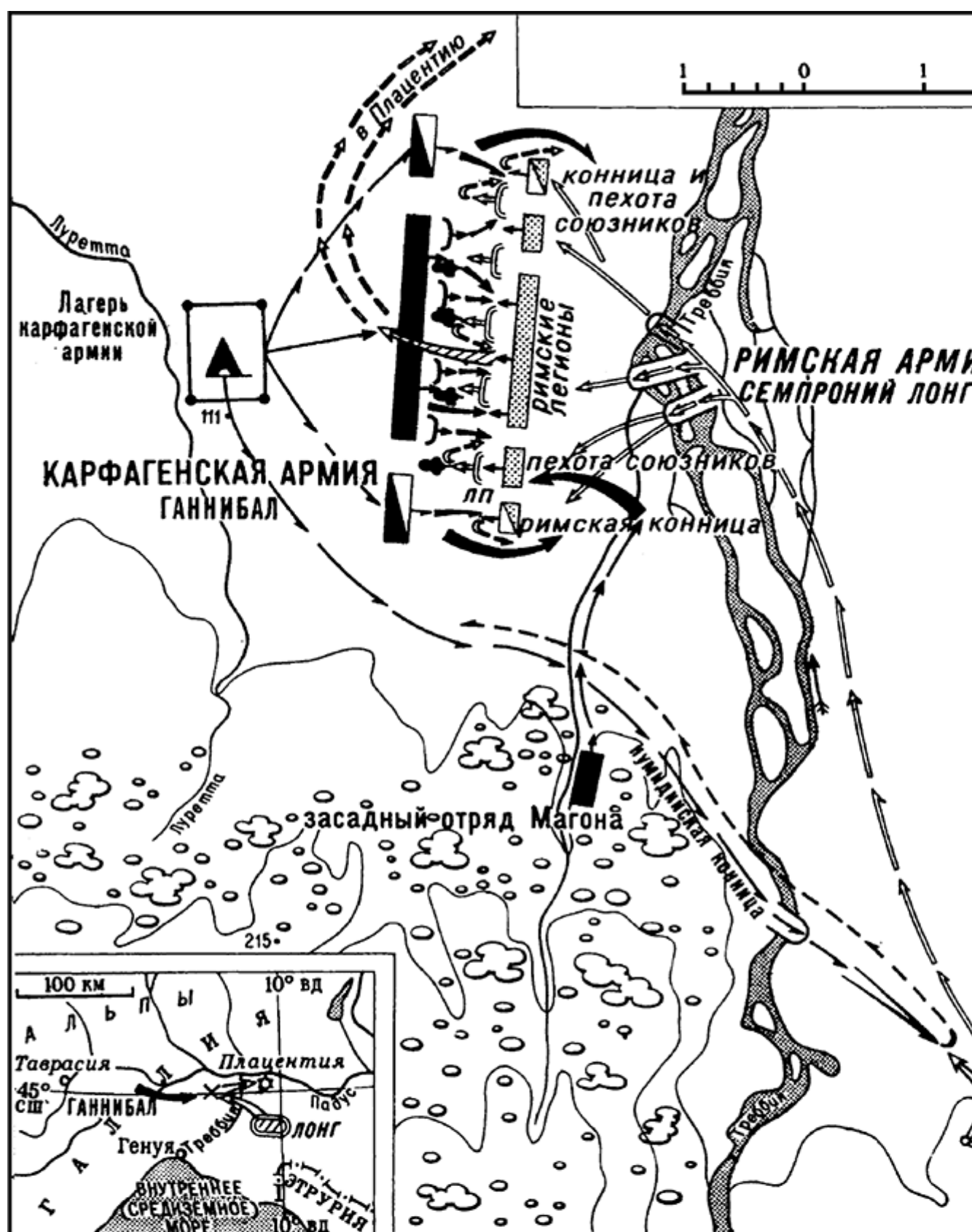
пишет Полибий, «не чувствуя себя в безопасности на открытой и плоской местности, в окружении врага, намного превосходившего его своей кавалерией».

Тактика римского генерала в начале его кампании оказалась ошибочной. Конечно, ему должно было быть известно, что Ганнибал весьма превосходил его своей кавалерией как в количественном, так и в качественном отношении, а римская пехота превосходила ту, что имелась у карфагенян, отличаясь лучшей дисциплиной, и была совершенно уверена в себе.

Поэтому римляне всегда возлагали свои основные успехи на пехоту, воспринимая ее как главное средство достижения победы в соответствии со своими представлениями. И трудно понять, почему Сципион в первой битве выставил самую слабую часть своей армии против самой сильной и лучшей части армии его врага. Трудно переоценить моральный успех первой победы, редко случается так, чтобы разбитая во время первого конфликта армия способна оправиться и обрести ту уверенность и моральную силу, которые в дальнейшем так важны для победы.

Следующей великой битвой, выигранной Ганнибалом, оказалось сражение при Треббии (в декабре 218 г. до н. э.). И здесь он проявил свои качества как умелый полководец и лидер, в то время как римляне совершали одну ошибку за другой. Ганнибал расположился вместе со своей армией примерно в пяти милях к югу от Плаценции (Пьяченцы), перерезав сообщение римских консулов с Римом и Аримином (Римини). Поэтому римляне выступили из Плаценции на запад, переправились через реку Треббгию и разбили лагерь на ее левом берегу, рядом с городом, где размещались их склады и запасы.

Ганнибал снова использовал своих нумидийцев, чтобы перевести действие на выбранное им место, где устроил засаду, откуда отряд мог напасть с фланга и тыла на своих противников в критический момент сражения. Кроме того, он направил нумидийцев опустошить расположенную по соседству от римского лагеря деревню. Командовавший римлянами Семпроний Лонг вывел против них свою кавалерию и большую часть лучников, заставив отступить к своим линиям, после жаркого боя. Ганнибал отвел свои войска, позволив Семпронию праздновать несомненный успех.

План сражения при Треббии

Ночью Ганнибал скрытно вывел своего брата Магона вместе с 2 тысячами вооруженных пиками солдат, половину которых составляла пехота, а половину кавалерия, по высохшему руслу реки и поставил их впереди своего правого фланга, где они были полностью укрыты. На рассвете, перед тем как римляне собирались поесть, он отправил своих нумидийцев через реку, чтобы те начали угрожать лагерю римлян и побудили бы их вступить в сражение.

Семпроний бездумно попал в ловушку. Он отправил свою кавалерию напасть на нумидийцев, велел, чтобы 6 тысяч пеших лучников следовали за своими конниками, наконец, лично вывел оставшуюся часть своей армии из укрепленного лагеря. Успех предыдущего дня сделал его слишком самонадеянным.

Тогда стояла зима, было очень холодно, и вдобавок римляне были голодны. Ганнибал ожидал их на выбранном им для боя месте, его люди были одеты тепло, отдохнули и готовы к бою. Кроме всего прочего, Семпроний повел своих людей через разлившуюся реку, его армия ослабла от холода и вступила в генеральное сражение, когда река оказалась в его тылу.

Сражение при Треббии на деле подтвердило, что своим успехам Ганнибал был обязан многочисленной и хорошо управляемой кавалерии. Когда римляне стали преследовать нумидийцев через реку, Ганнибал отправил на помощь своей кавалерии легковооруженную пехоту и пращников с Балеарских островов, всего около 8 тысяч, а затем двинулся и сам с основным войском. Его пехота, состоявшая из галлов, испанцев и африканцев, численностью в 20 тысяч человек, была построена в одну линию фалангой. Боевые слоны и кавалерия, включая и союзников из Галлии, численностью в 10 тысяч человек, поровну разделилась между флангами. (Всего у Ганнибала было 30 тыс. пехоты и 10 тыс. конницы.)

Полибий пишет, что Семпронию Лонгу пришлось собирать свою кавалерию, попусту растратившую силы на нумидийцев, оказавшихся искусными наездниками, «разбегавшимися в беспорядке при первом столкновении и тут же храбро возвращавшимися для нанесения нового удара». Свою пехоту римский консул построил следующим образом: в центре римская пехота, справа и слева от нее пехота союзников, кавалерия общим числом в 4 тысячи человек была построена на флангах – на правом фланге союзная конница, на левом римская конница. Всего римское войско насчитывало 32 тысячи пехоты и 4 тысячи конницы.

Римские велиты почти сразу отступили под ударом легковооруженных карфагенских пехотинцев, поскольку израсходовали почти все свои дротики и стрелы во время стычек с нумидийцами, продолжавшихся с раннего утра. Затем в бой вступили основные силы, и тут карфагенская конница, более многочисленная и стремительная, так сильно обрушилась на римскую кавалерию, что та тотчас была рассеяна и в смятении бежала с места сражения.

Следовавшие за тяжелой конницей нумидийцы и легкая пехота бросились на оставшиеся незащищенными стоявшие на флангах части римских легионов и привели их в беспорядок. В довершение разгрома Магон, выскочивший из засады, ударил легионам в тыл. Развернувшаяся карфагенская конница опрокинула фланги римлян, их конница и велиты были отброшены за реку.

Но тяжеловооруженная римская пехота, стоявшая в центре, оказалась вполне достойной своей славы и двинулась на наступавшую в полном порядке карфагенскую фалангу, ибо Ганнибал не торопился начинать бой в центре. Резервы и фланги римлян были уничтожены; с тыла им угрожали войска, бывшие в засаде; по всей местности рыскали победоносные неприятельские всадники, полноводная река отделяла римлян от лагеря. Но, беспрекословно повинаясь приказу консула, никто и не подумал о сдаче. Легионы сомкнулись теснее, двинулись вперед, прорвали весь центр карфагенской армии и пробились к Плаценции. На другой день в город прибыл Сципион, прошедший ночью мимо карфагенского лагеря с собранными остатками войск.

Сражение примечательно демонстрацией удивительных боевых качеств римских

тяжеловооруженных легионеров, а также высокой боеспособности карфагенской конницы. Без сомнения, никто не сомневается и в том, что своим успехом Ганнибал был обязан исключительно своей превосходной кавалерии.

Если бы римский консул проявил большее искусство в сражении, не полагаясь только на удачу, он занял бы такую позицию, что фланги его армии были бы защищены и не были рассеяны конниками противника. И если бы удивительное боевое искусство, храбрость и самообладание римских пехотинцев использовались для достижения преимущества должным образом, результат мог быть совершенно иным. Ведь битва при Треббии показала, что карфагенская пехота не устояла под атаками тяжеловооруженных римских легионеров.

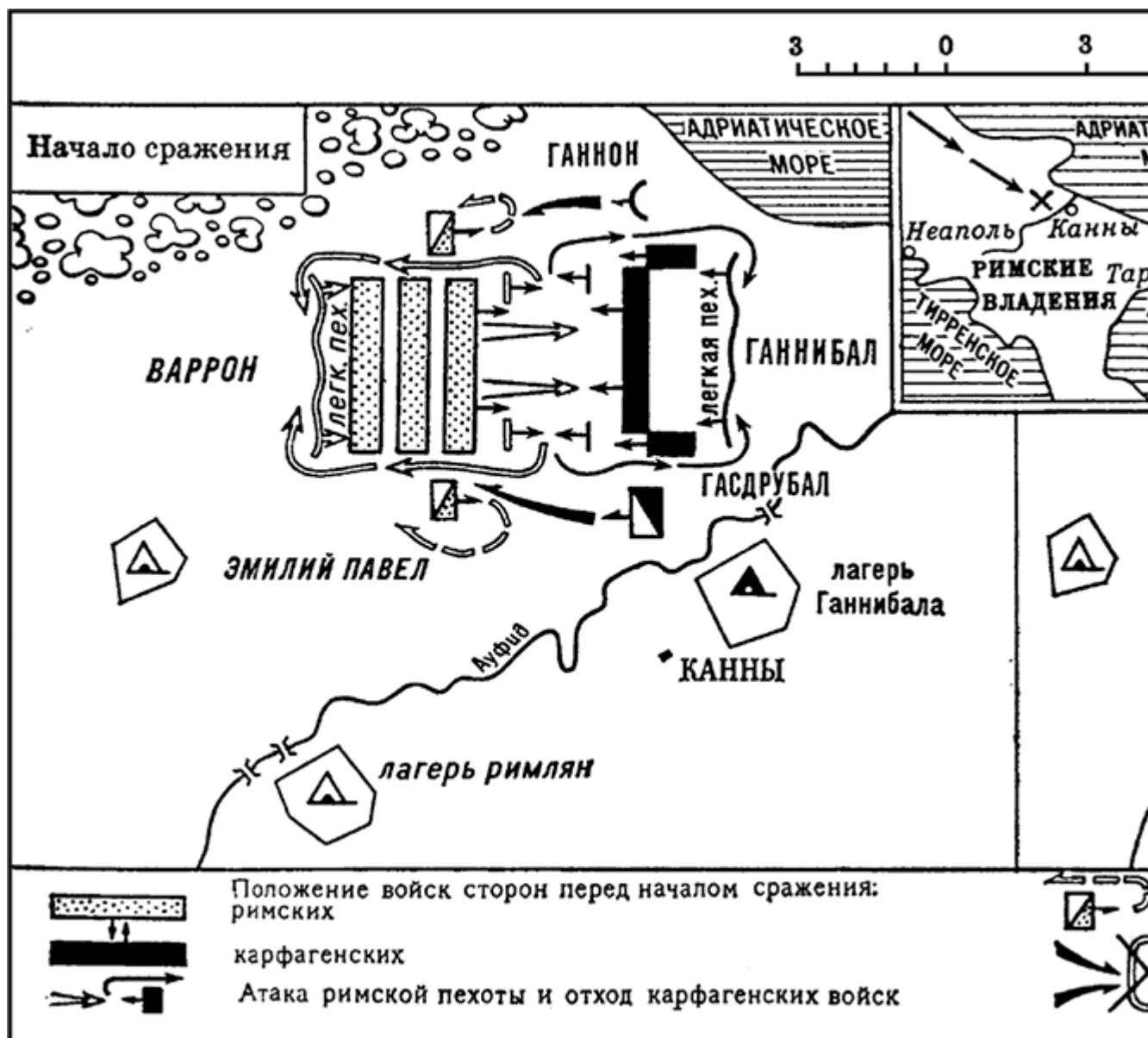
В описании битвы при Каннах в 216 году до н. э., где Ганнибал одержал свою самую решительную победу над самой большой армией, какую Рим когда-либо выставлял против него, мы видим еще один пример огромного преимущества, какого великий полководец смог добиться, используя все возможности своей кавалерии.

За несколько дней до этого сражения произошла стычка между Ганнибалом, его кавалерией и легкой пехотой и передовым отрядом римлян, которым командовал консул Теренций Варрон. При первом же выпад карфагенской кавалерии, как обычно, с огромным напором, римляне пришли в беспорядок, их могли полностью окружить, но Варрон выставил между кавалерией несколько когорт из легионерской тяжеловооруженной пехоты. Подобная предосторожность, утверждает Полибий, позволила ему спасти свой отряд.

Во время сражения при Каннах армия Ганнибала стояла в дуге, образуемой излучиной реки Ауфидий (Ауфидус). Тяжелая галльская и испанская кавалерия, числом в 8 тысяч, разместилась на левом фланге, ее край опирался на реку. Рядом с ними расположилась половина африканской пехоты (6 тыс.). В центре тяжеловооруженная галльская и испанская пехота (20 тыс.) была построена в большие батальоны (хилиархи) примерно по 1024 человека каждый. Справа от них расположилась другая часть африканской пехоты (6 тыс.) и далее на правом фланге – 2 тысячи всадников нумидийской кавалерии.

Римское войско построилось следующим образом. Римские эквиты числом в 2400 человек встали на правом фланге, перед 8 тысячами всадников тяжелой кавалерии Ганнибала. Пехота была построена в центре, обычным манипулярным строем в три линии (гастаты, принципы и триarii) с интервалами, равными их собственному фронту. Но чтобы увеличить прочность строя, фронт манипул уменьшался спереди до 10 человек в шеренге, увеличиваясь в глубину до 16 шеренг. Это было сделано, чтобы реализовать преимущество численности со стороны римлян. Кавалерия союзников (около 4 тыс.) располагалась на левом фланге, противостоя нумидийцам²⁴.

²⁴ Римляне выставили 55 тысяч тяжелой и 8 тысяч легкой пехоты, 6 тысяч конницы, всего 69 тысяч, 7 тысяч оставили в обозе и 10 тысяч в лагере. Общая численность римской армии 86 тысяч.

Сражение при Каннах 2 августа 216 г. до н. э.

Пращники и другие легкие войска карфагенян, равно как и легкие войска римлян, были построены перед основными линиями, они открыли битву, сражались в течение длительного времени, проявляя чудеса храбрости, но без решительного результата.

Ганнибал не смог не отметить большое превосходство римской пехоты, отчасти приписывая ее их вооружению, из-за чего и передал африканским ветеранам вооружение и оружие, захваченное у римлян. Галльская и испанская пехота, вооруженные щитами и мечами, были выстроены в форме дуги, обращенной выпуклостью к неприятелю. Предполагалось, что бой начнут эти войска, а затем уже вступят в дело африканцы, стоящие на главной линии, выполняя функции резерва.

Вслед за боем легкой пехоты (отошедшей позже за расположение основных сил) Ганнибал ввел в действие кавалерию. Он приказал, чтобы 8 тысяч человек его тяжелой конницы, находившейся слева, атаковали 2400 римских всадников, им противостоявших. Как и следовало предположить, последние тотчас были опрокинуты и покинули поле сражения.

Тем временем нумидийцам велели начать демонстративный бой с союзной римской конницей, оказавшейся на их непосредственном фронте, как можно дольше избегая решающего столкновения.

Победоносная карфагенская кавалерия, изгнавшая римских всадников с поля, прошла по тылам римской армии и нанесла удар по коннице римских союзников, в то время как

нумидийцы атаковали их с фронта. Конечно, и эта конница была разбита.

Тем временем римская пехота атаковала основные силы Ганнибала, заставила их начать отход и продолжала наступать, войдя внутрь расположения карфагенян. В этот момент оба фланга африканской пехоты атаковали фланги углубившихся в боевые порядки противника римлян. Уничтожив и рассеяв кавалерию римлян, конница Ганнибала освободилась и смогла помочь своим соратникам из пехоты, набросившись с огромной силой на тылы римских легионов. С того времени происходящее превратилось в настоящую бойню, потери в живой силе оказались в процентном отношении в разы превосходящими те, что когда-либо случались в античных войнах.

Действия кавалерии Ганнибала во время этого сражения, равно как и при Треббии, во многом напоминают тактику Алек сандра при Иссе и Арбелах (Гавгамелах). Все детали битвы при Каннах, описанные древними историками, доказывают, что кавалерия Ганнибала отличалась высокой степенью дисциплины, иначе ей никогда не удалось бы совершить столь победоносную атаку, так быстро остановить преследование и вновь атаковать, затем снова остановить преследование и вновь вступить в сражение.

Необычайное мастерство Ганнибала проявилось в расстановке его кавалерии. На левом фланге, где он планировал нанести первый удар, он поставил 8 тысяч человек против 2400; на правом – нумидийцам, не имевшим численного перевеса над противником, он запрещает ввязываться в серьезный бой, пока их не поддержит конница левого фланга. Это показывает, как он понимал принцип, признаваемый и теперь, – противостояния массы собственной армии отдельным частям врага.

Войны с Ганнибалом и многочисленные поражения, претерпеваемые римлянами из-за недостатка в качественной кавалерии, вскоре заставили их предпринять особые усилия, чтобы ликвидировать этот недостаток. Публия Корнелия Сципиона, сына римского консула, командовавшего битвой при Тицине, назначили командовать римскими армиями в Испании после гибели его отца и дяди. Этот великий полководец, впоследствии добавивший к своему имени Африканский, победивший Ганнибала при Заме, не пользовался доверием со стороны высшего командования, когда энергично принялся за улучшение кавалерии.

В своих реформах он следовал греческой системе, тогда считавшейся лучшей. Воины были снабжены шлемами, латами, продолговатыми небольшими щитами, сапогами с железными наконечниками на обоих концах, дротиками и мечами. Особое внимание Сципион уделил их строевой подготовке и упражнениям, которыми руководил лично.

По словам Полибия (во II главе X книги он приводит перечень его нововведений и маневров), каждый всадник индивидуально обучался поворачивать направо или налево, отходить назад, не нарушая строя, отступать рядами в определенном порядке и снова поворачиваться, занимая ту же самую площадь, с того места, где они начинали разворачиваться.

Их приучали также внезапно поворачивать на три четверти вправо или влево. Иногда одна или две колонны из центра или флангов выдвигались вперед на некоторое расстояние, оставшиеся понуждались идти галопом, обучаясь образовывать ряды точно в промежутках. Похоже, что маневр изобрели, скорее всего, для того, чтобы придать устойчивость войскам, но вовсе не для иных целей.

Сципион также тренировал конников перемещениям с одного крыла на другое в соответствии с фланговым движением фаланги, добиваясь соблюдения интервала между колоннами и движения целой колонной в новом направлении и затем выстраивания фронтом. Такое перемещение представляло собой то же самое движение, что и колонна на марше, и было важным, поскольку различные войска прибывали на свои соответствующие позиции в разное время. Сципион лично тренировал своих солдат, обучая их продвигаться вперед, нападая на врага или отступая, так, чтобы порядок не нарушился, ибо считал, что для конницы нет ничего опаснее атаки в беспорядке. Он проверял и обучал свою кавалерию весьма тщательно, заставляя их выдвигаться из города в поля, где сам обучал тем движениям, которые хотел, чтобы усвоили.

Чтобы улучшить систему упражнений, Сципион не использовал обычай, бытовавший в то время, и не занимал свое место во главе войска, где каждый видел его и сам он видел каждого, однако утвердил свое превосходство над воинами, перемещаясь от эскадрона и эскадрону во время маневров, тщательно следя за происходящим, давая ясные и точные указания тем, кто колебался, поправляя действия своих воинов. Сципион настолько заботился о своих солдатах, что каждый из них прекрасно осознавал свои обязанности. Дмитрий Фалерский говорит о его методе следующее: «В армии сила целого войска определяется силой и обученностью каждого подразделения и каждого отдельного воина».

Сципион принимал на себя все хлопоты, связанные с его конниками во время кампании в Испании и затем в предстоящих жизненных перипетиях. Он также и пожал в полной мере плоды своих трудов, положенных на обучение воинов римской армии. Своей победой в битве при Заме он обеспечил безопасность не только своей родной страны, но и заложил основы создания будущей империи.

С ранних времен римляне использовали уздечки и поводья, однако в то время еще не имели ни седел, ни стремян. Вместо седла, которое не использовалось вплоть примерно до 340 года и было усовершенствовано спустя еще пятьдесят лет, во времена Феодосия Великого, римская кавалерия применяла двойную попоны из материи, шкуры или кожи. Нижняя часть попоны была больше верхней, в ряде случаев окаймлялась бахромой.

Она удерживалась на своем месте с помощью подпруги, подхвостника (части конной сбруи) и кожаного ремешка. Над ним располагалась меньшая часть, край которой украшался фестонами, иногда кисточками. Нагрудный ремешок и подхвостник также часто украшались кисточками, полумесяцами и другими декоративными вещами. Две ткани или покрывала скреплялись вместе четырьмя пуговицами с ремешками или плотно связывались лентами. Никаких стремян не использовали, их начали применять только спустя почти 200 лет после введения в широкое употребление седла, то есть примерно к концу VI века н. э.

Вегетий (конец IV – начало V в. н. э.) пишет, что молодых солдат обучали вскакивать на лошадей с обнаженным мечом или копьем в руках. Как он пишет, исполнения подобного упражнения постоянно требовали как от старейших ветеранов, так и от молодых рекрутов. Их обучали данному упражнению сначала на деревянных лошадях и без оружия, пока они не привыкали его выполнять, затем они проделывали его с помощью оружия. Подобные упражнения производились зимой под крышей, летом на подготовленной территории. Солдат обучали садиться как с правой, так и с левой стороны.

В описании битвы между римлянами под управлением диктатора Эмилия Мамерка и фиденатами начальник конницы (*magister equitum*) Авлий Корнелий приказал своим людям снять с лошадей уздечки и атаковать противника на разнузданных лошадях, причем атака увенчалась полным успехом. Если этот факт верен, то он только доказывает, что Корнелий желал избежать придерживания лошадей всадниками в моменты приближения к противнику и развить до высшего предела быстроту хода лошадей. В этой связи важно отметить, что генерал Гуд из американской армии утверждал, что если в момент нападения кавалерии перерезать поводья, то лошади сметут сопротивление любой пехоты и нападение всегда будет успешным.

Нет единства мнений по поводу наличия подков в римской коннице. Очевидно, что римляне не использовали подковы с гвоздями, как принято сегодня. Неизвестно, когда копыта такого рода впервые изобрели или в какой стране впервые появились, но все же очевидно, что не римлянами. В Греции во времена Ксенофонта сохранилось достоверное свидетельство, доказывающее, что никакие подковы любого рода в кавалерии не использовались, хотя имелись достаточно подробные инструкции, как следовало укреплять копыта.

Вместе с тем ясно, что римляне представляли, как искусственно защитить копыта лошадей. Хорошо известен факт, что мулы и тягловые животные обеспечивались металлической или деревянной обувью (называвшейся *солеа*), удерживаемой на месте с помощью кожаных ремешков, пропускавшихся над копытом.

Все же отметим одно исключение из правил. Светоний пишет, что Нерон использовал 2 тысячи мулов, чтобы перевозить свои экипажи и свиту, когда отправился на Олимпийские игры, и всех этих мулов снабдили «башмаками», состоявшими из серебряной пластины, прикрепленной к копыту ремешком.

Как рассказывает тот же авторитетный источник, использовавшиеся Поппеей (женой Нерона) мулы имели солеа из золота. Все высказывания говорят о том, что во всей империи использовались башмаки одного рода, хотя и не сохранилось прямых свидетельств, доказывающих, что их имели лошади кавалерии. Несмотря на отсутствие медалей и памятников, некоторые комментаторы пришли к выводу, что римляне были внимательны к состоянию ног своих животных, стремясь поддерживать их в добром здравии. Так же они поступали и с вьючными животными.

Лискен считает, что без солеа они не смогли бы совершать длительные и трудные переходы, необходимые в империи, простиравшейся от Британии до берегов Тигра. Он настаивает на том, что их снабжали башмаками, прикрепленными к копытам, причем они так плотно примыкали к ноге, что практически не видны и не запечатлены ни на медальонах, ни на памятниках (основных источниках информации для того времени).

Гумберт соглашается с Лискеном и совершенно уверен в том, что у лошадей в кавалерии имелись солеа. Не вступая в спор со столь авторитетными источниками, как прочие, он заявляет, что стремена и подковы в римской кавалерии не использовались. Причина заключается в том, что точных доказательств нет, мы должны опираться лишь на предположения, выдвигаемые обстоятельствами. Возможно, встречаются случаи и сохранились примеры, когда лошади кавалерии обеспечивались защитой копыт, что позволяло животным перемещаться. Вряд ли обычай был распространен повсеместно и применялся, чтобы «обуть» всех лошадей кавалерии. Тогда бы мы точно получили несомненные свидетельства этого.

Самое первое свидетельство использования лошадиных подков, прибывавшихся к копыту, мы находим на скелете лошади, найденной в гробнице царя франков Хильдерика (ок. 440–481/82), случайно обнаруженной в 1653 году в Турне, городе в современной Бельгии. Хильдерик правил с 458 по 481 год, так что дата появления лошадиных подков фиксируется по крайней мере 480 годом.

Римская кавалерия достигла своих высот при Сципионе, и после этого периода долгое время оставалась в отличном боеспособном состоянии. Разделение легиона на манипулы, насчитывавшие от 60 до 120 человек, их обычное формирование с интервалами между ними облегчало действия кавалерии, действовавшей такими небольшими тактическими объединениями, как турма. Так, проходя через интервалы, она обрушивалась на врага и помогала своей пехоте в критические моменты. Именно для этой цели часть кавалерии обычно держалась в резерве, в тылу, приходя на помощь, если было нужно.

Сципион и Лентул в Испании и Африке составляли временные когорты, в которых просто объединяли три манипулы в единое целое и использовали получившиеся усиленные формирования как тактические единицы. Инновация, возможно, была вызвана тем фактом, что Сципион оказался лицом к лицу с врагом, обладавшим мощной и эффективной кавалерией, для противодействия которой ему оказалось необходимым объединить свою пехоту и уменьшить промежутки в боевой линии. Одновременно была изменена расстановка кавалерии.

Разделение легиона на когорты в виде ясной и отчетливой организации не могло состояться до Мария, при котором они и превратились в постоянные подразделения. С того времени легион состоял из 10 когорт, хотя и отличавшихся в разное время по численности, сохраняясь под тем же самым названием при всех императорах. Во времена Адриана первая когорта стала состояться из лучших солдат легиона, она также была выделена из общей массы, получив множество привилегий, которыми не обладали другие когорты. Обычно она вдвое превосходила численность других когорт, состояла из 800, 1 тысячи или 1200 человек, в то время как в легионе насчитывалось 4, 5 или 6 тысяч человек. Именно данной когорте

доверяли охранять штандарт или орла, ее называли *cohort miliario*, поскольку при необходимости она также защищала изображения или личный штандарт императора.

Обычно кавалерия размещалась на флангах, причем тяжелая конница становилась рядом с пехотой, рядом с тяжелой конницей на внешнем фланге становилась легкая кавалерия с задачей или защищать фланги собственной армии, или, по возможности, разворачиваться и нападать на фланги и тылы противника. После объединения легионов в когорты резерв кавалерии обычно ставился в тылу, для того чтобы кавалерия имела возможность оказывать быструю поддержку пехоте, когда та начинали теснить.

Кампании Сципиона Африканского. Сражения при Илинге (Илипе) и Заме и война с Митридатом

Сражение при Илинге (Илипе) в 206 году до н. э. в Испании между Сципионом Африканским и Гасдрубалом, сыном Гисгона, по праву считается высшим достижением тактического искусства в истории римской армии, поэтому оно заслуживает более пристального изучения, тем более что в нем ярко проявилась ведущая роль кавалерии в боевых действиях.

Гасдрубал и Магон располагали армией, насчитывавшей 70 тысяч пехоты, свыше 4 тысяч кавалерии и 32 слона. Сципион уступал им в количественном отношении, его армия состояла из 45 тысяч пехотинцев и 3 тысяч конников. Собрав свою армию весной 205 года до н. э., Гасдрубал направился в город Илинг (Илипа) и расположился поблизости от подножия горы, где построил укрепленный лагерь. Перед лагерем простиралась широкая равнина, исключительно удобная для сражения.

Положение Сципиона в тот период оказалось весьма критическим, причиняя ему немало беспокойства. Его римские легионы казались ему слишком слабыми, чтобы попытаться вступить в генеральное сражение против намного превосходящей его армии, в то же время он не был до конца уверен в своих испанских союзниках, чтобы позволить себе полностью положиться на них в столь важном для него сражении. Однако, чтобы ввести противника в заблуждение, заставив его поверить в свою силу, Сципион решил сделать вид, что он полностью полагается на силу и верность своих союзников. На самом же деле он планировал в решающий момент сражения ввести собственные верные войска, отведя своим союзникам роль прикрытия, заполняющего промежутки между его легионами и задерживающего противника на линии боя.

Для начала Сципион переместился к позиции карфагенян примерно на полмили и там расположился лагерем, ибо предвидел, что Гасдрубал, скорее всего, начнет мешать группам его солдат, укреплявшим лагерь. Поэтому он одновременно разместил свою кавалерию в засаде позади горы. Неожиданно появившись из-за укрытия, римские конники напали на Магона и Масиниссу, вышедших с конницей, включая нумидийцев, для атаки. Замысел Сципиона увенчался полным успехом, карфагеняне были смяты, в беспорядке вернулись в собственный лагерь, понеся большие потери. Столь успешная стычка не только вдохновила римлян, но и подтвердила преданность испанских союзников Сципиона.

В течение двух дней обе армии сохраняли противостояние, каждый день выходили в боевом порядке на равнину, расположенную между лагерями, не вступая, однако, в решающее сражение. Только легкие войска время от времени вступали в частные стычки.

Сам же Сципион несколько дней внимательно наблюдал за Гасдрубалом и тщательно обдумывал порядок наиболее выгодного для него расположения своей армии. Он увидел, что африканская пехота, составлявшая лучшие войска Гасдрубала, занимала центральную часть боевого порядка, а его союзники вместе с кавалерией и слонами располагались на флангах. Размещая свою армию подобным образом, Гасдрубал стремился противопоставлять свои лучшие войска римским легионам, которые обычно занимали центральную часть римской боевой линии, как, бесспорно, самая храбрая и лучше всего дисциплинированная пехота своего времени. Он видел армию Сципиона день за днем, наблюдая, как та строится в

длинные линии в установленном порядке, отмечая, что испанцы и другие, не очень надежные союзники Сципиона выстраиваются на флангах. Следовательно, как казалось Гасдрубалу, его боевой порядок для боя с противником представлялся самым лучшим из возможных.

Сципион же наметил провести быстрое перестроение своих войск, изменив их расположение и поразив врага своей внезапностью, тем самым обеспечив своим войскам явное преимущество.

Когда наступил день, намеченный Сципионом, когда он решил изменить ход боевых действий, он предпринял все меры предосторожности, какие мог изобрести искусный солдат. Его войска начали перемещения ранним утром, приказания Сципиона передавались трибунам и офицерам, чтобы те лично проследили за тем, чтобы всех солдат снабдили завтраком, вооружили и снарядили для выступления до того, как рассветет.

Кавалерия и легковооруженные войска выступили первыми, за ними следовали основные силы, выстроившиеся на равнине в новом порядке. Испанцы образовали центр линии, в то время как римские легионы поровну поделили между флангами. Кавалерия продвинулась к лагерю врага и стала угрожать нападением. Когда день стал разгораться и Гасдрубал увидел движение римской армии, он отправил им навстречу свои легкие войска и кавалерию. Стремясь остановить римскую кавалерию, они выступили столь поспешно, что оделись наскоро и не успели поест. Сам же Гасдрубал выступил вслед с оставшейся частью войска, также голодной. Он построил обычный боевой порядок, поставив слонов перед флангами.

К тому времени поднялось солнце, и тогда легкие войска Сципиона быстро отошли в стороны и назад, переместившись к соответствующим флангам. Взгляду Гасдрубала открылась римская армия в новом и непривычном боевом порядке. У него не оставалось времени, чтобы произвести какие-либо перемены в расположении своих войск. Он увидел, что его испанские союзники примут на себя главный удар отборнейших войск противника и что судьба сражения решится в результате этого боя. Гасдрубалу не оставалось времени на размышления, поскольку Сципион стремительно приближался, и его маневры явно показывали, что он будет атаковать врага.

Как уже говорилось, Сципион наступал вместе с испанскими союзниками, построенными фалангой в центре. Римские войска на флангах образовывали плотный боевой порядок, где манипулы принципов находились в интервалах между манипулами гастатов. За ними были построены триарии, подкрепляя их тыл, так что каждая когорта состояла из подразделений сомкнутого строя, 32 человека по фронту в каждой шеренге и 12 человек в глубину.

За тяжелой пехотой двигались велиты и кавалерия. Велиты в манипулярном строю, конница за ними, по 1500 конников на каждом фланге, причем каждые три турмы были сведены в более крупные подразделения, между которыми имелись интервалы.

Тактическое устройство для битвы явно было продумано заранее, его сообщили всем римским командирам. Сам Сципион принял на себя командование правым крылом, Юлий Силан – левым. Затем вся римская армия продвинулась вперед, карфагеняне также пошли навстречу. И здесь на расстоянии в несколько сотен метров оба крыла выдвинулись вправо и влево.

Римские фланги, переместившись вправо и влево, построились в боевой порядок перед флангами врага, а затем устремились в атаку. В то же время велиты и конница не прекращали выдвигаться на флангах. Вскоре боевой порядок армии Сципиона настолько растянулся в обе стороны, что охватил боевой порядок карфагенян и их союзников. Затем Сципион приказал испанцам в центре почти не продвигаться вперед, боевой порядок перестал быть прямым, а два римских крыла выдвинулись вперед, чтобы начать сражение. Бой начался атакой римской кавалерии, напавшей на карфагенскую конницу с фронта и с флангов, велиты атаковали слонов, причем так успешно, что те бросились назад на собственные линии, где вызвали сильный беспорядок.

Теперь Сципион, наконец, воспользовался преимуществами, полученными в ходе организации и тренировки его кавалерии, поскольку они тотчас заставили нумидийских всадников пуститься в беспорядочное бегство и выдворили их с поля боя. Римские легионы по своему тяжелому вооружению, обученности и крепкой дисциплине намного превосходили испанских союзников карфагенян, никогда не сумевших стать равными с ними в сражениях. А в этот день они находились не в такой позиции, чтобы устоять перед римлянами, да вдобавок сражались, не успев поесть перед боем. Вскоре они понесли тяжелые потери и их также обратили в беспорядочное бегство на обоих флангах.

Все это время, пока решалась судьба битвы, отборные войска Гасдрубала оставались на своих позициях бездействующими зрителями беспорядка, который не могли предотвратить. Гасдрубал опасался двинуть свою африканскую пехоту на помощь своим флангам, потому что фаланга испанских союзников, находившаяся в центре армии Сципиона, медленно продвигалась вперед, готовая в правильном порядке воспользоваться преимуществами первого ложного движения противника²⁵.

Африканская пехота подтвердила свою высокую репутацию, поскольку, когда ее фланги были полностью разобщены и обращены в бегство, она отступила в должном порядке, прикрывая отступление и таким образом сохранив оставшуюся часть своей армии.

Действия римлян заслуживают пристального изучения, выделяясь тем, что в них в полной мере раскрылись тактические возможности римской армии. Произошедшее доказывает, что римская армия стала обладать необычайной устойчивостью и слаженностью маневрирования, иначе она бы никогда не попыталась осуществить перемещение перед лицом предприимчивого противника, обладавшего прекрасной кавалерией.

Забота, которую Сципион проявлял в отношении тренировок и упражнений его кавалерии, превратила ее в прекрасно обученную боевую силу. Сципион точно знал, насколько может доверять своим воинам. Та же самая уверенность в способности его солдат к маневрам позволила Фридриху II Великому принять кривой боевой порядок, поскольку прусский король был уверен, что сможет успешно проделать то, что в других армиях его времени могло привести к разгрому.

Сравнение этой битвы со сражениями под руководством Ганнибала показывает, с какой тщательностью противники изучали его боевой опыт и применяли его в обучении и управлении войсками. Двенадцатью годами ранее Сципион был юношей семнадцати лет от роду, сопровождавшим отца, тогда командовавшего римской армией в качестве одного из консулов в первой военной стычке, случившейся на берегах Тицины. Вскоре после этого он сражался в битве при Треббии, а спустя два года бился на гибельном поле Канн.

Во время своего первого сражения Сципион видел, как римская кавалерия потерпела полное поражение от нападавшей армии, тогда его отец был тяжело ранен (рассказывают, что он спасся лишь благодаря личной храбрости молодого Сципиона), с огромным трудом были сохранены остатки разбитой армии.

Горький опыт первого сражения явно научил Сципиона ценить значение обученной конницы. При Треббии, где он принимал участие, Сципион столкнулся с другим сокрушительным поражением, выпавшим на долю его соотечественников. Он понял, что поражение было вызвано тем, что кавалерию (тогда самую слабую часть римских войск) сокрушили на флангах, в то время как в центре, где находились лучшие силы римлян, пехота не могла проявить себя до тех пор, пока судьба сражения не была решена.

При Каннах Сципион снова наблюдал за разгромом римской армии, вызванным превосходящей кавалерией противника, не говоря уже об искусной тактике великого карфагенского полководца. Столь суровый опыт сам по себе предопределил будущий расцвет деятельности Сципиона как военачальника.

²⁵ В то же время атаковать центр армии Сципиона карфагеняне не могли, в этом случае они оказались бы в положении римлян при Каннах и были бы окружены.

Вначале Сципион решил преобразовать свою кавалерию, и мы выше описали его методику. Когда ему пришлось вступить в действие, в его памяти воскресли продрогшие от холода, усталые и голодные товарищи в сражении при Треббии. Подражая тактике своего противника (т. е. Ганнибала), Сципион стал побуждать неприятеля вступить в сражение усталым и голодным, отказаться ставить в центр лучшие войска. Начав сражение, он охватил фланги врага своими отлично обученными всадниками и одержал блестящую победу. Она стала одной из тех, которая в общих чертах явилась повторением его первого ключевого боя, естественно с противоположным результатом.

Следствием сражения при Илинге стало завоевание римлянами Испании и очищение ее от карфагенян. Вскоре (в 204 году до н. э.) Сципион высадился в Африке, после продолжительных сражений Ганнибал возвратился сюда в 203 году до н. э. из Италии, обе противоборствующие стороны собрали свои силы для окончательной и решающей битвы, которая, как полагали, должна была решить, кому станет принадлежать весь тогда обзримый мир.

Сражение оказалось одним из самых значительных по своим результатам и одним из самых решающих, оно состоялось около селения Зама, расположенного примерно в пяти переходах к юго-западу от Карфагена в 202 году до н. э.

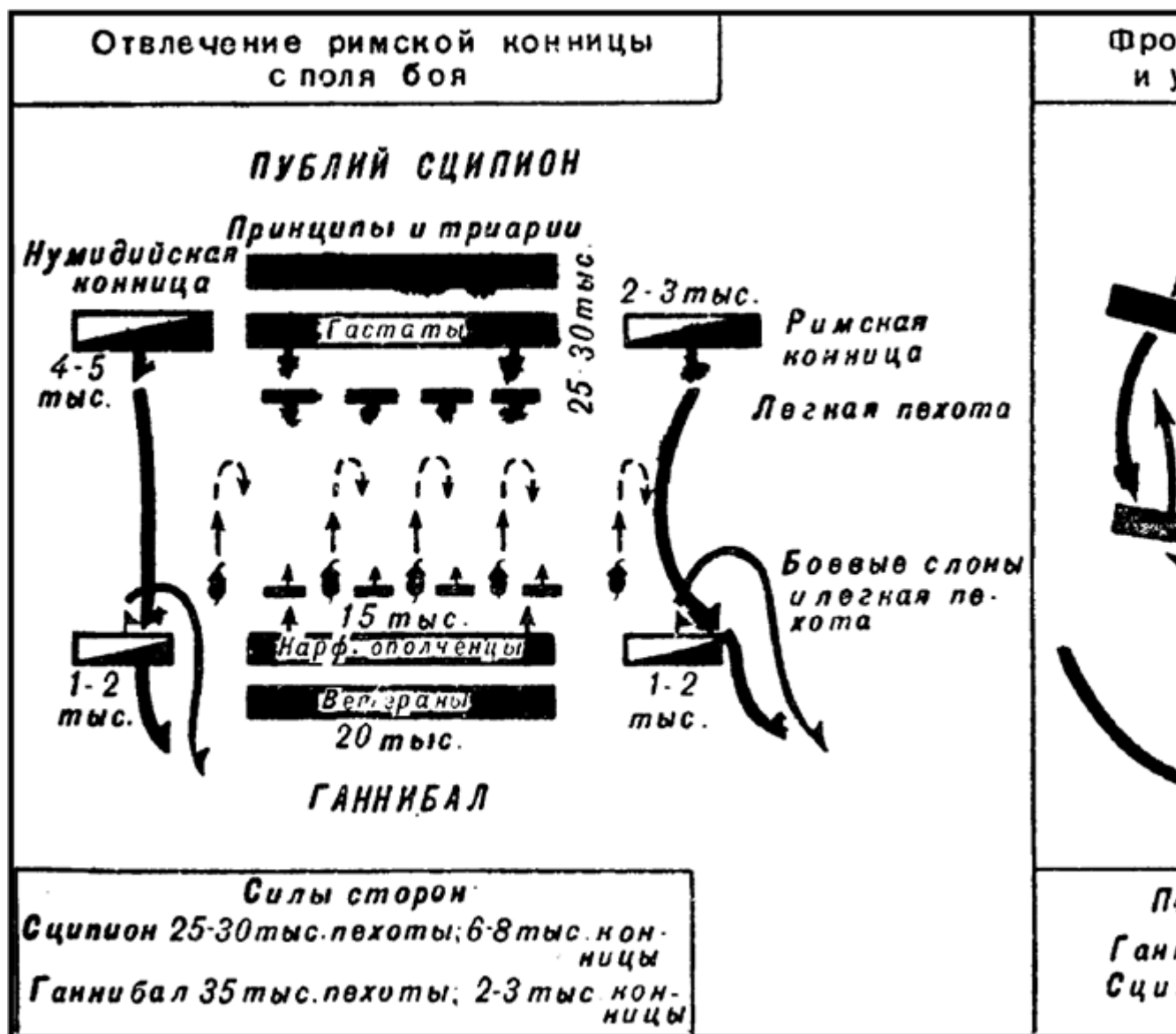
По имеющимся, хотя и весьма недостоверным, данным, армия Сципиона состояла примерно из 40 тысяч человек, в том числе 6 тысяч пехотинцев и 6 тысяч нумидийских конников, которых привел нумидийский царь Масинисса незадолго до битвы. В армии же Ганнибала насчитывалось примерно 2700 недавно набранных, не очень хорошо подготовленных карфагенских конников, всего 2 тысячи конных нумидийцев, примерно 50 тысяч пехотинцев и 80 слонов.

С тех пор как шестнадцать лет назад в пору своей зрелости Ганнибал впервые встретился со своими римскими врагами, в боевом порядке в обеих армиях произошли сильные изменения. Насколько численность конницы возросла в римской армии, настолько она уменьшилась в карфагенской.

Правда, в распоряжении Ганнибала было 24 тысячи человек пехотинцев-ветеранов, сражавшихся вместе с ним в течение длительного времени в Италии, они были столь дисциплинированы и так искусно владели оружием, что Ганнибал приравнял их к лучшим римским легионам. Но его кавалерия была теперь немногочисленной, слабо обученной, а нумидийских конников насчитывалось всего 2 тысячи.

С другой стороны, Сципион располагал сильной кавалерией, обученной необычайно тщательно, хорошо оснащенной, прекрасно вооруженной и находившейся в высшей степени боеготовности. Возможно, Ганнибал это прекрасно понимал, увидев выставленную против него нумидийскую кавалерию численностью в 6 тысяч человек, чьи высокие качества он прекрасно осознавал и на которую во многом полагался в своих прежних сражениях, которая обеспечивала безопасность его армии в столь многих кампаниях и походах.

Ганнибал построил свою армию в три линии или фаланги, но недальновидно расставил своих людей без промежутков. Восемьдесят слонов распределились вдоль фронта, 1200 лигурийцев, галлов и других наемников образовали первую линию, новобранцев из африканцев и карфагенян поставили во второй линии, построенной почти сразу же за первой. Одновременно ветеранов Ганнибала из Италии численностью в 24 тысячи человек, выступавших в качестве резерва, построили в одну линию без промежутков на некотором расстоянии от второй линии, так что в случае отхода беглецы с передних линий могли отступать, обходя фланги и ветеранов. Карфагенскую кавалерию он поставил на своем правом крыле, 2 тысячи нумидийских конников построились на левом фланге карфагенского войска.

Бой при Заме в 202 г. до н. э.

Сципион, оказавшийся великим знатоком военного искусства и доказавший свою способность к оригинальным решениям, и здесь не изменил себе, проводя необходимые перемены в организации и тактике без всякой соотнесенности с образцами и устоявшимися традициями. Как обычно, Сципион организовал свою пехоту в три линии, но поставил когорты принципов как раз за когортами гастатов, так что зрительно его армия построилась в виде линии колонн с интервалами между ними.

Эти интервалы были заполнены велитами, так что издали казалось, что римская армия выстроилась в фалангах без промежутков. Подобное расположение использовалось Сципионом, чтобы оставить промежутки для прохода слонов, которых затем должны были уничтожить велиты.

Римская кавалерия под командованием Лелия встала на левом фланге, в то время как правитель Нумидии Масинисса со своими 6 тысячами конников сражался на правом. Кавалерия вступила в стычку друг с другом, но Сципион некоторое время выжидал, стремясь избавиться от слонов, прежде чем двинуть собственную пехоту. Она стояла, пока Ганнибал не начал действовать, приказав двинуть вперед слонов.

Звуки римских труб и рожков напугали слонов, они забеспокоились, вдобавок велиты напали на них с дротиками, кавалерия также двинулась на слонов, так что некоторые слоны прошли через проходы, оставленные Сципионом в своей линии. Некоторые слоны обошли фланги войска, другие в испуге повернули назад на кавалерию с левого фланга армии

Ганнибала, создав беспорядок в ее рядах. Воспользовавшись возможностью, Масинисса со всем свойственным ему мастерством пожилого и опытного командира кавалерии тотчас стремительно атаковал эту конницу, заставив обратиться в бегство. В равной степени успех сопутствовал и Лелию, доминировавшему с кавалерией на своем фланге, он не менее яростно преследовал бежавших конников.

Тем временем в действие вступила пехота. Наемники первой линии вскоре были серьезно потеснены и, вовсе не поддерживаемые карфагенянами, находившимися на задней линии, решили, что их предали, отступили назад и даже напали на своих соратников, вызвав среди них смятение. Однако и римские гастаты едва устояли. Увидев, что воины карфагенской первой линии бегут, и опасаясь, что и вторая линия также придет в беспорядок, Ганнибал велел своим ветеранам выставить копья и принудить отступающие войска рассредоточиться по флангам.

Сципион не позволил своим гастатам преследовать, снова их построил и, развернув принципов и триариев на их флангах в одну линию с ними, повел их на карфагенян. Началась новая битва между ветеранами Ганнибала и римской пехотой. Полибий пишет, что «численность, решительность и вооружение обеих сторон были равны, они сражались с таким упорством, что умирали в рядах во время сражения, и никто не мог сказать, кто же возьмет верх».

В этот решающий момент сражения, когда судьба его зависла на волоске, Лелий и Масинисса, отведшие назад своих победоносных конников и не давшие им продолжить преследование, напали на тыл фаланги Ганнибала и сумели опустить чашу весов. Карфагеняне были разбиты и обращены в беспорядочное бегство, поскольку равнина, на которой происходило сражение, оставляла их на милость кавалерии, преследовавшей их совершенно безжалостно. Сам Ганнибал с трудом ушел от преследования. Так закончилась великая битва, которая, как замечает Полибий, утвердила римлян господами мира.

Несомненно, сражение выиграла кавалерия, весьма искусно брошенная в действие в нужный момент, очень умело ведомая двумя военачальниками. Именно они, прекратив преследование, развернулись и в нужном порядке приняли участие в битве, когда следовало добиться решающего перевеса, доказали, что действительно являются командующими кавалерии высшего типа.

На исходе Пунических войн римская кавалерия находилась в превосходном состоянии, ее применение прекрасно осознавали и ценили ее свойства лучше, чем в любой другой период римской истории. Впоследствии кавалерия в римской армии была более многочисленной, иногда намного превышая по численности пехоту. Однако ее качество ухудшилось, не такой совершенной оказалась и дисциплина, равно как и командующие не были такими искусными и умевшими использовать ее эффективно.

Через сто с лишним лет после Замы, в 86 году до н. э., Сулла вел войну с полководцами Митридата в Беотии. Он располагал армией в 15 тысяч пехотинцев и только 1500 конников, в то время как у его противников армия была намного больше. В сражении при Орхомене, чтобы защитить свои фланги, Сулла распорядился построить два укрепления. Правое он довел до болота, а левое – до реки Меласс, огибавшей справа расположение противника (полководца Архелая) и впадавшей в болото в тылу вражеского войска.

Таким образом, Сулла не только защитил свои фланги, но и нейтрализовал выставленную против него кавалерию, загнав ее во время боя в собственный лагерь. Затем он ворвался туда, уничтожил вражескую армию, зажатую между рекой и болотом и лишенную возможности отступить. Можно только удивляться действиям Архелая, имевшего численное превосходство в кавалерии и позволившего менее сильному противнику пересечь широкую равнину и запереть себя среди непреодолимых препятствий.

Лукулл, командовавший римской армией в период войны с Митридатом, весьма искусно использовал свою кавалерию, именно ей он обязан своим успехом в сражении при Тиграна-керт в 69 году до н. э., где одержал победу над намного превосходившей его армией, разумно организовав своих конников. Тигран, чья армия состояла из 150 тысяч

пехотинцев, 2 тысяч лучников и пращников, 35 тысяч разведчиков и устроителей дорог, 55 тысяч всадников, из которых 17 тысяч имели тяжелые стальные доспехи, расположился на обширной равнине, где перед ним протекала река Тигр.

Лукулл со своими 10 тысячами пехоты, 3 тысячами кавалерии, 1 тысячей пращников и лучников двигался, чтобы напасть на это несметное войско, пересек реку перед правым флангом врага. Увидев столь малое количество воинов, Тигран посмеялся над его наглостью, заявив: «Если они пришли как послы, то их слишком много, если же как солдаты, то их слишком мало».

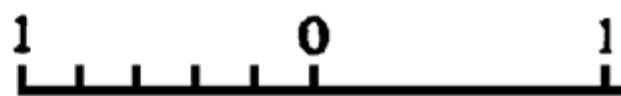
Лукулл подметил, что правый фланг врага близко примыкает к возвышающемуся над ним холму, который остался не занятым врагами. Тотчас же он отдал приказ захватить ее храбрым натиском своей кавалерии, чтобы сразу же атаковать оттуда фланг и тыл правого фланга противника, состоявший из отборной кавалерии, как уже говорилось выше, имевшей стальные доспехи.

Вдобавок Лукулл приказал своим воинам не использовать дротики, а действовать только мечами и сразу же вступать в ближний бой, стремясь в первую очередь перерубить древки копий их противников. Лишившись копий, конники, закованные в железо и не имеющие другого оружия, оказывались беспомощными. Затем следовало поражать их ноги, единственные незащищенные части тела.

Столь храбрый выпад конницы, ведомой самим Лукуллом и поддержанный двумя когортами пехоты, увенчался полным успехом. Тяжеловооруженные всадники, неуклюжие и медлительные в своих движениях, не выдержали столь яростного напора и бросились отступать, сменяя свою пехоту. Так что всего через несколько минут вся огромная армия обратилась в бегство. Необычайно удивленный и пораженный паникой Тигран II оказался одним из первых, кто ринулся прочь вместе со своими приближенными.

Вряд ли заслуживают доверия данные Плутарха, утверждавшего, что потери римлян составили пять убитых и сотню раненых, тогда как только неприятельская пехота потеряла 100 тысяч, не говоря о кавалерии.

Произошедшее отчетливо показывает, что настоящие возможности конницы проявляются только при условии высокой дисциплины и умения маневрировать. Не приходится сомневаться в том, что огромная масса конников под управлением Тиграна, возможно и прекрасно оснащенных, хорошо вооруженных и слывших искусными наездниками, умели наступать, но были явно недостаточно обучены маневрам во время атаки и отступления. Именно поэтому после атаки, когда возникла угроза их флангам, они оказались совершенно неспособными производить неожиданные повороты по фронту или развернуться к противнику, чтобы сразу вступить в бой и отразить его натиск. Паника, возникшая, когда они не смогли оказать сопротивления, новизна опасности, неведение о средствах, какие могли бы исправить ситуацию, естественно поставили конников в безвыходную ситуацию, из которой они могли только спастись бегством.

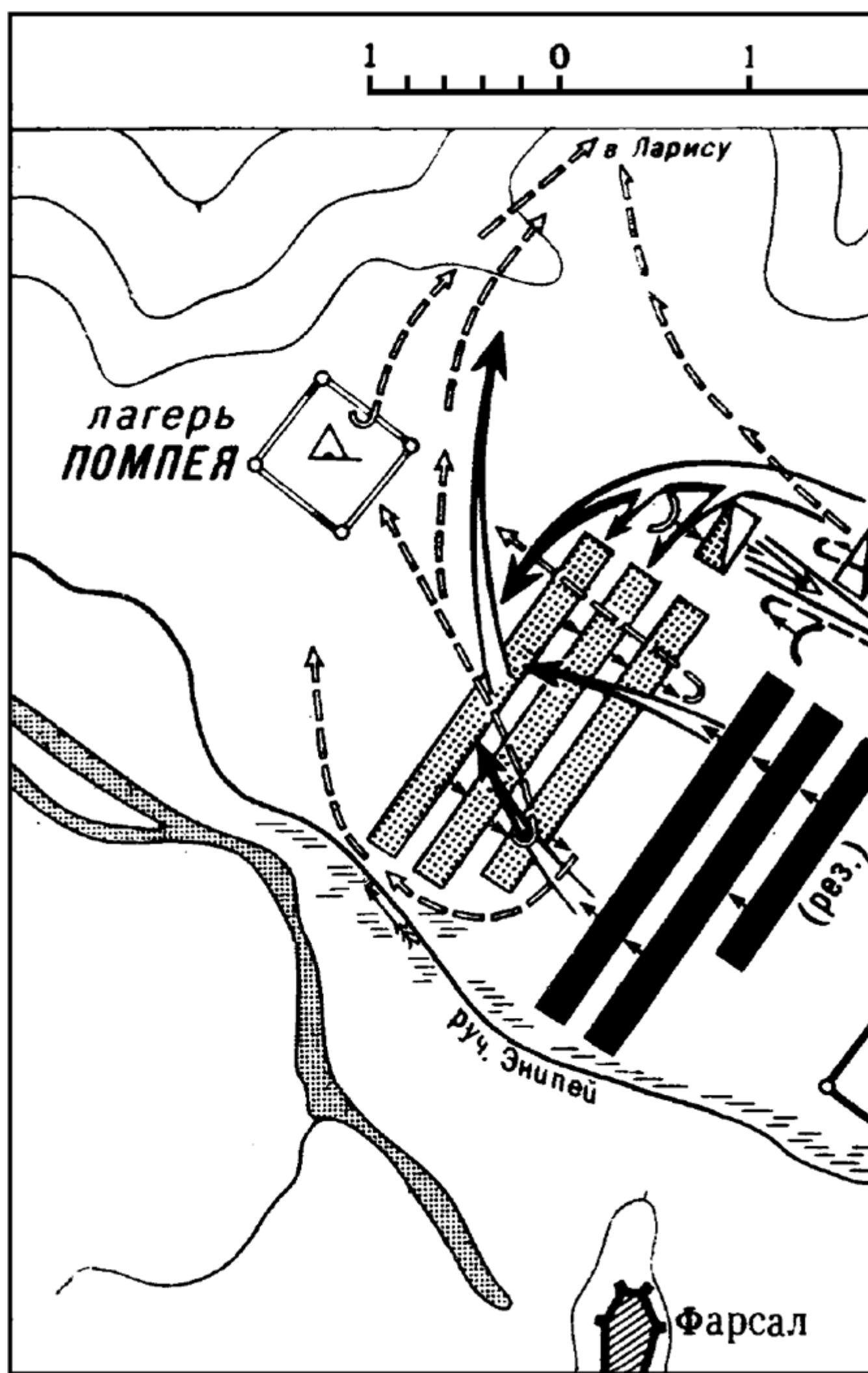
лагерь
ПОМПЕЯ

в Ларису

руч. Энипей

(рез.)

Фарсал

Сражение под Фарсалом 6 июня 48 г. до н. э.

Во время сражения с Тиграном II при Артаксате в 67 году до н. э. в период войны с Митридатом, когда Лукулл снова сражался с армянским царем, римский полководец снова весьма искусно использовал свою кавалерию. Тигран поставил перед своей армией сильный корпус своей лучшей тяжеловооруженной кавалерии, поддерживаемой несколькими легкими эскадронами мардийских лучников и иберийских²⁶ копейщиков, храбрости и умению которых он особенно доверял.

Лукулл же отправил свою кавалерию вдоль реки Арзания, чтобы та сначала напала на эти выдвинувшиеся вперед войска, а затем на переправлявшуюся через реку пехоту, помешав ей завершить переправу. Римская кавалерия нанесла поражение коннице противника на рассвете и рассеяла ее в разных направлениях. Не давая своим всадникам преследовать противника, Лукулл собрал их и снова повел на остатки вражеских сил. Он лично выступил против царских телохранителей, окружавших царя Тиграна, обратил их в бегство и завершил сражение полной победой.

Конница во времена Юлия Цезаря, сражение при Фарсале

Сражение, произошедшее в 48 году до н. э., с одной стороны, интересно как пример преувеличенных расчетов на успех обходных маневров конницы, а с другой – блестящего полководческого таланта Юлия Цезаря, когда этот превосходный мастер искусства войны принял меры предосторожности, успешно защитившие его против фланговой атаки namного превосходящих сил вражеской кавалерии. В течение по крайней мере 150 лет до его времени, такой маневр, безусловно, приносил победу любому военачальнику, искусно использовавшему его.

Обе противоборствующие армии встретились на Фарсальской равнине около реки Энпией. Помпей построил свои войска, его правый фланг упирался в реку, на этом фланге имелось 600 всадников. В центре боевого порядка была построена пехота. Основная же часть кавалерии Помпея располагалась на левом фланге – для того чтобы обойти правый фланг Цезаря и затем прижать его к реке. Его боевой порядок казался удачным, но он мог бы оставить резерв кавалерии. В этом случае, превосходя противника в коннице, Помпей мог бы ввести этот резерв в действии в решающий момент.

Армия Помпея оказалась namного многочисленнее, чем та, что была у Цезаря. В его распоряжении имелось 7 тысяч конников и 45 тысяч пехотинцев. Цезарь имел только 1 тысячу римских всадников и 22 тысячи пехотинцев, но зато он необычайно искусно расположил свою армию. Его левый фланг состоял из 8-го и 9-го легионов под командованием Антония и опирался на реку.

В центре когортами командовал Эней Домиций, в то время как справа любимые войска Цезаря, 10-й легион, были построены под командованием Публия Суллы. Все войска были построены в три линии, 40 когорт разместились в первой, двадцать четыре во второй и только семнадцать в третьей. Каждый легион образовал свою часть из трех линий. Кавалерия численностью всего 1 тысяча человек разместилась справа наравне с первой линией на небольшом расстоянии от нее, оказавшись лицом к лицу с шеститысячной кавалерией Помпея.

Представляя расположение армии противника и замысел Помпея, который собирался своей кавалерией охватить правый фланг противника, Цезарь переместил шесть своих лучших когорт из третьей линии и поставил их в тылу своего правого крыла. Он объяснил им, что они не должны двигаться, пока не начнется атака, чтобы не обнаружить свое присутствие.

²⁶ То есть грузинских.

Когда началась атака конницы Помпея, кавалерия Цезаря не оказала никакого сопротивления, но тотчас отступила назад на позицию на правом фланге и встала справа от шести когорт, куда входили 3 тысячи пехотинцев, тотчас переместившихся направо, чтобы встретить надвигавшуюся кавалерию противника.

Эта храбрая пехота выступила против конников, проявив необычайную отвагу, не только бросая свои дротики, но и используя их как копья (как отмечает Плутарх), бросая их в лицо конников, как велел им Цезарь. Как ни странно, приходится заметить, что эти когорты пехоты нанесли поражение кавалерии, она бежала в беспорядке, бросив большое количество сражавшихся вместе с ней прашников и лучников. Они тотчас были порублены. Державшаяся сзади справа от когорт кавалерия Цезаря, дождавшись, пока не произойдет смятение и волнение среди конницы врага, тотчас отважно устремилась на противника, довершила поражение и продолжила преследование, когда враг бежал.

Победоносная пехота продвинулась вдоль неприкрытого фланга пехоты Помпея, охватила его и обрушилась на фланг и тыл в тот же самый момент, когда 10-й легион Цезаря начал атаку с фронта. В результате не приходилось сомневаться. Помпей тотчас увидел, что дело проиграно, и быстро отступил в свой лагерь, откуда вскоре бежал. Цезарь продолжал преследовать остатки его армии. Во время сражения Помпей потерял 15 тысяч убитыми и 24 тысячи пленными. Цезарь же потерял примерно 200 солдат и 30 центурионов.

Действия Цезаря перед боем и в ходе его были направлены на парирование возможного охвата фланга, чего он по многим причинам опасался. Они были осуществлены искусно. Он также понимал, что все зависит от стойкости шести когорт, и его отказ использовать собственную кавалерию в начале боя позволил сохранить ее в виде резерва до решающего момента.

Умение точно предвидеть ситуацию позволило ему одержать победу, имея конницы в шесть раз меньше, чем противник, сохранив до решительной минуты 1 тысячу свежих всадников и повернув чашу весов в свою пользу в кризисный момент.

Иностранная конница в римской армии

До того как продолжить дальнейшую историю римской конницы, нам необходимо хотя бы кратко обратиться к кавалерии Галлии, Испании и Германии, чьи народы, находясь в союзе с Римом или сражаясь против него, выставляли конные формирования, приобретшие высокую репутацию во многих тяжелейших сражениях.

С ранних времен галлы были известны своей прекрасной конницей. Страбон замечает, что их кавалерия оказалась гораздо лучше их пехоты. Достаточно давно они начали использовать боевые колесницы. Ливий пишет, что, когда Амбигат отправил своего племянника Беловеса основать колонию в Италии во время правления Тарквиния Древнего, тот отправился вместе с огромной армией, состоявшей как из пеших, так и из конных воинов, с которым он и остановился в окрестностях Медполана (Милана).

Когда два века спустя Бренн захватил Рим, то, как отмечает тот же Ливий, в его распоряжении было огромное количество кавалерии, распространившейся по стране и весьма эффективно выполнявшей обязанности авангарда, а также занимавшейся патрулированием и разведкой. Во время вторжения галлов в Италию, произошедшего в 227 году до н. э., их армия состояла из 50 тысяч пеших воинов, 20 тысяч конников и большого количества боевых колесниц.

Галлы ценили свою кавалерию гораздо выше собственной пехоты. Они использовали все возможности, чтобы приобретать хороших лошадей, и давали за них высокую цену. Всадники были вооружены дротиками и длинным мечом, иногда луком и стрелами. Вначале использовали только в качестве защиты и щит, ноги оставались голыми, тело покрывали свободным одеянием или туникой из кожи. Впоследствии носили широкие штаны, рубаху с рукавами, поверх которой надевали кожаную тунику. Основная масса воинов носила бороды, вожжи и знать — только усы.

Впоследствии галлы освоили более тяжелое оборонительное оружие, полагают, что именно они изобрели железные латы, весьма успешно использовавшиеся в последующие годы²⁷. Шлем украшали рогами оленя или металлическим гребнем с большим пучком перьев, что придавало воину особенно свирепый вид. Щит, ставший меньше, также украшался девизом и всякими символами и украшениями.

Вскоре галлы, явно подражая римлянам, заимствовали тяжелое оружие и снаряжение греческих катафрактов. Существовала также разновидность кавалерии, именуемая Тацитом крупелларии. Как отмечает Рокфор, они представляли собой солдат или гладиаторов, с головы до ног закованных в железо и, следовательно, еще более тяжеловооруженных, чем греческие катафракты. Правда, историки того времени редко упоминают о крупеллариях.

Тактическое искусство галлов было весьма несовершенным. Обычно они выстраивали войска в одну линию, кавалерия располагалась на флангах иногда вместе с колесницами. Не похоже, что они использовали резервы. Иногда основную массу войска размещали в виде квадрата, сомкнув вместе щиты, так что воины образовывали непродолимое единство.

Интересно, что тактика кавалерии при этом основывалась на весьма верных принципах. Основная идея связывалась с быстротой и скоростью натиска, обычно он производился всей массой тяжелой кавалерии, которая должна была прорваться сквозь линии врага и образовать проход, через который могла ринуться легкая кавалерия, круша противников, находившихся на флангах и в тылу.

У некоторых галльских племен имелась кавалерия, устроенная в виде небольших групп по три человека, состоявших из сражавшегося всадника и двух его помощников или оруженосцев. Павсаний пишет, что кавалерия Бренна была устроена именно таким образом, с тем чтобы, если убивали лошадь основного воина, он смог бы заменить ее одной из тех, на которых ехали его оруженосцы. Если же его самого убивали, то на его место вставал один из оруженосцев. Эта группа именовалась тримакресией и являлась прообразом средневековой *lance fournie*.

В своей армии Ганнибал располагал большим количеством галльских наемников, они составляли и часть его кавалерии, которая, как мы уже убедились, сослужила ему столь хорошую службу в кампаниях в Италии.

Приняв командование войсками в Галлии, Цезарь тотчас предпринял огромные усилия, чтобы организовать мощную кавалерию, численность которой он намеревался довести до 4 тысяч. Конница набиралась исключительно из союзных галльских племен, к которым он сначала не испытывал доверия. Об этом свидетельствует его выезд на переговоры с Ариовистом, в котором его должны были сопровождать только 500 конников. Для большей надежности он посадил на галльских коней часть своей лучшей пехоты из 10-го легиона и взял их с собой. Однако впоследствии во время сражения, где он нанес поражение Ариовисту, Цезарь искусно использовал свою галльскую кавалерию для преследования, причем на протяжении пятидесяти миль, и она нанесла тяжелые потери германцам.

Во время войн в Галлии Цезарь довел количество своей кавалерии до 10 тысяч, ее части состояли из германцев, испанцев и нумидийцев. В течение длительного периода после этого галлы составляли большую часть кавалерии в римских армиях. В войска Лукулла также входили галльские всадники, которые, как уже упоминалось, ярко проявили себя в сражении при Тигранакерте.

Галльский вождь Верцингеториг, возглавивший мощное восстание против римлян Цезаря, весьма интенсивно использовал свою конницу, проявив удивительное знание ее значения и использования. Цезарь писал, что после избрания Верцингеторига во главе армии галлов он прежде всего уделил внимание формированию конницы.

²⁷ Считалось, что именно галлы изобрели в III в. до н. э. кольчугу, но находки кольчуг в скифских захоронениях датируются V в. до н. э.

После того как Цезарю благодаря его подвижности удалось добиться двух или трех побед, Верцингеториг собрал свой военный совет и предложил, поскольку восставшие галлы превосходили римлян в кавалерии, чтобы они использовали свои войска для опустошения страны вокруг расположения войск Цезаря, отсекая его продвигающиеся отряды, уничтожая всякую провизию, сжигая деревни и оставляя вместо них голое место. Таким образом он хотел окружить римскую армию неуязвимым барьером из конников, заставляя римлян голодать. Предложение Верцингеторига приняли и через некоторое время начали выполнять.

Двадцать деревень и городов сожгли в один день, и если бы галлы продолжали выполнять задуманное и провели план так же решительно и энергично, как это сделали русские в 1812 году, то не приходится сомневаться в том, что результат для Цезаря оказался бы таким же разрушительным, как и кампания 1812 года для великого Наполеона.

Однако вскоре Верцингеториг должен был против своей воли пощадить город Аварик и перейти к действиям в поле. Цезарь тут же воспользовался этим, штурмом захватил Аварик, и 40 тысяч его жителей были убиты. Тогда Верцингеториг потребовал 15 тысяч конников и продолжал уничтожать провизию, сжигать дома и перехватывать римские конвои. Почувствовав опасность, Цезарь решил отступить назад, ближе к римским провинциям, являвшимся его базой.

Проявлявший нетерпение Верцингеториг решил, что армия Цезаря пустилась в бегство, рискнул вступить в сражение и был разбит с огромными потерями. Тогда он бросился в Алезию, тогда считавшуюся неприступной крепостью, и заперся в ней. Цезарь же решил заблокировать его в этом месте и после длительной осады принудить сдаться из-за голода.

Верцингеториг и здесь продолжал искусно использовать свою кавалерию. Прежде чем Цезарь смог окончательно обложить крепость, галльская кавалерия численностью 15 тысяч человек без труда пробилась с поручением собрать огромную армию, чтобы та пришла освободить осажденных. Но когда помощь пришла, Цезарь уже набрал среди германцев 10 тысяч человек конницы, а численность его пехоты доходила до 70 тысяч или даже более 80 тысяч человек.

Прежде чем к галлам в Алезии подоспела помощь, Цезарь настолько плотно окружил их, что подошедшие войска не смогли освободить Алезию, и она вскоре была вынуждена сдаться. Если бы Верцингеториг смог реализовать свои планы или у него был менее способный враг, чем великий Цезарь, то судьба галльского восстания, возможно, оказалась бы совсем иной.

Германцы считались очень воинственным народом. Основная часть войска состояла из пехоты, хотя они также использовали и кавалерию. Они были плохо оснащены защитным вооружением, носили одежду из шкур, плохо скроенную. Ее оказывалось недостаточно, чтобы прикрывать все тело, так что, хотя они и жили в холодном климате, ходили наполовину голыми.

Похожим образом германцы оснащали кавалерию и пехоту. Они использовали небольшие щиты, сплетенные из ивняка, разукрашенные в яркие цвета. По форме щиты были круглыми, иногда продолговатыми, так что конник мог использовать меньшие по размеру, чем те, что были у пехотинца. Хотя германцы и сражались часто против римлян и получали трофеи в виде оружия убитых и пленных, несмотря на то что торговцы из Рима и других соседних стран казались желанными, все же странно, что германцы не стремились улучшить свое оборонительное вооружение, в частности, почти никогда не применяли латы и шлемы.

Наступательное вооружение германцев состояло всего лишь из небольшого копья, называвшегося фрамея, с коротким железным наконечником. Фрамея использовалась в основном для нанесения ударов, хотя иногда и как метательное оружие. Право ношения такого оружия принадлежало только тому, кто оказывался достойным и специально обученным, чтобы его использовать. Так что когда молодой человек достигал того возраста, когда, как считали, он мог занять свое место в строю, то один из вождей или некий родственник передавал ему на общественном собрании фрамею и щит. Общественная

церемония превращала юношу в воина, похоже, что одновременно он получал и право голосования на собраниях, поскольку именно так вооруженные люди решали свои коллективные проблемы.

Германцы использовали не очень хороших лошадей, обычно они не стремились покупать ценных животных, такой обычай существовал лишь у галлов. Они предпочитали своих местных лошадей, низкорослых и невзрачных, но весьма стойких и выносливых, способных участвовать в продолжительных боевых действиях.

Кавалерия германцев в бою нередко спешила и продолжала сражаться пешими, как поступали первые римляне. Их лошади были специально обучены стоять неподвижно, пока всадники не вернутся к ним. Германцы ездили на лошадях без попон или седел любого рода, спешивались и вновь садились на лошадей с удивительной ловкостью. Обычай использования попон для езды считался среди них непозволительной роскошью, позорным проявлением женственности. Так что, без сомнения, несмотря на свою малочисленность, они без колебаний набрасывались на превосходящую их массу кавалерии противника, оснащенной седлами и попонами.

В качестве примера приведем эпизод, когда Цезарь сражался против свевов, вторгшихся в Галлию с многочисленным войском в 55 году до н. э. Около реки Маас произошла стычка между 800 кавалеристами германцев и 5 тысячами конников Цезаря. Сначала германцев никоим образом не волновала численная разница, напротив, они тотчас ринулись в атаку, легко приведя противника в замешательство.

Затем они спешили и начали сражаться пешими среди конных противников, убивали их лошадей, сбрасывали всадников на землю и обращали их в бегство. Во время сражения конница Цезаря, имевшая очевидное численное преимущество, была совершенно разбита и потерпела поражение, понесла тяжелые потери. Конники были настолько деморализованы, что, когда Цезарь выступил против противника на следующий день, он поместил свою конницу в тылу.

В 58 году до н. э. Ариовист, воевавший с римлянами под руководством Цезаря в Галлии, имел в своей армии корпус из 6 тысяч конников, к которым прикрепили 6 тысяч отборных пехотинцев, так что они смогли поддерживать друг друга. Если конник после ранения падал с лошади, пешие солдаты окружали его и защищали, один из них садился на его лошадь и сражался до тех пор, пока также не выбывал из-за ранения.

Пехотинцы оказались необычайно подвижными и искусными, держались за гривы лошадей, не отставая от них, так они удерживались вместе с кавалерией во время самых быстрых перемещений. Такое формирование оказалось необычайно полезным во время стычек с кавалерией противника.

Позже, во время войны в Галлии, когда Верцингеториг ввел большинство галльских племен в состояние конфронтации с римлянами, Цезарю пришлось в поисках конницы обращаться к союзникам среди других народов. Например, в сражении при Неви в 52 году до н. э. Цезарь использовал 600 германских конников, служивших у него с начала войны. В своих «Записках о галльской войне» Цезарь пишет о том, что против них не смогла выстоять кавалерия Верцингеторига, она была разбита и отброшена к его основным силам. Когда все же Цезарь ввел их в действие в виде резерва, то после боя, шедшего в течение некоторого времени между его другой частью кавалерии и конницей врага, приходится все же сомневаться, следует ли приписать успех тому факту, что в действие были введены в критический момент свежие силы (что и привело к расстройству врага), или же действительно великолепным качествам германских конников.

Увидев, что галлы намного превосходят его численностью кавалерии и легкими войсками, что он находится в окружении враждебного населения и неспособен заручиться какой-либо помощью в виде конной армии ни из Италии, ни из римских провинций, Цезарь обратился за поддержкой к германцам. Он отправил через Рейн к этим племенам послание (а германцы хорошо запомнили Цезаря в ходе его действий в предыдущие годы) и потребовал у них кавалерии и легкой пехоты.

Когда те прибыли, то оказались в таком жалком состоянии, что многие лошади в основном были непригодны для службы. Цезарю пришлось предпринять огромные усилия, чтобы вернуть им боеспособность, распределив среди прибывших тех лошадей, что имелись в его войске, а также принадлежали трибунам, другим офицерам и ветеранам. Он также постарался добыть лошадей, где только смог, чтобы полностью обеспечить новые войска, и оказался настолько успешным в своем начинании, что вскоре располагал самым многочисленным и результативным корпусом германских конников. Согласно Аппиану Александрийскому, их численность доходила до 10 тысяч человек.

Впоследствии, когда римляне начали вести агрессивные войны против германцев, продолжавшиеся почти двести лет, ведя постоянные кампании против намного превосходившего их врага, германцы многому научились от них. Постепенно германцы начали использовать лучшее наступательное и защитное вооружение, во многом улучшили тактику, перейдя от оборонительной войны к наступательной. После этого и стали говорить о том, что германцы более, чем другие народы, способствовали ослаблению и уничтожению Западной Римской империи.

Готы, тоже германский народ, слыли отличными воинами. Вестготы располагали немногочисленной кавалерией, в то время как остготы в своих армиях создали многочисленный корпус конников. Вторгшийся в Италию в 489 году Теодорих Великий располагал этой эффективной конницей, а после того, как он завоевал Северную Италию, он учредил в Равенне, своей столице, систему военного обучения для собственной кавалерии и лично руководил ее работой.

Другой германский народ, вандалы, использовал только копья и мечи, после их завоевания Северной Африки с Карфагеном²⁸ сражались всегда только конными, чтобы быстро напасть и разорить территорию. В качестве лучников они привлекли мавританских наемников. Со времен Гейзериха они всегда оснащали достаточное количество лошадей многочисленными вьюками, а отправляясь в пиратские походы по морю, брали лошадей на корабли. Прибыв на побережье, снимали своих подопечных, седлали их и отправлялись в рейды по прибрежным районам, повсюду вызывая ужас, уничтожая все, что им попадалось на пути. Вернувшись к своей флотилии, поспешно собирали всю добычу и снова уходили в море.

Франки также сначала сражались пешими, но позже, в ходе своих завоеваний, осознав значение конницы, начали набирать среди галлов вспомогательные отряды конников. Не сохранилось доказательств, что франки использовали конницу во время битвы при Суасоне в 486 году, но в сражении при Толбиаке в 496 году Хлодвиг полностью разгромил алеманнов именно благодаря коннице. В последующие годы при его преемниках галльская конница часто решала судьбу сражений.

Испанская кавалерия была вооружена (как и кавалерия практически всех античных наций) пиками с железными наконечниками, в случае необходимости используя их и как метательное оружие. Испанские конники также пользовались прекрасно сделанными острыми мечами, позволявшими наносить как колющие, так и рубящие удары. Видимо, их следует назвать изобретателями такого оружия. Ведь Полибий прямо указывает, что «римские легионы в его времена были вооружены испанскими мечами».

Кроме меча и копья испанцы применяли *poignard* – кинжал. В качестве защитного оружия носили разновидность шлема с забралом, закрепленным под подбородком, и гребнем, украшенным красными перьями или конскими волосами, толстую одежду из льна, прошитую золотыми нитями, кожаную кирасу и щит, изготовленный из звериных шкур.

Встречается одна разновидность испанской кавалерии, во время битвы сопровождаемая, как и уже упомянутые германцы, равным количеством пеших солдат. Обычно они усаживались позади всадника и ехали вдвоем, так что могли быстро добраться

²⁸ Совместно с ираноязычными аланами.

до места решающего сражения.

Среди них также существовал обычай, что, если перевезенную таким образом пехоту начинали теснить и ей требовалось подкрепление, обученная спешиваться кавалерия привязывала своих лошадей поводьями к воткнутым в землю пикам, спускалась на землю и выстраивалась плечом к плечу со своими пешими товарищами.

Аналогичным образом поступали вольтижеры, их сформировали во французской армии в Булонском лагере в 1804 году, обучая и проводя военные учения по тому же принципу. Однако вскоре об этом забыли.

Направившись в Италию, Ганнибал включил в свою армию некоторую часть испанской кавалерии. Во время битвы при Тицине они сражались, имея латы, причем у их лошадей были удила. Обычно испанцы размещали кавалерию в тылу, в качестве резерва, чтобы использовать ее, как только пехота начинала добиваться успеха, стремясь напасть на врага, когда тот находился в замешательстве, и начать преследовать его, если противник обращался в бегство.

Ливий пишет, что испанская кавалерия часто доминировала над нумидийской. В связи с данным утверждением тем не менее говорят о том, что равной испанской кавалерии не было ни у галлов, ни у карфагенян. Возможно, и испанская пехота отличалась по качеству, поскольку римский генерал Квинт Серторий предпочитал их римским войскам, особенно для защиты укрепленных постов.

Парфянская конница

За то время, что Цезарь продолжал вести свою завоевательную политику в Галлии и Британии и добавлять новые территории к Римской империи на том направлении, на Востоке также шла война, и там римляне старались раздвинуть пределы своей державы. Успехи Цезаря на Западе не смогли перевесить неудач, постигших Красса на Востоке.

Поражение Красса, вероятно, нанесло римской армии самый серьезный удар, какой ей когда-либо доводилось претерпевать со времен печального дня поражения при Каннах. Эта вторая неудача усугублялась тем, что и теперь римляне снова отнесли свое поражение к превосходству кавалерии врага. Парфянские командиры успешно применили ту же самую идею изнурения своего противника конницей, которую в тот же самый период применил Верцингеториг, но, в отличие от него, достигли полного успеха.

Красс вторгся в Парфию в 53 году до н. э. вместе с армией, состоявшей из семи легионов, численностью примерно 35 тысяч человек тяжелой пехоты, с 4 тысячами конницы и почти 4 тысячами легкой пехоты. Вместо того чтобы пройти через гористую часть Армении, населенную дружелюбным народом и где его войско пользовалось бы всяческой поддержкой, он необдуманно переправился через Евфрат и направился по обширной равнине Месопотамии, на которой парфянская кавалерия, основная сила его противника, имела все преимущества на своей стороне.

Ород, царь Парфии, направил своего военачальника Сурену против Красса, а сам в это же время устремился в Армению, правитель которой Артавазд собирался заключить союз с римлянами. Армия Сурены состояла только из кавалерии, что было совершенно непривычно для парфян, ибо обычно в их армии находилось вчетверо или впятеро больше пехотинцев, чем конников. Однако, поскольку правитель выступил в поход в горы Армении, он, естественно, забрал с собой пехоту, оставив кавалерию своему любимцу, полководцу Сурену. Если бы тому пришлось сражаться, то он смог бы это сделать только на открытых равнинах, пригодных для использования данного рода войск.

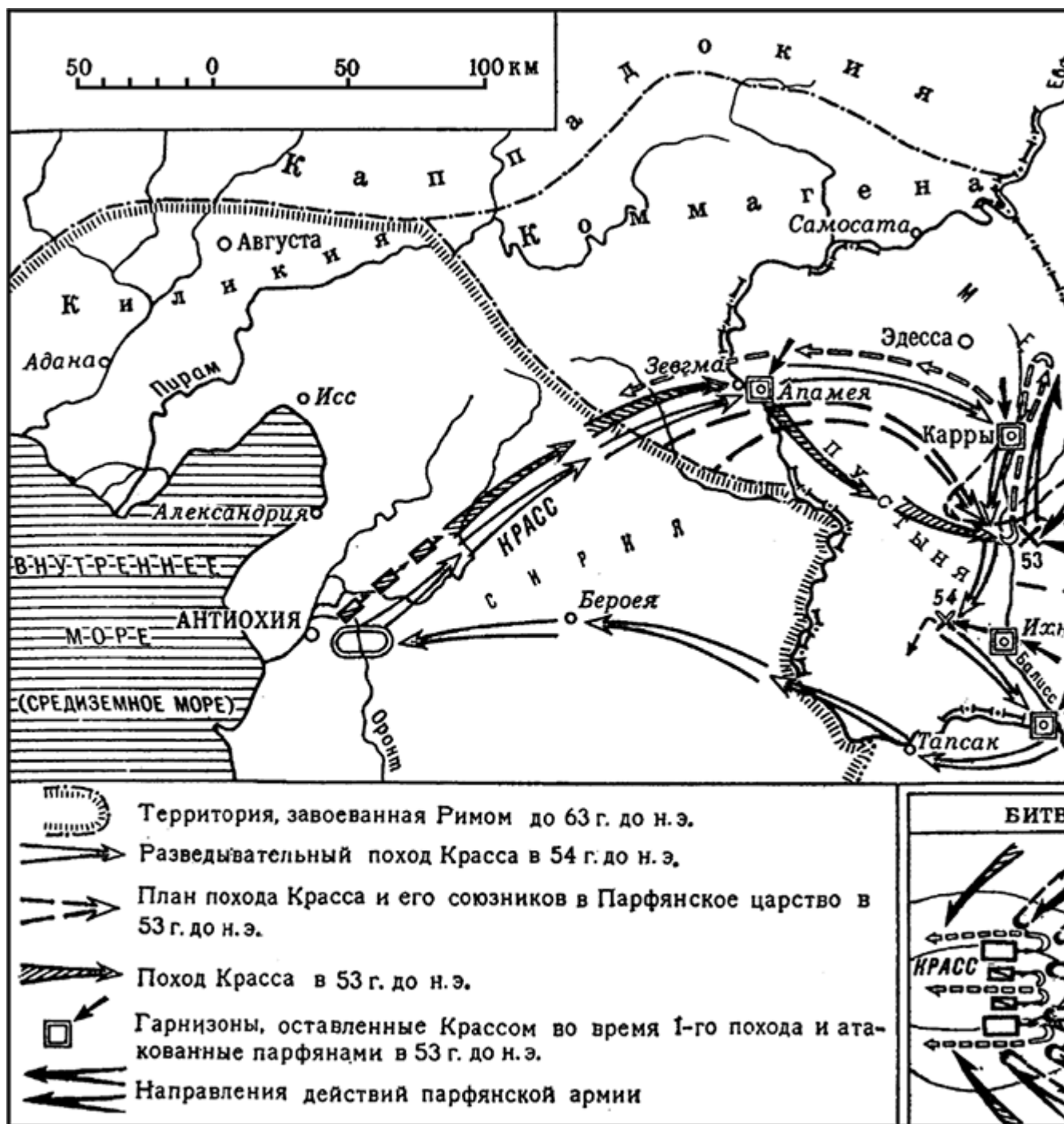
Армия Сурены состояла из двух разновидностей конников, тяжелых и легких. Тяжеловооруженная кавалерия была почти полностью одета в латы, включая защиту ног из кожи с пластинками из меди или железа, нашитыми сверху, и шлемы из отполированного железа. Поскольку доспехи служили достаточной защитой, щитов у них не было. Они имели длинные копья, более внушительные, чем те, которые использовало большинство народов

того времени. Кроме того, тяжеловооруженные конники имели луки и короткие мечи или кинжалы за поясом. Луки и стрелы были очень велики, стрелы пробивали всякое обычное защитное вооружение, и полет их был очень быстр.

Парфянские тяжелые конники привыкли нападать сомкнутым строем, не останавливаясь, полагаясь только на свои копья и внезапность. Их лошади также были защищены нагрудниками, покрывались той же разновидностью кожаных чешуйчатых доспехов, что применяли и всадники. Их бока защищались аналогичным образом.

Самой эффективной во время нападения считалась легкая конница, резко контрастировавшая с тяжелой, и она составляла основную часть конницы. Ее конники считались превосходными наездниками, обучались с самого раннего возраста, так что человек и лошадь действовали как одно живое существо. Лошади были легкими и быстрыми, на них было только оголовье, и управлялись они одними поводьями.

Всадник одевался в простую тунику и штаны, его главным оружием был лук необычной длины и колчан, наполненный стрелами с крючками. Стрелы пускались с огромной силой и в то же время легко, как стоя на месте, так и во время наступления или отступления. Основная тактика состояла в быстром нападении на врага. Парфяне никогда не подходили к врагу на близкое расстояние, но издали метали в него тучу копий и стрел. Парфянские всадники постоянно двигались, издавая резкие крики, не давая противнику передышки и тем самым изматывая его и постепенно уничтожая с помощью такой тактики, всегда приносившей им успех. Поскольку для этого им требовалось огромное количество стрел, они возили огромные их запасы на верблюдах. Так что во время сражения парфяне быстро пополняли запас стрел, когда испытывали в них нехватку. Скорее всего, у легкой кавалерии имелись мечи, на поясе обычно висел кинжал.

Походы Красса в Парфию 54–53 гг. до н. э.

Ни один из древних историков не указывает точного количества конников, находившихся под командованием Сурены. Плутарх говорит об их «огромном количестве», Веллий Патеркул отмечает «численность, не поддающуюся счету». Ссылаясь на них в своей «Истории Парфии», Роулинсон пишет, что парфяне встретили Антония в ближнем бою с 50 тысячами всадников, но это явное преувеличение, хотя Крассу, возможно, противостояло 40 или 50 тысяч конных воинов.

После того как Красс пересек Евфрат, от тех конников, кто ускакал далеко вперед на разведку, он вскоре получил сообщение, что, хотя они никого и не видят, все же отмечают следы огромных скоплений кавалерии, которые отступают перед ними.

На пятый или четвертый день после того, как Красс пересек реку, перемещаясь по пустынной местности, претерпевая жару и испытывая нехватку воды, к нему вернулись остатки одного из разведывательных отрядов (разъездов). Они сообщили, что на них напала

конница парфян, что их товарищи были убиты, а сами они едва спаслись.

Конники также говорили о том, что враг необычайно многочислен, преисполнен боевым духом. Красс тотчас построил свою армию в боевой порядок в одну длинную линию, разместив пехоту в центре, кавалерию по флангам. Он растянул свою линию как только мог, чтобы помешать окружить свое войско. Он явно ощущал, что никакая протяженность не поможет избежать этого, настолько многочисленной предстала перед ними конница противника. Поняв это, Красс мудро изменил боевой порядок, построив легионы более плотно.

Плутарх не совсем внятно описывает боевой порядок, принятый Крассом. Скорее всего, воинов построили тремя формированиями по двадцать четыре когорты в каждом, по двенадцать спинами друг к другу, образовав прочные четырехугольники. Между тремя массивными формированиями и на флангах встала конница и легкая пехота. Молодой Красс, проявивший себя при Цезаре в Галлии и присоединившийся к своему отцу в этой кампании, командовал одним из флангов. Кассий, впоследствии участвовавший в убийстве Цезаря, командовал другим. Сам Красс занял свое место в центре.

Таким образом они прошли вперед к берегам реки Балисс, где измученные воины после тяжелого марша по раскаленной пустыне смогли утолить свою жажду. Офицеры посоветовали Крассу разбить лагерь на берегах реки до утра, однако молодой Красс, обуреваемый естественной порывистостью молодого кавалерийского офицера и побуждаемый нетерпением конников, находившихся под его командованием, страстно убеждал своего отца немедленно атаковать. Под влиянием своего сына Красс велел своей армии немного передохнуть в том же порядке, практически не дожидаясь, пока они закончат подкрепляться, и тотчас продолжил поход, ускорив темп.

Сурена ожидал Красса вместе только с частью своей легкой кавалерии в виде авангарда. Его тяжелые конники скрывались позади, набросив одежду и шкуры на сверкающие латы, так, чтобы блеск доспехов не выдал их присутствие.

Когда же армии сблизилась на близкое расстояние для боя, парфянские литавры зазвучали своим диссонансным звоном, и одетые в сталь воины предстали во всем великолепии, и в лучах солнца их доспехи горели огнем. На их головах были великолепно отшлифованные высокие стальные шлемы. Перед ними на своем боевом коне восседал Сурена, высокий, стройный и хорошо сложенный, превосходивший своей величиной и красотой всех парфян.

Хотя ему было всего тридцать лет, он пользовался особой славой, проявленной на поле сражения, отличившись доблестью. Плутарх говорит, что его почти женственная красота внешне не предполагала такой доблести, каковой он на самом деле обладал. Подобно Мюрату и другим прославленным командирам кавалерии, он, должно быть, слыл великим щеголем, великолепно одевался, красил лицо, завивал волосы и делил их надвое в проборе.

Сначала он, скорее всего, хотел вступить в открытую атаку, ударив своими тяжеловооруженными конниками, но, вероятно увидев глубину и прочность ошестинившейся массы римских войск, крепость их внешнего вида, решил, что не станет рисковать, прямо ринувшись на врага.

Поэтому его кавалерия откатилась назад и окружила римлян. Тогда Красс приказал выступить вперед своим лучникам и легкой кавалерии. Однако они встретились с парфянскими конными лучниками, накрывшими их градом стрел, пущенных с такой силой и мастерством, что те оказались вынужденными отступить к главным силам римлян. Тут же парфяне начали кружить вокруг римлян со своими огромными луками, из которых выпускали постоянный град стрел, способных пробивать щиты и латы, нанося серьезные раны.

Теперь римляне оказались в отчаянном положении. Когда они ринулись вперед, их противники отступили, продолжая обстреливать римлян из луков. Когда римляне отступали назад на первоначальные позиции, то за ними тотчас следовал рой всадников, и безжалостный дождь стрел с зазубринами продолжал обрушиваться на них. Единственной

надеждой оставалось то, что парфяне со временем выпустят все имевшиеся стрелы и наступит передышка. Но вскоре эта надежда угасла, потому что римляне увидели, как конные лучники парфян, кто находился спереди, опорожнили свои колчаны и уступили место другим, сами же отошли назад и стали пополнять колчаны из запасов, которые находились в тылу во вьюках на верблюдах.

Отчаявшись, Красс наконец позволил своему сыну взять часть войск, и благодаря отважному выпадку тому удалось добиться некоторого успеха. Юный Красс взял с собой 1 тысячу галльских конников, которых прислал Цезарь, вместе с 300 другими всадниками, 500 лучников, 8 когорт пехоты. Он отважно устремился на врага, и тот тотчас бежал, отчасти потому, что обычно парфяне не вступали в рукопашный бой, и потому, что хотели отвлечь отряд Публия Красса от главных сил.

Юный римлянин без промедления ринулся в погоню, полагая, что победа за ним. Таким образом он отошел на значительное расстояние от своего отца и почти потерял из вида основную армию. Тут парфяне развернулись. Они образовали линию из своей тяжелой кавалерии спереди, преградившую путь, и окружили римский отряд легкими конниками.

Римляне сомкнули ряды, прекрасно защищались, впрочем, как могли, ибо их положение было хуже, чем когда-либо. Снова посыпался град стрел, воины в шеренгах начали быстро падать, а стрелы добивали их, когда те в агонии катались по песку. Когда Красс призвал их напасть на тяжеловооруженную кавалерию, они показали ему руки, пригвожденные стрелами к щитам, и ноги, также пораженные стрелами. Так что они не могли ни сражаться, ни бежать.

И все же Красс повел свою кавалерию в атаку, однако его солдаты с легкими короткими копьями и слабым защитным вооружением не могли потеснить тяжеловооруженных парфян, чьи копья были гораздо длиннее. Тем не менее галлы сражались доблестно, они хватали копья варваров и стаскивали парфян с лошадей на землю, где те едва двигались под тяжестью своих доспехов.

Некоторые из галлов отчаянно пытались добиться успеха обычным образом, спешили с лошадей и, проникая в ряды парфян, закалывали их лошадей в живот, не защищенный доспехами, сваливали лошадей вместе с всадниками на землю, часто погибая сами задавленными. Видя, что отступить к главным силам не удастся, римляне заняли позицию на холме, поместили своих лошадей в середину и, образовав круг, замкнули себя щитами, соединив их вместе. Так они надеялись выстоять.

Все было тщетно. Серьезно раненному юному Крассу некоторые из его военачальников советовали попытаться спастись бегством, они бы охотно сопровождали его. Тот ответил отрицательно. «Даже смерть, какой бы ужасной она ни была, и страх перед ней не заставит меня покинуть столь храбрых воинов, умирающих ради моего спасения». Затем он велел им спасаться, отпустив своих командиров. После этого Красс приказал своему оруженосцу убить его, подставил свое тело под удар, так и умер. Остальные продолжали храбро сражаться, из всего отряда в 6 тысяч отборных воинов только пятьсот были взяты в плен, остальные пали замертво на поле боя.

Бой этот продолжался в течение двух или трех часов, вскоре Красс увидел, что парфяне возвращаются с громкими криками и песнями победы. Тогда он сильно начал беспокоиться о судьбе своего сына, и его чувство усиливалось по мере приближения парфян. Он увидел, что голова молодого Красса насажена на копье — ее выставили напоказ смятым и подавленным римлянам.

Снова легионы подверглись яростному нападению. Они продолжали сражаться, стоя в строю, упорно сопротивляясь и храбро претерпевая град стрел, удары копий одетых в латы конников, будучи практически неспособными успешно защитить себя или нанести поражение своим противникам.

Так в монотонной бойне прошел день, ночь принесла временное облегчение находившейся в затруднительном положении римской армии. В соответствии со своим обычаем отходить на отдых на значительное расстояние, парфяне оказались далеко от

римлян, предоставив им возможность, которой те незамедлительно воспользовались, отступив к городу Карры.

Оттуда римляне продолжали отступление на следующую ночь, но днем на них снова напали парфяне. Римляне смогли, понеся потери, отойти на вершину холма. Тогда Сурена начал переговоры по сдаче. Во время этих переговоров произошла стычка, и Красса убили. Так закончилось в том году вторжение Рима в Парфию. Из 40 тысяч пересекших Евфрат римских воинов 20 тысяч были убиты, 10 тысяч взяты в плен, едва ли одной четвертой удалось уйти.

В истории войны не известно более блестящего описания столь огромного значения конницы, равно как и случаев, когда столь значительный результат был одержан исключительно благодаря поддержке конницы. Примечательно, насколько последовательно парфяне придавали значение и реальному использованию конницы для военных целей. Насколько они искусно использовали оба огромных военных преимущества – превосходную скорость во время перемещений и дальнобойность луков. Оба этих момента парфяне хорошо осознавали и мастерски использовали, что всегда и приносило успех.

Благодаря этой войне парфяне заслужили уважение римлян, поскольку они действительно ограничили продвижение влияния Римской империи на Восток. Перенесенное армией Красса несчастье потрясло Рим. Их авторам с того времени против своей воли пришлось признавать, что Парфия является их единственным соперником и второй силой в мире.

И действительно, после своего успеха орды парфянской кавалерии победоносно пронесли штандарты своей империи над Сирией и большей частью Малой Азии, отбросив римские легионы вплоть до Эгейского моря и берегов Геллеспонта. Так что за год Западная Азия поменяла хозяина, и Парфия упрочила свое ведущее положение.

Таковы были необычные результаты лишь нескольких различий в тактике и оружии армий двух великих империй. Римляне тотчас подметили свою слабость и немедленно начали исправлять ее. Способный полководец Вентидий Басс в 38 году до н. э. впервые воспрепятствовал армии парфян. Он первым понял, что стрелам врага необходимо противопоставить равный метательный снаряд, имеющий больший радиус действия.

Для этого Вентидий обеспечил армию многочисленными пращниками. Располагая их на возвышенности и искусно маневрируя частями своего войска, ему удалось одержать победу. Частично тому способствовало удачное стечение обстоятельств. Сын парфянского царя Пакор, возглавивший армию врага, был убит в критический момент сражения. И снова чаша весов качнулась, ограничив власть монарха Парфии пределами его империи, а римский орел снова утвердился от Атлантического океана до берегов Евфрата.

Успех также обеспечили улучшения в организации, вооружении войск и тактике римских полководцев. Они встретили парфянский свободный боевой порядок и конных лучников увеличившейся кавалерией и огромным количеством пращников. Чтобы придать преимущество последним, их снабдили свинцовыми снарядами вместо каменных, таким образом сильно возрос радиус поражения пращников.

Когда впоследствии в Парфию вторгся Антоний, то в его распоряжении находилось 10 тысяч воинов галльской и испанской кавалерии, 30 тысяч человек легкой пехоты и конницы его азиатских союзников. Затем Армения выставила еще 6 тысяч конников, не считая пехоты. Так что, возможно, Антоний имел от 30 до 35 тысяч конников, вся же его армия насчитывала примерно 113 тысяч человек.

Однако, хотя у Антония и была огромная армия, поход потерпел неудачу, один из его военачальников, Статиан, вместе со своим отрядом был окружен, 10 тысяч воинов порубили на куски. Понеся большие потери, Антоний смог осуществить отступление, причем его неотступно преследовала кавалерия противника. Он смог вывести из Парфии только 70 тысяч человек.

После этого римляне предприняли четыре серьезные экспедиции против Парфии, наиболее успешной оказалась та, которой командовал Авидий Кассий. В правление Траяна и

Александра Севера римляне вторгались в эту страну, иногда им даже удавалось захватить столицу Парфии, но они и не смогли удержать ее, а отходя, чудом избегали гибели. Тучи легкой конницы парфян охватывали отступающие колонны, отсекали и истребляли отставших, мешали добывать продовольствие и непрерывно засыпали стрелами.

Парфяне не применяли ни военных колесниц, ни слонов, их запасы продовольствия и всего необходимого для ведения войны всегда перевозились на верблюдах, которых для этого имелось огромное количество.

В тактике парфян был, однако, один недостаток, чреватый серьезной опасностью. Обычно они активно действовали днем, но ночью разбивали биваки на значительном расстоянии от противника, воздерживаясь от военных операций. Им приходилось так поступать, чтобы давать отдых лошадям и позволять им пастись. Подобные действия требовали длительного пребывания вдали от противника и соответствующей охраны, потому что требовалось время, чтобы распутать лошадей и надеть защитное вооружение. Кроме того, парфяне никогда не укрепляли свои лагеря, стремясь только отойти от своих врагов. Это удаление парфян на ночь давало отступающему противнику различные преимущества, например возможность переменить за ночь направление движения.

На предыдущих страницах были даны некоторые сведения о коннице древних народов, прежде всего тех, о ком сохранились письменные свидетельства. Вместе с тем мы не располагаем данными о том, как воевали народы, не испытывавшие влияния греческой и римской цивилизаций, каковы были их обычаи. Поэтому мы можем только предполагать, что оружие и тактика отдаленных народов не сильно отличались от тех, что использовались среди пограничных с Римской империей народов и от той практики боевых действий, которую сражавшиеся в их рядах историки так детально нам описали.

Тактика, сторожевая и разведывательная служба во времена римлян

Приводя письменные источники, повествующие об использовании лошади на войне, мы показали, что первоначально ее применяли как средство для быстрого перемещения воина к месту сражения, запрягая в колесницу. Затем для той же цели использовалась верховая лошадь, после чего перешли к бою верхом на лошади. И наконец, получила развитие идея использовать массу и скорость лошади как средство для непосредственного нанесения удара.

Мы также показали, что высшей точки своего развития конница достигала под командованием Ганнибала, когда она стала играть самую значительную роль в сражениях, а тактика действий конницы достигла высшей степени совершенства и позволила использовать ее большие возможности, ибо в течение двухсот лет после Ганнибала конница сохраняла свое особое положение в древних армиях. Соответственно и пехота училась тому, как ей эффективно противостоять напору конников, и начиная с битвы при Фарсале снова занимает подобающее место.

В парфянской армии получил наибольшее развитие принцип объединения возможностей дальнобойных луков с максимальной подвижностью самих конных стрелков. Никогда ранее в истории так хорошо не осознавали значение такой тактики и более эффективно не воплощали ее на практике, чем в Парфии на рубеже нашей эры.

В те времена прекрасно понимали, как широко использовать конницу для сторожевой и разведывательной службы, причем основываясь на тех же принципах, что применяются и сегодня. Рассказ о том, как тогдашний царь Македонии Александр I²⁹ перед битвой при Платеях отправился к греческим аванпостам с целью увидеть афинского полководца Аристида, прочитывается так, как будто она произошла вчера. Ведь стражники не пропустили его через свои линии, задерживая до тех пор, пока не отправили гонца с его

²⁹ Александр I был направлен персидским полководцем Мардонием.

посланием к своему полководцу, чтобы получить приказ, что им делать. После этого Аристид прибыл сам, и их встреча с Александром I произошла у передового поста.

Красс также сформировал разведывательные отряды на своем фронте и значительно усовершенствовал их организацию и порядок службы. Кир Великий расставлял охранные посты вокруг своего лагеря, а по ночам постоянно посылал небольшие разъезды, численностью от пяти до десяти человек, чтобы те объезжали лагерь и оповещали при появлении неприятеля. Во время переходов он также употреблял разведывательные дозоры, которые постоянно находились впереди его конницы, которая обычно шла в авангарде его движущейся армии.

Для разъездов и разведывательных отрядов Ганнибал использовал всадников своей нумидийской конницы, которые постоянно перемещались по стране вокруг расположения его армии. Действительно, мы не смогли найти упоминания о том, что его армия когда-нибудь была застигнута врасплох или подверглась внезапной атаке.

Римляне весьма искусно оборудовали свои лагеря, укрепляя их оградами и окружая рвами задолго до всех других народов. Их система аванпостов и патрулирования в равной степени также считалась необычайно успешной. У всех входов в лагерь всегда находились стражники, особенно сильная охрана была со стороны расположения врага. Также внутри лагеря были расставлены посты, готовые поддержать стражников, а снаружи – дозоры, состоявшие как из пехоты, так и кавалерии, они охраняли подходы к лагерю и поддерживали выславшиеся еще дальше разъезды.

Кавалерия при императорах

Напомним, что в ранние времена республики армия состояла из граждан, защищавших свое отечество и в его лице те законы, которые они сами установили. Тем временем, по мере того как владения Рима расширялись и появилось огромное количество союзных войск, армия вскоре стала состоять из наемников, постепенно вытеснивших вооруженных граждан свободного государства, чьи социальные и гражданские институты основывались на военной организации.

Первоначально устроенная как ополчение из представителей богатейших и лучших семейств нации, кавалерия во времена империи набиралась исключительно из беднейших классов общества и жителей провинций. Эквиты, уже не составлявшие лучшую часть кавалерии и не настолько многочисленные, чтобы служить в качестве отдельного корпуса, не слишком стремились к тому, чтобы служить и сражаться. Когда военная служба перестала носить почетный характер, но стала предметом политического торга, появилось стремление к наживе. Некоторые представители высших слоев общества, продолжая воспринимать войну как профессию, продолжали служить в войсках, но только при штабах полководцев или командирами конных частей и когорт пехоты.

Во времена первых императоров кавалерия использовала дротики, длинные мечи, иногда копья и железные булавы. Их оборонительное вооружение состояло из шлема, щита, легких сапог и кольчуги. Кавалерия подразделялась на полки из 726 конников, состоявшие из девяти подразделений по 66 человек в каждом и одного численностью в 132 воина, состоявшего при первой когорте легиона. Обычно конные полки находились в тесной связи с пехотой, но в боевом порядке конница выделялась, размещалась на флангах или распределялась по фронту перед первой линией, а иногда оставалась в резерве.

Чрезмерно быстрый рост и богатство Римской империи, роскошь и расточительность, вошедшие в поведение людей, постепенно подточили мощь государства и вскоре неизбежно повлияли на армию. Патриотизм, национальное чувство, вначале отличавшие римлян от других наций, когда никого не назначали на высший пост, если он не служил в армии, стали исчезать, когда Рим стал центром обширной империи, а его граждане отошли от опасностей и тягот военной службы и войны.

В течение 619 лет, прошедших после появления армии Ганнибала перед стенами Рима в

211 году до н. э. и вплоть до 408 года н. э., когда Аларих разбил лагерь своей армии перед городскими воротами, центр империи ни разу не подвергнулся нападению армии противника.

Когда римская пехота завоевывала мир, она представляла собой вооруженный народ, а впоследствии стала комплектоваться наемниками из варваров и представителями городского плебса. Служба привлекала их своим высоким жалованьем, в то время как высшие классы общества, те, кто занимал выдающееся положение, вели бесцельный образ жизни, занимая себя увеселениями в изнеженной атмосфере экстравагантной роскоши разросшейся столицы.

Среди вырождающихся римлян отвращение к военной профессии оказалось настолько сильным, что отмечалось множество случаев, когда молодежь Италии отрубала пальцы на правой руке, стремясь избежать службы в армии. Все это приняло столь повсеместный характер, что пришлось издать специальные законы, налагавшие суровое наказание за подобные проступки.

Наемные войска, которые во времена империи только и составляли основу армии, вскоре вступили в борьбу со своими слабыми и изнеженными хозяевами, требуя все новых привилегий. Они вскоре почувствовали свою власть и назначали императоров по своему выбору, так что императоры прекрасно знали, что удерживаются на троне только благодаря поддержке своих солдат. Понятно, что это вело к падению дисциплины и росту распущенности в армии.

Провозглашенный паннонскими легионами императором Септимий Север, упрочивший свое положение благодаря усилиям и доброй воле армии, около 193 года ввел порочную практику, ослабившую дисциплину в армии. Он увеличил выплаты так сильно, как еще никто не делал, учредил обычай подношений в случае общественных праздников, позволил вести праздный образ жизни в своих казармах. Офицерам позволялось пользоваться предметами роскоши, вскоре проявилась общая тенденция, выразившаяся в виде снижения боевого духа войск, их неспособности претерпевать тяготы военной жизни и растущего нежелания должным образом подчиняться командованию.

Каракала угождал легионам в еще большей степени, так что государство истощилось, стремясь обогатить бесполезных и недисциплинированных солдат. Император Александр Север, увидевший распущенность своей армии, пытался ввести хоть какое-то подобие той дисциплины, которая когда-то помогла выстроить империю.

Все же положение дел оказалось настолько плохим, что даже пришлось платить слишком большое жалованье и отменить старое правило, согласно которому каждый солдат во время марша должен был переносить на себе запасы продовольствия на семнадцать дней. Вместо этого были организованы огромные обозы из мулов и верблюдов, и армия начала зависеть от них. Александр Север понял, что остановить стремление к роскоши невозможно, но изобретательно попытался направить ее в сторону хорошего оружия, прекрасного оснащения, великолепных лошадей, щитов и одежды, разукрашенных золотом и серебром.

Изнеженность и вырождение армии выразились в нежелании носить тяжелое защитное вооружение. Вегетий, писавший о легионерах в конце IV века, привел удручающее описание зол своего времени, связанных с вооружением легионеров.

Он говорит, что начиная с основания Рима и вплоть до императора Грациана римская кавалерия всегда носила шлемы и латы, однако в условиях всеобщей лености и беспечности воины редко занимались упражнениями, так что воины, решившие, что слишком обременительно носить столь тяжелое защитное вооружение, потребовали от императора, чтобы им разрешили не носить сначала латы, а затем и шлемы.

Как раз в то время, когда римляне начали отказываться от доспехов, с которыми они победоносно прошли по миру, их стали широко использовать варвары. Конница готов, гуннов и аланов оделась в мощную броню. Вскоре римская пехота обнаружила, что, не защищая свое тело, она оказалась беззащитной перед готами, которые, кроме того, обзавелись полчищами лучников.

Однако, несмотря на ряд поражений и разрушение прекрасных городов, ни один римский военачальник не осмелился принудить своих солдат вернуться к ношению тяжелого

вооружения. В результате войны стали думать скорее об отступлении, чем о сражении. «Те, кто находит старое оружие очень тяжелым, – с горечью писал Вегеций, – обречены быть ранеными, так как их тело ничем не защищено, или, что хуже, быть взятыми в плен, или, наконец, даже изменить своему отечеству, обратившись в бегство. Они же, чтобы избежать ношения незначительной тяжести, позволяют себя убивать, как скот на бойне».

Трудно представить, что вышеприведенное описание относится к потомкам той великолепной пехоты, что сражалась при Треббии и которая за тысячу лет, что прошли после этой победы, добилась столь великих достижений и всеобщего признания. Принесшие славу Риму и запечатлевшие его имя на огромных просторах империи легионы на границах сохраняли свою боевую готовность еще долгое время после того, как семена упадка разрушили жизнь государства до самого дна. Вскоре слабость императоров испортила и их и легионы приобрели те свойства, о которых пишет Вегеций. Варвары вскоре обнаружили их слабость и, не теряя времени, воспользовались ситуацией.

Римляне, полагавшиеся на огромное расстояние, разделявшее границы империи и их родные провинции, твердо верили, что обезопасили себя от вторжений варваров. Вторжение готов³⁰ во времена правления императора Филиппа Араба около 248 года рассеяло это пагубное заблуждение. Тогда римляне и почувствовали грозящую им опасность.

Состоявшие из наемников римские войска оставили самые значительные пункты и даже поступили на службу под знамена захватчиков, скорее опасаясь наказания за сдачу позиций, чем предательства. Жители римской провинции Мезии сохранили свою жизнь и собственность выплатой огромной суммы денег.

Спустя год или два готы снова напали на ту же провинцию, уничтожили римскую армию при Абритте (251 г.), при этом был убит император Деций. С того времени череда поражений обрушилась на римскую армию, чьи войска в течение многих лет одерживали столь блестящие победы, но которая год за годом привыкла полагаться на иностранные легионы.

Упадок римской кавалерии давал конникам варваров, просачивавшимся через границы, частые возможности добиваться успеха. И римлянам проще было объяснить свои поражения превосходством конницы над пехотой, нежели недисциплинированностью и деградацией собственных войск.

Идея эта нашла питательную почву, римляне действительно стали уделять больше внимания коннице, значительно увеличив ее численность, и стали во многом полагаться на нее, стремясь с ее помощью упрочить силу своей армии.

К 312 году численность кавалерии сильно возросла. В сражении, состоявшемся в том же году около Турина между Константином и полководцами Максенция, главной силой армии последнего была исключительно тяжелая кавалерия. Лошади, равно как и солдаты, были одеты в полное защитное вооружение, прекрасно пригнанное и дававшее свободу движениям. Доспехи эти были очень тяжелыми, но удар такой конницы был практически неотразим. Обыкновенно, как произошло и в данном сражении, такая конница строилась в виде клина, конец которого был обращен к неприятелю и врубался в его строй. Все же такая конница была неповоротливой, и Константину удалось рядом искусных поворотов и маневров разделить на части корпус тяжелой конницы противника. Именно благодаря исключительному тактическому искусству армии Константина удалось одержать решающую победу.

По-видимому, организацию и использование тяжеловооруженной кавалерии римляне скопировали у народов Востока. В 351 году Констанций II, сын Константина, одержал решающую победу над Магненцием в битве при Мурсе, использовав свою кавалерию. Она состояла из тяжеловооруженных латников, сверкающих чешуйчатыми доспехами и тяжеловесными копьями, которые сломали прочную оборону галльских легионов своей

³⁰ А также союзных готам многих других племен Северного Причерноморья.

стремительной атакой.

Со времен Константина тяжелая кавалерия и стала составлять основную часть римских армий, а во время правления Юстиниана полевая византийская (восточноримская) армия состояла в основном из тяжеловооруженной кавалерии. У варваров того времени служба в кавалерии была очень почетной.

Главную силу армии Велизария (полководца Юстиниана) составлял корпус конной гвардии, представлявший собой вооруженных копьями солдат, отбирившихся по их силе, смелости и мастерству, равно как и прекрасным качествам лошадей и вооружения. Пехота находилась на вторых ролях в армии, основная роль придавалась кавалерии. Большая часть из них вооружалась скифскими луками. Прокопий отстаивал значение лучников, которых некоторые критики его времени пытались принизить.

«Подобные упреки, возможно, следовало адресовать безусым юнцам, обнаженными появившимся на полях Трои, прячущимся за огромными камнями или щитами товарищей, прижимающим лук к груди и выпускающим слабые и неметкие стрелы. Однако наши лучники перемещаются на прекрасно обученных лошадях, которыми управляют с необычайным мастерством. Их головы защищены шлемами, тела и ноги защищены кольчугой и другими доспехами.

На правом боку у них висит колчан, меч – с левой стороны. Обычно во время ближнего боя используют копье или дротики. Луки их прочные и тяжелые, из них они стреляют во всех возможных направлениях, перемещаясь вперед, в тыл, на фланги. Они обучены натягивать тетиву не к груди, а к правому уху, так что пущенная ими стрела обладает большой силой, а сами они могут защититься щитом от внезапного выпада врага».

Вышеприведенный отрывок прекрасно позволяет представить, как вооружалась и оснащалась конница. Примечательно, насколько точно римляне переняли методику у парфянских лучников, причинивших так много вреда римлянам во многих кампаниях.

Но ни большая численность конницы, ни тяжелый вес их оружия и качество лошадей не смогли защитить империю от падения³¹. Прекрасное вооружение и тактика не могли спасти народ, который утратил патриотическое чувство, национальное самосознание и где чувствами людей управляли эгоизм и любовь к роскоши.

Отважные и воинственные варварские племена, сражавшиеся в основном на конях, вскоре ринулись в провинции, собирая невероятную добычу в богатых и цивилизованных землях Южной Европы, пока, наконец, в 410 году, 1163 года спустя после основания Рима, готы под руководством Алариха не захватили имперский город, и господин мира был сметен волной необузданной ярости воинственных варваров.

Спустя несколько лет великий правитель гуннов Аттила стал угрожать Римской империи и вынудил ее к унижительному договору. Аттила объединил под своим правлением Германию и Скифию, его армия обладала огромной мощностью, доходя до 500 тысяч человек, набранных среди всех народов, признавших его в качестве правителя.

По словам Аммиана Марцеллина, гунны, составлявшие значительную часть его армии, никогда не вели оседлый образ жизни, они постоянно перемещались на спинах лошадей из одной страны в другую, за ними следовал скот, везущий повозки, где жили их жены и дети. Они были приучены переносить любые трудности, одевались в одежды, изготовленные из шкур.

Гунны ездили на небольших невзрачных лошадаках, выносливых и быстро перемещавшихся. Казалось, что гунны всю жизнь провели в седле. Даже пищу и питье они принимали на ходу. В битву они вступали без всякого порядка, отдельными группами под руководством разных вождей, нападая на своих противников с громкими криками.

Встретив серьезное сопротивление, гунны отступали, рассеивались, чтобы перегруппироваться и вновь атаковать при первой же возможности. Они ничего не знали о

³¹ Западную Римскую, Восточная устояла.

сражении пешими, об искусстве обороны укреплений или нападения на укрепленные пункты. Гунны применяли лук с удивительным мастерством, на концах укрепляли стрелы с костью вместо железа, умели стрелять на поразительное расстояние. На ближнем расстоянии гунны использовали арканы или сети, опутывая своих врагов, а затем убивая их стрелами или мечами, державшимися наготове.

Кроме гуннов, в армии Аттилы были представители разных народов, некоторые из них носили латы, изготовленные из рога, и действовали огромными копьями. Контингент набирали из всех частей Германии и Скифии. Руководя этой ордой, Аттила вторгся в Галлию в 451 году и осадил Орлеан. При приближении римского полководца Аэция и его союзников, короля вестготов Теодориха I и вождя аланов Санжипана, Аттила снял осаду и отступил на Каталаунские поля близ Шалона. Именно там состоялась одна из величайших битв в мировой истории.

Аттила командовал центром своей армии, где размещались лучшие его войска. Правым флангом командовал Ардарих, король гепидов, левым – король остготов. Аэций находился во главе правого крыла союзных войск, Теодорих – на левом фланге. В то же время Санжипан, в верности которого сомневались, был поставлен на передовой линии в центре.

Холм, который стал точкой преткновения между двумя армиями (он давал преимущество владевшему им), был захвачен Торисмундом, сыном Теодориха, с частью кавалерии вестготов. Это дало превосходство Аэцию. Поняв значение этого небольшого холма, Аттила отправил несколько конных отрядов, чтобы занять его. Однако Торисмунд, закрепившись на вершине, атаковал поднимавшихся гуннов и после короткого боя отбросил. Тогда Аттила яростно атаковал холм своими лучшими войсками из центра.

Однако и на этот раз римляне отбили атаку противника, удачно используя выгоды своего положения. Доблестный, но уже пожилой король вестготов Теодорих провел блестящую атаку, своим левым флангом обрушившись на остготов Аттилы. Во время этой атаки, оказавшейся необычайно яростной, пожилой монарх, скакавший во главе своих войск, на всем скаку был выбит из седла ударом пики и тотчас затоптан насмерть рвущимися вперед конными массами его же вестготов. Их неудержимый натиск разметал ряды противника. Сокрушив его, они повернули вправо и атаковали с фланга центр гуннов, который яростно сражался с аланами. Потерпев поражение на двух флангах и оказавшись на грани разгрома в центре, Аттила отступил под защиту укрепленного лагеря, где его лучники спешили и, защищенные повозками, вскоре начали пускать свои стрелы, остановив продвижение конников войска Аэция.

На следующий день морально раздавленный Аттила находился в своем лагере, ожидая нападения и готовясь к отчаянному сопротивлению. Все поле битвы было покрыто мертвыми и умирающими, резня с обеих сторон носила устрашающий характер³². Победившие союзники, видя решимость врага, посчитали благоразумным не штурмовать лагерь Аттилы и позволили ему отступить.

Очевидно, что именно кавалерия обеспечила победу в битве. Хотя подробные описания отсутствуют, видно, что тактический план Аэция во многом напоминал тактику Сципиона в битве при Илинге (Илипе). Как и Сципион, Аэций имел в своем распоряжении огромный контингент союзников, которым не мог доверять, и так же, как Сципион, поставил их в центре, в то время как своими лучшими войсками на флангах атаковал оба фланга и центр армии его противника. С другой стороны, Аттила, как и Гасдрубал, разместил свои лучшие войска в центре, а когда его фланги были разгромлены, лучшие воины армии гуннов прикрыли отступление, спасли остатки армии и помешали сокрушительному разгрому. Победа интересна как одна из последних, выигранных имперским Римом.

Проследив историю конницы от самых древних времен до того времени, когда Римская империя начала распадаться, а античная цивилизация была предана уничтожению,

³² По данным готского историка VI в. Иордана, с обеих сторон пало до 200 тысяч человек.

памятники искусства, науки и литературы ушли в забвение и наступило время иных ценностей и отношений, определивших начало Средних веков, мы должны остановиться, ибо события начинают теряться в тумане, и продолжим нить нашего рассказа в следующей главе, стараясь по возможности связать между собой события двух исторических эпох – Древнего мира и Средних веков.

Часть вторая. От падения Западной Римской империи до изобретения огнестрельного оружия

Глава 4. Феодалная кавалерия

Ленная конница. Происхождение ленной системы. Сражение при Пуатье (732 г.)

В предшествующей главе история кавалерии была доведена до того времени, когда римские владения на Западе были разделены на отдельные части. Теперь же мы внимательно рассмотрим состояние и развитие кавалерии в различных национальных образованиях, сложившихся на месте распавшейся на фрагменты огромной империи.

После завоевания территории Римской империи различными германскими племенами развитие цивилизации на большей части Европы определялось традициями и обычаями этих племен. Результаты их воздействия в течение многих веков отмечались в развитии различных типов управления, гражданском строительстве и особенно организации армии, отличной от той, что существовала в римские времена.

Именно у германцев сложился такой институт, как ленная система, вскоре утвердившийся и начавший быстро распространяться по всей Европе, в той или иной степени сказавшись на землевладении и сегодняшнего времени. Именно поэтому этот институт, остававшийся в течение многих поколений основой военных систем наций Европы, и заслуживает отдельного разговора.

Очевидно, что задолго до вторжения в пределы Римской империи среди германцев существовало разделение общества и выделялась знать или привилегированные семьи (роды). Они отмечены, например, у Тацита, проводящего различие между «знатью», «благородными» и низшими классами. В исторических трудах упоминаются и своего рода аристократические семейства, из которых выбирались вожди племен.

Сначала германские племена, бродившие на лесных просторах, жившие в основном охотой и войной с соседними народами, не воспринимали землю как собственность и не ценили ее, поскольку вся земля находилась в общественном пользовании. В тот период молодые воины обычно собирались в группы в виде военных товариществ или отрядов, затем из своего числа выбирали одного в качестве вождя или военачальника.

Обычно избрание провозглашалось поднятием на щит того, кого считали самым храбрым и доблестным, имевшего качества, необходимые для командующего. Иногда известный и пользовавшийся заслуженным уважением вождь собирал вокруг себя войско из молодых людей, привлеченных его ратными подвигами, и, вступая под его знамена, они клялись ему безоговорочно подчиняться.

Подобные боевые отряды обычно начинали мигрировать, покидая родину и вторгаясь на другие территории в поисках земли, на которой могли осесть. Например, свевы, делившиеся на десятки, сотни и тысячи, ежегодно отправляли большие отряды, мигрировавшие в поисках новых земель подобно пчелам, разлетавшимся из улья, когда происходило его перенаселение.

Если орды пришельцев одерживали победу, они расселялись на новой территории, поровну разделив землю между свободными воинами. Такое землевладение именовалось аллодом (от древнегерманского «од» – земля) и передавалось по наследству. Границы

владения тщательно отмечались, а каждый собственник обитал внутри собственного поместья. Аллод нельзя было продать без согласия семьи, равно как и правительство не могло конфисковать его даже за противозаконный поступок у того, кто им владел в настоящее время. Именно статус свободного землевладельца предоставлял ему право неотчуждения.

Выделенные нами рожденные свободными землевладельцы и их рабы, захваченные во время войны и вынужденные служить им, составляли два основных социальных класса, сложившиеся у древних германцев. Поэтому можно предположить, что так называемая знать или вожди были всего лишь старшими сыновьями и наследниками поместий, что позволяло им занимать более высокое положение, чем младшим братьям.

Со временем некоторые рабы были отпущены на волю и часть земли передана им хозяевами на условиях оказания определенных услуг и внесения ежегодной платы. Иногда, завоеывая территорию, оставляли часть земли во владении первоначальных владельцев, подразумевая, что те станут оказывать определенные услуги. Такие люди из прежнего населения образовали класс и не рабов, и не свободных, а просто зависимых, как и вассалы у феодалов. Их земельная собственность зависела от обязанностей, поэтому их владения называли феодами (что означало «переданная собственность»), в отличие от аллодов. Таковым стало основание феодальной системы.

Как только должность верховного вождя (или короля) стала наследственной, образовались обширные королевства, устройство которых было во многом взято из законов древних германцев. После учреждения монархического управления королевская часть завоеванных земель оказалась намного больше, чем у любого из свободных воинов. Она состояла из огромного домена, в котором король устраивал свой двор, а также нескольких аллодов в различных частях страны. Эти владения должны были обеспечивать правителя и его двор, чтобы избежать необходимости прямого налогообложения.

В соответствии с древними традициями аллодиальные собственники в этих королевствах делились на десятки и сотни. Вскоре небольшие подразделения исчезли, сотни превратились в кантоны, несколько кантонов образовывали графство или провинцию. Сотни (кантоны), на которые англосаксы разделили Англию примерно 1400 лет назад, продолжают существовать и сейчас как признанное территориальное деление.

Судьи, ранее избиравшиеся в каждой провинции общественным голосованием на собрании, теперь назначались монархом. Главный правитель в провинции носил титул графа или конта, в мирное время он отвечал за поступление в казну налогов, а во время войны командовал войсковым контингентом, выставляемым графством в королевскую армию. Когда королевство сильно расширялось, включая целые покоренные народы, в последних иногда разрешали сохранять прежнего правителя и прежних владельцев при условии, что те в случае войны будут выставять воинский контингент. Так возник титул герцога.

Таким образом государство разделилось на герцогства, провинции и графства (кантоны). В армию входили представители всего населения, командирами были главы сотен, графы или вожди провинций, а также герцоги, верховным командующим становился король. Устройство армии было чисто милиционным, постоянные части отсутствовали. Для решения важнейших вопросов созывалось народное собрание. В мирное время оно называлось ариманией (mannige – призывать). В случае войны оно именовалось геербан (heer – войско и bannire – собирать). Приказ о созыве исходил от короля и давался им герцогам; они передавали его графам, те – начальникам кантонов, которые, наконец, сообщали его народу. Каждый человек подчинялся в военное время тому же лицу, что и в мирное. Дисциплина требовалась полная, и каждый проступок строго наказывался.

Наследственные владельцы аллодов обладали многими привилегиями. Они освобождались от уплаты налогов и повинностей. Они помогали при исполнении судебных процедур, имели свой голос в законодательной власти – на общем народном собрании. Они пользовались свободой в ношении оружия и применяли его, если требовалось отомстить за оскорбление. Они не платили постоянного земельного налога, как это делали покоренные

римляне, владевшие землей.

В обмен на отмеченные преимущества свободный землевладелец должен был служить в геербане, причем во время службы он обладал бесспорным правом на свою долю в общей добыче. Ему также приходилось снаряжать лошадей и повозки во время войны. Предполагалось, что он должен делать подарки и подношения королю и его двору.

Любой вольный человек, пренебрегший призывом и не присоединившийся к армии, терял все привилегии, иногда вместо службы допускалась выплата штрафа. Среди англосаксов бытовало правило, что короли конфисковывали наследственные земли тех, кто дезертировал, и передавали их графам. Основная часть таких вольных людей в военное время служила в пехоте, те, кто занимал более высокое положение и считался состоятельным, служили в кавалерии. Изменения в кавалерии и улучшение армии во многом повлияли на положение свободных людей в феодальной системе.

Когда прекратилось переселение народов, короли также приобрели оседлость в своих владениях, феодальная система усовершенствовалась, особенно во Франции, где короли разделили приобретенную землю на лены (вотчины) между своими друзьями и соратниками (*fideles* или *antrustiones*). Являясь также придворными, такие лица занимали более высокое положение в народном собрании, чем обычные свободные собственники.

Время от времени король жаловал своим вассалам привилегии, пока, наконец, они не образовали класс знати, которая превосходила древнюю знать, являвшуюся всего лишь свободными людьми. Преимущества владения королевскими вотчинами оказались настолько значительными, что многие свободные собственники уступали поместья монарху, приносили клятву верности ему как их феодальному господину, получив свои земли обратно как вотчину. Благодаря этому ленная система распространялась все более и более, пока, наконец, почти вся страна не делалась леном короля.

Владельцы огромных вотчин вскоре поняли, что могут увеличить свое влияние и могущество, отдавая часть своих земель в аренду своим титулованным друзьям или свободным людям, которые становились их вассалами. Этот процесс рефеодализации вскоре получил всеобщее распространение, так что почти все налоги поступали от таких владений.

Примерно ко времени Карла Великого основной военной силой стали тяжеловооруженные конники в латах. Германцы переняли от римлян использование защитного вооружения, приобретя определенные преимущества над своими противниками. Франки при Хлодвиге также переняли этот способ защиты, в битве с вестготами король спасся только благодаря своим доспехам.

При Карле Великом служба в кавалерии, составлявшей весьма значимую часть армии, была связана с большими затратами, которые были под силу только владельцу крупного лена. При объявлении призыва воинов на войну всадники упоминались отдельно. Поскольку в то время воинам жалованье не выплачивалось, вотчины были обязаны изыскать источники, чтобы обеспечить конного рыцаря вместе с необходимыми ему помощниками, лошадью, оружием и необходимым снаряжением. Стоимость всего необходимого ложилась тяжелым бременем и нередко превышала достаток обыкновенного свободного человека.

Следовательно, кавалерия полностью состояла из знати, считавшейся основной силой нации. Причем настолько, что слово *miles* (воин) в течение XI века приобрело ограниченное значение и стало обозначать только благородного всадника или рыцаря, никогда не относилось ни к каким нижним чинам в войске. Понятия «рыцарь», «кабальеро», «кавалер», обычно означавшие всадника, позже стали обозначением дворянина или представителя знати.

В Испании каждый горожанин, обладавший достаточным состоянием, должен был служить королю на войне как всадник (кабальеро). В свою очередь, за службу он вознаграждался теми же самыми правами и привилегиями, что и земельная аристократия.

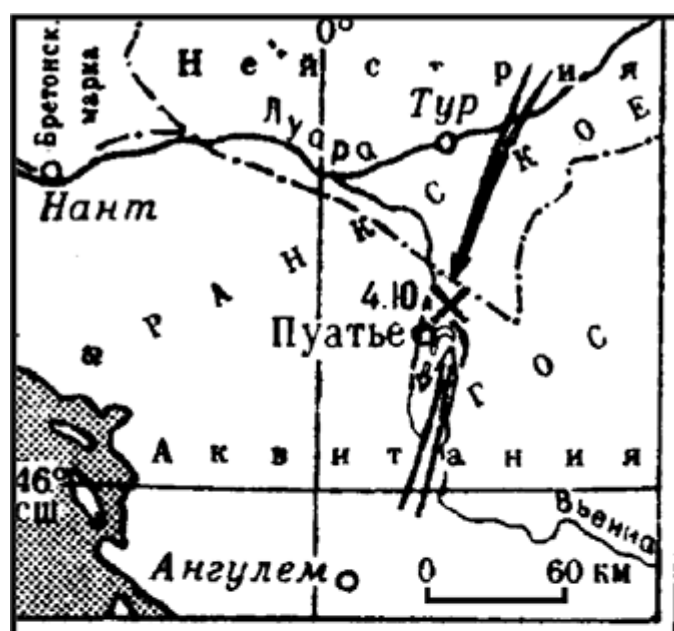
Феодальную систему привнес в Англию Вильгельм Завоеватель, большая часть страны была разделена среди его сторонников в виде огромных вотчин. Все же по сравнению с другими странами привилегии знати во многом ограничивались, в то время как большая

часть населения пользовалась большей свободой. Военная система основывалась на том же самом принципе, что и в прочей части Европы, конные рыцари, служившие королю, считались высшим классом в государстве.

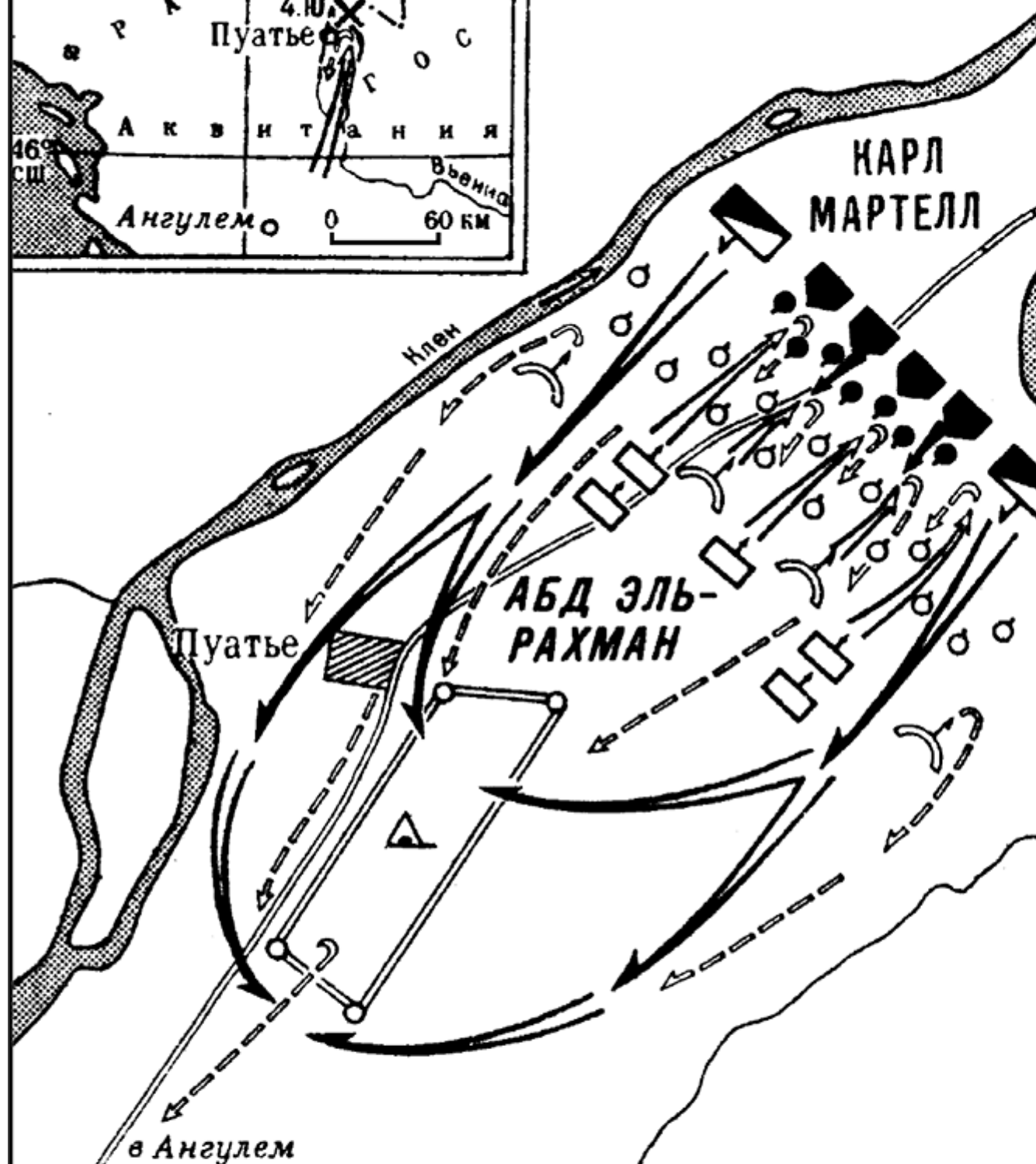
В то время когда в военной и политической системах Европы происходили эти перемены, источники по тогдашнему военному искусству и сохранившиеся описания различных войн настолько туманны и неполны, что из них практически ничего нельзя извлечь. Нам известны только отдельные детали, поэтому мы мало что можем сказать о военном искусстве того времени.

Однако этот недостаток точных сведений не составляет большой потери для нас, так как падение цивилизации и победа варваров произвели такой же упадок военного искусства, как и всех прочих искусств и наук, и едва ли варвары имели ясное представление о тактике и дисциплине. Об обеих битвах Хлодвиг, при Суасоне и при Толбиаке, мы ничего не знаем, но зато сохранилось несколько интересных подробностей о битве на реке Касулина в 554 году, где евнух Нарсес удачной атакой своей конницы одержал решающую победу над вождем франков и алеманнов Буцелином.

Буцелин располагал армией в 30 тысяч пеших воинов и не имел ни одного всадника. Евнух Нарсес, командовавший войсками византийского императора на Востоке, располагал только 18 тысячами человек, из которых большую часть составляли тяжеловооруженные всадники в латах, использовавшие луки и стрелы. Нарсес построил свои войска в линию, поставив тяжелую пехоту в центре, кавалерию на флангах, а лучников и метателей дротиков оставил в тылу.

600 0 600

Положение войск сторон перед сражением:

конница

тяжелая

легкая

пехота

колонны-
клинья

стрелки из лука

франкск

арабски

Сражение при Пуатье, 4 октября 732 г.

Рассказывают, что, когда Нарсес строил армию на битву, один из вождей герулов, составлявших значительную часть войска, убил одного из своих слуг за некий незначительный проступок. Узнав об этом, Нарсес приказал казнить этого командира на месте. Возмущенные герулы отказались идти в бой. Нарсес велел им передать, что они вправе поступать, как считают нужным, но тогда они не получают никаких почестей после победы. Затем он продолжил действовать без них, так что если бы те и захотели вступить в действие, то смогли сражаться только на второй линии или в резерве.

Буцелин построил свою армию в виде клина, направив его острие на врага, и яростно вторгся в центр римской линии, она вскоре поддалась и была вынуждена уступить. Вовсе не удрученный произошедшим, Нарсес приказал своим двум флангам кавалерии (одни конники были вооружены луками и стрелами, другие дротиками, у некоторых были копья) обрушиться на фланги и тыл пехоты франков, не имевшей ни шлемов, ни лат, а вооруженной только мечами, боевыми топорами и небольшими круглыми щитами.

Прекрасно обученные римские лучники, полностью защищенные доспехами, расстреливали из луков неповоротливую массу варваров, вскоре внесли смятение в их ряды и закрепили победу. В критический момент герулы под предводительством своего вождя Синдуала, забыв о своей жажде мщения, воодушевленные битвой, стремительно атаковали голову франкского клина. Случившееся решило исход битвы, окруженные и потерпевшие поражение варвары были почти полностью уничтожены. Историк Агафий пишет, хотя в это трудно поверить, что из 30 тысяч уцелело только пять франков, в то время как римляне потеряли только 80 человек.

Одно из наиболее значительных и интересных сражений Средних веков, между Карлом Мартеллом и сарацинами, состоялось в 732 году при Пуатье. Тогда на поле битвы решалась судьба христианской Европы. Сарацинский халиф Абд эль-Рахман пересек Пиренеи во главе огромной армии, численность ее, по разным источникам, колеблется от 80 тысяч до нескольких сотен тысяч. Некий монах-хроникер определяет потери арабов в 375 тысяч, что является очевидным преувеличением, хотя само по себе свидетельствует о том, что потери оказались огромными. Собственно описания сражения неполны и недостаточны в отношении военных подробностей.

В следующем описании, взятом у арабского хрониста, находим лучше переданное описание битвы. Заметив, что война началась между мусульманами и правителем пограничного франкского графства, он сообщает о том, как граф³³ собрал армию и начал сражаться против неверных. Хронист говорит следующее:

«Все же Абдурахман (Абд эль-Рахман) заставил их отступить, и его люди воодушевились своими постоянными успехами, поверив в свои силы и в действия эмира. Итак, мусульмане уничтожили своих врагов и перешли реку Гаронну. Опустошая страну и захватывая пленников в бесчисленном количестве, армия прошла по ней как опустошающий вихрь. Добыча сделала воинов ненасытными.

Переходя реку, Абдурахман отбросил графа, и тот отступил в свою крепость, однако мусульмане взяли ее штурмом и, захватив, убили графа³⁴, поскольку все уступало их мощи, убивавшей все живое.

Все народы франков дрожали перед столь грозной армией, и они обратились к своему королю Калдусу (Карл Мартелл)³⁵ и рассказали ему о тех страшных опустошениях, что

³³ Герцог Аквитании и Васконии Эд Великий.

³⁴ На самом деле Эд ушел и дожил до 735 г.

³⁵ Карл Мартелл – майордом Австразии, ставший фактическим правителем территорий, подвластных франкам, отец Пипина, ставшего первым королем династии Каролингов.

произвели конники мусульман, как они легко прошли по всем землям Нарбонны, Тулузы и Бордо. Они также поведали королю о смерти их графа.

Король приободрил посланцев и предложил помочь им. Так, в 114 году (хиджры) он оседлал свою лошадь и взял с собой войско, численность которого нельзя было и сосчитать, отправился против мусульман, подойдя к ним близ большого города Тура. Абдурахман и другие военачальники увидели беспорядок в мусульманском войске, перегруженном трофеями. Однако они не рискнули вызвать недовольство среди солдат, приказав им оставить все, кроме своего оружия и военных лошадей.

Абдурахман верил в доблесть своих воинов и в то, что удача не покинет его. Но недостаток дисциплины оказался роковым для его армии. Абдурахман штурмовал Тур, стремясь захватить еще больше добычи, они сражались яростно и захватили город прямо на глазах тех, кто пришел спасти его. Беспощадность и гнев мусульман в отношении жителей города напоминали ярость и жестокость разъяренных тигров... Совершенно понятно, – пишет далее хронист, – что Бог должен был наказать их за это, и удача отвернулась от мусульман.

Около реки Овар (Луары) обе армии, говорившие на разных языках и двух разных исповеданий, выстроились в боевом порядке друг против друга. Сердца Абдурахмана, его военачальников и его людей были переполнены яростью и гордостью, именно они первыми вступили в битву. Мусульманские конники яростно устремились вперед и несколько раз атаковали боевой порядок франков, сопротивлявшихся доблестно, и многие пали замертво с каждой стороны до захода солнца.

Ночь разделила обе армии, но, как только забрезжил день, мусульмане продолжили сражение. Вскоре их всадники пробились в центр войска христиан. Однако многие мусульмане опасались за те трофеи, что оставили в своих палатках, и в их рядах раздался ложный крик, что часть войска врага грабит лагерь. Услышав его, несколько отрядов мусульманских конников повернули и ринулись защищать шатры.

Остальным показалось, что они обратились в бегство, и вся масса заволновалась. И пока Абдурахман прилагал усилия, чтобы утихомирить волнение и заставить людей продолжать бой, воины франков окружили его и пронзили множеством копий, так что он умер. Тогда все войско мусульман обратилось в бегство, во время которого погибло много народу. Мусульмане были беспощадно разбиты, потеряв великого полководца и бесстрашных воинов, и случилось это в 115 году».

Хотя приведенные отрывки не позволяют четко определить тактику противоборствующих сил, из них следует, что сарацины полагались только на свои мечи и, соответственно, сражались на близком расстоянии, в то время как франки использовали и копья, и Абдурахман (Абд эль-Рахман) был убит именно копьями. Арабы рассказывают, что битва длилась два дня, в христианских хрониках говорится о шести или семи днях, что позволяет сделать вывод, что сражение, возможно, проводилось в виде несистематических стычек между всадниками, шедших на равнине с переменным успехом.

Весьма вероятно, что при наличии подобной неповоротливой и недисциплинированной массы войск битва должна была вестись на открытой местности, причем ни та ни другая группа не могла одержать решающую победу в один день. Смерть халифа и сопровождавшее ее смятение, как явствует из описания, истинное или ложное нападение на лагерь оказались вполне достаточными, чтобы повернуть ход битвы в сторону франков. Потери побежденных в ходе преследования сделали результат более весомым.

«Эта победа Карла Мартелла, подкреплённая успехами его сына Пипина, привела к изгнанию сарацин из границ Франции и окончательно способствовала победам в Западной Европе, выдворению мусульман из части Испании, присоединению территории между Пиренеями и Эбро к его империи под именем Испанской марки» (Гиббон).

Впоследствии, во время правления Карла Лысого, кавалерия составляла значительную

часть армии. В сражении между королем и Робертом ле Фортом, командовавшим войсками герцога Бретани, самой значимой силой с каждой стороны была кавалерия. В распоряжении Карла имелся мощный корпус из саксонских всадников, отправленный на помощь его братом Людовиком Немецким. Эти войска он поместил перед своей линией, чтобы отражать атаки бретонской кавалерии, которая считалась весьма опытными воинами.

Последние герцоги Бретани уделяли особое внимание своему войску и организовали конницу, похожую на ту, что использовали древние парфяне. Ее воины были вооружены дротиками, образовывали небольшие группы и таким образом перемещались и маневрировали вокруг врага, тщательно избегая прямых столкновений, бросали свои дротики и быстро отступали.

Если их начинали преследовать, то они бросали свои дротики в движении так искусно, что редко промахивались. Вскоре они рассеяли саксонцев, затем применили ту же самую тактику в отношении пехоты. Вооруженная копьями и мечами, пригодными только для ближнего боя, пехота потерпела серьезное поражение от войск, к которым не могла приблизиться на близкое расстояние.

Карл Великий стал величайшим монархом Средних веков, его империя состояла из Франции, части Испании, включала почти всю Италию, Германию и часть Венгрии. После его смерти, до Крестовых походов мир (так его обозначим) был разделен между тремя великими империями или нациями – греками, франками и сарацинами.

Поражение Абдурахмана (Абд эль-Рахмана) и успехи Карла Великого фактически прекратили усиление власти сарацин в Испании, куда они прошли от Аравии, через Египет, Ливию, Мавританию и через Гибралтарский пролив, пройдя за относительно небольшой период времени, где-то за столетие вдоль всех южных границ Средиземноморья.

Все же с востока армии сарацин продолжали продвигаться (турецкое завоевание), направляясь к Германии, и происходившие тогда сражения представляют большой интерес для истории кавалерии.

Кавалерия турок (тюрков), франков и греков в X веке. Сражения под Мерзебургом и Аугсбургом

Самыми результативными считались турецкая и сарацинская кавалерия. Ее воины обладали удивительным мастерством, прекрасно управляли своими лошадьми, которые отличались удивительными горячностью и быстротой, необычайной сноровкой особенно в нестандартных боевых действиях, постоянно практиковались на лошадях, в использовании на поле лука, копья и меча. Обычно копье носилось сзади за спиной, поскольку вначале всадник использовал лук, а затем при необходимости брал в руку копье для ближнего боя.

Лучших лошадей иногда защищали спереди, «одевая» в железное или кожаное защитное вооружение, в то время как сами всадники носили латы. Турки не укрепляли лагерь посредством окопов, а окружали свои шатры и палатки плотным кольцом кордонов, постов и часовых, обычно выдвигавшихся вперед на значительное расстояние, так что их сложно было застать врасплох.

Сами армии состояли из больших отрядов или групп, устраивавшихся на небольшом расстоянии друг от друга. Методика ведения боя не отличалась организованностью, состояла из выпадов и отступлений в случае оказания сопротивления. Конники пристально наблюдали за противником и были готовы ринуться вперед, если намечался успех. Если среди врагов возникал беспорядок, то они тут же этим пользовались. Если им удавалось сломить противника, они безжалостно преследовали и рубили беглецов своими острыми мечами.

Сарацины – арабы, но вопреки своему происхождению в военных обычаях весьма походили на турок. Они всегда сражались в составе кавалерии, пехота их армий состояла из эфиопов, вооруженных огромными луками. Кавалерия была более тяжело вооружена, чем турецкая, ее воины имели шлемы, латы, сапоги, латные рукавицы и другие защитные приспособления, бывшие в обиходе среди римлян. Много внимания арабы уделяли

украшениям, отделявая свои пояса, а также и упряжь у лошадей серебром.

Сражались сарацины более упорно и стойко, чем турки или гунны, использовали копья, мечи, боевые топоры и луки. Иногда, при поспешных перемещениях они сажали свою пехоту на коней позади себя и быстро перебрасывали ее на короткие расстояния. Для ночных стоянок они окружали лагерь окопами и расставляли многочисленных часовых.

Для боя они выстраивались прямоугольником или квадратом и так ожидали нападения. Сразу же после первого столкновения старались перейти к рукопашному бою и яростно сражались на близком расстоянии. На походе выстраивались в форме каре с пустым центром, что позволяло им быстро перестроиться в обычный боевой порядок.

Турки неохотно вступали в рукопашный бой со стойкой пехотой, которая старалась убивать их лошадей, в равной степени неохотно сталкивались с хорошо обученной кавалерией на плоской поверхности равнин, если такая кавалерия занимала удобное расположение и действовала в сомкнутом строю. Арабы не привыкли сражаться пешими, во время подобных попыток обычно несли тяжелые потери.

Франки (данном термином тогда обозначали население Западной Европы) считались народом храбрых и упорных воинов. Их пехота и конница в равной степени приучились сражаться в ближнем бою. Конница имела небольшие круглые щиты, копья и весьма длинные мечи, носившиеся на плечевой перевязи, хотя некоторые носили их на поясе.

Для боя они строились по племенам и родам, а не в турмах и когортах, как было принято у римлян. Иногда соединялись вместе в дружины из друзей и близких товарищей, хотя к тому времени вошла в обиход феодальная ленная система формирования войск под предводительством графов или герцогов. До учреждения института рыцарства франки не имели искусной конницы и плохо проявляли себя в конном мастерстве, всадники часто спешили и сражались пешими.

Независимо от того, сражались франки пешими или конными, они яростно устремлялись на врага, верили в успех первого удара, сопровождаемого честной рукопашной. Дисциплина в их рядах была не очень жесткой, что явно следует из состава войска, набранного из знати и свободных людей, продолжавших смотреть на своего короля, правившего только благодаря воле народа. Они охотно отправлялись на войну, но им не нравились длительные походы, поэтому, если война затягивалась, они оставляли свои штандарты и возвращались домой. Их кавалерия быстро атаковала сомкнутыми рядами с копьями в руках, но она нуждалась в ровной поверхности. Похоже, что франки не использовали резерв.

Император Лев приводит множество деталей об их привычках, советуя своим войскам в случае кампании против них избегать больших сражений, а изматывать мелкими схватками или заманивать противника на пересеченную местность. Завлекать их в засаду, нападать на лагерь ночью вместе с конными лучниками и затягивать войну всеми возможными способами, выводя врага из терпения и заставляя его тратить свои продовольственные запасы.

Состояние греческой армии в тот период также подробно описано императором Львом, так что мы можем точно показать состояние кавалерии Восточной Римской империи во время его правления.

Конные лучники носили кольчуги, покрывавшие все тело, шлемы из отполированного железа, украшенные султанами. Главным оружием считался лук средней величины, его носили в футляре, чтобы сохранять в хорошем состоянии, одновременно имелся колчан, куда входило 30 или 40 стрел, копьё средней величины вместе с прикрепленным к нему флажком, меч на пояском ремне и остроконечный кинжал. Каждый всадник также обеспечивался напильником, шилом и запасом тетив для лука.

Молодые всадники, которые еще не умели ловко стрелять из лука, имели большие щиты и по два дротика. На руках были железные перчатки. У офицеров лошади имели защиту груди и налобники из железа или войлока, а у всадников, сражавшихся в передних рядах, еще и защиту шеи и боков их лошадей. Удила были очень строгие и пригонялись

весьма тщательно. Седла, которые к тому времени уже вошли во всеобщее употребление, были довольно велики и снабжены двумя стремянами, чемоданом и кобурой, в которой возился трех- или четырехдневный провиант. Подковы, прикрепленные к копытам гвоздями, также уже применялись повсюду. Конское снаряжение украшалось султаном или перьями на голове коня, различными кисточками на чепраке и большой кистью, висевшей под подбородком лошади. К седлу прикреплялся футляр для секиры, имевшей лезвие с одной стороны и острие с другой.

Воин обеспечивался просторным одеянием или плащом, свободного покроя и легким. Предполагали, что он носился так же, как и современный плащ, поверх вооружения, уберегая его носителя в плохую погоду. Плащ защищал доспехи, лук и другие предметы вооружения, предохраняя их от дождя. В то время, когда воин был занят в разведке, плащи использовались не только для тепла, но и для того, чтобы скрывать блестящие части вооружения от вражеских глаз.

Конница строилась в четыре шеренги, так как опыт показал, что большее число их является совершенно излишним. Действительно, задние шеренги, будь они вооружены луками или копьями, не могут оказать никакой помощи передним, а вместе с тем постоянное напираание задних на передних, составлявшее силу фаланги, в коннице не могло иметь места. В бою флажки с копий снимались и прятались в особые футляры. Перед каждым крупным отрядом обязательно следовал авангард в виде небольшого конного отряда, чтобы производить разведку местности и заблаговременно открывать устроенные неприятелем засады.

В боевом порядке конницу обычно ставили по флангам пехоты, причем лучшие части становились на самых крайних флангах. Она была приучена в случае победы не преследовать без оглядки бегущих неприятельских всадников, чтобы не попасть в засаду и не отдалиться слишком далеко от своей пехоты, а постоянно оставаться в руках начальников. Спешивание всадников применялось только в крайних случаях. Обыкновенный боевой порядок состоял из двух линий и резерва; в случае неудачи первая линия отходила ко второй. Особенное значение придавали луку, и считалось большим несчастьем, что он все более выходил из употребления. Император Лев требовал, чтобы вся военная молодежь усиленно упражнялась в стрельбе из лука и продолжала эти упражнения до сорокалетнего возраста.

Таковым оказалось состояние конной службы в вышеописанных народах, когда сначала венгры или турки (так их называли греческие историки) начали вырисовываться на востоке и угрожать завоеванием и разрушениями народам Германии и Западной Европы. Их военная сила, о которой мы уже писали, была весьма многочисленна, делилась вместе с их союзниками на семь равных корпусов или дивизий, каждый из которых состоял примерно из 39 тысяч воинов. Несколько наследственных вождей или воевод командовали этими соединениями, образовывали совет, на котором для осуществления общего командования избирался один верховный командующий.

Венгры обычно выступали в поход в сопровождении женщин и детей с неисчислимым количеством крупного рогатого скота и овец, вели их по равнинам, по которым они шли. Таким образом, их легкой коннице приходилось занимать обширную территорию и патрулировать на очень большом расстоянии от основного корпуса. Венгры прокатились через Скифию, пока не достигли границ Византийской и Франкской империй, и вторглись в Баварию, где в битве под Аугсбургом парфянская тактика венгерской конницы, заключающаяся в нападении и отступлении, смутила и сбила с толку христиан. В течение какого-то времени им удавалось одерживать победы, а затем и они потерпели поражение.

С огромной скоростью легкая конница венгров проносилась через Германию, за один день иногда проходя отрезок в 50 миль. Они появлялись у Бремена, они сожгли Павию, проникли даже через Пиренеи. Их победоносное шествие остановила не горестная молитва с литанией («Спаси и избави нас от стрел венгров»), а воды Мессинского пролива. Жизнь людей на завоеванных ими землях спасли только выплатой из расчета за каждого человека.

В течение тридцати лет Германская империя платила дань венгерским всадникам. Все

это произошло благодаря внезапности и угрозе их вторжения, легкие войска, состоявшие из трех или четырех сотен кавалеристов, могли совершить самые дерзкие рейды, дойдя до самых ворот Фессалоник или Константинополя.

Таковым оказалось угнетенное состояние Европы в начале X века, когда весь христианский мир стал зависеть от милости грабительских банд легкой кавалерии, чьи тактика и воинский дух давали им преимущество. Именно в этот кризисный период пришла пора тех великих военных преобразований, позволивших с помощью улучшения тактики, вооружения или способов ведения боя переменить ход истории, когда в ходе успешных сражений одни народы и государства бывают спасены и укреплены, а другие уничтожены.

Генриху I Птицелову, саксонскому князю, избранному германским императором в 919 году, было суждено воспрепятствовать продвижению венгров и уберечь империю от их ига. Он верно понял, что требуется всего лишь создать действенную военную организацию и требуется время, чтобы завершить ее. Поэтому он воспользовался первой же возможностью купить мир или заключить перемирие с венграми на девять лет за счет выплаты ежегодной дани. И затем полностью сосредоточился на военных приготовлениях.

Прежде всего, он начал укрепление городов и строительство крепостей, чтобы отражать неожиданные набеги венгерской конницы. Кроме того, в этих городах он разместил гарнизоны, которые мог использовать по своему усмотрению, независимо от феодалов, чье влияние быстро увеличилось и стало чрезмерным.

Гарнизоны состояли из свободных в прошлом людей, которые первоначально образовывали ополчение (геербан), но вскоре превратились в вассалов ленных землевладельцев. Благодаря новой организации они получили полную свободу и тотчас оказали мощную поддержку трону. Их тщательно учили сражаться в сомкнутом строю, такие построения специально предназначались для отражения яростных атак венгерских конников. В скором времени города смогли выставлять хорошо обученные отряды пехоты.

Чтобы обеспечить мощь кавалерии, Генрих, естественно, обратился к феодальной аристократии. Он отлично понимал, что ничего хорошего не могло выйти из обыкновенного ее образа действий в бою, когда каждый герцог, граф со своими вассалами сражался совершенно отдельно от других, нисколько не стремясь согласовывать свои действия с общей целью; конечно, тут никакая храбрость не могла дать победы.

Имея дело с гордыми дворянами, не выносившими ограничений, не понимавшими необходимости дисциплины и послушания, Генрих должен был придумать что-нибудь такое, что льстило бы их гордости, взывало к их понятиям о чести и вместе с тем заставило бы их добровольно перейти к действиям в сомкнутом строю, так как только полной дисциплиной и ловким маневрированием можно было победить венгерскую конницу.

Как полагают, Генрих учредил институт рыцарства, позволив образоваться новому обычаю. Его энтузиазм привел к осязаемым результатам. Некоторые немецкие авторы приписывают Генриху устройство турниров, где рыцари демонстрировали различные виды похожих на военные упражнения и соответствующие навыки. Они состязались в искусстве владеть оружием попарно и в составе групп, в присутствии дам, чьи взгляды якобы должны были поощрять рыцарей на проявление больших усилий. Тяжелые дневные труды завершались банкетами и танцами, делая эти упражнения самыми популярными увеселениями того времени.

Весьма вероятно, что первоначально подобные турниры устраивались с целью обучения рыцарей и имели только внешнее сходство с тем, что впоследствии понималось под этим словом и во что они превратились не ранее середины XI столетия.

Следствием принятых Генрихом мер явилось установление вооруженной общины или братства, все члены которого обязаны были повиноваться известным законам, сражаться за веру, не совершать бесчестных поступков и посвятить свою жизнь только идеальным целям чести и правды. Так как всякий свободнорожденный мог надеяться храбростью заслужить честь попасть в члены этого братства, то это значительно способствовало улучшению положения вассалов, имевших в братстве равные права со своими сюзеренами.

Увидев преимущество конной службы и искушаемые стремлением стать рыцарями, свободные граждане формировали конные отряды, создавая пехотные формирования из своих учеников и работников.

Отмеченные факты показывают огромное внимание, которое уделялось улучшению военного искусства в Германии во время девяти лет перемирия. После его окончания, в 933 году, венгерские послы пришли, чтобы потребовать выплаты ежегодной дани. В легенде говорится о том, что Генрих велел бросить им под ноги паршивую собаку, после чего последовало объявление войны.

Тотчас венгры пересекли границу двумя огромными армиями, меньшая из которых насчитывала 50 тысяч человек. Она была разгромлена при Зондерсгаузене ополчением (геербаном) Саксонии и Тюрингии, которые за девять лет мира прошли прекрасное обучение и смогли достойно встретить захватчика.

Все же решительная битва состоялась в Мерзебурге, где главную армию венгров встретил сам Генрих во главе своей тщательно организованной, хорошо вооруженной и обученной армии. Его рыцари или кавалерия использовали как щиты, так и копья. Утром перед битвой император обратился к своим войскам.

«Мои соратники, – сказал Генрих, – сомкните ваши ряды, примите на свои щиты первые стрелы язычников и помешайте им пустить вторые одновременным и быстрым ударом ваших копий». В этих словах явно слышится дух Александра Великого и, конечно, Ганнибала. Снова оживает представление о стремительном порыве атакующих конников, способных смести действующих наскоками небольших отрядов венгров. Тактика Генриха при сохранении скорости и длительности конных атак не могла не принести успех.

Забываясь о тяжелой кавалерии, Генрих не забывал о том, чтобы поражать врага и на расстоянии. Для этого он не менее тщательно подготовил легкую конницу, вооруженную арбалетами. Она целыми днями отвлекала внимание врага, то и дело вступая в стычки с его кавалерией. Стремясь обеспечить себе преимущество, он в решающий момент развернул свою кавалерию, ударив во фланг, и опрокинул противника.

Его поведение после битвы доказывает его величайшие способности командующего кавалерией, поскольку преследование было быстрым и яростным. Никакой передышки не последовало, противник был разбит полностью. Яростная резня не прекращалась до тех пор, пока остатки рассеянных варваров не были выдворены за пределы Богемии.

Поражение при Мерзебурге произвело на венгров столь сильное впечатление, что они начали испытывать такой же ужас перед германцами, как в свое время те страшились их. Спустя двадцать лет выросло новое поколение венгров, собрав огромное войско в 100 тысяч всадников, они вторглись на территорию сына Генриха, Оттона I, весьма искусно управлявшего организованной его отцом кавалерией.

Хвастаясь своей многочисленностью, венгры говорили, что их кони выпьют воду до дна во всех немецких реках. Они осадили Аугсбург, который упорно сопротивлялся их напору. Оттон собрал ополчение со всего государства; к нему присоединились богемские войска. Обе армии встретились недалеко от Аугсбурга 10 августа 955 года.

Венгры скрытно форсировали реку Лех, напали на германское войско с тыла, разбили чехов и надели на швабов. Исход боя был неясен. Император сражался с мечом в руках во главе своих латников и после ряда атак одержал успех в одном пункте, легкая конница воспользовалась им и развила его дальше, между тем как Оттон I, не выпуская тяжелых всадников из своих рук, решал ими дело там, где бой колебался.

Венгры, как отличные легкие наездники, не доводя дело до рукопашного боя, отступали перед германскими латниками и всячески старались их утомить. Только прекрасная выучка и дисциплина войска Оттона, а также его осторожное и умелое руководство принесли ему победу.

Глава 5. Рыцарство

Устройство и правила

Примерно одновременно с битвами при Мерзебурге и Аугсбурге, около середины X века в Европе возникло рыцарство, новый социальный институт, несколько последующих столетий оказывавший существенное влияние на всю европейскую культуру.

Без сомнения, учреждение рыцарства стало одним из самых значительных стимулов для развития общества и перехода от варварства к цивилизации. Оно способствовало нравственному развитию народов, установило новые законы для различных социальных групп, став ядром и основой военной силы народов и определив развитие военного искусства.

Поскольку каждый рыцарь или член рыцарского ордена прежде всего являлся всадником, его положение и титул основывалось на его качествах как конного воина. Поэтому история кавалерии не будет полной, если мы подробно не расскажем о времени рыцарства, когда в рядах конницы находились воины разного положения, государственные деятели, знать и опытные генералы. Каждый феодал стремился к тому, чтобы его признали искусным воином и приняли в рыцарский орден.

Происхождение рыцарства теряется во тьме времен. Основываясь на сходстве обряда посвящения в рыцари и инициации у древних германцев, после которой юноша получал право ношения оружия и становился воином, что описано Тацитом, некоторые авторы ошибочно относят начало рыцарства к весьма отдаленному времени.

Другие исследователи связывали его возникновение с эпохой Карла Великого, точнее, с ритуалом «надевания воинского пояса» сыновьями монархов. Без сомнения ясно, что определенный ритуал дарования оружия молодым людям по достижении совершеннолетия бытовал среди большинства европейских племен намного раньше.

Однако церемониальное облачение рыцаря-неофита составляет лишь незначительную часть института рыцарства. Главными принципами ордена были: дух чести, куртуазность во всех ее проявлениях, милосердие к угнетенным и стремление к высшей справедливости. Именно эти особенности, приведшие к таким удивительным и благотворным результатам, и образовали истинный институт рыцарства. В свете сказанного учреждение рыцарства следует относить к середине X века.

Лучшим авторитетом по данному вопросу является М. Ла Кюрн де Сент-Пале, автор «Мемуаров о древнем рыцарстве», который в предисловии приводит весьма интересное описание института рыцарства: «К середине X века бедные дворяне, обеспокоенные произволом со стороны суверенных правителей и сочувствовавшие несчастьям и слезам обездоленных, объединились в поисках законодательной защиты.

Взявшись за руки, они поклялись именами Господа и святого Георгия, что посвящают себя защите угнетенных и берут слабых под защиту своего оружия. Соблюдая простоту в одежде, строгость в нравах, скромность при успехе, твердость духа в несчастьях, они скоро заслужили необыкновенную славу. Благодарность народа приписала им чудесные дела и подвиги необыкновенной храбрости, и в молитвах их поминали рядом с именами святых; люди в несчастье всегда склонны обоготворять тех, кто им помогает.

В те древние времена, когда царствовало право силы, мужество само по себе должно было казаться добродетелью. Эти же люди, получившие впоследствии название рыцарей, дали ему особый ореол. Сообразно с этим трусость наказывалась у них как непростительное преступление, равно как и отказ в защите притесняемых. Они презирали ложь, клеймили позором измену и клятвопреступление и вообще установили законы, подобных которым не издавали даже знаменитейшие законодатели древности.

Это военное братство сохраняло свой первоначальный простой характер более столетия, так как обстоятельства, при которых оно создано, изменялись весьма медленно; позднее же, когда политическое и религиозное движение стало изменять многие воззрения, рыцарство было признано законом и поставлено в ряду прочих государственных

установлений».

Выше мы уже показали, что феодальная ленная система предоставила власть земельной аристократии и тяжеловооруженным конникам. Соответственно пехота утратила свое значение, и служба в ней потеряла свой прежний престиж. Отсутствие постоянных границ, непрекращающиеся войны и стычки между соперничавшими ленными землевладельцами уничтожили искусство маневрировать огромными массами и создавали постоянные возможности для проявления личных качеств отдельного воина.

В результате открылся путь для образования рыцарства. Уверенность одетых в доспехи конников в умении владеть оружием усиливала их воинский дух и делала их более склонными к риску и честолюбивыми. Именно стремление к славе и личной чести составило суть и главный принцип рыцарства. Особенно ясно данное представление видно на примере обычаев странствующих рыцарей, сражавшихся не ради национальной идеи или религиозного чувства, но для обретения славы или из-за стремления к абстрактной справедливости.

Хотя рыцарство и представляло собой космополитический институт и по всей Европе основывалось на одних и тех же общих принципах, его тесная связь с ленной системой привела к различиям в отдельных странах. Чем многочисленнее была аристократия в данной стране, тем строже были правила при еме и, соответственно, число рыцарей меньше. Например, во Франции и в Арагоне отмечается не так много посвященных, в то время как в Англии и в Кастилии в рыцарство принимались многие.

Соответственно различались и требования к благородному происхождению принимаемых. Во Франции благородное происхождение считалось совершенно необходимым, в то время как в Испании, Англии или Германии оно требовалось далеко не всегда. Кодекс ордена Людовика Святого оказался настолько строгим, что подразумевал следующее: «Если человек, чей отец низкого происхождения, станет рыцарем, то король или феодал, к чьим владениям он приписан, должен приказать отбить ему шпоры на навозной куче».

В 1281 году Филипп Смелый оштрафовал графа Неверского за то, что тот посвятил в рыцари двух храбрых братьев, которым недоставало требуемого дворянского происхождения с отцовской стороны. Он также наложил штраф и на самих рыцарей, однако, узнав впоследствии, что они проявили себя как доблестные воины, вернул им большую часть штрафа и утвердил их в рыцарском звании.

Рыцарство поставило феодальную знать и рыцарей всех народов в равное положение друг с другом, предоставляя младшим сыновьям знати, которые не могли наследовать поместье отца, возможность завоевать своим мечом и силой то положение, которое хотя и не влекло за собой владение богатством или землей, но уравнивало их со старшими братьями – ленными владельцами.

Обычно эти молодые люди поступали на службу к богатому феодалу или даже правителю страны, при дворе которого искали возможности продвижения, средства к существованию и поддержку. Традиционно они получали плату в той или иной форме и, в сущности, являлись не кем иным, как наемными солдатами.

Самым главным стремлением для них оставалось получение рыцарских шпор на службе у своего хозяина. Они добивались этого, не жалея усилий и старания, ибо шпоры эти ставили их в равноправное положение с их господами и давали преимущества, каких никогда бы не могло дать только богатство.

До 7 лет мальчик оставался в семье и пребывал среди женщин. По достижении этого возраста он или поступал пажом к какому-нибудь знакомому рыцарю, или продолжал жить в семье и исполнял обязанности пажа в отношении собственных родителей. До 14 лет подросток служил пажом, постоянно занимался физическими упражнениями и верховой ездой, а его положение практически ничем не отличалось от обязанностей прислуги. По достижении 14 лет он получал звание оруженосца. Обычно оно сопровождалось вручением меча в ходе соответствующего ритуала, совершаемого священником. Отец и мать с

восковыми свечами в руках вели пажа к алтарю; священник брал заранее положенный на алтарь меч, благословлял его и затем опоясывал им юношу, получавшего с этого момента право ношения оружия.

Оруженосец обучался приемам личной и коллективной защиты и нападения, владению оружием пешком и верхом, а равно и другим укреплявшим его тело упражнениям. Разница между оруженосцем и рыцарями проявлялась как в одежде, так и в вооружении.

Оруженосцам разрешались украшения только из серебра, золото оставалось исключительной привилегией рыцарей. Защитное вооружение оруженосцев было значительно легче того, каким владел их господин, как на войне, так и на турнирах. Им запрещалось использовать пурпурные ткани, хотя дозволялось одеваться в меха или шелк. Они выполняли обязанности всякого рода: одни прислуживали за столом, другие наливали вино, третьи подавали воду для омовения.

Среди римлян представителям знати прислуживать не разрешалось, и в наши дни считается чем-то низким, а тогда этим занимались только юноши самого высокого происхождения. Например, за обедом в лагере при Сомюре граф Артуа с по мощью графа Суасонского прислуживал своему брату, королю Людовику IX. Оруженосцы не имели права вмешиваться в разговор, но должны были присматриваться к манере рыцарей держать себя и к установившимся общественным правилам приличия.

На войне оруженосцы сопровождали своих хозяев в качестве помощников. Они носили их оружие, один – шлем, другой – копье, третий – меч. Кто-то из них вел боевого коня, огромное мощное животное, использовавшееся только во время боя. Во время похода на переходах рыцарь ехал на верховой лошади или иноходце, только в случае опасности он садился на боевого коня, а оруженосцы начинали его вооружать. Овладение данной обязанностью требовало особой сноровки и мастерства, поскольку безопасность сражающихся зависела от тщательности и внимательности, проявленных при надевании доспехов и оружия. Возможно, причиной смерти Генриха II Валуа стало небрежное прикрепление его забрала.

Полностью вооруженные и готовые к бою рыцари садились на своих боевых коней и строились в единую линию, а оруженосцы образовывали вторую линию за своими господами. При нападении рыцари устремлялись во весь опор, с опущенными копьями, тогда как помощники оставались зрителями сражения.

Если рыцаря выбивали из седла или он терял лошадь по какой-либо причине, то он, если мог, вставал на ноги, брался за меч, палицу или секиру и продолжал бой пешим. Каждый оруженосец должен был во все время боя внимательно следить за своим господином, чтобы своевременно подвести ему новую лошадь, если он в ней нуждался, или дать новое оружие. Если рыцарь был ранен, то оруженосец обязан был прикрывать его от неприятельских ударов, однако его функции сводились только к защите. Если рыцарь одерживал победу и захватывал пленных, то в обязанности оруженосца входило принимать их и охранять.

Таким образом, будучи непосредственными и заинтересованными наблюдателями, оруженосцы на конкретных примерах обучались, как вести себя во время боя. Они также учились отдельным элементам рыцарского поведения и постепенно осваивали рыцарские умения.

После достижения 21 года оруженосец считался достаточно обученным, чтобы иметь право быть принятым в рыцарский орден, но это происходило только после того, как он подтверждал это право доблестью и мастерством владения оружием на поле боя. Теперь он получал право на рыцарские доспехи и оружие и участие в сражении на передней линии, что раньше ему запрещалось делать.

Инвеститура³⁶, или посвящение в рыцари, обставлялась более торжественным

³⁶ Инвеститура – официальная церемония введения в должность или во владение. (Примеч. пер.)

обрядом, чем опоясывание оруженосца мечом. Перед церемонией посвящаемый проводил ночь в молитвах вместе со священниками и своими поручителями в церкви или в часовне. Утром он совершал омовение, надевал белое платье (как символ чистоты) и выслушивал поучение о тех обязанностях, что должен был принять на себя.

Затем его препровождали к алтарю с висящим на шее мечом, который он передавал священнику для благословения. Посвящаемый в рыцари становился на колени, и на него надевали полное рыцарское вооружение. Церемония отличалась в разных странах, однако акколада, или удар по плечу мечом, никогда не пропускалась, обычно сопровождаясь словами: «Во имя Господа, святого Михаила и святого Георгия посвящаю тебя в рыцари». Иногда добавляли: «Будь храбр, смел и верен». На поле боя посвящение ограничивалось простой акколадой и уже упомянутыми словами.

В различные периоды с рыцарством связывались два элемента, которые, хотя и не представляют особого интереса с военной точки зрения, заслуживают внимания, — это религия и любовь. Влияние религиозной обрядности проявилось уже во времена первых Крестовых походов, когда институт рыцарства находился в расцвете и его связь с церковью играла важную роль.

Об этом свидетельствует образование многих монашеских орденов и характер тех религиозных церемоний, которыми сопровождалось посвящение в рыцари: ночное бдение в часовне, заутреня, омовение как символ крещения, благословение оружия, проповедь и т. п.

Главной обязанностью рыцарей была борьба за христианскую веру и утверждение евангельских норм. Одно время даже вошло в обычай обнажать мечи в церкви при чтении Евангелия, чтобы показать готовность защищать веру силой оружия. Происхождение этой связи между церковью и военным братством следует, очевидно, искать в желании духовенства направить распространенную и могущественную идею на пользу церкви.

Значение другого чувства, любви, можно выявить в ранних обычаях германцев, известных необычайным уважением, какое они проявляли в отношении женщин своего племени. Накопление богатства в руках знати, привычка к роскоши, ставшая естественным следствием богатства, приводили к тому, что дамы приобретали большое влияние. Ведь их средства и положение позволяли им пользоваться всякой возможностью, чтобы обновлять свою одежду, совершенствоваться в беседах и манерах, что весьма способствовало выражению восхищения и уважения со стороны сильного пола.

Среди мужчин отмечается инстинктивное стремление проявить силу, храбрость и ловкость перед предметом своего обожания. Влияние любви стало вскоре преобладающим импульсом в ордене, в котором все сводилось к тому, чтобы приобрести личную славу выдающимися военными подвигами и смелыми романтическими приключениями.

Вначале, на заре рыцарства главную роль играли религиозные помыслы, и искомый результат достигался во время Крестовых походов. В течение длительного периода они сохраняли свое значение. Культ любви стал играть существенную роль только тогда, когда стало угасать возбуждение, произведенное Крестовыми походами. Со временем его значение возрастало все более и более и доводило рыцарей, например в Англии (за время от Эдуарда III до Генриха VIII) и во Франции (с Франциска I), до самых необыкновенных обетов в честь владычиц их сердец.

Как бы то ни было, оба культа — Бога и любви — долгое время были руководящими принципами в жизни рыцарей, а по понятиям тогдашнего времени почитание и борьба за них составляли даже одну общую обязанность. Боккаччо благодарит «Бога и любовь» за помощь, которую они ему оказали при составлении «Декамерона». Фруассар говорит, что своим сборником поэтических произведений он обязан Богу и любви. Вежливость к дамам соблюдалась полная; защита вдов и сирот считалась священной обязанностью, и слабые и угнетенные могли смело обращаться за помощью к рыцарям.

Воздействие этого чувства, во многом искоренившего пороки и измены, распространенные среди варварских племен, оказалось необычайным. Например, с пленными рыцари обращались совсем иначе, чем в ранние времена, что косвенно

способствовало утверждению христианства. Так что преимущества рыцарства в данном отношении едва ли следует недооценивать.

Вооружение, снаряжение и тактика рыцарей

Рыцари всегда сражались в доспехах. Сначала это были кольчуги, сделанные из сплетенных стальных колец, или же доспехи из тонких металлических пластинок. Они стали использоваться как основное средство защиты, голову стали защищать плотно прилегавшей кольчужной шапкой, изготавливавшейся по той же методике, что и основное вооружение. Шапка закрывала лоб и часть лица, оставляя нижнюю часть незащищенной, имела кольчужную защиту ушей и задней части шеи. Поверх кольчужной шапки надевался шлем, причем только перед самым началом сражения.

В то время, когда в обиход вошли прочные стальные доспехи, шлем принял конусообразную форму, наверху оставался круглым, под ним носилась вязаная шапочка, чтобы защитить голову от давления шлема. К шлему добавлялись металлические пластины для защиты шеи, а также забрало, защищавшее лицо. Забрала отличались по форме и устройству. Иногда лицо закрывалось перпендикулярными перекладинами, иногда использовались просверленные пластинки, закрывавшие лицо полностью и оставлявшие лишь небольшие отверстия, чтобы можно было видеть и дышать. Увенчивали шлемы султаны и другие украшения различного вида.

Оруженосцы, пехотинцы и наемники носили бацинеты, облегченные шлемы, плотно прилегавшие к голове, обычно с забралом. Он защищал и спереди, и сзади, иногда имел на уши, покрытые металлическими пластинками и сходявшиеся под подбородком. Часто и рыцари надевали эти легкие шлемы, когда не ожидали непосредственного нападения, но не хотели оставаться беззащитными в случае экстренной нужды.

Латы рыцарей были чрезвычайно тяжелы и, вероятно, превосходили своей тяжестью латы древних катафрактов. В первые времена рыцарства предохранительное вооружение для тела состояло из кольчуги, составленной из колец или цепочек, нашитых на кожаный кафтан, и называвшейся хауберк, которая надевалась поверх нижнего платья, стеганого или из кожи, иногда буйволобой. Кольчуги были четырех родов, которые отличались между собой способом прикрепления колец. Были кольца плоские, пришитые одно рядом с другим, продолговатые кольца, лежавшие одно на другом краями, ромбовидные пластинки и, наконец, особый вид представляли настоящие кольчуги из колец без нашивки на кожу.

В X веке кольчуга достигала бедер, в следующем веке она еще больше удлинилась, дойдя до коленей. Норманнские рыцари Вильгельма Завоевателя во время вторжения в Англию были вооружены именно таким образом, о чем свидетельствуют изображения на гобелене из Байе. В XII веке кольца переплетались, таким образом кольчуга становилась прочнее, практически оказывалась двойной. Кольчуга была очень гибкой, свободно носилась на теле. Тот же самый материал использоваться для прикрытия рук и ног.

Под кольчугу надевали гамбезон, особую одежду обычно из шерстяной ткани и простеганную. Она служила защитой от повреждений, что вызывались трением оружия, вес которого сильно утомлял.

Со временем кольчугу вытеснили пластинчатые латы, состоявшие из прочных пластинок с подвижными креплениями. Они не стесняли движений, отвечая конструкции тела человека. Вначале их использовали для защиты рук и ног, впоследствии для защиты туловища. Но еще длительное время рыцари предпочитали смешанные доспехи, сочетавшие пластинчатые латы и кольчуги.

Тяжелые пластинчатые доспехи часто носились поверх кольчуги, конники видели, что отполированные пластины, на которых легко соскальзывали мечи или копыя, служат лучшей защитой, чем кольчуги, не всегда оберегавшие от ударов.

Изобретение пороха также заставило предпочитать более прочное вооружение, оно служило и лучшей защитой против огнестрельного оружия. Этот вид защиты существовал до

конца XVII века, когда его отменили, оставив только кирасы, защищавшие грудь и спину, они во многом остались теми же, что и в настоящее время используют кирасиры большинства европейских армий.

Вместе с пластинчатыми латами в обиход вошел также крючок, прикреплявшийся к нагрудной пластине, он помогал рыцарю прочно удерживать свое копье во время атаки.

Когда рыцари носили кольчуги, то и лошади покрывались ими, впоследствии, когда рыцари получили пластинчатые латы, то и лошади покрывались сходными доспехами. До введения огнестрельного оружия столь мощно вооруженные всадники практически оказывались неуязвимыми, ибо искусство изготовления доспехов намного превосходило уровень наступательного вооружения.

Конечно, происходившее давало огромное преимущество знати, которая только одна имела право и могла обеспечить себя рыцарским вооружением. Правда, недостаточная подвижность и внушительный вес доспехов делали рыцаря весьма неповоротливым, что снижало значение такого вооружения, поскольку рыцарю невозможно было осуществлять быстрые перемещения. Поэтому, как, например, в битве при Азенкуре, превосходящая активность легковооруженной пехоты позволила ей одерживать верх над тяжелыми рыцарями. Французские рыцари несли большие потери в боях с ополчениями городов Фландрии. Особенно страдали носители тяжелого вооружения во время жаркого лета.

Перечислим различные части вооружения, надевавшиеся поверх гамбезона или нижнего одеяния.

1. Кольчуга (Hauberk).
2. Пластинчатые латы (кираса), защищавшие грудь и спину.
3. Шлем (Helmet) или кольчужный головной убор (в его различных видах).
4. Бармица (Halsberge).
5. Наплечники (Schulterstucke).
6. Наручи и налокотники (Armschienen и Ellbogenschilde).
7. Металлические рукавицы или перчатки, закрывавшие кисти рук и запястья.
8. Набедренник для защиты бедер.
9. Наголенники для защиты ног (Beinschienen).
10. Наколенники (Knieschilder, Kniestucke).
11. Металлические сапоги для защиты ступней (Eisen schuhe).

Щит чаще всего изготавливался из металла, в ряде случаев из дерева, покрытого кожей или металлом, на него помещались девиз или герб. Щиты различались по форме, носились на ремне через плечо.

Сначала шпоры делались из одного шипа, но в XIV веке на них появились колесики, аналогично используемым и в наше время. Однако тогда колесики шпор были намного большего размера, чем те, что используют сегодня повсюду, кроме, возможно, Мексики и Южной Америки.

Шпоры рыцарей изготавливались из золота, известны лучшие образцы такого рода. Выражение «заслужить шпоры» означало вступить в рыцари, а изысканность шпор соответствовала рыцарским степеням. Поверх вооружения надевался плащ, изготовленный из тонкой материи или шелка, он был украшен гербом и цветами рыцаря.

Впервые седло упоминается Сидонием Аполлинарием (V век), писавшим о вестготах. В XI веке к седлу добавили высокие луки спереди и сзади, чтобы они поддерживали тяжеловооруженных всадников, сделав их посадку более удобной и надежной.

Основным наступательным оружием конницы оставалось копье, считавшееся самым благородным из всех видов оружия, им не могли пользоваться представители низших классов. Копья были длинными и тяжелыми, изготавливались из древесины, сосны, белого клена, ясеня, оснащались железным наконечником, тяжелым и широким. Как раз под наконечником прикреплялся прапор (баннер) – небольшой флажок, указывающий на ранг его носителя.

Хотя формально все рыцари считались равными между собой, все же существовало

различие между богатыми, способными оснастить контингент вооруженных людей за свой счет, и рыцарем, отправлявшимся на поле боя только со своим помощником. Первого именовали баннеретом, или рыцарем с баннеретом, второй считался бакалавром, или простым рыцарем. Баннерет носил небольшой флажок или квадратный баннер, прикрепленный к копыю, тогда как обычный рыцарь имел небольшой флаг, зигзагообразной формы с одним или двумя зазубренными концами. На том месте древка, за которое рыцарь держал копье, имелся небольшой щит или *vamplate*, круглая пластинка для защиты руки. Иногда с дырой в центре, он соскальзывал к нужному месту и возвращался обратно к рукоятке, изменявшаяся толщина древка позволяла прочно его удерживать.

Кроме копья рыцарь был вооружен мечом. Мечи сильно различались по форме, иногда были обоюдоострые, иногда заострены с одной стороны. Обычно мечи были прямыми, но использовались и фальшионы (получившие распространение в Средневековье короткие кривые мечи с широким лезвием). Встречались мечи любой длины, некоторые для действий обеими руками, такие доходили до семи или восьми футов в длину (2,1–2,4 м).

Обычно двуручные мечи не использовались рыцарями, находившимися на лошадях, когда же они хотели их использовать, то обязательно спешивались. Небольшой меч или кинжал иногда прикреплялись к луке седла рыцаря, в то время как тяжелый меч обычно носился на поясе слева. В снаряжение рыцаря кинжал входил всегда, он носился на правом бедре, использовался для окончательного удара, когда рыцарь бросал противника на землю и побеждал его. Все оружие содержалось с особенной заботливостью, эфесы часто украшались драгоценными камнями, а клинки – надписями и рисунками. Право носить меч имели только свободнорожденные, и сдача в плен выражалась передачей меча противнику.

Задолго до учреждения института рыцарства использовали боевые топоры. Свое имя Карл Мартелл (Молот) взял от *martel de fer*, мартель-де-фер, боевого топора, своего любимого оружия, он использовал его в битве при Туре (Пуатье) в 732 году. Оно представляло собой насаженный на рукоять молот с тупой одной стороной и острым наконечником на другой, их применяли вплоть до XIV века, считая рыцарским оружием. Таковыми также считались боевые топоры (секиры), весьма различавшиеся по величине и форме, использовавшиеся очень широко. Палица или булава, железная или изготовленная из дерева с шипами, также применялась рыцарями, но также и воинами низших сословий.

Тактика рыцарей была самой простой, и им не были известны какие-либо тактические маневры, поскольку победа зависела только от физической силы. Скорее всего, единственным тактическим объединением оставалось полное копье (*lance fournie*), состоявшее из рыцаря, несшего свое копье, его оруженосцев и драбантов или свиты.

Нечто подобное существовало в галльской кавалерии в римское время, где были тримакезии, состоявшие из трех лиц, но состав полного копья был гораздо значительнее, хотя и менялся в разных странах и в разные времена. Более постоянным он сделался уже в позднейшие времена рыцарства, особенно с введением конных жандармов. Вначале полное копье состояло из рыцаря, оруженосца, пажа, слуги и трех лучников – все верхом. Это маленькое отделение было также и административной единицей, так как сам рыцарь содержал свою свиту и доставлял ей все необходимое. Баннереты имели у себя известное число подобных копий, и в древних хрониках численность армии всегда обозначена числом копий – подобно тому, как мы говорим 60–70 эскадронов, тогда говорилось 200–300 копий. Число всадников в копье колебалось от трех до четырнадцати, однако шесть или семь считались общепринятыми.

Как отмечает Барден, в капитуляриях (указах или кодексах франкских королей), где отмечена организация копий в феодальных армиях некоторых стран, говорится, что десять копий, содержащих порядка пятидесяти или шестидесяти конников, составляли бацелу, пять объединившихся вместе бацел составляли разновидность полка, или примерно 300 конников под командой баннерета – рыцаря со значком. Известно также, что армии делились на три части, в центре находился авангард и два крыла, обычно под командованием главных командующих, подчинявшихся верховному командующему.

Рыцари вступали в сражение единой линией, их тактика состояла в атаке на полном ходу. Они стремились сбить с лошади противников ударами копий. После первого столкновения начинался рукопашный бой, где использовались мечи, боевые топоры и молоты, булавы (палицы). Вторую линию образовывали оруженосцы, за ними выстраивались другие лица из окружения рыцарей.

Они не были вооружены столь хорошо, чтобы биться на первой линии, как рыцари, хотя при необходимости оруженосцы выдвигались вперед и занимали места своих хозяев в случае их смерти. Настоящей обязанностью как оруженосца, так и других помощников являлась помощь рыцарю во время сражения, поднимание его в случае ранения и выбивания из седла и обеспечение его новым оружием взамен утраченного. Оруженосцы носили кольчугу и легкие шлемы, имели мечи, боевые топоры и кинжал.

В свиту рыцаря входили лучники, которые были юношами благородного происхождения, стремившимися стать оруженосцами. Они были вооружены легко, имея только шлемы и железные перчатки. Иногда они спешивались, чтобы сражаться пешими, тогда их лошадей удерживали пажи. Конные лучники образовывали легкую кавалерию. Хотя Гумберт заявляет, что они применяли луки, все же Барден пишет, что французские лучники сражались не с помощью луков, а использовали только арбалеты, поэтому их лучше назвать конными арбалетчиками.

Они находились обычно позади оруженосцев, хотя часто и вступали в стычки и вводились в действие на передней линии, в случае же серьезного натиска противника, которому они не могли оказать должного сопротивления, отступали, группируясь на флангах и оставляя равнину открытой для действий тяжеловооруженных конников. Иногда они продолжали сражаться на флангах, но в случае победы всегда применялись для преследования разбитого противника.

Тогда тактического искусства, когда корпуса войск совместно маневрируют и обоюдно поддерживают друг друга, не существовало. Фактически тактические битвы выигрывались не маневрами или мастерством, но только грубой силой.

Поле тогдашней битвы представляло собой скопление тысяч отдельно сражающихся воинов, а сражение распадалось на поединки, сильно напоминая дуэли. Единственным представлением тактического свойства считалось стремление воспользоваться преимуществами ветра или солнца, поскольку при лобовом противостоянии это часто оказывало особое влияние на сражающихся, с трудом видевших через узкие отверстия. Отблески солнца, мельчайшая пыль явно делали ситуацию неравной.

Повсеместное распространение кавалерии и ее универсальность требовали тактической квалификации, поскольку все народы сражались по одному и тому же принципу. Они не испытывали необходимости достижения преимуществ маневрированием. Командующие вовсе не были тактиками, но просто воинами, выделявшимися в своих армиях за личное боевое искусство и храбрость во время рукопашного боя.

Как уже отмечалось, обучение в мирное время было весьма суровым и включало непрекращающиеся физические упражнения, весьма трудные и тяжелые. Совершенно очевидно, что никогда ранее воину не были так необходимы личная физическая сила и выносливость, а также владение оружием, достигавшиеся при совершенном и продуманном индивидуальном обучении, как во время расцвета рыцарства.

Единственным стремлением с самой ранней молодости было довести физическую силу и ловкость в верховой езде и владении оружием до высшего совершенства. Главным и часто единственным занятием всей жизни была подготовка к войне и совершение выдающихся подвигов; увеселения мирного времени состояли в охотах и участии в турнирах как подражаниях боевым поединкам.

А вот военное искусство на некоторое время утратили. Вместо совместных действий, направлявшихся общим планом и боевым порядком по установленным правилам, каждый рыцарь со своими оруженосцами сражался на свой страх и риск, полагаясь исключительно на свой опыт. Соперничество между родами сводилось к поединкам между главами, которые

из всех сил стремились стать первыми среди других.

Невероятно высокий престиж и влияние кавалерии, практически полная неуязвимость рыцаря в предохранительном вооружении – все это породило и презрение, которое проявлялось в отношении пехоты, особенно из-за того, что на службу туда принимали исключительно низшие классы. Отсюда страстное стремление служить в кавалерии и презрительное отношение к службе в пехоте, что нельзя считать справедливым.

Хорошая пехота, отлично вооруженная, в частности, длинными копьями и тщательно обученная, могла с успехом защитить себя против нападения недисциплинированных и плохо управляемых тяжеловооруженных конников, чьи действия не отличались слаженностью и четким порядком, а также и единством командования.

Однако когда вся Европа стала полагаться на конных воинов, каждый человек достаточно высокого положения мечтал о службе только в кавалерии. Кто же тогда должен был принять на себя руководство пехотой? Кто мог решиться сформировать из подходящих элементов хорошую пехоту, вооружить и обучить ее? Однако пришло время, когда, как мы увидим в дальнейшем, население Швейцарии, где в силу географических особенностей страны было невозможно организовать кавалерию, было вынуждено полагаться исключительно на свою пехоту. Швейцарцы смогли создать армию пеших воинов, которые при столкновении с гордыми рыцарями показали им, что сила – это еще не все, главными остаются порядок, слаженность действий и военное искусство. Именно эти данные оказывают огромное влияние на ход боевых действий.

Фактически феодальные армии вовсе не организовывались на принципах, позволявших использовать тактическое искусство. Войска состояли из разноликой массы солдат, нередко хорошо обученных индивидуально и хорошо оснащенных. Однако им не доставало сознания своей общности и умения действовать как единое целое, это составляет сущность любой армии. Их феодальная зависимость требовала служить только сорок дней в году, так что их мобилизовывали только перед самым началом кампании, соответственно практически не оставалось времени, чтобы обучить их действовать согласованно. Высшее тактическое искусство достигается только через обучение, никогда нельзя достичь совершенства, если отсутствует военная система, основывающаяся на постоянной армии. Высокое развитие искусства маневрирования и перемещения масс войск в римской армии, особенно во времена Сципиона, следует приписать тому факту, что служба в римской армии продолжалась от десяти до двадцати лет.

Турниры, долгое время остававшиеся единственными военными упражнениями для рыцарей в Средние века, не использовались как школы тактики, поскольку для успеха в них требовалось только научиться искусно действовать оружием в бою один на один. Даже в тех случаях, когда друг против друга сражались две группы рыцарей, вовсе не требовалось тактическое искусство. Такие состязания представляли собой ряд поединков, где требовалось только уметь наносить и парировать тяжелые удары, демонстрируя искусство владения оружием, и проявлять выносливость, делая это долгое время. Когда мы вспомним, что полный набор турнирного вооружения и снаряжения весил примерно около 100 кг, то легко представим, что продолжительность сражений имела особое значение и выносливость сражающегося ценилась высоко.

Однако турниры устраивались не только ради улучшения боевой подготовки рыцарей, хотя это тоже являлось одной из целей. Они служили практически единственным развлечением того времени, были весьма популярны, поскольку позволяли собрать вместе огромное количество представителей знати, где те могли продемонстрировать свою изысканность в подборе коней и вооружения и искусство владения оружием в присутствии прекрасных дам.

Игры начинались обыкновенно примерным боем двух отрядов (*melees*) во главе с предводителями. Все правила были установлены с большой точностью, чтобы по возможности избежать опасных ранений. Как и во время боевых действий, оруженосцы и помощники выстраивались позади своих хозяев, чтобы помочь им, если тех выбивали из

седла. Во время поединка использовалось более тяжелое оружие, чем на войне, так что никто не мог выдерживать его в течение целого дня. Иногда случалось даже, что рыцари задыхались в нем до смерти. Столь тяжелое снаряжение использовалось не только из желания развить силу и выносливость, но и ради того, чтобы предохранить участников от сильных повреждений.

Во время турниров осуществлялись также учебные нападения на укрепления и окопы, однако здесь не учили искусству маневрирования, поскольку все упражнения сводились к жестоким поединкам между рыцарями.

Как мы уже отмечали, во времена рыцарства военное искусство находилось в упадке. Пехота постепенно приходила в упадок, пока ее влияние на результаты военных сражений не свелось к нулю, и мы тщетно ищем свидетельства тактического искусства на полях сражений того периода. Только во время одного или двух сражений мы находим минимальные следы того, что сражения выигрывались благодаря использованию стратегии или совершенных на поле боя маневров.

В описании сражения при Гастингсе 14 октября 1066 года между Вильгельмом Завоевателем, стоявшим во главе нормандских рыцарей и армии саксов под руководством Гаральда, мы находим характерный пример тактики того времени. Король Гаральд занял оборонительную позицию и защитил свой фронт изгородью, изготовленной из кольев, щитов и плетней. Его войско в основном состояло из пехотинцев, в то время как у Вильгельма была почти исключительно кавалерия.

К счастью, сохранилось подробное описание сражения, данное Робертом Васом (Wace, Vase, ок. 1112 – ок. 1184), писавшим во время правления короля Генриха II Плантагенета, почти девяносто лет спустя после этого боя, когда еще в памяти людей были живы воспоминания о судьбоносной для Англии битве.

Вас дает точную картину хода этого сражения. Поскольку его описание содержит необычайно значимые детали, имеющие решающее значение, и отражает характер военного искусства своего времени, оно представляет огромный интерес для современного читателя, поэтому мы решили привести несколько отрывков из него, сохранив оригинальную и яркую лексику.

Итак, после описания построения армий и начала их схождения поэт переходит к изображению боевых действий.

«Вильгельм сел на своего боевого коня и крикнул Рожеру, называемому де Монтгомери: я очень на вас рассчитываю, ведите ваших людей туда и атакуйте их с той стороны. Вильгельм, сын сенешаля Осбера, честный, хороший вассал, пусть идет с вами и помогает вам. Возьмите с собой людей из Булони и Пуа и всех моих наемников. Ален Ферган и Эймери пусть атакуют с другой стороны, с ними пойдут люди из Пуату, бретонцы и все феодалы из Мена. Я же со своими приближенными, друзьями и родными буду сражаться в центре, где бой всего горячее».

Феодалы, рыцари и начальники копий были уже все вооружены. Пехотинцы были хорошо снаряжены, имели луки и мечи, на голове шапочки, и на ногах туго стянутые башмаки; некоторые были одеты в хорошие кожаные одежды, другие в узкое платье и имели металлические сапоги, блестящие шлемы, щиты за плечами и копья в руках. Все имели отличительные значки, по которым узнавали своих, так что норманн не мог поразить норманна, француз – француза.

Пехотинцы шли впереди, сомкнутыми рядами, рыцари следовали за ними, чтобы их поддержать. Рыцари и пехотинцы шли на своих местах, ровным шагом, соблюдая полный порядок, чтобы друг друга не обгонять и не разорваться. Все шли бодро и смело, лучники были наготове открыть стрельбу.

Гаральд созвал всех своих людей – графов, баронов, ленников – из их замков и из городов, дворов, деревень и местечек. Были собраны все крестьяне с тем оружием, которое имели, – палицами, копьями, вилами, дубинами. Англичане окружили свое расположение, где стоял Гаральд с друзьями и баронами, изгородью.

Гаральд знал, что норманны приближаются и намерены атаковать его, почему и окружил заблаговременно изгородью место, где стояли его люди. Он поднял рано утром своих людей, приказал им вооружиться и готовиться к бою и сам надел доспехи, соответствующие его знатному сану. Он приказал им и советовал своим баронам держаться как можно ближе друг к другу и сражаться в плотной массе, так как, рассеявшись, им будет потом трудно собраться.

«Норманны, – сказал он, – честные вассалы, храбрые и пешком, и верхом, славные рыцари на конях, опытные в боях! Все будет потеряно, если только они прорвут ваши ряды; они имеют длинные копья и мечи, но у вас острые копья и острые секиры, и я не думаю, чтобы их вооружение было лучше вашего; бейте только все, что попадется под руку, щадить нечего».

Английские (англосаксонские) крестьяне имели острые топоры и ножи. Они построили перед собой сплошную изгородь из своих щитов и дерева, так что не оставалось ни малейшей щели; таким образом, перед их фронтом было препятствие, которое норманны должны были преодолеть, чтобы сойтись с ними. Англичане намерены были ограничиться обороной за этой изгородью и если бы выдержали это намерение до конца, то, наверное, не были бы побеждены в этот день, так как всякий норманн, проникавший через препятствия, сейчас же падал под ударами топора или ножа, палицы или другого оружия. Воины Гаральда были одеты в короткие, узкие кольчуги, надетые поверх одежды, на голове имели шлемы. Они стояли в сомкнутых рядах, готовые к бою и с нетерпением его ожидая. Для прикрытия одного из крыльев войска была вырыта канава.

В это время показались норманны: головной их отряд шел по плоскому водоразделу; вплотную за ним шла другая, более сильная часть войска, которая повернула в другую сторону поля сражения и построилась подобно головному отряду в сомкнутую массу. Наконец показался еще отряд, покрывавший всю равнину; в середине его высилось знамя, присланное из Рима, около него находился сам герцог, лучшие люди и главная сила войска. Честные рыцари и вассалы, храбрые воины стояли здесь, а равно и знатные бароны, хорошие лучники и копейщики, которые обязаны были окружать и оберегать герцога. Прислуга, не принимавшая участия в бою, на обязанности которой лежало охранение обоза и запасов, двигалась позади.

Гаральд заметил приближение Вильгельма и увидел, что норманны разделились на три части, чтобы произвести нападение с трех сторон. Брат его Гурт подошел к нему, они стали около знамени, все просили Господа Бога охранять их. Около них собрались все их родственники и друзья: они просили не жалеть себя, так как теперь видно было, что никто боя не избежит. Каждый человек был в латах, опоясан мечом и со щитом за плечами. Большие топоры, которыми они собирались наносить страшные удары, были привешены на шее. Они стояли пешие, в сплоченных рядах, держались прямо и смело.

Норманны двинулись тремя отрядами, чтобы напасть с трех различных сторон; первый и второй отряды уже подошли, а третий, самый большой, с которым шел герцог и его люди, еще приближался. Все смело и бодро двигались вперед.

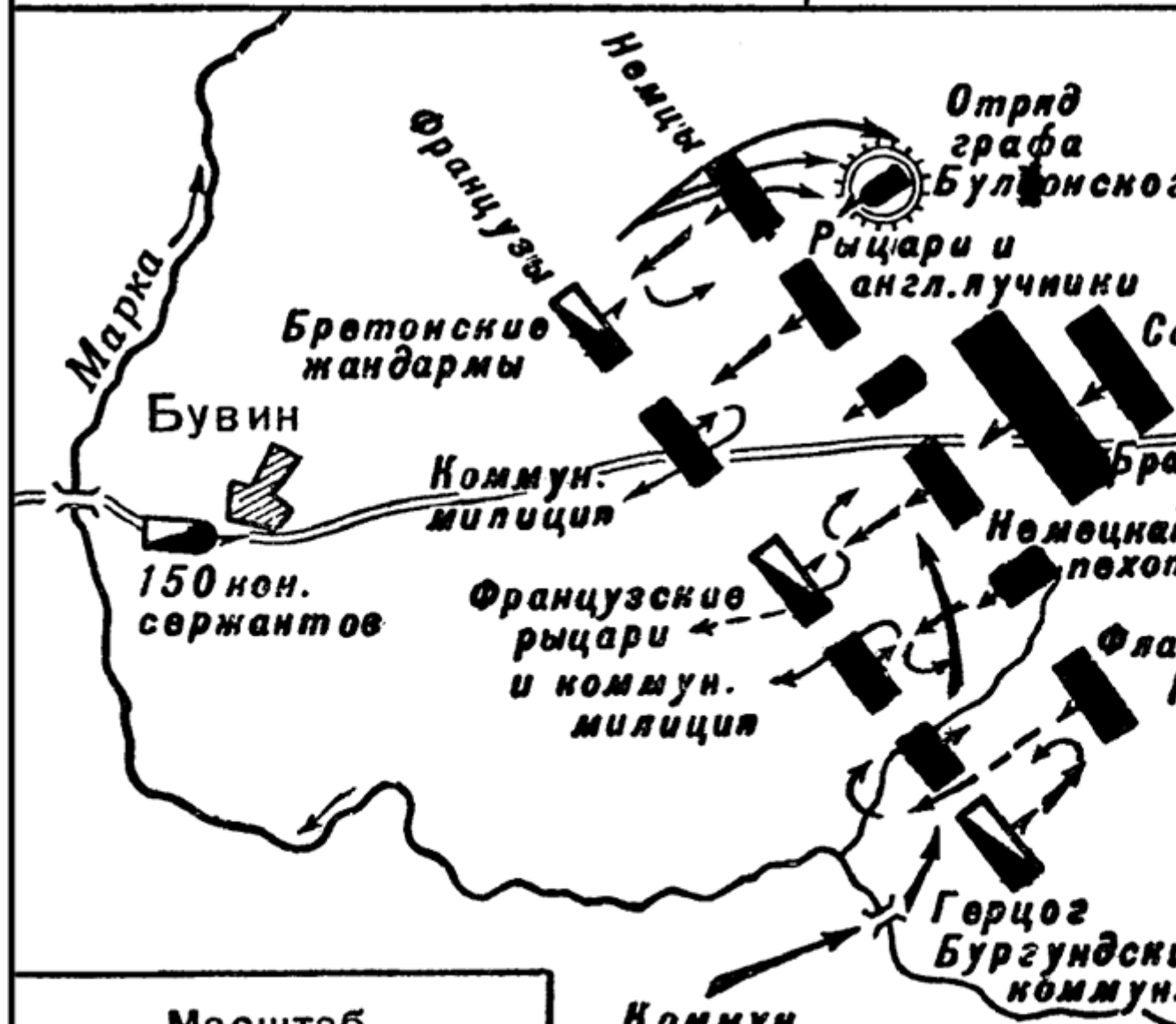
Как только оба войска сошлись, раздался страшный шум и крик. Слышен был звук труб и рогов и других духовых инструментов; видно было, как воины строились, поднимали щиты и копья, натягивали луки, готовые к нападению и к обороне. Раздался большой шум и воинский клич. И с обеих сторон войска зашевелились.

Норманны двинулись вперед, англичане сопротивлялись храбро; все имели бодрый и неустрашимый вид. И вот началась битва, о которой еще и теперь так много говорят.

Бой кипел с 9 часов утра, и до трех дня никто не мог сказать, кто одержит верх. Обе стороны держались крепко и сражались храбро. Норманнские лучники пускали в англичан тучи стрел, но те закрывались своими щитами, так что стрелы не могли причинить им никакого вреда. Поэтому норманны стали пускать стрелы почти прямо вверх, чтобы они падали на головы врагов. Многие англичане были ранены в голову и лицо, потеряли глаза, так что все стали опасаться поднимать их и оставлять лица открытыми.

Норманны убедились наконец, что англичане держатся очень твердо и их позиция неприступна. Они собрались на совет и решили обратиться в притворное бегство, чтобы выманить англичан из-за их прикрытия и побудить рассеяться по полю, так как были уверены, что, несомненно, одержат верх, если только англичане потеряют сомкнутость. Как было задумано, так и исполнено. Норманны обратились в бегство. Подумав, что враги уходят и никогда более не вернутся, англичане бросились их преследовать с громкими криками и вышли из своего убежища. Увидев это, Вильгельм тотчас приказал своим повернуть. Начался отчаянный бой, и англичане были разбиты. Если бы они не оставили своей позиции, то, вероятно, никогда не были бы побеждены. Атака конницы под предводительством нормандского герцога описана следующим образом: «Тут появились те, кто охранял его и никогда не покидал; их было около 1 тысячи воинов, они сомкнутыми рядами понеслись на англичан, массой своих коней и ударами рыцарей они пробили густые массы воинов Гаральда и разгромили их, храбрый герцог мчался впереди. Многие из англичан уже бежали, многие пали, многие были потоптаны конями. Многие богатейшие и знатнейшие люди пали во время бегства, однако все же англичане сплывались в отдельных местах, сбивали с лошадей тех врагов, до кого могли дотянуться, и пытались сражаться, сбивая людей и убивая лошадей».

Ничто не позволяет составить более ясное представление об образе ведения боя в XI веке, чем это интересное повествование, которое выгодно отличается от прочих тем, что было написано вскоре после сражения, а многие его детали подтверждаются в изображениях на гобелене из Байе.

Сражение при Бувине

Следующее сражение, детальным описанием которого мы располагаем, произошло при Бувине (Фландрия), оно состоялось в 1214 году между войсками короля Франции Филиппа II Августа и германского императора Оттона IV, где первый одержал решающую победу.

Армия Филиппа II состояла преимущественно из кавалерии, ему удалось выманить императора из пересеченной местности на плоскую равнину, где его всадники получали преимущество во время боя. Услышав, что французский король выступил, и поверив, что он стремится избежать сражения, Оттон стал преследовать его. Узнав об этом, Филипп послал на разведку виконта де Мелюна с небольшим количеством легкой кавалерии и арбалетчиков, чтобы прояснить ситуацию, отправившись по направлению к врагу.

Вскоре Мелюн встретился с армией императора, перемещавшейся в боевом порядке, их лошади были одеты в защитное вооружение, кавалерия построена за пехотой. Таково было обычное построение перед боем. Виконт тотчас увидел, что вражеские войска приведены в боевую готовность, и отправил шевалье Герена с сообщением к королю Филиппу II, сам же продолжил наблюдать за перемещениями противника.

Численность пехоты в германской армии была большой. Хронисты пишут, что они могли воевать даже против кавалерии. Пехота была вооружена длинными копьями. Император выдвинулся вместе со своей пехотой вперед, а его тяжелая кавалерия осталась в тылу. Английские союзники расположились справа, фламандцы – слева. Французы построили примерно такой же боевой порядок, их пехота заняла переднюю линию, кавалерия заняла позиции сзади.

В описании сражения заметны черты тактической концепции, поскольку, видимо, тяжелые конники были построены по эскадронам с промежутками между ними, в которых после перехода через мост в Бувине расположилась пехота, чтобы занять свою позицию впереди. Возможно, эскадроны состояли из контингентов разных рыцарских баннеретов, сведенных вместе и образовавших тактические единицы.

Легкая кавалерия построилась на флангах, поддерживаемая тяжелой конницей. Битву открыл шевалье Герен, отправивший 150 легких конников атаковать фламандских рыцарей врага, находившихся на левом крыле. Похоже, он вовсе не рассчитывал, что эта атака будет успешной и небольшой корпус легковооруженных войск сможет добиться какого-либо позитивного результата. Скорее всего, он хотел внести смятение в ряды врагов, прежде чем повести основной корпус тяжеловооруженных рыцарей в решительную атаку. Герен явно понимал значение резерва в действиях кавалерии и, действительно сохранив главные силы, достиг преимущества.

Битва в центральной части началась с боя между двумя корпусами пехоты, в которой французские пешие солдаты, низшие чины, поспешно собранные и плохо оснащенные, быстро потерпели поражение от немецких батальонов, подавивших их и внесших беспорядок в ряды французских конников.

Пехотинцы почти захватили французского короля, который был сбит с коня ударом копья. Завязалась отчаянная схватка, где в рукопашной долго не было перевеса ни с одной стороны, пока превосходное мастерство французской кавалерии не решило исход дня в свою пользу.

При описании этой битвы упоминается атака на фланге, равно как и встречное выступление, призванное уничтожить реальные последствия прорыва, которые доказывают, что начало проявляться некое подобие тактики. Отметим и другой факт, упомянутый в описании этого действия, и представляющий особый интерес – одно из первых свидетельств о ценности совместных действий кавалерии и пехоты.

Тяжелое вооружение знати, их искусство в использовании оружия, вес и мощь их лошадей, презрение, с которым они относились к службе в пехоте, принесли, как мы увидели, свои плоды. Кавалерия не только заняла лидирующее положение, но и практически осталась единственной силой в армиях того времени. Обычно успешную идею стремятся

довести до крайности. Так и произошло с рыцарями. Неуязвимые, доверявшие своему оружию, верившие, что оно защищает их и способствует успеху, они сделали его настолько многообразным и тяжелым, что носившие его воины буквально падали от изнеможения и практически задыхались от плотно прилегавшего головного убора. Когда рыцарь падал, то он часто не мог подняться без посторонней помощи, с некоторым усилием он мог снять свой шлем и восстановить дыхание. Возможно, примерно в это время один из немецких императоров заметил: «Предохранительное вооружение не только защищает его носителя, но и мешает ему причинить вред противнику».

Сложности, вызванные несдержанностью при использовании защитного оружия, иллюстрируются двумя случаями, произошедшими во время сражения. Командовавший правым крылом союзной армии граф Булонский сражался необычайно упорно. Когда началось сражение, он поставил корпус отборной пехоты (700 брабантцев) в виде круга из двух рядов воинов, а сам занял свою позицию в центре.

Спереди его круга, оцетинившегося пиками во всех направлений, оставили проход, который он захотел оставить для натиска. Для атаки он выходил из круга и бросался на неприятеля, а когда чувствовал себя утомленным боем, то уходил назад в круг, который, пропустив его, смыкался и останавливал натиск неприятельских конников, пока рыцарь снимал шлем и восстанавливал дыхание.

Другой случай связан с двумя корпусами враждебных рыцарей или жандармерии: сражаясь друг против друга, они останавливались как бы по обоюдному согласию в середине схватки и снимали шлемы, чтобы вдохнуть свежего воздуха и получить передышку. Так в сложившихся обстоятельствах не могло долго продолжаться, поскольку пехота снова заняла свою относительно правильную позицию, и тот факт, что круг графа Булонского успешно служил местом укрытия для него от атак тяжелой кавалерии, говорит многое об упорстве и дисциплине выбранных им копейщиков.

Во время этого сражения также отметим, что Филипп II Август располагал корпусом пехоты, видимо регулярного характера, которых называли «вооруженными сержантами». Коммунальной милицией назывались формирования из городских коммун, они отличались лучшими качествами и более высоко ценились, чем обычная пехота феодальных армий, набранная в своих ленах феодалами.

Наименование «сержанты» иногда использовали и для обозначения личной охраны, но также и всех солдат под командованием рыцарей, особенно тех, которые сражались за рыцарями во второй линии.

Глава 6. Время крестовых походов

Крестовые походы

В конце XI века, после того как прочно установился институт рыцарства, в Европе началось поразительное движение, определившее историю этой части света и Азии примерно на протяжении 250 лет.

Как уже упоминалось, религия вскоре стала тесно связанной с рыцарством и оказала огромное влияние на его развитие. В тот период, когда религиозные предрассудки необычайно связали все классы, когда военный образ жизни и подвиги признавались единственно достойным поведением и целью жизни для знати, когда усилившееся влияние рыцарских орденов положило конец мелким распрям и войнам между христианскими государствами, Европа представляла собой массу, готовую воспламениться от мельчайшей вспышки фанатизма.

Именно в это время Петр Пустынник (Петр Амьенский), отшельник и мечтатель, прошел по всему христианскому миру, молясь во славу Крестовых походов, стремясь освободить Гроб Господень от неверных. Вскоре вся Европа пересказывала истории о тех

несправедливостях и жестокостях, которые испытывали набожные христианские паломники, в большом количестве постоянно посещавшие Святую землю. Папа Урбан II тотчас воспользовался представившейся ему возможностью и употребил свое влияние, чтобы собрать рыцарей всех народов под знамена церкви.

Воодушевленные религиозным энтузиазмом, собрались огромные массы людей, ссоры между феодалами и их сюзеренами прекратились, поскольку все собирались вместе, чтобы вступить в священную войну против мусульман. Крестовые походы стали самым поразительным и особенным явлением Средних веков. В описаниях Крестовых походов содержится много информации для исследователя военной истории, не столько в связи с тем влиянием, которое они возымели на развитие военного искусства, сколько на саму тактику ведения военных действий.

Первые крестоносцы представляли собой неорганизованные толпы, состоявшие из фанатиков из низших классов, которые причинили христианским землям во время своих перемещений больше ущерба, чем нанесли урон неверным, которых поклялись победить. Неорганизованные, без припасов или средств, чтобы их добывать, они сначала попрошайничали, затем грабили и воровали, пока в Венгрии не были большей частью перебиты. Только части этих толп под предводительством Вальтера Голяка (разорившегося французского рыцаря) и Петра Амьенского (Пустынника) удалось пересечь Босфор. Перессорившись, они разделились на части и были уничтожены войсками никейского султана Солимана.

Позже другие такие же толпы направились в сторону Святой земли и разбойничали не меньше, чем их предшественники, поэтому по ходу движения уничтожались, и ни одному не удалось дойти до Палестины. Позже на путь Крестовых походов вступила рыцарская конница, самые искусные ее предводители того времени устремились вперед и направили общее движение христиан, прежде всего французов, против неверных турок – Готфрид Бульонский, Раймунд Тулузский, Роберт Нормандский, граф Фландрский. Вокруг них собрался весь цвет рыцарства Франции и Италии (Бозмунд Тарентский), а также некоторые рыцари из Англии и Германии. Огромная армия крестоносцев предприняла первый организованный военный поход.

Они шли по разным дорогам, чтобы было легче снабжать войска по пути, рассчитав свое движение таким образом, чтобы сойтись в Константинополе. Их перемещение явилось разительным контрастом плохо организованному снабжению и дурному устройству предыдущего похода. Все же, несмотря на произошедшее, они не научились снабжать армию, равно как и заботиться о запасах.

Во время военных действий Европы того времени компании обычно продолжались недолго, армии снабжались в той стране, где сражались, так что их редко сопровождали обозы с припасами или устраивались склады, на которые они полагались. Когда им приходилось концентрироваться или для битвы, или для начала осадных действий, феодальные армии начинали страдать от нехватки запасов еды. Войдя на территорию Ближней Азии, крестоносцы претерпевали большие трудности, умирали в большинстве случаев не от мечей сарацин, а от голода (а также болезней, жары и т. д.).

Происходивший под руководством Годфрида и других лидеров Крестовый поход собрал огромное количество конных и пеших воинов. Историки того времени говорят о 100 тысячах конников и 500 тысячах пехотинцев. Основной силой являлась кавалерия, пехота же не представляла никакой ценности, это были просто недисциплинированные массы, неспособные к чему-либо серьезному ни в бою в открытом поле, ни при осаде укрепленных городов.

Армия делилась на отряды по нациям, каждая нация в лагере размещалась на отведенном для нее месте. Рыцари носили кольчуги, шлемы, копья, мечи, кинжалы, булавы, луки и арбалеты. Пехотинцы использовали пращи и длинные щиты.

Сарацины сражались в основном конными и весьма успешно использовали лук. Они успешно применили тактическую систему древних парфян, засыпая врага стрелами, и,

избегая ближнего боя, снова возвращались после того, как крестоносцы прекращали преследование, и выпускали новые тучи стрел. Большая быстрота их лошадей давала им значительное преимущество при боевых действиях такого рода, особенно учитывая жаркий климат и тяжесть вооружения христиан, испытывавших постоянное и необычайное напряжение на грани человеческих возможностей.

Огромные различия, существовавшие между двумя враждебными армиями, можно подытожить словами «тяжелый» и «легкий». Христианские рыцари были подчеркнута тяжелой кавалерией. Они образовывали сомкнутый строй для удара по врагу, их атака с опущенными длинными копьями была сокрушительной. В то же время в рукопашной схватке ничто не могло противостоять мощным ударам их длинных тяжелых мечей, булав и боевых топоров.

Сарацины считались превосходной легкой кавалерией, соответственно оснащенной, привыкшей к стремительным маневрам. Они с необычайной ловкостью управлялись с луками, копьями и дротиками, пускали стрелы и с удивительным мастерством владели саблями. Хотя их защитное вооружение состояло из той же кольчуги и обладало равной степенью защиты с европейскими доспехами, однако было легче и менее сковывало движения, превосходя неуклюжее и тяжелое вооружение первых рыцарей.

Восточные кольчуги представляли собой превосходные изделия, великолепно украшенные золотом. Шлемы (снабженные стрелкой для защиты носа и султаном для перьев сверху) были образцом оружейного искусства. Щиты, легкие и круглые, имели острие (шишак) посередине. Простые воины мусульман все были лучниками. Вскоре сарацины научились пользоваться и копьями так, как это делали европейские конники.

Они, конечно, не могли выстоять против мощной атаки массивных западных рыцарей, поэтому вначале постоянно терпели поражения, но со временем обрели опыт и стали избегать прямых боестолкновений. Более подвижные, они устремлялись сначала на один фланг противника, затем на другой, нападая и отступая, всегда готовые воспользоваться любым образовавшимся проходом. Проворные и храбрые конники, превосходные мастера в искусстве владения оружием, способные сарацины вскоре научились отбивать копья. Найдя слабые места в вооружении противника, они тотчас наносили смертельный удар своими саблями.

Хотя количество крестоносцев оказалось очень большим, личная храбрость и обученность рыцарей высокими, а моральный энтузиазм всей массы возвышенным, результаты их первого похода оказались намного ниже ожиданий, хотя и не были совсем уж неудовлетворительными³⁷. При незначительных успехах претерпеваемые ими потери и муки не поддавались описанию³⁸. Крестовые походы показали, причем сильнее, чем любые доводы, что на войне совершенно необходимы не только организация, строгая дисциплина, но и единоначалие.

Все же Крестовые походы настолько основательно завладели умами людей Европы, что рыцари, преисполненные гордостью своей принадлежностью к столь высокому ордену, никогда и не помышляли о службе в пехоте, равно как и не уделяли никакого внимания ее организации, так что пришлось использовать ее в иных сферах.

В результате армия тяжеловооруженной кавалерии, довольно неповоротливая и громоздкая, состояла из прекрасно обученных и храбрых солдат, за ними следовала огромная беспорядочная толпа, ее единственной целью, похоже, было съесть провизию, которую было так сложно доставать, а также замедлить и усложнить передвижение единственно боеспособных воинов в этой армии.

Кавалерия настолько последовательно подавляла функции всех остальных воинов, что

³⁷ 15 июля 1099 г. Иерусалим был взят штурмом.

³⁸ До Иерусалима дошло только 20 тысяч крестоносцев.

делало бесполезной пехоту. Поэтому рыцарям пришлось взять на себя обязанности по атаке и защите крепостей, охране и установке необходимых при осаде машин, сооружению башен с той же целью и введению их в действие после постройки.

Вместо того чтобы организовывать корпуса из копейщиков и лучников, использовать должным образом пехотинцев, чтобы формировать из них гарнизоны для защиты крепостей и городов, захваченных во время похода, рыцари ослабляли свои боеспособные войска на поле сражения, отбирая часть тяжеловооруженных конников для охраны стен укрепленных городов.

В Средние века не было службы, требующей менее тактического мастерства, чем та, что связана с защитой крепости, особенно в то время, когда артиллерии еще не было, а осадные машины были громоздки и слабы. Тот факт, что рыцари сами выполняли эти обязанности, показывает, насколько завладела умами идея, что только кавалерия способна осуществить любую деятельность или нести любую службу.

Во время осады Никеи (1097 г.) вокруг города собралась лагерем вся армия христиан, используя механизмы, известные римлянам. Во время действий им помогали греки (воины Восточной Римской (Византийской) империи, участвовавшие в Крестовых походах. Мы встречаем здесь спешившихся рыцарей и знать, занятых во всех действиях, связанных с осадными работами, военачальников самого высокого ранга, выполнявших те же самые обязанности, что и самые простые воины.

Они участвовали во многих штурмах, где вынуждены были демонстрировать вовсе нетребуемую доблесть. Об этом говорится в отчетах Готфрида Бульонского и Раймунда, самых известных вождей христиан, лично участвовавших в штурмах, стрелявших из луков и арбалетов в ходе осады. Подкоп, разрушивший и уничтоживший одну из главных башен города (в этом подкопе принимал участие Раймунд Тулузский), вызвал такой ужас среди осажденных, что на следующий день город сдался греческому (византийскому) императору, чтобы избежать ненасытности крестоносцев с Запада.

Осада Антиохии отмечена теми же самыми особенностями, что проявились при осаде Никеи, кроме разве того, что здесь христиане, похоже, основывались скорее не на осаде, а на блокаде противника. Рыцари постоянно занимались добычей продовольствия и фуража, пресечением попыток прорвать осаду извне и предотвращением вылазок со стороны гарнизона.

К тому времени они укрепились в необходимости обученной пехоты и бесполезности той толпы бродяг, которые за ними следовали. Чтобы исправить ситуацию и добиться максимального результата, они организовали формирования, ставшие страшными для сарацин. Приставших к христианской армии нищих и отставших солдат привлекли для осадных работ, отдали под начало командира, названного «королем бродяг». За службу им платили из общей казны, и, когда они могли купить оружие и одежду, их принуждали вступать в регулярные войска. Так беспокоившие лагерь бродяги сами стали ценными вспомогательными войсками.

Хотя Антиохию и осаждали в течение семи месяцев, крестоносцам не удавалось ее захватить. Они взяли город только благодаря предательству со стороны одного из офицеров гарнизона по имени Фируз, согласившегося сдать одну из башен войскам Боэмунда Тарентского. В заранее условленное время на башню взобрались шестьдесят вооруженных рыцарей, за ними следовали другие тяжеловооруженные воины, возможно спешившаяся кавалерия. Они вооружились для дела копьями и мечами. И город был взят.

Во время осады Иерусалима видим проявление того же самого обычая распределения обязанностей среди рыцарей. После их первой, плохо организованной попытки взять город штурмом они поняли, что необходимо начинать с более продуманных действий, и стали строить требуемые военные машины. Только с их помощью можно было сломить сопротивление гарнизона столь сильной крепости.

И снова в данном случае отсутствие продуманной системы для обеспечения армии провизией заставило крестоносцев претерпевать жестокие трудности и страдать от

серьезных потерь. Генуэзский флот, подошедший к Яффе с огромными запасами провизии и амуниции всякого рода в сопровождении множества генуэзских инженеров и плотников, обеспечил первоначальные нужды крестоносцев и обнадежил их морально.

Сами рыцари и крупные феодалы вновь стали самыми прилежными работниками во время осады. Они энергично работали над монтажом осадных машин и сооружением башен, использовавшихся в ходе осады. Построили три осадные башни, более высокие, чем стены города, каждая состояла из трех этажей, нижний для работников, направлявших ее перемещения, два, более высоких, для воинов или рыцарей, предполагалось, что они станут отсюда вести бой, наносить повреждения стенам, а затем перейдут к штурму с помощью перекидного моста, сооруженного на каждой осадной башне и предоставлявшего доступ на стены.

С машин и вручную бросались метательные снаряды разного рода, одновременно пращники и лучники метали свои камни и непрерывно засыпали башни города стрелами. Три осадные башни надвигались одновременно с трех сторон на город, в то время как отряды рыцарей с лестницами пытались идти на штурм стен в разных местах.

Готфрид Бульонский занял свое место на самой высокой платформе из своих деревянных «крепостей», его сопровождали его брат Евстафий и Болдуин де Бург. Окруженные рыцарями, они метали в город град копий. Другие вожди крестоносцев, Раймунд (Тулузский), Танкред (племянник Боэмунда), герцог Нормандский, граф Фландрский, сражались в передних рядах.

После того как сражение не приносило в течение двух дней ощутимого результата, башня Готфрида достаточно продвинулась, чтобы с нее можно было спустить перекидной мост, и тогда рыцари устремились по нему на стену, вскоре овладели ею и заставили сарацин отступить на улицы города. Наступая и яростно сражаясь, крестоносцы безжалостно убивали, во всех описаниях этой битвы мы встречаемся с ужасающими сценами резни.

В целом известные нам описания взятия Никеи, Антиохии и Иерусалима показывают, что вся тяжесть боевых и иных действий легла на рыцарей, а собственно военное искусство в то время носило несовершенный характер, поэтому мощь их боевой силы использовалась далеко не полностью.

Отметим, что и сарацины аналогично возвеличивали конную службу, а их армии в своей основе состояли из конников. Во время битвы при Дорилее во Фригии армия Солимана³⁹ насчитывала от 200 до 350 тысяч конников. Они были вооружены длинными луками, изогнутыми саблями и дротиками. Они не нападали на противника, а постоянно перемещались вокруг него, засыпая его стрелами и копьями.

Пока их лошади оставались свежими, а колчаны наполненными стрелами, за сарацинами сохранялось явное преимущество, однако после длительной и отчаянной борьбы, когда 4 тысячи христиан погибли от турецких стрел и сабель, фланговые атаки Готфрида и Раймунда Тулузского повернули ход боя в пользу христиан, и итогом стала блестящая победа крестоносцев.

Во время сражения при Антиохии, где сарацины под руководством мосульского эмира Кербози атаковали крестоносцев (которые контратаковали и разбили Кербози), турецкая армия состояла из 100 тысяч конников и 300 тысяч пехотинцев. Некоторые авторы даже доводят численность обеих армий до 600 тысяч человек. Муки, которые испытали рыцари во время осады, страдая от голода, настолько ослабили их армию, что из 60 тысяч одетых в кольчуги всадников, собравшихся перед стенами Антиохии, едва ли двести могли взобраться на лошадь и принять участие в битве. Их великий вождь Готфрид Бульонский был поставлен перед необходимостью одолжить лошадь для сражения. Следовательно, рыцарям в данном случае пришлось сражаться как пехотинцам, однако в вооружении и с оружием всадников. Они выступили двенадцатью отрядами, на них напали турки, выпустившие град стрел,

³⁹ Солиман умер в 1086 г., и при Дорилее командовал его сын Кылыч-Арслан I.

устремившихся на крестоносцев. Крестоносные воины стойко встретили этот натиск, отбили его и врубались в ряды мусульман.

Обычно сарацины не носили тяжелых доспехов, однако в данном случае у них было 3 тысячи всадников, одетых в сталь и вооруженных булавами. Этот отряд оказался весьма успешным и внес смятение и ужас в ряды христиан. После короткой битвы, в которой отчаяние и высокий религиозный энтузиазм⁴⁰ поразительным образом укрепили мужество христиан, заставляя крестоносцев необычайно яростно сражаться, они одержали победу, прогнали турок, захватили лагерь со всеми припасами и запасами, истребив примерно 100 тысяч вражеских воинов.

У султана Египта Саладина (Салах-ад-Дина) была как тяжелая, так и легкая кавалерия, он учредил личную гвардию, состоявшую из 1 тысячи мамелюков, все они были облачены в защитное вооружение, поверх носили желто-оранжевые шелковые туники. Сам султан одевался похожим образом. Его кавалерия почти вся состояла из легких конников, они явно не могли противостоять прямым атакам крестоносцев (Третьего крестового похода), одетых в кольчуги, которыми руководил отважный Ричард Львиное Сердце.

Во время боевых действий между рыцарственным Саладином и английским монархом с львиным сердцем сарацины прямо осуществляли тактику парфян, оказавшуюся столь пагубной для Красса, однако крестоносцы, в основном кавалерия, были вооружены кольчугами, достаточно прочными, чтобы противостоять стрелам.

Ричард искусно вел свою армию в тесно сомкнутых рядах и избегал столкновений, когда вблизи Арсуфа выманил сарацинские орды на равнину, замкнув их между горами и лесом. Затем он развернулся к заливу, совершил атаку во главе своей английской знати и всего христианского воинства на группировку сарацин и пробился через их плотнейшие ряды. Когда он пробивал путь своим тяжелым мечом, все падали перед ним или бежали от него. Неспособные переломить ситуацию, сарацины полегли в огромном количестве, и, хотя они сражались отчаянно, все же потерпели поражение и понесли огромные потери.

В этот период рыцарство достигло своего расцвета, прежде всего не только благодаря огромному количеству воинов, принимавших участие в походе, но благодаря самому доблестному рыцарю, каковым являлся Ричард Львиное Сердце.

После целого ряда Крестовых походов Людовик IX Французский в 1248 году повел огромную армию на Египет и высадился около Дамьетты. Интересны подробности этой высадки. Отряд рыцарей под руководством Жуанвиля, Балдуина Реймсского и графа Яффского высадился на берег первым и сразу же построился в боевой порядок, чтобы помочь высадиться остальным.

Кавалерия сарацин устремилась на них, чтобы сбросить в море. Стремясь защитить себя, тяжеловооруженные рыцари применили весьма благоразумную тактику. Поскольку их лошади еще не успели высадиться, они применили оригинальный прием – построились в ряд как можно теснее, поставили свои щиты на песок перед собой и положили, уперев, свои длинные копья на их верхний край, создав тем самым непроходимое препятствие. Оказавшись перед ним, мусульманские всадники в смятении отступили. Войска продолжали сходить с кораблей под прикрытием передового отряда без потерь.

Хотя Крестовые походы продолжались более 250 лет и в них принимали участие все народы Европы, хотя они стоили 200 тысяч жизней и огромных средств, за весь этот период не было сколь-нибудь значительных достижений в области развития военного искусства.

Несмотря на то что почти в каждом сражении проявлялись те или иные недостатки, не предпринималось практически никаких усилий, чтобы их устранить и использовать результаты полученного опыта. Одной из самых примечательных особенностей Крестовых походов явился тот факт, что ни один из великих военных реформаторов не поднялся до того, чтобы исправить ошибки и реорганизовать армии крестоносцев и таким образом

⁴⁰ Перед битвой было найдено копье, которым был пронзен бок распятого Иисуса Христа.

принести успех своим знаменам.

Вместе с тем никогда необходимость реформирования армий не проявлялась более очевидно, и никогда воины так дорого не расплачивались за свои промахи и слабые места ценой приобретения горького опыта, никогда не возникало более благоприятной возможности для одаренных военачальников достичь необычайных результатов. Тем не менее требуемые реорганизации не проводились, что и является самым весомым доказательством того влияния, которое рыцарство оказывало на умы людей всех сословий.

Хотя Крестовые походы необычайно ярко доказали неспособность кавалерии действовать на любом виде местности, а также то, что сама по себе кавалерия не сможет выполнить все многочисленные и разнообразные задачи, решение которых требуется от армии в ходе боевых действий, и одинаково успешно справляться с противником во всех сражениях, все же прошли многие годы и состоялось много походов и сражений, прежде чем пехота заняла соответствующее положение в армиях.

Прежде чем дальше подробно рассмотреть последовательное возрождение пехоты, уместно в данном случае сказать несколько слов в отношении кавалерии других народов, не так связанных с рыцарством или Крестовыми походами, поскольку она в не меньшей степени заслуживает внимания.

Конница России и Польши во времена Крестовых походов. Вторжение монголов

Древняя Сарматия⁴¹ была мало известна древним грекам и римлянам, за исключением сказочных историй о странах, где царила постоянная ночь, а также и других легенд подобного рода, упоминания о которых мы находим в ранней истории данной части Европы (Карамзин. «История государства Российского»).

Позже находим скудные детали, свидетельствующие о племенах, перемещавшихся по огромным равнинам этой страны. Миграции, объединения и разделения племен образуют меняющуюся картину, так что оказывается достаточно сложным составить точное и определенное представление о различных переменах в населении, управлении, обычаях и нравах жителей этих мест.

Нам уже доводилось упоминать о скифской кавалерии в незапамятные времена, у Аммиана Марцеллина можно получить некоторую информацию о сарматских конниках IV века н. э. Основную часть их войска составляла кавалерия, обычно воины вели во время походов одну или две дополнительные лошади, чтобы иметь свежую и переходить с одного животного на другое, поддерживая высокую скорость и увеличивая продолжительность переходов. Это позволяло им быстро передвигаться или отступать, изумляя своих противников.

Сарматы изобрели и стали использовать латы из пластинок лошадиных копыт, нашитых на льняную ткань, они могли выдерживать удары меча или копья. Воины имели также длинное копье, мощный лук с колчаном полным стрел и короткий кинжал. Недостаток железа побуждал их делать наконечники своего оружия из костей рыбы, представлявшие собой смертоносное оружие, ибо концы стрел пропитывались ядом.

Воевавшие во многих частях Европы норманнские правители одерживали победы во Франции, Сицилии и Апулии, распространились они с берегов Балтики и в Россию. Рюрик, норманнский, или варяжский, князь, основал славянскую, или русскую, монархию в 862 году.

В 907 году Олег, регент монархии во время несовершеннолетия Игоря, сына Рюрика, объявил войну греческой⁴² империи. Ряд местных племен устремились под его знамена

⁴¹ Так автор называет Древнюю Русь.

⁴² Восточной Римской.

наряду с варягами, или норманнами, пехота плыла по реке Днепр на 2 тысячах небольших судах (ладьях), кавалерия двигалась вдоль берегов.

В происходивших событиях находим следы норманнского влияния, поскольку они считались морским народом. Их походы из родной страны всегда совершались по воде, что и обуславливает их прозвище «морские короли». Затем они плыли вниз по реке, несли свои лодки и запасы по земле, обходя пороги.

Точно так же поступил генерал Уолслей во время экспедиции по Ред-Ривер в Канаде в 1870 году, когда 1200 солдат и почти столько же добровольцев или лодочников под его командованием отправились по воде и земле, пройдя расстояние более чем в 600 миль. Они были вынуждены двигаться с основными силами, неся с собой запасы на три месяца, и 47 раз переносить вместе с основной армией все свои лодки и скарб во время переправ.

Пустынная территория, через которую шел генерал Уолслей, не имела дорог, как явствуют из описания, была покрыта естественными лесами, так что очевидно, что он оказался вынужден перемещаться по воде. Возможно, по тем же самым причинам река показалась Олегу лучшим путем перемещения, поэтому он ее и выбрал.

Историки молчат по поводу того, смогла ли кавалерия мирно пройти через Болгарию в Константинополь, все же вероятно, что конники следовали вдоль побережья Черного моря и оказались по соседству от Константинополя, в то время как Олег осадил его. Установлено, что территория вокруг города была захвачена и сожжена, что обычно приписывают деятельности кавалерии. Греки купили мир деньгами, и никакая битва с ними не состоялась.

Как известно, Олег совершил второй поход против Константинополя, однако молчание греческих историков не позволяет говорить точно о повторяемости этих событий. В 941 году князь Игорь вторгся в Восточную империю, но потерпел сокрушительное поражение благодаря ужасному греческому огню, выливавшемуся на его войска из многочисленных труб и орудий разрушения (была сожжена большая часть ладейного флота, но Игорю удалось прорваться).

В 944 году вместе с мощной армией, состоявшей как из пехоты, так и из кавалерии, Игорь совершил другой поход против греков, однако восточноримский (византийский) император снова заключил мир, поднеся многочисленные дары и согласившись на многочисленные уступки⁴³. В 1043 году Ярослав, пра внук Игоря, совершил еще один поход против Константинополя, который также оказался неуспешным, частично из-за грозы и, вероятно, также благодаря использованию греческого огня его противниками.

Норманны улучшили военное искусство, бытовавшее среди славян, или русских. Славяне сражались массами, как и древние скифы, однако под норманнским влиянием внесли тактическое деление, колонны устраивались по определенному порядку, каждому подразделению придавались флаги или штандарты.

Сигналы к движению подавали трубами, с их же помощью поощряли идти в атаку. Атаки проводились полками, сомкнутым строем. Они эффективно использовали кавалерию, частично состоявшую из иностранных наемников, но в нее входили также и представители своего народа. Прекрасно осознавали необходимость использования авангардов и сторожевых отрядов, чтобы во время передвижения войско не подверглось неожиданному нападению. Войска проходили постоянное обучение и упражнялись в открытом поле, вступая как в отдельные поединки, так и совершая регулярные маневры, необходимые во время боя.

В ту эпоху среди оборонительного оружия русские носили латы, наручи и большие шлемы. Копье или пика, лук и стрелы, а также двуручный меч были наступательным оружием.

Каждая из тактических частей состояла из тысячи человек под командованием офицера, называвшегося тысяцким. Тысячи делились на группы по одной сотне в каждой,

⁴³ Карамзин Н. М. История государства Российского.

ими командовали сотники, каждая сотня также делилась на десятки под руководством десятников.

Особый отряд специально отобранных солдат составлял гвардию князя (дружину), она была обязана защищать его жизнь, подавая пример доблести остальной армии. Князь командовал всей армией, подчиненные ему, но находившиеся выше тысяцких воеводы командовали полками. Варяги составляли отдельный отряд, в дополнение к праву, относящемуся ко всем войскам, имевшим долю в добыче, они получали регулярное жалованье.

Обычно сражение начинали лучники. Воины надевали защитное вооружение только перед самым сражением, а до этого все их доспехи и оружие перевозились на специальных повозках. Враги часто пользовались этим обстоятельством, чтобы нападать, пока противник оставался безоружным.

В течение многих столетий польская армия состояла в основном из кавалерии, служба в которой высоко ценилась. Аллодиальная система сохранялась в Польше в течение многих столетий после того, как она исчезла в других частях Европы. Вплоть до последнего времени нация состояла из огромного корпуса свободных землевладельцев, или шляхты, которые сохраняли за собой право лично обсуждать и решать все важные проблемы, вплоть до выбора короля. Одета в меха и великолепно вооруженная шляхта съезжалась верхом на своих конях на сеймы (ассамблеи), законодательную власть в мирное время, и собирала армию во время военных событий.

Их суверен выбирался свободным голосованием из свободных собственников, которые выходили из себя, если их пытались ограничить, и настолько высоко ценили права свободных людей, что требовали единодушия при принятии важных решений. Эти гордые рыцари воспринимали торговлю и коммерцию как порочащие занятия, единственным, что подходило для шляхтича, считалось стремление стать военным. Любовь польской знати к равенству оказалась такой сильной, что среди них неизвестны случаи передачи должностей по наследству, любое положение или социальный статус являлись только пожизненными.

Оружие польской знати украшалось самым невероятным образом. Они использовали кинжалы и булавы с бриллиантами, пистолеты изысканной работы, боевые топоры, украшенные серебром и отделанные изумрудами или сапфирами луки и стрелы. Лошадей часто также защищали железными доспехами, каждый всадник, подражая римским эквитам, носил великолепное кольцо с печаткой, как знак принадлежности к рыцарству.

Армия делилась на четыре различные части: национальные войска, небольшую группу регулярных солдат, вооружавшихся и оплачивавшихся республикой, посполитое или всеобщее ополчение, собиравшееся по решению сейма (генеральной ассамблеи из всех свободных граждан или знати), вооруженных оруженосцев и, наконец, наемников, обычно выходцев из Германии. Почти все эти группы войск сражались конными.

Основную силу армии составляла тяжелая конница. Она делилась на кирасир и гусар, обозначавшихся как *Towarzisz* («товарищества»), поскольку по отношению друг к другу все всадники были одного ранга, точно так же, как и король, «первый среди равных», только занимавший по сравнению с ними более высокое положение и обычно обращавшийся к ним как к товарищам по оружию.

Кирасиры были одеты в кирасы и стальные шлемы, имели копья, сабли и луки. Лошадей также обеспечивали защитным вооружением. Гусары носили легкие латы (кольчуги) и полагались в основном на саблю. В поздний период те же конники имели две сабли, одна свисала сбоку всадника, другая находилась под левым бедром, прикрепленная к седлу. И кирасиры и гусары отличались великолепием вооружения, числом и качеством вооруженных слуг, следовавших за ними во время сражения. Часто использовали в одежде меха и шкуры животных.

Похоже, что в Средние века они сражались аналогично конным рыцарям Западной Европы, товарищества сражались в переднем ряду, их оруженосцы или помощники образовывали тыл и помогали им. Впоследствии польские гусары стали формироваться в

эскадроны, по сто гусар по фронту, четыре задние шеренги составляли слуги гусаров, легкие конники (четверо у каждого гусара). Как отмечает Цедлер, гусары несли пики длиной в 19 футов (т. е. около 6 м) с цветными флажками.

В Древней Руси, как мы читаем в сочинениях российских историков, существовали отряды воинов, называемых «дружина», «дружинники». Похоже, что они представляли собой разновидность гвардии или представителей правящего класса, поддерживаемого русскими князьями. Они занимали весьма привилегированное положение, являясь знатью или подобием совета в мирное время и элитными войсками в военное время.

Сначала дружины в основном составлялись из варягов, но позднее пополнялись из местного населения – теми, кто выделялся силой, боевым духом и храбростью. В XI–XII веках дружина резко делится на два слоя: дружину старейшую, лепшую (лучшую), переднюю, и дружину младшую. Первую составляли княжие мужи, бояре. Они занимали высшие должности, военные и гражданские, – посадника, тысяцкого, воеводы, были советниками князя и наиболее влиятельной составляющей веча.

В летописи есть упоминания о том, что у некоторых старейших дружинников были свои собственные дружины. Именно они впоследствии сформировали двор, из которого происходят дворяне или владельцы крепостных.

Младшая дружина состояла из нескольких разрядов: детские, отроки, кмети, гриди, пасынки, дети боярские. Сверх военной службы члены младшей дружины исполняли различные поручения князя, сопровождали его в качестве свиты и телохранителей. В советах князей младшая дружина не участвовала, за исключением тех военных советов, на которые допускались даже инородцы, участвовавшие в походе в качестве союзников. Князь содержал дружину на доходы, которые он получал от сбора с волости, во время войны дружина получает часть военной добычи. Отроки составляли низший разряд младшей дружины и исполняли служебные обязанности при княжеском дворе, ими могли быть и несвободные люди, холопы, а детские состояли исключительно из свободных.

Дружина является особенностью исключительно России, не встречается больше нигде в Европе. Члены дружины всегда связывались со своими князьями, их отношения носили личный характер, поскольку, похоже, они практически не испытывали сочувствия ни к стране, откуда произошли, ни к тому государству, в котором жили.

Сказанное объясняется слабым экономическим развитием разных народов, которые образовывали русскую нацию, ничто не склоняло их оберегать землю или устраиваться постоянно на ней. Поддержка этих земель обеспечивалась военными предписаниями и собственностью князя. Примерно в конце XII века князья стали вести оседлый образ жизни, и дружина приобрела права на землю. В помощь дружине во время войн князья часто нанимали варягов, печенегов и тюрок. Все они представляли собой конные войска.

В начале XIII века ужасное вторжение монгольских конников под руководством сыновей Чингисхана⁴⁴ прокатилось по России и восточной части Европы, разрушая и уничтожая все вокруг. До этого монголы прошли почти по всей Азии. В частности, Китай пострадал от их жестокого вторжения. От Тихого океана до берегов Черного моря орды татарских конников свергали монархии, завоеывая и обирая население. По сравнению с теми кровавыми битвами, которые происходили на равнинах Азии, европейские войны представляли собой небольшие стычки.

Чингисхан установил военную систему, доказавшую огромные способности этого командующего. Его армия, состоявшая в основном из кавалерии, вооруженной луками, кривыми саблями и железными булавами, делилась на сотни, тысячи и тьмы (десятки тысяч), которыми командовали соответствующие командующие. Количество воинов в его армиях было огромным, хотя, без сомнения, его сильно преувеличивали.

Как полагают, 700 тысяч монголов сражались под командованием Чингисхана и его

⁴⁴ Под командованием внука Чингисхана Батыя (Бату), сына Джучи.

четырёх сыновей против армии Мухаммеда, султана Хорезма, правившего территорией, простиравшейся от Персидского залива до берегов Индии и Туркестана. В сражении, произошедшем между ними на равнинах, расположенных к северу от реки Яксарт (Сырдарья), погибло 150 тысяч хорезмийцев.

После смерти Чингисхана его сын Окай, завоевавший Северную империю Китая, решил вторгнуться в самые отдаленные страны Запада. В его армии насчитывалось порядка 1 миллиона 500 тысяч человек. Он передал 500 тысяч под командование своего племянника Батыя и в 1235 году отправил его на запад, навстречу садившемуся солнцу. За шесть лет эта огромная орда прошла четвертую часть земного шара.

За этой огромной армией следовали длинные обозы, перевозившие их поклажу и метательные машины (включая мощную осадную технику, которой монголы обзавелись в Китае), а также огромные стада скота. Монголы пересекали реки по льду или вплавь, переправляясь на кожаных плотах, перевоза и свои повозки, и метательные машины. Вместе с воинами перемещались и их семьи, жившие в кибитках и шатрах, которые везли с собой.

В основном войны сражались стрелами, избегая рукопашной, стремясь уничтожить своих противников из луков на расстоянии. Обычно хан и главные вожди занимали положение в тылу и направляли перемещение своих людей с помощью различных заранее оговоренных сигналов.

Их стрелы были длинными и острыми, воины имели большие сабли, длинные копья с крючками и небольшие круглые щиты, плетенные из ивняка. Основную еду татар составляла охотничья добыча и мясо скота. Летом они перемещались на север, разбивая лагерь по соседству от рек или озер. Зимой они мигрировали на юг, туда, где горы защищали от северных ветров.

Каждый год племена собирались в огромных количествах. Их собрания, называвшиеся курултаями, происходили верхом, всадники при этом не слезали с лошадей. Обычно таким образом они обсуждали распределение пастбищ и вопросы мира или войны. Такие съезды считались единственной легитимной властью, определяли характер поведения, здесь принимались законы, основанные на обычном праве и не отличавшиеся сложностью.

Почти все мужское население было воинами, самым благородным занятием у них считалась война, главной целью жизни – слава. Даже в мирное время, например во время охоты, лагерь напоминали военные поселения. Монголо-татары считались искусными наездниками, постоянно находились в седле, даже пили и ели не спешиваясь. Их луки были огромной величины и необычайного радиуса действия, их стрелы ударяли в цель с огромной силой, на близком расстоянии пробивая даже металлические доспехи.

Высокой скоростью и сноровкой передвижения монголы превосходили все другие нации. Они никогда не оказывались более опасными, чем притворяясь побежденными, их вероломный отход оказывался часто более вредоносным, чем самые храбрые и отважные атаки.

В своей стратегии монголы преуспели, их жестокость не знала границ. Незнакомые с искусством обороны городов или укрепления селений, они тем не менее прекрасно понимали, как следует строить самые грозные осадные машины. И строили их так искусно, что могли проводить самые сложные осадные операции.

Одежда монголов не отличалась замысловатостью, использовались шкуры животных, после обработки становившиеся теплым и прочным материалом. Кочевой образ жизни позволил им приобрести опыт перенесения всех сложностей походной жизни, ничто не служило им помехой и не вызывало затруднений в перемещении: ни высокие горы, ни широкие реки, ни глубокие пропасти, какие им встречались.

Дисциплина была строгой, подчинение вождям абсолютным, хотя они и передвигались огромными ордами, порядок и регулярность движения впечатляли их противников, не говоря о храбрости и жестокости, приводивших их в ужас. Монголы никогда не заключали мир, а только покоряли противника. Тот, кто бежал с поля боя или оставлял своих товарищей в

беде, наказывался смертью⁴⁵.

О приближении монгольской орды в Киевской Руси узнают от половцев, которые при приближении татарской конницы бежали вместе со своими женами, скотом и всем ценным имуществом.

Русские собрали под руководством своих князей большую армию на берегах Днепра и в первом же столкновении одержали полную победу над передовыми отрядами врага. Успех может быть приписан особому мастерству и храбрости, проявленным во время этого боя русскими лучниками.

Вдохновленные победой, русские пересекли реку и направились навстречу врагу. По истечении девяти дней обе армии встретились на реке Калка (ныне Кальчик), около современного Мариуполя. Там 31 мая 1223 года состоялось решающее сражение, закончившееся полной победой монголов. Отчасти это произошло благодаря половцам, которые побежали с места боя и расстроили ряды своих русских союзников, отчасти вследствие многочисленности и искусных действий монголо-татарской конницы.

Татарские историки пишут о том, что монголы преднамеренно отступали перед русскими, заманив их в открытую степь, где те оказались беззащитными против конных лучников и где им пришлось сражаться в течение нескольких последующих дней. Русь никогда до этого не претерпевала столь ужасного разгрома. Победители закрепили свой успех, преследуя побежденных, потери оказались такими огромными, что великолепная, многочисленная и доблестная армия исчезла как пыль, удалось спастись только десятой части участников битвы.

После этой победы монголы исчезли на несколько лет, пока в 1237 году они вновь не приблизились к границам Руси под командованием Батые, племянника Окая, разбив рязанского князя Юрия Игоревича и взяв город, они затем одержали победу над войском Всеволода (сына владимирского князя Юрия Всеволодовича), у Коломны (1 января 1238 г.), сожгли Москву (20 января, после пяти дней осады) и вырезали все население (как до этого в Рязани и др.).

Вскоре они уничтожили Владимир, Городец, Галич, Ростов и многие другие русские города, население которых было предано смерти или уведено в рабство. Наконец, в 1240 году после отчаянного сопротивления и блестящего проявления мужества великолепный город Киев подвергся штурму варваров и был уничтожен. Это древнее место, красивейшая столица, «мать городов русских», исчезла навсегда, и прошло длительное время, прежде чем на ее месте поднялся новый город.

После завоевания России Батый двинул большое количество своих победоносных монголов в направлении Польши и Германии, по пути они грабили и разрушали все, что попадалось им на пути. Ужасы вторжения варваров вновь повторились на равнинах Центральной Европы. Города Люблин, Варшава и Краков были уничтожены, от Карпатских гор до берегов Балтики поля были вытоптаны татарскими конями. Их проход был отмечен сожженными селениями и разоренными городами.

Князь Силезии, другие польские князья и Великий магистр Тевтонского ордена объединились в тщетной надежде остановить продвижение всеразрушающего потока. Большая битва состоялась на равнине города у Лигница (Легницы) (немецкие историки называют эту битву битвой при Вальштатте) 9 апреля 1241 года.

Польское войско в основном состояло из тяжелой кавалерии, одетой в доспехи, привыкшей сражаться обычным образом, то есть используя мощь атаки.

Пример и учение Генриха Птицелова и победы, одержанные им и его сыном Оттоном при Мерзебурге и Аугсбурге против врага, который использовал ту же самую тактику, что и теперь монголы, не остались незамеченными, хотя с тех пор и прошло 300 лет. Князь Генрих II Благочестивый и Мешко из Верхней Силезии (а также Сулислав из Великой и

⁴⁵ Если бежал один воин, казнили весь его десяток, если десяток – сотню и т. д.

Малой Польши) командовали польской армией. Они построили ее в пять корпусов, весьма искусно одну часть оставили в резерве, поскольку все стороны ценили во время кавалерийских действий значение резервов.

Битва открылась яростной атакой на левое крыло монголов правым крылом христианской армии. Она увенчалась успехом, легковооруженные монголы не устояли в ходе прямого удара тяжеловооруженных польских конников и на некоторое время отступили. После того как накал атаки выпада погас, монголы снова накатились и отбросили поляков к их резервам.

Затем те снова напали, оттеснили варваров и начали их преследовать. Неожиданно, как отмечают польские историки, «начал действовать морок, результат колдовства», их соотечественники бежали. «Колдовство» было вызвано неожиданным натиском монголов, непривычной тактикой ложно отступающего, а затем контратакующего врага, и именно этот отход оказался более опасным, чем простой натиск.

Новизна такой тактической системы, неизбежное смятение после удачного натиска, а затем контратаки врага свежими силами – всего этого оказалось вполне достаточно, чтобы отбросить неповоротливых конников Запада.

Опытный полководец Генрих, располагая резервными войсками, лично повел их в бой, чтобы восстановить положение. Монгольский вождь хан Батый выдвинулся, чтобы встретиться с ним, но не смог противостоять прямому натиску, уклонился и возвращался вновь, совершая контрудары.

Наконец, когда все корпуса христианской армии устали от преследований и погонь за своим легким и неуловимым противником, Батый⁴⁶ устремился с последним резервом и смял уставшие остатки польской армии с поля.

Такой была эта большая битва, которая помешала продвижению татар на запад. Хотя она и принесла им победу, все же захватчики встретились с более отчаянным сопротивлением, чем раньше. Вместо того чтобы закрепить свою победу и продвигаться далее в том же направлении, они повернули на юг, пересекли Карпаты и вторглись в равнины Венгрии. Мы не располагаем подробностями об этих походах, имеющих отношение к обсуждаемому нами вопросу.

Глава 7. Упадок ленной системы и начало регулярной конницы, 1290–1445 годы

Результаты деятельности крестоносцев

Некоторые поверхностные исследователи считают, что Крестовые походы не оказали заметного влияния на военное искусство. Тем не менее, хотя эти длительные экспедиции не производили явных изменений в способе ведения боевых действий, все же они косвенно влекли за собой громадные перемены в социальной, политической и военной системах Европы.

Крестовые походы нанесли серьезный удар по феодализму. Сущность феодального землевладения особенно подходила для небольших стычек между соседними землевладельцами или небольшими государствами, но вовсе не годилась для войн между большими королевствами. Понятие службы, согласно которому вассал оставался должным своему хозяину, ограничивалось только сорока днями, иногда служба была даже короче. Собиравшиеся на такой основе армии могли только сжечь город, совершить грабительский набег, но они не оказывались способными заняться продолжительной осадой или осуществить длительную кампанию.

⁴⁶ Монгольским войском командовал Байдар, двоюродный брат Батыя.

Подобное положение ослабляло власть монархов и не позволяло им осуществлять продолжительные войны. Монархи также во многом зависели от своих могущественных вассалов, которые в течение длительного времени становились еще более влиятельными. Мелкие стычки и продолжительные конфликты в ранние времена феодализма приводили к более тесным связям между господином и его вассалами и в то же время носили рискованный характер. Впоследствии, когда происходили частые войны, а власть короля становилась все сильнее, вассалы стали остро ощущать бремя своей ноши, они перестали чувствовать необходимость защиты своего феодала-сюзерена, что раньше являлось для них значимой привилегией.

Возвышение рыцарства, как мы увидели, позволяло избегать мелких стычек, крестоносцы, тщательно следуя статуту своего ордена, привели военные действия в соответствие с веяниями времени, объединив все христианские народы против общего врага. Высшая знать, поведшая своих вассалов в Святую землю, вовсе не стремилась выполнять обязательства, вытекавшие из феодальных отношений землевладения. Они становились просто главами групп волонтеров или искателей приключений, более богатые рыцари оснащали и устраивали своих сторонников, слишком бедных, чтобы сделать это самостоятельно. Случавшиеся расходы в экспедициях обедняли представителей дворянства и разоряли многих из них, заставляя продавать свои поместья, чтобы обеспечить себя средствами для снаряжения своих воинов или же выплаты долгов после возвращения из походов.

Крестовые походы продолжались 250 лет, и за этот период феодальная система не могла не пошатнуться под влиянием враждебных ей новых веяний. За это время произошло усиление королевской власти, низшие классы постепенно накапливали богатство, а знать теряла могущество и влияние.

Увеличиваясь и соответственно прирастая богатством, города начинали чувствовать свою силу, в то время как знать испытывала затруднения и откровенно нуждалась. Вскоре города добились необычайных свобод – иногда силой, иногда благодаря привилегиям и концессиям, покупаемым за высокую цену у обедневших феодалов. Как король, так и крупные феодалы даровали городам столько привилегий, что к концу XIII века льготные грамоты, данные городским общинам, распространились по всей Франции. Города Италии приобрели подобные привилегии еще раньше.

Стараясь заручиться поддержкой городов в борьбе против крупных феодалов в период разногласий, постоянно возникавших между короной и знатью, короли взяли свободные общины городов под свою защиту. Монархи гарантировали общинам полную поддержку в случае нападения феодалов. Французский король Филипп II Август разослал гарантийные письма городским общинам, зависевшим от феодалов. Его наследник король Людовик VIII объявил свой личный суверенитет над всеми городами, которым даровали хартию, отменив власть их первоначальных владельцев.

Безопасность этих городов и наслаждавшиеся свободой горожане вызвали у других стремление стать горожанами. Население, таким образом, перемещалось, пока свободные города, став необычайно влиятельными, начали организовывать собственные воинские формирования и заключать самостоятельные союзы с другими государствами.

Перемены носили скорее политический, чем военный характер, но все же они оказали самое значительное влияние на военное искусство войны и весьма существенно повлияли на относительную ценность пехоты и кавалерии.

Как мы уже говорили, Крестовые походы вели к ослаблению феодальных отношений, показав привлекательность добровольной оплачиваемой военной службы по сравнению с обязательной. Обстоятельства Крестовых походов делали такое положение неизбежным. Растущая сила короны также побуждала королей прибегать к наемникам и не использовать феодальную армию. Они делали это весьма охотно, поскольку, вполне естественно, наемные войска были более дисциплинированы, чем своевольные и непослушные рыцари.

Собранные по феодальной системе в Англии войска не смогли бы провести войны в

Нормандии и других частях Франции во времена правления Генриха II и Ричарда I. Чтобы удержать людей дольше оговоренного срока, появился обычай продлевать службу выплатой некоторой суммы. За ним вскоре последовала практика, когда ленным владельцам было дано право покупать освобождение от службы, а собранными средствами король оплачивал службу тех, кто соглашался находиться в армии продолжительное время.

Города, создававшие большие контингенты войск, вскоре обнаружили, что не могут оснастить такое количество конников, какое могла поддерживать древняя система, когда военная служба связывалась с владением и обработкой земли. В результате они стали набирать большое количество пехоты, отличавшейся от того сброда, который следовал за феодальными армиями. Она состояла из ремесленников и мастеровых, обладавших правами и собственностью, которую они и стремились защитить. Именно эта пехота представляла первый этап на пути к обновлению армий.

В период процветания кавалерии пехота не только состояла из крепостных низшего свойства, но испытывала и огромные сложности в подборе командиров для них, поскольку знать считала службу в пехоте унижительной для себя. Поэтому пехота и оставалась недисциплинированной толпой, без надлежащих начальников и соответствующего обучения. Когда же ее стали комплектовать из рожденных свободными горожан вольных городов, организовывавших самооборону, уделяя основное внимание вооружению и дисциплине армии, тогда и появилась более надежная пехота, занявшая достойное место на полях сражений Европы.

С целью сохранить превосходство кавалерии над пехотой примерно в то же время началось изменение вооружения рыцарей и других тяжеловооруженных конников. В частности, до этого некоторое время оборонительное оружие стало уступать наступательному. Мы уже говорили, что кольчуга часто не выдерживала удара копьем и разрывалась. Если же она сохраняла целостность, то ее носитель получал тяжелую травму и страдал от удара. Кольчуга практически не спасала от сильного удара булавой или боевого топора. Улучшавшееся искусство стрельбы, мощь стрел и особенно арбалетных (тяжелых болтов) привели к тому, что кольчугу стали считать несовершенной защитой.

Сказанное привело к множественным изменениям в вооружении. Сначала стали использовать пластины, стремясь защитить наиболее уязвимые части тела, первое время их носили поверх кольчуги. Вскоре к ним добавили наручи, поножи, наколенники, налокотники и наплечники, так что на протяжении большей части XIV столетия широко употреблялось смешанное вооружение из кольчуг и пластинчатых лат. К концу XIV века, когда для защиты всего тела стали использоваться только пластинчатые латы, кольчуги почти перестали использоваться, хотя и известны единичные случаи их применения, в том числе под пластинчатыми латами или кирасами вплоть до конца XVI века.

Пластинчатые латы продолжали использоваться и после того, когда вошло в обиход огнестрельное оружие, и только после того, как его боевые качества существенно улучшились, защитное вооружение постепенно оказалось бесполезным. Однако до этого, начиная с использования тяжелого полного оборонительного вооружения (пластинчатых лат), кавалерия снова на некоторое время стала самой значимой единицей в армии и сохраняла свое доминирующее положение в течение значительного периода.

Касаясь политических и социальных причин, повлиявших на военные системы в конце эпохи Крестовых походов, рассмотрим также тактические и технические причины, которые внесли свою лепту в обновление искусства ведения войны и повторный подъем пехоты как значимой части армий.

Рыцари и военачальники, сражавшиеся на Святой земле, ведя кампанию за кампанией, начинали понимать, что хорошо организованная и обученная пехота оказывалась более полезной, чем вооруженные рыцари, а ее содержание обходилось дешевле.

Необходимость использования пехоты была очевидной, когда многие рыцари, потерявшие лошадей на Востоке, были вынуждены сражаться пешими. Кроме того, довольно скоро поняли, что конница практически не имеет никакого значения при обороне. Высадка

армии Людовика IX Святого в Дамiette, когда рыцари спешили и дали твердый отпор отряду мусульманских конников, действуя опущенными копьями, также доказывала необходимость введения пехоты, состоявшей из пикинеров. Тем не менее, поскольку военное искусство в то время не изучалось и предвзятые мысли о преимуществах рыцарства еще держались крепко, еще очень долгое время, вплоть до середины XVI столетия, все стремившиеся к боевой славе продолжали вступать в ряды рыцарей и сражаться согласно с установленными обычаями, хотя изобретение огнестрельного оружия должно было бы повлиять на изменение подобных взглядов.

Стоимость оснащения рыцаря тем не менее оказывалась весьма высокой, включая, как мы показали, вооружение для него самого, его оруженосца и его помощников. Поэтому легко понять, что, когда наемные армии стали основной головной болью монархов, они стали использовать пехоту, которую легче было снарядить, причем за гораздо меньшую сумму, чем та, что требовалась для обеспечения службы рыцарей и других тяжеловооруженных конников.

Возможно, в Средние века именно города Италии стали первыми оснащать собственные армии, нанимая для этого иностранные войска. Уже в 1057 году так поступили в Павии и Милане. К середине XII века Милан располагал весьма значительным населением, далеко превосходившим столицы многих больших государств.

Город был сильно укреплен, поскольку городские ремесленники, состоятельные торговцы, занимавшиеся мануфактурной деятельностью, стремились защититься от нападений вооруженных грабителей и давления феодальных тиранов. Ремесленники имели право носить оружие для самозащиты, военная организация основывалась на делении населения по профессиям, и цеха маршировали под своими характерными знаменами. В 1288 году Милан располагал армией в 8 тысяч тяжелых конников, 240 тысяч горожан были готовы взять в руки оружие, хотя территория, подвластная Милану, не простиралась более чем на 600 или 700 квадратных миль (1550–1800 кв. км).

В то же время города в Германии также обладали реальной властью. Горожане стремились превзойти рыцарей в мастерстве и храбрости, намного превосходя их в военных знаниях, сражаясь сомкнутым строем и более организованно.

Хотя пехота таких городов, как в Германии, Франции и Италии, оказалась намного лучше, чем пешие солдаты феодальных армий, она все же могла успешно бороться с тяжеловооруженными конниками.

Пластинчатые латы, которые заменили кольчуги, теперь стали главным средством защиты, и ситуация по сравнению с временами первых Крестовых походов принципиально изменилась. Такие латы защищали от ударов копья, дротиков или стрел. Так что тяжеловооруженные конники, обычно находившиеся на службе в армиях конца XIII и начала XIV века, были практически неуязвимы для пехоты городов.

Большинство столкновений в итальянских городах происходило между тяжеловооруженными конниками с одной стороны и ремесленниками и низшими слоями общества – с другой. Вес вооружения делал конников неповоротливыми, так что если население воздвигало баррикады, то они могли задержать любое количество тяжеловооруженных всадников.

Если же правители или узурпаторы действовали неожиданно, как тогда говорили, «объезжали город», то есть выпускали свою кавалерию мчаться по улицам, чтобы не дать населению построить баррикады, они достигали успеха. Отмеченное выражение постоянно использовалось историками XIV века и позволяет представить относительные достоинства видов войск в то время.

Организация войск вольных городов была по своему характеру простой и разумной. Различные цеха ремесленников или гильдии, на которые разделялось население, составляли тактические единицы, у каждой имелся свой собственный флаг. Во время сражений их выводил на поле брани свой командир.

В 1039 году архиепископ Милана Гериберт ввел в употребление особое городское

знамя или хоругвь, именуемую карроччио, обозначавшую общий сборный пункт, опорную основу войска. Оно было установлено на повозке или телеге, окрашенной киноварью. Таким образом попытались некоторым образом сконцентрировать управление армией и обеспечить в грубой форме потребность в более регулярной тактике. В течение некоторого времени народное ополчение в основном состояло из пехоты, отношение конницы к пехоте колебалось между одним к шести и одним к десяти.

Постепенно, по мере того как бремя обеспечения армии все больше ложилось на состоятельных горожан, а города становились богаче, жители городов стали менее охотно выходить на войну. Соответственно использование наемных войск из иностранцев увеличивалось, армии постепенно становились менее многочисленными, доля тяжеловооруженных конников по отношению к пехоте сильно возросла.

Изменения отчасти произошли благодаря пластинчатому вооружению, предоставлявшему конникам необычайные преимущества над легковооруженной пехотой, делавшему их почти неуязвимыми. Однако похоже, что разум повлиял на улучшение тактики тяжеловооруженных конников, что естественным образом проявилось, когда наемников организовали в группы, обмундировали и стали тренировать, занимая упражнениями и подчиняя дисциплине.

Отмеченные группы свободных наемников состояли из искателей приключений, чьим единственным занятием оставалась война. Теперь же от них постоянно требовалось соблюдать определенную дисциплину, они должны были четко перемещаться на поле боя и действовать в полном порядке. Проявляя себя более организованным образом и выглядя как единое целое, они сильно отличались от беспорядочных буйных толп феодальных рыцарей, сражавшихся в ходе военных конфликтов прошедших столетий.

Наемные формирования

Наемные войска заменяли феодальное ополчение или использовались как дополнительные войска для его усиления задолго до того, как появились группы профессиональных солдат, предлагавших свои услуги тем, кто мог за них заплатить. Сначала было принято, как уже упоминалось, платить остававшимся на службе сверх 40-дневного срока, считавшегося обязательным.

Плата войскам за их услуги достаточно рано стала обычным делом как в английской, так и во французской, немецкой и итальянской армиях. Кнуд I (Кнут, Канут) Великий⁴⁷ стал платить солдатам своей гвардии в начале XI века. Говорят, что и король Гарольд II нанимал датских воинов.

Армия Вильгельма Завоевателя, с помощью которой он покорил Англию, представляла собой особый тип наемной армии, основанной на феодальном принципе. Она состояла из 60 тысяч человек, получавших постоянное жалованье частично за счет короля, частично за счет феодалов и тех, кто соблазнялся участием в доле добычи в случае успеха.

После победы при Гастингсе Англия была разделена на ленные участки, большая часть которых была пожалована солдатам армии Вильгельма Завоевателя. Впоследствии он прибегал к помощи наемных войск, точно так же поступал и его сын Вильгельм Рыжий (Руфус) – король Вильгельм II Английский.

В войнах между королем Англии Генрихом II и королем Франции Филиппом II Августом наемные войска составляли значительную часть обеих армий. Каждый из этих монархов имел огромные корпуса наемников, именовавшихся брабансонами. Как полагают, это название указывает, что их набирали из Брабанта (в нынешних Бельгии и Нидерландах). Эти войска, обычно всегда распускавшиеся после окончания войны, были неспособны

⁴⁷ Кнуд Великий (ок. 995—1035) – король Дании с 1018 г., в 1016 г. подчинил всю Англию, с 1028 г. король Норвегии. После его смерти держава распалась.

перейти к полезным мирным занятиям, поэтому они объединялись в банды и безжалостно грабили крестьян и жителей маленьких городов.

Патер Даниил пишет, что во времена Филиппа III Смелого (1245–1285, король с 1270 г.) все землевладельцы получали плату от короля, даже во время приостановки их службы. Возможно, сказанное вытекало из бедности многих мелких феодалов, что не позволяло им находить необходимые средства, особенно во время длительных походов.

Наемные войска во времена Людовика VII Младшего и Филиппа II Августа являлись воинами во время войн и бандитами в мирное время. Один из первых походов Филиппа II против этих банд закончился их полным разгромом в провинции Берри, когда было перебито 7 тысяч из них. Количество поражает, однако нам известно, что в следующей войне их огромные корпуса снова находились у него на жалованье, равно как и у английского короля Иоанна Безземельного.

Главу брабансонов, получавших жалованье от Филиппа II Августа, звали Кадок, и ежедневная плата, получаемая им на содержание своих людей, равнялась 1000 ливров, что считалось весьма значительной суммой в те дни и дает некоторое представление о количестве солдат, которыми он командовал. Король Ричард Львиное Сердце во время своей последней войны с французским королем также имел на своей службе большой отряд брабансонов под руководством известного Мархадера (или Мерхадеса). Однако именно в период войны Эдуарда III с Францией⁴⁸ эти организованные наемники начали занимать столь значительное положение в армиях европейских стран.

Вся армия Эдуарда III во время его боевых действий во Франции получала плату, контракты обычно заключались с людьми с положением и влиянием, выводившими войска и командовавшими ими, они получали подневную плату за каждого солдата, ими оснащенного. Жалованье было высоким, что и приводило к тому, что копейщики и даже лучники набирались из представителей среднего класса, мелкого дворянства или богатых йоменов Англии.

Уровень ежедневной оплаты в 1346 году составлял для графа 6 шиллингов 8 динариев, баронов и баннеретов – 4 шиллинга, рыцарей – 2 шиллинга, оруженосцев – 1 шиллинг, конных лучников и легких всадников – 6 динариев, пеших лучников – 3 динария и валлийской пехоты – 2 динария. Чтобы получить соответствующую сумму денег в настоящее время, следует умножить эти числа на 25⁴⁹; полученная сумма показывает, что жалованье было хорошее.

Высокая плата обеспечивала качественных солдат из лучших слоев общества, поэтому в Англии и складывалась национальная армия, которая была гораздо надежнее, чем иностранные наемники, использовавшиеся преимущественно в остальной Европе.

Во время сражения при Креси король Франции (1346 г.) Филипп VI имел в своей армии 15 тысяч генуэзских лучников, служивших как наемники. Оставшаяся часть его пехоты являлась просто феодальным народным ополчением самого недисциплинированного свойства.

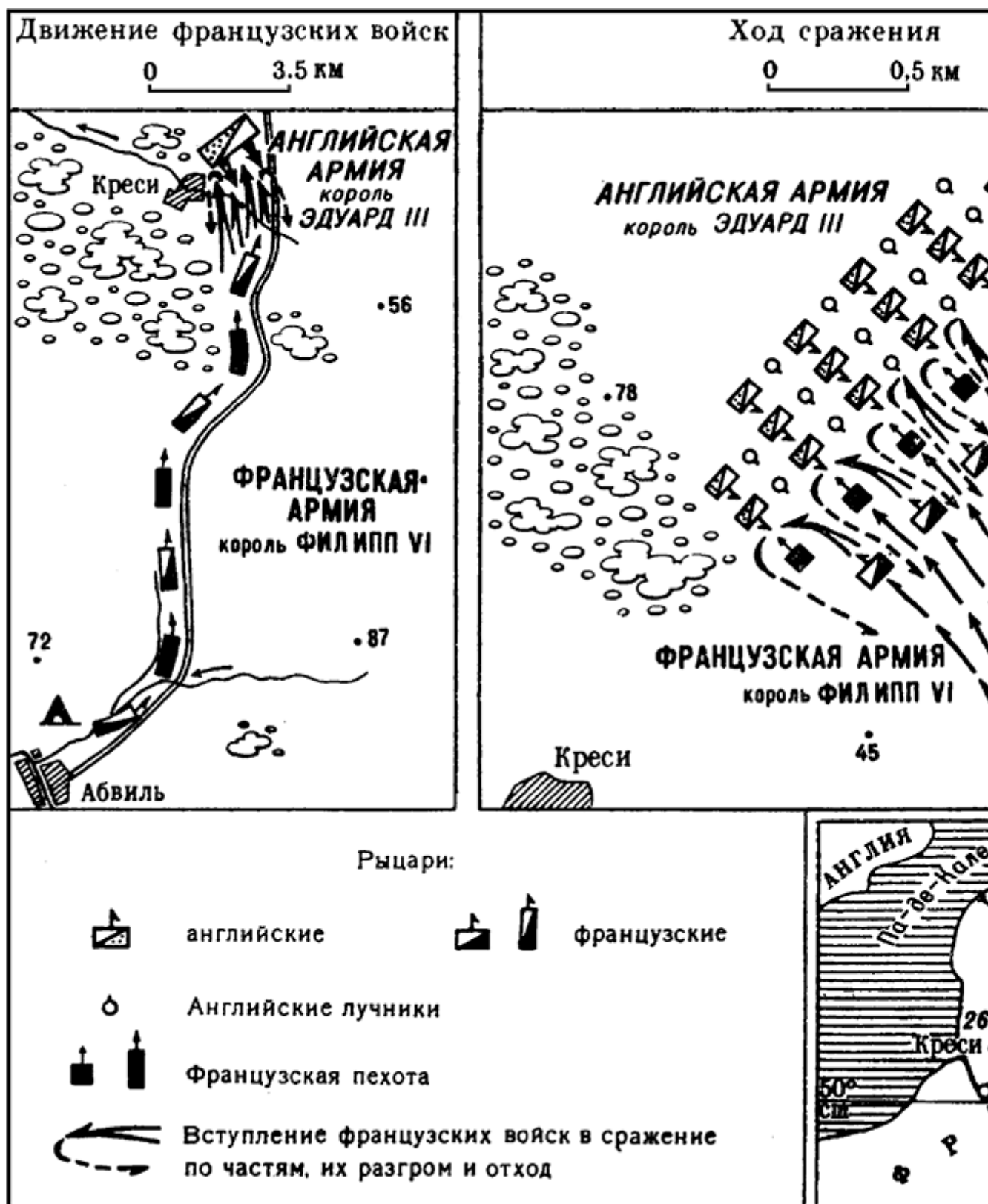
К тому времени стало повсеместной практикой для наемников (так называемых искателей приключений) поступать на военную службу под командование наиболее популярных командиров, организовав предлагавших свои услуги тем, кто готов был за них платить. Такие отряды, охотно нанимавшиеся свободными городами и республиками Италии, оказали большее влияние на историю этой страны, чем какой-либо другой, хотя в течение некоторого времени весьма будоражили Францию и Германию.

Эти отряды известны под разными наименованиями: брабансонов, котеро, рутьеров и т. д.; начальники их в Италии назывались кондотьерами, и это название иногда переносится,

⁴⁸ Начало Столетней войны.

⁴⁹ А в наше время – еще примерно на 250.

хотя и неправильно, на сами отряды. Это было тяжелое время, как для народа, так и для князей, когда честную, хотя и малопригодную ленную милицию заменили наемники, в большинстве иностранцы, храбрость и боевое мастерство которых не окупали их неистовой жестокости и алчности в мирное время.

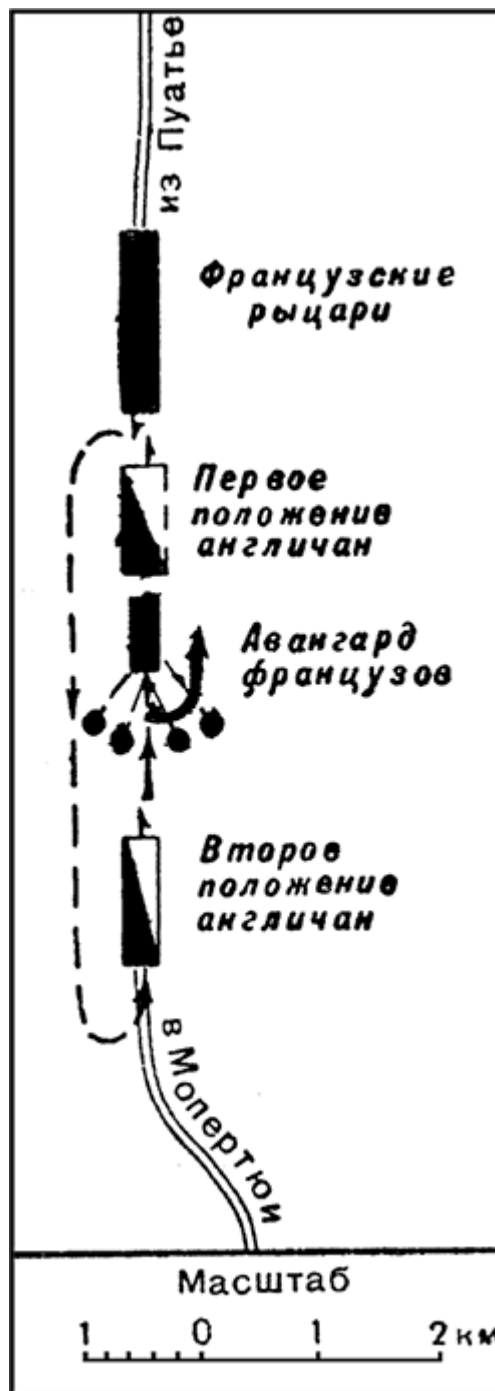
Сражение при Креси, 26 августа 1346 г.

Стремясь освободиться от английского владычества, после битвы при Пуатье (1356 г.)

французские провинции прилагали значительные усилия, объявив сбор средств, и на собранные деньги вербовали наемников. Лангедок содержал 10 тысяч человек, в том числе 5 тысяч тяжеловооруженных жандармов, 1 тысячу конных сержантов и 4 тысячи арбалетчиков и щитоносцев. Показательно, что при этом городские жители выговорили себе право поступать в конные части, ранее пополнявшиеся исключительно дворянами, так что с этих пор войско состояло из дворян и представителей среднего и низшего сословий.

Вольные банды искателей приключений состояли из беднейшей знати и рыцарей, не имевших покровителей, только армия открывала для них все пути. Обычно они были конными, состояли из рыцарей, оруженосцев и лучников. Похоже, что подобные группы не особенно привлекались для службы в Англии, хотя постоянно использовались в армиях английских королей, когда шла война в Европе, следовательно, в мирное время Англия не страдала от набегов наемников из распущенных формирований.

Тем не менее во Франции даже в мирное время эти банды не расходились и облагали жителей контрибуцией, как в завоеванной стране. Они представляли собой худший вид бандитов, убийц, воров, попытки уничтожения которых долгое время были тщетны.

Бой у Пуатье (Мопертюи) в 1356 г.

В Италии эти группы авантюристов оказывали самое значительное влияние на историю страны. Они состояли в основном из немцев, им было совершенно все равно, за кого сражаться, поскольку побуждающими стимулами оставались высокая плата и возможность грабить. Поэтому они переходили с одной службы на другую без малейших угрызений совести и явно пользовались дурной славой.

В периоды мира эти искатели приключений теряли всякие источники существования и оказывались в весьма неблагоприятном положении в чужой стране. В результате, когда между странами заключался мир, они теряли работу, прекращали получать плату и еду.

В результате бывшие наемники объединялись для совместных грабежей, считая, что коль скоро они не идут на войну, то надо зарабатывать себе на жизнь своими мечами. Первое такое объединение создал в 1342 году некий Гуарнери, объединивший под своим командованием разрозненных и бывших наемных конников. Он не стремился устраивать военные действия, только хотел обеспечить платой его людей благодаря системе, которая

вне опасностей и рисков сражений могла обеспечивать его воинов.

С того времени в течение многих лет группы искателей приключений организовывались по тому же самому принципу, став бедствием и позором для Италии. Так, родосский рыцарь Мориаль (или Монреаль), досаждавший правителю Неаполя, решил в 1353 году собрать под своим началом как можно больше расформированных солдат и дезертиров, наводнивших всю Италию.

Он пришел к выводу, что, если сможет организовать эти небольшие банды мелких воров в регулярную армию бандитов, вся Италия подчинится ему и станет платить. Вскоре его армия стала состоять из 1500 тяжеловооруженных конников, известных своей храбростью, а также 20 тысяч человек прочего войска.

Этот отряд представлял собой странствующую республику, связанную общей опасностью и стремлением к разбоям. Люди Монреалья (Мориалья) собирали огромные суммы с богатых городов Тосканы и Романьи, откупавшихся от них. Вскоре Мориаль был предан смерти по приказу трибуна Риенцо, в чьи руки он неосторожно попал. После его смерти, однако, этот отряд, «Большая рота», увеличил число конных латников до 5 тысяч, а в целом насчитывал 20 тысяч человек, его командиром стал Конрад Ландо. Самым значительным из всех лидеров таких банд, более известным, чем все остальные, стал англичанин сэр Джон Хоквуд, знакомый авторам того времени как Окуд или Агутус. После мира в Британии он увел отряд наемников в Италию и впоследствии был главнокомандующим войсками папы Урбана V.

Хоквуд примечателен тем, что его считают первым реальным военачальником в современном смысле этого понятия, и это является доказательством того, что система наемных групп профессиональных солдат, посвятивших всю свою жизнь военному искусству, оказывала огромное влияние на возрождение научных принципов руководства битвами и походами.

Все итальянские историки с восхищением пишут об искусной тактике сражений, стратегии и великолепно организованных отступлениях. До этого периода историки не совсем понимали ни тактику, ни стратегию и в описаниях битв приводили незначительные подробности, если только речь не шла об индивидуальных поединках.

Хоквуд был не только лучшим, но и последним кондотьером из иностранцев. В 1379 году Альберик ди Барбиано начал нанимать в солдаты жителей своей страны, которые скоро вытеснили иностранцев. Его «Рота святого Георгия» была школой для целого ряда хороших полководцев, которые усовершенствовали военное искусство и заложили основы военной науки, получившей дальнейшее развитие благодаря Тюренну, Фридриху II Великому и Наполеону.

Мы не можем не рассмотреть особенности организации этих наемных войск, которые в течение столь длительного времени оказывали столь значительное влияние на войны в Европе, не обратив внимания на их особенности сражения. Поскольку армии с обеих сторон состояли из наемников, которые совсем немного или практически никак не были заинтересованы в результатах войн, чья расположенность друг к другу часто оказывалась больше, чем к их нанимателям, чьи интересы за плату они защищали, легко представить, что сражение всегда велось спустя рукава. Иногда чисто формально.

Следствием таких боестолкновений было то, что больше ни в одном из периодов мировой истории не встречалось таких войн, которые несли столь небольшую угрозу для солдата. Решающие битвы, мягко говоря, просто поединки, отмечены в итальянской истории потерями малого числа жизней. Отчасти причиной этого было совершенство вооружения, возможно, другие обстоятельства, о которых уже шла речь. Вероятно, играло роль желание обеих сторон захватить пленных, но не убивать их, ожидая поступления выкупа, который в то время обычно выплачивали.

Потери оказывались таким незначительными, что казались даже нелепыми. Макиавелли с горечью пишет о том, что в 1423 году флорентийская армия, снявшая осаду Фурли, чтобы помочь Цагонаре, «при первой же встрече с противником была разбита не

столько благодаря храбрости противника, сколько вследствие плохой погоды, так как ей пришлось несколько часов идти по глубокой грязи под проливным дождем и после этого встретить совершенно свежего неприятеля.

При этом сильном поражении, весть о котором быстро распространилась по всей Италии, ни один человек не погиб, кроме Людовика дель Обици и двух его людей, которые упали с лошадей и утонули в болоте. Редкие неудачники!».

Рассказывая о происшедшей в 1467 году битве при Кастракаро во время войны между венецианцами и флорентинцами, Макиавелли замечает: «Несколько незначительных стычек произошло между армиями, как обычно случалось в то время, никто из них не отвечал на оскорбление, не осаждал города или провоцировал других. Напротив, каждый оставался внутри своего лагеря и проявлял малодушие. Какое-то время они таким образом потеряли, наконец произошло подобие битвы, продолжавшейся полдня. Несколько лошадей ранили, взяли пленных, но никто не погиб» (Макиавелли. «История Флоренции»).

Кажется, все свидетельства доказывают, что потери во время итальянской кампании XV века были пустяковыми. Копья не могли пробить латы, мечи не разрубали шлемов, равно как и стрелы (даже арбалетные) не пробивали прочное вооружение. Когда рыцаря сбивали с лошади, то убить его было непросто, его стремились спасти, чтобы получить выкуп.

Чтобы охватить проблему всесторонне, мы довели обзор наемных войск вплоть до XV века. За это время в других частях Европы появилась отличная, хорошо обученная пехота, армии которой оказывали такое влияние на сражение, что фактически дали толчок развитию военного искусства. Мы же вернемся назад, нарушив временную последовательность, и рассмотрим английских лучников и швейцарских копейщиков, постараясь показать их роль в развитии военной науки.

Английские лучники и швейцарская пехота

Несомненно, лучшей пехотой XIV века была английская пехота из йоменов⁵⁰, состоявшая исключительно из лучников, прекрасно организованных и необычайно искусных в использовании длинного лука⁵¹. Ими командовали представители знати, ревностно отдававшиеся службе, поскольку король стремился всячески поощрять и улучшать эту армию.

Йомены, сильные и решительные сельскохозяйственные работники, постоянно тренировались в мирное время на своих полях в использовании лука, который вначале придали им как обязательный элемент защиты. Затем он превратился в самое популярное развлечение у всего народа.

Почти в каждой деревне имелось стрельбище для лучников, достигнутое английскими йоменами мастерство казалось просто невероятным. Они могли выпустить двенадцать стрел за минуту, многие попадали второй стрелой в первую, уже попавшую в мишень.

Оружием лучников был большой лук более пяти футов в длину, изготовленный из тиса, из него выпускалась длинная прочная стрела на расстояние 240 ярдов. Стрелы имели острый наконечник и оперение. Их переносили вместе, связанными в пучок, прикреплявшийся к поясу, иногда помещенный в кожаную сумку, но никогда не клали в колчан.

Когда битва должна была вот-вот начаться, лучник развязывал свой пучок, размещал несколько стрел под своей левой ногой, острием наружу и затем выпускал их по мере необходимости. Умерший император Наполеон III в своем труде, посвященном артиллерии,

⁵⁰ Йомены – крестьяне в Англии XIV–XVIII вв., ведущие, как правило, самостоятельное хозяйство.

⁵¹ Английские лучники были всего лишь легкой пехотой, нуждавшейся в поддержке (например, строя тяжелой пехоты, роль которой у англичан часто выполняли спешенные рыцари). Ни атаковать в сомкнутом строю, ни выдерживать прямой удар противника лучники не могли. Поэтому лучшей пехотой Западной Европы XIV–XV вв. по совокупности качеств следует считать швейцарцев.

пишет, что первоклассный английский лучник одновременно, за одну минуту мог выстрелить двенадцать раз на 200 ярдов. Промахнувшийся один раз считался плохим стрелком».

Личная свобода и самостоятельность этих йоменов придавали им уверенность и бесстрашие, ощущение, которое старалась всячески развить английская знать, относившаяся к ним с особым почтением. Командиры обращались с ними очень мягко и нередко в бою сами спешили и сражались рядом, доказывая свое уважение к подобному способу сражения.

Французская знать воспринимала свою пехоту противоположным образом, обходилась с ней очень сурово, притесняла в лагере, не щадила во время сражений. Так, например, произошло в битве при Креси в 1346 году, где рыцари французской армии пошли в атаку, топча генуэзских арбалетчиков.

В Англии во время сражений участвовало огромное количество лучников. В 1386 году, как пишет Фруассар, в армии состояло 10 тысяч латников и 100 тысяч лучников, считая и отряд под руководством герцога Ланкастерского, который тот повел в Кастилию. Он также отмечает, что в 1394 году король Англии вторгся в Ирландию с армией в «4 тысячи рыцарей и оруженосцев, 30 тысяч лучников, которые получали каждую неделю регулярное жалованье, так что оставались довольными». Ирландская же кавалерия того времени была легкой иррегулярной, конники не использовали ни седел, ни шпор и сражались только пиками и дротиками.

Генуэзские арбалетчики славились такой высокой репутацией как пехотинцы, что их большие отряды состояли на службе в различных государствах. В битве при Креси король Франции Филипп VI Валуа имел корпус почти в 15 тысяч наемных генуэзских арбалетчиков. Как отмечает Патер Даниил, они служили ему и на море. Поскольку Генуя являлась морской республикой, вполне естественно, что от населения требовалась высокая квалификация и для службы на флоте.

Весьма интересно проследить, как постепенно повышалось значение пехоты в конфликтах между английской и шотландской армиями. Английские лучники, по-видимому, часто сражались и с конниками, не страшась тяжелого вооружения и блеска гордых рыцарей. При постоянных пограничных войнах между Англией и Шотландией они нередко даже одерживали верх над шотландскими дворянами, дав первый пример победы пехоты над конницей. Шотландец Уильям Уоллес, человек больших природных способностей, весьма существенно развил тактику своего времени.

Во время сражения при Стирлинге в 1297 году он позволил части английских войск пересечь реку Форт, а затем напал и разгромил их на глазах оставшейся части армии, которая не могла прийти им на помощь. Эта битва служит самым сильным доказательством его способностей как генерала.

Интересно рассмотреть, насколько точно Уоллес предвидел современный метод противодействия кавалерии в сражении при Фолкерке в следующем году. В своей армии он располагал только 1 тысячей конников, менее чем 30 тысячами лучников и копейщиков, в то время как армия короля Эдуарда I насчитывала 7500 конников и до 80 тысяч пехотинцев.

Вынужденный сражаться с намного превосходящим его противником, Уоллес понимал, что особую мощь английской армии составляли именно 7500 конников. Древний хронист, к счастью, приводит подробное описание боевого порядка его армии, так что мы можем точно представить ее организацию. Итак, Уоллес расположил свою армию на равнине с небольшим уклоном, построив свою пехоту в виде отдельных групп, которые мы сегодня называем «каре».

Наружные ряды состояли из стоявших в рост и на коленях копейщиков, выставивших вперед свои копья, так что они служили препятствием для нападавших конников. За ними в центре каждого каре находились лучники, поражавшие своих противников стрелами. За этими каре, в резерве Уоллес расположил кавалерию. Он явно рассчитывал сломать ряды наступающих с помощью копейщиков и завершить бой победой благодаря конникам.

Однако большая численность англичан, а также тот факт, что они получили опыт во время войн в Европе, неожиданность такого замысла для шотландской пехоты, которой явно не хватало стабильности и дисциплины в ее рядах, привели к поражению копейщиков и лучников, так что в результате вся шотландская армия потерпела сокрушительное поражение.

В самом же опыте создания подобного тактического образования мы находим прототип смешанных полков пикинеров и мушкетеров, существовавших позже в течение длительного времени в армиях Европы. Мы также находим, что сама идея расстановки пехоты квадратами (каре) в шахматном порядке, когда кавалерия оставалась в резерве, заложила основы тех принципов применения кавалерии, которые распознаются и в наши дни.

Вскоре после случившегося в битве при Баннокберне, состоявшейся в 1314 году, Роберт Брюс почти точно скопировал тактику своего великого соотечественника. Ведущей особенностью боевого порядка стали группы копейщиков, кавалерия же оставалась в резерве. У англичан снова было преимущество в численности кавалерии, так что небольшая группа конников Брюса совершенно не могла соперничать с ними в открытом поле. Как раз до начала сражения произошла яростная стычка между корпусом шотландских пикинеров под руководством Рандольфа и 800 английскими конниками, которыми командовал Клиффорд. После тяжелого боя победа осталась за пикинерами, а разбитая кавалерия ушла с поля боя.

Тем не менее английские лучники начали привлекать внимание своей высокой меткостью и храбростью, они учились изнурять противника и нарушать сомкнутые ряды копейщиков. Такие действия англичан могли бы обеспечить им победу (ведь пикинеры не могли защитить себя), если бы не расторопное решение шотландского короля. Он тотчас ввел свой резерв кавалерии, мгновенно разбил лучников и вынудил их отойти.

Затем английские конники в свою очередь ринулись вперед, и тогда Брюс отступил назад через промежутки между группами пикинеров, оставив их выдерживать нападение английской кавалерии. Шотландская пехота стояла насмерть, лошади того времени тяжело не вооружались, поэтому было огромное количество раненых и убитых, что привело всю английскую армию в смятение и подготовило почву для нападения кавалерии под руководством Роберта I Брюса, довершившего разгром англичан. Однако с того времени влияние английских лучников становится очевидным.

Во время битвы при Халидон-Хилле близ Беруика в 1333 году шотландская кавалерия спешила, стремясь усилить эффект атаки. Однако они встретились с таким храбрым сопротивлением войск короля Эдуарда III и были настолько сильно обстреляны английскими лучниками, что отошли в беспорядке и были разбиты наголову.

Три самые известные и решающие битвы того времени – при Креси, Пуатье и Азенкуре – были выиграны не знатью Англии и не ленным ополчением, которые были полностью равнозначны французской армии. Успех следует приписать исключительно беспримерному искусству и храбрости английских лучников.

Во время первой битвы при Креси в 1346 году в распоряжении армии Эдуарда III имелась армия, состоявшая из 4 тысяч конников, латников, 10 тысяч лучников, 10 тысяч валлийской пехоты и 6 тысяч ирландцев. Уэльские и ирландские войска не были постоянными, не применялись на передней линии, равно как не годились для преследования.

Во время этой битвы использовались пушки, по-видимому, это самый первый пример их использования в европейском сражении. Сражение при Креси считается важнейшим этапом в истории военного искусства по нескольким причинам. Во-первых, как первый случай применения пороха, полностью изменившего искусство войны. Это открытие произвело переворот в военном деле, и с тех пор до настоящего времени его применение постоянно совершенствуется.

Однако уровень развития технологий того времени оказался недостаточным, чтобы обеспечить эффективное использование пороха. Неудобные, тяжелые и неуклюжие пушки (бомбарды) и другие виды огнестрельного оружия не позволяли в полной мере использовать

те преимущества, которые давало применение пороха, так что его огромное влияние оказалось не до конца понятым.

Барабанные револьверы, орудия и ружья, заряжающиеся с казны, разрывные снаряды были изобретены и изготовлены сотни лет тому назад, с образцами можно познакомиться в Тауэре и других местах. Но недостаточное качество их изготовления привело к тому, что они практически сразу же вышли из употребления. Только после должного развития технологий уже современные изобретатели вернулись к старым достижениям и довели до практического результата забытые открытия давно прошедших дней.

Следовательно, легко понять, что вначале порох не оказал особого воздействия, из-за чего древние хронисты уделяют ему так мало внимания, рассказывая о применении пушек при Креси.

Отметим и другую особенность, выделяющую битву при Креси как особый этап в военном искусстве. Она связана с необычайным превосходством английских лучников над французскими рыцарями, считавшимися лучшей кавалерией в Европе. При Креси мы также встречаем первый случай боя спешившихся рыцарей с конными рыцарями. Как мы видели, рыцари уже применяли ту же самую тактику при Дамьетте, но там это было сделано ради защиты высадки от нападения. Не сохранилось свидетельств того, что армия применяла ту же тактику в полевом бою.

Эдуард III при Креси занял оборонительную позицию и явно намеревался ожидать нападения, стиль его руководства своей армией доказывает, что, в отличие от крестоносцев, он понимал, что кавалерия не может вести оборонительный бой. Чтобы придать стабильность и порядок своей линии и противостоять натиску кавалерии противника, намного превосходившей в численности его собственную, он приказал своим конным латникам спешиться и встать в боевой линии в качестве копейщиков, усилив тем самым пехоту.

В тылу своей армии он собрал все повозки своей армии с припасами и лошадей в один вагенбург, поскольку предполагал, что в тот день вся его армия будет сражаться в пешем порядке. Его войска были разделены на три части, первой линией командовал его сын, Эдуард Черный принц, вторая вышла под руководством графа Нортгемптона, третьей командовал сам король. Латники (спешенные рыцари) встали в центре, лучники на флангах, похоже, что перед началом сражения они были распределены перед спешенными рыцарями. В таком порядке они ожидали французского монарха, продвигавшего с огромной армией, намного превышавшей⁵² ту, которая находилась в распоряжении англичан.

Французы также построились в три линии. Перед нами первое сражение, произошедшее во Франции, чья история дошла до нас в максимальных подробностях. Как пишет Фруассар, первая линия состояла из 15 тысяч генуэзских арбалетчиков, вторая, под командованием графа Алансонского, насчитывала 4 тысячи конных латников и большое количество пехотинцев, третья, под руководством короля Филиппа VI, состояла исключительно из французской знати и рыцарей.

Сражение открыли генуэзские арбалетчики, продвигаясь, они стреляли в англичан. В это время дождь ослабил тетивы их арбалетов, так что болты летели недалеко. Умевшие содержать свои луки и стрелы в сухости английские йомены тотчас обрушили на них ужасный град из своих стрел и копий, падавших сплошным потоком.

Оказавшись под градом этих стрел, пронзавших их руки, головы и вооружение, арбалетчики перерезали тетиву, другие побросали арбалеты на землю, но все обратились в бегство. Во французской армии находился большой корпус латников на лошадях, поддерживавших их.

Когда король увидел, что наемники отступили, он разъярился и велел своей кавалерии рубить их, что те и сделали. Это породило смятение в рядах французской армии. Беспорядок

⁵² Только в числе рыцарей.

во многом усиливался продолжавшими падать стрелами, которые пускали английские лучники. Вооруженная длинными ножами уэльская и ирландская пехота вмешалась в происходящее, ибо ее оружие необычайно подходило для ближнего боя, и перебила многих.

Как пишет Фруассар, в это время французские конники обошли фланги английских лучников и налетели на спешенных жандармов. Атака эта была так энергична, что вторая линия англичан должна была выдвинуться на помощь первой, и даже была позвана третья. Но король Эдуард III отказался двинуть последнюю часть своего войска, отчасти потому, что предвидел успех и своей уверенностью стремился придать бодрость войску. Результатом боя была решительная победа англичан, и главная честь в ней принадлежала лучникам; латники также доказали, что они могут с успехом сражаться в пешем строю с храбрейшими рыцарями того времени. Именно поэтому можно сказать, что с битвы при Креси можно считать время возрождения пехоты.

Происходившая за несколько лет до этого битва при Моргартене (1315)⁵³, бесспорно, имела огромное влияние на военное искусство, хотя и не такое существенное, как битва при Креси.

В Англии к пехоте относились совершенно иначе, и именно это различие в подходе являлось разительным контрастом по сравнению с поведением французской знати. В течение длительного времени во Франции существовал обычай помещать феодальную пехоту на переднюю линию, причем вовсе не руководствуясь представлением, что она сослужит настоящую пользу, но просто для того, чтобы измотать кавалерию противника.

Когда пеших солдат отбрасывали, рыцари без всякого сожаления проходили через них, часто давя многих, относясь к своей пехоте с величайшим презрением и жестокостью. Если же пехота сражалась стойко, то и тогда пехотинцы вызывали гнев высокомерной знати, равно сурово наказывавшей их за успех, который считался привилегией рыцарей, как и за поражение.

В частности, при Креси они продемонстрировали большую, чем обычно, жестокость по отношению к генуэзским наемникам, воспринимая их всего лишь как иностранцев, которым выплачивали жалованье, их не только давили, но и рубили, не испытывая в отношении к ним никакого сочувствия.

Появление арбалетчиков в армии Филиппа VI показывает все же, что пехота исподволь завоевывала значимое положение, ибо король Франции не нанял бы такую огромную армию пехоты за большие деньги, если бы не посчитал, что она необходима, дабы противостоять английским лучникам, слава о которых распространилась по всей Европе. Их разместили на передней линии, открывая ими сражение, как будто на них возлагалась особая задача, с ними связывалась возможность нейтрализации усилий английских лучников. После поражения наемников гнев французского короля явно был вызван его разочарованием.

Сражение при Куртре (Кортрейке) во Фландрии, состоявшееся в 1302 году, стало одним из самых первых случаев успешного использования пехоты против тяжеловооруженных конников. Оно произошло между французской кавалерией под руководством графа Робера Артуа и пехотой буржуазии фламандских городов, разбогатевших и ставших независимыми благодаря своему производству и трудолюбию.

В качестве средства защиты против тяжеловооруженных французских конников они использовали копья, направляя свое оружие с такими самообладанием и храбростью, что полностью разгромили рыцарей, перебив многих. Похоже, перед нами первое ключевое событие, во время которого пешие копейщики успешно противостояли кавалерии⁵⁴. Граф Булонский нанял для битвы при Бувине в 1214 году солдат, вооруженных пиками, это

⁵³ При Моргартене швейцарская пехота разгромила рыцарей Габсбургов.

⁵⁴ Далеко не первое. Если не приводить примеров античного времени, то, например, при Пуатье (732 г.). А в русской истории – Ледовое побоище в 1242 г., битва при Раковоре (Раквере) в 1268 г.

считается первым случаем использования пик, но здесь речь скорее идет об исключении, а вовсе не о повсеместном принятии их как оружия для защиты и обороны.

Примерно в то же время швейцарская армия начала приковывать к себе внимание, вскоре они стали известны во всей Европе как солдаты, владеющие пиками. Сражение при Моргартене, состоявшееся 15 ноября 1315 года, стало швейцарским Марафоном, и с того времени страна приобрела определенную степень свободы.

Сражение состоялось между 20 тысячами австрийцев под руководством герцога Леопольда и 1300 швейцарцами. Естественные условия территории предопределили результат сражения в большей степени, чем тактическая система. Командовавший австрийской кавалерией Монфор фон Тетнанг неосторожно повел войска через узкий проход Моргартен, лежавший между горой Заттельберг и озером.

Когда австрийцы заполнили проход, 50 швейцарцев, занявших позицию на возвышенности, издавая громкие крики, обрушили обломки скал и камни на сгрудившихся воинов австрийской колонны. Увидев смятение, вызванное нападением, швейцарцы общим числом 1300 человек спустились с горы, ограничивавшей проход, и яростно атаковали врага во фланг.

Своими мощными палицами и булавами они разбивали латы противника и довершили ужасный разгром своими длинными копьями и алебардами. Узость прохода не позволяла произвести никакие перемещения, мешал и окутавший дорогу туман, движение лошадей затруднялось. Некоторые упали в озеро, других отбросили в беспорядке. Наконец вся масса конников отступила и обрушилась на свою пехоту, скопившуюся в проходе, так что не могла ни отступить, ни сохранить порядок, поэтому бежала, но все же многих затоптали насмерть. Произошло беспорядочное общее бегство, в котором также погибло много народу (Уайт. «История Франции»).

Это сражение, сильно отличавшееся от Креси, доказало, что кавалерия не может успешно действовать в горах, и вряд ли опытным военачальникам был необходим столь кровавый урок.

Битва при Креси, происходившая на открытом поле, является выдающимся событием именно потому, что представляет собой явный результат применения четкой тактической системы, где ни условия местности, ни выгодная позиция, ни какие-либо другие чисто случайные причины не играли никакой роли.

Сражение при Земпахе стало еще одной победой, одержанной швейцарской пехотой, в основном вооруженной булавами с шипами, называвшимися моргенштернами (утренними звездами); мечами, боевыми топорами (алебардами). Само же сражение состоялось 9 июля 1386 года. Леопольд III, эрцгерцог Австрии, командовавший австрийской кавалерией, заставил их спешиться и сражаться своими копьями. Рассказывают, что, стремясь сохранить максимальную подвижность, рыцари отсекали носки своих сапог, которые, в соответствии с модой того времени, были необычной длины.

Спешенные рыцари построились в фалангу, их фронт ошетинился наконечниками пик, против которых тщетно боролась швейцарская пехота. Сражение шло в соответствии с традицией, но в этот момент швейцарец Арнольд фон Винкельрид, завещав товарищам позаботиться о своих жене и ребенке, бросился на копья врага, захватив столько, сколько мог ухватить. Принеся в жертву свою жизнь, он проделал брешь, через которую его товарищам удалось вклиниться во вражеские ряды. Начался рукопашный бой, в котором копья только мешали рыцарям, а моргенштерны сокрушали шлемы и латы. Дело кончилось полной победой пехоты швейцарцев и огромными потерями их врагов.

Вот как это описано в балладе В. Скотта:

Четыре копья пронзили ему грудь,
Шесть вонзились в бока,
Ценой своей жизни
Он сломал их сомкнутые ряды.

В 1476 году швейцарские пехотинцы выиграли битвы при Грансоне и Муртене, одержав победу над кавалерией Карла Смелого. Нанеся жестокие удары приходившей в упадок рыцарской коннице, они подтвердили репутацию швейцарской пехоты как самой стойкой.

В сражении при Пуатье, происходившем 19 сентября 1356 года, военное искусство получило дальнейшее развитие, продемонстрировав большую ценность английских лучников и растущее значение доминирования пехоты во время сражения.

Французская армия насчитывала примерно 60 тысяч человек, находившихся под командованием самого короля Иоанна II Доброго. Английской армией командовал Эдуард Черный принц, и ее численность составляла всего 8 тысяч солдат.

Однако англичане уже поняли значение искусного руководства, и английский принц, как нам кажется, во время этого сражения доказал, что является самым способным тактиком своего времени. Его действия были хорошо продуманы и искусно исполнены, что лучше доказывает важность грамотного руководства, нежели любая из предыдущих битв Средних веков.

Итак, Черный принц, поставив свою армию на сильной позиции, расположил ее на холме, который был прикрыт живыми изгородями, виноградниками и кустами, затруднявшими доступ. К ней вела только одна дорога, представлявшая собой проход по дефиле между изгородями.

Весь этот проход защищался лучниками как спереди, так и с тылу. Спешенные тяжеловооруженные рыцари вместе с оставшимися лучниками выстроились по флангам в виде треугольника. Лошади и обоз были поставлены в тылу в укрепленном вагенбурге, аналогично тому, как проделывалось десять лет тому назад при Креси.

Французская армия также выстроилась в три линии, одна позади другой. Нападение произвели триста ее лучших конников, за ними следовало некоторое количество спешившихся рыцарей. Предполагалось, что они штурмом прорвутся на дорогу и под прикрытием конников сделают проход для своих тяжеловооруженных спешившихся латников, которые должны были атаковать английских спешенных рыцарей. Поскольку Черный принц защитил свои войска с помощью искусственных препятствий, то весьма вероятно, что принятый план атаки французской армии оказался единственным доступным для них, поскольку местность явно не подходила для действий конников.

Результат оказался плачевным, благодаря действиям английских лучников, окруживших проход. С близкого расстояния они выпускали свои смертоносные стрелы с такой страшной силой, что вскоре узкая дорога была загромождена мертвыми и умирающими людьми и лошадьми. Немногим удалось отойти, некоторые попали в плен.

В критический момент английский принц доказал свой военный дар, сделавший его величайшим полководцем своего времени. Уступая в численности и вынужденный вести боевые действия в обороне, укрепляя свою позицию, его подвижный ум увидел те обстоятельства, которые позволили ему изменить первоначальный план сражения, и, перейдя от обороны к нападению, в нужную минуту предпринять яростную и стремительную атаку.

Мгновенное решение выявило его гениальность, однако и его воплощение доказывает, что тактические способности Черного принца намного превосходили его время. Он выделил отряд в 600 конников, усиленный большой группой лучников для их поддержки, незаметно для противника совершивших обходной маневр вокруг холма, организовав тем самым хорошо направленное нападение на левый фланг и тыл второй линии французской армии, нарушенный беглецами с передней линии. Одновременно он велел спешиться всем своим конникам и яростно устремиться прямо на врага, в то время как другая часть его войск напала на них с фланга.

В век несовершенной тактики и пренебрежения маневрированием легко представить огромный деморализующий эффект фланговой атаки на недисциплинированных рекрутов средневековой армии.

Французские рыцари, явно подражая англичанам при Креси, приняли вызов, спешили и тотчас были окружены английскими рыцарями. Французы, похоже, не понимали, что при Креси главная роль возлагалась на лучников, а тяжеловооруженные конники спешили, чтобы помочь им и придать стабильность боевой линии. На открытой местности спешившиеся французы без поддержки лучников оказались практически без поддержки, поскольку нужная часть кавалерии находилась в резерве, чтобы в нужный момент обеспечить перевес в исходе битвы.

Руководство французами оказалось хуже, чем когда-либо. Французский король находился в своей собственной стране, его кавалерия считалась лучшей. В то время как Черный принц был на враждебной территории, испытывал перебои с провизией, да и численность его войска была намного меньше.

Поэтому самым выгодным для короля Иоанна было бы не атаковать, а отсечь англичан от источников снабжения, перехватывая фуражиров, следить за его перемещениями. А если атаковать, то можно было обойти английскую позицию с фланга, а не ломиться через столь опасный проход. Черный принц спас свою армию, выручив ее в критической ситуации, и ему во многом помогло плохое руководство его противника.

Тем не менее когда мы рассматриваем ситуацию в целом, то говорим о том, что битва при Пуатье представляет собой определенный шаг в развитии военного искусства. Она также отражает понимание английским командующим ценности конницы и пехоты и их правильное применение в соответствии с их назначением и возможностями.

Произошедшее в 1402 году сражение при Хомильдон-Хилл между шотландцами под руководством графа Дугласа и англичанами, ведомыми Перси, является другим примечательным случаем увеличения мощи английской пехоты в ее противостоянии кавалерии в открытом поле. Дуглас занял позиции на Хомильдонском холме, дававшие отличные возможности для противодействия атакам кавалерии.

Английская армия развернулась на противоположной высоте, которую шотландцы позволили им занять без сопротивления. Если бы Дуглас тотчас выступил вместе со своими 1 тысячей шотландских рыцарей и тяжеловооруженных конников, то свел бы сражение к ближнему рукопашному бою, что явилось бы лучшей линией поведения.

Однако он стал ждать нападения, англичане же вместо того, чтобы пойти в атаку вместе со своей кавалерией, отправили лучников. Медленно продвигаясь, они обрушили на шотландцев тучу стрел. Те же, сомкнувшись, не имели шансов нанести ответного удара.

Результат оказался ужасным, поскольку английские стрелы без труда пробивали легкие доспехи шотландцев, не служившие никакой защитой против смертоносных метательных снарядов. Лучше приспособленное вооружение рыцарей тоже оказалось совершенно неспособным противостоять стрелам, когда благодаря упорному продвижению их фаланги лучники получили близкую и более точную цель.

Много баронов и рядовых рыцарей были убиты или смертельно ранены. Возбужденные и взбесившиеся лошади становились на дыбы и бросались вперед, становясь неуправляемыми. Сотня шотландцев под руководством Джона Суинтона, однако, яростно атаковала, но была опрокинута и рассеяна. Тогда Дуглас вместе со своей кавалерией пошел в атаку сам. Лучники отошли к своим конникам, продолжая выпускать свои стрелы, и, отступая, продолжали ужасную бойню.

Валсингам пишет, что кольчуга Дугласа, на изготовление которой искусный мастер затратил три года, была пробита стрелами в пяти местах, он был ранен и захвачен в плен. Сражение выиграли исключительно лучники, рукопашной схватки не было, а кавалерия была занята только преследованием.

Следующая значительная европейская битва произошла при Азенкуре, она состоялась 25 октября 1415 года между Генрихом V Английским и французской армией под руководством коннетабля Шарля д'Альбре. Английская армия насчитывала менее 10 тысяч человек, во французской было почти 100 тысяч. Сражение во многом напоминало битвы при Креси и Пуатье, и здесь лучники во многом повлияли на исход битвы.

Генрих тщательно продумал расстановку своих войск перед сражением. Он занял сильную позицию на узкой полосе земли между двумя лесными массивами. Впереди флангов он разместил две засады, одна состояла из 200 лучников, другая – из 400 тяжеловооруженных конников, в разгар битвы они должны были напасть на фланги и тыл французов. Генрих опирался на опыт своего дяди, Черного принца, неоднократно использовавшего подобные приемы в своей тактике, приспособив ее к местным условиям. Следует также помнить, что его стратегия была аналогична той, что применялась при вылазке Магона в битве на реке Треббия.

Английская армия была разделена на три отряда. Лучников разместили перед спешенными тяжеловооруженными конниками, выстроив в форме клина на каждом фланге и в линию вдоль фронта. В этой битве вдобавок к обычному вооружению лучники получили дополнительное вооружение, заостренный с обеих сторон кол, один из концов которого был окован железом. Они наклонно втыкали его перед собой в землю для защиты от надвигающейся конницы противника (подобно рогатине). Эти колья можно было вбить очень быстро и так же быстро вынуть и опять вбить при перемене позиции. До сих пор в войнах христианских государств подобные искусственные препятствия вроде переносного частокола-палисада еще не применялись. Поэтому Азенкур и составляет новый этап в смысле улучшений пешей службы и усиления защиты пехоты от кавалерии.

Во время этого сражения тяжеловооруженные конники вновь сражались пешими. Французская кавалерия вскоре растерялась, оказавшись под градом стрел, который выпускали на них лучники, заслонившиеся своими палисадами, конники сгруппировались в узких проходах.

Фланговая атака обеих засад завершила этот беспорядок, и тогда английский король дал приказ к общей атаке, так что и лучники, и тяжеловооруженные рыцари обрушились на врага. Легковооруженные лучники набросились со своими боевыми топорами на французов, которые к тому времени так сгруппировались, что не могли ни сражаться, ни отступать, и порубили их практически беспрепятственно.

Генрих проявил свои способности, сочетая оборонительную и наступательную тактики в нужный момент, в результате одержал блистательную победу. Потери французской армии, как знати, так и дворян, убитых и плененных, оказались огромными, причем по количеству намного большими, чем вся численность английской армии. Английские же потери были незначительными.

Война между Францией и Англией велась с небольшими перерывами более семидесяти лет, естественно, что за это время ленные армии были заменены наемными. Сражения при Креси, Пуатье и Азенкуре нанесли смертельный удар институту рыцарства и основанной на нем методе ведения военных действий.

Войска начали организовывать в отдельные объединения под началом постоянных командиров. Значение пехоты возросло, и ее, особенно копейщиков, стали считать основной ударной силой в зависимости от конкретных полевых условий, в которых происходило сражение. И наконец, настал тот день, когда навсегда ушли в прошлое беспорядочные бои между рыцарями, стремившимися утвердить себя ратными подвигами. На развалинах рыцарства и феодализма стала утверждаться новая система, и, наконец, пришло время, когда главной и единственной защитой государств стали постоянные армии монархов.

Появление регулярных армий

Самым первым примером организации регулярной армии был учрежденный в 1025 году в период правления Кнуда (Канута) Великого, короля Дании, Англии и Норвегии, корпус личной гвардии из 6 тысяч воинов, именовавшейся хускарлы, или телохранители. Их отличали по одежде и золотым украшениям, они демонстрировали выправку и олицетворяли военный дух как самой нации, так и порядка. Особое внимание уделялось их дисциплине и владению оружием.

Они охраняли короля, неся службу на страже у дверей квартиры и тронного зала. Четыре или пять воинов всегда находились рядом с королем. Однако этот отряд не имел особого военного значения, поэтому честь введения постоянной армии в Западной Европе должна быть приписана королю Французскому Карлу VII, который благодаря этому нововведению достиг внутреннего порядка и внешнего могущества.

К 1444 году Карлу удалось изгнать англичан из большей части Франции, после чего между двумя воюющими армиями заключили длительное перемирие. В результате Карл остался с огромной армией наемников, в чьих услугах больше не нуждались. Естественно, он опасался, что они собьются в большие банды и начнут добывать себе средства к существованию за счет грабежей и разбоев среди населения во всех частях государства.

Чтобы оградить себя от возможных беспорядков и обеспечить внутренний мир в государстве, где главной оставалась власть короля, Карл VII решил учредить постоянную армию из получавших жалованье лучших солдат, каких мог отобрать. Идея оформилась к 1445 году, она держалась втайне, пока не завершили организацию новой армии.

Во всех провинциях начальникам военных комиссий было отдано распоряжение держать наготове своих лучников, чтобы можно было использовать их для защиты городов от возможных нападений банд, правления городов и знать обязали охранять все большие дороги, мешая разрозненным наемникам грабить или объединяться в банды, противостоя власти короля.

После того как были приняты все эти предосторожности, сам король выбрал пятнадцать командиров, людей знатных, известных своими честностью, опытом и смелостью. Он объяснил им задачи и попросил помощи в учреждении регулярной армии. Затем король поручил им отобрать из всех войск в армии лучших людей, надежных и дисциплинированных, и создать из них воинские формирования.

Во исполнение этого приказа провели набор, и король издал вердикт, по которому учредили пятнадцать ордонансовых рот. В особой прокламации об этом объявили по армии, приказав, чтобы все солдаты, не внесенные в списки, разошлись и немедленно отправились по домам, не совершая никаких беспорядков по дороге, не уходя с основных дорог, не сбиваясь в банды под страхом смертной казни.

Приготовления оказались настолько дальновидными и так тщательно выполнены, что расформированные солдаты спокойно перешли к мирным занятиям, спустя пятнадцать дней они уже не встречались на дорогах.

Все пятнадцать ордонансовых рот, образованных таким образом Карлом VII, относились к кавалерии и, по мнению большинства авторов, содержали по 100 копий каждая, хотя в указе от декабря 1445 года указан гарнизон в Пуату, насчитывавший 200 копий, разделенных на три роты, первая под руководством сенешаля Пуату состояла из 110 копий, вторая состояла из 60 копий под руководством маршала Логеака, и только третья насчитывала 30 копий под командованием Флоке.

Следовательно, предположим, что в пятнадцати ротах состояло 1500 копий. Каждое копьё состояло из шести человек: тяжеловооруженного конника, трех лучников, оруженосца и слуги. Все они были конными, что составляло общую численность кавалерии всех рот примерно в 9 тысяч человек. Обычно к ним присоединялось некоторое количество добровольцев из дворян, служивших без жалованья, надеясь, что появится вакансия и их возьмут на постоянной основе.

В полном копьё имелось тринадцать лошадей, поскольку тяжеловооруженные всадники имели по четыре, каждый лучник – две, оруженосец – две и слуга – одну. Служебный персонал состоял из капитана, лейтенанта, знаменосца, прапорщика и вахмистра. Все офицеры выбирались из самых знатных, богатых и опытных солдат роты, исключительно из дворян.

Дисциплина была прекрасно организована, капитаны лично отвечали за любые беспорядки или проступки, совершенные людьми из их рот. Роты размещались в гарнизонах в городах, чтобы тщательно поддерживать дисциплину, впрочем, это предоставляло

возможности как для тренировок, так и для маневров.

Сам король лично не выплачивал жалование, хотя оно выдавалось по его распоряжению. Местные власти городов, где стояли гарнизоны, были вынуждены обеспечивать солдат жалованием, содержанием и продовольствием в соответствии с установленной квотой: все селения и города были обложены соответствующим налогом.

В то же время все практически тотчас почувствовали выгоды от этой системы, никакие другие мероприятия не носили такого политического характера и не были так популярны среди населения, как этот институт постоянной оборонительной армии. В него тотчас поверили все слои общества. Авторитет короны стал главенствующим по всему королевству. Теперь каждый смог заниматься своим делом. Ремесленники – производить свои изделия, крестьяне – возделывать земли, выращивать скот, и все они получили безопасность, защищались против грабежей и произвола. Только в случае приближения армии противника во время войны все производство перестраивалось в интересах обороны.

Ордонансовые роты были тяжелой конницей. Конник обычно был облачен с головы до ног в пластинчатые латы, в качестве оружия использовал короткое копье, двуручный меч и боевой топор или булаву. Лучники и оруженосцы имели более легкие латы, а также арбалет, копье, меч, палицу или булаву, висевшую на седле. Они носили кольчуги, а поверх них железный нагрудник (кирасу). Некоторые – кольчугу или бригадину (бригантину), легкую разновидность кирасы, изготавливавшуюся из железных пластинок, пришивавшихся на кожу или ткань.

Параллельно с организацией постоянной конницы Карл VII образовал и пехоту – подразделения вольных стрелков. Они организовывались на средства приходов, которые оснащали по одному лучнику, выбранному королевскими офицерами из лучших стрелков. Полагалось отобрать самых искусных и оснастить их шлемом, мечом, кинжалом и бригадиной. Каждый выходной и праздник стрелки были обязаны собираться и упражняться в использовании своего оружия, чтобы с течением времени все более искусно их использовать.

Лучников освобождали от всех обязанностей и налогов любого рода, когда им платили жалование, они получали четыре франка в месяц от своего прихода. Строго говоря, они не находились на постоянном довольствии, а представляли собой разновидность народной милиции. Людовик XI довел общую численность лучников до 16 тысяч человек.

Они делились на четыре корпуса по 4 тысячи человек в каждой, каждый корпус снова делился на восемь рот по 500 человек в каждой. Такая милиция состояла из хорошо обученных стрельбе лучников, но она не имела возможности добиваться согласованности и слаженности действий, достигаемых постоянными упражнениями, что и выявлялось, когда их собирали вместе для военной кампании.

Таким образом, в значительной степени снижалась эффективность французской пехоты. Поэтому и случилось, что во многом благодаря отмеченному фактору королю пришлось обеспечивать себя пехотой из иностранных наемников. Людовик XI обыкновенно нанимал швейцарцев, обычай этот существовал во Франции вплоть до революции. Одно время на жалование находилось около 10 тысяч швейцарских пехотинцев, а также много немецких ландскнехтов.

К тому времени кавалерия перестала выстраиваться в одну линию для сражения. Такой обычай существовал при феодальной системе и в век рыцарства. Вскоре лучников стали смешивать с конными латниками, после этого они начали организовываться в эскадроны, выстраивавшиеся в три ряда, каждого тяжеловооруженного конника сопровождали два лучника.

Точное время введения всех этих перемен установить невозможно. Лану пишет, что французские жандармы сражались до правления Генриха II, строясь в одну линию. Полагают, что построение кавалерии по эскадронам прекрасно осознал Карл Храбрый Бургундский и именно так он организовал свою армию. Он опубликовал книгу о военном устройстве, что-то вроде устава, которому и должны были следовать его войска. Это первая

книга по военной тактике и организации боевой учебы во времена возрождения военного искусства, а по сути – первый в истории военный устав.

Все же об эволюции в кавалерии не приходится говорить до 1473 года, поскольку кавалерийская служба не достигла той степени совершенствования, когда монарх мог эффективно контролировать свою знать и побуждать ее подчиняться дисциплине.

Часть третья. От изобретения огнестрельного оружия до Фридриха II Великого

Глава 8. Появление огнестрельного оружия

В середине XV века военное искусство находилось в переходном состоянии, но различные влияния уже начали воздействовать на него таким образом, что со временем произошла полная революция в методах ведения военных действий, подготовившая почву для используемой сегодня системы.

Английская пехота и швейцарские копейщики (и алебардисты) нанесли серьезный удар кавалерии, но потребовалось введение метательных снарядов значительной силы, способных пробить массивные доспехи тяжеловооруженных всадников, лишив их особого авторитета и выведя на один уровень с другими войсками.

Все же перемены были весьма существенные, хотя и происходили достаточно медленно, поскольку потребовалось много лет, пока огнестрельное оружие настолько усовершенствовалось, что оказалось гораздо эффективнее прежнего, также постоянно улучшавшегося. Соответственно и оказалось, что в течение весьма длительного периода в большинстве армий оба типа поражающих орудий использовались одновременно.

Тяжелые пушки впервые упоминаются в 1301 году, когда в городе Амберге в Германии создали огромное орудие. Гент получил их в 1313 году, Флоренция в 1325, германские рыцари – в 1328-м, французы в 1338-м при осаде Плуи-Гийома, Эдуард II использовал пушки при осаде Камбре в 1339-м и в битве при Креси в 1346 году. В Швейцарии отливка пушек началась относительно поздно. Первую пушку в Базеле изготовили в 1371 году, в Берне – в 1413 году. В России пушки стали использовать в 1389 году, табориты применяли пушки в 1434 году.

Похоже, что ручное огнестрельное оружие появилось еще позднее, оно впервые упоминается у фламандцев примерно в середине XIV века. В 1364 году оно появилось в Перудже, в Падуе – в 1386-м, в Швейцарии – в 1392 году. Их также использовали в 1382 году в битве при Розебеке и при осаде Тракая в Литве в 1383 году.

Оружие постоянно совершенствовалось, и наконец в 1420 году, при осаде Бонифачо на Корсике, свинцовые пули, выпущенные из небольшой ручной бомбарды, пробивали самые прочные доспехи.

Встречается множество различных видов ручного огнестрельного оружия. Первым оказалось неуклюжее устройство из железа, прикреплявшееся к грубому куску дерева. Из него стреляли, поднося горящий запальный фитиль к затравке, находившейся сверху. Обычно такое оружие обслуживали два человека. Небольшие ручные бомбарды подобного типа использовала и кавалерия, они назывались петринали или петронеллы, потому что при выстреле их прикладывали к груди поверх кирасы. Затем улучшилась конструкция ложи, которая стала более удобной и допускала стрельбу с плеча, тогда запальное отверстие стало размещаться справа.

Множество улучшений произвели в приспособлениях для воспламенения зарядного устройства. Запальный фитиль сначала прикреплялся к змеевику или небольшому фитильному пальнику. Затем пальник снабжался курком без пружины. Примерно в последней половине XV века изобрели аркебузу, снабдив ее пальником со спусковым

крючком и пружиной. Она оказалась действительно хорошим оружием, став прототипом ружей наших дней. Следующим стал колесцовый замок, изобретенный в 1515 году в Нюрнберге, однако он не полностью заменил фитильный, остававшийся более простым и надежным и не так часто отказывавшийся.

Нарезной ствол изобрели в Германии, одни полагают, что в Лейпциге в 1498 году, другие – что в Вене. Пулю вгоняли в ствол с помощью молотка. Однако данное оружие не использовали с военными целями в связи с тем, что его было трудно заряжать, на что уходило время. Только после американской революции во Франции в 1793 году приняли подобное оружие, ставшее известным как версальский карабин.

Следующим изобретением в области затвора стало появление снапхонца (snaphaunce), предшественника кремневого ружейного замка. Впервые о нем упоминается в 1588 году. Предполагают, что кремневый замок изобрели во Франции примерно в 1640 году, а вскоре после этого Вобан ввел во французской армии штык с байонетом. Однако старые фитильные ружья полностью не отменили, они продолжали использоваться вплоть до 1700 года.

Герцог Леопольд Анхальт-Дессаусский в 1698 году ввел в прусской пехоте железный шомпол. В Испании в 1569 году впервые начали использовать патроны (во Франции не ранее 1644 г.). В 1630 году шведский король Густав II Адольф изобрел патронташ. В 1807 году шотландский оружейник Форсайт изобрел ружейный патрон с ударным капсюлем.

Огнестрельное оружие, заряжавшееся с казенной части, начинает упоминаться с конца XV – начала XVI века. Оно считается немецким изобретением. Маршал Мориц Саксонский придумал оружие, заряжающееся с казенной части, и вооружил им полк улан. Оно не очень хорошо действовало, возможно, отчасти из-за дефектов в производстве. Магазинное оружие и револьверы также изобрели давно, но револьверы практически не использовали, пока Кольт не придумал свою систему, она является самой лучшей и используется чаще других.

В этой главе мы привели краткий очерк и даты основных изменений в различных видах огнестрельного оружия, чтобы сделать этот обзор началом рассуждений о том огромном влиянии, которое изобретение пороха оказало на кавалерию.

Глава 9. Огнестрельное оружие в коннице

Ничто, вероятно, не дает лучшее представление об устройстве и снаряжении армий в последней части XV века, чем подробности, приведенные историком Павлом Иовием Новокомским по поводу вступления Карла VIII, короля Французского, в Рим в 1494 году вместе с прекрасной армией, очевидно хорошо организованной и вооруженной, превосходящей другие армии того времени. Он замечает, что Карл завоевал Италию «росчерком пера», что означает буквально, что тому только оставалось намечать казармы, выдавать ордера на постой и двигаться дальше.

Павел Новокомский начинает с утверждения (достойного внимания своей оригинальностью), что различные корпуса кавалерии и пехоты отчетливо различались и выполняли разные задачи. Первые батальоны представляли собой швейцарскую и немецкую наемную пехоту, маршировавшую под звуки музыки. Историки высоко оценивали их выправку и невероятную четкость передвижения под собственными знаменами. Оружие их состояло из коротких мечей, а также пик длиной 3 метра с железными наконечниками. Примерно четверть пехоты несли алебарды с тяжелыми секирами. Сотня из каждой тысячи была вооружена эскапеттами, разновидностью аркебузы.

Все детали интересны, они показывают начало организации системы, где в одном полку смешивались пикинеры и мушкетеры. В течение многих лет такая система сохранялась в большинстве армий Европы.

За этой пехотой шли 5 тысяч гасконцев, почти все они были пращниками или арбалетчиками, представляя собой легкие иррегулярные войска, отличавшиеся высокой степенью обученности в метании дротиков, камней или стрел.

Затем шла кавалерия, армия, мобилизованная из французской знати. Ее превосходство

в структуре кавалерии являлось естественным результатом существования рыцарства, основывалось на обычаях и традициях, являлось общепринятым. Даже спустя двести лет после описываемых событий, во времена Людовика XIII, пехоту наказывали палками, что совершенно запрещалось в кавалерии, где использовали только сабли, поскольку, согласно правилам, кавалерия состояла почти исключительно из представителей дворянства.

Кавалерия была великолепно экипирована тяжелыми латами, поверх них носила шелковые плащи, цепи и браслеты из золота. Их лошади отличались статью, хвосты и уши обрезались. Вооружение пытались немного облегчить, прекратив использовать кожаное защитное снаряжение для лошади, в отличие от итальянских тяжеловооруженных конников. Конница состояла из копейщиков и стрелков, или легких всадников. Копья были сделаны из твердого дерева с хорошими металлическими наконечниками; кроме них всадники имели еще палицы.

Тяжеловооруженные конники, их пажы и оруженосцы выстраивались вместе, составляя тяжелую кавалерию. В то же время конные лучники выделялись в отдельные отряды легкой кавалерии, но все же оставались связанными с рыцарями выполнением общих задач. Их вооружали большими луками, подобными тем, что использовались англичанами, они стреляли длинными стрелами. Защитное вооружение лучников состояло всего лишь из нагрудника и шлема. У некоторых были копья, которыми они убивали тяжеловооруженных конников, если тех удавалось сбросить с коней.

Четыреста отобранных конных лучников из гвардии окружали короля, его сопровождали двести французских представителей знати в прекрасном тяжелом защитном вооружении и несущих тяжелые булавы.

Артиллерия этой армии считалась лучшей, таких еще не было в Европе. Мезере пишет, что она насчитывала 140 тяжелых пушек и большое количество легких орудий. Они перевозились на повозках лошадьми, имели специально обученную искусную прислугу.

Общепринято считать, что превосходящая мощь артиллерии в его армии позволила Карлу VIII пересечь Италию, почти не встретив сопротивления, поскольку итальянцы имели посредственную артиллерию, перевозившуюся быками.

Вскоре после этой эпохи появился труд Макиавелли «Трактат по поводу искусства ведения войны», весьма четко показывающий его принципы ведения военных действий и содержащий ясное и корректное обоснование необходимых реформ.

Макиавелли писал в самый интересный период, как раз когда военные институты Средних веков начали отступать перед улучшениями и переменами, связанными с введением нового оружия, которые и привели к современной системе ведения войн. Следовательно, его точка зрения представляет особый интерес для военного историка и отражает идеи переходного периода.

Он серьезно оспаривает систему вербовки наемных войск, советует обучать граждан использовать оружие и побуждать их становиться на защиту государства. Макиавелли считает, что лучшие воины Греции и Рима являлись также и лучшими гражданами.

Несмотря на предрассудки того времени о преобладании кавалерии, Макиавелли предвидел будущее влияние пехоты и не колеблясь утверждал, что пехота представляет собой главную реальную силу армий и наций. Макиавелли также пишет о том, что пехота его времени носила полукирасу или нагрудник, пику длиной 18 футов (около 5,5 м) и широкий меч. Немногие надевали полную кирасу, набедренник или рукавицы, еще меньшее количество использовали шлемы. Только некоторые имели алебарды. Лишь отдельные воины были вооружены мушкетами.

Свой трактат Макиавелли опубликовал в 1516 году, или спустя 22 года после того, как Карл VIII вторгся в Италию. Очевидно, что в то время уже существовал обычай перемешивания пикинеров, алебардистов и мушкетеров в одних и тех же полках, которые к тому времени вошли в обиход в Европе.

Такая система организации пехоты возникла в Германии и в Швейцарии, от швейцарцев она и стала распространяться. Стремясь отстоять независимость своей страны от

вторжения немецких князей, имевших мощную кавалерию, швейцарцы по недостатку средств не могли оснастить свою, но приложили все силы к развитию методов совершенствования пешего боя. Главным ее оружием они считали пику, с помощью которой, писал Макиавелли, научились не только отражать натиск конницы, но и часто разбивать ее и наносить поражение.

Немцы, скопировавшие эту методику у швейцарцев, возлагали особые надежды на эту разновидность пехоты, полагая, что 15 или 20 тысяч пикинеров способны разгромить любое количество конников. В том же трактате Макиавелли замечает, что встречается множество подобных примеров в то время, о котором он пишет. Кроме того, общее мнение об превосходстве (пикинеров), о множестве замечательных деяний, им приписываемых, оказало такое благоприятное впечатление на их восприятие, что со времен Карла VIII, его похода в Италию все другие нации выбрали то же самое оружие и методику ведения боя. Особенно испанцы, приобретшие особую репутацию по использованию такого войска.

Когда на земли Филиппа Висконти, герцога Миланского, вторглась армия из 18 тысяч швейцарцев, он отправил своего военачальника, графа Карминьола во главе 6 тысяч кавалерии и небольшого отряда пехоты противостоять им. Миланцы были разбиты, понеся большие потери. Явно способный военачальник Карминьола оценил преимущества пикинеров над всадниками, собрал свежее войско и снова напал на швейцарцев. На сей раз он заставил своих жандармов спешиться и вступить в бой, превратившись в пехоту. Они настолько хорошо сражались пешими, что эти хорошо вооруженные и свежие войска нанесли поражение легковооруженным швейцарцам. Потери их оказались огромными, 15 тысяч убили, оставшихся в живых захватили в плен.

Чтобы добиться неуязвимости, кавалерия конца XV и начала XVI века настолько перегружала себя защитным вооружением, что теряла всякую подвижность и практически не могла наносить быстрые удары по своим противникам. Макиавелли подчеркивает неудобства этой системы. Он пишет: «Я считаю, что сейчас мы больше не можем полагаться на кавалерию как главную силу, как делали в прошлые времена, поскольку последнее время она нередко терпит поражение от пехоты».

В связи со сказанным, чтобы поддержать свою точку зрения, он напоминает о бесполезности катафрактов в армии Тиграна во время битвы при Тигранакерте, где они настолько перегрузились защитным вооружением, что едва ли видели происходящее, а тем более не могли нанести вред противнику. Если они спешивались, то не в состоянии были подняться в седло, тем более действовать своим оружием, не будучи на коне. В своей «Истории Флоренции» Макиавелли приводит несколько примеров, показывая, что история повторяется и что тяжеловооруженные кавалеристы его времени, оказываясь на земле, часто утопали в грязи, потому что не могли подняться.

Затем он говорит о том, как следует использовать кавалерию, буквально замечая следующее: «Все же следует заручиться некоторой частью кавалерии, которая бы помогала и поддерживала пехоту, однако пехота должна быть основной силой в армии. Кавалерия должна разведывать, очищать дороги, производить набеги, разорять территорию врага, стремиться держать противника в постоянном напряжении, перехватывая его коммуникации. Однако во время полевых сражений, которые обычно решают судьбу нации и для чего, собственно говоря, армии и предназначены, лучше будет, если ее приспособить для преследования беспорядочно отступающего врага, чем для чего-либо другого».

Примечательно, что такой человек, как Макиавелли, политик и писатель, но вовсе не воин, обладал столь ясными представлениями по поводу искусства ведения войны. Причем в то время, когда о ее принципах практически ничего не было известно. Столь подробное цитирование его трудов объясняется тем, что перед нами первый исследователь, пишущий об искусстве войны современного ему времени, и его точка зрения представляет огромный интерес, указывая на рассвет на пороге обновления военного искусства.

Примерно в середине XVI века пехота явно стала занимать большее значение и начала соперничать с тяжеловооруженной кавалерией на поле боя. Это случилось по двум

причинам. Во-первых, огромный вес вооружения и, следовательно, неповоротливость тяжелых конников, препятствовавшие быстрым атакам и ограничивавшие их действия. Во-вторых, благодаря эффективности, лучшей организации и вооружению пехотинцев.

Применявшиеся пехотой для отражения натиска кавалерии пики были настолько длинными и крепкими, что, когда пехота стояла сомкнуто, кавалерия практически не могла прорвать ее ряды. Используемые пехотинцами аркебузы и мушкеты также позволяли причинять большой урон конникам, не подвергая себя серьезной опасности.

Даже если ряды пехоты были расстроены, алебардисты считались устрашающим противником, встречи с которым стремились избегать. Вскоре, по мере улучшения огнестрельного оружия, мушкетеры и аркебузеры могли поражать тяжеловооруженных конников, несмотря на их прочные доспехи. Произошел явный поворот, пехота обрела превосходство.

Все же прошло достаточно много времени, прежде чем огнестрельное оружие обрело такую силу, что гарантированно пробивало защитное вооружение. Пуля при точном прицеле пробивала тяжелые нагрудные доспехи только с близкого расстояния. Соответственно и защитное вооружение, которое усиливалось после введения пороха и огнестрельного оружия, в течение еще длительного времени защищало кавалерию, которая, почувствовав, что и ей необходимо овладеть самым опасным оружием из тех, что когда-либо применялись, сама начала использовать огнестрельное оружие.

Рыцари или другие тяжелые конники очень рано начали использовать петронели (от *фр.* *poitrail* – грудь), разновидность ручной бомбарды, названной так потому, что во время выстрела она упиралась в грудную кирасу. Они представляли собой короткие стволы с прямыми деревянными ложами, возгорание пороха производилось с помощью запального фитиля, подносимого к затравочному отверстию, находившемуся сверху. Дуло поддерживалось подставкой с вилкой или железным крюком (чаком), в качестве опоры использовалась седельная лука.

Вначале, до того, как огнестрельное оружие стало обладать достаточной силой, чтобы пробивать массивные нагрудники кавалерии, быстро перемещавшейся и стрелявшей из петронелей в пехоту, имевшую сравнительно легкие доспехи, конники получали некоторое преимущество над пехотинцами. Оставаясь неуязвимыми, они наносили потери противнику.

Защитное вооружение после введения огнестрельного оружия стало очень тяжелым, затем в середине XVI века было облегчено, но не надолго, и к концу этого столетия доспехи снова стали тяжелее, чем когда-либо до этого.

Постоянные улучшения в конструкции аркебуз вскоре потребовали увеличения прочности лат. Чтобы не увеличивать общий вес доспехов, убрали некоторые не столь необходимые части. Первые шаги в этом направлении, сделанные во второй половине XVI века, привели к исчезновению ножных лат и железных башмаков.

Позже исчезли юбки (набрюшники), наплечники. Вместо них использовались простые поножи и длинные тяжелые кожаные сапоги. Подобные изменения в вооружении продолжались длительное время, заняв почти столетие.

По мере того как совершенствовалось огнестрельное оружие, пехота меняла свое положение по отношению к кавалерии. Отчасти по этой причине, а возможно, и из-за трудности получения больших и мощных лошадей, требуемых для тяжелой конницы, копье как оружие перестало занимать свое прежнее доминирующее положение в кавалерии.

Чем больше изменений происходило в применении пороха для военных целей, тем сильнее, естественно, конники стремились использовать его и для своих собственных нужд. Результатом явилось быстрое распространение огнестрельного оружия в кавалерии по всей Европе.

За петронелями, о которых мы уже говорили, последовало несколько нововведений. Первым стал использоваться колесцовый замок, изобретенный в Нюрнберге в 1515 году. Вскоре он стал использоваться кавалерией, потому что с ним оказалось легче стрелять с лошади.

В начале XVI века появилось новое оружие, которое называли пистолетом, некоторые говорят, потому, что его впервые изготовили в Пистойе в Италии. Однако Деммин, которому вполне можно доверять, образует это название от *pistallo*, означающего лук седла⁵⁵. Полагают, что пистолеты ввели в Англии в 1521 году, во Франции примерно в 1531 году. Они стали использоваться французской пехотой при Черезоле в 1544 году, где их применяли под защитой пикинеров. Немецкая кавалерия впервые применила их в битве при Сен-Кантене в 1557 году.

Изобретение колесцового замка предоставило кавалерии огромные преимущества, снабдив ее оружием, легко перевозившимся на спине лошади и способным наносить смертельный удар. Пики и аркебузы пехоты, а также тяжеловесность конников, не способных передвигаться быстрее рыси, заставили кавалерию забыть, что ее главное преимущество состоит в быстроте удара и атаке на полном ходу. Это привело к тому, что конница стала использовать огнестрельное оружие против пехоты, точно так же вооруженной, – взаимно обстреливая друг друга.

Дух рыцарства был еще жив, и конница продолжала пользоваться особым расположением, хотя свернула на ложный путь и утратила свое первоначальное значение. Большинство, ложно применяясь к требованиям изменившихся условий, думало, что конница, чтобы противостоять смертоносному огню пехоты, должна отбросить конную атаку и полагаться на огнестрельное оружие, несмотря на то что последнее требует тщательного и спокойного прицеливания, что невыполнимо для всадника, и, кроме того, конница имеет невыгодные шансы в подобной борьбе с пехотой, поскольку благодаря своей массе представляет удобную цель для противника. Ослепление было так сильно, что даже против пехоты, стрелявшей на месте из лучшего оружия, предпочитали этот способ действия.

Похоже, что германские конники использовали пистолет весьма продуктивно. Они приняли систему построения эскадронов в несколько шеренг, иногда до шестнадцати шеренг в глубину. Их тактика ведения боя состояла в том, что они набрасывались на врага без всякой остановки, подойдя на расстояние стрельбы своих пистолетов, делали каждый два выстрела, затем передняя шеренга откатывался направо или налево, уступая место второй, начинавшей стрелять, пока первая шеренга отходила в тыл, выстраиваясь за последней, где перезаряжала свои пистолеты. Так поступала каждая шеренга по очереди.

Подобная система действовала прекрасно в течение некоторого времени и была сведена на нет благодаря французской кавалерии, которая начинала атаковать полным ходом неприятельских конников, которые действовали вышеописанным способом. Такая атака почти всегда заканчивалась опрокидыванием этих конников, зависевших почти исключительно от своих пистолетов.

Постепенно конники перестали использовать копье, отдав предпочтение применению пистолетам, за исключением небольших стычек. Традиционная тактика кавалерии лишилась своей притягательности и на какое-то время ее огромные возможности утратили или забыли. Уменьшение скорости движения до рыси и применение огнестрельного оружия вместо копий и сабель стали двумя основными причинами, послужившими причиной минимального использования кавалерии на войне в течение длительного времени.

Немецкие рейтары, легче вооруженные, чем тяжелая кавалерия, использовавшие более быстрых лошадей, мечи и пистолеты, часто именно благодаря своей быстроте разбивали французских жандармов. Они относились к типу современной кавалерии, однако слишком полагались на свое огнестрельное оружие, которое в то время никак не соответствовало конному рукопашному бою.

Немецкие рейтары первыми начали использовать глубокие построения в своих подразделениях, а во времена Франциска I такое построение переняли французы. Еще в

⁵⁵ Считается, что слово (*фр.* *pistolet*, *нем.* *Pistole*) пошло от чешского *pišt'ala* – дудка или ручное огнестрельное оружие. Этим словом стали называть такое оружие чехи во время Гуситских войн (1420—1430-е гг.), от чехов название перешло в другие языки.

правление императора Карла V вооруженная пистолетами немецкая кавалерия строилась по пятнадцать и шестнадцать шеренг в глубину, а французы использовали старые образования в одну шеренгу, как и в период рыцарства. Затем и французы приняли глубокое построение.

Лану пишет, что Карл V стал формировать кавалерию в виде эскадронов, вскоре этот обычай приняли по всей Европе, и он продолжает использоваться и сегодня. В своем сочинении об артиллерии Наполеон III замечает, что эскадронный строй был известен в Германии еще до правления Карла V, и он просто упорядочил то, что уже использовали.

Хотя Франциск I изменил глубину построения своих эскадронов, вскоре французские жандармы стали по-прежнему сражаться в одну линию, пока в 1557–1558 годах они не потерпели полное поражение от тяжеловооруженных испанских конных копейщиков во время сражений при Сен-Кантене и Гравелингене. В битве при Дре в 1562 году эскадроны германских рейтаров разбили французских жандармов, после чего последние были вынуждены оказаться от построения в один ряд, что казалось совершенно неприемлемым для французской знати, стремившейся сражаться только в первой шеренге.

До использования эскадронов все жандармы, как и легкая кавалерия, строились шеренгами, однако с интервалом примерно одна от другой в сорок шагов. Подобное построение было удобно тем, что позволяло постоянно вводить в действие свежие силы. Легкая кавалерия приняла глубокое построение намного раньше тяжелой.

В правление французского короля Генриха II (р. 1519, правил в 1547–1559 гг.) были созданы тяжелые эскадроны по четыре сотни человек каждый, десять шеренг в глубину и сорок человек по фронту. Вскоре их уменьшили до двухсот, сохранив ту же глубину. Затем при Генрихе IV глубину уменьшили до шести шеренг, и примерно в 1633 году эскадроны были сведены в полки, строившиеся в четыре или три шеренги.

Как пишет Мельцо, в начале XVI века существовал обычай строить конных аркебузеров впереди копейщиков. Они стреляли во врага и, когда его строй таким огнем расстраивался или же враг приближался слишком близко, отступали через интервалы во второй линии или уходили на фланги. Таким образом, они освобождали поле боя для атаки копейщиков. За копейщиками для их поддержки строилась линия кирасиров, которые преследовали спасавшегося бегством неприятеля в случае победы. За кирасирами снова располагалась другая линия аркебузеров.

Вскоре за этим перемешиванием конницы возник порядок перемешивания конницы и пехоты с мушкетами. Поскольку к тому времени конники во время атак перешли на рысь, предполагалось, что мушкетеры последуют за ними и их огонь разобьет ряды врага. Так и случилось, однако, как и многие другие компромиссы, все это ослабило мощь кавалерии, которая только тогда достигала своей максимальной мощи, когда обрушивалась на противника на полном скаку. Подобного результата нельзя было добиться объединением сил пехоты и конницы, поскольку быстрота последней еще больше снижалась, а стойкость и сила огня приданной пехотной части также терялись.

Рассмотренные факты позволяют показать, насколько военачальники того времени не понимали истинное значение и возможности применения кавалерии, просто извлекая выгоды из изобретения огнестрельного оружия, которое полностью изменило тактику боя.

Во время битвы при Павии в 1525 году маркиз Пескара впервые применил смешивание пехоты с кавалерией. Франциск I совершил огромную ошибку, направив своих тяжеловооруженных всадников в гущу имперской армии в то время, когда его артиллерия имела преимущество и могла рассеять ряды имперцев. Он же повел своих конников в атаку и тотчас был накрыт ружейным огнем.

Пескара выдвинул вперед 1500 баскских мушкетеров, нанятых им в качестве стрелков, и они, выстроившись в цепь, открыли сильный и убийственный огонь по французским жандармам. Конники понесли тяжелые потери, поскольку не могли ни напасть на этих мушкетеров (они прятались за деревьями), ни защититься от этого огня. Французский король приказал, чтобы его люди разомкнулись, уменьшив смертельный эффект от пуль, но все попытки оказались тщетными. Воспользовавшись этим, неприятельская пехота проникла в

ряды французов и перебила множество людей. В результате не только сам король, но и многие его военачальники оказались захваченными в плен. Столь решительную победу конечно же приписали впервые примененному здесь смешению пехоты и кавалерии. В результате понимание случившегося стало повсеместным, и со временем данную практику смешения приняли в большинстве армий.

В описаниях многих битв последующего времени мы постоянно читаем о случаях использования в кавалерии огнестрельного оружия, о размещении подразделений аркебузеров (мушкетеров) в промежутках между эскадронами всадников.

Так в описании битвы при Дре 1562 года находим упоминания об эскадронах жандармов и легкой пехоты, размещенных в промежутках между батальонами кавалерии. В битве при Сен-Дени в 1567 году протестантские аркебузеры (мушкетеры) сдерживали наступление своим огнем, пока кавалерия не подошла на пятьдесят шагов, тогда они с огромным успехом дали залп и нанесли смертельный удар. План, разработанный Колиньи, прекрасно сработал и помог ему обеспечить благополучное отступление армии.

Битва при Монконтуре в 1569 году ярко демонстрирует различие в тактике ведения военных действий в тот период. Тогда немецкая и швейцарская пехота использовала только пики. Французская же пехота в основном была вооружена аркебузами, хотя некоторые несли алебарды, и лишь немногие были вооружены пиками.

Французская же кавалерия полагалась в основном на свои пики, в то время как немецкие рейтары полагались на свои пистолеты и сражались, как уже говорилось, в глубоком построении, последовательно стреляя, как уже было описано. Протестантский военачальник Колиньи соединил вместе французские и немецкие эскадроны кавалерии, чтобы пока одни действовали пиками, другие – пистолетами, благодаря чему они могли совместно поддерживать друг друга и таким образом использовать преимущества как огнестрельного оружия, так и пик.

Кроме того, он придал коннице пеших аркебузеров, которые должны были действовать перед ее фронтом в рассыпном строю.

В бою королевским жандармам удалось благодаря большому росту и скорости своих лошадей опрокинуть протестантскую конницу, бывшую на более легких конях. Тогда Колиньи приказал трем полкам французских аркебузеров открыть огонь по неприятелю, целясь только в лошадей, и пустил в атаку шесть корнетов немецких рейтаров. Он, вероятно, одержал бы победу, но в решительную минуту появился маршал Коссе, который ввел в дело бывшую до сих пор в резерве швейцарскую пехоту.

В битве при Куртра, состоявшейся 20 октября 1587 года, Генрих Наваррский (король Наварры, будущий король Франции Генрих IV) применил новый способ построения войск, также основанный на преобладающей в то время идее. Он поставил свою пехоту на флангах, а кавалерию в центре, разместив пеших аркебузеров (мушкетеров) в промежутках между эскадронами. Каждая такая группа состояла из двадцати человек, они располагались в четыре шеренги, по пять человек в каждой.

Первая шеренга ложилась, вторая – становилась на одно колено, третья немного наклонялась, четвертая стояла во весь рост, так что все они могли стрелять одновременно. Но им приказали не стрелять, пока кавалерия врага не приблизится на 20 сажень (менее 50 м), так чтобы цель оказывалась прямо перед ними и промахов быть не могло. Солдат этих подразделений отбирали, учитывая храбрость и стойкость, особое значение придавали спокойствию и силе духа.

Королевская конница начала атаку с расстояния в 800 метров и, прежде чем подошла на близкое расстояние, уже понесла значительные потери. Король Генрих Наваррский подождал, пока они не подошли на 20 сажень, и пехота выстрелила залпом, затем кавалерия Генриха обрушилась на ошеломленных конников противника и обратила их в беспорядочное бегство.

Интересное происшествие, связанное с кавалерией, произошло в битве при Мооке в Голландии, 14 апреля 1574 года между голландскими войсками под руководством графа

Людовика Нассауского и испанской армией, возглавляемой Авилай. Испанская кавалерия поставила конных аркебузеров на переднем ряду, а копейщиков и немецких черных рейтаров в тылу. Граф Нассауский набросился вместе со своей кавалерией на вражескую конницу, вскоре обратил аркебузеров в бегство, посеяв смятение в их рядах.

Когда же его люди, перестроившись во время атаки направо и налево, остановились, чтобы перезарядить свои карабины, на них тотчас же обрушились в стремительной атаке конные испанские копейщики и кирасиры, остававшиеся в тылу. Атака произошла на большой скорости и в подобающий момент. После короткого боя карабинеров графа Нассауского разбили, вызвав большие потери в их рядах, и исход битвы был решен в пользу испанцев.

Глава 10. Европейская конница в XVI столетии

Организация разных ее видов

В предыдущей главе мы показали развивающуюся тенденцию в опоре кавалерии на огнестрельное оружие в ущерб холодному. Следствием стала особая организация кавалерии, основанная на представлении о преобладании в бою аркебуз, пистолетов и карабинов.

В течение длительного времени кавалерия делилась на два вида – тяжеловооруженных конников и легкую кавалерию (стрелков, лучников). Однако по своей организации они оставались единым целым в течение многих лет, лучники просто следовали за жандармами и служили вспомогательной силой, входя в состав копий. При Карле VIII они вошли в Рим в 1494 году, и здесь мы впервые отмечаем выделение легких конников в особые части с целью выполнения тактических задач.

Аргулеты. Считается, что Людовик XII учредил корпус особой легкой кавалерии, названной аргулетами. Они сражались в рассыпном строю и должны были завязывать перестрелки перед основным сражением. Они имели легкую кирасу, голову защищал шлем-кабассет. Аргулеты были вооружены мечами, булавами и арбалетами. Впоследствии они получили аркебузы с колесцовым замком, именно они и стали их первыми использовать. Аркебузу перевозили в чехле из жесткой кожи, прикрепленном к седлу.

В 1499 году во французской армии насчитывалось 2 тысячи аргулетов. Их обучали по образцу легкой кавалерии армии венецианцев. Другой разновидностью легкой кавалерии была албанская конница, немного отличавшаяся от аргулетов.

На самом деле аргулеты обозначали особый тип кавалерии, а албанская конница именовалась по месту набора всадников. Именно поэтому военные историки нередко употребляют названия «албанцы», «страдиоты», «аргулеты» как синонимы.

В 1496 году Карл VIII нанял 8 тысяч албанцев. Вскоре после этого Людовик XIII назначил генерал-полковника, чтобы тот ими командовал, и они стали ядром и основанием французской легкой кавалерии, сохранившись во французской армии вплоть до правления Генриха III, когда их эскадрон участвовал в битве при Куртра под командованием маркиза де Жуайеза.

Албанцы были сформированы в роты по 300 или 400 человек, все относились к наемным войскам, сами снаряжали своих лошадей. Иногда они одевались в соответствии с турецким обычаем, только не носили тюрбаны, сражались пешими или конными. Их отличительным оружием считался арцегай, разновидность короткого копья, с которым они весьма искусно управлялись. С обеих сторон у него имелись железные наконечники.

Женетеры, или гинеты. Войска данного типа использовались во многих европейских странах того времени. В испанских войсках они известны под именем гинеты, от испанского слова «гинета» – короткое копье. Они сохраняли обычаи и манеру ведения боя сарацин или мавров. Женетеры составляли легкую кавалерию испанской армии, аналогичную современным гусарам. Как и французская албанская кавалерия, они одевались на турецкий манер, использовали арцегай и, кроме того, небольшие круглые щиты. Ездили они на хорошо

сложенных лошадях небольшого роста, называвшихся на французском и английском женетами, по имени войск, где они впервые стали использоваться. На них ездили, используя короткие стремяна и мавританские удила.

Вскоре после того, как конники стали использовать огнестрельное оружие, аргулеты начали применять аркебузы, а затем и пистолеты. При Карле IX слово «аргулет» приобрело оскорбительный смысл, а после битвы при Дре в 1562 году они вообще перестали упоминаться. Во французской армии вместо них стали использовать карабинеров, и старое наименование вскоре забыли.

Еще одной разновидностью кавалерии были конные аркебузеры. Они считались национальным формированием французской армии. Вооруженные аркебузами, они использовались как стрелки в цепи или легкие войска для прикрытия флангов, помогая тяжелой кавалерии, вооруженной копьями. Они служили вместе с карабинерами и драгунами, отличаясь от них в основном тем, что набирались из иностранцев.

Карабинеры. Карабинеров впервые ввели во Франции во времена Генриха II. Они в основном состояли из гасконцев, басков и испанцев, использовали короткие аркебузы с колесцовым замком, пистолеты и, вероятно, мечи. Карабинеры заменили аргулетов и страдиотов, образовав в армии легкую кавалерию, полки которой впервые были сформированы в период правления Людовика XIII.

Драгуны. Примерно тогда же стали использоваться драгуны. Как отмечает отец Даниель, их созданием обязаны маршалу де Бриссаку, который впервые использовал их в Пьемонте. Дюпарк, напротив, приписывает введение драгунских частей Пьеру Строцци, который в 1543 году, то есть за семь лет до похода Бриссака в Пьемонт, посадил на лошадей пятьсот аркебузеров, чтобы сберечь их силы. Интересно, что при необходимости они должны были сражаться пешими.

Собственно, идея эта еще более ранняя. Еще Карл Смелый практиковал спешивание своих конных лучников, затем они спутывали своих лошадей и быстро перемещались в определенном порядке, сопровождаемые копейщиками (пикинерами). Выставив свое оружие перед собой, пикинеры наклонялись, давая возможность лучникам стрелять поверх их голов. Когда же с помощью града стрел противник приводился в беспорядок, пикинеры атаковали его.

Обычай сажать пехоту на круп лошади был хорошо известен задолго до этого периода и постоянно использовался в большинстве стран. Как уже упоминалось, Александр Великий в лице своих димахов имел части, аналогичные современным драгунам, причем они составляли значительную часть его кавалерии.

Все же французы, похоже, оказались первыми, кто возродил использование драгун, другие армии взяли с них пример.

Смерть Генриха II на турнире и последующее запрещение этих состязаний имело весьма серьезные последствия для использования копий в кавалерии. Трудности, связанные с получением лошадей, пригодных для их использования, соединялись с их огромным весом и продолжающимся улучшением огнестрельного оружия. Все это привело к полному отказу от копий (пик), так что кавалерия начала использовать исключительно огнестрельное оружие.

В 1550–1553 годах маршал де Бриссак неоднократно использовал группы аркебузеров, посаженных на лошадей, для быстроты перемещения на позиции, туда, где требовалось их присутствие и где они должны были спешиваться. Он стремился таким образом повысить мобильность некоторых соединений своей пехоты. Таковыми оказались истинное предназначение и предмет деятельности драгун. По-видимому, это стало первым примером систематического использования данной разновидности воинов в новейшее время. Впоследствии, при правлении Карла IX и Генриха III, драгуны сослужили добрую службу, равно как и при Генрихе IV.

В начале 1582 года Александр Фарнезе (герцог Пармский в 1586–1892), захотевший удивить герцога Алансонского, посадил несколько групп пехоты на спину лошадей и быстро переместил их в направлении неприятеля.

Сначала драгуны представляли собой просто посаженную на лошадей пехоту, лошадь использовалась исключительно для быстрого перемещения, сражение производилось в пешем строю. Постепенно все изменилось, ибо воинам вовсе не нравилось спешиваться, и спустя некоторое время подобная цель была и вовсе забыта, а бой велся на конях.

Кирасиры. Другая разновидность кавалерии, напоминала немецких рейтаров. Впервые их части были сформированы князем Морицем Оранским⁵⁶ в войне в Нидерландах. Он считался одним из самых способных военачальников своего времени и был одним из реформаторов военной науки. Во-первых, он не смог достать лошадей, пригодных для конных копейщиков. Кроме того, атака таких конников требовала открытой и ровной местности, а также твердого грунта, что в Нидерландах встречалось редко. Сочтя, что данный вид конницы бесполезен, он и перестал его использовать в своей армии.

Вместо него князь Мориц Оранский стал использовать возможности легковооруженных всадников, все же защищенных кирасами, вооруженных пистолетами на длинном ложе и мечами, равно пригодными для уколов и ударов. Когда атаковали испанские копейщики, Морис предписал своим всадникам стрелять залпом, а затем, быстро выдвигаясь из центра на фланги противника, атаковать их в рукопашном бою. Поскольку его конники были легче вооружены и способны к быстрому перемещению, такой маневр обычно удавался.

Описанная тактика была похожа на действия немецких рейтаров, обычно отступавших назад, чтобы перезарядить ружья после выстрела. Полагают, что Генрих IV выиграл битву при Иври в 1590 году благодаря рейтарам, которые, отступая после произведения своего огня, не обнаружили интервалы во второй линии, через которые могли отойти в тыл. Тогда они ринулись на тяжелых копейщиков, которых вел в атаку герцог Майенский, вызвали хаос в их рядах, лишив их атаку силы, отчего атака не удалась, и сражение выиграл Генрих IV.

Организованная Морицем Оранским кавалерия была названа кирасирами, от слова «кираса», и она сделала много для побед голландцев. Подобный род конницы появился с небольшими изменениями в большинстве армий Европы и сохранился вплоть до настоящего времени. Основную роль в их вооружении стало играть холодное оружие (обычно длинные палаши), пистолеты же сохранялись в качестве вспомогательного оружия.

В правление Генриха IV во Франции появилась практика прикрепления пятидесяти карабинеров к каждой роте легкой конницы, которые строились на левом фланге эскадрона и подчинялись его командиру, дававшему им сигнал к действию. Обычно они приближались на расстояние в 200 шагов к копейщикам или на 100 шагов к эскадрону кирасир, разряжали свои карабины в соответствующие ряды, а затем отступали шеренга за шеренгой в тыл эскадрона, к которому их прикрепляли.

Если карабинеры находились также в рядах противоположных армий, то они вели огневой бой в разомкнутом строю, уходя от кирасир, когда те шли в атаку. Фактически даже невозможно перечислить все различные комбинации, которые использовали время от времени для соединения различных родов конницы, методику использования их для взаимной поддержки и распределение оружия. Каждый год проявлялись варианты и новые идеи, в соответствии с указаниями различных военачальников и офицеров, командовавших армиями или войсками в различных странах. Поэтому здесь упомянем самые значительные и наиболее примечательные комбинации.

После эпохи Морица Оранского мы впервые встретили слово «корнет», используемое применительно к тактическому подразделению кавалерии. Численность корнета колебалась от 100 до 300 человек. В инструкциях Морица Оранского он говорит об одном корнете, включавшем 100 всадников, в другом месте – 140, в то время как Авила упоминает о герцоге Майенском, располагавшим корнетом в 300 кавалеристов в сражении при Иври. В течение

⁵⁶ Оранский дом выделился из графов Нассауских после получения небольшого княжества Оранж во Франции. Одновременно Мориц Оранский был графом Нассауским, а с 1585 по 1625 г. правителем (штатгальтером) независимых провинций Нидерландов.

какого-то времени численность кавалерии определялась числом корнетов вместо старой методики, когда счет велся по копьям.

Само название пошло от корнета или штандарта, который несло каждое такое подразделение. В записках Стова встречаем упоминание, как во время битвы при Цютфене в 1586 году храбро сражался сэр Уильям Рассел: «Вместе со своими корнетами он так яростно наступал, что сломал свое копье, взяв в руки топор, он стал походить на дьявола, заметив шесть или семь вражеских солдат вместе, он бросался на них и так действовал своим топором, что быстро их рассеивал».

По установлениям императора Карла V в корнете насчитывалось 60 тяжеловооруженных копейщиков, 120 кирасиров (или полукирасиров), носивших только нагрудные доспехи, 60 легких всадников, вооруженных длинными аркебузами. Они фактически составляли полк, состоявший из трех эскадронов разных видов кавалерии. Карл V имел в своей армии национальную легкую кавалерию женетеров испанского происхождения, о которой уже шла речь. В некотором роде они сходны с гусарами венгерских королей, став моделью для создания корпусов легкой кавалерии в других странах. Их также делили на эскадроны. Полки появились в Испании раньше, чем в других странах.

В Венгрии появились гусары, легкая кавалерия, обладавшая весьма примечательными особенностями. Сначала они представляли собой разновидность милиции, были учреждены примерно в середине XV века, согласно предписанию, что каждый двадцатый мужчина был обязан вступить в это ополчение. Всадников называли гусарами от венгерского huss, что означало двадцатый, и ag – «жалованье».

Отец Даниель описывает их вооружение, на основании его рассказа нам известно, что они использовали длинные прямые или изогнутые мечи, носили их на поясе. Некоторые из них применяли длинные прямые тонкие шпаги, предназначенные в основном для нанесения колющих ударов. В то время действия гусаров не носили постоянного характера, представляли собой в основном стычки, нападения на врага.

Гусары весьма искусно оснащали своих лошадей. Их седла изготавливались из очень легкого дерева, размещались на войлочных потниках. Сверху на седла клали шкуры животных шерстью наружу, покрывавшие pistols и потники. Лошадьми управляли уздечкой вместо удила, так что они могли пастись непрерывно, и их не распрягали. Войска эти особенно подходили для фуражировки, могли вести разведку и сторожевую службу.

Вплоть до настоящего времени с небольшими вариациями сохранились особенности их одежды и вооружения. Легкая кавалерия, вооруженная и одетая в соответствии с образцом венгерских гусар, была организована почти во всех европейских армиях, сохранившись до сих пор.

В тот период турецкая кавалерия пользовалась заслуженной репутацией, по сути оставаясь легкой кавалерией, полагавшейся в основном на изогнутую саблю или ятаган. Турки сражались в произвольном порядке, с небольшими непостоянными изменениями. Имели кирасы и шлемы, использовали луки, равно как и сабли. Турецкая кавалерия не выстраивалась в виде прямой линии, однако на протяжении многих веков сохраняла обычай отступать перед всякой организованной атакой, снова возвращаться, чтобы напасть на фланги, изматывать противника постоянными наскоками. В течение длительного времени признавались лучшей кавалерией в Европе. Турки привыкли при атаке строиться в форме клина, чтобы вонзаться в ряды врагов. Как только им удавалось сломать боевой порядок противника, они рассыпались и вступали в рукопашный бой, где умение владеть оружием и удивительная быстрота перемещения давала им преимущество.

Лошади турецких конников были небольшими, но резвыми и хорошо обученными. Кроме седла, все остальное снаряжение было легким. Пику турки использовали редко, потому что она не очень пригодна для рукопашной схватки. Турки не носили тяжелого защитного вооружения, в результате на своих резвых лошадях демонстрировали удивительную подвижность в использовании своего оружия в рукопашной.

Именно проворство и превратило их в столь превосходную легкую кавалерию, но сделало неспособными выдержать натиск тяжеловооруженных всадников, если те атаковали сомкнутыми рядами и в надлежащем порядке.

Турецкая конница состояла из регулярной – спагов и иррегулярной разного рода. Спаги вооружались копьями, дротиками и саблями, у некоторых также были карабины, другие использовали луки и стрелы. Европейские турки стали применять огнестрельное оружие гораздо раньше, чем азиаты. После изобретения пистолетов они стали носить их как на седле, так и за поясом. Кольчуги или другие легкие доспехи в XVII веке встречались у турок часто. Перед собой, в тылу, на флангах своих позиций турки устанавливали множество аванпостов, действовавших безукоризненно.

29 августа 1526 года состоялась великая битва при Мохаче между турецким султаном Сулейманом I Кануни (Законодателем, в европейской литературе Великолепным) и венгерской армией короля Людовика (Лайоша) II Ягеллона. В основном это были действия кавалерии, которые представляют интерес как бой между тяжеловооруженными венграми (а также чехами и др.) и более легко вооруженными турками. Армия Сулеймана состояла из 200 тысяч человек, в то время как в распоряжении венгерского короля имелось менее 30 тысяч солдат, многие из них являлись тяжеловооруженными рыцарями и знатно, их мощной и стремительной атаке турецкие войска ничего не могли противопоставить.

Планы Сулеймана продемонстрировали его высокое полководческое искусство. Он построил свою армию в три линии, азиатские войска под руководством Ибрагима составили переднюю линию, европейские войска под управлением Хозрев-паши образовали вторую линию. В то же время сам султан лично вместе со своими янычарами или гвардией занял позицию в тылу, на возвышенности, в качестве резерва.

Первой линии было приказано расступиться перед атакой венгров и затем ударить им в тыл и фланги. Действительно, венгерская конница под командой епископа Томори произвела блестящую атаку, пролетев через первую турецкую линию, давшую ей место, и пошла дальше, но уже с сильно утомленными и запыхавшимися лошадьми, так что, дойдя до второй линии, должна была остановиться. В это время она была атакована с флангов и тыла первой линией турок и почти вся перебита. Тогда двинулся вперед сам король с храбрейшими рыцарями и тяжелой конницей. Прорвав под градом стрел обе турецкие линии, он уже подходил к холму, где стоял Сулейман с его 30 тысячами янычар, когда по нему открыли фланговый огонь расположенные здесь артиллерийские батареи, причинившие большие потери. Тем не менее венгры продолжали движение, взобрались на холм и атаковали самого султана. Большое число защищавших его слуг и евнухов было перебито, рыцари все приближались и уже направляли на него копья, когда подоспевший отряд янычар отбросил нападающих и выручил своего повелителя. Таким образом, венгры очутились в самой середине турецкого расположения и были окружены со всех сторон полчищами европейских и азиатских войск и янычар. Артиллерийский огонь вырывал целые ряды; легкие всадники рубили всех, кто пытался бежать, а немногие успевшие от них ускакать потонули с лошадьми в окружающих болотах. Так погиб и несчастный король Людовик II Ягеллон, и тело его так и не было найдено. Потери венгров были огромны.

Испанская конница в Мексике и Перу

Теперь мы обратимся от Востока к Западу и изложим вкратце действия Кортеса в Мексике, где небольшое число конников имело огромное влияние на исход войны. Подробности завоевания Мексики и военные услуги, оказанные при этом немногочисленными имевшимися у Кортеса всадниками, тем более интересны, что это один из немногих случаев, когда конница имела дело с войсками, составленными из людей, никогда перед тем не выдавшими всадников.

Мексиканцы (ацтеки) были достаточно опытны в военном деле: они имели прекрасно организованные и обученные войска; существовало даже учреждение, имевшее много

общего с европейским рыцарством. В этот орден зачисляли только в виде награды за выдающуюся храбрость, причем всякий зачислявшийся получал право носить особые украшения на своей одежде и вооружении.

Одевались их командиры великолепно. Главной защитой служила легкая туника из стеганого хлопка, настолько плотная, что защищала от легких метательных снарядов в войнах с другими индейцами. Вместо нее и иногда поверх нее состоятельные вожди носили латы, изготавливавшиеся из тонких пластинок золота или серебра, поверх них набрасывались плащи великолепной работы из перьев. Шлемы делались из дерева или серебра, фантастическим образом украшались яркими перьями, золотым орнаментом и драгоценными камнями. Воротники, браслеты и серьги изготавливались из того же роскошного материала, встречались часто.

Армия делилась на соединения по 8 тысяч человек, каждое и них – на роты из 300–400 воинов, каждая рота под своим собственным командованием. У каждой роты имелось свое собственное знамя, так же как и у каждой дивизии из 8 тысяч человек. Главнокомандующий всей армией имел собственный национальный штандарт, с золотой вышивкой и украшенный перьями, считавшийся гербом, символом государства.

Тактика мексиканцев была простой, но не примитивной. Они искусно устраивали засады, разного рода неожиданности и демонстрировали все виды партизанской войны. Во время сражений продвигались в удивительном порядке, распевая и выкрикивая боевые лозунги. Дисциплина была строгой, неподчинение приказам каралось смертью. В состав вооружения входили пращи, луки и стрелы, копья и дротики.

Вот с какой военной системой многочисленной, богатой и военизированной нации пришлось иметь дело испанскому гранду Кортесу, собравшемуся их завоевывать. В его распоряжении оказалась армия из 110 моряков, 533 солдат, включая 32 арбалетчика и 13 аркебузеров. Он был также обеспечен 10 тяжелыми орудиями, 5 фальконетами, запасами всего необходимого и 16 лошадьми, перевезенными с огромным трудом и с невероятными затратами. Вся эта незначительная сила оказалась в его распоряжении, когда он начал свою карьеру завоевателя, которая похожа на отрывок из экстравагантного романа, а не страницы подлинной истории.

Первая решающая битва состоялась при Табаско 25 марта 1519 года, когда вместе со своей небольшой армией Кортес одержал безусловную победу над индейской армией, состоявшей из 40 тысяч человек, выведенных в виде пяти дивизий численностью 8 тысяч каждая.

Кортес приказал своей пехоте, поддержанной артиллерийским огнем, атаковать противника с фронта, а сам обошел их и напал с тыла вместе с шестнадцатью конниками, образовывавшими его небольшой конный контингент. Атаку с фронта встретили храбро, битва продолжалась более часа, испанцев теснили огромные орды индейцев, толпившихся вокруг них.

Вскоре, однако, с тыла стали распространяться суматоха и смятение над линиями противника, над своими головами они увидели испанскую кавалерию, ее лошади рвались вперед и бросались туда, где ряды были неплотными, боевые лозунги звучали все громче и четче, мечи испанцев сверкали на утреннем солнце, когда их хозяева наносили сокрушительные удары направо и налево.

Неожиданная атака шестнадцати всадников фактически нанесла поражение армии 40 тысяч храбрых солдат, мужество которых до этого принесло некоторый успех. Неожиданность нападения с тыла, чудовищный вид всадников оказались настолько новыми и ужасающими, что породили панику, охватившую всех, когда и основная линия испанцев устремилась вперед. Индейцы бросили свое оружие и бежали с поля.

Любопытный факт подтвердил обычное объяснение происхождения истории о Кентавре. И эти несчастные индейцы, завидев конных воинов, поверили, что лошадь и их всадник являются одним и тем же существом. Естественно, что, увидев их, они страшно перепугались.

Следующее сражение состоялось с тласкаланцами, жителями небольшой республики, лежавшей между Мексикой и морем (Мексиканским заливом). Их военная система отчасти напоминала организацию ацтеков. Полагают, что среди них существовала разновидность феодального землевладения, равно как и нечто вроде рыцарского ордена, для вступления в который кандидат должен был простоять 50–60 дней в полном вооружении на страже в храме. Затем ему читалась серьезная проповедь о его новых обязанностях. После этого неофиту вручали его оружие. Во время сражений с этим народом небольшой отряд всадников в основном и содействовал успеху испанцев, особое влияние имели огнестрельное оружие, в том числе пушки. В сражении 5 сентября 1519 года тласкаланцы обладали большой силой, их армия вышла в пяти отрядах по 10 тысяч человек каждый.

Рядовые воины были почти обнажены. Они вооружались луками и стрелами, пращами и дротиками, весьма точно выпускали одновременно две или три стрелы. Самым опасным оружием считался дротик вместе с ремнем, позволявшим возвратить его обратно.

Главные вожди носили стеганные хлопковые доспехи, их вскоре переняли и испанцы. Они были примерно два дюйма толщиной и являлись приемлемой защитой против легких снарядов. Поверх них состоятельные командиры носили латы из золота и серебра. Дисциплина, храбрость и упорство небольшой группы Кортеса, поддерживаемые огнестрельным оружием, всадниками и артиллерией, обеспечили победу после отчаянного сражения.

Дальнейшие экспедиции Кортеса, не говоря о походах, совершенных впоследствии Писарро в Южной Америке, потребуют отдельного подробного описания. Но всегда конники играли самую значимую роль.

Глава 11. Конница в Тридцатилетней войне; Густав II Адольф, Тилли и Валленштейн

Густав II Адольф

Во время Тридцатилетней войны военное искусство прошло через несколько этапов развития. Главный из них связан с именем шведского короля Густава II Адольфа, являвшегося крупнейшей и центральной фигурой данной войны и самым известным реформатором военного дела в Новое время. Он совершил большие перемены в тактике и военном искусстве, чем любой командующий до или после него, и по праву считается создателем нового искусства ведения войны, сохранившегося в своих основных чертах до настоящего времени. Следовательно, его деятельность на европейской сцене составляет особую и значительную эпоху.

Густав II Адольф принадлежал к тому типу личностей, который редко появляется на страницах истории. Он был хорошо образован, тщательно изучил военные институты Античности, полностью осознавая те принципы, благодаря которым Александр, Ганнибал и Цезарь завоевали свою неувядаемую известность. Густав II Адольф оказался великим новатором военной системы своего времени, даже несмотря на то, что большинство его нововведений стали результатом здравого обращения к идеям древних полководцев и лишь некоторые из них действительно являются новациями в строгом смысле.

Густав II Адольф существенно улучшил дисциплину в армии, первым ввел порядок и послушание, оказавшиеся столь значимыми элементами успеха в военных операциях. Ему же принадлежит идея одевания своих солдат в униформу, в соответствии с теми подразделениями и частями, к которым они относились.

Вплоть до его времени солдат одевали в соответствии с личными прихотями их владельца, поэтому в армиях встречались любые разновидности одежды, а чаще всего они составлялись из оборванных и недисциплинированных наемников. Как заметил Тилли, отношение к солдату в то время отражала поговорка «оборванный солдат и блестящий

мушкет». Учитывая особенности европейского климата, одев своих солдат должным образом, Густав II Адольф сделал свою армию более боеспособной, а благодаря улучшению ее общего вида поднял воинский дух и престижность службы.

Обычно в то время пехоту строили побатальонно, на огромных площадях или в виде каре, центр состоял из одетых в кирасы копейщиков или пикинеров, спереди и на флангах их окружали мушкетеры. Такое построение стало естественным завершением системы объединения мушкетеров и пикинеров, о которой мы писали в последней главе.

Использование огнестрельного оружия стало настолько повсеместным, что на него во многом полагались как на решающее средство, определяющее исход битвы, ведь кавалерия, равно как и пехота, всецело от него зависела. Воспоминания о прежней мощи конницы, как и восполнение неудовлетворительного качества медленно заряжаемых мушкетов, воплотились в поддержке пехотинцев пикинерами. Защищенные нагрудниками, оберегавшими от револьверных выстрелов кавалерии, они создавали своими пиками непроходимый барьер для надвигавшихся всадников. Точно так же во время атаки, когда битва смыкалась до «удара пикой», с обеих сторон выдвигались вперед пикинеры и бросались в рукопашную.

Система эта походила на тяжелую и громоздкую фалангу греческих армий. Обладавший проницательным умом, что являлось его отличительным свойством, Густав II Адольф понял, что она была хорошо приспособлена к тому времени, когда не использовали дальнобойное метательное оружие, и совершенно не подходила к его времени, когда изобрели оружие огромной мощности, частично вытеснившее холодное. Залпы артиллерийских орудий, все чаще используемых на поле сражения, вызывали огромные потери пехоты, стоявшей в плотном глубоком построении. Все эти причины заставили шведского короля изменить традиционные приемы построения боевых порядков войск.

Вдохновленный военными принципами Античности, Густав II Адольф организовал свои войска исходя из модели римского легиона, однако вовсе не рабски ей подражая, но приспособлявая ее идеи к обстоятельствам своего времени и изменившимся условиям ведения военных действий.

Прежде всего Густав II Адольф уменьшил огромные воинские полки с 2–3 тысяч человек до 1200 и затем до 1 тысячи. Он больше полагался на свободу и скорость передвижений, чем на неуклюжие и неповоротливые построения войск. Затем Густав II Адольф уменьшил глубину построения пехоты с двенадцати до шести шеренг, разделил пикинеров и мушкетеров, разбив их на небольшие группы, более мобильные и лучше приспособленные к поддержке друг друга.

Уменьшив глубину рядов, он обеспечил большее протяжение фронта, усилив огонь мушкетеров, соответственно уменьшив разрушительное действие пушек. Дивизии строились так, что мушкетеры могли стрелять в промежутках между пикинерами, и снова отступали, как и римские велиты, через те же самые интервалы, когда пикинеры подходили на близкое расстояние к противнику. Пики укоротили с 18 до 14 футов (с 5,5 до 4,3 м), много лишнего в снаряжении и вооружении было отброшено.

Именно Густаву II Адольфу приписывают честь изобретения колонны, равно как и обычай передней шеренги становиться на колено во время огня, систему стрельбы залпами повзводно. Он ввел переносную артиллерию, использование бумажных патронов, а чтобы их переносить, снабдил своих солдат особыми сумками. Густав II Адольф изменил соотношение офицеров и рядовых, чтобы вся армия в целом и всякая ее часть оказалась под совершенным и эффективным командованием. Он облегчил и улучшил мушкет, окончательно отменив вилку.

Отметим и другой значительный принцип, который, как мы находим, впервые применил шведский король. Он состоял в сочетании и обоюдной поддержке трех родов войск своей армии, каждый функционировал самостоятельно, но и в соединении с другими. Густав II Адольф строил свои войска в две или три линии, выстроенные одна за другой или в шахматном порядке. Кавалерия становилась или позади пехоты для ее поддержки, или на флангах, тогда ее можно было использовать целиком и для самостоятельных действий.

Артиллерия распределялась по лучшим позициям по всему фронту, так что могла поддерживать и пехоту, и кавалерию.

Во время войны с Польшей (Речью Посполитой) Густав II Адольф облегчил мушкеты. Они были в основном с фитильными замками, кремневые замки тогда только начали входить в обиход и сначала были весьма неудобными по конструкции.

В то время мушкетеры часто носили остроконечные колья, называвшиеся «щетиной борова» или «шведскими перьями». Они наклонно вперед втыкались в землю в нескольких шагах перед линией пехоты и служили защитой против кавалерии, поскольку под их прикрытием мушкетеры вели огонь.

Как следует помнить, такое приспособление представляло собой просто обновленный вариант палисада, использованного английскими лучниками в 1415 году при Азенкуре. Подобные пики использовали в течение весьма короткого периода времени. Основным оружием мушкетера оставался меч, его единственным защитным вооружением шлем. Пикинеры использовали кирасы и набедренники, располагали также мечами или боевыми топорами.

Отражая натиск кавалерии, пикинер держал свою пику в наклонной позиции, воткнув ее конец в землю у своей правой ноги, в то время как в правой руке он держал свой боевой топор или меч. Любопытно также заметить, что еще в 1628 году в армии Густава II Адольфа имелось 3 тысячи лучников.

Во время войн с поляками в шведской армии существовал особый корпус лыжников, использовавшихся для ведения разведки и наблюдения, когда глубокий снег мешал регулярной пехоте. В этой же связи заметим, что войска британской армии, расквартированные в Нижней Канаде, всегда обучались перемещению на лыжах с тяжелым снаряжением.

Густав II Адольф также оказался великим преобразователем кавалерии, можно сказать, что он стал первым, кто оценил истинную пользу конных формирований в его время, их возможности в ходе военных действий. Его усовершенствования оказались весьма значительными, но они касались не столько оружия или снаряжения, сколько и в первую очередь тактических приемов использования конницы.

Когда он начал разбираться с тактикой кавалерии своего времени, та показалась ему неуклюжей и медлительной. Эскадроны были огромными, люди тяжело вооружены, перемещались медленно, полагались в основном на мушкеты и пистолеты. Быстрая конная атака была неизвестна. Густав II Адольф разделил кавалерию на полки из восьми рот по 70 человек в каждой. Следовательно, при полной укомплектованности численность такого полка составляла примерно 560 конников.

Полки строились в четыре, а затем и в три шеренги, уменьшившись по сравнению с массивными образованиями, существовавшими ранее. Вес снаряжения также существенно уменьшили: только тяжелой кавалерии оставили кирасы и шлемы, а легкая кавалерия вообще не имела защитного вооружения.

Густав II Адольф отменил караколь (поворот лошади кругом или на пол-оборота), не говоря о частичных остановках, обычно практиковавшихся в его время, чтобы вызвать на себя огонь противника перед тем, как близко подойти к нему. Он велел, чтобы его конница отважно наступала на врага, причем первая шеренга, дав залп из своих пистолетов, должна была, обнажив палаши, устремиться вперед на противника, вторая и третья шеренги обычно не стреляли, ожидая, пока не прорвут линию врага.

Именно благодаря рукопашному бою, в значении которого Густав II Адольф убедил свою кавалерию, шведская конница и стала столь известной. Король считал, что успех ее действий зависит от крепкого клинка, а также шока, вызываемого натиском скачущих во весь опор всадников. Поэтому и считается, что он стал первым, кто возродил идеи Александра и Ганнибала и внедрил в современную ему Европу принципы античной кавалерийской тактики.

Обычно пишут о том, что Густав II Адольф смешивал пехоту и кавалерию по подобию

древних римлян. Шиллер говорит о том, что он ради своих надобностей смешал пехоту с конницей, полагая, что такой подход часто предрешал победу. Похоже, что авторы не совсем понимали тактическое устройство шведской армии и полагали, что шведский король смешивал разные войска, в то время как он применял такое построение, которое позволяло обоим родам войск оказывать максимальную поддержку друг другу.

Густав II Адольф явно хотел, чтобы его кавалерия обладала большей свободой и подвижностью, полагаясь в основном на искусное владение оружием в рукопашном бою, что не согласуется с выводом о том, что он ограничил маневренность своей конницы, перемешав ее с пехотой.

В боевом порядке он чередовал свою конницу с пехотой и располагал артиллерию по всему фронту. Когда неприятель был потрясен пушечным и ружейным огнем, конница немедленно и с большим удобством атаковала его через интервалы в пехоте. Такой способ действий полностью отличается от принятого ранее, когда почти каждому всаднику придавался пехотинец и они не расставались ни во время движения, ни в бою.

Перед нами два различных вида тактики, согласно методике, использованной до времени смешения армий, войска двигались и взаимодействовали одновременно. Густав II Адольф же слишком хорошо понимал значение скорости и массы лошади, чтобы лишить конницу главного преимущества и превратить в средство поддержки малоподвижной пехоты.

В шведской армии кирасиры или тяжелая кавалерия вооружались шлемом и кирасой, длинным палахом и двумя пистолетами. Драгуны или линейная кавалерия носили шлемы, единственное средство защиты, имели также длинную фузею или легкий мушкет и шпагу. В это время их интенсивнее использовали как кавалерию, нежели как конную пехоту, каковой драгуны были первоначально.

У легкой кавалерии не было никакого защитного вооружения. Тяжелая конница обычно держалась в резерве. Третья шеренга обычно составляла резерв остальных двух. Как полагают, Густав II Адольф придавал кавалерийским полкам небольшие отряды легкой артиллерии.

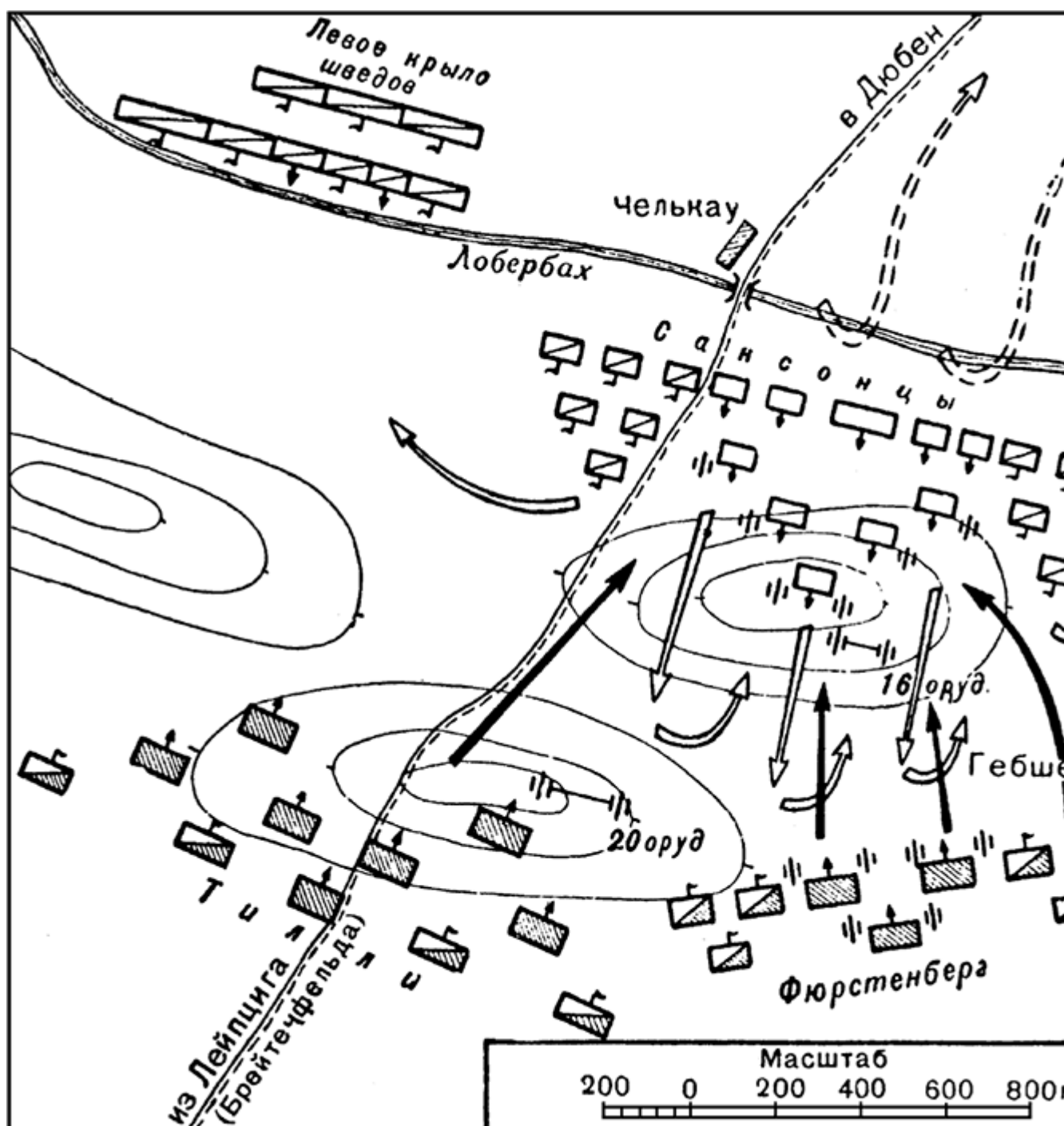
Кавалерия имперской армии, сражения при Брейтенфельде и Лютцене

Кавалерия в армиях Тилли и Валленштейна состояла из кирасиров, карабинеров, драгунов, гусаров и кроатов (выходцев из Хорватии). Все кирасиры имели тяжелое защитное вооружение, сидели на огромных и сильных строевых лошадях. Валленштейн строил их в десять шеренг в глубину, Тилли – в восемь. Они могли перемещаться только медленно, во многом завися от медленного заряжания своих ружей.

В большинстве случаев карабинеров использовали подобным же образом, они выезжали, стреляли из последовательно сменявшихся шеренг и тотчас отступали, чтобы перезарядить ружья. Используя длинные мушкеты драгуны иногда сражались пешими, но обычно поступали так же, как и тяжелая кавалерия. Легкую кавалерию выводили в мелких формированиях, у Валленштейна по шесть шеренг в глубину, у Тилли по пять.

Очень красиво одевались гусары, их униформа и снаряжение богато украшались. Самой важной частью легкой кавалерии в имперской армии были кроаты, иррегулярная конница огромной значимости. Они в основном использовались для неожиданных нападений на обозы и фуражировки, перерезания путей сообщения и организации засад. Они не подлежали, как другие войска, капитуляции и сдаче в плен, их обычно истребляли подобно варварам.

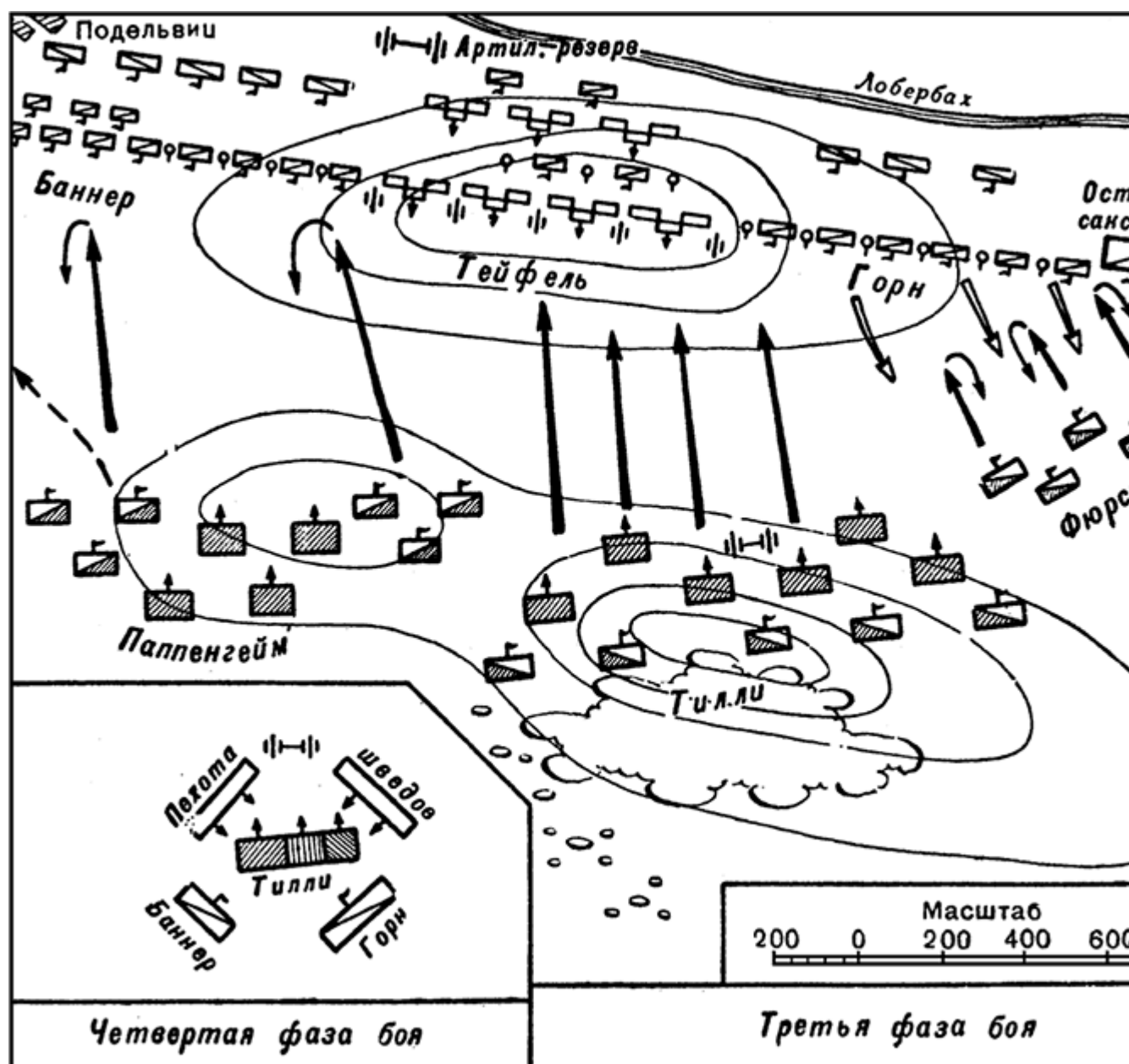
Нам доводилось читать об острой стычке при Бургау между 4 тысячами человек, в основном кроатами под предводительством полковника Спара, с отрядом шведской конницы под личным командованием Густава II Адольфа, когда имперскую кавалерию окружили шведские войска. Кроаты потерпели страшное поражение, что оказало деморализующее воздействие на этих иррегулярных всадников.

Первая и вторая фазы боя при Лейпциге (Брейтенфельде) в 1631 г.

Самые значительные битвы той войны состоялись при Брейтенфельде (или Лейпциге) в 1631 году и в Лютцене на следующий год. В обоих сражениях возрожденная кавалерия оказала значительное влияние на их исход.

При Брейтенфельде 17 сентября 1631 года имперская армия насчитывала 35 тысяч человек, занявших позицию на покатом участке среди равнины. Главнокомандующий Тилли расположился в центре, в то время как Фюрстенберг командовал правым флангом, а Паппенгейм, самый храбрый кавалерист-офицер в имперской армии, — левым. Армия была построена в одну линию большой глубины, кавалерия расположилась на флангах, артиллерия располагалась на холме позади их расположения.

Третья и четвертая фазы боя при Лейпциге (Брейтенфельде) в 1631 г.

Объединенная шведско-саксонская армия продвигалась двумя колоннами, им пришлось перейти через небольшую речку близ Подельвица. Битва началась с атаки 2 тысяч кирасиров, стремившихся сорвать переправу шведской армии, их вел горячий Паппенгейм, находившийся впереди. Паппенгейм атаковал три шотландских полка авангарда шведов, с помощью драгун натиск имперцев был отражен.

Паппенгейм снова собрал свои войска и атаковал фланг продвигавшихся шведов. Генерал Баннер тотчас направил головные части направо и сдерживал кавалерию противника, пока король развешивал армию в боевой порядок.

Отброшенные кирасиры так быстро отступили, что оставили полк голштинской пехоты, который был придан им в помощь, в одиночестве на равнине, где он и подвергся нападению преследовавших кирасиров шведских всадников. Тактика пехоты оказалась ошибочной. Она построилась в каре, по какой-то недалекости или ошибочности в центре находились пикинеры, окруженные мушкетерами, которые были быстро смяты и перебиты финской конницей. Хотя пикинеры смогли защитить себя в борьбе с всадниками, они сразу же подверглись нападению двух рот шведских мушкетеров и были разбиты наголову, их полковника, герцога Голштинского, убили.

Шведская королевская армия численностью в 20 тысяч человек предопределила тогда ход дальнейших боевых действий, вдохновленная результатом начальной фазы сражения. Она построилась в две линии, имея резерв. Густав II Адольф командовал правым флангом, генерал Горн – левым и Тейфель – центром.

Полагают, что в своем распоряжении шведский король имел артиллерийский резерв, впервые применив его в истории. Основное действие началось с отчаянного кавалерийского сражения, состоявшегося на правом фланге от армии шведов, где Густав II Адольф и Паппенгейм во главе соперничающих масс всадников бешено устремились друг на друга. После яростной рукопашной схватки Паппенгейм и его тяжелые кирасиры были обращены в бегство. Продолжая их преследовать, Густав захватил имперскую артиллерию и направил ее огонь на густые массы имперской пехоты, находившейся в центре армии Тилли.

Между тем Фюрстенберг во главе имперского правого крыла нанес поражение саксонским союзникам, которые составляли левый фланг шведов, и, совершенно разбив, обратил их в бегство. Тилли не смог помешать своим войскам преследовать саксонцев, и, воспользовавшись их отсутствием, Густав II Адольф атаковал не прикрытый с фланга центр имперцев и разбил его.

Тем временем Фюрстенберг собрал свои победоносные войска и вернулся вместе с 8 тысячами воинов, чтобы атаковать левый фланг шведов. Вторая линия шведов выдвинулась, чтобы поддержать фланг, и передвинула резерв. К тому времени день склонялся к вечеру.

Имперский центр был разбит, левое крыло армии Тилли изгнано с поля, и сражение почти проиграно. Бой храбро продолжала имперская кавалерия. Четыре роты кирасир в кризисный момент бросились на шведскую пехоту (пикинеров), пытаясь смести ее ряды, и почти дошли до ее пик, но все оказалось тщетным, а в шведском полку Лумдена несколько знамен были прострелены пистолетными пулями кирасиров.

Лютценское сражение 16 ноября 1632 г.

Шведы удвоили свой фронт, поставив три тыловые шеренги между тремя шеренгами на передней линии, так что пехота приняла построение глубиной в три шеренги. Первая шеренга стала на колено, вторая нагнулась, третья стояла прямо, они открыли убийственный огонь. В это время шведская кавалерия напала с флангов и тыла на ветеранов имперских войск, продолжавших сражаться. Бой закончился решительной победой шведов, потери в армии Тилли оказались огромными, как убитыми, так ранеными и пленными.

Знакомясь с подробностями этой битвы и сравнивая их с особенностями сражений при Павии, Мохаче, Монконтуре и Куртра, происходившими в предшествующий век, видишь, как изменилось военное искусство за столь короткий срок. В сражении при Брейтенфельде впервые применялись те же самые общие принципы, какие используются и в настоящее время. Ясно проявляется взаимодействие трех родов войск, отчетливо видно возрождение роли кавалерии, тактические маневры Густава II Адольфа на флангах превосходят все, что

происходило со времен Древнего Рима.

6 ноября 1632 года состоялась битва при Лютцене между Густавом II Адольфом и Валленштейном. Она сильно напоминает Брейтенфельд по принципам тактики, использовавшимся в обеих армиях. Вначале имперская армия состояла примерно из 17 тысяч человек, а после прибытия конницы, а затем пехоты Паппенгейма ее численность возросла до 27 тысяч солдат.

Армию построили в две линии, и она имела резерв. Валленштейн дополнительно усилил свою позицию: в стенках садов на правом фланге проделаны бойницы, канавы на большой дороге углублены. У бойниц и в канавах расположились мушкетеры.

Шведская армия силой в 20 тысяч человек была также построена в две линии; пехота – в шесть шеренг; конница, по некоторым источникам, – в три шеренги. Гарте отмечает, что в то время кавалерия обыкновенно строилась в четыре шеренги. Пехота стояла в центре, конница – на флангах; пехотный резерв полковника Гендерсона был расположен между обеими линиями; отдельный конный резерв под командованием полковника Эма – за центром.

Сражение началось с общей атаки шведов на позиции Валленштейна. Центральные бригады перешли дорогу и придорожную канаву и захватили размещавшиеся за ним батареи. Однако, оставшись без своевременной поддержки со стороны своей кавалерии, которая задержалась из-за характера местности, они были вынуждены отступить.

Храбрый шведский король, находившийся во главе кавалерии его правого фланга, стремительной атакой рассеял стоявших перед ним легковооруженных поляков и кроатов на левом фланге противника. Их беспорядочное бегство вызвало смятение среди остальной кавалерии.

В тот момент королю донесли об отражении атак его пехоты в центре, и он тотчас направился туда с полком кирасиров Стенбока на поддержку центра и левого фланга, испытывавших тяжелое давление. Он опередил своих сторонников и прибыл в решающий пункт, выехав вперед, стремясь разведать лучшее место для нападения. К сожалению, он продвинулся слишком близко к рядам противника и получил ранение в левую руку. Вскоре после того, как второй выстрел сбил Густава II Адольфа с лошади, вырвавшиеся вперед кроаты добились его (наскочив в тумане), когда король, раненный, лежал на земле.

Воспламенившись от гнева из-за потери своего горячо любимого монарха, шведы так яростно атаковали, что имперскую армию потеснили по всем пунктам, и победа была почти предрешена. Но в столь значимый кризисный момент на поле появился генерал Паппенгейм, блестящий конный офицер, нескгибаемый воин, находившийся на австрийской службе, вместе с кирасирами и драгунами.

Накануне вечером он прибыл со своим отрядом в Галле, находившийся на значительном расстоянии от поля битвы, когда получил депешу от Валленштейна поспешить со всеми своими силами на сцену боя. Он тотчас же вскочил в седло и во весь опор поскакал во главе своей кавалерии, велел своей пехоте и артиллерии как можно быстрее поспешить вслед за ним, чтобы они смогли собраться вместе.

Его прибытие на поле битвы тотчас изменило ход сражения. Паппенгейм собрал отступивших солдат и повел их вперед вместе со своими конниками. Его храбрость вела его в гущу шведских шеренг, его пример вдохновлял имперских солдат, которые шли вперед. Валленштейн быстро воспользовался благоприятным моментом, перестроил свои войска и снова повел их в наступление, шведы отошли с огромными потерями, захваченные ими пушки имперцы снова вернули.

Пикколомини и Терцки поддержали натиск Паппенгейма, разбив шведский полк, почти истребленный после отчаянного сражения с кирасирами Пикколомини. Этот доблестный лидер кавалерии атаковал семь раз, шесть раз его ранили, под ним пало семь лошадей, прежде чем его вынесли во время отступления с поля боя. Ранили и Валленштейна, в то время как Паппенгейм, единственный командир кавалерии в Германии, которого можно сравнить с Густавом II Адольфом, упокоил свой храбрый дух навсегда на том же самом поле,

что оказалось роковым для его великого противника.

После его смерти удача отвернулась от имперской армии. Как метеор пронесся Паппенгейм по полю сражения, указывая путь к победе. Когда же он пал, все выглядело так, будто солнце закатилось, и упавшие духом кирасиры бежали с поля битвы в полном отчаянии.

Снова отступая, шведы собрали остатки первой и второй линии в одну и осуществили последнюю отчаянную и успешную атаку уже вечером – это положило конец одной из самых безжалостных битв⁵⁷.

Роль кавалерии в этом сражении весьма значительна, это стало доказательством огромного значения реформ, разработанных и реализованных Густавом II Адольфом. Все же одна из основных причин, обусловивших успешные действия конницы, явно связана с необычайными качествами шведского короля как командующего кавалерией. Отвага Паппенгейма также во многом способствовала решительным операциям имперской конницы.

Насколько же битва при Лютцене отличается от сражения при Бувине с его гордым рыцарством и копейщиками-брабантцами графа Булонского! Как же она отличается от бескровных битв в Италии, где единственными погибшими были утонувшие в грязи во время неудачных маневров! Действительно, на полководцев повеяло новым духом, смелым и решительным!

После смерти короля командование принял герцог Бернгард Веймарский, и его решительные действия в кризисный момент навсегда внесли его имя в анналы истории. Когда некоторые заговорили об отступлении, разгневанный герцог ответил, что надо говорить о мести, а не отступлении. Затем он принял на себя командование и велел подполковнику полка Стенбока вести своих воинов вперед. Когда же тот заколебался, он тотчас был проткнут пылким Бернардом, который, встав во главе полка, провел победную атаку.

В то время были прекрасно организованы сторожевая и разведывательная службы. Разъезды постоянно отправлялись на дальние расстояния во всех направлениях. Когда армия противника была далеко, разъезды состояли из одного офицера и шести или семи солдат. Когда же противостоящие армии находились близко друг от друга, разъезды становились больше и многочисленнее, доходя до двадцати солдат под командой офицера. Информацию, кроме того, получали от шпионов, а также от пленных, которых всегда тщательно допрашивали; небольшие отряды кавалерии перехватывали неприятельских курьеров, доставлявших депеши, от них, конечно, получали самую ценную информацию.

Глава 12. Английская конница в войнах между Карлом I и парламентом

Гражданская война в Англии с 1642 по 1650 год породила нескольких весьма способных командиров кавалерии и искусно организованное применение конницы, что оказало значительное влияние на исход сражений. Великий командующий конницей и армией парламента Кромвель проявил такие же организаторские способности, как Густав II Адольф, он показал не меньшую храбрость в атаках, чем его противник, яростный принц Руперт. Именно проницательность Кромвеля вкупе со здравым смыслом и железной волей сделали его одним из самых великих правителей и военных деятелей из когда-либо живших.

В начале войны он был обычным дворянином-земле владельцем сорока четырех лет от роду без всякого военного образования или опыта. Он набрал конный полк, чтобы поставить его на службу парламенту. Вскоре это формирование прославилось во всей армии своей стойкостью и решительностью, а также выдающейся храбростью, и его воины получили из-

⁵⁷ Армия Валленштейна потеряла 6 тыс. убитыми и несколько тысяч пленными, шведы – 3 тыс. убитыми.

за носимых ими кирас прозвище «железнобокие». За три года Кромвель превратился в главнокомандующего армией, а за десять лет стал полновластным правителем Англии.

Принц Руперт смелостью не уступал Кромвелю, хотя ему и не хватало дальновидности и осторожности, требуемых от любого командующего, занимающего видное положение. Энергия этих двух командующих наложила свой отпечаток на особенности действий кавалерии во время войны, весьма отличные от тех, что предпринимались ранее. Броски и напор кавалерийских атак сделали их равными с подвигами конников Густава II Адольфа и Паппенгейма. Кавалерия состояла из кирасир, вооруженных пистолетами и шпагами, и драгун, которые пользовались мушкетами.

Первым боестолкновением стала стычка между небольшой группой кавалерии под командованием принца Руперта и группы конников парламента под предводительством полковника Сендиса. Увидев врага, выходящего из дефиле, принц Руперт во весь опор обрушился на них. Неожиданная атака принесла ему победу и оказала огромное моральное влияние на будущие действия, составив особую репутацию роялистским конникам, и лишь позже «железнобокие» смогли с трудом переломить ситуацию.

В битве при Эджхилле в 1642 году роялистская кавалерия на своем левом фланге нанесла поражение противостоящей коннице парламента, а затем преследовала беглецов настолько далеко, что, вернувшись, нашла центр королевской армии (пехота) сильно пострадавшим от пехоты парламента⁵⁸. Похоже, и здесь, и на протяжении всей войны Руперт не осознавал значения постоянной управляемости своей частью, ведь только удар всеми силами в решающий момент боя может доставить полную победу.

Исход сражений при Грентаме и Гейнсборо предопределила кавалерия. Во время первого действия противостоящие драгуны стреляли друг в друга примерно в течение получаса, когда Кромвель повел своих всадников вперед с обнаженной шпагой. Ошеломленные роялисты ожидали противника стоя на месте, в результате они были быстро обращены в беспорядочное бегство. Их преследовали в течение нескольких миль, и они понесли тяжелые потери.

Во время боя при Гейнсборо Кромвель, вступивший в схватку с передовым отрядом врага, выдворил его с вершины холма и неожиданно наткнулся на сильный конный отряд роялистов. Оставив отряд из трех эскадронов под предводительством майора Уэллея в резерве, Кромвель тотчас яростно обрушился на роялистов, его упорные конники настойчиво продвигались вслед за ним, вооруженные холодным оружием и пистолетами. Вскоре они нанесли поражение врагу и начали его яростно преследовать.

В это время резерв роялистов под предводительством генерала Кавендиша обрушился на них и обратил в бегство. Однако Кромвель, всегда быстро и точно оценивавший происходящее, двинул вперед все три эскадрона, остававшиеся в резерве под предводительством Уэллея, и атаковал конников Кавендиша с тыла, изгнав их с поля боя, при этом Кавендиш был убит.

Отметим и другое известное сражение, произошедшее при Марстон-Муре 2 июля 1644 года, исход которого также предрешила кавалерия. Армией короля (7 тыс. конницы, 11 тыс. пехоты и 25 орудий) командовали принц Руперт и маркиз Ньюкасл. Армию парламента (7 тыс. конницы, 20 тыс. пехоты, 50 орудий) вели граф Манчестер и Кромвель, они развернулись на восток, их противники – на запад. Битва началась с нападения левого крыла кавалерии под руководством Кромвеля на правый фланг кавалерии роялистов под руководством принца Руперта. Отчаянная битва разразилась между двумя прославленными военачальниками, и судьбу схватки решила обычная предосторожность Кромвеля, всегда державшего под рукой резерв. Свежие силы неожиданно напали на роялистов, занятых в рукопашной, повернули ход боя в нужную им сторону, закрепив победу в этой части поля сражения за войсками парламента, вынудив правый фланг королевских войск бежать в тыл

⁵⁸ А также парламентской конницы левого фланга.

их левого фланга.

Пока все это разворачивалось на одной части поля, на противоположном фланге сражающихся армий события развивались как раз наоборот. На левый фланг роялистов обрушился противник под командованием Томаса Ферфакса, сначала им удалось вызвать смятение в их рядах. Командовавший королевской конницей Лукас вскоре восстановил порядок в своих рядах и яростно набросился на кавалерию правого фланга армии парламента, разбил ее и также обратил в бегство.

В итоге обе армии сошлись в центре, причем так резко, что к вечеру каждый занял территорию, удерживаемую противником в начале действия. Решающая атака кавалерии Кромвеля, которую он удержал от преследования, наконец и решила судьбу дня, принесла восставшим ощутимую победу.

Сражение при Нейзби, состоявшееся 14 июня 1645 года, в некотором роде походило на то, что произошло при Марстон-Муре, но больше напоминало битву при Нордлингене, о которой мы уже писали. Принц Руперт, находившийся на правом фланге, атакой кавалерии нанес поражение коннице левого фланга войск парламента, изгнал их с поля боя и начал необычайно яростно преследовать.

В то же время Кромвель обрушился слева на конных роялистов, которыми командовал Мармадюк Ленгдаль (в других источниках Ландгейль), и обратил их в бегство. Правда, в отличие от Руперта он оставался хладнокровным, самообладание не оставляло его даже в ходе кавалерийской атаки. Вскоре он собрал своих людей, перестроил их и ввел в действие, обрушившись на фланг и тыл неприкрытой пехоты левого крыла короля, которая вела отчаянный бой с пехотой парламента (3500 пеших роялистов против 7500 пехотинцев парламента). Руперт, увлеченный преследованием, вернулся, когда битва была проиграна вместе с королевской короной.

Различие в поведении двух кавалерийских командиров послужило огромным уроком в понимании обязанностей командующего конницей и стало еще одним доказательством необходимости соединения осторожности с силой и порывистостью. Кромвель был не менее храбрым и энергичным, чем Руперт. Однако он умел соединять горячность с рассудительностью. Никто не мог превзойти его в ярости, с какой он врывался в ряды противника, а также в равной степени в быстроте решений и в холодной рассудительности. И в случае необходимости Кромвель занимал оборонительную позицию.

Полагают, что многие командиры, сражавшиеся во время Гражданской войны в Англии, до этого воевали в Германии и ходили в атаки под руководством великого Густава II Адольфа и отважного Паппенгейма. Если так и было на самом деле, опыт и приобретенные в той войне знания, должно быть, оказали свое влияние на действия английских дворян и йоменов, сражавшихся в коннице того времени. Их природная энергия позволила им с успехом подражать системе ведения военных действий, требовавшей отваги и решительности.

Заканчивая разговор об английской кавалерии того времени, упомянем о маркизе Монтрозе (выдающемся шотландском полководце), который во время своих действий в Шотландии показал военные способности высочайшего уровня. Он применил сочетания пехоты с кавалерией, но не общим порядком, а с небольшими отрядами, составленными из шотландских горцев. Быстрые в ходьбе, как олени, они держались рядом с конниками, вооруженные широкими мечами и щитами, сражались тесными колоннами, проявляя чудеса храбрости. Кампании Монтроза в горных районах Шотландии в 1645 году, его храбрость и мастерство внесли свой вклад в историю.

Следующее поколение, обученное в Шотландии, дало еще одного выдающегося вождя кавалерии – Грехема Клавенгуза (более известного как Бонни Данди). Он был кавалеристом высокого уровня, проявлял энергию и решительность, а также искусство командования войсками. Хотя он не смог полностью реализовать свои способности, но даже немного, сделанное им, дает право сказать, что в Великобритании, за исключением Кромвеля, не было лучшего кавалерийского командира.

Глава 13. Русская конница в эти времена. Казаки

Первые упоминания о казаках, как частях русской кавалерии, относятся к концу XV века. Перед тем как подробнее остановиться на их действиях, интересно сказать несколько слов об их ранней истории.

Византийский император Константин Порфирородный в IX веке писал о стране, расположенной у подножия Кавказа и именуемой Казакией. Полагают, что там еще до вторжения монголов существовал народ или этническая группа, называвшая себя казаками и проживавшая на берегах Дона и Волги. В 1021 году они подчинились великому князю Мстиславу, использовавшему их в своей армии во время войны в 1023 году против своего брата Ярослава. Во время татарского ига о русских казаках не было слышно, но после того, как иго было сброшено, русские люди вновь пришли в места, где раньше жили казаки, и приняли схожий образ жизни, естественно, что они приняли то же имя⁵⁹.

В русских летописях начиная с XII века часто упоминается о существовании свободной военной организации в районе между Черным и Каспийским морями. Она состояла из беженцев разных национальностей, но в основном выходцев из разных районов Руси. Похоже, что они жили за счет войны и грабежей⁶⁰.

Татары называли их «казаками», считая вольными людьми или мятежниками. Впоследствии казаки заселили низовья Волги и Дона, а также Предкавказье, называя себя по тем территориям, где обитали, – существовали донские, запорожские, яицкие (позже уральские) казаки. Полагают, что казаки находились в 1223 году в армии Чингисхана под командованием воеводы Плоскини. Именно он был проводником монголов в 1223 году.

В ходе битвы при Калке, поклявшись на кресте, Плоския выманил киевского князя Мстислава Романовича за пределы укреплений (где киевляне три дня отражали атаки монголо-татар), а затем тот был подвергнут пыткам и убит монголами. Это случай доказывает дикие нравы, господствовавшие в этих войсках того времени.

В правление московского великого князя Василия Васильевича казаки были в составе московского войска, сражавшегося против татарского хана Мустафы в 1444–1445 годах. Нам известны упоминания о казаках в Польше в 1516 году, ибо до 1579 года запорожские казаки сражались против турок вместе с армией императора Рудольфа II.

Казаки не платили никаких налогов, получали в собственность некоторое количество земли, в свою очередь, обязались охранять границы и принимать участие в военных действиях, как полагалось дворянам и детям боярским. Фактически они состояли на службе у русского царя (а в Речи Посполитой – польского короля), ибо выполняли определенные обязанности и находились под его защитой. Все воины определенного района составляли конный полк, получавший название по имени города или воеводства, где он находился.

⁵⁹ Haxthausen . La force militaire de la Russie. P.147.

⁶⁰ Казаки (укр. *козаки* , в летописях также: *черкасы*) – этносоциальная группа смешанного происхождения, первоначально проживавшая в южных степях Восточной Европы, в частности на территории современной России и Украины, расселившаяся впоследствии на территории Среднего и Нижнего Поволжья, Предуралья, современного Казахстана, Сибири и Дальнего Востока. В широком смысле слово «казак» означало лицо, принадлежащее к казачьему сословию и состоянию, в котором числилось население нескольких местностей России, имевшее особые права и обязанности. В более узком смысле казаки – часть вооруженных сил Российской империи, преимущественно кавалерия и конная артиллерия, а само слово «казак» означает рядовой казачьих войск. Существует много теорий происхождения казаков. К концу XIV в. образовались две крупные группы, проживавшие в низовьях Дона и Днепра. К ним присоединилось заметное количество переселенцев из соседних к северу Московского, Литовского и Рязанского великих княжеств, а также из прочих северо-западных земель. В результате к началу XVI в. обе группы выросли в крупные вольные войска (Донское и Запорожское), которые со временем вошли в состав растущего Российского государства, были образованы и другие казачьи войска. (Примеч. пер.)

Полки делились на сотни и десятки, находившиеся под командованием сотников и десятников. Казаки были вооружены тем же образом, что и прочие русские войска, то есть саблями, копьями, луками и стрелами, впоследствии пистолетами и карабинами. У каждого полка имелся собственный штандарт (хоругвь), барабан и музыкальные инструменты.

Самыми многочисленными были донские казаки, полагают, что у них имелась и артиллерия. По царскому указу они должны были охранять границы, а взамен получали порох и денежное довольствие и имели освобождение от налогов. Кроме того, «с Дона выдачи не было», то есть беглые крепостные, добравшиеся до Дона и принятые в ряды казаков, не подлежали возвращению прежним владельцам. В царствование Алексея Михайловича в 1655 году издали распоряжение, чтобы каждый человек, призванный в кавалерию, прибывал к месту сбора на хорошей лошади, с полной упряжью, одним карабином и двумя пистолетами.

Эти иррегулярные, но хорошо обученные войска оказались важнейшей вспомогательной силой русской армии и с этого периода всегда составляли значимую ее часть, использовались для выполнения пограничных функций и участия в значимых военных операциях. Они действовали практически во всех войнах с участием России в XVIII и начале XIX века.

Глава 14. Французская конница. Походы Конде, Тюренна и Люксембурга

Организация, вооружение и снаряжение кавалерии при Людовике XIV

В этот период кавалерия европейских стран, за исключением турецкой, состояла из кирасиров и легковооруженных конников, которые, хотя и экипированные и одетые разным образом, всегда на самом деле оставались простыми драгунами. После Густава II Адольфа кавалерия начинает делать шаги назад в тактике ведения боя, поскольку в течение длительного времени главное внимание обращается на обеспечение кавалерии огнестрельным оружием и его наилучшее использование.

Людовик XIV весьма существенно увеличил численность своей гвардии или относящихся к королевскому двору войск, он тратил огромные суммы на их оснащение и вооружение, так что, возможно, они стали самой блестящей и дорогостоящей военной силой в Европе того времени.

Большую часть этих воинов составляла кавалерия, имелись также четыре роты гвардии, одна – жандармов, одна – легкой кавалерии, две – мушкетеров. Роты личной гвардии состояли из 360 человек каждая вместе с капитаном, 3 лейтенантами, 3 прапорщиками, 12 бригадирами, 12 подбригадирами и 6 знаменщиками. Каждая рота делилась на шесть подразделений, называвшихся бригадами, ими командовали три лейтенанта и три прапорщика, располагавшиеся по старшинству.

Когда они находились в действующей армии, то вооружались шпагой, пистолетом и мушкетом, короткой разновидностью мушкета. Их обучали сражаться с помощью пистолета и шпаги, мушкеты применялись только при несении охраны, для обороны в дефиле, в преследовании врага во время бегства или для любой службы похожего свойства.

В 1676 году Людовик XIV дополнительно сформировал роту гвардейских конных гренадер. Она состояла из 130 человек в составе из трех бригад. В их числе находилось 3 лейтенанта, 3 сублейтенанта, 3 вахмистра, 6 сержантов и 6 ефрейторов. Они были вооружены шпагами, ружьями и двумя пистолетами, сражались как пешими, так и конными. Как кавалерия они проявили себя в сражении при Лезе, а как пехота отличились в Валансьене, где штурмом овладели сильно укрепленной крепостью.

В роте жандармов было 200 человек вместе с 2 капитанами, 3 прапорщиками и 3 знаменщиками, не считая нескольких офицеров низшего ранга. В 1657 году их вооружение состояло из шпаги, пистолета, и во время войны некоторых вооружили нарезными карабинами. Форма была алого цвета, защитного вооружения не было.

Рота легковооруженных конников гвардии состояла из 200 человек, в нее входили 2 лейтенанта, 4 корнета, 10 вахмистров, не считая младших офицеров. Во время войны к ней, как и к другим легковооруженным конным ротам, прибавлялось 50 карабинеров (под командой одного из офицеров роты), которые обыкновенно начинали бой перестрелкой. Так продолжалось до 1691 года, когда Людовик XIV свел отдельные отряды карабинеров в карабинерные полки, которые теперь действовали самостоятельно, а не прикомандированными к ротам легкой конницы. Рота же, находившаяся в подчинении капитана гвардейских легких конников, была обращена в мушкетерскую. Легкая кавалерия была вооружена шпагами или саблями и пистолетами; позже они получили двадцать карабинов, розданных двадцати человекам последней шеренги; ими пользовались редко, до рукопашного боя. Одежда была также ярко-красного цвета, и также не было защитного вооружения.

Две роты мушкетеров завершали кавалерию гвардии, каждая состояла из 250 человек, с соответствующим количеством офицеров. Они служили как пешими, так и конными, считались истинными драгунами. Лучшим примером их использования можно считать битву при Касселе. Армия перестраивалась в боевой порядок, когда маршал д'Юмьер заметил позади одной изгороди три неприятельских батальона. Он немедленно спешил мушкетеров и приказал им атаковать противника, поддерживав их пехотным полком. После короткого боя неприятель был с потерями отброшен. Затем мушкетеры сели на коней и вошли в боевую линию в конном строю. Они были вооружены мушкетами, шпагами и пистолетами.

Кроме перечисленных войск, в армии имелись большие корпуса тяжелой кавалерии, называвшиеся жандармерией, карабинеров, легкой кавалерии и драгун.

В 1693 году Людовик XIV впервые свел карабинеров в отдельный полк. Он состоял из ста рот по 30 человек в каждой, или из 3 тысяч человек и 411 офицеров. Каждые пять рот объединялись в эскадрон. Карабинеры были вооружены длинными шпагами и нарезными карабинами, снабжались пулями двух размеров. Большие по величине пули заряжались с помощью специального молотка и использовались для прицельной стрельбы. Меньшие по калибру пули позволяли быстро перезаряжать оружие в случае необходимости. Кроме карабинов, карабинеры имели пистолеты.

Драгуны, сражавшиеся как пешими, так и конными, вооружались длинными шпагами и мушкетами с байонетами. Они также имели топор или шанцевый инструмент для инженерных работ, прикрепленные у седельной луки. Полки линии состояли из пяти эскадронов по 150 человек каждый, строились в три шеренги.

Эскадроны, в свою очередь, делились на три роты каждый. Весь полк насчитывал около 750 человек. Отметим, что именно в этот период, во второй половине XVII века, драгуны обычно использовались очень часто, фактически же почти вся кавалерия, как мы уже говорили, на самом деле состояла из драгун. Их часто использовали пешими как пехоту, когда та не оказывалась под рукой для нужной цели. В 1664 году за шесть дней до битвы при Сен-Готарде (в Венгрии, современный Сентготхард на реке Раба) драгуны были специально спешены для проведения рекогносцировок.

При восхождении на трон Людовика XIV во французской армии существовал только один полк драгун. В 1659 году был сформирован второй, и тогда королю пришлось в голову представление о выработке особой системы кавалерийской тактики. К 1690 году общее число такого рода драгунских полков во Франции увеличилось до сорока трех.

Одна из причин подобных изменений, как полагали, заключалась в том, что драгуны были приспособлены к продолжительным войнам, поскольку лучше переносили тяготы затяжных кампаний, чем другие солдаты, не испытывая такой накапливающейся усталости, как обычные пехотинцы. По тем же самым причинам Наполеон I имел драгунские полки в своих войсках, воевавших в Испании.

Примерно около 1691 года ввели и гусар. Ожидалось, что они будут прежде всего ловко действовать холодным оружием (саблями). Кирасиры и вся легкая конница строились в три шеренги. При атаке они все давали залп, а затем бросались на противника со шпагами в

руках. Атака производилась почти всегда рысью; иногда подходили к неприятелю шагом, стреляли залпом из пистолетов и затем обнажали холодное оружие для рукопашного боя. В этом замечается шаг назад в тактике конницы; больше не стало живых, энергичных атак всадников, как во времена Густава II Адольфа, Паппенгейма и Кромвеля. А ведь быстрая атака с оружием наперевес была свойственна кавалерии, начиная с Ганнибала, и эту тактику следовало возродить.

Шеренги стояли друг от друга на дистанции двенадцать шагов. Тюренн уменьшил ее до шести шагов и запретил коннице (в битве при Зинцгейме) употребление огнестрельного оружия. Французские всадники не были хорошо обучены и поэтому мало способны к маневрированию на быстрых аллюрах и к выполнению стройных атак. Тем не менее при хороших начальниках и тщательном обучении они были для армии очень полезны, как, например, в битвах при Рокруа (1643), при Дюнкерке («Битва в дюнах») в 1658 году и при Лезе (1691). В боевом порядке пехота становилась в центре, конница – на флангах. По словам де Кинси, Тюренн перемешивал эскадроны с батальонами, и Монтекукколи применял такое же построение, как дающее обоим родам оружия возможность помогать друг другу.

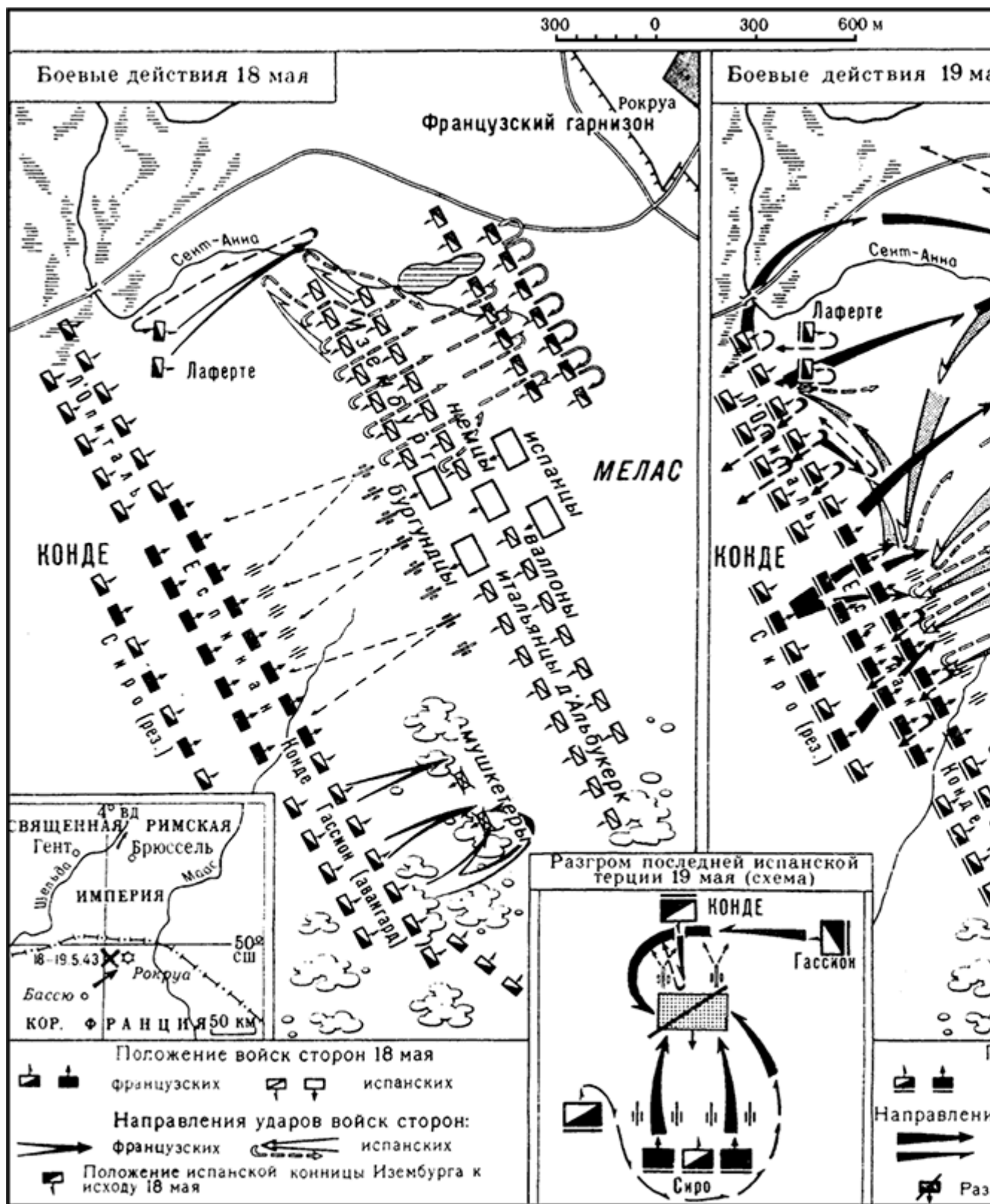
Де Кинси также полагает, что кавалерия однажды отступила в использовании огнестрельного оружия как основного, и, хотя в большинстве европейских стран конники почти повсеместно являлись драгунами, все же пример Густава II Адольфа оставался слишком недавним, все еще продолжая воздействовать на тактику кавалерии. Требовалось только появление на сцене храброго командующего, чтобы кавалерия начала оказывать значительное влияние на результат сражения.

Сказанное проявилось во время Гражданской войны в Англии, когда «железнобокие» Кромвеля сталкивались с лихими кавалеристами храброго принца Руперта. Тогда английские конники под командованием их способных командиров оказали самое решительное влияние на происходившие в той войне события. Другой блестящий кавалерийский командующий дебютировал во Франции и выиграл сражение, используя своих конников, по праву заняв свое место рядом с Александром Великим.

Генерал Конде был прирожденным солдатом, во время его первой битвы при Рокруа ему было всего двадцать один год, но ранее он уже продемонстрировал свой величайший военный талант⁶¹. Его стремительность и неудержимая храбрость привели к тому, что он стал командовать кавалерией на первой линии. Именно благодаря необычайно искусному, равно как и энергичному использованию его конников сражение при Рокруа было выиграно, и его репутация как генерала утвердилась даже после одной ранней утренней вылазки.

Испанская армия под руководством дона Франсиско де Мело (Меласа) вторглась во Францию в мае 1643 года и осадила Рокруа. Она состояла из 26 тысяч солдат, причем испанская пехота тогда считалась самой храброй и упорной во всей Европе, сам же де Мело слыл старым и опытным военачальником, обладавшим высокой репутацией. Конде же тогда носил титул герцога Энгиенского, а в его армии числилось только 14 тысяч пехоты и 7 тысяч всадников.

⁶¹ Военную карьеру он начал в 17 лет.

Сражение при Рокруа 18–19 мая 1643 г.

Когда Конде принял на себя командование, между двумя армиями находилась пересеченная и болотистая местность со множеством кустарников и деревьев, чрезвычайно удобная для обороняющихся, так что испанцы могли спокойно ждать продвижения французов, вполне надеясь на успех. Однако они пропустили движение отряда Гассиона, который доставил припасы в Рокруа и провел рекогносцировку, благодаря которой Конде смог пробраться через пересеченную местность и построить свои войска для сражения

поблизости от города. Его армия построилась в две линии с пехотой в центре, кавалерия по краям с резервом в тылу, состоявшим из нескольких отрядов жандармов и легкой кавалерии. Взводы по 50 мушкетеров были поставлены в интервалах между эскадронами.

Испанцы построились почти так же, однако де Мело (Мелас) разместил 1 тысячу мушкетеров в небольшой роще перед своим левым флангом, чтобы обстреливать французов, когда те начнут наступать своим правым флангом. Конде принял личное командование правым флангом, с ним находился Гассион. Маршал Л'Опиталь командовал левым флангом французов, в то время как противостоял ему сам де Мело, а герцог Альбукеркский (д'Альбукерк) командовал испанским левым флангом перед Конде.

Атаку начал молодой французский принц, который атаковал 1 тысячу мушкетеров в роще и порубил их на куски. Затем он развернулся налево и атаковал герцога Альбукеркского, одновременно послав Гассиона в обход испанского левого фланга. Атака увенчалась полным успехом.

Через несколько минут вся испанская кавалерия левого фланга была рассеяна и обращена в бегство. Отделив Гассиона вместе с небольшим отрядом, чтобы преследовать беглецов и помешать им сплотиться, Конде повернулся налево вместе со своими конниками и ударил на открытый фланг немецкой, валлонской и итальянской конницы, находившейся на левом фланге испанской армии. Фортуна улыбнулась юному генералу, куда бы он ни последовал, повсюду его сопровождал успех. За короткое время все левое крыло испанской армии было совершенно разбито и бежало.

Пока победа сопровождала Конде в этой части битвы, дела у маршала Л'Опиталья шли достаточно неважно. До Конде дошли новости, что де Мело вместе с отборными испанскими войсками отбил атаку французского левого крыла с такой яростью, что все расступались перед ним. Л'Опиталь был отброшен, французские пушки в центре боевого порядка захвачены.

Но Конде уже оказался в тылу испанского правого фланга, преследуя разбитых беглецов. Он сразу же сообразил, что надо делать, и столь же быстро привел свой план в действие. Собрав всю кавалерию того крыла, которым он командовал, Конде обрушился с тыла на конницу де Мело, преследовавшую беглецов под командованием Л'Опиталья.

Эта стремительная атака мгновенно повернула ход битвы в его пользу. Победоносные испанцы были быстро разбиты, французы вернули свои пушки, пленных освободили, а побежденный враг рассеялся и бежал во всех направлениях.

Все же испанская пехота в центре стояла насмерть. Эти старые и славные воины в течение ста лет и более казались непобедимыми. Командовал ими отважный граф Фуэнтес. Именно благодаря упорству и необычайной храбрости своей пехоты испанцам почти всегда удавалось одерживать победу.

Трижды французская кавалерия под руководством своего блестящего лидера яростно набрасывалась на их отборные ряды, но все оказывалось тщетным. Испанцы построились в полые каре, поставив свою артиллерию в центре. С холодной расчетливостью, как на параде, они обрушивали на атакующих мощный огонь из мушкетов.

Когда же французская конница приближалась на 60 шагов, они открывали проходы, через которые открывали огонь пушки (18 орудий) – их снаряды наносили огромные потери шедшей в атаку кавалерии. Три раза подобным образом войска Конде отбрасывались назад, как волны бились о скалы.

Затем Конде распорядился, чтобы все его резервы подошли с целью начать четвертую атаку. Французы подтянули свои последние четыре исправных орудия. Испанцы, окруженные со всех сторон, подали сигнал о готовности капитулировать (у них заканчивались боеприпасы). Конде поскакал со свитой вперед на переговоры. В этот момент некоторые испанцы, неправильно поняв его движение и думая, что французы атакуют, дали залп, который настолько разозлил французов, что те подумали, что их предали, напали на оборонявшихся испанцев и перебили почти всех.

Подкрепление испанцев под предводительством генерала Бека, приближавшееся к

месту сражения, собрало своих беглецов. Но, увидев подходившие навстречу войска Гассиона, посланного Конде, испанцы повернули назад, так и не вступив в бой. Победа в битве при Рокруа должна быть почти полностью приписана действиям кавалерии. Данное сражение примечательно тем, что показывает огромное воздействие, которое оказывает один гениальный человек во главе конницы на результаты ее атаки. Если появляется великий кавалерийский военачальник, то его личность неизбежно влияет не только на тактику кавалерии, но и на исход войны.

Победа при Рокруа не только повысила роль кавалерии, но и на некоторое время приостановила растущее значение пехоты. Она ничего не добавила к военному искусству, ибо действия Конде во многом походили на действия Александра Македонского при Арбеллах (Гавгамелах).

Спустя два года, 4 августа 1645 года, состоялось сражение при Нёрдлингене (Аллергейме) между французами и баварцами, в котором кавалерия также сыграла особую роль. Баварская армия заняла сильную позицию, каждый ее фланг опирался на холм. Центр прикрывался деревней Аллергейм (Аллерхайм), лежавшей примерно в 250 метрах от фронта, и был дополнительно укреплен траншеями и бойницами. Таким образом, имел более сильную позицию. Фельдмаршал барон фон Мерси командовал центром баварцев, генерал Глен – правым крылом, знаменитый кавалерийский генерал Иоганн де Верт – левым крылом.

У французов главнокомандующим был Конде, поручивший правое крыло маршалу Граммону, левое – Тюренну и центр – графу Марсену. Французы предприняли атаку на деревню Аллергейм, оказавшуюся неудачной. Однако при этом погиб сам фон Мерси. Тогда же Верт так яростно напал на французское правое крыло, что разбил его.

Переживший нападение под огнем карабинов или мушкетов маршал де Граммон тотчас потерпел поражение и был захвачен в плен. Вторую линию ожидала та же самая судьба, и Иоганн де Верт, следовавший за беглецами, позволил своим людям отбиться от рук, рассеяться и грабить лагерь, вместо того чтобы использовать их для нападения на обнажившийся фланг французской линии. Тем временем Тюренн после невероятно отчаянной борьбы смог нанести поражение правому крылу баварцев, напав на их фланг, отбросить их обратно и окружить в деревне Аллергейм, где большое их количество вскоре сдалось в плен.

Когда Иоганн де Верт вместе со своим победоносным крылом наконец вернулся, уже было слишком поздно, тогда, вместо того чтобы двигаться через заднюю часть, он вернулся обратно к своей первоначальной позиции, потеряв такое количество времени, поэтому смог только прикрыть отступление и вывести побежденные остатки армии с поля. Сама битва стала уроком для кавалерийского командира, чтобы тот помнил о значении сохранения победоносной кавалерии наготове.

Произошедшая 14 июня 1658 года «Битва при дюнах», связанная с осадой Дюнкерка, стала примечательным событием, показавшим огромные подвижки в военном искусстве. Проявленное Тюренном мастерство поразительно, его влияние и талант в извлечении пользы из каждого момента, чтобы усилить успех, не сравнимы ни с чем, что происходило в его время.

Он воспользовался приливом, чтобы использовать огонь вспомогательного английского флота, двигавшегося вдоль побережья. Когда же произошел отлив, Тюренн использовал берег, чтобы обойти фланг противника. Похоже, что использовалось все, что считалось значительным и устраивалось с максимальной выгодой.

Испанская армия состояла из 6 тысяч пехотинцев и 8 тысяч конников. Дон Хуан Австрийский командовал правым крылом, опиравшимся на море. Великий Конде командовал левым флангом испанцев. Во французской армии было 6 тысяч конников и 9 тысяч пехотинцев, она была построена в две линии, имелся и резерв. Маркиз де Креки командовал правым флангом, Кастиельно находился на левом, маркиз де Гадань и Беллефон были в центре.

Когда сражение было в разгаре, произошел отлив, и маркиз Кастиельно с кавалерией

левого фланга французов смог пройти вдоль прибрежной полосы и обойти правый фланг испанской армии. Затем он прошел в промежутке между двумя линиями противника и вызвал смятение в этой части поля сражения.

Несмотря на это, Конде, находившийся на другом крыле, продолжал сражаться со свойственной ему храбростью, ведя в атаку кавалерию против солдат маркиза Креки, нанес ему поражение и, возможно, смог бы пробиться к Дюнкерку, если бы не прибытие маршала Тюренна с некоторой частью кавалерии, находившейся на правом крыле, которую он перевел в атаку, придя на помощь Креки. После отчаянного сопротивления, когда убили лошадь под Конде, а его самого чуть не захватили в плен, битву выиграл Тюренн, и испанская армия была вынуждена отступить с поля боя.

Сражение в основном интересно благодаря тому факту, что кавалерия использовала прибрежную полосу во время отлива, чтобы осуществить поворотное движение на испанский правый край, стратегию, которую дон Хуан Австрийский явно не предвидел, не предусмотрев соответствующих оборонительных мер.

Во время сражения при Зинцгейме (Зинцхайме) 16 июня 1674 года, когда драгуны французской армии прибыли к позиции противника до того, как подошла остальная армия, Тюренн тотчас занял их тем, что велел начать сражение, напав на город Зинцгейм, оказывавший поддержку правой части армии герцога Лотарингского, и заняли проход к реке Эльзац, лежавшей между двумя армиями.

Драгуны под командованием шевалье Окинкура спешили и, став пехотой, предприняли яростную атаку, пройдя через сады, виноградники и пересеченную местность. Атака была поддержана подошедшей пехотой. Французы заставили противника отступить в город, по его пятам прошли через ров с водой, разбили ворота в крепостной стене, смогли проникнуть в крепость, захватив 400 солдат гарнизона в плен, убив или рассеяв остальных.

Кавалерия и оставшаяся часть армии Тюренна пересекли ручей и пошли в атаку на основную позицию врага, опиравшуюся на холм и ограниченную с одной стороны виноградниками и горой, с другой – длинной изгородью. Вершина холма была открытой и пригодной для действий кавалерии, и имперское войско, состоявшее в основном из кавалерии, построилось там в две линии.

В отличие от обычных представлений его времени Тюренн перестроил свои войска для сражения в соответствии с особенностями местности, разместив свою кавалерию в центре, пехоту по краям. Он сделал это для того, чтобы побудить пехоту продвигаться через виноградники, расположенные справа и вдоль изгороди, находившейся слева.

Ему удалось задуманное, он продвинул их вперед, постоянно обходя фланг и поворачивая линию своих оппонентов – так ему удалось поддерживать постоянное продвижение своих конников, которые после отчаянной схватки смогли при поддержке пехоты отбросить кавалерию противника, взобраться на возвышенность, развернуться там и провести атаку, решившую исход боя.

Этот бой стал замечательным примером использования характера местности. На флангах она подходила для действий пехоты, и оба крыла французского войска последовательно продвигались вперед, вынудив имперцев отступить в центре. С этого времени мы видим, что особенности поля боя начинают оказывать определенное влияние на построение войск для сражения.

Маршал Люксембург пошел по стопам Тюренна, он хорошо представлял, как построение его войск соответствует особенностям местности. Он отчетливо понимал принцип и преимущества косого боевого порядка. Сражение при Флерусе, выигранное им в Италии в 1690 году, служит прекрасной иллюстрацией использования данного принципа в ходе боя.

Центр и левый фланг французской армии выдвинулся как будто для атаки позиции принца Вальдека с фронта, в то время как правое крыло совершило обходной маневр и ударило по левому флангу противника. Кавалерия левого фланга армии маршала Люксембурга развернулась с каждой стороны деревни Флерус в поле, в то время как пехота

укрепилась в самом селении. Обходной маневр оказался успешным и решил судьбу сражения, исход которого мог быть сомнительным, поскольку французская кавалерия на левом фланге сначала потерпела поражение и была отброшена, как и поддерживавшая ее пехота.

Состоявшееся в 1691 году сражение при Лезе послужило другим примером способностей маршала Люксембурга и представляет собой самый искусный случай использования кавалерии. Люксембург знал, что принц Оранский почти собрался отступить назад через реку, лежавшую в его тылу. Он подозревал, что Вильгельм III Оранский, полагавшийся на то, что между двумя армиями оставит арьергард кавалерии, чтобы та прикрывала отступление, не прикрепил к ней для защиты пехоту.

Узнав, что перемещение началось, Люксембург вместе с небольшим отрядом кавалерии произвел быстрый ночной переход и рано утром подошел к конному арьергарду армии принца Оранского, как раз собиравшейся переходить через мост. Он так не ожидаемо набросился на них, что они не успели построиться для отражения атаки, застигнутые врасплох, и были разбиты.

В этом бою Люксембург с 28 эскадронами, почти полностью состоявшими из гвардии французского короля, разгромил 75 эскадронов союзных войск и захватил 40 штандартов. Слава об этой победе прокатилась по всей Европе и была увековечена в особой медали, которую Людовик XIV велел отчеканить в память о битве.

Кавалерия прекрасно проявила себя и во время сражения при Неервиндене в 1693 году, когда маршал Люксембург нанес поражение Вильгельму III Оранскому. Совершенные французами атаки на позиции врага трижды были отбиты, но в ходе четвертой кавалерия прорвалась сквозь полевые укрепления и атаковала Неервинден. Этим она помогла пехоте решить судьбу сражения. Странно, что на той же самой местности спустя несколько лет герцог Мальборо преодолел со своей кавалерией Мегенские линии. Заполнив ров связками сена, конница преодолела укрепления и захватила позицию в рукопашном бою.

Глава 15. Монтекукколи. Немецкая конница. Битва при Сен-Готарде (Сентготхарде) в 1664 году

Во второй половине XVII века самым известным военачальником, находившимся на имперской службе, считался Раймунд Монтекукколи (итальянец по происхождению, 1609–1680, убит упавшей на него балкой при торжественном въезде в замок Линца), достойный противник Тюренна и один из лучших полководцев своего времени. Его записка о военном искусстве, о военной системе турок и описание его кампании 1664 года считаются значительным вкладом в военную литературу, свидетельствуя и о его выдающихся способностях.

Из мемуаров Монтекукколи мы получаем весьма ценную информацию не только о тех войнах, в которых он принимал участие, но и об организации кавалерийской службы в Германии. Пехота в то время состояла из мушкетеров и пикинеров, причем последние должны были быть основой обороны от атак вражеской кавалерии.

Сама кавалерия формировалась из эскадронов численностью по 150 человек, строившихся в три шеренги по 50 человек каждая. Если требовалась особо мощная атака, два эскадрона объединялись. Дистанция от одного эскадрона до другого обычно составляла 18 шагов. Монтекукколи ввел в обычай располагать в этих промежутках небольшие (по 40 человек) группы мушкетеров, построенные в пять шеренг (8 человек в шеренге). Хорошо понимая значение резерва, он был сторонником боевого порядка в две линии. Кавалерия на каждой линии имела в тылу свой резерв. Так что в соответствии с его представлениями кавалерию полагалось строить в четыре линии, одну за другой. Драгунов он ставил на флангах.

Кавалерию Монтекукколи делил на кирасиров и легкую кавалерию. Кирасиры имели

шлемы, кирасы, защищавшие грудь и спину, и железные перчатки, доходившие до локтя. Их оружием были длинные шпаги (или палаши и сабли), пистолеты, а у некоторых имелся мушкетон. От всадников Монтекукколи требовал дисциплины, упорства и непоколебимой стойкости. Легкая конница была немногочисленной и использовалась в основном для фуражировок, прикрытия транспортов и разведки и была вооружена шпагами и карабинами.

Защитники применения пики часто ссылаются на авторитет Монтекукколи. Действительно, он считал пику наилучшим оружием для конницы, но вместе с тем требовал, чтобы такие конники имели полное защитное вооружение и использовали первоклассных лошадей. Он считал, что им лучше сражаться на открытой местности и твердом грунте. В таких условиях и при поддержке даже небольшого отряда кирасиров можно добиться успеха в любой атаке. Однако если кирасир нет или не выполнено хоть одно из вышеуказанных условий, например если конники, лошади или местность не подходили для стремительной атаки, то Монтекукколи считал пику бесполезным оружием. Учтя все эти соображения, мы должны признать, что Монтекукколи вовсе не был безусловным сторонником пики.

Монтекукколи также прекрасно понимал большие выгоды от использования драгун, считая, что «драгуны по-прежнему представляют собой пехоту, которую посадили на лошадей, чтобы она могла быстрее перемещаться». Пехоту Монтекукколи воспринимал как основу вооруженных сил и основную часть армии, однако продолжал считать, что тяжелая кавалерия должна составлять по численности половину пехоты, а легкая кавалерия – только четверть тяжелой.

Признавая Монтекукколи великим военным гением, все же заметим, что он вовсе не являлся командиром кавалерии, его осторожный метод ведения войны, расчетливый с тщательным маневрированием и маршами, вовсе не способствовал развитию кавалерийской тактики и этот род войск при нем не совершил ни одного сколько-нибудь выдающегося подвига. Благодаря тяжелому вооружению, сковывающему подвижность, конница в его время действовала менее эффективно, чем при предшествующих поколениях, когда Паппенгейм, Пикколомини и Терцкий умело использовали ее подвижность и маневренность, а также ударную силу.

Монтекукколи одержал крупную победу над турками при Сентготхарде в Венгрии 1 августа 1664 года. Численность кавалерии у турок была весьма значительной, но, к счастью, он сумел помешать им пересечь реку и напасть на него, так что примерно 30 тысяч турецких конников не смогли принять активного участия в сражении.

Планы Монтекукколи были основаны на том, чтобы наилучшим образом противостоять превосходящим силам легкой кавалерии врага. Его пехота была построена в шесть шеренг, две передние состояли из мушкетеров, четыре – из пикинеров. Между эскадронами кавалерии он разместил небольшие группы мушкетеров от 24 до 30 человек каждая, которые в случае необходимости должны были отступить и присоединиться к ближайшим батальонам пехоты. Мушкетеры должны были стрелять попеременно, чтобы огонь не прекращался и они могли перезаряжать свое оружие.

Зная о блестящей репутации турецких легких конников, он приказал тяжелой кавалерии ни в коем случае не оставлять пехоту, чтобы преследовать противника. Вся армия получила приказ в случае успеха медленно продвигаться вперед в густых массах. Только легкой кавалерии было позволено преследовать отступающего неприятеля.

Подобные распоряжения в отношении боевых действий отчетливо показывают оборонительный тактический стиль, который Монтекукколи определил для своих кирасиров. Возможно, для обороны против турецких легких конников, с которыми было так трудно бороться тяжеловесным западным кирасирам, как раз и требовалась подобная система. Единственной надеждой для турок оставалась только возможность разрушить прочный строй тяжелой кавалерии какими-либо маневрами, поскольку иначе они не могли ничего поделать с имперской тяжелой конницей, если та сохраняла сомкнутый глубокий строй.

Глава 16. Начало XVIII столетия. Походы Мальборо и принца Евгения

Савойского

Герцог Мальборо и его друг и союзник принц Евгений Савойский были выдающимися военачальниками в истории военного искусства, и особенно известны весьма эффективным использованием кавалерии для атак. Наиболее важной и решительной битвой, выигранной ими совместно, была битва при Гохштедте (Хёхштетте) или Бленхейме 13 августа 1704 года.

Исход сражения практически сразу же обеспечило отличное использование кавалерии союзной армии, весьма многочисленной, прекрасно обученной и отлично вооруженной. Объединенная армия Мальборо и Евгения Савойского составляла 32 тысячи человек пехоты и примерно 20 тысяч кавалерии, в то время как во французской армии находилось 82 батальона и 552 эскадрона, что в целом доводило ее численность до 56 тысяч человек (в т. ч. 17 тыс. конницы).

Командовавший французскими войсками маршал Талар вывел свою армию в сильную позицию, оказавшись за рекой Небель, в то время как его правый фланг расположился в деревне Бленхейм, опираясь на берег Дуная. Войска центра, занявшие позиции на покатой местности, почти полностью состояли из его кавалерии, составлявшей по численности примерно пятьдесят эскадронов, выстроившихся в линию между деревнями Бленхейм и Оберглау.

Баварская конница расположилась почти вплотную к правому флангу французской, так что почти вся конница оказалась в центре. Значительная часть пехоты занимала деревню Бленхейм, которую Талар считал ключевым узлом своей дислокации. Армию построили в две линии, однако в середине второй линии кавалерии разместили три бригады пехоты.

Собираясь атаковать, Мальборо сразу же заметил слабости позиции противника. Он понял, что длинная линия кавалерии, расположенная в центре для защиты переправы через реку, является самым слабым звеном. Яростная атака превосходящей кавалерии союзников в этом месте позволит прорвать линию врага, отрезав один фланг от другого. Масса пехоты, практически запертая в Бленхейме, может быть легко окружена, а весь левый фланг французской армии можно было просто выбить с поля сражения.

В соответствии с этим замыслом Мальборо отдал все необходимые распоряжения, построив свою армию в четыре линии, сначала поставив пехоту, на второй и третьей – кавалерию, на четвертой – пехоту в резерве. Данное построение, прекрасно приспособленное к природным условиям, соответствовало и местности, и позиции неприятеля.

Первая линия пехоты должна была форсировать реку Небель, обеспечив постройку мостов и в случае необходимости прикрыть переправу кавалерии, в то время как четвертая линия пехоты оставалась на берегу, образуя резерв. Были спешно подготовлены понтоны для пяти переправ, один каменный мост отремонтировали.

Чтобы утвердить Талара в мысли о том, что самым значимым пунктом для него является Бленхейм, Мальборо решил предпринять против него решительную атаку, не дожидаясь, пока перестроение в центре будет завершено.

Наступавшая на эту деревню колонна пехоты была атакована с фланга тремя эскадронами французских жандармов. Лорд Куттс отправил для усиления кавалерию, пять эскадронов вскоре были приняты и тотчас атакованы равным количеством французских жандармов, открывших огонь из мушкетенов и карабинов.

Союзная конница тотчас обнажила шпаги и палаши и атаковала французских кавалеристов, которые отошли в интервалы своей пехоты, которая сильным ружейным огнем заставила союзную конницу отступить. Справа от союзной армии в действие вступил принц Евгений Савойский, встретивший необычайно упорное сопротивление курфюрста Баварского и его армии.

Сражение продолжалось в течение нескольких часов, шло с переменным успехом, все это время Мальборо находился в центре, пытаясь переправить огромную массу своей кавалерии через броды и болотистые берега Небеля, чтобы она смогла закрепиться на безопасном плацдарме на противоположном берегу.

Ему удалось добиться намеченного после тяжелого боя, одно время кавалерию Мальборо оттеснили обратно к ручью, вынудив отойти под защиту своей пехоты. Тогда вперед выдвинулась вторая линия союзной кавалерии, продвигаясь, она оттеснила французские эскадроны, но под огнем мушкетов и артиллерии из Бленхейма ее продвижение захлебнулось.

К пяти часам вечера Мальборо наконец удалось занять позицию, с которой он смог начать задуманную им главную атаку на центральную часть позиции врага. Перед этим Талар усилил свою конницу девятью батальонами пехоты, стоявшими во второй линии. Мальборо же поставил три батальона ганноверской пехоты на соответствующем месте позиции союзников, поддерживав их некоторым количеством артиллерии. Под сильным огнем мушкетов и пушек противника кавалерия Мальборо вместе с тремя батальонами пехоты медленно двинулась вперед, выступив против 10 тысяч французских конников, ожидавших их приближения.

Огонь был настолько ожесточенным, что нападающая сторона была вынуждена остановиться, а затем и отойти примерно на 60 шагов. Яростный огонь артиллерии продолжался короткое время. Вскоре залпы французских мушкетов стали ослабевать, и их пехота начала сокращаться под градом пуль, наносивших большие потери их рядам.

После небольшой передышки Мальборо предпринял новую атаку, и французские конники наконец отступили. Девять батальонов пехоты были частью порублены, частью взяты в плен. Талар собрал свою разбитую кавалерию, образовал вторую линию на некотором расстоянии и предпринял вторую за этот день попытку изменить ситуацию, остановив противника, но потерпел неудачу.

Увидев, что решающий момент настал, Мальборо велел горнистам протрубить атаку и повел свою кавалерию вперед с необычайным напором. Французские конники, обескураженные результатом предыдущего боя и видя надвигающуюся на них массу атакующих эскадронов, попытались вести огонь из своих карабинов на расстоянии, но затем повернули назад и бежали.

Союзная конница, заполнив всю равнину, буквально накатила на находившийся в центре позиции Бленхейм и заняла его, подавив своей численностью французскую пехоту, решившую сдаться.

Затем кавалерия накатила на остатки правого фланга кавалерии Талара, находившейся в деревне Зондергейм, захватила в плен самого маршала, его штаб и много кавалеристов. После этого напала на открытый фланг армии курфюрста Баварского, вынудив его отступить, и завершила день окончательной победой.

Хотя достигнутые кавалерией успехи в этом сражении оказались весьма значительными, хотя сыгранная ею роль была поистине столь решающей, все же ход сражения четко показывает, что сражающиеся в полной мере не понимали и не использовали ее истинные возможности. И только потому, что обе сражающиеся стороны в равной степени совершали ошибочные действия, успех Мальборо оказался таким значительным.

Мы видим, что во время этого сражения происходило пагубное смешение пехоты с конницей даже во время всеобщего наступления, очевидно также, что кавалерия продолжала интенсивно использовать огнестрельное оружие. Первую атаку Мальборо производил весьма медленно, поскольку пехота и артиллерия явно действовали вместе с кавалерией.

Тактическая система Талара в равной степени оказалась неверной, поскольку он бесспорно стремился защищать позицию на открытой равнине посредством кавалерии, находившейся в отдалении. Кто бы хоть на мгновение усомнился в том, что, если бы Талар распорядился атаковать во весь опор, со шпагами и палашами наперевес, набросившись на английскую кавалерию в критический момент, когда она уже отошла, колеблясь, на 60 шагов, смог бы он опрокинуть ее, пришедшую в замешательство, в реку Небель и на заболоченные берега этой реки?

В равной степени Мальборо ошибочно не полагался на быстроту в атаке. Он понимал важность удара масс огромных корпусов кавалерии, однако мало учитывал такой

значительный фактор, как скорость такого удара. Моральный эффект массированной конной атаки огромен и не менее велик, чем град пуль, выпущенных в противника с близкого расстояния.

В этой битве мы видим правильное использование кавалерии большой массой, когда лавина всадников, несущихся во весь опор по полю сражения, производит весьма значительное воздействие, сметая все на своем пути. Битвы Мальборо заложили основу системы Фридриха II Великого, который более всех полководцев своего времени осознал воздействие шока от атакующей массы кавалерии, перемещавшейся во весь опор тесными рядами, постоянно стреляя. Можно сказать, что Фридрих II просто придал скорость системе Мальборо.

Сражение при Рамийи (Рамильи), состоявшееся 23 мая 1706 го да, в основных чертах походило на то, что произошло при Бленхейме. Однако количество кавалерии, занятой с обеих сторон, оказалось большим. Союзные войска состояли из 35 тысяч пехоты и 29 тысяч кавалерии (и 120 орудий), французы противопоставили им 40 тысяч пехоты и 35 тысяч кавалерии.

Французской армией командовал маршал Вильруа, фланг позиции французов примыкал к Мегенье у селения Тавье, а кавалерия выстроилась на равнине между этим местом и Рамийи. После ложной атаки правого фланга Вильруа Мальборо произвел свою настоящую атаку на кавалерию противника.

Его конники выдвинулись на трех линиях, что дало ему преимущество введения свежих резервов. Отряд из 14 эскадронов спешившихся драгун вместе с двумя батальонами пехоты, которые Виллеруа отправил, чтобы те усилили его позицию в Тавье, были отрезаны в ходе нападения конного резерва союзников и частью порублены, частью обращены в бегство.

Затем главные силы кавалерии и союзников пошли в атаку, как уже происходило при Гохштедте (Хёхштетте), и отбросили французов на их вторую линию, которая контратаковала союзную конницу и погнала ее обратно, внеся смятение в ее тающие ряды.

В этот критический момент появился Мальборо вместе с 17 эскадронами своего правого фланга, а также с эскадронами резерва, которые нанесли поражение французским спешенным драгунам. Это остановило продвижение французской конницы и позволило войскам союзников восстановить порядок и прийти в себя.

Увидев, что решающий бой происходит между кавалерией, Мальборо приказал, чтобы с его левого фланга перевели всех, насколько возможно, конников. Двадцать свежих эскадронов примчались во весь опор, сформировав четвертую линию в тылу правого фланга Мальборо. Случившееся перевесило чашу весов, и французское правое крыло поддалось вплоть до центра, вся их позиция потеряла устойчивость и подверглась продольному огню. Яростная атака со всех сторон поля завершила победу, и французы беспорядочно отступили, потеряв многих пленными.

В сражении отмечаем тщательно продуманное использование резерва и значительное воздействие, оказанное им на действия кавалерии.

В сражении при Мальплаке 11 сентября 1708 года Мальборо вновь использовал свою кавалерию, чтобы прорвать линию противника, и здесь снова атаку произвели в центре. Подобный выпад кавалерии является необычайно примечательным, поскольку был произведен против сильной линии укреплений, которую возвели французы, чтобы защитить свою позицию.

Под командованием герцога Овернского кавалерия прошла через промежутки между реданами (полевыми фортификационными сооружениями), затем развернулась и смогла опрокинуть обороняющихся. Высланный вслед за ней большой отряд пехоты занял и удержал за собой захваченные таким образом укрепления, несмотря на то что союзные конники были остановлены, а затем обращены в бегство резервной французской конницей.

С этого времени вошло в практику усиление позиции полевыми укреплениями, и долгие годы война проводилась по принципу, связанному с занятием сильной позиции,

защитой или атакой таких позиций, маневрированием с целью заставить противника оставить выгодную позицию.

Что же касается Мальборо, то он несколько раз весьма удачно использовал свою кавалерию, преодолевая укрепления такого рода. Примечательный случай произошел при проходе им оборонительных линий Мегень в 1705 году. Они протянулись от Намюра на Маасе до Антверпена, строились в течение трех лет и считались весьма сильно укрепленными.

Самой сильной считалась линия, что находилась между Леве и Гелисгеймом, где небольшая река Гроуте-Гете с крутыми и скользкими берегами образует естественный ров перед укреплением, состоявшим из ряда реданов, соединенных куртинами. Мальборо решил атаковать именно в этом месте, полагая, что оно не так сильно прикрыто войсками по сравнению с более доступными участками.

17 июля Мальборо предпринял ложную атаку на противоположный от нее конец укреплений близ Намюра и произвел общее перемещение всей своей армии, расположенной слева, показывая, что намеревается поддержать атаку. Маневр обманул Вильруа, также передвинувшего большую часть своих войск направо, оставив линии вблизи Леве с минимальным охранением.

Затем Мальборо распорядился, чтобы вся его кавалерия обеспечила себя пучками сена вместо фашинов (перевязанного пучка хвороста), приготовление которых могло бы насторожить его противника, и представил все так, как будто они собирались совершить атаку.

Вместо этого в течение ночи он совершил быстрое перемещение с большими силами кавалерии и 20 батальонами пехоты, кавалерия успешно преодолела броды реки, заполнив рвы перед укреплениями своими связками сена вместо фашинов. Завершив свой переход, кавалеристы набросились на французов, собиравшихся контратаковать, обеспечив возможность подойти дополнительным силам пехоты. Пехотинцы тотчас же штурмом захватили укрепления, превратив их в дополнительный плацдарм, и вся французская армия оказалась вынужденной отступить. Также при проходе линий у Бушена в 1711 году кавалерия снова оказалась необычайно полезной, прикрывая переправу основных сил армии и ее перестроение в боевой порядок.

Одним из самых трудных и кровопролитных было сражение при Альмансе, в Испании. Английская пехота сражалась необычайно доблестно, прорвав французский центр. Однако маршал Бервикский, командовавший французами, имел намного превосходящую кавалерию (при общем равенстве сил – по 35 тыс.). С ее помощью он нанес поражение флангам союзной армии. Затем вместе со своей кавалерией, пройдя через лес, атаковал 13 батальонов английской пехоты, заставив их сдаться. Союзные войска во время этого сражения были плохо построены, так что оказались перемешаны различные рода войск. Победа французов имела решающее значение и фактически покончила с войной в Испании.

Глава 17. Карл XII и его конница. Сражение при Полтаве

Король Швеции Карл XII считался человеком необычайной отваги и энергии, поэтому неудивительно, что он особое внимание уделял кавалерии. Именно его железная воля и запальчивость весьма существенно повлияли на тактику этого вида войск на поле сражения.

К сожалению, он не обладал столь значимым качеством для командующего, как осторожность. Если бы его суждения всегда соответствовали поступкам и проводились с большей осмотрительностью, он стал бы самым выдающимся военачальником своего времени.

Король Швеции искусно использовал свою конницу на полях сражений и фактически заложил основу военных реформ Фридриха II Великого, став примером для Зейдлица. Развив идеи Карла XII, кавалерийский военачальник прославленного прусского монарха Зейдлиц организовал самую лучшую конницу из всех, что когда-либо до этого существовали.

Неистовый темперамент Карла XII привел к тому, что он был горячим сторонником рукопашного боя. Его необузданная энергия не допускала постепенного и неторопливого продвижения, методичной стрельбы из пистолетов и карабинов на расстоянии.

Ему нравилось бросать пехоту в штыковую атаку и кавалерию со шпагами наголо. Стремясь как можно больше увеличить быстроту и выносливость своих кавалеристов, он совершенно запретил им применять защитное вооружение любого типа. Кроме того, Карл XII запретил в кавалерии использование огнестрельного оружия.

Подобная тактика кавалерии явилась естественным результатом его отчаянного и рыцарского духа. Карл XII вел свою кавалерию со шпагами наголо против пехоты, кавалерии или укреплений, по любого рода местности. Никакие трудности не отпугивали его, он шел вперед через все препятствия.

Во время преследования врага, пустившегося в бегство, его неумный дух проявлялся особенно ярко. Так, Карл XII в течение десяти дней без перерыва, не покидая седла, преследовал отступавших саксонцев, находившихся под командованием маршала Шуленбурга, настигнув их у Саница близ Пуница. Карл XII храбро атаковал их, располагая только двумя полками конницы против 10 тысяч солдат противника.

Он проскочил через пехоту противника, которая легла на землю, и двинулся далее. Неистойой атакой он разбил саксонскую кавалерию, изгнав ее с поля сражения, и затем вернулся, чтобы вновь напасть на пехоту и артиллерию. Саксонская пехота спаслась только потому, что приближалась ночь, под покровом которой пехотинцы пересекли границу. А вот все пушки были Карлом XII захвачены. Шведские конники вели бой исключительно с помощью шпаги, длинный прямой клинок которой использовался в основном для нанесения колющих ударов.

Под началом Карла XII кавалерия обучалась маневрировать с такой скоростью, какая в его время была неизвестна. Говорят, что в 1707 году во время смотра одного полка он загнал до смерти двух лошадей, что очень характеризует шведского монарха. А его характер и поведение оказывали огромное влияние на его солдат, в частности конников.

Битва под Полтавой в 1709 году между шведской армией Карла XII и русской армией Петра Великого, ставшая решающей победой русских, фактически стала концом военной карьеры шведского короля.

Предпринятые русским царем меры были искусно продуманы и умело осуществлены. Он почувствовал, что его позицию следует прикрыть с помощью укреплений. Понимая, что непрерывная линия фортификаций обрекает армию на оборонительную тактику и мешает быстро переходить к наступлению, он приказал построить линию из семи отдельных редутов, в каждом по два батальона, с интервалами. Благодаря предпринятым мерам его пехота и кавалерия могли без труда передвигаться между редутами, сохраняя возможность как атаковать, так и отходить в случае неудачи под прикрытие огня этих редутов.

Хотя Карл XII был серьезно ранен и вынужден находиться на носилках, он все-таки произвел атаку утром 27 июня как раз перед рассветом – силами кавалерии, поддерживаемой пехотой. Русские сражались отчаянно, шведам удалось захватить только два недостроенных редута. Шесть батальонов и десять эскадронов правого крыла шведской армии были опрокинуты, отсечены от главных сил и вынуждены были отступить под прикрытие леса.

Сражение между кавалерией шведов и русских происходило с переменным успехом, шведов прекрасно поддерживала их пехота. Русской коннице не удавалось получать такую же помощь от своих пехотинцев, которые, в отличие от шведских, находились в укреплениях.

Поэтому генерал-лейтенанту Боуру⁶² велели отойти от правых редутов, чтобы дать

⁶² Боур (Баур) Родион Христианович (1667–1717) – русский генерал от кавалерии (1717). До осени 1700 г. служил в шведской армии, под Нарвой перешел на сторону России и был принят на русскую службу. Сражался в Прибалтике, в 1707–1709 гг. командовал кавалерийским корпусом, во главе которого при Лесной в 1708 г. довершил разгром шведского корпуса Левенгаупта, доставлявшего из Ливонии военные припасы главным силам Карла XII. В Полтавском сражении Боур в чине генерал-лейтенанта командовал правым флангом

возможность русской пехоте принять участие в бою конницы. В результате шведская кавалерия оказалась под огнем пехоты и пушек из русского укрепленного лагеря и понесла такие тяжелые потери, что оказалась вынужденной отступить.

Затем русские под руководством князя Меншикова и генерал-лейтенанта Ренцеля, всего пять полков кавалерии и пять батальонов пехоты, атаковали шведские войска, укрывшиеся в лесу, полностью их разгромили и захватили большую часть в плен.

Тогда русский монарх построил свою армию, чтобы дать полевое сражение. Он переместил часть своей кавалерии вперед на фланг линии укреплений. Так что, если бы шведы перешли в наступление, они бы встретились на фронте с продуманным сопротивлением, в то же самое время на флангах их атаковала бы конница. При помощи фельдмаршала Реншильда Карл XII построил свою армию для решающей атаки, пехоту поставили в центре, кавалерию на флангах.

Петр I Великий осуществил похожее построение, выведя свои войска из укрепленного лагеря. Шесть полков русской кавалерии были переведены с правого фланга на левый. В 9 часов утра боевые действия возобновились на левом фланге русских, вскоре распространившись по всему фронту противостояния обеих армий.

После отчаянной борьбы шведы потерпели полное поражение, многих убили, еще большее количество взяли в плен. Преследование шведов решительно продолжилось. Остатки армии под руководством генерала Левенгаупта отступили к Переволочке на Днепре, однако не успели переправиться, поскольку подошел князь Меншиков с сильным отрядом кавалерии и гвардейской пехоты (пехотинцы были посажены на лошадей) и принудил шведов сдаться. После коротких переговоров шведы сдались числом в 14 тысяч человек. Королю Швеции с горсткой людей удалось спастись, переправившись и уйдя на территорию, принадлежавшую тогда Турецкой (Османской) империи.

Победа оказалась одной из самых значительных в мировой истории. Она показывает огромные военные способности, проявленные Петром I, в частности, в искусном расположении и устройстве своих редутов, в действиях его кавалерии, артиллерии и пехоты. Фактически в этом сражении находим блестящую реализацию идеи о взаимной поддержке между конными войсками и пехотой.

Глава 18. Петр I Великий. Регулярная армия в России

До правления Петра I в России фактически не существовало регулярной армии. Именно этому прославленному монарху мы и обязаны установлением российской армии на постоянной и эффективной основе.

Дмитрий Донской оказался первым, кто разделил русское войско на полки. До татарского вторжения основной силой русской армии оставалась пехота, затем ее место заняла кавалерия. Все же должным образом организованной постоянной армии до правления Петра I не было. Он создал ее и начал вести боевые действия по всем правилам военного искусства.

Когда Петр I взошел на трон, русская армия состояла из 2 драгунских и 27 пехотных полков. Великий царь, ощущая необычайную слабость своей конницы и понимая ее ценность, начал увеличивать численность своих драгун.

В 1701 году было сформировано 8 полков, в следующем году еще 1 полк, в 1703 году еще два, в 1704-м – еще четыре, в 1705 году – шесть. В 1706 году в последующие годы было сформировано еще шесть полков, в 1711 году еще один. Таким образом, в целом количество драгунских полков с двух в 1700 году выросло до тридцати в 1711 году. Кроме того, в 1709 году было создано три гренадерских драгунских полка, не имевшие штандартов.

Драгуны сражались как пешими, так и конными, их вооружение и снаряжение было приспособлено для двух этих целей. Для пешего боя у драгун были мушкеты, а для конного

боя имелись длинные прямые шпаги и пистолеты.

Намерение подобного использования драгун отчетливо проявляется в том факте, что их пятая часть имела топоры, одна десятая – большие заступы и другая десятая – лопаты, причем весь этот инструмент был приторочен к седлам.

Все это предназначалось для того, чтобы драгуны могли устраивать засеки и полевые укрепления, используя для защиты свои мушкеты. С 1700 года и вплоть до 1708 года мушкеты оснащались штыком-багинетом, который мог также быть тесаком.

Драгуны имели синие мундиры с белыми или красными воротниками, обшлагами и отворотами. Жилеты и штаны изготавливались из выделанной кожи. На ногах были надеты сапоги со шпорами, на голове – треуголка. Много позже, в 1802 году, ее заменили на каску.

После 1708 года мушкеты оснащались таким же штыком, как и у шведов. Юнкера, квартирмейстеры, знаменщики, сержанты и капралы драгунских полков не снабжались фузеями (легкими мушкетами), а были вооружены пистолетами как дополнительным (помимо холодного) оружием.

Драгунские полки строились в конном строю, а когда люди спешили и строились для пешего боя, они обычно строились в четыре шеренги.

Конница во времена Петра I Великого стала очень многочисленной. В 1720 году численность пехоты составляла 57 956 человек, в то время как численность кавалерии доходила до 36 333 конников. Сказанное говорит об огромном значении, придавав шемся коннице одним из величайших полководцев мировой истории.

В полной мере признавая ценность драгун, Петр I Великий в равной степени понимал значение легкой конницы. Он располагал большим количеством конных казаков, но хотел иметь и регулярную легкую кавалерию. Поэтому Петр I в 1707 году создал отряд из 300 легких конников, набранных из венгров, сербов, молдаван и валахов. В 1711 году численность легкой конницы была доведена до восьми полков. Но вскоре ее снова уменьшили, ибо содержание таких полков обходилось слишком дорого.

Тем не менее признание Петром значения таких легких конников оставалось настолько значимым, что в 1723 году он издал указ об образовании корпуса гусар, наделил землями тех, кто имел семьи, определив жалованье в том же объеме, как было принято в австрийской армии того времени.

Петр намеревался создать еще несколько гусарских полков, но этого не произошло до 1740 года (Петр I умер в 1725 г.). В 1721 году был сформирован лейб-гвардии кавалерийский полк, он состоял из дворян, идея заключалась в том, что он станет своего рода школой для обучения и подготовки офицеров для кавалерии. Система эта действовала девять лет.

Легкую конницу использовали для выполнения охранной службы, в мелких операциях во время военных кампаний, в то время как драгуны использовались чаще во время сражений. Обычно кавалерия при построении боевого порядка находилась на флангах армии. При приближении врага кавалерия, как правило, атаковала, если атака была неудачной, то конники отступали под прикрытие пехоты, вступавшей в бой.

В тот период русские войска не были слишком искусны в маневрировании на открытой местности. Вместе с тем они упорно и храбро сражались, в оборонительном полевом бою, а также с невероятным упорством защищали укрепления. Петр I Великий с удивительным мастерством использовал качества своих войск во время сражения при Полтаве, где, как мы помним, применил ряд стоявших особняком редуты, чтобы укрепить свою боевую линию.

В тот период Петр I Великий располагал огромной конницей численностью до 84 тысяч конников всех видов.

Русская кавалерия сослужила прекрасную службу во время нападения, произведенного русским летучим корпусом (корволантом) на корпус шведского генерала Левенгаупта (16 тыс.), который сопровождал огромные обозы с припасами к королю Карлу XII в сентябре 1708 года. Бой произошел на берегах реки Леснянки у деревни Лесная, где шведский командующий первоначально задействовал свой авангард, поставив его так, чтобы принять на себя приближающихся русских и дать время обозам отступить.

Утром 27 сентября подошедшие русские драгуны начали стрелять как из мушкетов, так и из орудий. После жестокой стычки Левенгаупт отступил к Лесной, где сосредоточил свои войска, подготовившись к упорному бою.

Царь следовал за ним буквально по пятам. Чтобы задержать его, он послал вперед 1 тысячу драгун под командованием полковника Кампбеля. Весь русский корволант состоял из десяти полков, полка драгун и трех пехотных полков (посаженных на коней).

В связи с особенностями почвы Петр Великий распорядился, чтобы драгуны спешили и построились в боевом порядке рядом с пехотой. Произошло жестокое сражение, когда спешившиеся драгуны прекрасно сражались на боевой линии как пехота, и битва закончилась победой русских, опрокинувших шведский авангард, отбросив его к главным силам Левенгаупта.

Затем стороны храбро сражались более четырех часов до темноты. Под покровом ночи шведы отступили, бросив обозы. На следующий день, плотно преследуемый (к русским подошла также конница Боура, около 5 тыс.), Левенгаупт бросил остатки обозов и продолжил отступать, за ним буквально по пятам следовали несколько полков русских драгун, подразделения калмыков и казаков под предводительством генерала Пфлуга, подошедшего вместе с арьергардом к Пропойску и разбившего их.

Перед нами один из значительных примеров нападения на обоз, его потери припасов оказались огромными, нанесенный шведской армии удар оказался непоправимым. В данном случае особую роль сыграла кавалерия.

Глава 19. Маршал Мориц Саксонский. Его размышления о коннице

Маршал Мориц Саксонский⁶³ был выдающимся полководцем, внимательным наблюдателем, равно как и глубоким мыслителем. Он мгновенно обнаруживал ошибки и промахи и всегда видел пути и средства к их исправлению. Сочинения его показывают понимание принципов военного искусства и считаются лучшими произведениями, посвященными искусству войны, из опубликованных в его время.

Среди других нововведений маршал Мориц Саксонский ввел во французской армии ритмичный шаг в ногу, что вскоре стало повседневностью в большинстве стран. Он также снова ввел пику как оружие кавалеристов, исчезнувшую было задолго до его времени. Назвав вооруженную таким образом кавалерию уланами, он ввел это понятие в обиход, уланами таких конников продолжают называть в некоторых армиях Европы вплоть до настоящего времени.

Его идеи, связанные с организацией и вооружением кавалерии, равно как и его тактика боя, оказались весьма примечательными, доказывают, что он прекрасно понимал особенности этого рода войск. Он считал, что кавалерию следует легко вооружать и снаряжать, с тем чтобы она могла дольше не уставать и совершать быстрые перемещения. Он настаивал на постоянных тренировках и хорошем обучении конницы.

Маршал Мориц Саксонский делил кавалерию на два рода, тяжелую кавалерию и драгун. Поскольку оснащение тяжелой кавалерии оказывалось дорогостоящим, такой конницы не должно было быть много. Тяжелая конница должна иметь сильных мощных лошадей, обученных простым и небыстрым движениям, держаться плотным строем, никогда не нарушая порядка и не допуская рассеивания. Такая конница, как и тяжелая артиллерия, должна быть опорой главных сил армии, никогда не использоваться для сопровождения, выполнения специальных заданий или разведки, а только для атак сомкнутым строем на поле боя.

⁶³ Мориц Саксонский – побочный сын (от графини фон Кенигсмарк) курфюрста Саксонии и короля Польши Августа II Сильного, союзника Петра I в Северной войне – один из 354 зафиксированных биографами детей этого монарха, «одаренного ненасытной чувственностью, необыкновенной жизнерадостностью и поистине богатырской силой».

Тяжелая конница должна была иметь кирасы и шлемы, передние ряды пики, шпаги длиной 4 фута (1,2 м), карабины, но они не имели пистолетов. Полагалось тщательно выбирать конников, ростом в 5 футов 6 или 7 дюймов (168–170 см), не дородных.

Как отмечает маршал, число драгун должно вдвое превосходить количество тяжелых конников, они должны действовать на небольших резвых лошадях. Полагалось быстро завершать маневры, причем они должны были так же хорошо знать перестроения пехоты, как и кавалерии. Драгун вооружили мушкетами, шпагами и пиками, последнее оружие служило им как пикинерам, ибо они часто сражались пешими. Рост драгун должен был быть небольшим, примерно 5 футов или 5 футов и 1 дюйм (152,4—155 см). Кавалерию, включая драгун, Мориц Саксонский строил в три шеренги.

Драгуны перед спешиванием должны были размыкать шеренги на такие дистанции, чтобы могли заехать четвертой или восьмой частью фронта направо, после чего получался эскадрон, построенный в восемь шеренг и обращенный лицом к правому флангу. Затем всадники слезали, связывали лошадей между собой и выстраивали фронт в первоначальном направлении. Правофланговые и левофланговые солдаты этих шеренг не спешивались и присматривали за остальными лошадьми. На драгун были возложены сопровождение, разведка, сторожевые обязанности, разъезды и т. д.

Маршал Мориц Саксонский четко не объяснил, как драгунам следовало использовать мушкеты, пики и шпаги, когда они сражаются пешими. Он явно не подразумевал, что драгуны должны спешиваться и сражаться, перегруженные таким количеством оружия. Очевидно, что первая шеренга в бою сражалась пиками, остальные использовали мушкеты. Спешенные драгуны должны были образовывать смешанные части из пикинеров и мушкетеров, наподобие тех, что были раньше.

Споря об оружии и его применении, маршал Мориц Саксонский оказался впереди своего времени. Он считал, что если кавалерию следует защищать от ударов холодного оружия, включая пики, то необходимо иметь возможно легкое защитное вооружение. Это должно заставлять кавалерию противника, не имеющую защитного вооружения, полагаться в основном на огнестрельное оружие. В этом случае, как он считал, кавалерия, которая полагается на огнестрельное оружие, будет опрокинута смелой и быстрой атакой. Он писал, что тяжеловооруженная кавалерия, которая, невзирая на огонь, храбро атакует, вскоре вступит в бой с врагом, понеся относительно небольшой урон.

Здесь маршал Мориц Саксонский явно упустил из виду, что чем тяжелее вооружение, тем меньше быстрота действий конницы и, следовательно, легковооруженные конники будут обладать большей быстротой и более совершенным оружием. Это уже показывалось на примере парфян.

Именно маршалу Морицу Саксонскому приписывают изобретение карабина, заряжаемого с казенной части, которым он вооружил сформированный полк улан. Этот карабин имел много технических недостатков, переносился на ремне всадником. Имевшие 12 футов (около 3,7 м) в длину пики весили около 6 фунтов (2,7 кг), служили вместо шестов для палаток.

Отметим, что в целом инструкции Морица Саксонского для кавалерии, находящейся на марше, весьма целесообразны. Особое внимание маршал уделял сохранению постоянного ровного аллюра. Он также учил кавалерию караколированию, поворотам направо и налево четвертой или восьмой частью фронта, как занимать позицию в любом направлении. И как уже говорилось в отношении драгун, спешиваться по мере необходимости или, напротив, садиться на лошадей во время боевых действий.

Мориц Саксонский требовал, чтобы при атаке соблюдался порядок и сомкнутый строй, порядок должен был сохраняться и в ходе преследования. Люди должны всегда помнить о штандарте своей части и собираться у него. Атака должна начинаться рысью и постепенно переходить в галоп. Последние 20–30 шагов от противника конники должны проходить на полной скорости, карьером.

Маршал придерживался мнения, что кавалерию следовало обучать умению проходить

галопом на должном порядке длинные расстояния, он говорил, что тот эскадрон, который не может атаковать на 2 тысячи шагов на полной скорости, не нарушая своих рядов, не годится для действительной службы. Маршал Мориц Саксонский считал сказанное совершенной необходимостью и для тяжелой кавалерии, и для драгун. От последних требовали также умения действовать в разомкнутом строю, обучали такому бою в первую очередь.

Мориц Саксонский советовал, чтобы лошадей постоянно тренировали и зимой, поддерживая их в должном состоянии. Следовало также последовательно приучать их к выстрелам из мушкетов и пушек, чтобы они не реагировали ни на шум, ни на огонь, ни на дым.

Страстная энергия Карла XII и уложения маршала Морица Саксонского придали кавалерии необычайную мобильность. Без сомнения, они оказали значительное влияние на Фридриха II Великого, которому приписывают восстановление прежнего значения и репутации кавалерии после 2 тысяч лет превратностей и неустойчивости. Именно он отмел многие ложные представления и восстановил в равной мере если не большее величие, но славу конницы, которая во времена Александра и Ганнибала завоевала непреходящую славу.

Улучшения в вооружении, организации и тактике также завершили при Фридрихе II Великом. Далее мы проследим действия кавалерии под влиянием того фактора, который можно определить как прусскую систему или систему Фридриха, ставшую в течение многих лет образцом для кавалерии во многих странах.

Часть четвертая. От Фридриха II Великого до введения нарезного оружия. 1740–1854 годы

Глава 20. Конница Фридриха II Великого

Организация и тактика его кавалерии

Когда Фридрих II Великий взошел на прусский трон (в 1740 г.), он получил армию, которая отличалась высоким уровнем дисциплины, была способна совершать быстрые и точные маневры на поле боя, но система обучения которой явно была ошибочной. Конники отличались высоким ростом, ездили на мощных лошадях, были прекрасно обучены стрельбе как спешившись, так и верхом на коне. Сама же конница оказалась тяжелой и совершенно неспособной к быстрым передвижениям. Фактически в то время кавалерия всех европейских государств представляла собой массу тяжеловесных конников, неспособных быстро перемещаться, идущих в атаку рысью и сражавшихся в основном посредством пистолетов и карабинов.

Перемешав во время своей первой битвы при Мольвице (1741) батальоны пехоты с кавалерией и добившись хороших результатов, Фридрих очень скоро увидел недостатки подобной системы сражения. По примеру шведского короля Карла XII, он начал реализацию широкой программы реформ своей кавалерии, которые вскоре превратили ее в самую эффективную из всех когда-либо существовавших.

Первая перемена касалась совершенного запрещения использования конниками огнестрельного оружия. Фридрих II требовал, чтобы кавалерия атаковала карьером, во весь опор, действуя холодным оружием. Он учил своих конников не обращать внимания на огонь вражеских подразделений, устремляться на них самым решительным образом и таким порядком, чтобы быстрая атака оказалась самой результативной. Для этого Фридрих максимально облегчил вооружение и снаряжение своих солдат, а также тщательно обучал своих солдат перемещаться быстро и сохраняя порядок на любой местности и почве.

Прежде всего прусский король стремился обучить свои кавалерийские части сохранять сомкнутый строй и верное направление, сохраняя порядок в ходе марша на значительные дистанции. Благодаря постоянным тренировкам к началу Семилетней войны прусская

кавалерия могла совершать все свои маневры в идеальном порядке на полной скорости.

В своем панегирике, посвященном королю Пруссии, Гибер пишет: «Только в Пруссии офицеры и солдаты обладают уверенностью в лошади и смелостью в управлении ею, составляя как бы одно целое с ней и оживляя древнее сказание о кентаврах. Только там можно увидеть маневры 60–80 эскадронов числом в 130–140 конников каждый, составляющих фланг всей армии; только там можно видеть 8—10 тысяч всадников, производящих атаку на несколько сот сажен в совершенном порядке и после остановки начинающих подобную же атаку против внезапно появившегося на новом направлении противника. Во всех лагерях и на всех смотрах, какие проводил Фридрих, он придавал самое пристальное внимание именно этим атакам огромных масс кавалерии и именно такие действия ценил превыше всего».

Уже маршал Мориц Саксонский считал, что кавалерия должна быть способной атаковать на полной скорости на расстояние в 2 тысячи ярдов с сохранением сомкнутого строя. Понимая значение данного представления, Фридрих II использовал каждую возможность, чтобы приблизиться к отмеченному стандарту. Его старые генералы противодействовали его инновациям, однако Зейдлиц и Цитен поддерживали и соответствующим образом помогали своему королю. Когда подобный монарх и такие генералы кавалерии появляются в одной и той же армии, вовсе не удивительно, что на весь мир вскоре разнесется слава их конников, организованных, обученных и руководимых такими блестящими и энергичными лидерами. Из двадцати двух больших сражений, выигранных Фридрихом II, по крайней мере пятнадцать выиграно благодаря его кавалерии.

В то время конница достигла вершины своего развития. Все способствовало этому, требовался только гений, который бы открыл шлюзы и воспользовался накопленным опытом, позволив проявиться кавалерии во всей мощи. В течение почти пятидесяти лет как лошадь, так и пехотинцы во всех армиях полагались в основном на огнестрельное оружие. Пехота отставила пики, начала применять штык, оказавшийся хорошей защитой против кавалерии, атаковавшей рысью, но не справляющийся с стремительной атакой на полной скорости.

Медлительные и неповоротливые конники, против которых Зейдлиц и Цитен вели быструю и подвижную кавалерию Фридриха II, не могли огнем своих пистолетов и карабинов противостоять атаковавшим на полной скорости прусским эскадронам. Разгоряченные быстрым движением, они буквально вонзались в ряды противника. Как справедливо заметил Варнери, «опыт убедил меня, причем более чем сотню раз, что эскадрон, полагающийся только на огнестрельное оружие, будет опрокинут эскадронами, атакующими его на полной скорости без единого выстрела».

Пехота, не приспособленная к новой тактике конницы, также поначалу бралась на испуг и терпела поражения. Если ее разбивали, устраивали кровавую бойню, то это оказывало серьезное воздействие на оставшуюся часть армии. Один или два успеха настолько поднимали дух кавалерии и настолько вгоняли в уныние пехоту, что во время каждого последующего боя конники более легко ломали ряды пехотинцев. Уверенность в успехе позволяла им атаковать более отважно, сокрушая все на своем пути. Здесь и кроется одна из причин удивительных и продолжительных успехов кавалерии под руководством Фридриха II Великого во время Семилетней войны.

Ни в какое другое время древней или современной истории, даже во времена войн Ганнибала и Александра, не отмечаются более блестящие победы, совершенные кавалерией, чем те, какие одержали конники Фридриха Великого во время его последних войн. Секрет их успеха лежит в тщательном обучении каждого конкретного солдата владению холодным оружием и совершению постоянных маневров массами. Не говоря уже о пламенной энергии, равно как и военном искусстве великих генералов, командовавших ею.

Во время первой битвы Фридриха II при Мольвице, когда его кавалерия еще продолжала оставаться неповоротливой, такой же, как была, когда он взошел на трон, императорская (австрийская) кавалерия, приобретшая некоторый опыт в сражениях против

турок, напала на прусских конников, действуя холодным оружием, и нанесла им поражение. Возможно, случившееся произвело особое впечатление на Фридриха II и, весьма вероятно, привело к тому, что он провел множество перемен в своей тактике.

Фридрих II не только велел своей кавалерии атаковать, действуя холодным оружием, но требовал от своих офицеров всегда атаковать первыми, придерживаясь той точки зрения, что атака является единственным видом боя, соответствующим кавалерии. Из подготовленной им инструкции для своих конников мы можем увидеть, что он старался как можно выше поднять их воинский дух: «Если предстоит атака, то она должна быть произведена по указанным правилам, а именно: сначала большой рысью, а затем широким галопом, но всегда сомкнуто. Его величество уверен, что при соблюдении этого правила неприятельская конница будет всегда опрокинута». В записке к сказанному следует особое вдохновляющее дополнение: «N. В. Если окажется так, что какой-либо солдат не выполняет своих обязанностей или собирается пуститься в бегство, первый офицер или унтер-офицер, заметивший это, должен проткнуть его своим палахом». Из отрывка видно, что Фридрих II использовал все возможные средства, вплоть до самых суровых, поощряя свою кавалерию совершать великие подвиги.

Руководствуясь этой системой, легко представить, как быстро прусская кавалерия, собравшись и наступая стремительно, смогла обрести огромное превосходство над медленно наступавшими и неповоротливыми конниками других германских государств и над французскими конниками с их свободным и не достаточно сомкнутым построением. Тогда у французов было принято два вида атаки: атака рысью в сомкнутом строю, которую они называли *en muraille*, и атака на скорости (карьером) в разомкнутом строю (*en fourageurs*). Превосходство прусской конницы было столь велико, что прусские гусары и другая легкая кавалерия смело атаковали тяжелых австрийских кирасир и драгун, которых часто опрокидывали и обращали в бегство.

Кроме перемен общих принципов использования своей кавалерии Фридрих II провел много ценных улучшений в ее организации и тактическом построении. Его конница состояла из кирасир, драгун и гусар.

Кирасирский полк делился на пять эскадронов, эскадрон – на две роты по 70 конников в каждой. Обыкновенно конники строились в три шеренги, причем третья шеренга служила для пополнения разрывов в первых двух при движении в атаку. Сохранение трехшереножного строя на галопе представляло большие затруднения; особенно плохо приходилось второй шеренге, сжатой между двумя другими. Таким образом, построение в две шеренги вскоре стало насущной необходимостью для обеспечения мобильности кавалерии. Во второй половине Семилетней войны оно было принято как во Франции, так и в Пруссии.

Во время операций на поле боя Фридрих II велел, чтобы во время атаки кавалерия строилась в две линии, первая с очень небольшими интервалами между эскадронами, вторая – с более широкими, примерно равными длине фронта эскадрона.

Вторая линия служила резервом, через интервалы которого могла отступить первая линия, в то же время вторая линия следила за флангами, чтобы встретить фланговое движение противника, если таковое начиналось. Прусский монарх относился к фланговым атакам с предпочтением и считал, что его конники должны атаковать врага таким образом везде, где только возможно, поскольку почти всегда фланговая атака приводит к успеху. В то же время, если при остановке или на марше произойдет внезапная атака со стороны фланга врага, его всадники смогут всегда ее отразить.

Обучая свою кавалерию в мирное время, Фридрих II часто практиковал атаки сомкнутым строем без всяких интервалов, справедливо полагая, что, обучаясь таким образом, его конники легче совершат маневры перед врагом, когда построятся с небольшими интервалами в пять или шесть шагов между эскадронами. Сами эскадроны делились на два дивизиона в двадцать четыре шеренги каждый, куда входили два взвода по двенадцати шеренг каждый, и каждый взвод делился на два отделения по шесть шеренг.

Как показывает само обозначение кирасиров, они носили кирасы. В каждом кирасирском полку было 37 офицеров, 70 унтер-офицеров и 12 трубачей. Большинство драгунских полков имели такую же численность и организацию, как и кирасирские. Тем не менее один полк драгун насчитывал три эскадрона, два других по десять эскадронов, однако в данном случае речь идет об исключении.

Гусарские полки имели по десять эскадронов в каждом, однако сами эскадроны не были многочисленными. В каждом гусарском полку насчитывалось 1440 конников при 51 офицере и 110 унтер-офицерах. Мы видим, что количество старших и младших командиров было большим, чем в австрийской армии.

Хотя Фридрих II запрещал своим конникам использовать огнестрельное оружие, когда они находились в сомкнутом строю, он прекрасно понимал его роль для отдельных подразделений своей кавалерии, особенно при действиях разъездов, разведки, в ходе беспокоящих противника действий, караульной службы и др. Чтобы воины умели пользоваться огнестрельным оружием, они упражнялись в стрельбе, учились быстро его заряжать и тщательно прицеливаться.

Поскольку прусская кавалерия постоянно использовалась для несения караульной службы, разъездов и разведывательной службы всякого рода, действуя в виде небольших групп, а нередко и в одиночку, например как конные часовые, в нее набирали людей, которым можно было безоговорочно доверять.

Практически каждый день они имели возможность дезертировать, им постоянно приходилось арестовывать шпионов и дезертиров. Поэтому конники отбирались из сыновей мелких землевладельцев и крестьян. Родители считались ответственными за солдата и лошадь в случае дезертирства.

Все отмеченные позиции показывают, как тщательно Фридрих II рассматривал каждую мелочь, как он беспокоился о том, чтобы создать прекрасную кавалерию. Впоследствии он был хорошо вознагражден в этом отношении за свои усилия, ибо именно своей кавалерии Фридрих обязан практически всеми своими крупными победами.

Среди других улучшений в прусской кавалерии, как полагают, именно Фридрих ввел систему развертывания колонн движением эскадронов и взводов вполоборота направо и налево, прямо на свое место. Прежде голова колонны заезжала направо или налево и шла в новом направлении, пока вся колонна не вытягивалась за ней, а затем все части заезжали одновременно во фронт. Подобные частые повороты и движение флангом к врагу не устраивали короля. Он захотел сделать перестроение более простым и коротким по времени.

Когда Фридрих II предложил новую тактику некоторым из своих старых офицеров, те заявили, что такое никогда не делали и даже не думали об этом. «Тогда подумайте, – заявил король, – и сделайте». Они ответили, что многие переломают конечности, прежде чем смогут осуществить этот маневр. «Это означает, – добавил король, – что именно так мы добьемся победы». Эксперимент начался, сначала небольшими частями, затем массовым образом, и прекрасно завершился. В деталях его представляет граф Альгаротти в своих «Военных и политических письмах». Из них отчетливо следует, как энергично Фридрих II проводил свои реформы, действуя вопреки традициям и предубеждениям, существовавшим в армии в его время.

Кирасиры, то есть тяжелая кавалерия, обычно составляли первую линию, гусары ставились на флангах и в резерве, обычно они использовались во второстепенных военных операциях. Драгуны занимали среднее место между гусарами и кирасирами и действовали вместе и с теми и с другими. Отметим, что Фридрих II применял свою кавалерию для выполнения различных обязанностей, в частности, кирасир часто использовал как легкую конницу, гусар нередко заставлял действовать в сомкнутых эскадронах на поле боя, как будто они являлись тяжелой кавалерией.

Принятая Фридрихом II тактика действий его кавалерии, использование их большими массами, запрет стрелять подвергали их более, чем когда-либо, воздействию огня вражеских артиллерии и пехоты. Желая помочь своей коннице, Фридрих II сформировал подразделения

конной артиллерии, которая могла двигаться за своей кавалерией, устраиваться вместе с ней лагерем, сражаться вместе с ней в бою и с помощью своего огня пробивать путь атакующей коннице.

Благодаря отмеченному изобретению, оказавшемуся поразительным проявлением гения Фридриха II, кавалерия, не теряя своей подвижности, приобрела новые и значительные средства нападения и защиты. Фридрих II придавал батарее конной артиллерии, даже гусарам и иной легкой коннице.

Один из кавалерийских офицеров Фридриха II, генерал-майор Варнери, оставил превосходные работы по военному делу, его *Remarques sur le cavalerie* («Заметки о кавалерии») являются лучшей работой его времени, посвященной организации и тактике конницы, интересны они и тем, что передают мысли одного из лучших военачальников прусской кавалерии по данному предмету, поскольку обычно признают, что Варнери основывается на опыте Зейдлица, под чьим началом он служил и с которым находился в тесных дружеских отношениях. Определенную ценность представляют и другие его работы, хотя они не так интересны.

Его *Remarques sur le militaire et la marine des Turcs et des Russes* («Заметки об армии и флоте турок и русских») содержат большое количество ценной информации по поводу военных сил этих стран в его эпоху. Остальные его работы также посвящены военным вопросам. Хотя его труд *Campagnes de Frederic II Roi de Prusse de 1756–1762* («Кампании прусского короля Фридриха II 1756 и 1762 годов») подвергался весьма серьезной критике, все-таки он содержит большое количество интересных подробностей.

Варнери явно восхищался Зейдлицем и всегда называл его «этот великий человек», говоря, что невозможно довести кавалерию до большей степени совершенства, чем это сделал Зейдлиц. Рассуждая о своем полке конницы, Варнери писал, что он является образцом для кавалерии всего мира.

Заметим, что Фридриху II необычайно повезло в его выборе военачальников, его кавалерийские генералы Зейдлиц и Цитен оказались людьми необычайных способностей. Энергия и решительность первого отчетливо проявилась еще в то время, когда он был совсем юным офицером. Он также является великолепной иллюстрацией того духа, который воодушевлял командующего кавалерией.

Приведем отрывок из книги *Idees Pratiques sur la Cavalerie* («Практические идеи по поводу кавалерии») графа Рошфора: «Зейдлиц, которому Фридрих II во многом обязан своими успехами, являлся настолько искусным и решительным кавалеристом, что не мог даже подумать о том, что офицер кавалерии может быть захвачен в плен, если под ним не убьют лошадь».

Однажды он высказал это мнение, когда еще сопровождал короля в качестве капитана его гвардии. Фридрих, от которого ничто не ускользало, был поражен его замечанием и захотел подвергнуть его испытанию. Такой случай вскоре представился.

Эскорту велели перейти через мост, король остановился в середине его, повернулся к Зейдлицу, которого окружили спереди и сзади, и сказал ему:

«Вы осмелились заявить, что офицер кавалерии никогда не должен сдаваться в плен, это представление, без сомнения, храброго офицера, тем не менее встречаются случаи, когда невозможно сдаться, не уронив своей чести. Предположим, например, что мы являемся врагами и вас удерживают силой. Тогда что вы сделаете?»

Быстрый в решениях Зейдлиц вонзил шпоры в коня и вместе с лошадью бросился в поток, а затем целым и невредимым вернулся в свиту короля и стал рядом с ним. Затем отдал честь и сказал: «Ваше величество, вот мой ответ».

Зейдлиц точно чувствовал, когда следует проявлять отвагу, даже безрассудство и когда полагалось быть осторожным. Ни один человек еще не соединял так осмотрительность и тщательность суждений с неудержимой энергией и порывистостью.

Мальчишкой он отличался своим безрассудным и авантюрным нравом. В 7 лет он на полной скорости проскочил между лопастями ветряной мельницы. В 23 года был майором,

уже отличившимся в нескольких битвах. В тридцать два сделался полковником, командовавшим полком кирасир. В тридцать пять был произведен в генерал-лейтенанты и назначен командующим конницей.

Свою самую блестящую победу Зейдлиц одержал в битве при Росбахе в 1757 году, когда одержал самую решительную победу только со своими конниками. Его нападение на Готу, когда вместе с 1500 конниками он захватил город, защищаемый сильным отрядом пехоты и артиллерией, стал следующим эпизодом, где проявились его характер и способности.

Цитен также считался одним из самых любимых генералов кавалерии Фридриха II, соединявшим в себе, как писал его биограф, «мудрость с храбростью, презрение к опасности с решительностью, упорством, ловкостью и присутствием духа, активностью и самым совершенным разумным командованием. Он задумывал свои планы с постепенностью надвигающейся грозы и выполнял их с быстротой молнии».

Некоторое время Цитен являлся полковником и командиром полка прославленных гусар «с мертвой головой». Он служил в течение семидесяти лет и умер на восемьдесят шестом году жизни. Быстрота его решений была удивительной.

Однажды он заявил королю: «Как только я вижу врага, мои распоряжения уже готовы». Именно быстрота принятия решений стала залогом его величайшего успеха как генерала конницы.

В описании кампаний и сражений Фридриха II постоянно мелькает имя Цитена и всегда о нем отзываются с похвалой. Что же касается некоторых его сражений, то его имя покрыто славой.

Во времена Фридриха II Великого произошли существенные перемены в методике обучения отдельных конников, тщательной подготовке каждого еще до того, как их сводили в подразделения. Именно Фридрих II первым уделил главное внимание обучению каждого кавалериста умению управлять лошадью и владению оружием.

Нам известно, что и во времена рыцарства юношей обучали и тренировали с 14 лет, особое внимание уделяя езде на лошади, использованию копья, меча, булавы и секиры, возможно, рыцари были так же искусны в использовании оружия и верховой езде, как и всадники времен прусской монархии. Но рыцарей тренировали исключительно для одиночного боя, а не для действий в строю⁶⁴. Фридрих II же сделал огромный шаг вперед, сделав индивидуальное обучение основой для маневрирования и действий в составе подразделения и большой массы конников.

После Дрезденского перемирия 1745 года огромное внимание уделялось конному мастерству кавалеристов. В каждом полку устроили школу верховой езды с манежем, назначили берейтора и инструкторов по верховой езде, именно они и проводили постоянное обучение людей и лошадей. Солдат учили каждой детали верховой езды, а также искусству владения оружием на коне и фехтованию.

Благодаря принятым мерам каждый конкретный всадник обрел личную уверенность в своих собственных возможностях не только по управлению своей лошадью, но и в умении действовать оружием. Фактически никому из солдат не разрешалось выходить на полевые маневры до тех пор, пока он не проходил полный курс обучения и крепко не сидел в седле.

Результатом такого обучения как лошадей, так и людей и стала способность прусской конницы маневрировать большими массами с такой замечательной быстротой. Они смогли, как уже замечалось, исполнять все маневры на поле боя на галопе в неизменном совершенном порядке.

Зейдлиц и Цитен уделяли особое внимание обучению кавалеристов. После того как солдат проходил курс обучения в школе верховой езды на манеже, его начинали учить езде

⁶⁴ Исключением являются действия рыцарей Ливонского и других орденов, например построения клином («свиньей») рыцарей в битвах на льду Чудского озера (Ледовое побоище) в 1242 г. и при Раковоре (Раквере) в 1268 г.

на пересеченной местности, затем маневрированию в составе подразделения на любой местности на всех аллюрах. Зейдлиц привык упражняться со своим полком на полной скорости на необычайно пересеченной местности, отчего его люди нередко падали и разбивались, иногда до смерти.

Когда Фридрих II однажды указал ему на то, что на его занятиях происходит слишком много несчастных случаев, Зейдлиц спокойно ответил: «Если ваше величество будет сожалеть по поводу нескольких сломанных шей, то у вас никогда не будет тех отважных кавалеристов, которые вам так нужны на поле сражения». Этот рассказ является поразительным примером той атмосферы, в какой обучались и тренировались солдаты Фридриха II Великого.

Как уже упоминалось, на ровной местности кавалерия наступала сомкнутым строем. Так поступил Зейдлиц при Цорндорфе в 1758 году, атакуя сразу 70 эскадронами, что само по себе показывает высочайший уровень обученности его солдат маневрированию. Именно в маневренной мощи заключалась главная сила прусских конников. Заметим, что интервалы между эскадронами менялись, явно завися от особенностей местности и тактики противника.

В случае необходимости кавалерия обычно отступала эскадронами, обучалась спланировать вместо того, чтобы отступать в тыл. После атаки конница собиралась, чтобы избежать необдуманного и неорганизованного преследования и побуждать командующего продолжать наступательные действия, направленные на победу, противостоя атаке резервов врага, продолжая сохранять шансы на успех. Или разворачиваясь для удара во фланг или тыл любого корпуса войск противника, используя преимущество сомкнутого строя.

Система обучения была одинакова во всех родах прусской кавалерии. Кирасиры обучались точно так же, как и гусары: быстроте, упорядоченным маневрам, атакам в сомкнутом или разомкнутом строю. Эти приемы считались обязательными для тех и других. Все конники обучались также преодолевать канавы, перепрыгивать через изгороди, пересекать углубленные дороги, проходить селения и дефиле, прочесывать леса, производить разведку, то есть фактически все, что могло происходить на войне.

Легко представить силу кавалерии, прошедшей такое обучение, когда та оказывалась на поле сражения под началом деятельного и энергичного командующего, полагавшегося на холодное оружие и ближний бой. Доверяя холодному оружию, такие конники вскоре стали с презрением относиться к применению огнестрельного оружия, хотя его мог использовать противник. Рассмотрев особенности приготовлений Фридриха II к войне, читая о необычайной заботе, которую тот проявлял в отношении своих войск, мы вовсе не удивляемся его замечательным успехам, поскольку он действительно справедливо завоевал свою славу.

Познакомившись с переменами, проведенными Фридрихом II в военном искусстве, особенно связанными с организацией, вооружением и тактикой его кавалерии, было бы полезно проследить, как его конники проявляли себя на поле боя. Поэтому теперь мы обратимся к самым блестящим победам его конников, которые содержат бесценные уроки и для кавалерийских офицеров последующего времени.

Действия прусской кавалерии. Сражения при Гогенфридберге, Зооре, Гохкирхене, Праге, Росбахе, Лейтене и Цорндорфе

Победой в сражении при Гогенфридберге 4 июня 1745 года Фридрих в огромной степени обязан своей кавалерии. Цитен вместе с кавалерией левого фланга вброд форсировал речку Стригау и тотчас яростно напал на правый фланг австрийской армии, несмотря на необычайно трудную заболоченную местность. Не ожидавшие столь яростной атаки, австрийцы вскоре пришли в смятение и бежали. Оправдывая себя, они заявляли: «Мы не могли выступить против пруссаков, отчасти из-за той трясины, что лежала между нами, а также и потому, что они внезапно перешли через нее и набросились на нас».

На самом же деле австрийцы явно лишились мужества и испугались, увидев, с какой

уверенностью ведут себя пруссаки, заранее уверенные в успехе. В некоторых частях поля боя австрийские полки вовсе не выступали с ответными перемещениями, просто продолжали стрелять из своих ружей, а затем отступали.

Этот пример показывает, что обученность пруссаков позволяла их кавалерии действовать на той почве, на которой едва ли могла проявить себя австрийская кавалерия, последняя ожидала атаки на отдалении и соответственно терпела поражение. В центре кавалерия Фридриха II действовала блестяще.

Генерал-лейтенант Гесслер вместе с полком драгун из Байройта оказался на второй линии прямо перед брешью, которая открылась в прусской линии во время маневра, предшествовавшего общей атаке. Наблюдая за результатом ближнего боя, происходившего между линиями прусской и австрийской пехоты, он увидел, что находившиеся перед ним австрийские батальоны начали колебаться – огонь пруссаков и напряжение боя начали сказываться.

Гесслер тотчас включился в бой, распорядившись, чтобы пехота немного шире открыла проход, чтобы дать ему пройти, а затем повел свою конницу, выстроенную в две шеренги, в атаку с саблями наголо с необычайной горячностью устремившись на ошеломленных австрийцев. Двадцать батальонов противника были опрокинуты, пруссаки взяли несколько тысяч пленных вместе со штандартами, литаврами и прочим имуществом. Атака решила исход битвы, и австрийский командующий постарался побыстрее отвести остатки своей армии.

Во время данного сражения необычайно явственно проявился контраст между кавалерией пруссаков и той, что имели в своем распоряжении австрийцы, и хорошо видно, настолько сильно конники Фридриха II превосходили остальных на поле боя во всех аспектах, связанных с хорошей кавалерийской службой.

Во время сражения при Зооре 30 сентября 1745 года проявился другой примечательный случай превосходства прусской армии на поле сражения. Той ночью австрийская армия пробралась через леса, незаметно прошла вокруг правого фланга Фридриха II, в полной тишине, не закулив ни одной трубки, окруженная плотной завесой гусар спереди.

Австрийцы благополучно разместились на нескольких высотах справа от пруссаков, вскоре разместили 28 орудий в позиции вместе с 15 конными эскадронами в три линии, образовав свое левое крыло. Под огнем Фридриху II пришлось переместить свой фронт направо, австрийские же конники, бездействуя, сидя в седлах, наблюдали за поспешными маневрами и перемещениями.

У пруссаков все было иначе. Король велел генералу Будденброку атаковать их. Генерал и его кирасиры устремились на австрийцев на бешеной скорости. Австрийцы не выступили навстречу, не сдвинулись с места, продолжали неподвижно стоять в своих рядах, открыв только рассеянный огонь по быстро продвигавшемуся врагу.

Конники Будденброка, не обращая никакого внимания на огонь, обрушились на противника, опрокинули его, введя в замешательство, отбросили обратно на вторую линию и накатились дальше на третью линию, сметая всю массу солдат противника с высоты обратно в лес, откуда те больше не вернулись на поле боя.

Только одна атака кавалерии перевернула чашу весов, вскоре пехота захватила батарею и всех оставшихся на этом фланге австрийцев изгнали с поля сражения. Однако кавалерия Будденброка продолжала действовать, поскольку ей ничего не оставалось делать на правом фланге, она быстро переместилась на левый фланг пруссаков, который в это время вел оборонительный бой.

Усилив с помощью Будденброка свой левый фланг, прусская кавалерия неистово ринулась на кавалерию правого крыла австрийцев, которые не выдержали ошеломляющего натиска прусских конников, поддались и были опрокинуты, отойдя в леса, находившиеся в тылу.

Пруссаки не стали их преследовать, повернули направо против открытого фланга австрийской пехоты, ударили по нему, захватив 2 тысячи пленных, заставив остальных

бежать. Этот заключительный удар и обеспечил победу. Одновременно он стал прекрасным примером искусной кавалерийской тактики из тех, что мы уже рассматривали в нашем исследовании.

В битве при Гохкирхене (Хохкирхе) 14 октября 1758 года австрийская армия вновь обошла правый фланг Фридриха II и, напав ночью, выбила его армию с позиций, заставив отойти. И в этом случае именно прусская кавалерия сослужила самую значимую службу, весьма существенно приостановив продвижение неприятеля. Таким образом она предотвратила полный разгром пруссаков.

Со свойственной ему всегда отвагой и осторожностью Цитен предусмотрительно распорядился, чтобы все его гусары были одетыми, а лошади оседланными и были готовы при первой же тревоге вступить в действие. Вскоре они пошли в атаку в своей решительной манере. Они атаковали австрийцев настолько неистово, что те не смогли ничего им противопоставить в своей части поля. С рассветом Фридрих II смог отвести свою армию в полном порядке на новые позиции. Если бы не храбрость и бдительность Цитена и его гусар, отступление вряд ли бы удалось завершить без непоправимых потерь.

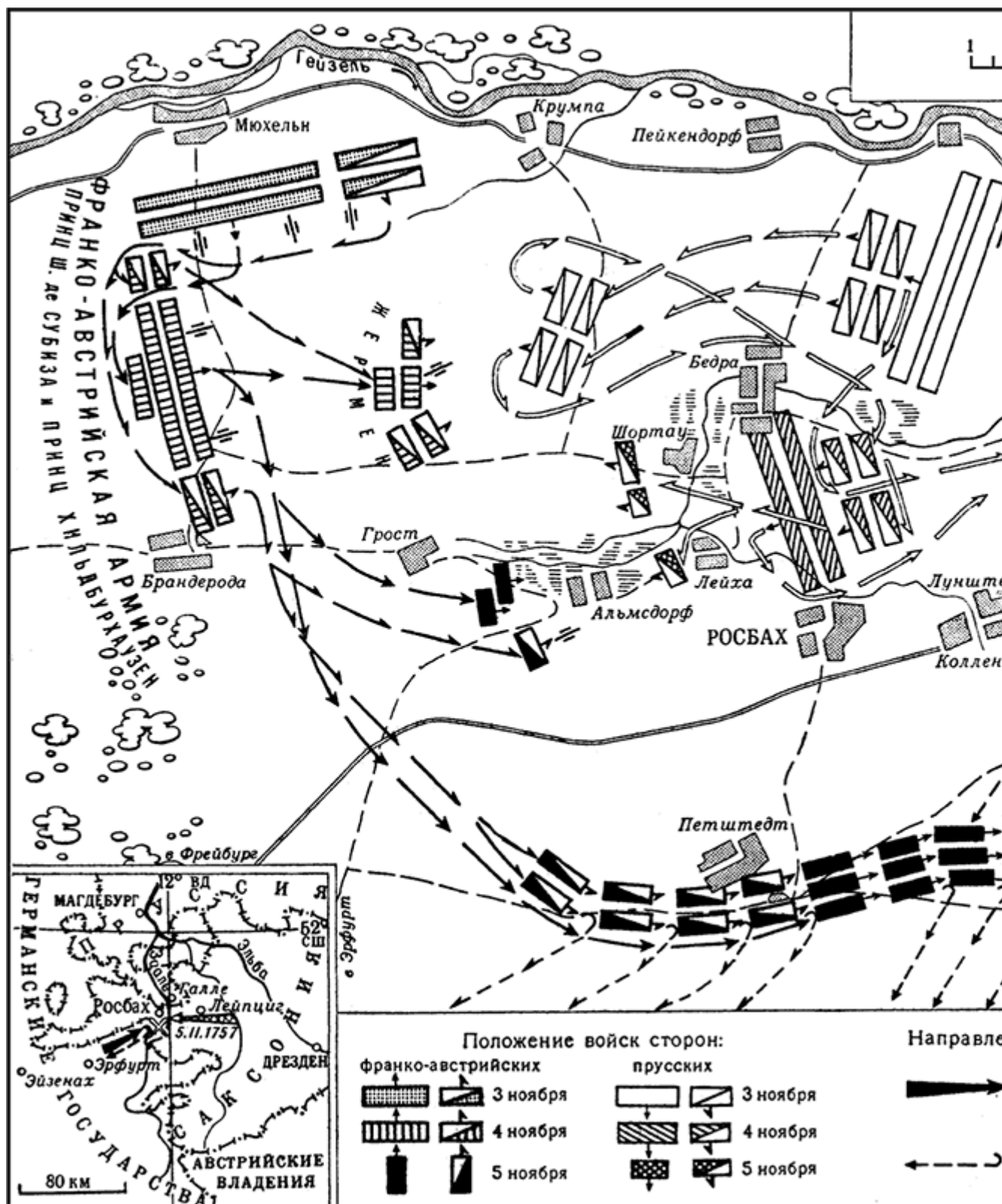
Во время битвы при Праге 6 мая 1757 года часть очень тяжеловооруженной кавалерии сражалась на левом фланге прусской армии, и ей удалось обойти австрийцев в ходе флангового марша при полном дневном освещении. Заметив разворачивающийся маневр врага, австрийцы тотчас повернули свою кавалерию на правый фланг, отведя ее назад и образовав правые углы на первоначальной линии. Своих конников, числом в 104 эскадрона, они построили в три линии, с интервалами, равными фронту эскадрона.

Прусская кавалерия этого крыла под началом князя Шенайха насчитывала только 65 эскадронов. Все же в своей обычной решительной манере пруссаки устремились в атаку на полной скорости. Австрийцы стояли неподвижно, пока продвигавшиеся конники не подошли на пятьдесят шагов, тогда они выстрелили залпом из карабинов и бросились навстречу.

Столкнувшись с превосходящим по численности противником, пруссаки были остановлены и дважды отходили. Все же во время третьей атаки генерал Цитен вместе со своими гусарами и полком драгун обрушился с такой силой, что австрийская кавалерия была полностью разгромлена и отброшена вместе со своей собственной пехотой в полном беспорядке.

Генерал Варнери приводит подробности весьма интересной атаки, произведенной его полком против гусар Гаддика, когда он обошел пруд, примкнув к нему свой правый фланг, чтобы избежать охвата. Именно с действиями полка Варнери во время этого сражения в основном и связывается общий успех прусской кавалерии во время этого сражения.

Битва при Росбахе, случившаяся 5 ноября 1757 года, возможно, оказалась одной из тех, где именно кавалерия имела самое значительное влияние на ее исход, поскольку она была выиграна почти в основном благодаря этому роду войск. Всего несколько полков пехоты подошли вовремя, чтобы принять участие в деле.

Сражение у Росбаха 5 ноября 1757 г.

Союзная франко-имперская армия (всего 43 тыс.), оставив на своем левом фланге небольшой отряд (8 тыс.), стала обходить левый фланг армии Фридриха II (22 тыс.). Вскоре прусский король разгадал намерения союзников и тотчас принял меры, чтобы расстроить их планы. Он быстро переместил свою кавалерию за холмы, скрывшие их маневр, и перестроил их в линии точно в соответствии с маршрутом, по которому перемещались союзные войска.

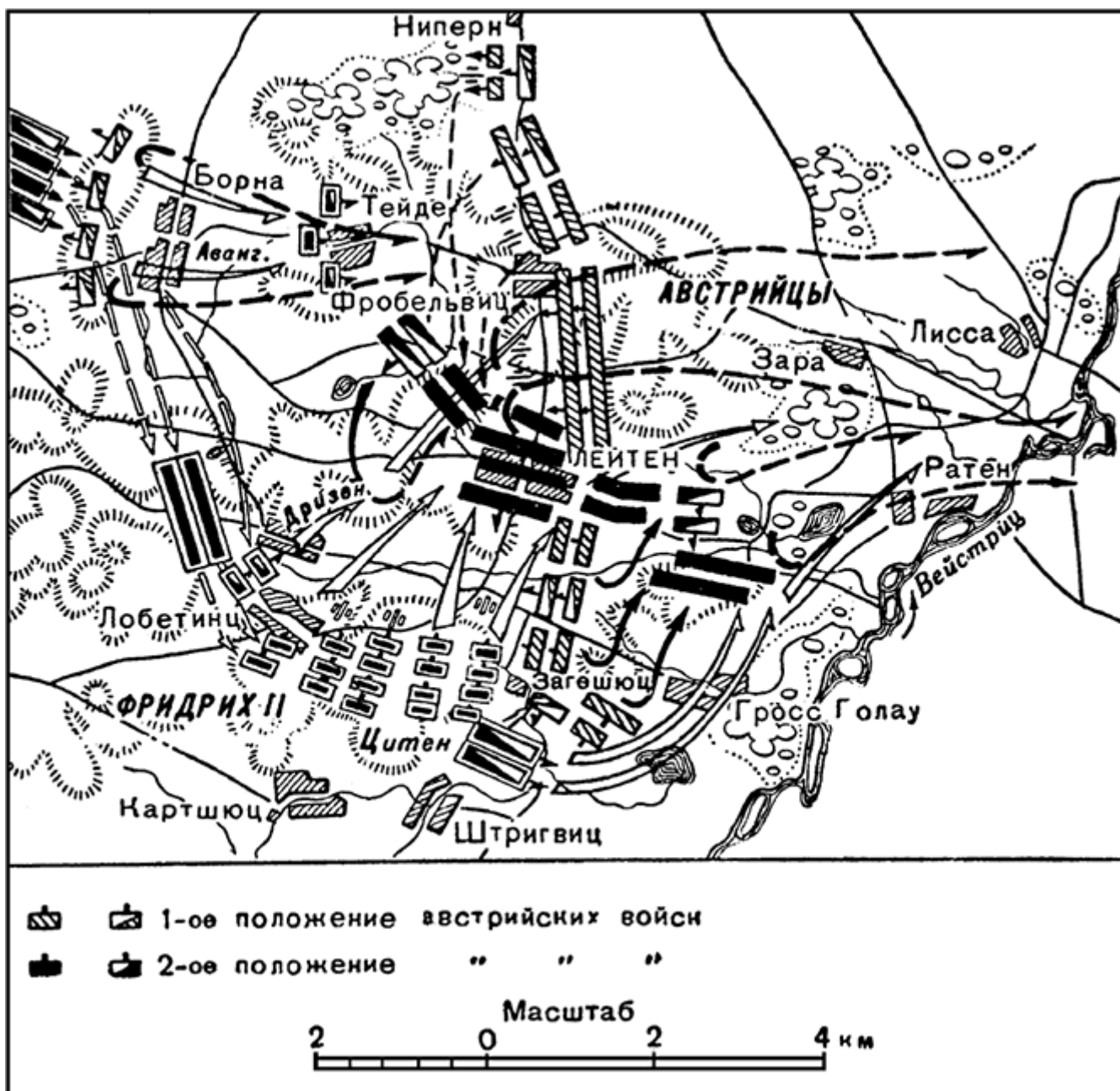
Когда те подошли, прусская конница, ведомая Зейдлицем, яростно напала на головную часть колонны австрийцев и французов, прежде чем те смогли развернуться, и заставила их

повернуть в замешательстве обратно. Союзники попытались построиться, но пруссаки возобновили свою атаку так быстро, что все попытки противника организовать сопротивление оказались тщетными. В это время пехота союзников попыталась построиться, но Фридрих II сразу же атаковал ее с подошедшими к этому времени шестью или восьмью батальонами пехоты и смог при поддержке артиллерии и конницы сломить сопротивление головных частей колонн союзников и вскоре отбросил их в полном беспорядке.

Командовавший союзниками принц Субиз выдвинул резерв кавалерии, надеясь восстановить порядок и дать время своим войскам сплотиться и построиться, однако прусские конники вскоре обрушились на конницу союзников и обратили в продолжительное бегство. Пруссаки гнались за ними, и только приближение ночи прекратило преследование.

На следующий день на рассвете король вместе с гусарами и драгунами начал преследование отступающей армии противника. Вскоре он нагнал французский арьергард, разместившийся в каких-то обнесенных заборами садах и в замке. Понимавший значение драгун, Фридрих II тотчас заставил их спешиться и, сделав из них пехотинцев, атаковал и выбил врага из садов и почти собрался атаковать замок, когда противник покинул его и бежал через реку Унструт, при этом сжег за собой мост.

Этот пример использования драгун показывает, что, несмотря на приоритет холодного оружия, Фридрих умел использовать огнестрельное оружие в тех случаях, когда его применение оказывалось самым выгодным.

Сражение при Лейтене в 1757 г.

Описывая Росбахское сражение, Беренгорст прекрасно выразил дух кавалерийской тактики прусской армии: «На полях Рейхардсвербена ярко проявился гений прусской конницы. Если конница на поле сражения стоит наготове, как задержанный поток, и по данному знаку разливается по полю, сметая все преграды, то она достигает идеала кавалерии, как и поступил Зейдлиц. В этот день Субиз и Хильдбурхаузен были стерты с лица земли».

В битве при Лейтене 5 декабря 1757 года Фридрих одержал великую победу над австрийцами благодаря искусному использованию косо́го боевого порядка. Во время этого сражения прусская кавалерия правого крыла была подержана четырьмя батальонами пехоты, которые король поставил в тылу кавалерии, чтобы прикрыть ее фланг.

Полагают, что эти батальоны оказали большую помощь, остановив своим огнем кавалерию Надасди, которая налетела на прусских конников на фланге и смяла несколько полков. На левом крыле Фридрих поместил генерала Дризена вместе с кавалерией, чтобы защитить фланг своей пехоты со строгим предписанием не брать ничего другого в голову.

Укрывшись в лощине, Дризен терпеливо ожидал, пока Лукези вместе с

многочисленной кавалерией австрийской правой части начал атаку на фланг прусской пехоты, ожидая, что он сможет проскочить и не встретится с градом пуль со стороны пруссаков. Выступив в безупречном порядке, Дризен яростно обрушился на фланг и тыл австрийских конников. Совершенно изумленные и столкнувшиеся с огнем пехоты с фронта и прусской конницей с тыла, австрийцы обратились в бегство и рассеялись во всех направлениях.

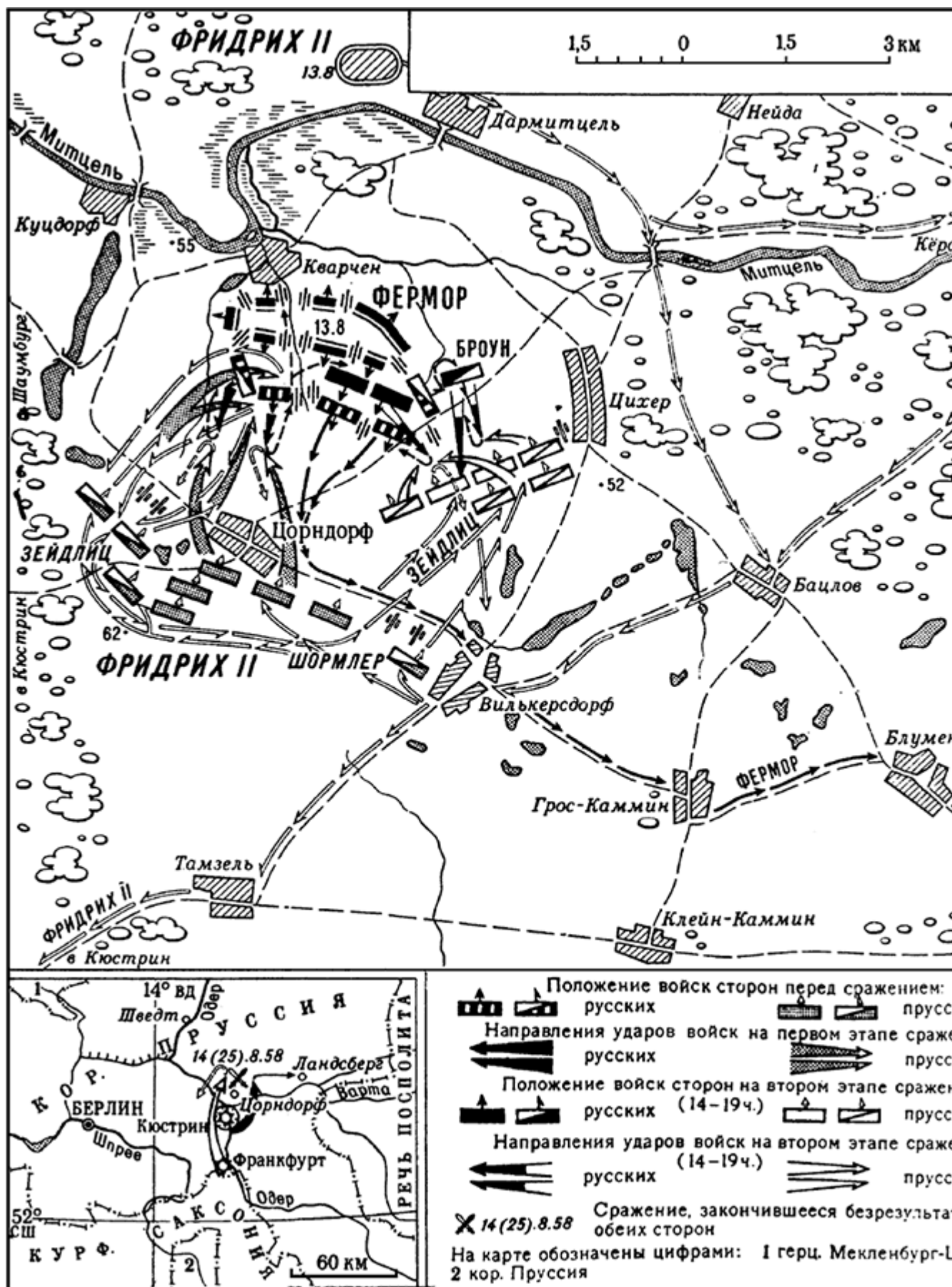
В отмеченной битве, как и во всех сражениях Фридриха II, кавалерия внесла весьма существенный вклад в победу благодаря тому, что ее храбро направляли и ею искусно командовали. К тому времени и австрийцы проявили те качества, какими должна обладать кавалерия. На своем фланге Надасди удачно атаковал своей кавалерией Цитена, и прусскую кавалерию выручил огонь четырех батальонов пехоты, остановивший австрийцев.

Именно Зейдлиц решил исход битвы при Цорндорфе 25 августа 1758 года атакой своих кирасир. Русские предприняли отчаянную атаку на прусский фронт, натиск оказался настолько сильным, что пехота короля была вынуждена в беспорядке отступить. Образовалась значительная брешь в прусской линии, и весь прусский левый фланг обнажился.

Уверенные в победе, русские истоптанно бросились вперед с криками «Ура!», разметали всех перед собой и захватили 26 орудий. Казалось, что сражение проиграно, когда Зейдлиц вместе со своими примерно 5 тысячами конников перешел через болотистый Цаберн-Грунд и неудержимо бросился вперед, ударив во фланг продвигавшихся русских. Те в эйфории успеха потеряли порядок и смешались. Тотчас в их ряды врезался устремившийся вперед эскадрон кирасир, ведомый пылким Зейдлицем.

Русские продолжали храбро сражаться, вовсе не собираясь отступать или сдаваться, прусская кавалерия рубила их до тех пор, пока от усталости она не оказалась вынужденной прекратить бой.

После этой вторая линия или, вернее, вторая, задняя половина четырехугольника, в виде которого была построена русская армия, встала в должном порядке, чтобы предпринять новую попытку выиграть сражение. Фридрих II в свою очередь бросил в атаку свою пехоту правого фланга.

Цорндорфское сражение 14 (25) августа 1758 г.

Едва его пехота подошла к русским на расстояние ружейного выстрела, как русская

кавалерия, поддерживаемая своими пехотинцами, отважно устремилась вперед. Контратака русских остановила продвижение пруссаков, прусский центр был разбит, русские захватили батарею и пленили батальон пехоты.

Тогда сам Фридрих II устремился вперед и лично попытался сплотить свои расстроенные войска, но безуспешно. Судьба сражения вновь зависла в воздухе, когда тут снова появился Зейдлиц во главе 61 эскадрона, переведя их с другого конца поля, и быстро устремился на победившую русскую кавалерию, отбросил ее в болота Мейтцеля, так что она уже не смогла снова вступить в битву. Фридрих тотчас понял, что своим успехом он обязан Зейдлицу. Однако исход сражения оказался настолько спорным и неявным, что обе стороны говорили о своей победе⁶⁵.

Глава 21. Австрийская конница во время войн Фридриха II Великого

В то время кавалерия австрийской армии состояла из кирасир, драгун и гусар. В известной битве при Праге их кавалерия насчитывала 77 эскадронов кирасир, 42 эскадрона драгун и 35 эскадронов гусар.

Существовали явные различия между конницами прусской и австрийской армий. Как мы знаем, Фридрих II уделял основное внимание обучению своей кавалерии маневрированию, действиями на поля боя большими массами. Особое внимание уделялось именно этому, меньшее – обучению тем обязанностям, какие обычно приходилось выполнять кавалерии. Поэтому прусские конники были обучены караульной и разведывательной службе хуже, нежели действиям на поле битвы.

Австрийская армия, напротив, располагала большим числом частей иррегулярной легкой кавалерии, совершенно неспособной противостоять стремительному натиску сомкнутого строя эскадронов прусского короля на открытой местности. Однако в разведке, разъездах, в прикрытии главных сил армии австрийцы намного превосходили своих противников. Они отличались также умением действовать в лесах и на пересеченной местности, в нападениях на отдельные отряды, если случалась такая возможность. Правда, при упорном сопротивлении и контрударе австрийцы обычно отходили, умело используя складки местности.

Хорошо организованная сторожевая служба австрийцев стала их важным преимуществом, тогда как Фридрих II постоянно испытывал большие трудности из-за того, что уступал в данном отношении. Великолепные качества его кавалерии, ее отличные обученность и моральный дух позволяли одерживать победы на полях сражений, но недостаточно организованная сторожевая служба слишком часто серьезно сводила на нет достигнутые успехи.

Фридрих II постоянно пишет о том, с каким трудом он преодолевал необычайную бдительность, ловкость и сообразительность австрийских гусар, стремясь осуществить скрытные передвижения своей армии. Как он отмечает, в 1744 году австрийцы имели в своем распоряжении 10 тысяч венгерских гусар, перерезавших все коммуникации прусской армии на пересеченной местности с множеством болот, лесов, дефиле, вершин и ущелий.

Фридрих II пишет, что австрийские конники внимательно следили за всем, что происходило в его лагере, в то время как любой его разъезд непременно захватывали в плен. Таким образом прусская армия фактически была блокирована в своем лагере, что создавало дополнительные сложности в фуражировании и добыче продовольствия.

Во время Семилетней войны австрийцы располагали отрядом улан, которые были набраны из жителей Украины. Внешне, по одежде и манере ведения боя они напоминали

⁶⁵ Русская армия потеряла свыше 16 тыс. убитыми, ранеными и пропавшими без вести, пруссаки свыше 11 тыс. Выбившись из сил, заночевали на поле боя, а на следующий день разошлись в разные стороны.

татар и калмыков. Они были вооружены пиками примерно в 15 футов (свыше 4,5 м) длиной, пистолетами, саблями, иногда карабинами, и, как отмечает генерал Ллойд, некоторые имели луки и стрелы. Кроме того, в австрийской армии было несколько иррегулярных легких конных отрядов хорватов, также принимавших участие во всех сражениях против Фридриха II, так что в легкой коннице австрийцы обладали преимуществом над пруссаками.

В этой войне венгры организовали в составе австрийских войск корпус конных стрелков, которые выполняли самые значительные поручения. Они были вооружены нарезными ружьями с коническими затравками и отдельной частью входили в состав армии герцога Брауншвейгского.

В «Истории жизни Фридриха II Прусского» Карлейль⁶⁶ пишет о необычайных трудностях, которые претерпевал король, стремясь заполучить информацию о передвижениях противника. В начале кампании 1741 года Фридрих II совершенно не знал, что происходит за пределами расположения его армии, за тучами легких неприятельских войск, наводнивших всю страну вокруг. Его разъезды не могли пробиться, даже более сильные отряды ничего не могли поделать, и враг прикрылся непроницаемой завесой.

В сентябре и октябре 1744 года Фридрих II снова был поставлен в затруднительное положение благодаря превосходству легкой конницы противника, которая перемещалась в густых лесах, среди кустарников, в скалистых долинах. Выдворить оттуда легких конников врага и разбить оказывалось невозможным, они быстро перемещались и быстро возвращались, когда преследование прекращалось.

Практически невозможно было вести фуражировку, для этого надо было отправлять целые полки. Письма и приказы перехватывались. Карлейль пишет, что в это время легкая кавалерия «заслоняла свет солнца», когда из шести посыльных, отправленных к находившемуся на расстоянии генералу, были перехвачены все шесть.

Три сумки с письмами, предназначенными для самого короля, также перехватили, так что в течение четырех недель Фридрих II был совершенно отрезан от всей Европы, не ведая, что делали в это время император, король Франции или какой-нибудь другой правитель.

Во время стычки у Тейницкого моста через Эльбу австрийские конники напали на авангард пруссаков под командованием Цитена и захватили переправу, помешав форсировать реку. Только когда они подошли на близкое расстояние, железная дисциплина и равномерные атаки прекрасно обученных прусских гусар привели к тому, что они побили врага и отступили, не нарушив строя.

В октябре 1744 года, когда Фридрих разместился в лагере при Конопиште в Богемии (Чехии), он понял, что его гарнизоны в Будвайсе, Таборе и Фрауэнберге могут захватить. Поэтому он послал одного за другим восемь гонцов с приказом присоединиться к нему. Все восемь были захвачены австрийскими отрядами легкой кавалерии, так что ни один приказ не дошел до трех гарнизонов, куда входило 3 тысячи человек, и все они были взяты в плен.

В целом кампания 1744 года оказалась несчастливой для Фридриха, и похоже, что все его неудачи следует приписать разведывательной службе австрийцев и их действиям в малой войне. Карлейль пишет: «Пока перед старым Трауном все освещено дневным светом, Фридрих II окружен все затемняющей атмосферой пандуров, которые его постоянно держат в полуночной темноте. Его положение освещается ему случайно, как бы вспышками молнии, что становится для него тяжелой ношей, полностью истощая его силы».

При переходе австрийцев через Эльбу у Тейница легкая венгерская кавалерия переплыла или перешла вброд реку выше и ниже того места, где можно было осуществить переправу, и сразу же ушла в ближайшие леса. Отчаянно защищавшие переправу Цитен и Ведель вскоре отправили посыльных, чтобы просить подкрепления, но все они были убиты австрийцами, так что помощь не пришла, и пруссаки были вынуждены отступить, продолжая

⁶⁶ Карлейль или Карлайль, Томас (1795–1881) – британский публицист, историк и философ. Выдвинул концепцию «культы героев», единственных творцов жизни.

сражаться.

Сражение при Зооре стало неожиданностью. 30 тысяч австрийцев обошли правый фланг Фридриха II под прикрытием завесы гусар, передовые подразделения которых подошли по кустам на 450 метров к прусскому лагерю. Случившееся обязано исключительно умению австрийской кавалерии вести наружное наблюдение. Фридрих II оказался вынужденным разворачивать свои линии под сильным огнем артиллерии и явно потерпел бы поражение, если бы австрийские кирасиры и пехота были равны пруссакам в боевой подготовке и в действиях на поле сражения.

Сражение при Гохкирхене (Хохкирхе) стало еще большей неожиданностью, оно весьма схоже с тем, что произошло при Зооре. Но здесь Цитен, с неустанной бдительностью державший своих гусар наготове, вовремя распознал появление противника, благодаря чему удалось спасти прусскую армию от разгрома.

Служивший в австрийской армии генерал Ллойд замечает: «Во время всей кампании 1760 года во главе отряда из 200 егерей и 100 драгун он настолько близко находился от армии прусского короля, что никогда не терял ее из виду даже на час, хотя австрийская армия и корпус, к которому относился отряд, обычно находились на расстоянии в два или три перехода. Почти каждый день происходили стычки, и все же в ходе кампании отряд потерял не более 20 человек».

Вышеописанное ясно показывает, с каким удивительным мастерством осуществлялась сторожевая и разведывательная служба иррегулярными конниками, сражавшимися под австрийским флагом. Если бы Фридрих II имел такую же легкую кавалерию, его успехи оказались бы более значительными. Он бы реже попадал со своей армией в опасные, даже отчаянные ситуации, так часто случавшиеся.

Кроме разведки, охранения и посыльной службы, где австрийская конница проявила себя столь успешно, она в равной степени успешно действовала в другом важнейшем направлении конных операций этой кампании – в партизанских рейдах и действиях в тылу врага против его путей сообщения.

Самой примечательной из таких операций оказался рейд генерала Гаддика с 4 тысячами солдат и четырьмя пушками на Берлин 17 октября 1757 года. Его отряд в основном состоял из хорватов. Стремясь, насколько это было возможным, скрыть свои перемещения, идя лесами, он начал быстро продвигаться, и количество его солдат было пруссакам неизвестно, но преувеличивалось благодаря специально распускаемым слухам.

Генерал Рохов, комендант Берлина, имел под своим командованием отряд, равный тому, что находился в распоряжении Гаддика, и, следовательно, мог победить его, однако под влиянием слухов, доходивших до него, поверил в многочисленность австрийцев. Как только солдаты Гаддика атаковали шлезвигские ворота и захватили пригороды города, Рохов отступил в Шпандау вместе с королевской семьей и архивами, оставив столицу Пруссии на милость австрийского командующего.

После продолжительного торга Гаддик принял от города выкуп в 180 тысяч талеров и, остановившись на 12 часов, устремился прочь, искусно пресекая всяческие попытки помешать ему, после чего благополучно ушел за реку Шпре. Вся операция была тщательно спланирована и смело осуществлена, на некоторое время произведя сильное впечатление, став доказательством выдающихся способностей австрийской кавалерии к подобного рода действиям.

Нападение и захват прусского обоза под командованием полковника Мозеля произошло во время перехода из Троппау в Ольмюц (Оломоуц) 30 июня 1758 года, став самой значительной операцией такого рода во время Семилетней войны и оказав решающее влияние на исход кампании. Это стало причиной того, что Фридрих снял осаду с Ольмюца и отступил в Богемию.

Полковник Мозель выступил из Троппау 26 июня с почти 4 тысячами повозок под охраной эскорта из 8 батальонов пехоты, 3 тысячами рекрутов или выздоравливающих, сведенных в 4 маршевых батальона, и 1100 всадников. Командовавший австрийской армией

генерал Даун предпринял соответствующие шаги, чтобы устроить на них засаду. Он понимал, что для спасения Ольмюца он должен или не допустить прохождения туда транспорта, или вступить в полевое сражение с прусской армией.

Надеясь обмануть Фридриха II, Даун осуществил маневр, показывая, будто собирается начать битву, в то же время послав генерал-майора Лаудона, лучшего специалиста по ведению партизанской войны, напасть на конвой с запада. Одновременно с целью осуществить нападение с востока был направлен отряд Зисковича. Фридрих II разгадал эту хитрость Лаудона и, чувствуя, что все зависит от благополучного прибытия обоза, направил генерала Цитена с 20 эскадронами и 3 батальонами на помощь полковнику Мозелю.

Генерал Лаудон выполнил поставленную ему задачу необычайно искусно, он успешно скрыл свое продвижение от пруссаков, и на третий день полковник Мозель подвергся нападению близ Кунерсдорфа. Лаудон занял высоты, которые господствовали над дефиле между Баучем и Альт-Либе, разместил своих хорватов и венгров в лесах и выстроил свою кавалерию справа на равнине, вдоль дороги, намереваясь со всех сторон атаковать головную часть прусской колонны, как только та выйдет на открытую местность.

Одновременно он расставил заслоны и посты на пути между собой и Фридрихом II, разместив их как можно ближе к Ольмюцу, чтобы исключить возможность передачи прусскому королю сообщений о том, что обозу угрожает опасность. Эти кавалерийские посты успешно выполнили свое задание, так что Фридрих II узнал о потере своего обоза только через день после того, как это произошло.

Во время первого нападения на обоз близ Бауча Лаудону не повезло. Расположение Мозеля оказалось настолько удачным, а его войска сражались так храбро, что австрийцы были отбиты с потерей около 500 человек. В тот же самый вечер к Мозелю присоединился генерал Цитен с сильным подкреплением, и они сделали дневку, чтобы к ним подтянулся весь длинный обоз.

Утром 30 июня пруссаки двинулись дальше, и, вступив в дефиле у Домштедтеля, они не обнаружили никаких следов врага, пока примерно 120 повозок не выдвинулись на равнину. В это время на ближайших холмах появились австрийцы и открыли сильный артиллерийский огонь.

Цитен распорядился, чтобы из вышедших из дефиле повозок как можно быстрее построили вагенбург, а сам, не теряя времени, обрушился на австрийцев со всеми своими силами. Его первая атака оказалась успешной, но, подвергшись удару во фланг со стороны саксонских драгун, его войска вновь отошли в дефиле.

В это время подошедший генерал Зискович атаковал середину транспорта, в то время как Лаудон возобновил свои атаки на головную его часть. После отчаянного боя, в ходе которого молодые прусские рекруты мужественно сражались и умирали в своих шеренгах, не имея возможности отойти, и при превосходстве в численности австрийцев Цитен оказался вынужденным отступить к Троппау. Весь обоз попал в руки австрийцев, за исключением примерно 250 повозок, которые генерал Кроков, командовавший авангардом, смог провести в безопасное место вместе с остатками войск.

Не следует винить прусских генералов за неудачу, поскольку охрана обоза на пересеченной местности считается одной из самых сложных задач, какие приходится выполнять кавалерийскому офицеру. Кроме того, несколько отрядов нападавших были явно сильнее обороняющихся, что совершенно естественно предопределило их успех.

Рассмотренные нами эпизоды являются показательными примерами тактики кавалерии. Они также позволяют наглядно представить, как кавалерия действовала в сражениях того времени. Кроме того, они позволяют показать удивительный контраст, существовавший в действиях конницы двух сражавшихся армий.

Огромные успехи прусского короля в этих кампаниях, несмотря на невероятно сложные условия и превосходство противников в силах, позволили приобрести прусской армии соответствующую репутацию и упрочить славу Фридриха II как самого искусного военачальника своего времени. Введенные им изменения в строевой подготовке, одежде,

снаряжении и организации обучения закономерно копировались и вводились другими европейскими армиями вместе с прусской системой, ставшей образцом для всего цивилизованного мира.

Все это, естественно, имело важное значение и для кавалерии, фактически мы можем сказать, что в течение многих лет, почти вплоть до настоящего времени система организации кавалерии в большинстве армий основывалась на опыте, взятом из прусской армии времен Фридриха II, на системе Зейдлица и Цитена. В 1749 году граф де Мельфор, один из лучших французских кавалерийских офицеров, посетил прусские лагеря и обсуждал с прусскими кавалерийскими генералами тактику конницы. Маршал Мориц Саксонский также неоднократно бывал при дворе Фридриха II.

Естественно, что обмен идеями вылился в более многонациональную систему организации кавалерии. Вскоре в Англии, Франции, Ганновере и Австрии начали организовывать и обучать кавалерию в соответствии с образцами, установленными в прусской коннице.

Все это позволило Наполеону улучшить методику использования кавалерии, применив прусский опыт во всех видах действий. Наполеон знал, как использовать конницу, чтобы прикрывать передвижения своей армии в ходе кампаний, при совершении решительных атак во время сражения, для развития успеха и для прикрытия отступления. Все же наполеоновская конница так и не смогла стать такой же тщательно и совершенно обученной маневрированию на скорости, как прусская конница.

Постоянные войны и занятость Наполеона не позволили ему принимать такое же личное участие в обучении своей конницы, как это делал Фридрих II.

В течение длительного времени прусской армии подражали во всем, причем часто доходило до смешного, вызывая серьезную критику со стороны военных авторов. Генерал Ллойд, служивший в нескольких кампаниях против Фридриха, впоследствии резко выступал против того особого внимания, которое уделялось бесполезным и незначительным пустякам, которыми изобиловали тогда все армии Европы. Он полагал, что вся наука свелась к подбору соответствующих шляпок или пуговиц.

«Они приписывают, – пишет Ллойд, – блистательные победы прусского короля всем этим и подобным мелочам. Короткие мундиры, небольшие шляпы, узкие штаны и бесконечное количество бесполезных телодвижений в упражнениях и эволюциях введены были только потому, что они были у пруссаков». Приведенный отрывок позволяет представить то огромное влияние, какое прусская военная система оказывала на армии Европы во второй половине XVIII века.

Глава 22. Русская кавалерия во второй половине XVIII века

Петр I Великий поставил свою кавалерию на весьма эффективное основание, однако, тем не менее, и впоследствии делались разнообразные улучшения, чтобы продолжать соответствовать идеям времени.

Во времена Елизаветы Петровны (правила в 1741–1762 гг.) кавалерию разделили на эскадроны, кирасиры получили железные кирасы, длинные прямые палаши и по два пистолета. Они ездили на могучих немецких лошадях. Примерно в то же время приняли повороты по три, по примеру Фридриха II Великого в устройстве его кавалерии. Многие были практически буквально заимствованы русскими, как и всеми другими европейскими нациями. В 1763 году была образована особая комиссия специально для реорганизации русской армии по прусскому образцу.

С 1763 по 1775 год тяжелая кавалерия вооружалась огромными палашами, имела железные кирасы, каждый кирасир получал два пистолета. Карабинеры имели карабины и тяжелые палаши. Гусары вооружались саблями, пистолетами и коротким карабином.

В 1786 году кавалеристы носили кожаные штаны, ботфорты со шпорами и палаши с медными эфесами и кожаными ножнами. Драгуны и карабинеры перевозили свои карабины

притороченными к седлам немецкого образца, которые клали поверх шерстяной попоны или подушки. Легкая кавалерия использовала венгерские седла, они крепились на подушке из войлока, набитой коровьим волосом. Вся кавалерия имела кобуры. В каждой роте имелось двадцать топоров и четыре лопаты. Конники по-прежнему строились в три шеренги.

Примерно в то же время, в 1766 году, напечатали «Инструкцию для командира конного полка», в ней особое внимание уделялось деталям обучения конкретного солдата.

Деление эскадронов на взводы и полуэскадроны также произошло в 1766 году. Каждый взвод должен был содержать примерно семнадцать шеренг, однако на самом деле в эскадроне имелось только 60 или 80 человек. В «Инструкции» особое внимание уделялось обучению искусству езды на лошади и соответствующей выездке и содержанию лошадей.

Чтобы улучшить искусство верховой езды, каждому полку придавались берейторы, они должны были обучать всех офицеров, находящихся в полку, равно как и по два солдата из каждого дивизиона. Из каждого полка отбирались по пять солдат, которых обучали работать в качестве берейторов. Никто не получал производство в чин унтер-офицера или капрала, пока не проходил обучение на берейтора. Считалось, что квалификация офицера напрямую зависит от того, насколько свободно он владел лошадью. То же самое относилось и к солдату, его не воспринимали, если он не сидел крепко в седле. Сама идея обучения отдельных конников отражает принципы, принятые Фридрихом II Великим, о которых уже шла речь.

Потемкин, Румянцев и Суворов во второй половине века произвели ряд усовершенствований в русской кавалерии. Сражавшийся во время Семилетней войны Румянцев способствовал использованию в первую очередь холодного оружия. Во время кампании 1774 года, которой он командовал, Румянцев распорядился, чтобы кавалерию строили в две шеренги, между каре пехоты, на высоте задних фасов каре с очень небольшими промежутками. Запрещалось использовать огнестрельное оружие, его можно было применять только по распоряжению полкового командира и исключительно под его ответственность. Самой большой единицей кавалерии оставалась бригада, состоявшая из двух полков.

Отличившийся во время Семилетней войны своими партизанскими действиями Суворов выделялся необычайной быстротой в передвижениях. В 1768 году вместе с одним полком пехоты и двумя эскадронами кавалерии он прошел 1000 верст за один месяц, нанося поражение своим противникам везде, где встречался с ними. При взятии Туртукая он весьма мудро применял свою кавалерию, считая саблю и палаши лучшим оружием конницы.

Особое внимание кавалерии уделял Потемкин. Он высоко ценил драгун и легкую кавалерию. Потемкин удвоил количество драгун и уменьшил численность тяжелой кавалерии, улучшив обмундирование и вооружение, велел коротко стричь волосы и запретил использование пудры. Он также создал новые полки егерей и гусар, улучшил организацию казаков. Потемкин ввел во всей коннице венгерские седла, которые оказались легче, дешевле и удобнее для лошади. Он заботился о хорошей посадке каждого конника, отличном владении холодным оружием, искусном маневрировании подразделений и частей.

Во время битвы при Кагуле 21 июля 1770 года кавалерия Румянцева имела только 2 полка кирасир, 3 – карабинеров, 3 – гусар и 6 – казачьих вместе со сборным полком из пяти эскадронов. Такая кавалерия благодаря своим стремительным и решительным атакам под руководством графа Салтыкова и князя Долгорукова в самом начале сражения позволила склонить победу в сторону русских.

Хотя использование ружей кавалерией и запрещалось, привычка оказалась такой сильной, что оказывалось невозможно запретить вести огонь в сражении с весьма многочисленной отличной турецкой конницей. Во время битвы при Кагуле значительная часть карабинеров, находившихся между двумя каре, вели огонь с лошадей весьма нерегулярным образом.

Глава 23. Конец XVIII века. Революционные войны в Америке и Франции

После окончания войн Фридриха II, вплоть до вспышки революции во Франции (1789–1792) на континенте воцарился мир, и правительства всех стран воспользовались возможностью, чтобы реорганизовать свои армии, приняв те улучшения в тактике, которые отметили при Фридрихе II.

Нам удалось выявить, что в этот период огромное внимание уделялось военному искусству, было написано множество работ по поводу тактики, где обсуждались проблемы развития кавалерии, в основном опираясь на опыт Семилетней войны.

Во Франции ввели множество перемен в организации и тактике кавалерии. С 1 января 1766 года согласно королевскому указу и новому уставу кавалерия строилась только в две шеренги, промежутки между эскадронами составляли одну четвертую часть фронта эскадрона. В течение некоторого времени дистанция между первой и второй шеренгами составляла двенадцать шагов.

Конников продолжали обучать стрельбе, но главное внимание уделялось владению холодным оружием и атаке как рысью, так и галопом. Однако скоростные атаки галопом из-за недостатка времени на обучение нередко оказывались разомкнутыми и беспорядочными, вследствие чего было повышено время предварительной подготовки. Все же произошедшее стало огромным шагом вперед по сравнению с предыдущей системой, использовавшейся во французской кавалерии.

Другое улучшение во французской армии, очевидно, произошло по примеру австрийцев и их великолепной сторожевой службы. Оно проявилось в организации многочисленного и эффективного корпуса легкой кавалерии, нужда в которой ощущалась острее, чем прежде. В связи с большим увеличением численности армий соответственно возникла необходимость в более широкой и активной системе аванпостной и разведывательной службы.

Легких конников обучали меткой стрельбе с лошади, а также атаке с саблями наголо, как рысью, так и галопом. И здесь пришлось увеличивать время на обучение для достижения удовлетворительных результатов, особенно на быстрых аллюрах. Появившиеся легкие конники были прекрасно оснащены для выполнения тех обязанностей, ради которых их и организовали. Они были вооружены карабином, пистолетом и саблей, на которую в основном и полагались. Их лошадям приходилось переносить весьма тяжелый груз в виде увесистого седла, плаща и ранца, не говоря о фураже и провизии. Увидев пагубность этого, маршал Мориц Саксонский высказался решительно против избыточных предметов.

При Людовике XVI в кавалерийскую службу привнесли другие улучшения: строй сомкнули, доведя промежуток между шеренгами до двух шагов. Движение происходило колонной в три шеренги, для чего отрабатывался маневр перестроения, скопированный у немцев.

Принималось перестроение отделениями из четырех шеренг. Создано было много манежей и школ верховой езды, особое внимание уделялось индивидуальному обучению конников.

Перед революцией французская кавалерия состояла из 30 полков тяжелой кавалерии численностью 12 960 человек, 17 полков драгун численностью 6528 человек, 4 полков гусар численностью 1280 человек, 3414 всадников гвардейской кавалерии – всего более 24 тысяч всадников.

В последние годы правления Фридриха II прусская кавалерия деградировала. Лучшие офицеры и солдаты состарились или умерли, их ряды заполнили новые. Хотя принципы, по которому ее организовали, были хорошими, да и традиции поддерживались, все же качества прусской конницы за годы после смерти Фридриха II ухудшились.

Так что накануне революционных войн прусская кавалерия вовсе не выказывала поразительных результатов, какие от нее ожидалось. Упадок в большей степени затронул командный состав, чем самих всадников, поскольку в ранних кампаниях этих войн небольшие подразделения прусской кавалерии успешно противостояли аналогичным

формированиям французских конников. Однако у пруссаков не было генерала, который, подобно Цитену и Зейдлицу, смог бы грамотно маневрировать большими массами конницы на поле боя, как это происходило при Фридрихе II.

Насколько позволяли возможности, австрийцы скопировали принципы организации кавалерии с прусской системы, что отчетливо видно в последних кампаниях в Богемии и Турции под руководством прославленного генерала Лаудона, когда армия была необычайно воодушевлена одержанными победами. В 1792 году австрийская кавалерия была очень многочисленной, состояла из 12 эскадронов карабинеров, 54 эскадронов кирасир, 42 эскадронов драгун, 36 эскадронов легкой конницы, 74 эскадронов гусар и 8 эскадронов улан. Всего же в ней было 226 эскадронов общей численностью 44 тысячи человек.

Революция тринадцати колоний Великобритании в Америке началась в 1776 году. Вызванная ею война продолжалась в течение семи лет до 1783 года, когда был заключен мир, в котором среди прочего была признана независимость Соединенных Штатов. Это произошло во многом благодаря поддержке, оказанной американцам Францией, направившей войска, корабли, снабдившей повстанцев оружием и деньгами.

Боевые действия велись в стране, почти полностью покрытой лесами и без путей сообщения, что не позволяло должным образом использовать кавалерию. Нам не удалось найти примеры того, что кавалерия оказала какое-либо особенное влияние на ход войны. С обеих сторон организовали несколько партизанских отрядов, они оказали прекрасную службу, но в весьма незначительном объеме, и в описаниях не содержится никаких практических указаний офицерам кавалерии.

Пересеченный характер местности обуславливал применение тактики боя в виде перестрелки из-за укрытий из длинноствольных ружей с большой дальностью стрельбы и точностью прицеливания. Подобные ружья активно использовались в американских войсках, не отличавшихся особой дисциплиной и пригодных только для подобных несистематических и нерегулярных боестолкновений.

Опыт этой войны привел к появлению особых подразделений стрелков в европейских армиях. В течение длительного времени такие формирования применялись исключительно для стычек в рассыпном строю.

Революция во Франции, последовавшая вскоре после той, что произошла в Америке, во многом повлияла на армии, причем не только на изменение тактики, но и на комплектование и организацию армий. Когда народ сверг своего монарха и взял на себя руководство страной, это нанесло ужасный удар по традициям и чувствам всей Европы, которая в течение столь многих лет без перерыва управлялась практически в каждой ее части по принципу монархии. Последствием стало объединение практически всех монархий Европы, чтобы помочь свергнутой французской монархии и воспрепятствовать росту демократического духа, распространения которого так опасались.

Коалиция такого количества стран против народа Франции, естественно, вызвала ответные меры – принятие правителями новой республики необычайных организационных решений, чтобы успешно противостоять угрозе вторжения. Прежде всего, новые руководители Франции решили принудить население сражаться, выступив на защиту страны. В марте 1793 года был издан декрет, предписывающий воинскую повинность для 300 тысяч человек в добавление к тем, кто уже находился под ружьем.

В связи с острой необходимостью, возникшей во время войны, требовалось большее количество солдат, и в июле того же года численность армии довели до 1 миллиона 200 тысяч солдат. Все это огромное количество новобранцев направили в старые полки, чтобы там они могли пройти соответствующее обучение. Однако какое-то время дисциплина практически отсутствовала, и армия утратила регулярный характер.

Понятно, что столь огромные массы, намного превосходившие по численности армии предшествующих веков, требовали другой организации, чтобы добиваться более быстрой передачи приказов и действительной системы ответственности. Она вела к формированию армии из дивизий и корпусов, в которые входили все три рода войск – пехота, кавалерия и

артиллерия.

Бригадами командовали бригадные генералы, дивизиями – дивизионные генералы, корпусами – полные генералы, а над ними находился главнокомандующий. Благодаря такой структуре было легче управлять огромными по численности массами войск и осуществлять маневры. 3 батальона пехоты составляли полубригаду, 6 батальонов образовывали бригаду, 2 бригады – дивизию, две или более дивизии – корпус. К каждой дивизии обычно передавались 2 полка кавалерии (легкой, драгун или тяжелой), 1 батарея полевой артиллерии и 1 батарея конной артиллерии.

Оставаясь многочисленной, в 1793 году кавалерия французской армии все же уступала относительно численности сильно увеличившейся пехоты. Она состояла из 2 полков карабинеров, 16 полков тяжелой кавалерии, вооруженных только палашами и пистолетами, 20 полков драгун, 25 – конноегерей, 12 – гусар, вооруженных саблями, карабинами и пистолетами. Легкой конницы было около 33 тысячи человек: 22 тысячи егерей и 11 тысяч гусар.

Гусар использовали для атак только при крайней необходимости, в то время как егеря применялись для атак постоянно. Они также использовались как легкие войска для разъездов, сторожевой службы и т. д., так что оказывались самыми полезными из всех видов кавалерии. Подобные полки обычно состояли из четырех эскадронов численностью примерно по 200 конников каждый.

Систему распределения кавалерии по дивизиям скоро признали ошибочной, поскольку небольшие конные формирования не смогли сделать ничего существенного. Первым слабость данной системы заметил генерал Гош, и после своего назначения командующим армией Самбры и Мааса в 1797 году он объединил гусар, драгун и конных егерей в отдельные дивизии. Принятая мера явилась значительным шагом вперед в боевом использовании кавалерии.

Наполеон в итальянской армии обнаружил тот же недостаток, но не организовал особых дивизий. Он достиг того же самого результата, отделив полки кавалерии от пехотных дивизий и объединив их в бригады резервной конницы.

Огромная численность французской революционной армии оказала большое влияние на использовавшуюся в сражениях тактическую систему. Армия Фридриха II Великого была небольшой, компактной и необычайно хорошо обученной. Он мог совершать фланговые маневры на глазах у противника с четкостью и организованностью военных парадов. Как мы уже убедились на примере сражения при Зооре, Фридрих II разворачивал или менял свой фронт под артиллерийским огнем. Он также перестраивал свою армию, приводя ее в порядок после ночного неожиданного нападения и поражений, как случилось при Хохкирхе.

Фактически Фридрих II имел в своих руках превосходное боевое оружие, с которым мог делать все, что хотел, и благодаря которому его тактика существенно изменилась. Его люди метко и быстро стреляли, и, чтобы их превосходство в этом работало в его пользу, Фридрих II обучал солдат сражаться в линиях. Искусство его армии в маневрировании было настолько высоким, что вместо прямой атаки он почти всегда использовал косой боевой порядок против того или другого фланга врага.

Французские генералы времен революции имели под своим началом множество полных энтузиазма солдат, исполненных рвением и стремлением к славе, однако плохо обученных, неискусных как во владении оружием, так и в маневрировании.

В течение ряда лет военные теоретики обсуждали вопрос об относительных достоинствах атаки пехоты в колоннах или развернутом строю. Фолар яростно писал сомнения в защиту колонн, ему вторили Мениль Дюран и другие, целая школа придерживалась той точки зрения, что прямая атака в глубоких колоннах остается верной системой, которой и должна придерживаться пехота.

Благодаря обстоятельствам данный тип построения стал единственно доступным для французов. Недисциплинированные массы полных энтузиазма рекрутов не могли маневрировать так, как это делали регулярные войска Пруссии и Австрии.

Поэтому французы приняли систему прямой атаки позиции врага большими колоннами, прикрытыми огнем больших батарей артиллерии, поддерживавшей их по мере необходимости. Чтобы помочь во время атак и прокладывать путь пехоте, французы приняли практику выдвижения вперед групп и цепей стрелков, состоявших из лучших и самых метких пехотинцев, которые, подобно велитам римских легионов, начинали сражение, открывая сильный огонь по врагу, чтобы прикрыть продвижение больших колонн, которые следовали за ними, напоминая что-то вроде возрожденной античной фаланги.

Стрелкам в цепи вовсе не требовалось особое тактическое мастерство для осуществления возлагаемой на них боевой задачи, что позволяло воспользоваться случаем тем людям, которые иначе не могли проявить себя. Находившиеся за ними большие глубокие колонны, предназначенные для атаки под прикрытием огня стрелков, состояли из необстрелянных и плохо обученных войск. Они приобретали уверенность и храбрость только благодаря своей численности, потому что требовалось особое обучение и опыт, чтобы войска могли вести уверенный огонь в плотном построении или шеренге.

Именно природный инстинкт людей группироваться вместе при явной опасности, который проявлялся и в пехоте, пробуждала французская система. Их называли колоннами, первоначально они таковыми и являлись, но во время сражения часто оказывались не чем иным, как беспорядочной толпой тесно сплоченных людей⁶⁷.

Такая система действий пехоты, естественно, привела к повышению роли артиллерии и ее активному использованию. Конная артиллерия также использовалась в больших количествах вместе с кавалерией. Наполеон решительно высказывался в ее пользу и придавал конные батареи каждой кавалерийской дивизии.

Тяжелую кавалерию вооружали палашами и пистолетами, драгун – легкими ружьями, пистолетами и палашами, конных егерей – карабинами, пистолетами и кривыми саблями, гусар – пистолетами и саблями. Они использовались для несения охраны, патрулирования и разведки. В первых битвах республики кавалерия практически не участвовала на поле боя, но интенсивно использовалась в мелких стычках, где личная храбрость и решительность в значительной степени влияли на результат. Тяжелая кавалерия также не играла практически никакой роли в сражениях, пока на исторической сцене не появился Наполеон.

Один из самых необычных и поразительных случаев в истории кавалерии произошел во время кампании в Голландии в январе 1795 года. Множество каналов и рвов, пересекающих всю страну, делают ее труднопроходимой для кавалерии летом. Однако зимой того года все каналы и водные протоки замерзли, что обеспечило свободный проход коннице и конной артиллерии. Так французы захватили арсенал в Дордрехте, чтобы напасть на него, войскам пришлось перейти замерзшее озеро Бисбош.

В то же самое время французский генерал услышал, что часть голландского флота вмерзла в лед по соседству от острова Тексел, и, опасаясь, что он может освободиться и направиться в Англию, направил туда большой отряд кавалерии и конную артиллерию. Они быстро прошли через Северную Голландию, пересекли замерзший залив Зейдер-Зе по льду. Перед голландцами неожиданно появился отряд конницы, усиленный легкой артиллерией, окруживший военные корабли и предложивший им сдаться. Командиры кораблей, которым и в голову не могло прийти, что на них может напасть кавалерия, сдались без сопротивления. Так французские гусары оказались единственной в своем роде кавалерией, которая смогла захватить военные корабли в море.

Во время первых войн с революционной Францией прусская кавалерия также не достигла никаких заметных побед, но в стычках и отдельных эпизодах сослужила свою службу. Одним из самых удачных событий во время первой кампании стало поражение 17 сентября 1792 года генерала Шазо, который во главе отряда из примерно 10 тысяч человек

⁶⁷ Добавим – физически крепких французских крестьян, которые преобладали как в численности всего населения, так и в революционной армии.

составлял арьергард армии Дюмурье.

Шазо подвергся яростному нападению 1500 прусских гусар, которых сопровождали четыре орудия конной артиллерии. Его отряд тотчас был разбит наголову и бежал в страшном смятении к главным силам армии и дальше по дороге, ведущей в Париж. Крупный отряд французской армии потерпел поражение от одной атаки небольшого формирования кавалерии, что стало явным примером морального воздействия лихой атаки конников на неподготовленную и необученную пехоту.

В ноябре 1793 года австрийцы нанесли поражение колонне численностью 10 тысяч человек, шедшей на помощь осажденному Кенуа, устроив засаду. Во время этих событий французское каре в 3 тысячи человек было сломлено и полностью уничтожено имперской кавалерией.

Во всех войнах позднего времени в конце XVIII века кавалерия австрийцев и пруссаков оказывалась гораздо лучше французской. Хотя атаки огромных масс конницы не выигрывали значительных сражений, как часто происходило под руководством Фридриха II Великого, все же во всех операциях кавалерия союзников проявила себя как храбрые и доблестные воины.

При Виллер-ан-Куше примерно 86 австрийцев и 200 английских драгун напали на десятитысячный отряд французской пехоты и кавалерии. Атака была такой яростной и успешной, что французскую кавалерию отбросили к пехоте, а саму пехоту обратили в беспорядочное бегство. Потеряв 1200 убитыми и ранеными и три орудия, французы в беспорядке отступили к Камбре. Такого ошеломляющего успеха добился отряд численностью всего 300 конников. Австрийский император наградил всех офицеров орденом «За заслуги», а английский 15-й гусарский полк до сегодняшнего дня носит имя Виллер-ан-Куше на своем знамени.

В 1795 году при Гандшусгейме именно австрийская кавалерия способствовала поражению французов, в атаке на майнцские укрепленные линии кавалерия снова покрыла себя славой. К каждой из трех колонн атакующей пехоты прикрепили по несколько кавалерийских эскадронов, а кроме того, сильный резерв кавалерии держался под рукой, чтобы поддержать любой успех. Вскоре пехота овладела частью укреплений, а вслед за ней туда подошла кавалерия, закрепившая успех.

При Вюрцбурге в 1796 году австрийская конница также сильно способствовала победе. Видимо, это было первое сражение в революционных войнах, в котором конница приняла участие в значительных силах и на исход которого смогла оказать влияние. Австрийцы выиграли это сражение благодаря искусному применению резерва.

В кампаниях 1796 и 1797 годов в Италии кавалерия практически не сыграла никакой роли. После боя при Ровердето (5 сентября 1796 г.) Наполеон отправил своего адъютанта Ламаруа, который всего лишь с 50 драгунами прорвался через отступающих австрийцев в ущелье Кальяно, благодаря чему удалось отрезать большое число пехотинцев и захватить их в плен.

События революции, перевернувшие все во Франции, и пугающие амбиции Наполеона привели среди других примечательных событий к вторжению французов в Египет и к ряду сражений между воодушевленными революцией солдатами Франции и стремительными конниками Востока.

Египетские мамелюки – так именовались воины личной гвардии египетских султанов, набиравшейся из рабов кавказского, албанского, сербского, боснийского и другого происхождения, которые в детстве были отняты у родителей и оказались в Египте, а впоследствии захватившие власть (в 1250 г. – *Ред.*) и превратившиеся в высший слой господствующего класса. По профессии они были солдатами, никогда не занимались ничем иным, ценились по своим лошадям, оружию, великолепию их снаряжения, личной храбрости и силе.

Армия мамелюков состояла из 12 тысяч конников, ею командовали 24 бея, каждый из которых одевал, оснащал и содержал примерно 500 или 600 мамелюков. Каждого воина

сопровождали два помощника, составлявшие некоторое подобие средневекового рыцарского копья или галльской древней тримакезии. Все вместе они образовывали великолепный корпус иррегулярных конников, не отличались особой дисциплиной и не были обучены маневрированию в сомкнутом строю на скорости.

Похоже, не предполагалось, что их слуги станут принимать какое-либо участие в полевых сражениях. Один слуга перевозил снаряжение и провизию на лошади, у другого был карабин. Сами мамелюки вооружались парой пистолетов и кинжалом за поясом, другая пара пистолетов приторачивалась к седлу, имелись также сабля и мушкетон (короткоствольное ружье).

Одевались мамелюки в шаровары и тюрбаны, обернутые множеством слоев вокруг головы и практически выполнявшие функции защитного вооружения. Хотя, как отмечает Наполеон, некоторые носили кольчуги и шлемы. Они больше полагались на стремительность своих атак, чем на тонкие клинки артистической работы, предназначенные для рубки на скаку и не могущие отразить сокрушительный удар массивного палаша.

В связи с мамелюками в своих воспоминаниях Наполеон подмечает несколько интересных особенностей. Он говорит о том, что «два мамелюка вполне могли устоять против трех французов, потому что были лучше вооружены и обучены, а также имели значительно лучших коней. Они располагали двумя парами пистолетов, мушкетонами, карабинами, шлемами с забралом, кольчугой, множеством лошадей и пешими слугами, чтобы те помогали им. Однако 100 французских конников не должны опасаться 100 мамелюков, 300 французов превосходили такое же число мамелюков, а 1000 французов должны несомненно победить 1500 мамелюков, ибо превосходят их тактикой, порядком и маневренностью».

Когда французские генералы кавалерии познакомились с образом ведения боя мамелюков, они стали наступать на противника, выстраивая несколько линий. Когда первая линия начинала движение, мамелюки стремились охватить ее с флангов. Поэтому следующая линия выдвигалась вправо или влево, поддерживая первую, удлиняя линию боевого порядка. Тогда мамелюки растягивались еще больше, чтобы охватить и вторую линию. В этот момент французские генералы обычно отдавали команду к общей атаке, в ходе которой, как правило, опрокидывали мамелюков. Впрочем, в первых сражениях все же верх одерживали пехота и артиллерия почти без участия французской кавалерии.

Упряжь лошадей мамелюков обычно была весьма массивной и богато украшенной. Удила оказывались такими огромными и мощными, что даже самые горячие кони подчинялись и останавливались на полном скаку. Стремена делались короткими, обе седельные луки, а особенно задняя, были настолько высокими, что даже раненый всадник вполне мог удержаться в седле. Несмотря на довольно массивное снаряжение, лошади не были перегружены, поскольку у всадников не существовала привычка перевозить багаж.

Такова была армия, с какой пришлось сражаться французам в Египте. Наполеон располагал довольно немногочисленной кавалерией, конники которой совершенно не были способны противостоять восточным конникам в одиночном бою, поэтому ему пришлось полагаться преимущественно на свою пехоту и артиллерию.

Первая стычка произошла в Раманиэ на Ниле. Подвергшийся внезапному нападению генерал Дезе построил свою дивизию в виде нескольких каре, артиллерию расположил по углам, обоз разместил в середине. Ему удалось рассеять нападавших только артиллерийским огнем картечью.

Распоряжения Наполеона для борьбы с мамелюками были своеобразными и удивительно подходящими для отражения противника, с которым предстояло сразиться. Он разделил свою армию на пять дивизий. Каждая из них строила каре в шесть шеренг глубиной, артиллерия размещалась в углах, роты гренадер, распределенные повзводно, держались наготове, чтобы в случае необходимости поддержать угрожаемые места.

Имевшуюся тогда кавалерию числом всего 200 конников разместили в центре между каре. В таком же порядке войска совершали марши, причем передняя часть каре двигалась в

линию, точно так же перемещалась задняя часть (повернувшись кругом), боковые части, повернувшись направо и налево, перемещались колонной.

При нападении все останавливались, поворачивались во фронт и ожидали атаки. Когда же французы сами собирались атаковать, три наружные шеренги образовывали колонну и шли в атаку, в то время как каре оставалось в том же самом виде, но только имело три шеренги в глубину, образуя резерв для наступающих колонн.

Подобным образом все пять дивизий после высадки переместились к Каиру, за ними постоянно следили окружившие их мамелюки, которые всегда были готовы воспользоваться любой их оплошностью. Первая значительная битва состоялась у пирамид или, точнее, у деревни Эмбаба вблизи Каира, где примерно 8 тысяч превосходных конников вместе с огромной массой плохо обученной пехоты приготовились к битве под командованием Мурад-бея, защищая подступы к столице.

Полевые укрепления с примерно сорока орудиями по его приказу соорудили около берега реки, кавалерия примкнула к берегу своим правым крылом и распространилась налево вдоль обширной песчаной пустыни до пирамид. Увидев, что артиллерия в укреплении установлена не на лафетах, а стационарно, следовательно, могла стрелять только в одном направлении, Наполеон решил переместиться направо, стремясь не попасть под орудийный огонь. Увидев его перемещения и осознав его возможные последствия, Мурад-бей со скоростью и сообразительностью, свойственными опытному военачальнику, решил атаковать французские колонны на марше, когда они будут совершать свое фланговое перемещение.

Атаку произвели примерно 7 тысяч конников, налетевшие беспорядочной толпой. Дезе едва успел завершить свое перестроение, когда несколько вырвавшихся вперед всадников набросились на него. Тридцать или сорок храбрейших мамелюков прорвались в глубь каре, но вскоре были там перебиты.

За это время все остальные дивизии успели перестроиться и с готовностью ожидали атаку мамелюков. Огромные орды великолепных конников, блестяще экипированных, верхом на самых быстрых лошадях, неслись на них на полной скорости. Их вооружение и снаряжение блистало из-за клубов пыли, особым образом обозначая их натиск.

Разносившиеся громкие крики и оглушающий шум от бесчисленных копыт, ударяющих по земле, необычайным образом воздействовали на французскую пехоту, не испугавшуюся, но ожидавшую, что же произойдет с некоторым сомнением в успехе. Вскоре артиллерия начала осыпать наступавших картечью, затем по фронту каждого массивного каре раздались ружейные выстрелы.

Залп за залпом быстро следовали от каждой последующей шеренги, после каждого залпа лошади и всадники падали сотнями, пораженные безжалостным градом пуль, и катались по песку, мешая продвижению других и заставляя их отклоняться от фронтов каре.

С редкими храбростью и мужеством мамелюки все же прорывались в промежутки между французскими каре, бесстрашно рыскали повсюду, при малейшей возможности тотчас нападали, атакуя все фасы каре одновременно. Неспособные пробить прочное и устойчивое построение французской пехоты, они пронесли на своих лошадях вперед и направляли их на штыки, подняв на дыбы, надеясь таким образом пробить проход в стойком строе пехотинцев.

Мамелюки стреляли из своих пистолетов и карабинов на расстоянии в несколько футов, разъярившись, бросали затем оружие на головы своих врагов. После отчаянного сражения, когда те, кто потерял своих боевых коней, ползали по земле, они своими ганджарами рубили по ногам солдат передних рядов пехоты. Мамелюки в конце концов потерпели полное поражение и отступили, оставив множество убитых людей и лошадей вокруг каре, что было ужасным доказательством их упорства и храбрости. Потери мамелюков были огромными, в то время как потери французов составляли около 200 человек.

Сражение завершилось таким образом благодаря способности французской пехоты

противостоять мамелюкским конникам. Оно также служит прекрасной иллюстрацией необходимости совершенной дисциплины в кавалерии, равно как свидетельствует о требовании достижения индивидуального искусства в использовании оружия и управления лошадью. Если бы мамелюки были хорошо обучены атаковать сомкнутым строем огромной массой и соответствующим образом поддержаны достаточным количеством орудий конной артиллерии, то кто бы сомневался в том, что они бы смели французскую пехоту?

Они едва не достигли успеха даже своими массированными беспорядочными атаками. А огонь лишь нескольких батарей конной артиллерии мог вызвать значительные потери в плотном строю французской пехоты. И тогда ее строй, чтобы избежать потерь от артиллерийского огня, развернулся бы, а мамелюки могли бы совершить победную атаку.

Во время сражения при Седимане, вскоре после битвы у пирамид во время экспедиции генерала Дезе в Верхний Египет, произошло событие, которое подтверждает, что только огонь, а не штыки может помочь стоящей в каре пехоте выстоять против хорошей конницы.

При приближении мамелюков, собиравшихся напасть, во время этого сражения дивизия Дезе построила одно большое и два небольших каре. Находившийся справа командующий меньшим каре, вероятно, оказался самоуверенным, возможно памятуя о результате сражения при пирамидах. Он велел своим людям не стрелять, пока конники не окажутся на прицеле и не станет возможным произвести выстрел в упор.

Так его солдаты и поступили, начав стрелять залпом на близком расстоянии, однако уже было слишком поздно. Бросок галопирующих лошадей оказался слишком сильным, чтобы его можно было неожиданно остановить. Каре было прорвано, и много французских солдат убито, раненые лошади и люди, ворвавшись в него, не падали до тех пор, пока не сказывались смертоносные раны, которые они получили чуть раньше. Генерал Дезе строго выговорил командиру каре за его ошибку, которая тем не менее привела к большим потерям, хотя дело и закончилось поражением отряда мамелюков.

Во время осады Сен-Жан-д'Акра (Акры) в следующем году Наполеон услышал о приближении большой турецкой армии, наступавшей с целью снятия осады города. Армия состояла из остатков мамелюков, янычар из Дамаска и Алеппо и бесчисленной орды иррегулярной кавалерии. Это насторожило Наполеона и вынудило его предпринять ответные шаги.

Из Акры был отправлен Клебер с целью соединения с Жюно, занимавшим аванпост у Назарета. Во время марша Клебер столкнулся с отрядом из 4 тысяч конников, которых разгромил, применив ту же самую тактику и тот же залповый огонь, которые оказались настолько успешными в Египте. 16 апреля 1799 года Клебер выдвинулся вперед, чтобы напасть на турецкий лагерь, расположенный около горы Фавор, и встретился со всей турецкой армией, двигавшейся ему навстречу.

Он тотчас построил свой отряд в несколько каре с артиллерией по углам. Едва Клебер завершил построение, как вся масса армии противника, состоявшая из 15 тысяч кавалерии и такого же количества пехоты, обрушилась на его отряд, как бы стремясь смести его с поля боя одним стремительным ударом.

Стойкие и уверенные в себе французские ветераны не дрогнули ни на секунду, тотчас пехотинцы и артиллеристы открыли меткий и частый огонь. Град хорошо направленных пуль и ядер тотчас пробил огромные бреши в массе противника. Вскоре перед каре возникли валы из мертвых тел людей и лошадей. Французская пехота доблестно вела неравный бой, продолжавшийся шесть часов.

Продвигавшийся на помощь Клеберу со значительными силами Наполеон наконец подошел к высотам, окружавшим поля боя, и увидел французские каре, отбивавшие непрерывные атаки окруживших их толп восточных людей постоянными и непрерывными залпами.

Распоряжения Наполеона были тотчас выполнены. Часть кавалерии и легкой артиллерии под командованием генерала Лекурба направили против мамелюков, находившихся в резерве. В это время сам Наполеон с дивизией Бона, построившейся в виде

двух каре, атаковал во фланг и в тыл турок, сражавшихся с Клебером. Необычайное превосходство в дисциплине и тактике французских войск вскоре принесло им победу, и турки с огромными потерями бежали с поля сражения.

Победу над 30 тысячами солдат противника, половину из которых составляла кавалерия, одержали всего 6 тысяч французских ветеранов.

Последняя большая битва в Египте между французами и мамелюками состоялась при Гелиополисе 20 марта 1800 года и закончилась, как и все другие сражения между ними, полной победой французов.

Клебер, стянувший свои силы из всех частей Египта, имел в своем распоряжении только 12 тысяч человек, которых он построил в четыре каре, расположив по углам артиллерию, а кавалерию в интервалах между каре. Роты гренадер использовали в качестве резерва, в случае необходимости они приготoвились наступать.

Атака на лагерь янычар, находившийся в деревне далеко впереди расположения главных сил турецкой армии, была весьма успешной, его быстро захватили, а большинство защитников перебили.

В это время главные силы турецкой армии выдвинулись, чтобы атаковать французов, которые построили несколько каре с артиллерией в интервалах, а кавалерию поставили за центральными каре. Построение армии было весьма хорошо продумано, что и показал ход боя.

Сражение началось с огня артиллерии, которая проявила себя гораздо результативнее со стороны французов, чем у их противника. Большие потери от артогня настолько подействовали на турок, что те решили наступать, и как можно быстрее. Сосредоточение их войск было замечено французами, которые приготoвились к отражению атаки. 20 тысяч конников бросились на них на полной скорости, сотрясая землю громоподобным топотом, и «вполне могли потрясти даже самое стойкое сердце». Французы, однако, стояли твердо, а их артиллерия залп за залпом стреляла картечью, проявляя возрастающую убойную силу по мере приближения конной массы. Почти все находившиеся впереди всадники были сметены градом картечи, а задние, потрясенные побоищем, откатились и бежали, прежде чем начались единичные выстрелы из ружей.

Великий визирь собрал свои войска и снова атаковал, однако оказалось совершенно невозможным преодолеть сильный огонь французских каре, сеявших смерть среди огромных масс турок, окруживших их. Вскоре все османское войско бежало в полном беспорядке, оставив Клебера совершенным хозяином поля сражения и их лагеря.

Во время этих кампаний французы приняли систему организации своих застрельщиков в группы, по четыре человека в каждой, чтобы те могли противостоять нападениям бедуинов или мамелюков. Бонапарт также снабдил свою пехоту пиками, с остриями на обоих концах. Пики эти должны были втыкаться в землю солдатами, с целью защиты от кавалерии, эти же пики использовались для защиты лагеря, для чего втыкались по его окружности — наконецники направлялись, как и в бою, в сторону возможного нападения врага.

Сильная жара так воздействовала на французские войска, что Наполеон опасался перегружать своих людей, заставляя их переносить дополнительный вес, и поэтому пики так и не раздали. Следует вспомнить, что подобное приспособление использовали и английские лучники при Азенкуре в 1415 году при отражении атак французских тяжеловооруженных конников.

Другим интересным и особенным происшествием этой экспедиции стала организация Наполеоном полка, ездившего на одnogорбых верблюдах дромадерах. Это были своего рода драгуны, весьма полезные в условиях пустыни, где лошади передвигались с трудом. Полк этот был создан из отборных пехотинцев, вооруженных ружьями со штыками и сидевших на седлах, отчасти напоминавших турецкие, которые помещались на горб дромадера. Они могли перевозить десятидневный запас еды. Перед началом сражения верблюды опускались на колени, их ездоки спешивались, становясь пехотой, и строились в линию или в виде каре, все зависело от ситуации. Вначале на каждое животное сажали двух солдат, но со временем

стало ясно, что лучше одного, место же другого солдата использовалось, чтобы перевозить провизию.

Глава 24. Кавалерия во времена Наполеона

Наполеон весьма высоко ценил конницу и последовательно использовал ее возможности в различных условиях. Прекрасно организованная легкая кавалерия использовалась им для прикрытия перемещений армии, поиска и наблюдения за маршами и замыслами противника.

В равной степени Наполеона вдохновляла идея использования больших масс кавалерии, в частности, он знал, как повернуть в свою пользу исход битвы, направляя массу таких хорошо обученных всадников на фланг армии противника, чтобы она смела ее с поля боя простой численностью и силой натиска.

Наполеон изменил систему организации кавалерии во французской армии и собрал вместе отдельные полки, сформировав из них бригады и дивизии, составленные из войск одного типа. Чтобы более полно использовать всю мощь тяжелой кавалерии большими массами, он свел кирасирские и драгунские дивизии в корпус.

Так, в 1805 году кавалерийский корпус Мюрата достиг огромной численности 22 тысячи кирасир и драгун вместе с тысячей конных артиллеристов. Во время кампании в России в 1812 году после форсирования Немана все они находились в армии Наполеона, не говоря о дивизиях легкой кавалерии, прикрепленных (по одной дивизии) к каждому корпусу пехоты, а также под общим командованием Мюрата, четырех резервных кавалерийских корпусов под командованием генералов Нансути, Монбрена, Груши и Латур-Мобура – в целом в них насчитывалось 38 200 человек, всего 208 эскадронов.

Вскоре после провозглашения Наполеона императором он устроил огромный лагерь у Булони, где его армия тщательно упражнялась в маневрировании большими массами. Система тактики и обучения кавалерии основывалась на принципах Фридриха II Великого. Наполеон не внес никаких изменений в его методику, поскольку, будучи офицером артиллерии, он не был знаком со всеми деталями кавалерийской выучки. В отличие от него Фридрих II знал во всех подробностях службу всех трех родов войск, в результате достиг совершенства в обучении отдельных солдат своей армии.

Тем не менее Наполеон хорошо понимал ценность конницы во всех видах ее действий. Он в полной мере оценил использование легкой кавалерии для охранения, а также прекрасно организовал столь необходимую главнокомандующему разведку, обнаруживая позиции, намерения и перемещения врага.

Как мы успели убедиться, Фридрих II постоянно рисковал и терпел поражения из-за неспособности вовремя обнаруживать планы противников. Наполеон же, напротив, почти всегда был хорошо информирован. Ему не удалось преуспеть в этом только во время катастрофической для него кампании в России, когда почти вся его армия и вся кавалерия погибла в снегах или была захвачена в ходе долгого и ужасного отступления. Неэффективность его разведки и кавалерии перед битвой при Лютцене в 1813 году привела к тому, что он оказался в неведении о близости союзников и был внезапно вовлечен в генеральное сражение. По-видимому, это единственный случай в истории, когда Наполеона действительно застигли врасплох.

Понимая, что его кавалерия не обладает той маневренностью, какую имели прусские конники Фридриха II, он стремился добиться того же самого результата превосходящим количеством кавалерии. Чтобы придать своим конникам больше уверенности, он распорядился, чтобы они действовали большими массами, что и повлекло движение в атаку рысью, таким аллюром, при котором было возможно поддерживать порядок во время движения массой.

Столь медленные атаки приводили к большим потерям от огня пехоты противника, причем настолько тяжелым, что Наполеону пришлось предпринять шаги, чтобы как можно

лучше защитить свою кавалерию, уменьшив потери. Поэтому тяжелая конница была снабжена кирасами и касками. Впоследствии и карабинеры также получили защитное вооружение.

Вскоре вновь созданные формирования кирасир заслужили весьма высокую репутацию и совершили на поле боя множество подвигов, которые выделяли их и часто оказывали влияние на исход всей кампании.

В армии Наполеона имелось множество различных типов кавалерии. После боя при Боргетто в 1796 году он организовал отряд гидов, чьей главной обязанностью считалась охрана его личной безопасности. Все они являлись ветеранами, служившими по 10 лет, и весьма тщательно отбирались. Отряд гидов стал основой и ядром Консультской гвардии, которая впоследствии увеличилась и превратилась почти в армию под названием императорская гвардия.

Во французской армии имелось два полка карабинеров. В 1791 году их вооружение состояло из карабина со штыком, пистолета и палаша. В 1794 году карабинеры передали свое оружие нескольким батальонам стрелков, не имевших еще ружей. Несколько позже, уже в Австрии, они захватили в одном замке запасы английского оружия, вооружившись мушкетами, которые у них были и во время сражения при Аустерлице в 1805 году. Во время войны 1809 года с Австрией и до того, как они стали кирасирами, эти конники имели небольшие мушкеты без штыков.

Кирасирские части вновь создали в декабре 1802 года, сформировав их из 5, 6 и 7-го полков кавалерии. Они оказались настолько результативными, что в 1804 году еще 9 полков получили кирасы, а затем все полки кирасиров получили каски. В 1812 году общую численность кирасиров довели до 14 полков.

Значительную часть кавалерии Наполеона составляли драгуны. В 1802 году в его распоряжении имелся 21 драгунский полк. Драгуны были одеты в зеленую форму, отделанную другими цветами, для защиты головы имелась каска. Они представляли собой пехотинцев, посаженных на лошадей, но вскоре превратились в настоящую конницу, хотя и были лучше обучены пешему бою.

Во время кампаний на Рейне драгуны не очень преуспели, их отправили в Испанию, когда началась война в этой стране. Вскоре под руководством Сульта, Сюше и Сен-Сира они заслужили высокую репутацию. Боевые действия в ходе разразившейся партизанской войны на Пиренейском полуострове показали здесь драгун самыми эффективными солдатами из тех, кто здесь сражался. В 1812 году Наполеон довел число драгунских полков до тридцати.

В 1807 году Наполеон сформировал полк польских улан в Варшаве, примерно из тысячи человек, именуемых легкоконными уланами, и прикрепил его к императорской гвардии для охраны своей особы. Уланы были вооружены пикой с небольшим флажком, гусарской саблей и двумя пистолетами.

В 1810 году организовали второй полк такой легкой кавалерии, их называли красными уланами из-за ярко-красной формы. В июле 1812 года был создан третий полк того же типа. Он также состоял из поляков, насчитывал пять эскадронов. Все три полка вошли в императорскую гвардию.

В декрете от 25 ноября 1811 года предписывалось прикрепить по полному уланскому полку к каждой дивизии кирасир. Появившийся в 1812 году первый такого рода полк вооружался карабинами, носимыми с левой стороны, второму дали мушкетоны, причем у обоих имелись штыки. В 1811 году 9 драгунских полков были переформированы в уланские. Во время своих войн в Германии и Австрии Наполеон столкнулся с уланами и казаками Австрии и России, поэтому ощутил необходимость организации аналогичных войск, чтобы противостоять легкой коннице противника. Организованные с этой целью уланы оказались весьма полезными во многих ситуациях.

Другим известным типом кавалерии считаются конноегерские полки, составлявшие значительную часть французской кавалерии. В 1799 году имелось 25 таких полков, в 1804 – 24 и в 1812 году – 32. Они вооружались саблями, пистолетами и мушкетонами.

Когда Наполеон в 1804 году взшел на трон, в армии насчитывалось 10 гусарских полков, а за 1812 и 1813 годы их численность увеличили до тринадцати. Об этом мы писали выше, и именно такая организация кавалерии в то время применялась в большинстве европейских стран. Наполеон также учредил ряд кавалерийских школ, где очень основательно обучались офицеры и инструкторы для конницы.

Описав состав и численность конницы в армии великого Наполеона, теперь рассмотрим, как эти ресурсы и одаренные военачальники использовались в его войнах, и покажем результаты их усилий на полях сражений.

Как мы уже отмечали, Наполеон осознавал значение кавалерии в предшествующих решающим сражениям операциях, при завязке боя, при прикрытии перемещений пехоты и артиллерии во время развертывания для боя, так и в ходе самого боя – для атак и контратак неприятеля. Он также знал, когда следует их бросить против разбитого врага, чтобы закрепить успех и помешать противнику вновь собраться с силами.

Наполеон наладил тесное взаимодействие между всеми тремя родами войск. Обычно его первая линия была построена в развернутом боевом порядке. Вторая линия строилась в батальонные колонны. Тяжелая кавалерия находилась в резерве, артиллерия и легкая конница размещались перед фронтом и на флангах.

Если атака конницы неприятеля разбивала переднюю линию, то эта конница еще могла прорваться в интервалы между каре, пехотинцы которых вели яростный огонь по наступающим. А затем кавалерия из резерва нападала на конницу противника и, как правило, опрокидывала, поскольку та была утомлена и понесла большие потери от огня пехоты.

В войнах империи принцип необходимости взаимодействия всех трех рядов войск прекрасно осознавали, и Наполеон всегда поддерживал атаки своей пехоты и кавалерии артиллерией, а также держал наготове резервы кавалерии и пехоты, чтобы те смогли прийти на выручку друг другу.

Однако, следуя данному принципу, Наполеон все же не гиперболизировал его, рассредоточивая и смешивая вместе различные мелкие части армии, как делали предшествующие поколения. В то же время нередко он соединял вместе множество артиллерийских орудий в единую батарею, чтобы сильнее поразить врага. Так произошло при Ваграме, где он сосредоточил большое количество орудий полевой артиллерии (104 орудия), мощью своего огня расстроивших центр австрийской армии и обеспечивших тем самым путь для знаменитой атаки колонны Макдональда.

Как мы уже говорили, кавалерия Наполеона, хотя частично использовалась для поддержки корпусов пехоты, в основном была собрана в большие массы для проведения мощных атак в решающих местах на поле сражения, как произошло, например, под Эйлау (при Прейсиш-Эйлау 26–27 января (7–8 февраля) 1807 г.).

В ходе сражений Наполеон держал свою кавалерию поблизости от боевой линии, чтобы пустить ее в дело в нужную минуту, хотя она несла значительные потери от невозможности вывести конников из-под артиллерийского огня неприятеля.

Описание нескольких весьма примечательных случаев использования кавалерии во времена Наполеона покажет в самом выгодном свете образ действий его конницы.

Во время боя при Кастильоне (1796 г.) австрийцы, пытавшиеся слишком далеко продвинуть свои фланги, невольно ослабили свой центр, чего не следовало делать под зорким орлиным оком Наполеона. Французский генерал тотчас выдвинул вперед мощную колонну пехоты, поддержав ее своей кавалерией.

Массированная атака обрушилась на ослабленный центр противника, и австрийская армия оказалась разрезанной на две части. Одной части удалось отступить за реку Минчо, в то время как другую, пытавшуюся присоединиться к Квздановичу, преследовали драгуны под руководством Жюно. Колонну австрийцев остановил близ Сало французский полк, занявший этот город, а с тыла на нее обрушилась гнавшаяся за ней кавалерия Жюно. В результате австрийцы понесли тяжелое поражение, потеряв 3 тысячи пленными и 20 пушек.

С того времени Наполеон всегда, если это оказывалось возможным, использовал своих

конников, чтобы те безостановочно преследовали разбитого и бегущего врага.

Мы уже писали об операциях в Египте 1798, 1799 и 1800 годов. Следующая битва, в которой кавалерия сыграла значительную роль, произошла при Маренго, где только одна атака французских кавалеристов всего за десять минут превратила поражение в славную победу и таким образом решила судьбу всей кампании.

После своего прославленного перехода через Альпы Наполеон вышел на линии коммуникаций австрийской армии под командованием генерала Меласа⁶⁸. В результате австрийцы были вынуждены принять сражение со стороны своего тыла, понимая, что от его исхода зависит судьба всей кампании. Командовавший австрийскими силами Мелас в течение нескольких дней после боя при Монтебелло оставался со своей армией в Александрии, весьма сильно укрепленном городе.

Это несколько ввело в заблуждение Наполеона, опасавшегося, что тот ускользнет благодаря обходному маневру вдоль одного из флангов своей армии. Соответственно он рассредоточил французские дивизии на значительных расстояниях, когда Мелас, вышедший из Александрии, силами 40 тысяч солдат ранним утром 14 июня 1800 года атаковал передовой корпус армии Наполеона под командованием Виктора (дивизии Гардана и Шамберлака).

Намного превосходившие по численности австрийцы в ходе отчаянной борьбы смогли отеснить французский правый фланг через широкую открытую равнину, лежавшую между Маренго и Сан-Джулиано-Веккьо. Своим отходом французы дали австрийцам великолепную возможность для применения их превосходной кавалерии. Уставшие от яростного боя, продолжавшегося более четырех часов, французы поспешно отступали. За ними тотчас последовали их противники вместе с 50 артиллерийскими орудиями, которые сеяли смерть своим огнем по отступающим.

Отступление вначале производилось в виде нескольких каре, и в течение некоторого времени достаточно организовано, однако австрийцы во время преследования взаимодействовали силами всех родов войск весьма искусно. Австрийская кавалерия охватывала отступающие колонны, ей пытались противостоять французские конники под командованием Келлермана и Шампо.

В то время, пока французская кавалерия могла только временно сдерживать драгун, она не могла остановить продвижение венгерской пехоты, которая неуклонно продвигалась вперед, ведя огонь из ружей. Они не смогли подавить и австрийскую артиллерию, которая, следуя между батальонами, продолжала вести огонь картечью по французским каре.

Объединенная атака принесла свои результаты. Вся равнина покрылась беглецами, казалось, что день безвозвратно потерян для французов. Прибытие самого Наполеона вместе с подкреплением временно подняло боевой дух его людей и помешало отступлению, но все равно оказалось тщетным. Удача продолжала оставаться на стороне австрийцев. Уверенный, что он выиграл сражение, Мелас (получивший ранение) переместился в тыл, оставив начальника своего штаба Цаха закрепить успех, когда прибыл Дезе вместе с французским резервом (2-я дивизия его корпуса) и принял участие в сражении.

Именно в этот критический момент, когда судьба самого решительного сражения зависла на волоске, и произошла всем известная атака кавалерии, которая, без сомнения, и решила его исход. Австрийцы теснились огромными колоннами, как бы уверенные в победе. Грозное появление массы в 6 тысяч победоносных венгерских пехотинцев заставило войска Дезе заколебаться.

Между тем шедший во главе только 800 конников Келлерман спрятал их за холмом, покрытым виноградником, и поэтому австрийцы их не видели. Наблюдая за ходом боя,

⁶⁸ Наполеон был вынужден повторно (после Итальянского похода 1796–1797 гг.) завоевывать Северную Италию, поскольку в 1799 г. Суворов во главе русско-австрийских войск совершенно разбил здесь превосходящие силы французов (армии Макдональда, Жубера, Мюро и др.) и изгнал их остатки из Италии. Однако позже отношения России и Австрии ухудшились, и русские войска были отозваны.

Келлерман заметил, что пехота Дезе дрогнула и австрийцы надвигаются на нее. Быстро выскочив из засады, он неожиданно напал на фланг выдвинувшейся колонны противника, опрокинул ее, захватил 2 тысячи пленных, включая Цаха, находившегося во главе штаба, и преследовал остатки колонны, отходившие в полном беспорядке, погнав их на французские подкрепления, подходившие сзади.

Донесение Келлермана о случившемся отличается краткостью: «Я увидел их. Я – между ними. Они сдаются. Все дело потребовало меньше времени, чем нужно для написания этих нескольких строк». Случившееся и принесло победу французам. Австрийцы отступили к Алессандрии.

На следующий день заключили перемирие, по которому Пьемонт и Милан переходили к французам, а австрийской армии разрешалось отступить за реку Минчо. В результате этой победы Наполеону сдались 12 крепостей, вооруженных 1500 пушками, что и произошло благодаря стойкому сопротивлению пехоты Дезе, весьма эффективно поддержанной мощной атакой Келлермана, имевшего в своем распоряжении достаточное количество кавалерии.

Первое сражение кампании 1805 года состоялось при Вертингене 8 октября между 8 тысячами кавалеристов под руководством Мюрата и 12 батальонами австрийских гренадер, поддерживаемых 4 эскадронами кирасир под командованием генерала Ауфемберга.

Австрийцы, считавшие себя в безопасности, были неожиданно окружены на марше огромным количеством французских конников. Ауфемберг тотчас построил свою дивизию в одно большое каре с кирасирами по углам и стал ожидать нападения. Французские драгуны напали стремительно и вскоре смели небольшую по численности австрийскую кавалерию, однако не смогли прорваться внутрь каре, где каждый солдат вел яростный огонь.

Тяжелая кавалерия под руководством Нансути производила повторяющиеся атаки, неся огромные потери. Исход боя долгое время оставался неясным, но в это время подошел Удино с отрядом гренадер, поддерживаемым артиллерией, огонь которой сокрушил строй австрийцев, открыв дорогу коннице, которая, бросившись в открывшуюся брешь в австрийском строю, смела каре и добилась полной победы, захватив 3 тысячи пленных, равно как и всю артиллерию врага.

Первый бой кампании придал уверенности кавалерии Наполеона и проложил путь многим другим последующим успехам. Во время этой кампании Наполеон продолжал развивать применение кавалерии ради того, чтобы преследовать разбитого и отступающего врага.

После нескольких атак и блестящих стратегических маневров Наполеон отсек австрийскую армию от линии снабжения и окружил ее при Ульме. Его замысел практически завершился, когда Макк, командовавший австрийскими войсками, решил отправить эрцгерцога Фердинанда вместе со всей кавалерией и легкими войсками, чтобы тот попытался прорваться через плотно окружившие город французские войска и таким образом уйти в Богемию (Чехию).

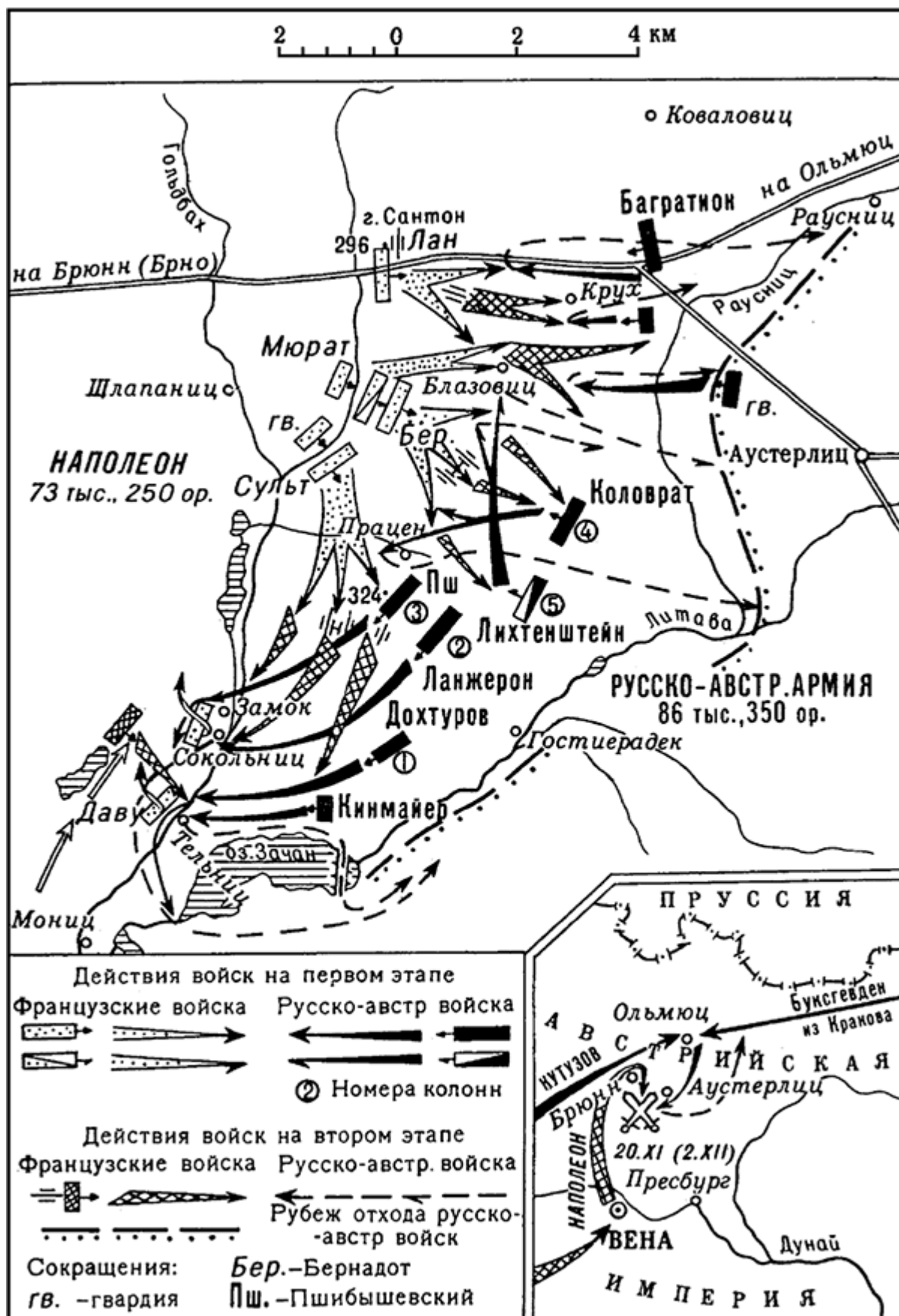
Колонны австрийцев выступили по двум дорогам, в то время как продолжалось сражение при Эльхингене. Одной колонной командовал сам эрцгерцог Фердинанд, другой генерал Вернек. Мюрат получил приказ немедленно начать преследование. Вечером того же дня он подошел со своим арьергардом к Неренштеттену и захватил 2 тысячи пленных. На следующий день он вновь напал при Нересгейме и захватил еще больше пленных. Через день неутомимый Мюрат снова настиг измученных австрийцев и окружил 8 тысяч человек под руководством генерала Вернека, от безысходности утративших бдительность, и принудил их сдаться, передав свои жизни в распоряжение французской кавалерии.

Затем Мюрат последовал по направлению на Гундгаузен и Нюрнберг вслед за кавалерией эрцгерцога, бежавшей в том направлении. В ту же самую ночь, когда сдался Вернек, он захватил огромный парк военного снаряжения и припасов вместе с артиллерией и казной. 19 октября также прошло в преследовании, и 20 марта Мюрат вынудил австрийцев принять новый бой. После нескольких атак австрийцев рассеяли, многих взяли в плен. Фердинанд бежал вместе с 3 тысячами конников, всем, что осталось от сильного отряда,

который за несколько дней до этого вышел из Ульма!

За четыре дня Мюрат захватил в плен более 12 тысяч человек, при этом непрерывно продолжал преследование, перемещаясь примерно по 30 миль в день. Он также захватил 120 пушек, 500 повозок, 11 знамен. В числе пленных оказалось 200 офицеров и 17 генералов. Фактически кавалерия сыграла самую важную роль во время кампании. Их упорство во время преследования сравнимо лишь с известной погоней Карла XII, преследовавшего убежавших саксонцев вместе со своей кавалерией в течение девяти дней без остановки.

Таков первый случай подобного рода в Наполеоновских войнах, всего же мы встречаем множество случаев подобного использования кавалерии в дальнейшем. Во время продвижения к Вене после Ульма кавалерия под началом Мюрата оказала весьма значимую поддержку, наседая на отступавшего врага с неустойчивой настойчивостью.

Аустерлицкое сражение 20 ноября (2 декабря) 1805 г.

Во время следующего великого сражения, произошедшего под Аустерлицем 20 ноября (2 декабря) 1805 года, Наполеон разместил свою кавалерию на той части поля боя, где она могла лучше всего проявить себя и где сама почва оказывалась благоприятной для нее. В

сражении последовала серия кавалерийских атак, верх одерживала то одна, то другая сторона, когда подходили свежие резервы.

Во время одной из атак кавалерию Келлермана опрокинули австрийские кирасиры под командованием князя Лихтенштейна. Преследовавшие французов австрийцы, стремившиеся закрепить успех, прорвались через первую французскую линию и начали прорываться через вторую. В это время на них напал Мюрат вместе с кавалерией резерва и опрокинул, причем отходили они под ужасающим огнем французской артиллерии, обрушившимся на них с флангов каре и колонн французской пехоты, уничтожившим половину австрийцев, которым негде было укрыться на равнине. Поскольку сразу после этого сражения стороны заключили перемирие, тем самым не возник повод осуществлять преследование.

Во время следующей кампании, той, что произошла в 1806 году, можем отметить дальнейшее развитие использования кавалерии как во время сражения, так и в закреплении успеха.

Все с той же удивительной стратегической дальновидностью Наполеон так расположил свою армию на театре военных действий, чтобы неожиданно охватить пруссаков с флангов и тыла прежде, чем те успеют собрать силы и отразить натиск французов. Решительное сражение состоялось при Йене 14 октября 1806 года. Битву начал Ней.

Его кирасиры храброй атакой захватили батарею из 13 орудий и закрепились на вершине холма. Прусские конники так же храбро атаковали пехоту Нея, которая, построившись в каре, держалась, пока конница, присланная Наполеоном, не отогнала врага.

После равной рукопашной по всей линии, где превосходящие численностью французы заставляли пруссаков отступать в каждом пункте, все деревни, которые заняли ранее пруссаки, были отобраны, и прусские войска отступали медленно и угрюмо, но сохраняя боевой порядок.

Наполеон рассчитал, когда пришла пора бросить в бой свою кавалерию, чтобы та закрепила успех. Во главе 12 тысяч конников, свежих, не уставших и преисполненных боевым духом, прибыл в совершенном порядке Мюрат и набросился с громкими криками на отступавшего врага. Эффект оказался ошеломляющим.

Ничто не могло остановить накатившийся поток конников, устремившихся на равнину и сметающих все на своем пути. Усталая и понесшая большие потери прусская кавалерия тщетно пыталась все же прикрыть отступление своей пехоты и артиллерии.

Превосходившие числом и массой тяжелые эскадроны французских кирасир сломили всяческое сопротивление, отбросили прусскую кавалерию, захватили орудия и рубили отступавших пехотинцев. Командовавший прусским корпусом (насчитывавшим до начала боя 38 тыс.) князь Гогенлоэ послал депешу к генералу Рюхелю, приближавшемуся с резервами (корпусом численностью 15 тыс.). Сказанное позволяет зрительно представить воздействие атаки Мюрата и его массивных конников.

Приказав Рюхелю открыть проходы, чтобы пропустить через свои линии беглецов, Гогенлоэ писал: «Будьте готовы встретить атаку кавалерии врага, которая налетает самым бешеным образом, давя и рубя бегущих, уже смешав нашу пехоту, конницу и артиллерию»⁶⁹.

Победа оказалась полной, тем более что Даву (27 тыс.) нанес поражение главным силам прусской армии (50 тыс.) в тот же самый день при Ауэрштедте. Беглецы с обоих полей сражения бежали по направлению к Веймару, и Наполеон сделал все нужные распоряжения, чтобы продолжить преследование. Та энергия, с какой великий полководец преследовал потерпевшего поражение врага, стала основой для полного успеха. Отметим, что кавалерия при этом оказала самую ценную службу.

Мюрат занял город Веймар, следуя буквально по пятам беглецов, пока часть его

⁶⁹ Храбрый Рюхель был разбит по тому же сценарию. Сначала атакующих пруссаков (в центре пехота, на флангах конница) встретили огнем пехота и артиллерия французов, а затем превосходящими силами ударами с фронта и флангов пруссаки были опрокинуты.

конников прошла в город вместе с ними, оставшаяся часть обошла вокруг и перехватила отставших, так что за несколько минут 15 тысяч пруссаков и 200 орудий попали в руки французской кавалерии.

На следующий день Мюрат, продолжая неумоимо наступать, вплотную поддерживавшийся следовавшей за ним пехотой Нея, подошел к Эрфурту, тотчас сдавшемуся с 14 тысячами пленных, 120 пушками и огромными военными запасами. Разбросанные остатки прусских войск отступали к Магдебургу, и Мюрат по приказу Наполеона двинулся из Эрфурта к этому городу, гоня перед собой пруссаков, осознававших, что в скором времени они станут пленниками.

Из Магдебурга Мюрат быстро переместился к Шпандау, сдавшемуся по первому его требованию. В тот же самый день Даву вошел в Берлин. Гогенлоэ, отрезанный от столицы, повернул через Гранзе и Цеденик на Штеттин, но тут снова появился неумоимый Мюрат, остановив авангард прусской конницы у Цеденика. И в бою у Цеденика 26 октября пруссаки были разбиты гусарами Ласалья (Ласалля) и драгунами Груши, потеряв тысячу человек.

На следующий день произошло еще несколько боев, во время которых прусские гвардейские жандармы были окружены французскими конниками и вынуждены сдаться в открытом поле.

Отрезанный от прямой дороги на Штеттин, Гогенлоэ надеялся, что кружной путь через Пренцлау позволит ему туда пробиться, однако Мюрат, узнав об изменении направления движения пруссаков и предвидя намерения противника, всю ночь перебрасывал своих конников через территорию, лежащую между дорогами, и перехватил врага утром 28 октября, атаковав войска Гогенлоэ с фронта и с фланга на расстоянии в 2 лиги от Пренцлау.

Уставшая и потерявшая боевой дух прусская кавалерия была опрокинута и отброшена к своим главным силам. В решающий момент подошла пехота маршала Ланна, шедшая всю ночь с неумоимой настойчивостью. Она начала наступать против правого фланга.

После короткого, но упорного боя прусский командующий был вынужден сдаться, и 16 тысяч пехотинцев, 6 полков кавалерии, 45 штандартов и 64 пушки попали в руки французов. Вместе с отделением легкой кавалерии Наполеона примерно в то же самое время Мило захватил при Пасевальке 6 тысяч пруссаков и среди них 2 тысячи кавалерии вместе с их лошадьми и вооружением.

На следующий день, 29 октября, генерал Ласалль вместе с бригадой гусар продвинулся к Штеттину и предложил ему сдаться. После второго требования город капитулировал, и крепость, в которой находилось 160 пушек и гарнизон из 6 тысяч человек, был захвачен без единого выстрела.

После этого Мюрат тотчас повернул на запад и последовал за прусскими войсками, которые под командованием Блюхера отступали к Любеку. 30 октября у Анклама был взят в плен генерал Била вместе с 4 тысячами пруссаков. 1 ноября арьергард Блюхера потерпел поражение у Носсентина, потеряв 500 пленных. Его снова разбили в Висмаре 4 ноября. 6 ноября Любек был взят штурмом, прусская пехота захвачена в плен или перебита. Наконец 7 ноября, после боя при Швартау (Бад-Швартау), Блюхер должен был капитулировать у Ратекау, 4 тысячи пехоты, 3700 кавалерии и 40 пушек попали в руки французской конницы.

Вся кампания продолжалась около месяца. Два кавалерийских сражения, одно случившееся 9 октября при Шлайце и второе при Зальфельде 10 октября, стали прологом больших битв при Йене и Ауэрштедте 14 ноября того же месяца. Победа явилась настолько очевидной – фланги пруссаков были сметены сокрушительной атакой конников Мюрата, которых никто не смог превзойти силой и упорством, – что битва закончилась полным уничтожением всей прусской военной системы.

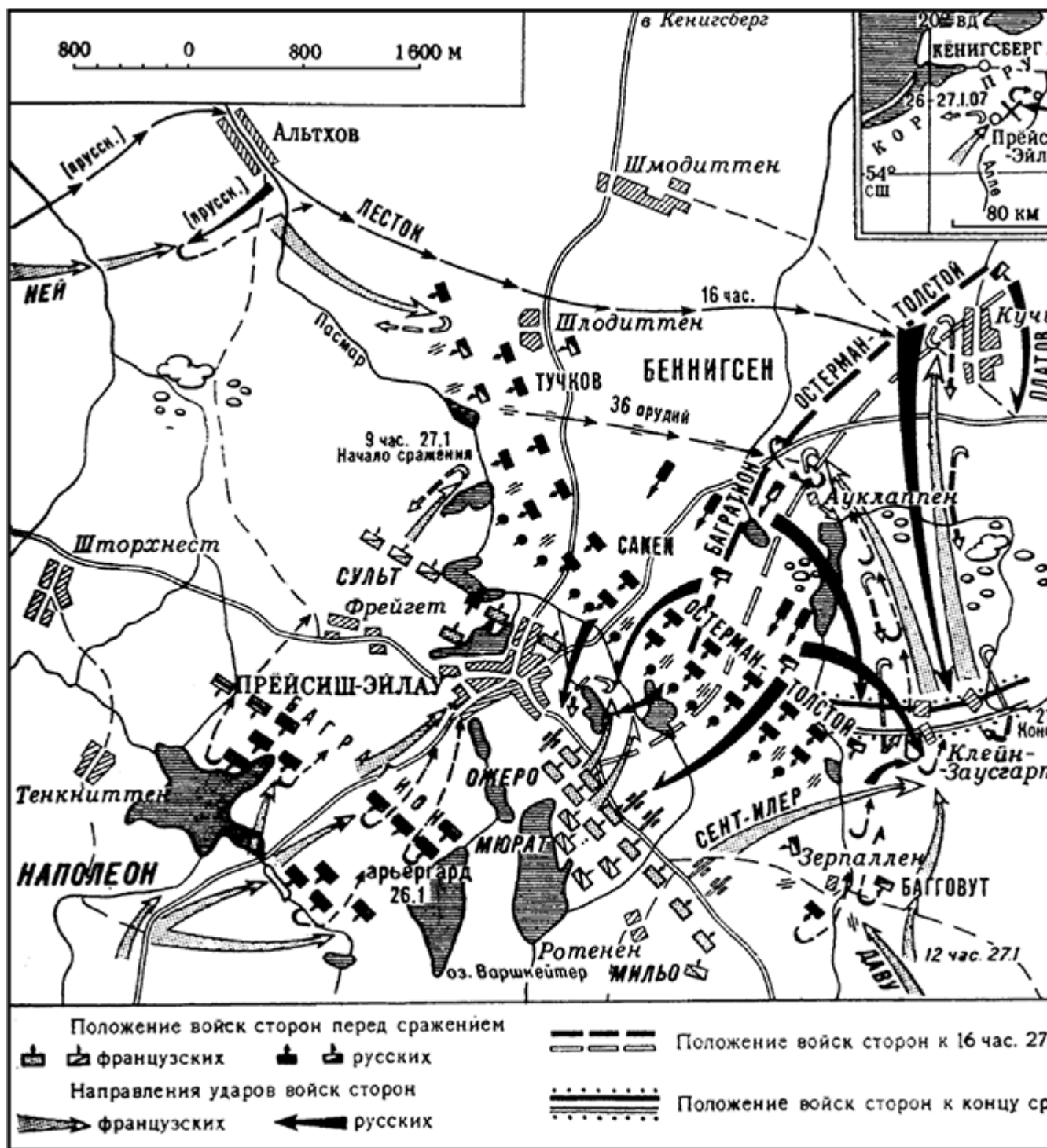
Мы же приводим полное описание этого преследования осколков прусской армии в качестве примера того, какую роль кавалерия играет в обеспечении победы и закрепления успеха.

Следующая кампания Наполеона произошла в Польше в Восточной Пруссии, куда он тотчас направился, чтобы встретиться с сильной русской армией, двигавшейся навстречу,

чтобы помочь пруссакам. Кампания началась с оккупации Варшавы французами 30 ноября. За ней последовало продвижение армии Наполеона и сражения при Пултуске и Голымыне 26 декабря 1806 года. В первом из этих сражений Беннигсен искусно использовал казаков, чтобы образовать прикрытие, за которым он разместил свои войска.

Состоявшееся 8 февраля 1807 года сражение при Эйлау (Прейсиш-Эйлау) стало одним из самых яростных боев с рукопашными схватками и одной из кровавых битв, отмеченных в истории⁷⁰. Причем обе армии позже заявили о своей победе. Во время сражения кавалерия отличилась необычайно активными действиями с обеих сторон.

⁷⁰ Русские войска насчитывали 70 тысяч, в конце боя подошли 8 тысяч пруссаков, и 400 орудий. У Наполеона было около 70 тысяч и свыше 300 орудий. В бою русские потеряли 26 тысяч убитыми и ранеными, французы от 23 до 30 тысяч.

Сражение при Прейсиш-Эйлау 26–27 января (7–8 февраля) 1807 г.

Сражение начал Наполеон, нанеся мощный удар по правому флангу и центру русских силами корпусов Ожеро и Сульта, поддержанных 150 пушками. Как только войска Ожеро приблизились на 100 шагов, русские батареи открыли по ним сильнейший огонь из 200 орудий, нанеся ужасные потери французским массивным колоннам. Пока французы приходили в себя, разразилась мощная снежная буря, закрывшая обзор, и русские воспользовались этим, атаковав один фланг французских дивизий пехотой Тучкова, а другой — сильным конным отрядом.

Буря оказалась таким сильным, что атака оказалась совершенно неожиданной, и казаки налетели прежде, чем французы их заметили или предприняли шаги, чтобы встретить их атаку. Вскоре исход был predetermined. Атакованный с обоих флангов пехотой и кавалерией корпус Ожеро был разбит.

Ружья оказались совершенно бесполезными из-за влаги и снега, что приводило к осечкам, колонны тотчас разрушились и пытались отступить, но было устроено побоище, так что только 1500 человек из 16 тысяч смогли избежать печальной участи. Эта неудача практически нарушила весь боевой порядок армии Наполеона, правый фланг и центр русских продвинулись вперед, их легкая кавалерия вошла в Эйлау (Прейсиш-Эйлау), а одна из колонн тяжелой кавалерии подошла близко к холму, на котором стоял Наполеон, и чуть не захватила его в плен.

С абсолютным спокойствием и решительностью Наполеон предпринял радикальные меры, чтобы компенсировать неудачи. Он отдал распоряжение, чтобы его «старая гвардия» (ветераны) атаковала один фланг русских, коннице Мюрата поручалось немедленно атаковать правый фланг продвигавшихся русских, ликовавших от одержанной победы и наступавших, утратив строй.

Прежде чем они опомнились, чтобы встретить приближающегося врага, французы уже набросились на них и почти целую дивизию порубили на куски на месте⁷¹. Так французам удалось спасти свой центр от дальнейшего разгрома, но причиненный ущерб и последовавший за ним беспорядок оказался настолько большим, что потребовались невероятные усилия со стороны Наполеона, чтобы переломить ход сражения, для чего была организована атака на левый фланг русских.

Атаку предпринял корпус Даву, поддержанный всей наличной конницей, собранной воедино под его командой. Всего атаковали 14 тысяч кавалеристов, 25 тысяч пехоты и 200 пушек. И снова снежная буря помогла кавалерии, однако на сей раз французам.

Во главе своих 70 эскадронов Мюрат подошел почти вплотную к линиям русских до того, как его присутствие обнаружили, но не успели наладить противодействие. Передняя линия была прорвана, кавалерия отброшена, начался самый упорный бой.

Хотя русские батальоны и потеряли боевой порядок, они не бежали и не сдавались, напротив, смогли объединиться в небольшие группы, сражаясь с невероятным упорством. Часть французских конников смогла прорваться через русские линии, но были атакованы донскими казаками Платова, сразу же их уничтожившими. Длинные пики казаков, их удивительное умение управлять ими и подвижность лошадей придавали им огромное преимущество в рукопашной над громоздкими и неповоротливыми кирасирами на утомленных лошадях.

В этой части поля сражения, у деревни Зерпаллен, Беннигсен направил свою кавалерию, чтобы та атаковала во фланг пехоту Морана, заставив французов отступить обратно примерно на 300 метров. В необычайно яростном сражении, когда происходила ужасающая бойня, прекратившаяся только около 10 часов вечера, ни одна из сторон так и не смогла победить. Фактически беспристрастный судья сказал бы, что обе стороны потерпели поражение, поскольку Беннигсен отступил, а Наполеон увидел это настолько вовремя, что не сделал это первым, но через несколько дней также отошел.

Писавшие о кавалерийской тактике часто видят в сражении при Эйлау пример того, как в условиях снежной бури ружья пехоты стали бесполезными. Это сражение служит примером того, что во время затяжных дождей и снегопадов пехота часто оставалась беззащитной перед кавалерией, которая, опираясь на «белую армию» (сильный снег или дождь), могла обрушиться на пеших солдат, лишенных их главной оборонительной мощи, ружейного огня.

Все же в настоящее время изобретение унитарных патронов, а также винтовок, заряжающихся с казенной части, делает такое развитие событий невозможным. Но именно потери в данном случае представляли интерес для кавалерийских офицеров будущего.

Тьер также пишет, что во время этого сражения русская пехота, увидев, что она не в

⁷¹ Конница Мюрата сошлась в бою с русской конницей, преследовавшей остатки корпуса Ожеро, кавалерийский бой протекал с переменным успехом и закончился с большими потерями для обеих сторон. Особенно велики были потери французской гвардейской конницы.

состоянии остановить натиск французских конников, бросалась на землю и пропускала конников через себя, а затем поднималась и стреляла им в тыл.

Блестяще проявила себя русская кавалерия. Мюрат с 12 полками кирасир попытался преследовать Беннигсена по дороге на Кенигсберг. Но после горячего боя с русскими конниками он потерпел поражение и был отброшен, потеряв 400 человек убитыми и 300 пленными.

Именно во время этой кампании Наполеон впервые почувствовал, как трудно вести войны против нации, чьи армии прикрывались такой эффективной легкой кавалерией, как казаки. В последующих войнах, в частности во время катастрофического отступления 1812 года, а также в 1813 и в 1814 годах на равнинах Германии и востока Франции бесчисленные удары со стороны формирований легких русских конников непрерывно сыпались на французские войска.

Разбив кирасир Мюрата, казаки стали действовать наглее и решительнее. Их нападения не прекращались, происходили ночью и днем. Они непрестанно перехватывали французских фуражиров, задерживали курьеров, перехватывали пути сообщения и атаковали биваки.

Казаки действовали настолько результативно, что французы больше не могли производить какие-либо реквизиции и с великим трудом им удавалось кормить свою армию. Через десять дней Наполеону пришлось отвести свои войска на зимние квартиры, потеряв за короткое время 1500 кавалеристов, захваченных в плен неутомимыми конниками русского императора.

Давайте напомним и о том, что это была первая кампания, которую Наполеон не смог завершить окончательной победой. Это произошло именно благодаря русской кавалерии, успешные действия которой привели к существенным изменениям в организации его армии. Ниже мы покажем, как действия этих иррегулярных конников в конце концов оказали самое существенное влияние в деле уничтожения основ гигантской военной силы, созданной гением великого Наполеона.

Бои с участием тяжелой кавалерии происходили в ходе битвы при Экмюле 22 апреля 1809 года, когда батарея из 16 австрийских орудий была захвачена в результате атаки баварских кирасир. Во время отступления к Регенсбургу в конце сражения австрийские кирасиры и гусары выдвинулись перед Эгольфсхаймом, чтобы прикрыть отступление своей пехоты и артиллерии.

Французские колонны были вынуждены остановиться, ожидая, пока не подойдет их кавалерия. Австрийцы атаковали первыми, и перед нами вновь пример стрельбы конников. Кирасиры Нансути и Сен-Сюльписа встретили врага выстрелами из карабинов, а затем галопом устремились в атаку, отбросив австрийцев к их резервам.

Те вмешались в дело, и австрийцы снова устремились вперед, и все смешалось. Противники то откатывались назад, то продвигались вперед в ходе отчаянного рукопашного боя, когда слышался только звон палашей, обрушивавшихся на каски и кирасы, вызывая грохот, перекрывавший другие звуки сражения. Солнце зашло, поднялась луна, прежде чем сильный звук от разрушаемых кирас прекратился. Вооруженные только нагрудными кирасами, австрийские кирасиры сражались в неблагоприятных условиях по сравнению с французскими конниками, защищенными и со спины. Понеся тяжелые потери, они были вынуждены отступить, и поле боя осталось за кавалерией Наполеона.

При Ваграме кавалерия совершила много атак с обеих сторон. Австрийские кирасиры обрушивались на фланг пехоты Массена сразу после того, как она совершила удачную атаку на деревню Адерклау, выбив оттуда французов. В результате этой атаки корпус Массена расстроен, и только вмешательство Наполеона, приславшего большие подкрепления, восстановило ситуацию. Кирасиры Сен-Сюльписа в это время повторно атаковали, помешав продвижению угрожавших французам колонн пехоты врага, и вскоре под прикрытием кавалерии и артиллерии французские линии были приведены в порядок.

Французская тяжелая кавалерия сражалась на правом фланге, там Даву остановил левый фланг австрийцев, но эти боестолкновения не представляют особого интереса. Все же

они позволяют представить важность свежих резервов в кавалерийском бою. Под командованием Груши французские конники сначала остановили, а затем и опрокинули кавалерию Розенберга, нанеся ей значительные потери.

Чтобы восстановить ситуацию, в бой тотчас были введены кирасиры Гогенлоэ, и теперь Груши, в свою очередь, потерпел поражение и был вынужден отступить в тыл. Подошедший к нему на помощь со свежими войсками Монбрен обрушился на австрийцев, едва переведших дух, и добился исхода боя в пользу французов.

На левом фланге французская кавалерия понесла такие серьезные потери от артиллерийского огня, что не смогла продолжить участие в сражении. В результате конники, потрепанные длительным сражением и ослабленные серьезными потерями, не смогли продолжить с такой же энергией преследование. Так что едва ли удалось захватить пленных и очевидно, что никаких орудий. Наполеону все случившееся страшно не понравилось, он резко обвинил своих кавалерийских генералов. «Видели ли когда-нибудь подобное? – сказал он. – Ни пленных, ни орудий. Этот день останется без последствий».

Во время битвы при Дрездене в 1813 году командовавший французской кавалерией Мюрат под покровом тумана и дождя, скрывших его передвижения, смог незаметно построить свою конницу у левого фланга союзников перпендикулярно к линиям противника. Затем в ходе сражения 12 тысяч отборных конников, в то время когда с фронта союзники сражались с французской пехотой, неожиданно вырвались из тумана, атаковав фланг и тыл врага. Тотчас линии союзников были прорваны, три четверти всех войск, образовывавших левое крыло, убиты или захвачены в плен. Отважная атака кавалерии принесла Наполеону победу.

Кавалерию весьма эффективно использовали во многих последующих кампаниях Наполеона, например при Лейпциге, Фер-Шампенуазе и Ватерлоо. Однако к тому времени другие европейские нации также начали активно использовать кавалерию, в некотором роде имитируя систему Наполеона. Но эти сражения мы рассмотрим в следующей главе, посвященной кавалерии других стран.

Пример, который мы привели, все же позволяет составить читателю ясное представление о той манере, в какой Наполеон использовал свою кавалерию, и о той роли, которую она играла в его кампаниях. Он весьма высоко ценил службу легких конников по добыванию информации о перемещениях противника. Мы уже говорили об особенных способностях Наполеона проникать в планы врага. Сочинения Наполеона наполнены рассуждениями, из которых отчетливо видно, какое необычайно внимание он уделял данному вопросу.

Те же самые качества Наполеон высоко ценил и у своих кавалерийских офицеров. Его замечания о генерале Штейнгеле, убитом во время первых походов в Италию, показывают, как высоко он ценил этого офицера, и отражают его представление о том, каким должен был быть генерал легкой кавалерии. Наполеон замечает: «Генерал Штейнгель, эльзасец, представляет собой тип великолепного гусарского офицера, он служил при Дюмурье во время северных кампаний, проявил себя способным, умным, храбрым солдатом. Он соединял порывистость юноши с мудростью умудренного возрастом человека, являясь истинным генералом авангарда.

За два или три дня до своей смерти он первым занял Леценьо. Французский генерал прибыл туда спустя несколько часов, и все, что он требовал, было сделано.

Все проходы и броды разведали, обеспечили проводников, священник и почтмейстер допрошены, завязаны сношения с местными жителями, шпионы высланы по разным направлениям, письма на почте задержаны, и те, в которых заключались какие-либо военные сведения, переведены и разобраны; наконец приняты были меры для устройства продовольственных магазинов, чтобы поддерживать войска и снабжать по мере необходимости».

Взгляды Наполеона на различные методы получения информации настолько интересны и оказали столь сильное влияние, что каждому кавалерийскому офицеру необходимо с ними

познакомиться. Они подробно описаны в письме Наполеона к брату, королю Испании Жозефу.

«Мы не имеем никаких сведений о противнике; это объясняют тем, что таковых нельзя было добыть. Но это не было чем-нибудь чрезвычайным, никогда ни в одной армии не имевшим место, как будто шпионы являются сами собой.

В Испании вам следует поступать так, как поступают в других местах. Высылайте повсюду разъезды. Прикажите задерживать алькальдов, настоятелей монастырей, почтмейстеров и прежде всего письма. Допрашивайте этих людей, пока они не заговорят; по два-три раза в день; держите их как заложников. Заставляйте их посылать людей, которых должно обязать во что бы то ни стало доставлять сведения. Если принять решительные, а в случае необходимости и насильственные меры, то всегда можно добыть известия. Все почты должны быть заняты; письма задержаны. Единственная цель добыть сведения оправдывает посылку отряда в 4–5 тысяч человек, который занимает какой-либо большой город, берет письма с почты, задерживает наиболее состоятельных жителей с их письмами, бумагами, газетами и т. п.

Совершенно очевидно, что даже внутри французских линий жители очень хорошо знают, что делается у неприятеля; очевидно, что вне этих линий они знают это еще лучше; что же вам препятствует арестовать людей выдающегося общественного положения? Затем вы можете отсылать их обратно, причем во время их ареста следует обращаться с ними вполне хорошо. Очевидно, что если война ведется не в пустыне, а в населенной стране, то генерал, не умеющий добыть нужные ему сведения, не понимает своего дела. Местные жители будут оказывать содействие неприятельскому генералу не по доброй воле и даже не из-за денег. Самое верное для этого средство – обеспечить их жизнь, имущество, города, монастыри охраной или каким-либо другим способом».

Чтобы обезопасить свои перемещения, Наполеон весьма искусно использовал свою кавалерию, в результате его блестящие стратегические планы в целом оказались успешно выполнены, благодаря тому что кавалерия помогала ему скрыть его замыслы от врага. Способность Наполеона видеть намерения своих противников была не меньше способности скрывать свои замыслы.

Его поход в Египет оказался почти полной неожиданностью. Его возвращение из этой страны могло оказаться провальным, если бы не та секретность, с какой все было проведено. (Наполеон прибыл во Францию, оставив в Египте армию, которая позже капитулировала.) Кампания Наполеона в 1800 году, закончившаяся Маренго, оказалась успешной благодаря уловке, с помощью которой ему удалось ввести в заблуждение всю Европу, и подобное он ввел в обиход.

Марш Наполеона на Ульм в 1805 году был совершенно скрыт от австрийского командующего генерала Макка великолепными конниками, пока его правый фланг не был обойден, его коммуникации перерезали, армию заперли в крепости, и ему не оставалось ничего иного, кроме как капитулировать. Во время той кампании кавалерия Наполеона образовала завесу, за которой Макк не видел ничего, так что удалось завершить блестящую стратегическую комбинацию.

В кампании 1806 года мы видим, как Наполеон победил пруссаков благодаря неожиданным действиям, не говоря уже о той огромной роли, какую сыграла кавалерия, прикрывавшая его перемещения.

В Испании маршалы Наполеона также использовали своих драгун в той же манере, что и их великий лидер. Однако им не удалось добиться тех же результатов, поскольку все население оказалось резко враждебным, разразилась национальная война. Все же драгуны необычайно прославились во время испанских кампаний и оказались самой полезной частью войск в условиях партизанской войны, которая в течение длительного времени происходила в этой стране.

В своей «Истории Пиренейских войн» Наполеон замечает, что во время сражений в Португалии, до битвы при Вимейру, случившейся в 1808 году, количество и действенность

конницы Жюно совершенно скрыли его позицию от английского генерала, и британские войска оказались окружены настолько плотно, что они не смогли получить никакой информации о том, что происходило за их линиями.

После битвы при Валенсии, как мы отметили, маршал Сюше направил драгун преследовать убегающих испанцев, причем у каждого драгуна за спиной разместился пехотинец. Благодаря своему быстрому передвижению эти группы помешали врагу собраться и совершенно рассеяли их. В этой войне французские драгуны часто спешили, чтобы сражаться пешими.

При Наполеоне выдвинулись несколько очень хороших командующих кавалерией, хотя едва ли они могут сравниться с Зейдлицем и Цитеном. Многие бездумно устремлялись вперед, у них отсутствовала осторожная рассудительность, что считалось совершенно необходимым качеством для кавалерийского командира. Никого из них ни в коем случае нельзя сравнить с Оливером Кромвелем.

Самая блестящая и поразительная личность в плеяде прославленных солдат, окружавших великого Наполеона, без сомнения, Мюрат. Его отчаянная храбрость не имела себе равных. С ним никто не мог сравниться по энергичности. В то время как его рыцарское поведение, красивая внешность делали его всеобщим любимцем кавалерии, которой он командовал.

Его блестящая одежда, его особый статус, бесподобная посадка на лошади, когда он появлялся среди своих великолепных и блестяще экипированных кирасир, привлекали всеобщее внимание. Его неутомимая энергия и отменная храбрость оказались теми двумя качествами, которые и создали ему особую репутацию и принесли такое количество побед.

Однако что касается его суждений, то они вовсе не отличались таким же качеством. Лучше всего об этом сказал Наполеон: «Не было более решительного, бесстрашного и блестящего кавалерийского командира. Он был моей правой рукой, но, предоставленный самому себе, терял всю энергию. В виду неприятеля Мюрат превосходил храбростью всех на свете, в поле он был настоящим рыцарем, в кабинете – хвастуном без ума и решительности».

Один случай из карьеры Мюрата четче, чем какой-либо другой, показывает необычайную энергию и импульсивность его характера. Во время вторжения в Россию в 1812 году Мюрат командовал конницей авангарда. С 24 июня, когда французская армия пересекла Неман, до 14 сентября вторгнувшаяся конница непрерывно, каждый день, вступала постоянно в стычки с арьергардом русских.

Вместе со своими конниками Мюрат возглавлял авангард. С утра до ночи под палящим солнцем, в облаках пыли, хотя их лошади постоянно падали от усталости, французские эскадроны неуклонно и настойчиво продвигались вперед. Каждый день солдаты мечтали о Москве. Она была целью их наступления, местом отдыха от их тяжелого труда, вознаграждением за лишения.

Проведя 60 сражений и стычек, после трех месяцев непрерывного наступления Мюрат наконец подошел к Москве, которую оставили русские войска. Он вошел в город вместе со своими конниками и нашел его пустынным. В соответствии с настроением пылкого кавалерийского офицера, не делая остановок, он прошел через город, вышел через другие ворота и продолжил преследование русских, кавалерия устремила вперед к Азии и безграничным равнинам Востока. Только этот факт, означающий такую неуемную и неутомимую энергию, позволяет нам с полным основанием, более, чем какой-либо другой из его биографии, говорить о характере Мюрата как командующего кавалерией.

Что касается других кавалерийских офицеров, то Келлерман отличился уже при атаке в Маренго. Но и в других баталиях проявились его свойства хорошего кавалерийского главнокомандующего. Маршал Мармон считал, что Келлерман, Монбрен и Ласалль были единственными настоящими командирами кавалерии, которых породила французская армия за двадцать лет Наполеоновских войн.

Весьма эффективным офицером считался и Бессьер, командовавший кавалерией императорской гвардии. Штейнгель обладал качествами, необходимыми для того, чтобы

стать хо рошим кавалерийским командующим, однако, к сожалению, погиб слишком рано – до того, как смог проявить себя. Тем не менее Наполеон оставил перечень тех качеств, необходимых для руководителя кавалерии, которые мы уже перечислили.

Глава 25. Кавалерия во времена Наполеона (продолжение)

Русская кавалерия во времена Александра I

Во время Наполеоновских войн кавалерия придала французской армии особо эффективную мощь, в равной степени оказавшись полезной как на полях сражений, так и в мелких военных операциях. Кроме того, ее действия способствовали тому, что против нее были применены (как контроружие) полчища иррегулярной конницы, сражавшейся под российскими знаменами.

Растущие амбиции, неумная энергия, воинственный характер побуждали Наполеона сражаться в любом климате, от раскаленных песков Египта до заснеженных лесов и полей России. Ни один из командующих того времени не обладал столь разносторонним опытом. Наполеон сражался против прекрасно обученных дисциплинированных солдат Пруссии и Австрии, против ополченцев в национальной войне, обрушившейся на него в Испании. И, как бы завершая все свои эксперименты, в 1812 году он начал кампанию против России, главную силу армии которой составляли иррегулярные кавалерийские части, набранные из глубин этой огромной страны. Этот противник в некотором роде был похож на парфян, армия которых нанесла столь сокрушительное поражение Крассу, став единственным соперником Рима.

Действия русских конников, особенно казаков в 1812 и 1813 годах, внесли значительный вклад в историю кавалерии, и именно этому роду войск во многом следует приписать падение самой могущественной со времен Рима военной державы.

В 1810 году при императоре Александре I русская армия включала 6 кирасирских, 36 драгунских, 11 гусарских и 5 уланских полков, кроме того, в гвардии состояли 2 кирасирских, 1 драгунский, 1 гусарский, 1 уланский, а также 1 казачий полк и уральская казачья сотня. Армейские, гусарские и уланские полки имели по 10 эскадронов; гвардейский казачий – 3; все прочие полки, как гвардейские, так и армейские, – 5. В каждом гвардейском эскадроне было 159 конников, в армейском – 151.

В 1811 году было дополнительно сформировано еще 2 кирасирских полка, и вся конница сведена в 11 дивизий, из них 1 гвардейская и 2 кирасирские. В каждой кирасирской дивизии было по 5 полков (в том числе в первой два гвардейских); остальные дивизии состояли каждая из 4 драгунских и 2 гусарских или уланских полков; 4-я дивизия имела еще лишний гусарский полк, а 8-я состояла всего из 3 драгунских и 1 гусарского полков.

Главную силу русской конницы тем не менее составляли не эти регулярные войска, а множество казаков, которые огромной массой влились в ее ряды, когда разразилась война, и которые действительно героически проявили себя во время боевых действий.

Почти все донские казаки собрались под командованием генерала Матвея Платова, ставшего атаманом Войска Донского. Эти казаки, привыкшие к лошадям с детства, были в мирное время постоянно заняты хлебопашеством и скотоводством. Под началом Платова они превратились в упрямую и энергичную армию конников, равной которой не было ни в одной стране Европы. Именно с неутомимостью и постоянной активностью этих легких конников во многом связаны необычайные победы русских во второй половине войны 1812 года.

Первоначально казаки вооружались пиками, шашками и пистолетами, пика считалась у них главным оружием атаки, шашку и пистолет они использовали во время стычек. Пистолеты они носили на пояском ремне, а не на седле. Казаки не использовали шпор, вместо них имели короткую нагайку на запястье. Они необычайно доверяли своим лошадям,

своему искусству езды, используя оружие, казак никогда не боялся столкнуться лицом к лицу с врагом в рукопашной схватке. Их лошади были небольшими, но быстрыми, хорошо обученными, способными претерпевать сильную усталость и длительные марши при самом скудном рационе (как отмечает сэр Роберт Уилсон, проходя даже более 8 километров в час). Они могли совершать форсированные марши с чрезвычайной легкостью и в самое короткое время, и в этом отношении никто в Европе не мог с ними соперничать.

Казачьи не производили атаки регулярными эскадронами, как поступали другие европейские кавалеристы, но бросались разомкнутым строем или лавой, что являлось обычной методикой для конников Востока, каждый казак выбирал себе противника, и все с громкими криками налетали на врагов. Впоследствии, по мере того как разворачивалась война, они становились более дисциплинированными, научились атакам в сомкнутом строю, что позволило им храбро набрасываться на французскую регулярную конницу, лучшую, какая в то время была во французской армии, равно как и на пехоту, построившуюся в каре.

Русские войска сражались в множестве битв и боев в войнах против армий Наполеона, и в большинстве из них русская кавалерия проявила себя прекрасно. Так, во время сражения при Аустерлице, в то время как отчаянное сражение шло в центре, 2 тысячи русских гвардейцев-кирасир, ведомые лично великим князем Константином Павловичем, нанесли сокрушительный удар на фланг французской пехоты под предводительством генерала Вандама.

Атаку совершили в прекрасном порядке с неодолимой мощью. Тотчас французскую колонну рассеяли, большая часть ее была растоптана под копытами, был захвачен один орел. Став свидетелем великолепной атаки, Наполеон тотчас ввел в сражение против конников противника свою гвардейскую конницу под началом Бессьера и Раппа. Неожиданное наступление свежих эскадронов остановило победоносную атаку победивших кирасир. Чтобы восстановить порядок, они отошли, дав французам вернуть свою артиллерию, стоявшую среди мертвых тел того каре, которое они уничтожили.

Все же русские скоро восстановили порядок и перешли в новую атаку, и два корпуса императорской гвардии двух императоров врезались друг в друга на всем скаку, произошел ужасающий грохот столкнувшихся конников, сопровождаемый самым отчаянным кавалерийским сражением, происходившим когда-либо во время войны. Обе стороны сражались, проявляя чудеса храбрости и круша все вокруг. Наконец русские были вынуждены отступить к Аустерлицу. Это столкновение оказало большое влияние на исход всего сражения.

Нам уже доводилось говорить о доблестных подвигах, совершенных русской кавалерией на поле при Эйлау (Прейсиш-Эйлау), когда казаки под руководством Платова успешно атаковали конников Мюрата и разбили их, как мы уже писали выше об этом сражении.

В июне 1807 года, после того как Беннигсен выступил со своей позиции у Гейльсберга, чтобы напасть на Нея, он увидел быстрое сосредоточение французской армии и снова вернулся в укрепленный лагерь. Арьергард под началом Багратиона прикрывал его отступление, должен был задержать французов, чтобы предоставить время для переправы повозок и орудий, находившихся в тылу, через реку Алле по четырем мостам, которые находились в том месте.

Багратион построил свой отряд, состоявший только из 5 тысяч пехотинцев, и отправил вперед свою кавалерию из 2 тысяч конников, чтобы та задержала следующего по пятам Мюрата. Чтобы противостоять атаке 12 тысяч конников во главе с Мюратом, яростно устремившихся на них, пехота построилась в каре. Пехоту поддерживала конница.

В тот день русская кавалерия продемонстрировала необычайную доблесть, отражая невероятной силы удары, обрушившись на них. Упорство и непоколебимость русских войск оказались такими сильными, что французам при подавляющем численном превосходстве не только не удалось разрушить каре, но даже рассеять или опрокинуть эскадроны конников.

После кровопролитной битвы, где никак не удавалось одержать верх ни одной стороне, когда русские артиллерия и обоз уже успели переправиться через реку, Багратион снялся с позиции и начал медленно отступать за Алле, пересек реку без существенных потерь и сохранив полный порядок. Все сражение показывает высочайшие возможности русской кавалерии.

Во время продвижения Наполеона к Москве русская кавалерия добавила к своей славе новые блестящие дела. Впервые она проявила себя 9 и 10 июля (27–28 июня по старому стилю), в обоих случаях казаки сражались с польской кавалерией, и им удалось одержать решительную победу⁷².

Нельзя не упомянуть здесь о бое, произошедшем около Красного 2 (14) августа 1812 года, между русским арьергардом численностью 6 тысяч человек под командованием генерала Неверовского (который в самом начале боя остался без артиллерии и конницы) и французскими войсками под началом Нея и Мюрата. Неверовского окружили и подвергли яростной атаке 18 тысяч конников, однако он храбро сражался с ними, явно отказываясь сдаться.

Построив свои войска в два каре, которые он потом соединил в одно, Неверовский отступал медленно и последовательно по Большой (Новой) Смоленской дороге, окопанной канавами и обсаженной березами, постоянно отражая атаки, периодически совершавшиеся на него бесчисленными французскими эскадронами, которые напали на него за день более сорока раз.

Несколько раз французам удалось врываться в русские ряды и даже порубить русских офицеров, находившихся в центре своих каре. Однако русские снова смыкали строй, и, демонстрируя твердый боевой порядок, прекрасно ведя огонь, они удерживали огромные массы нападавших, которые их окружили. Русским удалось продолжить свое отступление в течение дня и к ночи дойти до Корытни, не расстроив свои ряды и потеряв тысячу человек и 5 орудий. Перед нами один из самых поразительных случаев в истории удачной защиты пехоты против превосходящей по силам конницы на открытой местности.

Во время сражения под Бородином блестящую атаку совершил Уваров во главе 1-го кавалерийского корпуса и нескольких полков казаков на левый фланг войск принца Евгения Богарне. Перейдя через реку Колочь, Уваров сначала отбросил кавалерийскую бригаду Орнано, находившуюся на том фланге. Итальянская дивизия под началом генерала Дельзона смогла спастись только потому, что быстро построила каре.

Обозы и артиллерийские телеги в смятении отступали, и сам Евгений смог спастись, только забравшись в одно из каре пехоты. Обеспокоенный возникшим переполохом и полагая, что атака серьезная, Наполеон прискакал на место в сопровождении кавалерии и артиллерии своей гвардии.

Осознав, что ему угрожают во многом превосходящие силы, Уваров в полном порядке отошел обратно за реку. Его доблестная атака полностью достигла своей цели, оттянув часть французских резервов с решающего места поля сражения. Именно этот маневр существенно поколебал и замедлил успех французов.

Сражение при Бородине примечательно с точки зрения участия кавалерии, в связи с примечательным захватом огромного редута (батареи Раевского) в ходе атаки конницы. Наполеон сделал приготовления для массовой атаки пехоты, поддержанной 200 пушками. Одновременно он направил в атаку свою кавалерию, чтобы та попыталась прорваться через линии русских и взять редут с тыла. Атаку поручили кирасирам Монбрена под начальством Коленкура.

Алисон описывает, что за этим последовало: «Сир, вы увидите меня победителем или мертвым» – таков был ответ храброго генерала Коленкура, и он отправился галопом во главе своих кирасир, и сияющая масса скоро затерялась в столбах пыли и дыма.

⁷² В боях у местечка Мир были разбиты 6 уланских полков.

Русские как можно быстрее поспешили поддержать редут войсками Остермана, гвардейские полки, преображенцы и семеновцы, развернулись в качестве резерва в их тылу. Коленкур, стараясь наступать как можно быстрее, отбросил полки русских конников, которых выдвинул ему навстречу Кутузов. В то же время огромный редут продолжал не переставая обрушивать огонь на противников.

Евгений вместе со своей пехотой шел в атаку, уже штыки его войск сверкали перед самыми скатами редута, когда они увидели, как колонны кирасир спускаются в облаках дыма, накрывшего укрепление. Казалось, что они одеты в сверкающую сталь, огонь с вала редута после удвоенной мощи на несколько секунд неожиданно прекратился. Пламя окрасилось кровью, и сияющие каски французских кирасир появились, когда дым рассеялся, над высшими точками укрепления».

Продолжая атаку вместе со своей кавалерией, Груши выдвинулся против войск Остермана. Его контратаковали два кавалерийских полка русской гвардии, которые разгромили Груши, нанеся ему большие потери, вынудив французов отступить обратно к расположению своей пехоты.

В бою при Кацбахе 26 августа 1813 года победу в основном обеспечили превосходные действия русской кавалерии Остен-Сакена под командованием Васильчикова и небольшим количеством казаков под началом Карпова. Эти brave кавалеристы атаковали кирасир Себастиани, когда те вышли из дефиле, что привело к замешательству всего левого фланга французов, и они были вынуждены отступить. Произошедшее вынудило Макдональда отступать вместе со всей армией, во время преследования противники завоевали множество трофеев и взяли большое количество пленных.

В сражении при Кульме 18 (30) августа русские и их союзники располагали 10 тысяч превосходных конников, задействованных против Вандама, имевшего только 3 тысячи конников в своей армии⁷³. Союзники сосредоточили свою конницу на правом фланге, где открытая местность вполне подходила для использования данного рода войск.

Сражение открылось яростной атакой русской кавалерии на левый фланг французской линии, оказавшийся совершенно без поддержки и неспособный оказать должное сопротивление. В ходе атаки русские конники опрокинули левое крыло Вандама на центр и правое крыло, угрожая его связям с Пирной.

Вандам тотчас бросил в бой на помощь левому крылу свежую бригаду, чтобы та сдержала лавину русской конницы, но все оказалось тщетным: тотчас опрокинутая победоносной кавалерией, эта бригада только усилила смятение. Вследствие этого французы были вынуждены к отступлению. Между тем прусский корпус Клейста отрезал им путь, и Вандам с большей частью армии был взят в плен.

Французская кавалерия под началом Корбино все же осталась примером того, как могут поступить кавалеристы в подобных обстоятельствах. Увидев, что путь отступления отрезан и его конники окружены явно превосходящим числом солдат торжествующего врага, Корбино принял смелое решение пробить себе путь.

Во главе своих конников он устремился по крутому и почти непроходимому дефиле, к тому же заполненному продвигавшимися навстречу пруссаками, с таким напором, что пробился через их колонны, порубил прислугу при оружиях и захватил их пушки (хотя, конечно, не смог увезти с собой), а затем продолжил отступление, благополучно избежав плена. Перед нами прекрасная иллюстрация того, что кавалерия никогда не должна сдаваться в полевых условиях.

4 (16) октября 1813 года при Лейпциге началось величайшее сражение Нового времени, в самом начале самую блестящую атаку совершили два полка русских кирасир под

⁷³ Имеется в виду второй день сражения. В первый день, 17 (29) августа, против корпуса Вандама (37 тыс.) героически сражался весь день русский корпус Остермана-Толстого (47 тыс.), которого после тяжелого ранения заменил Ермолов. На второй день подошел Барклай-де-Толли с 44 тысячами союзных войск, а с тыла Вандаму ударил Клейст (35 тыс.).

командованием Левашова против французского правого фланга. После этого Наполеон отдал приказ большими силами атаковать центр и левый фланг союзников.

Келлерман во главе 6 тысяч конников опрокинул Левашова и продвигался вперед, когда шесть австрийских полков гвардейских кирасир под командованием графа Ностица быстро пересекли реку Плейсу (Плайсе) и яростно ударили, с громкими криками, во фланг эскадронов Келлермана. Келлермана опрокинули, и его конники ушли под защиту артиллерии и пехоты, где Келлерман быстро привел в порядок свои части. Эта решительная атака австрийских кирасир спасла союзные войска от серьезного поражения в центре их позиции.

Примерно в то же время или вскоре после этого кавалерийского боя другую отчаянную попытку прорвать позиции союзников произвела французская кавалерия Латур-Мобура и Мюрата, пытавшаяся пробиться в центре, к востоку от населенного пункта Вахау (в направлении на Гюльденгоссу). Эти храбрые кавалерийские военачальники во главе 4 или 5 тысяч кирасиров, построенных в одну линию без резерва, двинулись в прекрасном порядке и нанесли удар во фланг русской пехоте принца Евгения Вюртембергского, привели ее в расстройство, опрокинули 10 эскадронов русской гвардейской кавалерии, попытавшихся помешать им, и захватили большое количество пушек.

Атака оказалась успешной, ее результаты настолько ужасны, что казалось, что центр союзников прорван. Император Александр I и король Пруссии Фридрих-Вильгельм III были вынуждены отступить назад, чтобы избежать плена, и поражение союзников казалось неизбежным. Однако русский император России с поразительным самообладанием велел красным казакам своей гвардии полка генерала Орлова-Денисова атаковать во фланг французских конников. В это время Барклай-де-Толли вместе с резервной кавалерией ударил с фронта.

Распоряжения русского императора спасли сражение. Казаки Орлова-Денисова ударили во фланг французов в тот момент, когда те лишились командира (Латур-Мобур был тяжело ранен), их лошади устали после атаки, а их ряды расстроены после захвата орудий. Поэтому они не смогли оказать должного сопротивления.

Тотчас всю эту массу опрокинули, 24 орудия вновь вернулись, и в итоге французских кирасир отбросили обратно к их собственным линиям с огромными потерями. Таким образом, в ходе одного сражения всего за несколько минут произошли две мощные атаки кавалерии, сначала победоносные, но потерпевшие полное поражение из-за отсутствия резервов.

Многие другие действия кавалерии, происходившие во многих последующих сражениях, стали повторением и умножением вышеприведенных примеров, поэтому не станем подробно говорить об этом.

И все же об одном сражении мы должны рассказать, ведь оно произошло между отрядом в 22 тысячи всадников, поддержанных 128 пушками, против французского отряда почти такой же численности, но состоявшего из 17 тысяч пехотинцев, 5 тысяч всадников и 84 орудий. Оно состоялось 25 марта (13-го по старому стилю) 1814 года при Фер-Шампенуазе и началось со стычки русского авангарда, состоявшего из кавалергардов и кирасир, с отступавшими французами, построившими свою пехоту в несколько каре и последовательно отходившими под прикрытием своей артиллерии и кавалерии.

Между тем подошли главные силы союзного отряда под началом великого князя Константина Павловича и генерала Ностица, которые опрокинули французских драгун и захватили 44 орудия. Начавшийся в этот момент ливень сделал ружья непригодными для стрельбы, и французская пехота, лишенная своей артиллерии, с молчащим и бесполезным оружием, была охвачена паникой и вскоре в смятении бежала через Фер-Шампенуаз. Доблестное поведение полка тяжелой кавалерии под командованием храброго генерала Леклерка, бросившегося на врага с необычайной решительностью, прикрывая отступления своих войск, а также приближение ночи, позволили французским маршалам Мармону и

Мортье навести порядок в остатках своего отряда⁷⁴.

Пока все это происходило в одной части поля сражения, в другой его части император Александр I лично вместе с королем Пруссии и сильным отрядом кавалерии атаковал французскую дивизию, которой руководил генерал Пакто, сопровождавший огромный обоз с оружием и провизией. Французы храбро противостояли атакам генералов Корфа и Васильчикова, напавших на них с частью прекрасных полков русской кавалерии.

Сэр Арчибальд Алисон в своей «Истории Европы» приводит необычайно яркое описание этого доблестного сражения, начавшегося после прибытия на поле русского императора.

«Как только Александр I понял, что перед ним вражеский отряд, он предпринял самые незамедлительные меры, чтобы окружить его и уничтожить. Русские и прусские гвардейцы-кирасиры выстроились справа от гусар Корфа, находившихся в центре параллельно фронту французов, а драгуны Васильчикова – на левом фланге. Эти 9 тысяч отборных кавалеристов, поддерживаемые 70 пушками, были готовы наброситься на примерно 6 тысяч французских пехотинцев без кавалерии, имевших в своем распоряжении только 16 орудий.

Окружив таким образом врага, но стремясь предотвратить бесполезное кровопролитие, Александр предложил французскому генералу Пакто сдаться. Понимая, что отступление невозможно, Пакто тем не менее гордо отказался и, произнеся краткую речь перед солдатами, призвал их храбро умереть, защищая свою родину. Громкие одобрительные крики сопровождали речь генерала, тотчас французы открыли огонь.

Построившись в каре вокруг повозок обоза и артиллерии, французы вели перекрестный огонь, продолжая отступать на Фер-Шампенуаз, и в течение некоторого времени им удавалось отражать атаки русских конников. Все же, наконец, одна ба тарей под командованием лорда Каткарта по приказу русского императора сблизилась с французами и открыла огонь. Смертоносная точность огня с близкого расстояния оказалась таковой, что вскоре в одном из каре образовались бреши, и кавалерия, прорвавшаяся внутрь, зарубила всех, кто так на ходился, кроме сдавшихся в плен. Тем временем как молния распространилась весть по всем русским полкам, что император находится в опасности. С невероятным пылом войска устремились вперед, гусары, драгуны, уланы и кирасиры скакали во весь опор, и темное облако пыли поднялось в воздухе. Наконец на поле сражения оказалось 13 тысяч конников.

По-прежнему другие каре французов отказывались сдаться, они даже стреляли по адъютанту императора Рапателю, которого Александр I взял на службу по предсмертной просьбе генерала Моро, и Александр I, осознав, что ничего нельзя сделать, дал сигнал общей атаки. Во главе своей гвардии этот храбрый монарх сам бросился на одно из каре и устремился в один из проходов, открывшихся после залпа из пушек. Доведенная до высочайшего накала присутствием их любимого царя и угрожавшей ему опасностью гвардия последовала с неодолимой яростью и ворвалась в каре со всех сторон.

И все же французы героически продолжали сражаться, отказываясь сдаваться, они продолжали стрелять до последнего патрона, пока Пакто, находившийся в центре каре, лично сдался императору, передав ему свою шпагу. 3 тысячи французов, многие из которых относились к Национальной гвардии, с честью пали, сражаясь в своей последней битве».

Приведенные выше примеры позволяют читателю составить достаточно ясное представление о тактике ведения боя, принятой кавалерией во времена Наполеоновских войн. Здесь надо отметить, что влияние легкой кавалерии союзных войск и особенно русских казаков столь велико, что их действия нельзя обойти молчанием.

Мы уже убедились в необычайном влиянии, которое оказали на операции Фридриха II Великого иррегулярные конники австрийской армии, которые хотя и не могли противостоять прекрасно обученной кавалерии прусского короля в полевом бою, но, несомненно,

⁷⁴ Общие потери французов составили 11 тыс. чел., союзников около 2 тыс.

превзошли ее в способности вести разведывательную и охранную службу.

Наполеон также столкнулся с данной проблемой в сражении с русскими при Эйлау (Прейсиш-Эйлау), где он впервые испытал превосходство легкой кавалерии противника, приспособленной к ведению партизанских военных действий. Мы уже уделяли внимание данному вопросу в нашей последней главе, рассматривая роль казаков под командованием Платова в битве при Эйлау. Впервые в жизни Наполеон оказался вынужденным отступить после генерального сражения. Хотя технически сражение при Эйлау закончилось победой французов, на самом деле это оказалась битва с ничейным исходом, чему способствовали именно казаки.

Мы шаг за шагом проследим то огромное влияние, которое казаки оказывали на судьбу Наполеона начиная с его вторжения в Россию и вплоть до кампании 1814 года, когда прижатый к стенке Наполеон был вынужден отречься от престола.

Казаки начали доставлять постоянное беспокойство его армии сразу после вторжения, но наиболее сильно их деятельность стала проявляться после того, как войска Наполеона вошли в Москву. В это время наблюдалось некоторое затишье в действиях основных армий, и именно тогда казаки и другие иррегулярные конники начали вести партизанские действия, причиняя значительный ущерб тылу и флангам французской армии.

Подвижные, внезапно появляющиеся и неуловимые партизаны захватывали все фуражировочные команды и обозы. Заняв все дороги, ведущие в Москву, они перекрыли подвоз фуража и провизии, держали армию Наполеона в фактической блокаде. В результате расквартированные в городе войска испытывали постоянный недостаток продовольствия и фуража. Драгуны должны были предпринимать очень отдаленные фуражировки, чтобы добывать продовольствие, причем они постоянно попадали в руки шнырявших вокруг Москвы казаков.

В результате в течение трех недель октября 1812 года французская армия, не дав ни одного сражения, потеряла 4180 человек. Мюрат в это время доносил Наполеону, что в ежедневных аванпостных стычках погибла половина французской конницы, достигнувшей Москвы. Такое уменьшение численности французской конницы имело очень печальные результаты и сделало действия казаков при отступлении более решительными благодаря приобретенному ими огромному превосходству.

Русские возобновили операции 6 (18) октября, когда произвели нападение на войска под командованием Мюрата, у Винково (на реке Чернишня, приток Нары, где находился французский авангард Мюрата, 26 тыс. чел., 187 орудий, наблюдавший за Тарутинским лагерем русской армии). Вначале атаковали казаки Орлова-Денисова, охватившие левый фланг Мюрата. Выйдя в тыл, русская конница вскоре ввела войска Мюрата в замешательство и вынудила его отступить с потерей 1500 человек пленными, 38 орудий и всех обозов⁷⁵.

Наполеон тотчас двинулся на Калугу, однако был остановлен на марше, и его войскам пришлось вступить в сражение под Малоярославцем. Наутро Наполеон выехал, чтобы осмотреть поле сражения, состоявшегося накануне. Когда он двигался, соблюдая секретность, в центре своей армии, раздался крик его солдат: «Это Платов, их 10 тысяч!»

Сначала Наполеон не поверил в происходящее, из-за чего ему угрожала непосредственная опасность пленения. Его адъютант Рапп лишился лошади, и только доблестные действия храбро сражавшегося эскорта императора и выдвижение гренадер и драгун гвардии спасли императора от плена.

Атаку осуществил Платов вместе с 10-м казачьим и 20-м егерским полками казаков с целью захватить французскую артиллерию. Орудия действительно удалось взять, но из-за приближения императорской гвардейской конницы русские кавалеристы смогли увезти только 11 захваченных пушек, на остальные им не хватило лошадей.

⁷⁵ Французы потеряли около 2500 убитыми и ранеными и 2 тысячи пленными, 38 пушек. Потери русских 300 чел. убитыми и 904 ранеными.

Этот бой имел самые серьезные последствия и значительным образом повлиял на исход войны. Именно тогда, когда обстоятельства требовали от Наполеона действовать храбро и решительно, поражение от казаков привело его в состояние депрессии, доказав ему превосходство легких войск противника, слабость и более низкие качества его собственной кавалерии.

В ту же ночь Наполеон собрал военный совет, и основной вопрос состоял в том, совершать ли новую попытку, чтобы пробиться на Медынь, или же следует отступать по Старой Смоленской дороге, той самой, по которой он уже шел на Москву. На этом совете Мюрат страстно настаивал на более решительном плане, но другие маршалы не согласились с ним.

Решающим, как полагают, стало известие о жарком бое с казаками около Боровска, в тылу армии, всего в нескольких километрах от них. Именно оно и заставило Наполеона отступить по Старой Смоленской дороге, что и стало для него роковым. Когда он начинал это отступление, Кутузов также собирался отходить к Калуге, план Мюрата мог принести французам если и не успех, то по крайней мере лучшее снабжение. Расчет Кутузова и строился на том, что ущерб, понесенный французами от действий партизан и казаков, обеспечит огромные преимущества для русских.

Так 13 (26) октября 1812 года началось известное отступление, продолжавшееся до 13 декабря. В течение этого длинного периода едва ли хоть один день происходил без того, чтобы казаки не оказали какую-нибудь ценную услугу, и Платов постоянно теснил французский арьергард.

Отступающая армия ощущала растущую потребность в провизии, и самые ужасающие беспорядки вырастали из страданий, вызванных недостатчей еды и фуража. На каждом шагу бросали повозки, лошади падали от голода. Теперь войска начинали разбредаться в поисках еды, а лошадей, требовавшихся для других целей, убивали в огромных количествах, чтобы подкормить умиравших с голоду солдат.

2 ноября 1812 года произошло крупное сражение при Вязьме. Там французский арьергард, отрезанный генералом Васильчиковым, только с большим трудом пробился к своим, потеряв 6 тысяч человек. Казаки постоянно кружили вокруг отступавшей массы войск. Французам приходилось или оставаться в рядах и умирать от голода, или самим направляться на поиски продовольствия и неминуемо попадать в плен к казакам или погибнуть от рук разъяренных русских крестьян. Вдобавок установились сильные морозы, усугубившие ужас отступления, превратив его в одно из самых катастрофических в истории войн⁷⁶.

Хотя многие объясняют неудачи кампании Наполеона в России именно невероятно суровой зимой, более пристальное изучение этой необычайной кампании позволяет выявить истинную причину катастрофы, постигшей французскую армию. Огромное расстояние, на которое Наполеон удалился от своих баз вооружения и продовольствия, крайне затруднило правильное снабжение войск всем необходимым, тем более что армия была очень многочисленна. Как только казаки положили конец фуражировкам, по сути ведя малую войну, под влиянием голода и лишений, во французской армии ослабла дисциплина и упал дух. И именно отмеченные факторы больше, чем холода, повлияли на огромные войска, собравшиеся под знаменами Наполеона.

Когда же французы наконец осознали полное превосходство казаков в несении сторожевой и разведывательной службы, невозможность добыть фураж, голод и лишения вскоре ослабили дисциплину и лишили подвижности французские войска. Эти обстоятельства больше, чем холод, действовали на французскую армию, уничтожая ее. Алисон пишет, что «кампания была бы фатальной для французов, даже если бы Москва не

⁷⁶ Морозы были слабыми, река Березина не замерзла. Только ближе к Вильно они были суровыми. Ведь воевали же французы зимой в 1807 г., а в Альпах в 1799 и 1800 гг. бывали более суровые морозы.

была сожжена, а зима не была холодной».

«Армия, устремившаяся в центр скифской кавалерии, не обладая средствами из своих резервов, позволявших ей поддерживать себя и снабжаться пропитанием, обречена на уничтожение», – заметил однажды Александр Великий. Он мудро старался избегать подобных опасностей и, удовлетворившись формальной победой над скифами на берегах Окса, повернул назад из их негостеприимной страны. Вместе со всем своим персидским войском Дарий, вторгшийся на территорию скифов, погиб.

Легионы Марка Антония и Красса пали под непрекращающимися атаками парфянских конников. Гения Юлиана оказалось недостаточно помочь ему выстоять. Героизм Ричарда Львиное Сердце поколебался, когда ему пришлось выступить против многочисленной конницы Саладина.

Огромное количество повозок обоза, с которыми европейская армия вынуждена вторгаться в азиатскую страну, доказывает невыполнимость поставленных перед ней целей, потому что усугубляет трудности и приближает период, когда, окруженная легкой кавалерией противника, такая армия должна погибнуть от недостатка продовольствия.

По тем же самым причинам и кампания, которую Наполеон пытался осуществить против России, была изначально обречена на неудачу. Ведь все попытки вторжения европейских наций на просторы диких пространств Востока заканчивались неудачей.

Сказанное является явным доказательством продолжающегося влияния общих причин на величайшие из предприятий человечества, способных отбросить самые сильные и вооруженные войска, которые мощь цивилизованного человечества когда-либо выдвигала против сил Востока. И по тем же причинам, которые в другие века приносили победу силам короля-пастуха».

Кампания 1812 года дала толчок и развитию тактики партизанских действий. Полковник⁷⁷ Денис Давыдов, написавший трактат по данному предмету, блестяще реализовал свое предложение по использованию легких войск, и в ходе отступления именно таким образом французы несли огромные потери от постоянных нападений на их линии коммуникаций. Кроме того, партизаны захватили и много отдельных отрядов французских войск.

Авангард генерала Бараге д'Илье под командованием генерала Ожеро общей численностью 2 тысячи человек сдался при Ляхове генералу Орлову-Денисову, которому помогали Давыдов, Сеславин и Фигнер. 1300 французов под Клементьевом были захвачены врасплох и полностью попали в плен к отдельному отряду, состоявшему из двух батальонов гвардейских егерей, эскадрона кирасир и 100 казаков под командой полковника Бистрома.

В то время русская кавалерия располагала многими превосходными кавалерийскими военачальниками, из них самым известным был Платов. Уваров, Пален, Орлов-Денисов, Давыдов, Чернышев, Фигнер и Сеславин также проявили себя самым выдающимся образом. В кампаниях 1813 и 1814 годов доблестным и блестящим образом показал себя и великий князь Константин Павлович.

В кампании 1813 года партизанские операции в тылу французской армии велись гораздо чаще и смелее, чем в предыдущих кампаниях, причем особенно выделялись русская кавалерия и ее командиры.

Первым значительным делом кампании 1813 года стал захват Гамбурга партизанским корпусом, состоявшим из 3 тысяч пехотинцев и 3 тысяч казаков под командованием Тенненборна, активного и энергичного офицера. Вскоре после этого Чернышев, Бенкендорф и Дорнберг объединили свои отряды казаков и других легких войск и предприняли форсированный марш в 50 миль (80 км) за 24 часа, чтобы освободить население Люнебурга и нанести поражение генералу Морану. Потеряв тысячу убитыми и ранеными, он сдался в плен с оставшейся частью его отряда – 2 тысячами человек. Эти успехи имели важное

⁷⁷ С декабря 1815 г. генерал-майор, с 1831 г. генерал-лейтенант.

значение, поскольку вдохновили население подняться и сбросить французское иго, так что вскоре восстания стали повсеместными.

Позже после побед Наполеона под Лютценом и Баутценом партизанские операции в тылу сильно беспокоили его, оказывая значительное воздействие на его настроение. Недавние результаты кампании 1823 года и отступление из Москвы еще были живы в его памяти – тогда у него возник страх перед казаками и другой легкой кавалерией союзников.

27 мая, всего несколько дней спустя после битвы при Баутцене, партизанский отряд захватил много артиллерийских орудий. Примерно тогда же кавалерийский отряд Воронцова атаковал сильный отряд французской кавалерии около Дессау и разбил его, захватив 500 пленных.

Спустя два дня, 29 мая, генерал Чернышев, находившийся около Магдебурга, услышал, что вестфальский генерал Окс с артиллерийским парком находится близ Хальберштадта (к юго-западу от Магдебурга), и решил неожиданно напасть на него. Он выступил в этот же день вместе с сильным отрядом из гусар и казаков. Быстро двигаясь весь день и ночь, Чернышев приблизился к противнику в пять утра, пройдя 90 верст. Генерал Окс был застигнут врасплох. В результате Чернышев перебил или захватил в плен весь его отряд в 1200 человек со всеми орудиями.

Из Хальберштадта Чернышев двинулся на юго-восток, пересек Зале и остановился близ Бернбурга, где стал готовиться к совместному с генералом Воронцовым нападению на пятитысячный отряд генерала Арриги, находившийся в Лейпциге для охраны магазинов с большим количеством вооружения. На следующий день Чернышев осуществил форсированный марш, пройдя 31 милю (50 км) за один день, и присоединился к Воронцову. Когда они объединились, то напали на Арриги, совершенно не готового к отпору. Когда русские почти добились победы, поступило известие о перемирии, заключенном между Наполеоном и союзным командованием.

После возобновления военных действий Чернышев снова доказал огромную эффективность использования корпусов кавалерии для партизанских действий. Он помешал маршалу Удино укрыться с остатками своей армии в Магдебурге после поражения при Гросберене. Затем он перенес свои действия далеко в тыл французов, действуя самым поразительным образом в самом центре Вестфалии.

Во главе 3 тысяч конников и четырех легких пушек этот лихой офицер пересек Эльбу близ Дессау и с быстротой молнии промчался по Германии, достигнув Касселя. Его храбрый натиск и твердая линия поведения страшно перепугали французские власти.

Иероним Бонапарт, правитель Вестфалии, был вынужден бежать из столицы, не сделав ни одного выстрела, и храбрая партизанская кавалерия, возглавляемая казаками, под рукоплескания населения вошла в город, объявив конец королевства Вестфалии. Чернышев оставался в Касселе в течение целой недели и спокойно осуществил свой отход, не потеряв ни одного человека, увезя с собой в качестве трофеев запасы арсенала, королевских лошадей и кареты и другую огромную добычу.

Моральный эффект от этого кавалерийского рейда оказался значительнее, чем осуществление военной победы. Он доказал шаткость позиции Наполеона в созданных им на французских штыках государствах, и подобные настроения распространились по всей Германии.

Вначале сражавшиеся в разомкнутом строю, казаки вскоре научились маневрировать в сомкнутом и благодаря своей скорости и ловкости получили большие преимущества над французскими кирасирами, которые быстро утомлялись в непрерывных стычках из-за своего тяжелого вооружения.

Приведем два примера, которые мы взяли из «Истории и тактики кавалерии» капитана Нолана. Они дают ясное представление о методике действия и превосходстве казаков во время партизанской войны.

«19 августа 1813 года, по окончании перемирия, союзные войска начали теснить французов на Берлин и Потсдам. Полковник Быхалов получил приказ провести разведку в

направлении Луккенвальде вместе с полком донских казаков. Он стоял на биваке на Треббинской дороге и двинулся через Шарфенбрюк и Вальтесдорф.

Французские пикеты начали отходить при его приближении и позволили получить полное представление о местности, расположенной к северу и востоку от Луккенвальде. Наконец большой корпус кавалерии поспешно вышел из города против русского отряда и построился в сомкнутую эскадронную колонну, выставив на флангах стрелков в цепи. Так что перед русскими оказалась только тяжелая колонна.

Затем французы двинулись рысью, плотно сомкнувшись, чтобы не дать русским возможности прорваться в интервалы, прямо на центр русского отряда, который немедленно раздался, и казаки бросились на тыл и фланг колонны. Французы, не встречая с фронта никакого сопротивления, остановились, а казаки начали колоть фланговые ряды и стрелять в густую массу, где скоро возник совершенный беспорядок, лишивший возможности сделать какое-либо перестроение.

Казаки вовсе и не пытались рассеять французскую конную массу, но, осознавая свое превосходство в езде, продолжали стрелять и колоть пиками, производя частные нападения, когда предоставлялась к тому возможность. Тем временем фланговые шеренги французов начали использовать свои карабины, построились в каре, продолжая таким образом держаться в течение примерно получаса.

В это время появились головные части французских колонн пехоты, которая начала продвигаться к месту стычки, и вскоре, когда французская артиллерия открыла огонь, колонна тяжелой кавалерии выпуталась из опасной ситуации. Никем не преследуемый, полковник Быхалов отвел свой отряд на Шарфенбрюк.

18 сентября 1813 года состоялся другой бой вблизи Мюльберга между генералом Иловайским с 1200 казаками и 2 тысячами французских драгунов. Нолан приводит следующее описание со слов капитана Ганцауге:

«Пока казаки развертывались, французы завершали свое перемещение. Они построились в одну линию, оставив в тылу небольшой резерв.

Казаки напали и были встречены залпом из карабинов. Французы не обнажали сабель. Сначала их огонь отправил русских направо. Когда они перегруппировались, противник заехал в колонну и открыл полные интервалы, а затем снова построился во фронт. Мы ожидали, что французы вот-вот атакуют, однако похоже, что они стремились просто растянуть свою линию и помешать охватить их фланги. Так обычно атаковали казаки.

Примерно в одно и то же время завершились приготовления к бою с обеих сторон, казаков строго предостерегли не уклоняться от огня противника, офицеры получили приказ зарубить первого, кто повернет.

Нескольким эскадронам велели атаковать противника с фланга и с тыла. Неуклонно следуя приказу, казаки атаковали французов и окружили их эскадроны. Я сам видел многих французских офицеров, погибших от их сабель или проколотых, после того как они выстрелили из своих карабинов, но не успели обнажить свои сабли.

Вначале французы упорно сопротивлялись, насколько это возможно для стоящей на месте конницы против такого активного противника, нападающего на них со всех сторон. Все же, наконец, некоторые из них начали поворачивать назад, и вскоре их примеру последовали все эскадроны.

Вместо того чтобы контратаковать, чтобы восстановить равновесие, резерв присоединился к отступавшим, вскоре все галопом двигались к Якобсталю, и вся равнина покрылась отдельными скачущими конниками. Ни одно подразделение не сохранилось в сомкнутом строю, французскими конниками началась сушая охота, многие из них падали с лошадей и захватывались в плен.

Наконец мы подошли к линии французских кирасир, вышедших из леса, внушительность их сомкнутого строя заставила нас остановиться без всякой команды. Не произнеся ни слова, совершенно удовлетворенные своей победой, мы вернулись в Мюльберг».

Генерал де Брак говорит следующее о действиях казаков в качестве легкой кавалерии: «Казаки представляли огромную опасность, прежде всего для тех наших офицеров, которые производили разведку. Многие среди них, особенно офицеры Генерального штаба, посылавшиеся для рекогносцировок и специально отобранные начальством, предпочитали привозить сведения, собираемые ими у местных жителей, а не приближаться к расположению противника, неминуемо подвергаясь нападениям казаков. Благодаря им император иногда просто не представлял реальное состояние дел». Данное свидетельство как нельзя лучше убеждает в результативности этой иррегулярной кавалерии.

Не менее показательным и мнение французского генерала Морана, свидетельствующее о значении казаков в войне 1812 года. Он пишет: «Эти дикие всадники не знают о наших дивизиях и других формированиях, о наших регулярных построениях, о том порядке, который мы так чрезмерно ценим. Они крепко сидят в своих седлах, сжимая лошадь ногами и упираясь в широкие стремяна, служащие им хорошей опорой, когда они действуют оружием.

Они вскакивают в седла и мгновенно переходят из состояния покоя в полный галоп, во время этого галопа лошади как бы вторят их мастерству, становясь единым целым. Эти люди всегда настороже, они перемещаются с необычайной скоростью, их потребности минимальны, они преисполнены воинственным духом.

Какое великолепное зрелище представляла французская кавалерия, сверкающая золотом и сталью под лучами июньского солнца, вытянувшись в линию вдоль берегов Немана, преисполненная рвением и отвагой! Какое глубокое прискорбие возбуждает воспоминание о маневрах, которые ее напрасно утомляли в борьбе с казаками, ранее презираемыми, но сделавшими для России больше, чем все регулярные армии этой империи!

Каждый день их видели на горизонте, где они вытягивались в длинную линию, в то время как их доблестные наездники подходили и к самым нашим рядам. Мы строились и выступали навстречу этим линиям, которые в тот момент, когда мы приближались к ним, исчезали, и на горизонте больше не виднелось ничего, кроме берез и сосен.

Но спустя час, когда наши лошади кормились, атака возобновлялась, и черные линии снова появлялись, происходил тот же самый маневр, приводивший к тому же результату. Именно таким образом удалось вымотать и истощить самую прекрасную и храбрую кавалерию, боровшуюся против этих людей, которых она поначалу презирала, но которые были равны ей по храбрости. Их действий оказалось достаточно, чтобы спасти империю, и именно они явились ее реальными спасителями и опорой.

Чтобы подвести итог нашим страданиям, следует добавить, что наша кавалерия была более многочисленной, чем кавалерия казаков, что ее поддерживала самая легкая, храбрейшая и тщательным образом организованная артиллерия, чем когда-либо, но и она оказалась обреченной на смерть!

Далее заметим, что командующий нашей конницей, пользовавшийся наибольшим восхищением среди всех героев, озабочился тем, чтобы во время каждого маневра его поддерживала самая бесстрашная пехота. Тем не менее казаки вернулись с трофеями и покрыты славой на плодородные берега Дона. В то время как земля России была усеяна кирасами и вооружением наших воинов, таких храбрых, таких решительных, таких преданных процветанию нашей страны».

Интересен и поучителен тот факт, что казаки в 1813 и 1814 годах вооружались и действовали почти совершенно аналогично американской коннице, использовавшейся во время Гражданской войны в США 1861–1865 годов. В кампаниях на Эльбе и Рейне казаки сражались часто как конная пехота. Ссылаясь на особую роль подобных войск, мы только приведем следующее письмо прусского гвардейского уланского ротмистра Ганцауге капитану Нолану:

«Большую часть прошедшей войны против французов я был прикреплен к донским казакам. Вначале они практически не использовали огнестрельное оружие. Оказавшись в Западной Европе, казаки быстро поняли преимущества огнестрельного оружия, особенно

когда приходилось сражаться на пересеченной и сложной местности, и стали вооружаться ружьями французской пехоты, которые подбирали на поле сражения.

В результате они приобрели обычай спешиваться там, где позволяли условия, и таким образом вступать с противником в рукопашную схватку. Мне самому довелось видеть их действующими таким образом, они разбивали кавалерию и даже пехоту, превосходящие их по численности, если они нападали на них поодиночке⁷⁸.

В этих случаях пехота особенно опасалась оставшейся верхом части казаков, которые прикрывали коноводов и держались по возможности ближе к спешенным казакам, постоянно готовым сесть на коней и броситься на противника, если он отступал или был выбит из своего укрытия. Именно подобной манере ведения рукопашной я полностью приписываю успех этих казаков во время кампаний на Эльбе и на Рейне и их повсеместно признанное превосходство, во всех видах аванпостной службы и военных действиях малой войны, приобретенное над кавалерией противника».

Австрийская, прусская и английская конница во время Наполеоновских войн

Превосходившая в начале революционных войн французскую конницу австрийская кавалерия тем не менее часто терпела поражение от кирасир Наполеона. При Аустерлице австрийские конники, прикрывавшие отступление союзников, сражались необычайно храбро, стремясь помочь своей отходящей с поля боя пехоте.

Во многих сражениях австрийская кавалерия проявила себя необычайно храбро, обнаруживая самопожертвование, прикрывая отступления разбитой армии, так, например, было при Эмюле, Эглофсгейме и Регенсбурге, о чем подробно шла речь в предыдущей главе. При Регенсбурге сорок эскадронов австрийских кирасиров более трех часов удерживали французскую кавалерию, дав тем самым время армии уйти за Дунай.

Во время кампании 1806 года прусская кавалерия, хотя и отлично экипированная и организованная, все же не могла сравниться с французскими конниками, привыкшими побеждать, они легко разгромили пруссаков при Йене и Ауэрштедте. Во время преследования французская конница следовала за пруссаками, как мы показали, настолько близко и действовала столь активно, что прусская армия не смогла уже вновь дать французам сражение.

В 1813 и 1814 годах союзники располагали огромными корпусами кавалерии, но пользовались ею на редкость нерационально. После ряда побед они стали перемешивать на поле сражения кавалерию с пехотой, как в свое время делали французские маршалы при Людовике XIV при Бленхейме (иначе Гохштедте или Хехштетте) и Рамийи. Наполеон, весьма активно использовавший артиллерию, вскоре во многом нейтрализовал конницу союзников. В результате дело доходило до того, что его конники, хотя большей частью они являлись недавно взятыми в армию рекрутами, часто наносили поражение конникам союзников.

При Лютцене союзники располагали кавалерией, намного превосходившей французскую, но совершенно не воспользовались ее огромной силой, так что конники оставались почти бесполезными зрителями сражения, где пехота терпела серьезные поражения⁷⁹.

Осознававший слабость своей кавалерии и силу его врага в данной области, Наполеон вполне естественно ожидал, что те будут яростно атаковать, и предпринял соответствующие меры,строив свою пехоту в большие каре при поддержке артиллерии. В то же время

⁷⁸ То есть или на кавалерию, или на пехоту, когда они не взаимодействовали.

⁷⁹ При Лютцене Наполеон, имея 150–160 тысяч, понес большие потери (15 тыс.), нежели союзная армия (92 тыс., потеряно 12 тыс. убитыми и ранеными).

конница находилась в тылу в резерве. Однако союзная кавалерия так и не была задействована, и Наполеон одержал победу.

После битвы при Лейпциге союзная кавалерия количественно увеличилась, и ее численность доходила до 60 тысяч всадников, так что она могла бы лучше проявить себя при преследовании армии Наполеона. Чернышев, Орлов-Денисов с казаками действительно постоянно нападали на французские войска и захватывали в плен отстававших, но об организованном преследовании после Йены не было и речи.

20 эскадронов прусской кавалерии под командованием полковника Дольфса одержали решительную победу над дивизией генерала Мезона 26 мая 1813 года при Ханау. Дольфс напал на Мезона, построившего своих людей в восемь каре, поддерживаемых 18 орудиями, и за 15 минут разгромил французов, убив, ранив или захватив в плен всю дивизию, за исключением небольшой части сумевшей ускользнуть кавалерии.

После сражения при Ватерлоо прусская конница весьма решительно устремилась за французами, хотя 1500 кавалеристов из них под командованием полковника Сора, весьма неосмотрительно вырвавшихся вперед, были захвачены врасплох и взяты в плен у Роканкура близ Версаля 1 июля 1815 года во время последнего боя в столь длительных и тяжелых Наполеоновских войнах.

Тактика кавалерии всех европейских стран практически ничем не отличалась, и только казаки имели свой образ ведения боевых действий.

Английская кавалерия отлично проявила себя во время войн в Испании, подтвердив высокую репутацию, приобретенную в Нидерландах в 1793–1794 годах. Во время сражения при Саламанке судьба этого боя в основном решилась доблестной атакой британской кавалерии Ле Маршана и Ансона под командованием Коттона. Результат сказался сразу, через несколько минут весь левый фронт французов пришел в замешательство, было захвачено 2 тысячи пленных, 5 орудий и остатки французской дивизии были загнаны в лес.

Тогда в английской армии служило много ганноверцев и немцев, из которых был сформирован отдельный корпус под названием Королевский немецкий легион, состоявший из двух полков тяжелых драгун и трех полков гусар. Все они пользовались большой известностью, а гусарский полк под командованием полковника фон Ареншильда считался лучшим легким кавалерийским полком в армии по организации аванпостной службы, в то время как самая блестящая кавалерийская атака во время всех боевых действий в Испании была совершена бригадой тяжелых драгун из немецкого легиона под командованием генерала Бока при Гарси Эрнандесе на следующий день после сражения под Саламанкой. Содержащиеся в «Истории Королевского немецкого легиона» детали необычайно интересны и поучительны.

Поскольку вначале французская пехота и артиллерия скрывались благодаря неровностям местности, Веллингтон отдал приказ бригадам атаковать неприятельскую кавалерию, и их шаг тотчас сменился галопом. Ограниченные узкой долиной немецкие войска не могли продвинуться через нее иначе как по три в шеренге. Выйдя из ущелья, они сразу же начали строиться в линию по первым эскадронам.

Стремясь вперед, первый эскадрон первого полка командованием фон Гатторфа с находившимся здесь генералом Боком, штаб-офицером полка и подполковником Маем из английской артиллерии, привезшим приказ Веллингтона, не ожидая оставшиеся эскадроны, устремился в атаку на кавалерию противника.

Левый фланг французских конников начал отходить под атакой бригады Ансона, те же, которые находились в центре, повернули назад, заметив приближение эскадрона Гатторфа. Однако во время преследования фланг эскадрона подвергся огню пехоты с высот, в результате подполковник Май и еще несколько человек и лошадей были ранены, и преследование было остановлено.

Командовавший третьим или левофланговым эскадроном полка ротмистр Густав фон дер Декен понял, что, если он продвинется вперед в соответствии с приказом, его фланг подвергнется огню плотно построенного каре пехоты, и принял рискованное решение

атаковать всего одним эскадроном.

«Это каре стояло на склоне высоты внизу. Немецкие конники решительно по команде атаковали каре, их встретил ружейный огонь пехоты. Примерно в сотне метров от каре храбрый офицер эскадрона был ранен пулей в колено (ранение оказалось смертельным – очевидно, была перебита артерия) и упал. Были убиты также лейтенант фон Фосс и еще несколько людей и лошадей.

Однако в этот момент ротмистр фон Услар Глейхен, командовавший левым флангом, устремился вперед, встал во главе эскадрона и воодушевил своих сторонников словом и личным примером. Одновременно новый град пуль вызвал большие потери в рядах конников, но бесстрашные кавалеристы устремились вперед, охватив оцетинившееся штыками каре с двух сторон.

Две передние шеренги, встав на колени, выставили вперед штыки, в то время как ружья солдат из четырех последующих шеренг обрушили град пуль на атакующих конников. В этот критический момент, когда конники уже были готовы отступить от непоколебимых пехотинцев, случайный выстрел из склоненных рядов, убивший лошадь и заставивший ее и всадника упасть на штыки, отдал победу драгунам.

Теперь проход был открыт, и конники ринулись вперед, несмотря на огонь, люди и лошади падали под пулями французской пехоты, но их стойкое каре пехоты разрушилось, и почти весь французский батальон перебили, остальных захватили в плен.

Командовавший вторым эскадроном ротмистр Ритценштейн, оказавшись на труднопроходимой местности и увидев, что отчаянной атаке его товарищей слева сопутствует успех, решил последовать за ними, разгромить пехоту и попытаться атаковать второе каре, находившееся на вершине возвышенности.

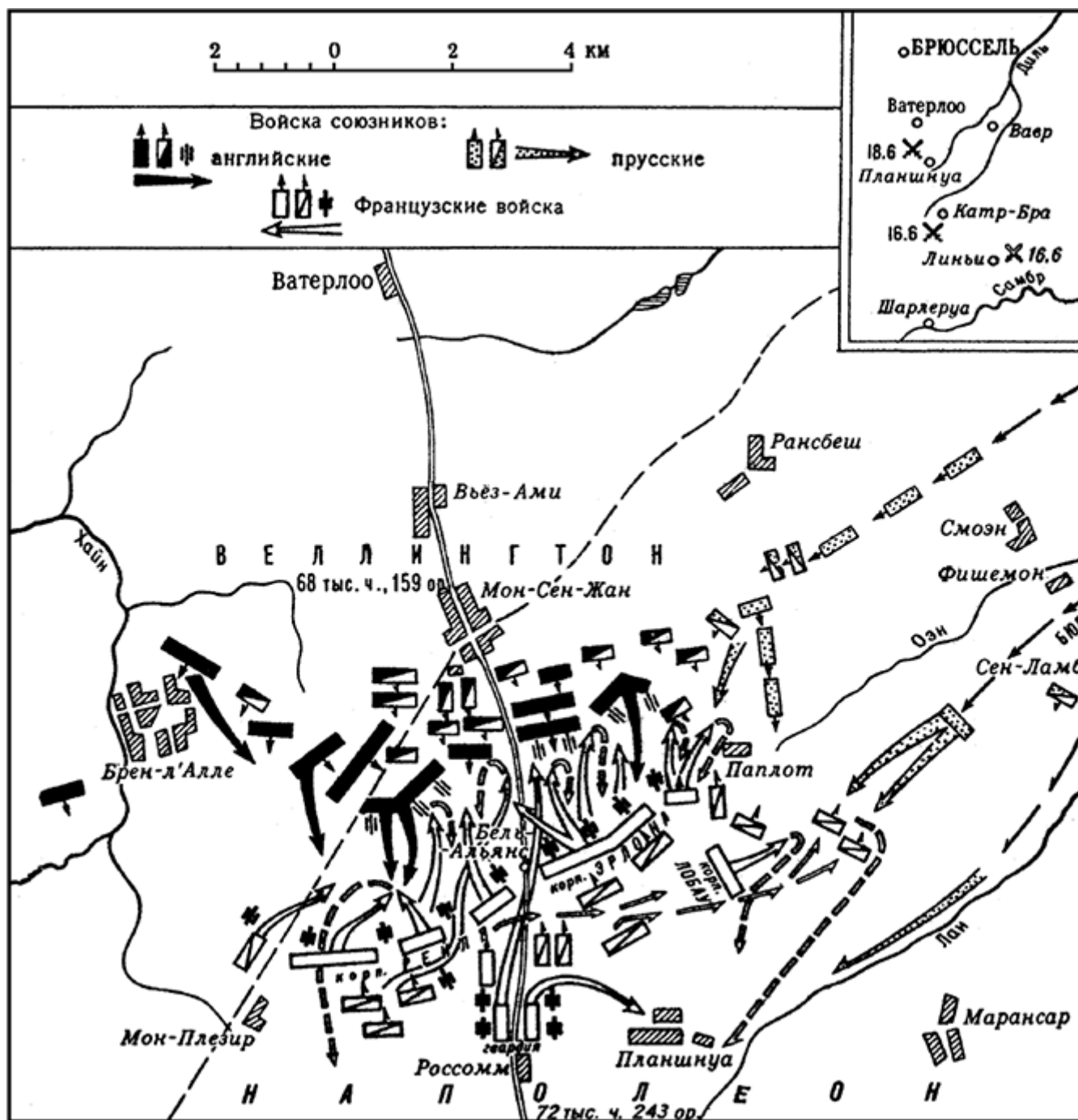
Но здесь он был встречен сильным огнем, в результате был убит ротмистр Хюгель и серьезно ранен лейтенант Трапп. Однако стойкость французской пехоты была поколеблена зрелищем уничтожения первого каре, и она начала отходить.

Третье каре тотчас сформировалось теми немногими, кто смог спастись от гибели и небольшого количества кавалерии, подошедшей им на подмогу. Против них ротмистр барон Маршалк двинул третий эскадрон второго полка и, когда к нему присоединилась левая половина второго эскадрона под командованием лейтенанта Фуметти, пошел в атаку и рассеял кавалерию врага, затем храбро устремился на пехоту, разбил ее и почти всю рассеял».

В своей «Истории испанских войн» генерал Фуа красноречиво заявляет, что эта атака оказалась самой храброй и доблестной в этих войнах. Герцог Веллингтон в своих сообщениях также писал, что ему не доводилось встречаться с более доблестной атакой.

Сражение при Ватерлоо, последняя из битв, порожденных Французской революцией, явилось и триумфом британской армии. Во время этого сражения английская кавалерия проявила себя необычайно храбро, хотя справедливость требует признать, что и ее противники, драгуны и кирасиры французского императора, проявили не меньше героизма.

Сражение при Ватерлоо началось с массовой атаки французов на центр и левый фланг англичан с обеих сторон фермы Ла Ге Сент. 20 тысяч человек под командованием Нея и Эрлона двинулись четырьмя массивными колоннами, мощно поддержанными артиллерией и кавалерией. Эта огромная сила при поддержке огня 74 орудий шла в совершенном порядке и вскоре смела первую линию союзников, отступившую в беспорядке через проходы во второй линии.

Сражение у Ватерлоо 18 июня 1815 г.

Однако на второй линии стоял мужественный генерал Пиктон вместе с храбрыми старыми солдатами, с которыми он уже одержал победы во многих боях, — всего две бригады, численностью 3 тысячи человек, так что надвигавшиеся на его фронт колонны были вчетверо сильнее. Но он спокойно ожидал нападения.

Французы подошли и начали разворачиваться. Пиктон воспользовался возможностью, дал смертоносный залп, и сразу же английские солдаты устремились вперед со штыками наперевес. Старый солдат, храбро направлявший атаку с саблей в руке, был поражен пулей в голову и умер мгновенно.

Ошеломленные неожиданным отпором, французы начали отходить, но в этот момент английская кавалерийская бригада под началом Понсонби устремилась через проходы между шеренгами пехоты, обрушилась на французские колонны с такой яростью, что никто не смог ей противостоять. Вся масса французов была разбита, рассеяна и обращена в бегство, за несколько минут англичане взяли 2 тысячи пленных и два орла. Одновременно

победоносные конники на гребне своего успеха и поддерживаемые слева бригадой Ванделера устремились вперед, захватили 24 пушки, порубили построения у лошадей. Таким образом, эти пушки оказались бесполезными для продолжавшегося сражения.

Затем, продвинувшись еще дальше, английские конники атаковали третью линию пушек и конницы и тоже опрокинули их. Увидев, что в его рядах произошло замешательство, Наполеон тотчас распорядился выдвинуть вперед кирасир Мильго из второй линии. Именно эти свежие силы конников, одетые в сталь, атаковали расстроенные эскадроны Понсонби, легко отбросили их, нанеся огромные потери. Сам Понсонби был убит, едва ли одна пятая часть его людей вернулась обратно.

Все же атака, хотя и ставшая катастрофической для английских конников, имела больше значение – была разбита колонна в 5 тысяч человек, захвачено 2 тысячи пленных и выведено из строя порядка 80 пушек, но, главное, остановлена мощная и опасная атака. На некоторое время в данной части поля дело повернулось в пользу британской армии.

Между тем Наполеон продолжал наступление на Ла Ге Сент, взял ее и двинулся далее. Кирасиры Мильго уничтожили ганноверский батальон, но были сами атакованы английской гвардией и опрокинуты с большими потерями; затем англичане бросились их преследовать; резервы их, горя желанием участвовать в деле, последовали за ними, как вдруг они, пришедшие уже в некоторый беспорядок, были атакованы французскими уланами и в свою очередь опрокинуты. 12-й и 16-й английские полки кавалерии теперь вмешались в сражение и отбросили улан.

Тогда Наполеон решился на отчаянную попытку со своими кирасирами разбить левый фланг союзников. Части Веллингтона встретили эту атаку. Веллингтон построил свою пехоту в каре в шахматном порядке, поставив в интервалах артиллерию, и ждал атаку.

Французы открыли мощный оружейный и ружейный огонь, и, чтобы избежать больших потерь, англичанам пришлось залечь. Когда же французская кавалерия приблизилась, англичане поднялись и открыли огонь из ружей залпами из каре. Английские орудия вели непрерывный огонь картечью по приближавшимся конникам, затем пушкеры спаслись бегством в каре. Тотчас орудия попали в руки кирасир, но их отбивали снова и снова. После каждой отбитой атаки артиллеристы устремлялись вперед и производили выстрелы в отступавших французских конников.

Почти вся блестящая кавалерия Наполеона была уничтожена в этих бесполезных, но храбрых атаках на левом фланге союзных войск. После нескольких отчаянных атак французским конникам пришлось отступить назад в намного меньшем числе и в беспорядке. Так погибли блестящие эскадроны, которые утром были выстроены во впечатляющем боевом порядке на полях Белль-Альянса.

Неразумное использование всей резервной кавалерии в начале сражения, равно как и гибель императорской гвардии в конце сражения, стали основными причинами почти полного поражения французской армии. Свежий резерв кавалерии, такой как храбрые конники, которые нашли смерть на склонах высот Сен-Жан, могли прикрыть отступление армии и помешать тому, чтобы поражение переросло в катастрофу.

Во время этих войн английская кавалерия, как и в других европейских странах, состояла из лейб-гвардии, драгунских гвардейских тяжелых кавалерийских полков и легких драгун и гусар. Они вооружались, как и в других странах, пистолетами и карабинами. В английской армии вплоть до Ватерлоо не было улан.

Глава 26. Конница от времен Наполеона до 1854 года

В период после окончания великих революционных войн и до введения нарезного оружия, то есть от Ватерлоо (1815) до Крымской войны (1853–1856), не произошло никаких крупных войн и, соответственно, не отмечено существенных улучшений в военном искусстве.

Самыми значительными конфликтами того периода стали война 1828–1829 годов между Россией и Турцией, восстание в Польше в 1830–1831 годах, война французов в Алжире и англичан в Индии. Рассматривая подробно эти кампании, обнаруживаем лишь незначительные перемены в системе проведения кавалерийских операций. И все же коротко следует остановиться на некоторых из них.

В некоторой степени активность в организации кавалерии в России отмечается в правление императора Николая I (1825–1855). Похоже, что существовало два периода в реорганизации кавалерии. В начале его царствования две драгунские дивизии преобразовали в одну гусарскую и одну уланскую, а общая численность конницы уменьшилась, что было связано с экономическими причинами. После польской войны 1831 года кавалерию стали ценить больше, и количественно она сильно увеличилась.

Полки выросли до восьми эскадронов, формировались и резервы. В 1826–1828 годах происходила война между Россией и Персией (Ираном). Самое значительное сражение состоялось 25 августа (13 сентября) 1826 года при Елисаветполе⁸⁰, где персы обладали очень многочисленной кавалерией. Персы выдвинули свою армию, разместив пехоту в центре, огромное количество кавалерии на флангах, попытались обойти с флангов и окружить русских.

Русский артиллерийский огонь остановил их продвижение и вынудил их откатиться, не предпринимая прямой атаки. Упорное сопротивление русской армии подавляло атаки кавалерии на обоих флангах, в то время как доблестная атака из центра на линию персидской пехоты пробила их ряды, победа была полной, и русская кавалерия яростно набросилась и захватила много пленных (иранцы потеряли около 2 тыс. убитыми и 1 тыс. пленными, русские 46 чел. убитыми и 249 ранеными).

29 августа 1829 года во время войны с Турцией генерала Мадатова послали вместе со второй бригадой третьей гусарской дивизии и легкими пушками провести разведку в тылу турецкой армии, помешав туркам доставить провизию в Шумлу. Он совершил удачный рейд и захватил 97 человек, 50 лошадей, много скота и 106 повозок с продовольствием.

Во время войны в Польше (подавление польского восстания 1830–1831 гг.) отдельные отряды генералов Крейца и Ридигера в основном состояли из кавалерии, значение их службы заключалось в том, что они перемещались быстро из точки в точку, делая все, чтобы наносить поражение отдельным отрядам противника и мешать проявлениям недовольства среди населения.

В 1831 году отряд генерала Крейца состоял из 9043 человек пехоты, 5137 конников, включая казаков и 71 пушки. В войсках, находившихся под командованием генерала Ридигера, доля кавалерии была еще значительнее, численность же следующая: пехота – 6686, кавалерия (включая казаков) – 6762 и 24 орудия. Огромное количество кавалерии в этом отряде сыграло особую роль.

В той же войне польская кавалерия также оказалась весьма эффективной, в рядах повстанцев появились несколько результативных кавалерийских командиров. Во время боя при Дембе-Вельке 31 марта 1831 года генерал Скаржинский вместе с бригадой кавалерии совершил храбрую атаку на центр русской линии, что фактически и принесло победу, поляки захватили 9 пушек, некоторое количество пленных. Во время преследования, закрепившего успех, кавалерия также оказала существенную пользу.

Генерал Юзеф Дверницкий (1779–1857) был одним из лучших польских кавалерийских офицеров. Во время экспедиции на Волынь в 1831 году его отряд состоял из 2700 кавалеристов, 1300 пехотинцев и нескольких орудий. В конце войны после боя при Бореполе был отброшен к австрийской границе и сдался австрийцам.

Самым примечательным для кавалерийского офицера является поход польского генерала Дембинского в июле 1831 года в Литву. Его поход имеет много общего с

⁸⁰ Елисаветполь – современная Гянджа. (Примеч. пер.)

кавалерийскими рейдами, совершенными во время Гражданской войны в США, о которой далее мы поговорим более подробно.

Действия Дембинского представляют интерес для кавалерийского офицера как пример того, что может сделать храбрый и талантливый командующий кавалерией.

В начале июля 1831 года польская армия находилась в Куршанах, где решили разделить ее на три корпуса, один из которых Дембинский взялся отвести в Варшаву окольным путем через Литву, где было много русских войск.

Отряд состоял из 3800 человек и 6 орудий. Дембинский вышел из Куршан 9 июля, направившись через Мешкуйчяй на Паневежис. Оттуда к Ованте, где его арьергард вступил в тяжелый бой с преследовавшей поляков колонной генерала Савоини. Когда наступила ночь, Дембинский возобновил свой марш на Подбродзе, где его пехоту подвезли галопом на лошадях, а затем ссадили, и она сражалась необычайно храбро, стремясь захватить позиции противника.

Оттуда он повернул на север и шел в течение некоторого времени, стремясь обмануть своих противников, затем резко повернул на восток и начал быстро перемещаться, после чего пересек Вилию. Искусно ускользнув от разных русских колонн, пытавшихся перехватить его, он пересек Неман и затем двинулся через Нарев и Буг к Варшаве, куда прибыл 3 августа.

Во время этой кампании Дембинский пересек одну большую реку и шесть маленьких, затем двинулся с такой быстротой и настолько искусно обманул своих преследователей, что привел свой отряд в Варшаву, пройдя за 25 дней большое расстояние (130 польских миль – приблизительно 900 км).

Дембинский захватил по пути много различных припасов и значительную сумму денег, на марше переделал два из своих орудий в конные. Для производства форсированных маршей он отбирал у местных жителей лошадей и давал их по пятидесяти на батальон для посадки наиболее уставших людей. Благодаря этой мере он мог давать отдых усталым пехотинцам без прекращения движения. Кроме того, часть своей пехоты он обратил в конников, дав им лошадей на все время. Они оказались ему очень полезными, так как могли, не задерживая движения всей колонны, рассеивать мелкие части, преграждавшие ей дорогу.

В Индии за последние 100 лет англичане провели много войн, в большинстве которых кавалерия весьма активно использовалась обеими сторонами. Местные армии в большинстве случаев состояли из большого количества конников. Самой значительной, возможно, была кавалерия маратхов, состоявшая в своем большинстве из таких же конников, что обычно в это время были на Востоке.

Когда Хайдар Али⁸¹ атаковал англичан в Карнатике в 1780 году, его армия состояла из 28 тысяч кавалеристов, 15 тысяч регулярной пехоты, не говоря о множестве рабочих, саперов и прочих. Эти конники входили в иррегулярные формирования, но не могли сломать сомкнутый строй британских войск.

Высокая скорость передвижения местных армий всегда являлась огромным преимуществом. Сражаясь с англичанами, они пользовались тем преимуществом, что, даже потерпев поражение, уходили от преследования из-за меньшей мобильности английских войск. Операции Джерарда Лейка (1744–1808) с 1803 по 1806 год стали первыми кампаниями, представляющими для нас интерес, поскольку именно этот командующий по достоинству оценил значение кавалерии и практически впервые стал ее использовать в полной мере.

Мальчишкой Лейк воспитывался на войнах великого Фридриха II, тогда и осознал значение конницы, обученной и организованной этим великим командующим. Именно от Фридриха Лейк воспринял идею организации конной артиллерии. Позже, в Индии, став

⁸¹ Хайдар Али (1722–1782) – султан Майсура с 1761 г., организатор сопротивления (в союзе с французами) английским захватчикам в Южной Индии. В 1-й англо-майсурской войне 1767–1769 гг. нанес англичанам поражение.

главнокомандующим британской армией, Лейк последовал этой идее, прикрепив к каждому полку по два легких шестифунтовых орудия, из которых стреляли специально отобранные солдаты. К орудиям также придавались запасные лошади, чтобы ничто не могло помешать их быстрому движению и они никогда не отставали от кавалерии.

В течение зимы 1802 и весны 1803 года этот генерал тщательно обучал и тренировал свою армию, состоявшую из трех английских драгунских полков и пяти полков вспомогательной легкой кавалерии вместе с 16 орудиями, оснащенными и снабженными лошадьми, так что они во время движения поддерживали конников. В результате Лейк обзавелся эффективной армией, соединявшей огневую мощь с высокой скоростью перемещения.

Именно такая армия и была необходима для борьбы с его предполагаемым противником. Как мы уже говорили, в армии маратхов было много легковооруженных всадников, сражавшихся наподобие парфян или казаков и передвигавшихся намного быстрее английских войск, так что маратхи могли нападать на неохраемые места и исчезать, избегая поражения или преследования.

Голькар, имевший 60 тысяч легких, конников и 130 орудий, победив Синдию и раджу Берара в битвах при Ассайе, Аргуме, Дели и Ласвари, выступил против англичан.

Кампания началась в 1804 году. Сначала маратхам сопутствовала удача, они разбили объединенный отряд англичан под командованием полковников Мюррея и Монсона. Все же при подходе основной армии под началом Лейка Голькар разделил свою армию, отправив регулярную пехоту и орудия на юг. Одновременно со всей своей многочисленной кавалерией он направился в набег на север.

Лейк быстро принял решение. Оставив свою собственную пехоту и тяжелые орудия под началом генерала Фрезера, чтобы те наблюдали за пехотинцами противника, он отправился вместе с шестью из своих полков кавалерии, которых так тщательно обучил, вместе с некоторой конной артиллерией, прикрепленной к полкам, и одной бригадой местной пехоты, тщательно выбранной для маршевых бросков. Чтобы обеспечить достаточную маневренность, они до предела уменьшили обоз, взяв только самое необходимое.

Начав преследование, весь этот отряд день за днем с 31 октября вплоть до 18 ноября приближался к противнику. Но Голькар всегда был настороже и держался на расстоянии от 25 до 30 миль. 16 ноября, когда Лейк остановился на один день, он оказался впереди в 36 милях, и английский командующий решил удивить противника быстрым перемещением.

Ему полностью удалось осуществить задуманное, английские конники, предприняв ночной марш, добрались до лагеря Голькара на рассвете. Там ни о чем не подозревали: лошади были стреножены, люди спали, завернувшись в одеяла. Когда английская артиллерия обрушила на маратхов свой огонь, а затем британские легкие драгуны устремились на лагерь в стремительной атаке, они побежали, и английские конники преследовали их во всех направлениях. Вскоре равнина покрылась мертвыми телами, а самому Голькару едва удалось скрыться с небольшой охраной.

Преследование продолжалось на расстоянии в 10 миль, марш, происходивший накануне, продолжился сражением и длился всю ночь в виде ночного перехода, следовательно, за 24 часа было пройдено расстояние в 70 миль (около 113 км). Случившееся трудно сопоставить с чем-либо, ведь этот марш был сделан после того, как отряд прошел за 15 дней 350 миль (свыше 560 км).

Потери Лейка составили всего 2 драгуна убитыми и около 20 ранеными, а также 75 лошадей. Потери противника составили 3 тысячи убитыми на поле боя. Столь удивительный успех, одержанный 3500 человеками над 60 тысячами, в огромной степени был достигнут благодаря искусному сочетанию скорости с результативным огнем.

Другая операция подобного рода связана с преследованием Амир-хана генералом Смитом с тем же отрядом кавалерии, который Лейк ему предоставил. На сей раз кавалерия прошла порядка 700 миль за 43 дня и только тогда вынудила Амир-хана вступить в бой 2

марта 1805 года в Зульгархе у самого подножия Гималаев. После тяжелого боя английские войска одержали решительную победу, но даже тогда конникам противника удалось в большом количестве спастись бегством на бешеной скорости.

2 апреля 1805 года Лейк после ночного марша снова разбил остатки кавалерии Голькара, неожиданно подойдя к ним до того, как те смогли сесть на лошадей, перебил почти тысячу человек и преследовал остальных более 15 миль, потеряв из своего состава менее 20 человек.

Перед нами прекрасные примеры, иллюстрирующие значение организации и оснащения кавалерией, сочетания скорости и огневой мощи. Британские войска видели потребность в войсках данного типа в 1857 году при подавлении восстания сипаев, они всегда могли наносить поражение восставшим, но им редко удавалось настичь и захватывать их в плен.

Французская кавалерия в Алжире также обладала огромным опытом в боях с превосходящими силами противника, легкой кавалерии, которые, как и мамелюки, оказывались лучше приспособленными для единичного боя, нежели для маневров конных масс. Ряд боев происходил в различных местах, в Буффарике в 1832, в Зиге и Хиффе в 1835, в Тафне в 1835, в Исли в 1844 году, причем во всех французы одержали победу. Все эти боевые действия походили в общих чертах на те сражения с мамелюками, которые уже описаны, поэтому не станем вдаваться ни в какие детали.

Часть пятая. От введения нарезного оружия до настоящего времени

Глава 27. Последствия введения нарезного оружия. Крымская война 1853–1856 годов. Война в Италии в 1859 году

Принцип действия нарезного оружия, имеющего высокую точность попадания, был известен еще в XVII веке. Однако дульное зарядание, при котором пулю с силой вгоняют в ствол, добиваясь, чтобы она заполнила нарезы и получила при выстреле вращательное движение, делало процесс зарядания трудным и утомительным, что совершенно не подходило для войск, сражавшихся в поле с быстро меняющейся обстановкой или на близком расстоянии от противника.

Зарядание ружей с казенной части также было известно давно (фактически его следы обнаруживаются в 1540 году), но из-за низкого уровня механического мастерства изделия были настолько несовершенны, что все попытки развивать идею провалились, и единственные известные в то время нарезные ружья заряжались с дула.

Как мы заметили, революционная война в Северной Америке (1775–1783) привела к широкому использованию таких ружей, особенно в руках стрелков, так что большинство армий обзавелось специальными подразделениями легкой пехоты, вооруженными нарезными ружьями и действующими как снайперы.

И все же пришло время, когда очередное изобретение позволило устранить неудобства в зарядке и вскоре привело к повсеместному использованию нарезного оружия во всех армиях мира. В 1823 году капитан Джон Нортон из 34-го полка английской армии изобрел цилиндро-коническую пулю, дав тем самым толчок к усовершенствованию всех видов стрелкового оружия. Однако его изобретение получило развитие только в 1853 году, когда капитан французской армии Минье усовершенствовал пулю Нортон и предложил удлиненные пули, изготовленные на основе того же принципа и начавшие применяться в европейских армиях.

Расширившиеся после зарядки пули, благодаря силе взрыва принимавшие форму нарезов, тотчас сняли проблему сложности зарядки и предоставили в распоряжение пехоты оружие, которое во многом увеличило радиус действия и ударную силу, не говоря уже о точности прицела.

Это был второй тяжелый удар, нанесенный кавалерии после изобретения пороха. Первым стала большая пробивная сила огнестрельного оружия, приведшая к отказу от защитного вооружения и повысившая значение пехоты. Нарезное оружие повысило дальность стрельбы и точность попадания, что не могло не изменить отношения между кавалерией и пехотой.

Вдобавок зарядание с казенной части увеличило скорострельность как минимум вчетверо, так что во время атаки конников на пехоту им приходилось теперь ожидать по крайней мере десять залпов, в отличие от времен Фридриха II Великого и Наполеона, когда следовал только один залп.

Заметим также, что все столь значимые изобретения должны были существенно повлиять на тактику и использование кавалерии в современных войнах. Ниже мы подробно расскажем о тех изменениях, которые следовало сделать в организации, вооружении и использовании кавалерии, чтобы преодолеть сложности, которые накапливались день ото дня. Прежде всего мы рассмотрим воздействие нарезного и казнозарядного оружия на конницу в тех войнах, которые недавно имели место, обращая внимание на тот опыт, который приобрела кавалерия. Таким образом мы сможем обосновать наши предположения по поводу будущего вооружения и использования кавалерии на войне.

Впервые винтовки, заряжаемые с дула пулями Минье, использовали в Крымской войне, в боях между Россией и вооруженными силами Западной Европы в Крыму в 1854–1856 годах. Почти все боевые действия и операции свелись к длительной осаде⁸², так что конница почти не имела возможности действовать против пехоты.

Во время сражения при Альме союзники располагали только тысячей человек кавалерии, что оказалось явно недостаточным для отпора намного превосходящих числом русских конников. Именно поэтому она не была использована ни во время сражения, ни для преследования, когда английский командующий лорд Раглан не позволил своим конникам развить его успех, опасаясь, что тех порубит русская кавалерия и расстреляет артиллерия.

Во время операций, предшествовавших сражению при Альме и последующих, например фланговом марше на Балаклаву, кавалерия обеих армий практически не проявила себя ни в разведывательной, ни в сторожевой службе. За сорок мирных лет появилось новое поколение конников, оно было прекрасно обучено маневрировать, но не создавая реальной боевой опасности.

Разведывательная служба с обеих сторон оказалась настолько неэффективной, что английская армия, отправившаяся в Балаклаву, выйдя на дорогу, ведущую от Севастополя на Бахчисарай, натолкнулась на арьергарды русской армии, переходившие дорогу.

Главнокомандующий британской армией лорд Раглан был поражен и чуть не попал в плен. Однако русские в совершенно схожем неведении решили, что их атакует армия противника, и быстро отступили.

В аналогичном неведении английская кавалерия под началом Лукана двигалась, выбрав неправильную дорогу. В строгом соответствии с правилами, изложенными в уставе, она шла строго по дороге, в строю авангарда и не обращала внимания на остальные дороги и лежащую вокруг местность, которая, кстати, оставалась без надзора и неразведанной.

Арьергардная служба проявила себя таким отрицательным образом, так что две большие армии вместе со своим имуществом шли наперерез друг другу и естественно вступили в одном месте в контакт, не выявив намерений противника и даже без столкновения кавалерии. Только один приведенный нами факт позволяет развить тему и сказать об отсутствии даже опыта офицеров кавалерии с обеих сторон, об их неумении выполнять свои обязанности.

После этого флангового маневра не совершалось дальнейших кавалерийских операций, пока 25 (13-го по старому стилю) октября 1854 года не произошел бой под Балаклавой, в

⁸² Оборона Севастополя длилась с 14 (26) сентября 1854 по 28 августа (8 сентября) 1855 г.

котором главную роль сыграла кавалерия.

Ранним утром русский отряд под командованием генерала Липранди атаковал позиции союзников около Балаклавы, надеясь выбить союзнические войска из этого значимого места.

В союзной армии почти не придавали значения охранной службе, которая сводилась к вопросу «Стой! Кто идет?» и соответствующим ответам. Как прекрасно заметил Кинглен: «Когда эти слова многократно повторялись одними и теми же людьми сотню тысяч раз, они усыпляли, подобно волнам, что постоянно набегают на берег. Бдительность легко притупляется, но трудно оттачивается с помощью клише».

Практически случайно дежурный полевой офицер заметил передовые отряды врага и спас свои аванпосты от захвата, хотя предупреждение должно было прийти как раз от них. Случившееся отражает огромные сложности в эффективном осуществлении данных обязанностей и говорит о значении обучения в воспитании профессиональной армии.

Русские неожиданно вышли на линию редутов, захватили их внезапным штурмом, перебив или пленив удерживавших их турок, затем двинулись в направлении Балаклавы. Многочисленная кавалерия, насчитывавшая несколько тысяч конников, прикрывала это движение. Четыре эскадрона направили в сторону Кадыкоя, где их встретил Кэмпбелл с 93-м шотландским полком. В развернутом строю по ним дали залп, но русские отошли, так и не развернувшись для атаки. Таким образом русские конники оказались вынужденными повернуть и отступить обратно на свои линии.

Английские авторы много писали об этом сражении как о большой победе пехоты над кавалерией, но на самом деле произошедшее ничему никого не научило. Участвовавший в этой операции английский офицер кавалерии, известный своей репутацией, прямо сказал автору, что русские эскадроны не имели намерения нападать. Они вели разведку и одновременно демонстрировали свою силу, принуждая союзные войска показать свое расположение. Поэтому, как только 93-й полк показал свою позицию на холме, цель была достигнута и кавалерия отступила.

Как опытный офицер, Кэмпбелл сразу же понял намерения конников и отдал соответствующие распоряжения. Оценив грамотные действия русского командующего, он заметил, повернувшись к своему адъютанту: «Шедуэлл, этот человек знает свое дело».

Вскоре после этого генерал Скарлетт во время передвижения с частью английской тяжелой кавалерийской бригады в Южную долину неожиданно обнаружил крупный отряд русской кавалерии на возвышении на ее фланге, явно двигавшейся сверху на нее.

На некоторое время русская колонна приостановилась, увидев перед собой войска неприятеля. Скарлетт не колебался ни минуты, тотчас перейдя в стремительную атаку на центр колонны противника. Осуществленная на полной скорости атака оказалась успешной, особенно если учесть, что вспомогательные войска русских отодвинулись настолько далеко, что потеряли свое значение резерва силы. Скарлетт сразу же в критический момент был поддержан другими эскадронами его бригады, атаковавшими оба фланга русских конников.

В результате русские вынуждены были отступить, что и проделали успешно и без преследования английской кавалерией. Поведение лорда Кардигана, который с легкой бригадой, находившейся вместе с его командой, оставался праздным зрителем боя, пренебрегая атакой во фланг конников противника, было явной ошибкой и свидетельством гнетущего воздействия рутины и регулярности мирной службы.

Примерно через час или два после этого произошла знаменитая атака «шестисот», она началась из-за неверного понимания приказа на атаку. Соответственно лорд Кардиган вел наступление в течение мили с четвертью (2 км) на открытой местности, где на всем протяжении его конники подвергались перекрестному огню артиллерии и стрелкового оружия с фронта и с обоих флангов.

Атаку осуществили самым доблестным образом, ее участники продемонстрировали высокую храбрость, но все оказалось тщетным. Огонь пушек и ружей почти уничтожил бригаду, из которой вернулись назад только 195 человек.

Само это действо практически ничему не может научить кавалерийского офицера, о

нем следует говорить только в связи с той доблестью, с какой английские конники подчинились приказу и устремились в атаку, зная, что идут на верную смерть.

Чтобы прикрыть их отступление, французский 4-й африканский конноегерский полк под командованием генерала д'Аллонвиля осуществил атаку на русскую артиллерию, находившуюся на Федюхиных высотах. Атаку произвели разомкнутым строем и настолько четко, организованно и храбро, что вынудили четыре русские батареи, стрелявшие по английским конникам, сняться со своих позиций.

Как полагают, основные потери легкой бригады были причинены из штуцеров стрелками, засевшими на склонах холмов, окружающих Северную долину. Это был единственный случай использования огнестрельного оружия. В этом же бою впервые в европейской войне применялись револьверы, имевшие смертоносное действие. Многие английские офицеры обзавелись револьверами и весьма успешно использовали их во время атаки «шестисот», особенно при беспорядочном отступлении, которым завершилась атака.

Отметим и другой случай. Покойный ныне полковник 13-го гусарского полка английской армии Дженнингс при Балаклавке был ротмистром (капитаном). Он пробивал себе обратный путь во время отступления к английским линиям, когда под ним была тяжело ранена лошадь и на него сразу же бросились русский офицер и два солдата. Его лошадь настолько ослабла от потери крови, что он не смог использовать свою саблю, однако сумел вытащить револьвер и в течение некоторого времени удерживал всех троих на расстоянии.

Наконец офицер бросился на него с поднятой саблей, однако Дженнингс застрелил его прежде, чем он к нему приблизился. Остальные двое русских не осмелились больше преследовать его, и Дженнингс смог благополучно добраться до своих линий. Упоминаются и другие случаи использования револьвера в похожих ситуациях во время этой войны.

В сражении при Баш-Кадыкляре (Башкадыкларе), произошедшем 19 ноября 1853 года между русской армией под командованием князя Бебутова (до 13 тыс. чел.) и турками под руководством Рейс-Ахмет-паши (37 тыс.), блестящую атаку осуществили драгуны и казаки русской армии против правого фланга турок. Атака оказалась необычайно успешной. Каре турок были прорваны, весь правый фланг и часть центра опрокинуты, захвачены 20 пушек, что и предредило исход боя.

На русском правом фланге князь Чавчавадзе вместе с 3 дивизионами нижегородских драгун, сотней конной милиции и 4 пушками в течение почти всего сражения сдерживал 5 тысяч башибузуков и курдов, а в конце доблестного боя разбил полк турецкой кавалерии, поддерживаемый 8 пушками и 8 батальонами пехоты. Изгнав все эти войска с поля боя, он отбил у них 2 орудия.

Во время сражения при Кюрюк-Дара 24 июля (5 августа) 1854 года русский Тверской драгунский полк под командованием генерал-майора графа Нирода II и полковника Куколевского под сильным артиллерийским огнем напали с необычайным самообладанием на турецкую батарею. Отбросив конников противника, они захватили батарею и увезли 4 орудия. Тотчас после этого произвели другую атаку нижегородские гусары под руководством князя Чавчавадзе. Они прорвали турецкие каре, один батальон порубили полностью, правда, и сами драгуны понесли тяжелые потери: из 33 офицеров было убито и ранено двадцать три, а также половина нижних чинов. Несмотря на потери, нижегородские драгуны произвели еще одну атаку, отбили 2 пушки (захваченные ранее турками) и захватили еще 4 турецких орудия.

Вскоре после Крымской войны в войне между Великобританией и Персией (Ираном) в 1857 году 3-й бомбейский легкий кавалерийский полк совершил великолепную кавалерийскую атаку на прекрасно построенное и сомкнутое персидское каре из 500 человек, готовых выдержать нападение.

Первым ворвался в каре полковой адъютант Мур. Он повесил свою саблю на темляке на руку и, взяв поводья в обе руки, направил свою лошадь на штыки. Лошадь была убита, но плотное каре было прорвано и уничтожено, сам же Мур даже не был ранен.

Во время Итальянской кампании 1859 года кавалерия не сыграла особенной роли, в

основном, как говорилось, по причине сложной местности, покрытой виноградниками, деревьями и пересеченной множеством канав. При Мадженте было предпринято несколько атак небольшими частями всадников с обеих сторон, и успех сопутствовал французам.

При Сольферино как австрийцы, так и французы произвели несколько кавалерийских атак большего объема на равнинах, окружавших Медоле. Сражение шло практически одновременно между соперничавшими частями кавалерии, успеха добивалась то одна, то другая сторона по мере введения резервов, конечный успех склонился в пользу французов. Во время одной из таких атак генерал Дево захватил в плен 600 австрийских пехотинцев, когда африканские конные егеря прорвали одно каре, не успевшее построиться.

Фактически в этой кампании кавалерия не добилась впечатляющих успехов. Казалось, что командиры просто боялись наступать большими массами против частей противника, стремясь избежать неоправданно больших потерь от нарезного оружия, ибо противодействующая кавалерии пехота как раз и была вооружена метким и дальнобойным оружием.

При Монтебелло полковник Морелли, командир пьемонтского Монферратского полка, во главе 22 пьемонтских уланов атаковал каре австрийской пехоты. Они прорвали каре, но 11 уланов были убиты, а все остальные ранены. Полковник Морелли, хотя и смертельно раненный, три раза ходил в атаку.

Нарезное оружие, имевшее большую убойную дальность и точность попадания, породило среди конников нечто вроде паники. Полностью оценив огромное воздействие, производимое новым изобретением на конницу, многие профессиональные конники стали придерживаться мнения, что сфера использования кавалерии во многом сузилась и кавалерийские формирования теперь следует сократить или полностью распустить.

Внимательный читатель данной книги уже знает, насколько легко идеи возникают и затем доводятся до абсурда и как в различные эпохи мнение склонялось то в пользу пехоты, то в пользу конницы, нередко доходя в обоих случаях до крайностей.

Казалось, что в тот период предубеждение против кавалерии достигло максимального накала, однако так уже было, когда рыцари ощутили влияние нараставшей мощи пехоты, как происходило в случае со швейцарскими пикинерами и алебардистами и английскими лучниками. Или когда введение пороха нанесло следующий удар по ранее доминирующему положению тяжелой конницы.

Гордость, кастовые предрассудки и *esprit de corps* (честь мундира) рыцарей долгое время высоко держали знамя рыцарства, так и теперь те же чувства пробудились в сторонниках конницы, они сопротивлялись мнению, что конница не нужна и ее надо уничтожить. Гордость конницы своей службой, ее славный дух восстали против новых воззрений, утверждая, что, хотя время требует некоторых изменений в использовании конницы, ее время не прошло и сохранилось множество возможностей для ее применения.

Не станем отрицать, что сфера действий кавалерии на поле сражения действительно ограничилась и возможности проведения удачных атак стали более редкими, ибо возросли потери конников, если тех направляли на совершение подобных действий. Сказанное привело ко многим переменам, сделанным в европейских армиях.

В России основные изменения в армии провели уже в 1856 году, сразу же по окончании Крымской войны. Кирасирские армейские полки⁸³ были упразднены, число драгунских полков сократили, но было сформировано 14 других полков кавалерии, более легко вооруженных, которые заняли их место. Снятие с вооружения кирасы, до этого являвшейся эффективной защитой всадника, но ставшей бесполезной против огня пехоты, было вызвано повсеместным распространением пули Минье.

В Австрии также после войны 1859 года численность кавалерии значительно уменьшилась. В то время австрийская кавалерия состояла из 8 полков кирасир, 8 драгунских,

⁸³ В гвардии кирасиры остались.

12 полков улан и 12 гусарских. Каждый полк тяжелой кавалерии имел 6 эскадронов, каждый полк легкой кавалерии – 8 эскадронов, кроме 6-го и 11-го уланских, состоявших только из 4 эскадронов каждый.

Кроме того, имелось два гусарских полка из добровольцев по 4 эскадрона в каждом. Всего было 96 эскадронов тяжелой и 192 эскадрона легкой кавалерии.

В мае 1860 года кавалерию реорганизовали и сократили на 2 полка. 5-й и 7-й полки остались драгунскими, 1, 2, 3 и 6-й стали кирасирскими, а 4-й и 8-й расформировали. Легкую кавалерию тогда же сократили до 24 эскадронов. Как отмечает генерал Ренар, кирасиры, хотя и оставались таковыми по названию, кирасы использовать перестали.

Напротив, в Пруссии, где до итальянской войны насчитывалось 80 эскадронов тяжелой и 72 эскадрона легкой кавалерии, численность конницы довели до 100 эскадронов каждого вида. Все это было сделано, чтобы скомпенсировать уменьшение кавалерии из-за исключения ландверной конницы из состава первой линии и ее перевода в резерв.

Глава 28. Гражданская война США 1861–1865 годов

В этот период, до того как нарезные ружья были должным образом и последовательно окончательно испытаны, в Соединенных Штатах Америки разразилась великая Гражданская война, в которой южане (штаты, где сохранялось рабство) попытались отделиться от северных и западных штатов (где рабство было отменено) и учредить независимую республику. В этой войне, которая велась обеими сторонами с необыкновенным упорством и продолжалась четыре года, участвовали такие огромные массы войск, какие до тех пор ни разу не использовались в войнах между цивилизованными государствами.

Подробности этой войны интересны, поскольку обстоятельства, при которых война разразилась и была проведена, для Европы весьма поучительны. С 1812 по 1861 год Соединенные Штаты участвовали только в нескольких небольших войнах, самой значительной из них оказалась мексиканская война⁸⁴, другие представляли собой просто пограничные конфликты против индейцев прерий.

В результате постоянная армия США была немногочисленной, а население не было знакомо с традициями европейских регулярных армий и жесткими нормами военной службы. В то же время освоение новых земель, борьба, которую все население в течение одного или двух поколений вело с дикой природой, опыт, приобретаемый в расчистке территорий для домов и защите от диких зверей, враждебных индейцев и беззаконных авантюристов, способствовали формированию их характера.

В приграничных районах ружье считалось таким же необходимым, как и топор. Практически все умели стрелять, а многие славились своим умением. Еще во время Войны за независимость английские солдаты в полной мере испытали на себе необыкновенную меткость стрелков американских нерегулярных формирований.

Во время войны 1812–1814 годов канадские добровольцы, люди того же типа, выросшие в условиях тех же самых опасностей и испытаний, но более закаленные, поскольку выросли в более суровом климате, сильно помогли английским регулярным войскам, которые нередко одерживали верх над американской армией.

Одним из самых примечательных примеров способности канадских военных в таком роде военных действий является бой при Шатогее в 1813 году. Тогда около 400 канадцев со своими топорами и ружьями преградили путь американскому отряду численностью примерно 7 тысяч человек под командованием генерала Хэмптона.

Канадские добровольцы одинаково искусно владели как винтовками, так и топорами.

⁸⁴ Американо-мексиканская война 1846–1848 гг. После захвата Техаса США не успокоились, предъявили Мексике новые претензии и отторгли у нее половину территории, где теперь находятся штаты США Калифорния, Невада, Юта, Аризона, Нью-Мексико, часть Колорадо и Вайоминга.

Устроив засеки из ряда длинных деревьев, они мешали продвижению колонны американцев, одновременно ведя прицельный огонь из своих нарезных ружей с фронта и с флангов. Втянувшись в лес и оказавшись под перекрестным огнем из ружей, американцы не смогли преодолеть засеки из сваленных деревьев и поспешно отступили, преследуемые победоносными канадцами. Всякое вторжение американских формирований в Канаду отбивалось ее храбрыми и решительными жителями. Когда война закончилась, Соединенные Штаты не смогли захватить ни пяди канадской земли, в то время как английские войска захватывали немалую часть США, заняв почти весь штат Мичиган.

Навыки, приобретенные в этой войне, а также в постоянных стычках с индейцами, убедили жителей США в высокой ценности огнестрельного оружия. В результате уже в 1812 году была реализована идея создания подразделений конных стрелков, и из жителей Кентукки был сформирован такой полк, вооруженный ружьями и пистолетами.

Во время открытых боевых действий англо-американской войны 1812–1814 годов американцам удалось одержать только одну реальную победу, и ее следует приписать исключительно этому кавалерийскому полку. Это был бой при Моравиан-Тауне, произошедший в Западной Канаде 5 октября 1813 года. Командовавший кентуккцами генерал Джонсон обрушился на английскую пехоту, разбил ее и захватил пленных.

Затем он повернулся налево и попытался напасть на сильный отряд индейцев, который засел на краю молодой рощи, но налетел на болотистую почву, его лошади начали вязнуть. Увидев это, генерал велел своим людям спешиться и попытаться атаковать пешими. Вскоре Текумсе, вождь индейцев, был убит, а остальные обратились в бегство. Нельзя представить более поразительного примера преимущества конных войск, вооруженных ружьями и в случае необходимости способных сражаться пешими.

В 1838 году в Америке был изобретен револьвер Кольта, и полковник Кольт попытался ввести его на вооружение в армию во время войны с семинолами во Флориде. Однако армейский совет вовсе не проявил стремление принять это предложение, поэтому большую часть этих револьверов продали по низкой цене, в частности техасцам, которые вступили в грабительскую войну с индейцами команчами.

Во время этой и последующей мексиканской войны револьверы заслужили высокую репутацию, в них возникла острая нужда, и за них дорого платили. Техасский полк конных стрелков, вооруженный этим оружием, состоял в американской армии во время мексиканской войны, и эффективность револьверов была наглядно продемонстрирована в ближнем бою.

В каждом боестолкновении револьвер доказывал свой смертоносный эффект, так что вскоре повсеместно раздалось требование о его производстве. Таким образом, это оружие стали изготавливать в достаточном количестве, во всех пограничных штатах большинство мужчин были ими вооружены, оказавшись весьма искусными в их применении.

Беззакония и потребность порядка в новых поселениях, где жизнь каждого человека зависела от него самого, требовали обязательного ношения револьвера или длинного охотничьего ножа.

Существование в новой стране, острая необходимость в порядке, постоянная привычка преодолевать обстоятельства самого разнообразного и сложного свойства, возникавшие на осваиваемых землях, привели к естественному результату – использованию мыслительных способностей в максимально возможной степени. Одновременно до предела развилась изобретательность американцев, что и привело к появлению самого сообразительного и самонадеянного народа в мире. Находчивость янки стала притчей во языцех.

Предусмотрительность проявилась в том, что практически все население умело обращаться с оружием. Как только началась война 1861–1865 годов, в регулярной армии у противников (Севера и Юга) появилось огромное количество добровольцев, готовых защищать интересы соперничавших властей. Интересно проследить ход течения этой войны и увидеть, как их практичность, здравый смысл, отсутствие предубеждений и склонности к бюрократизму привели к принятию совершенно новой для американцев тактической

системы, и в то же время удивительно хорошо приспособленной к обстоятельствам и опирающейся на опыт военного искусства того времени.

Конечно, на результаты войны, особенно в ее начале, оказали огромное влияние различия в обучении войск в разных частях страны, которые очень скоро осознали весьма примечательным образом. Войсковые формирования в штатах Новой Англии в основном набирались из людей, работавших на заводах и фабриках. Южане, напротив, почти все являлись земледельцами, хорошо умевшими обращаться с оружием. В то же время северо-восточные штаты поставляли в армию, помимо рабочих и других горожан, отважных и выносливых пограничных фермеров.

Южане слыли лучшими воинами, но уступали северянам в численности. На Восточном театре военных действий, то есть в Виргинии, они противостояли войскам, набранным в промышленных районах и больших городах штатов Новой Англии. Явное превосходство южан здесь быстро проявилось и продолжало выказываться в течение всей войны.

На Западном театре войны более успешными оказались армии федератов. Упорные западные поселенцы во многом превосходили южан в долине Миссисипи, они поставляли лучших солдат, поэтому и одержали здесь свой первый существенный успех, захватив Форт-Донелсон. С того времени войска федератов медленно, но упорно двигались к завоеванию всей этой части конфедерации, которую яростно защищали южные войска, сражавшиеся за каждую пядь.

Война развивалась медленно, обе стороны явно оказались не готовыми к боевым действиям. Приходилось организовывать армии, вооружать их, перед тем как выдвигать на поле боя, обучать перед операциями.

Тогда, в самом начале военных действий, кавалерия была немногочисленной. Во время первого крупного сражения, произошедшего 21 июля 1861 года при Булл-Ране, федеральная армия, состоявшая примерно из 40 тысяч человек, имела только семь рот кавалерии, едва ли по численности они составляли один небольшой полк. Правда, и у южан было такое же количество кавалерии. Практичные американцы, вначале руководствовавшиеся общепринятыми в то время идеями о бесполезности кавалерии при повсеместном распространении нарезного оружия, вскоре осознали свою ошибку. И число конников стало расти стремительно, причем настолько быстро, что в конце войны в армии северных штатов числилось не менее 80 тысяч кавалеристов, причем почти все они были конными стрелками, вооруженными нарезными ружьями.

В Виргинии с самого начала война велась гораздо искуснее, чем в долине Миссисипи. Генералы южан Ли, Джексон по прозвищу Каменная Стена и их офицеры были хорошо обучены и прекрасно знали военное дело. На Западе, напротив, в первые два года война носила скорее характер партизанских вылазок, но именно в этот период формирования конных стрелков и приобрели особое значение.

Происходивший из Кентукки генерал-майор Джон Морган, не получивший профессионального военного образования, как считают, первым осознал значение отрядов конных стрелков и ввел в употребление новую систему действующей кавалерии, при которой она смогла воспользоваться достижениями в развитии огнестрельного оружия.

Когда старые средневековые рыцари оправились от потрясения, вызванного изобретением пороха, дававшего столь явные преимущества над ними пехоте, они сами успешно применили новое оружие. Одновременно они усовершенствовали и защитное вооружение, так что вскоре смогли вернуть себе превосходство над пехотой.

Сама идея поразила Моргана, и он тотчас увидел, что дальнобойная винтовка предоставляет драгунам или конным стрелкам огромное преимущество, которое они никак не могли приобрести с помощью своего старого, менее меткого и короткоствольного карабина. После этого Морган организовал подразделения конных стрелков, быстро передвигавшихся, умевших вести бой пешими или конными в зависимости от ситуации.

Была и другая причина появления формирований конных стрелков, которая показалась бы странной европейскому читателю, особенно европейскому конному офицеру. Заметим,

что, по мнению подавляющего большинства профессиональных исследователей тактики кавалерии, самым смертоносным и эффективным оружием, которое находится в руках кавалериста, является сабля. Моральное воздействие конников, набрасывавшихся на противника с обнаженными саблями в руках, оказывалось во всех европейских армиях весьма значимым. Соответственно, считалось, что та кавалерия, которая полагалась только на огнестрельное оружие, обязательно была бы разбита.

Странно, но приходится подчеркнуть, что в Америке обратный переворот стал реальностью. Привычка всех граждан иметь при себе револьвер и искусство, с которым они стреляли из винтовок, имеющихся почти у всех, заставили их решительно предпочесть огнестрельное оружие. Подавляющее большинство испытывало величайшее презрение к холодному оружию, доходившее до того, что ничто на свете не могло их заставить отступить перед всадниками, атакующими холодным оружием, хотя у северян конница, и особенно регулярная ее часть, еще по старой традиции действовала саблями.

Один выдающийся генерал Конфедерации⁸⁵ заметил, что презрение пехоты южан к сабле казалось удивительным. Он говорит, что видел линии стрелков в цепи и боевые линии пехоты, подвергшиеся атакам регулярной кавалерии северян, и когда его солдаты видели, как те приближались, могли подняться вдоль линии с криками: «Эй, ребята, вот те дураки, которые приближаются с саблями, задайте им!» Тотчас все начинали смеяться, как будто видели перед собой совершенных идиотов.

Автору часто доводилось слышать, как офицеры из окружения генерала Моргана говорили такие же вещи. Ссылаясь на действия частей федеральной кавалерии, они могли заявить: «Они атакуют нас со своими саблями, увидев это, мы поняли, что победа за нами, и глупо было с их стороны думать, что они смогут сделать с нами что-либо, поступая подобным образом».

Это предубеждение настолько сильно сказывалось в начале войны на Западе, что наспех созданная и кое-как обученная конница северных штатов, вооруженная, как правило, лишь охотничьими двустволками, заряжаемыми дробью, атакуя противника карьером, сначала давала залп прямо в лицо врага, а затем прорывалась через его ряды, используя приклады.

Располагая этим типом солдат-рекрутов и учитывая отмеченные обстоятельства, генерал-майор Морган возродил формирования драгун и весьма успешно применил их против южан.

В своей «Истории кавалерии Моргана» генерал Безил Дюк замечает: «Что бы ни говорили, приписывая или отрицая заслуги генерала Моргана, именно ему следует отдать должное в том, что он открыл ранее неизвестные возможности применения кавалерии или, скорее, конной пехоты. В то время как другие кавалерийские командиры придерживались тактики ведения боевых действий, оставшейся от прежних войн, и системы обучения, уже неприменимой к требованиям их времени и особенностям современного боя, он первым нашел и усовершенствовал не только новую тактику ведения боя, но и стратегию. Отметим также, что его стратегия оказалась не только результативной, но и новаторской.

Совершенно незнакомый с теорией военного искусства, которой обычно учатся по книгам и в академиях, не подражая никому, самоучка во всем, он знал и делал то, что считал нужным, и его успехи не менее значительны, чем его гениальность.

Создатель и организатор своего маленького войска, которое никогда не превышало 4 тысяч человек, он убил и ранил почти столько же вражеских солдат, захватил в плен более 15 тысяч. Изобретатель дальних рейдов, необычайно отличавшихся от простых кавалерийских маневров и атак, он с горсткой людей получил результаты, которые иначе потребовали бы многочисленных армий, дорогостоящих приготовлений и долговременных кампаний».

⁸⁵ Конфедерация – объединение 11 рабовладельческих штатов США, временно отколовшихся в 1861–1865 гг. (Примеч. пер.)

Люди Моргана вначале были вооружены самым непритязательным образом, однако по мере того, как шла война, он захватил такое количество вооружения у врага, что смог снабдить всех своих людей винтовками и револьверами. Сначала у некоторых его солдат были винтовки, у других – гладкоствольные ружья, у третьих – сабли, четвертых – револьверы. Вскоре же всех снабдили винтовками или карабинами и револьверами, так что сабля практически не применялась.

Отряд Моргана обучался по «Тактике для кавалерии» Мори, к которой сам Морган добавил множество эволюций для полков и бригад. Строй рот, подразделение, спешивание, развертывание в сторону фронта, флангов или тыла – все это было такое же, как и в регулярной коннице. Каждый отряд был вполне обучен всему, что касалось перестроения из развернутого строя в колонны и обратно, движения по различным направлениям, правильных действий при поддержке пехоты и в резерве.

Данное генералом Дюком описание образа действий генерала Моргана заслуживает внимания и интересно для каждого читателя, а не только для офицера кавалерии.

Читатель может представить полк, развернутый в одну шеренгу. Фланговые роты частью рассыпаны фланкерами, частью действуют верхом, иногда как пешие стрелки, и развернуты так, чтобы прикрывать весь фронт полка. Остальные люди спешены (коноводами оставили одного из каждого отделения в четыре человека и капралов) и развернуты в одну линию с интервалами между стрелками. Шеренги шли в 2 ярдах друг от друга. И затем представьте, как эта линия двигается вперед на удвоенной скорости или чаще почти бегом. Тогда вы и представите себе стиль, который использовал Морган в бою.

Те же самые эволюции применялись для боя в конном или пешем строю, однако позже этот способ действий стал чаще использоваться фактически всякий раз, когда речь шла о конных стрелках из винтовок. Обычно небольшую часть конников оставляли в резерве, чтобы они действовали на флангах, прикрывая отступление или в ходе преследования. Во всяком случае, солдаты практически не сражались на лошадях, разве что только во время разведывательных операций.

Люди Моргана оказались отличными наездниками, с детства обученные обращению с самыми дикими лошадьми. Однако характер местности, на которой они обычно сражались (густые леса, высокие изгороди), и невозможность уделять достаточное внимание обучению лошадей делали применение крупных конных формирований весьма сложным.

Идти в атаку по дороге колонной по четыре достаточно просто, гораздо сложнее двигаться развернутым строем по пересеченной местности и сохранять при этом боевой порядок. Кроме того, никогда не использовались сабли, а длинноствольное огнестрельное оружие мало подходит для кавалерийских эволюций. Поэтому считалось, что гораздо результативнее сражаться в пешем строю, ибо так можно было маневрировать более уверенно, защищаться и нападать с меньшими потерями.

Длинную подвижную линию, растянувшуюся, как превосходно описывает автор, на большое расстояние, было сложно прорвать. Если же в каком-нибудь месте ее теснили, то туда обрушивался губительный огонь со всех сторон. Кроме того, она могла легко маневрировать, ее легко было отбросить примерно так же, как и веревку, простым обращением направо и налево и двойным поворотом в том же направлении. При необходимости людей можно было быстро сконцентрировать в любом месте, где требовалось.

Следует также помнить о том, что Морган редко сражался вместе со всей большой армией северян, чаще всего его отряд действовал совершенно самостоятельно. В случае неудачи он не мог отступить и укрыться за пехотой. Ему приходилось сражаться с пехотой, кавалерией, артиллерией, брать города, когда в каждом доме был свой гарнизон, атаковать укрепления, не располагая никакой поддержкой. Следовательно, Моргану приходилось действовать быстро, успевая совершить многое за короткое время, и всегда держать в руках своих людей, независимо от того, оказывались их действия успешными или нет. Когда твои главные силы находятся от тебя в 400–500 милях (640–800 км), офицеру невольно

приходится полагаться только на самого себя.

Солдаты и офицеры Моргана были вооружены тем оружием, которое могли достать. Поэтому одна рота имела длинные, другая – короткие, третья – средние винтовки Энфилда, четвертая – винтовки «Миссисипи», пятая – охотничьи ружья, шестая – карабины Энфилда.

Почти у каждого человека имелся револьвер, иногда даже два. Когда же они захватывали достаточно оружия, каждый человек обеспечивал себя двумя револьверами. Предпочитался револьвер Кольта.

Кроме конников, Морган также располагал двумя горными гаубицами, перевозившихся двумя лошадьми каждая практически по любому виду почвы. Они неоднократно очень помогали, к ним сильно привязались и нежно называли их «буйволятами», всегда громко приветствовали, когда те вводились в действие.

Мы рассмотрели вооружение и тактику боевых действий кавалерии Моргана. Краткий обзор подвигов, совершенных этими конниками, несомненно, покажет, насколько результативными они были в тех особых обстоятельствах, в которых оказались.

Мы уже писали, что Морган первый в США применил дальние рейды. Вероятно, и сама идея их организации принадлежала ему, поскольку совершенно ясно, что ему не доводилось слышать об операциях Теттенборна, Чернышева и других⁸⁶ лидеров партизанской войны в тылу французской армии в 1813 году. Все же «рейды» Моргана был схожи с проводившимися Давыдовым или Дембинским, разве что только он не использовал никакой пехоты и располагал всего лишь двумя пушками.

Первый значительный рейд Моргана был совершен в Кентукки в 1862 году. 4 июля он выступил из Ноксвилла (в Теннесси), переправился через реку Камберленд и двинулся через Спарту и Глазго в Ливан, где были захвачены огромные припасы всякого рода. Из Ливана Морган двинулся в Спрингфилд, оттуда в Маквилл и затем в Харродсберг, Лауренсберг и Мидуэй, станцию на железной дороге между Франкфортом и Лексингтоном. Последнее место было опорным пунктом федеральных войск в том регионе, и именно здесь, как и во Франкфорте, находились крупные силы федеральных войск, во многом превосходившие по численности те, которыми командовал Морган.

Благодаря искусным переходам, рассеиванию своих войск и угрозам одновременно нескольким пунктам, Морган привел федеральных офицеров в совершенное замешательство, они не знали, откуда следует ожидать удара. Необычайная подвижность его летучих колонн также делала невозможным получение точной информации как о численности отряда Моргана, так и о его намерениях. О способности его отряда к большим переходам можно судить по тому факту, что ко времени, когда колонна достигла Мидуэя, она прошла более 300 миль (около 480 км) за 8 дней, и все солдаты выглядели свежими и бодрыми. Прибыв в Мидуэй и имея превосходящие силы противника на обоих флангах, Морган прибег к содействию телеграфа, для чего в его штабе находился необыкновенно искусный в этом деле канадец Эльсфорс. Заставив телеграф действовать в обе стороны, он соединил между собой обоих федералистских генералов, перехватывал их приказания, а также посылал депеши, вследствие которых войска северян были разосланы по различным, совершенно ложным направлениям.

Рейд, который был доведен до Синтианы на железной дороге Лексингтон – Цинциннати, был весьма успешным, о чем Морган кратко сообщил в своем донесении: «Я выступил из Ноксвилла четвертого числа этого месяца с отрядом примерно в 900 человек и вернулся в Ливингстон с отрядом в 1200 человек. За 24 дня я прошел более 1000 миль, захватил 17 городов, уничтожил все запасы правительства и находившееся в них оружие, рассеял 1500 национальных гвардейцев и отпустил под честное слово почти 1200 солдат регулярных войск. При этом я потерял убитыми, ранеными и пропавшими без вести из того числа, что я взял с собой в Кентукки, примерно 90 человек».

⁸⁶ Добавим сюда Давыдова, Фигнера, Сеславина.

Во время второго рейда, в августе 1862 года, Морган перерезал железную дорогу Луисвилл – Нашвилл у Галлатина. Армии северян генерала Бюэла пришлось отступить обратно к Луисвиллу, ибо Морган отрезал его от баз снабжения.

Во время боя у Хартсвилла, состоявшегося вскоре после захвата Галлатина, произошла схватка между частью отряда Моргана и отрядом федеральных конников, атаковавшими их с саблями. Описание произошедшего позволяет составить ясное представление о стиле ведения боя Моргана.

Вот как описывает атаку генерал Дюк: «Сломав восточную изгородь луга, примерно 300 человек ворвались на него, построились в длинную линию и устремились наискось с саблями наголо, к той линии конников, которую заметили на дороге вдалеке. Одновременно три роты спешились и стали на колени за низким забором по ту сторону дороги. Они не стреляли до тех пор, пока противник не оказался на расстоянии в 30 ярдов, и только тогда начали стрелять.

Несмотря на длинную тонкую линию, которую, казалось, легко можно сломать, залп оказался необычайно смертоносным. Каждый стрелок стоял свободно и мог выбрать, в кого целиться. Как только дым рассеялся, было видно, что две трети людей и лошадей лежали на земле. Конница этим залпом была отброшена и поспешила убраться через то узкое отверстие в изгороди, через которое вошла. Стрелки поспешили за ней и дали второй залп, совершенно ее рассеявший. Тем не менее они пытались снова атаковать, но были опять отброшены.

Затем их стали преследовать наши конники, двигавшиеся за ними примерно 3 мили, пока Джонсон не собрал своих людей, заняв сильную позицию за холмом, где спешил своих людей и приготовил их встретить погоню. Преследователи, увидев организованную противником позицию, тотчас спешили под прикрытием холма и взяли эту позицию штурмом».

Действовавшие здесь федеральные войска были отборными, конница лучшая из имевшейся в федеральной армии, под командованием генерала Джонсона, лучшего и самого храброго кавалерийского офицера. Он был отправлен с единственной целью уничтожить отряд Моргана».

Заметим, что Джонсон был ярым приверженцем холодного оружия и потому потерпел полное поражение, сам он и основная часть его людей попали в плен. Отдавая должное храбрости, выказанной обоими офицерами и людьми из армии федератов, рассмотрев их попытки использовать свои сабли, генерал Дюк замечает, что генерал Джонсон, «без сомнения, прекрасный офицер, хотя, похоже, вовсе не знакомый с новым стилем действий кавалерии».

Презрение к холодному оружию является исключительно американской особенностью. В истории кавалерии есть немало примеров, когда она достигала успеха, полагаясь на огнестрельное оружие, а не на сабли. Однако нет ни одной войны, отмеченной в истории, где атака с саблей в руке на скорости не сопровождалась бы огромным моральным влиянием на противника. Опыт американской гражданской войны показывает другое.

В июле 1863 года Морган предпринял самый смелый и дальний рейд через Кентукки и Индиану. Если бы не неожиданный разлив реки Огайо, сделавший непроходимыми все броды, ему бы точно удалось осуществить задуманное. Нанеся огромный урон врагу в его тылу, Морган наконец был прижат к берегу и взят в плен с большей частью его отряда. Во время рейда Морган перемещался с необычайной скоростью. Он прошел расстояние от Суммансвилла в Индиане до Уильямсберга к востоку от Цинциннати, то есть более чем 90 миль (145 км) за 35 часов. Это самый длинный переход из известных.

Вышеприведенные особенности позволяют наглядно представить тактику ведения боевых действий, освоенную Морганом, и общий результат применения его системы. Он оказался первым из командиров армии южан, подавших пример устройства продолжительных рейдов в тылу врага, вскоре его примеру последовали другие командиры в обеих армиях.

В армии южан в Виргинии (Северовиргинской армии) кавалеристы под командованием

генерала Стюарта воевали доблестно, если не сказать лихо. Под его блестящим командованием конники конфедератов дважды совершали рейды, обходя все расположение противника, обойдя его с одного фланга и возвращаясь через другой.

Первый подобный рейд был проведен вокруг расположенной перед Ричмондом армии Мак-Клеллана в июне 1862 года. На самом деле это была рекогносцировка, имевшая, однако, и черты рейда, поскольку захват или уничтожение множества магазинов с запасами причинили значительный ущерб федеральной армии.

Отряд Стюарта состоял из 2500 всадников при двух конных орудиях. Он вышел из Тейлорсвилла и прорвался через неприятельские линии, опрокинув все части войск, пытавшиеся преградить ему путь. Затем Стюарт захватил и уничтожил все транспортные суда на реке Паманки и много обозов с различными запасами, разрушил железную дорогу и наконец, переправившись через реку Чикахомини, благополучно вернулся к своим. Цель рекогносцировки – определение расположения противника – была вполне достигнута. Исполнена она была частью по образцу усиленных рекогносцировок, частью скрытно, причем все время, несмотря на скрытность передвижения и уклонение от столкновений с противником, отряд двигался в полной готовности к самой решительной атаке против преградившего путь неприятеля. Полковник фон Борке пишет в своих «Записках о войне конфедератов за независимость», что во время этого рейда «неприятельские коммуникационные линии были уничтожены, сожжено имущество на несколько миллионов, захвачены сотни пленных, лошадей и мулов и нагнан страх и ужас на всю федеральную армию».

Полученная в ходе рейда информация оказалась необычайно ценной, она позволила генералу Ли запланировать и провести великолепные операции, названные «семидневными боями». Совершенно уверенный в своих действиях Джексон Каменная Стена спустя несколько дней успешно атаковал Мак-Клеллана с тыла и фланга.

Спустя несколько недель, 22 августа 1862 года, генерал Стюарт предпринял нападение на тыл армии генерала Поупа у станции Кетлетт на железной дороге Оринд – Алегзандрия. Самому генералу чудом удалось избежать плена лишь потому, что в тот момент он покинул свою штаб-квартиру, отправившись на рекогносцировку. Полковник Борке так описал происходившее: «Мы убили и ранили многих людей противника, захватили 400 пленных, среди которых оказалось несколько офицеров, и более 500 лошадей, уничтожили несколько сотен палаток, огромные складские запасы и целый состав вагонов. Кроме того, мы завладели казной генерала, 500 тысячами долларов в банкнотах и 20 тысячами в золоте. Важнее всего, что в наших руках оказался архив штаба федерального главнокомандующего со всеми служебными и частными бумагами, которые открыли нам истинную численность армии, размещение различных корпусов и составленный план действий».

Основываясь на добытых таким путем сведениях, генерал Ли построил свой план обхода неприятельской армии Джексон, закончившегося второй битвой при Манассасе и полным поражением армии генерала Поупа.

В этом сражении произошло несколько тяжелых кавалерийских боев, доказавших, что кавалерия Стюарта, отличившаяся в рейдах, разведке и стычках, так же приспособлена и к мужественным атакам в открытом поле. Большой корпус федеральной кавалерии прикрывал отступление их разбитой пехоты, когда на него двинулся генерал Стюарт с бригадой Робертсона.

2-й Виргинский кавалерийский полк под командованием полковника Манфорда, оказавшийся впереди двух других полков, немедленно атаковал противника. Стремительная атака южан прорвала первую линию северян, опрокинув ее на вторую линию, которая, в свою очередь, контратаковала конников Манфорда, потерявших строй во время преследования, и отбросила их, нанеся большие потери.

В этот критический момент подошли два остальных полка бригады конфедератов под командованием генерала Стюарта и тотчас яростно обрушились на противника. Атака свежих резервов снова изменила ход сражения, федераты снова были опрокинуты,

обратились в беспорядочное бегство, потеряв многих убитыми и ранеными, а также несколько сот пленных и много лошадей.

9 октября 1862 года генерал Стюарт совершил свой самый длинный рейд через Пенсильванию вокруг армии северян. Он выступил с отрядом численностью 1800 кавалеристов и с 4 орудиями конной артиллерии, 10 октября переправился через реку Потомак и двинулся быстро к Мерсесбергу, куда добрался в полдень, затем направился к Чеймберсбергу, который занял с наступлением темноты.

Повсюду перерезались телеграфные линии, разрушались железнодорожные пути, захватывалось множество лошадей. Все правительственные склады и здания уничтожались. Однако положение Стюарта было весьма критическим. Он находился примерно в 90 милях от собственных линий, в глубоком тылу федеральной армии, в окружении враждебно настроенного населения. Не задерживаясь в городе, он двинулся обратно к своим, но счел слишком опасной попытку вернуться по тому маршруту, по какому пришел, решив произвести быстрое перемещение на восток и пересечь Потомак ниже расположения федеральной армии, находившейся в окрестностях Лисберга.

Чтобы ввести в заблуждение противника, Стюарт предпринял особые предосторожности. Сначала он направился на Геттисберг, но, дойдя до Каштауна, повернул на юго-запад к Хейгерстауну, после этого снова развернулся на восток к Кемметсбергу, прошел его и двинулся на Фредерик. Не дойдя до последнего пункта, он круто повернул на восток и ночью прошел через Либерти, Ньюмаркет и Монровию, где перерезал телеграфные провода и разрушил железную дорогу в Балтимор. С рассветом он занял Гиаттстаун, на коммуникационной линии Мак-Клеллана с Вашингтоном, захватил несколько повозок и продолжал движение на Барнсвилл.

В Гиаттстауне Стюарт узнал, что генерал Стоунмен с отрядом в 4 или 5 тысяч человек стоит близ Пулсвилла, охраняя броды через реку Потомак. Чтобы обмануть противника, Стюарт направился напрямик на Пулсвилл, однако вместо того, чтобы двинуться к тому месту, избегая прохода через леса, отошел налево на две или три мили и так попал на дорогу, ведущую к Монокаси. Охраняя свои фланги и тыл, он затем храбро устремился вперед и вскоре столкнулся с противником, перемещавшимся к Пулсвиллу. Это был первый серьезный бой в ходе этой экспедиции, и здесь умение кавалерии сражаться в пешем порядке оказалось необычайно полезным. Лучше изложить историю со слов самого генерала Стюарта:

«Я немедленно приказал атаковать, что прекрасно сделал передовой эскадрон бригады Ли под командой Ирвинга. Он отбросил кавалерию противника к колонне его пехоты, продвигавшейся, чтобы занять гребень высоты, откуда только что выбили кавалерию. Быстрее молнии конники бригады Ли спешили и, обрушив огонь на пехоту противника, сдерживали ее, пока не подросла артиллерия под командованием храброго Пелхема, которая отогнала вражеские войска обратно к его батареям, расположенным за рекой Монокаси».

Заняв гребень высоты, Стюарт использовал ее для прикрытия своих действительных перемещений, он совершил быстрый бросок влево к Уайтс-Форду («Белому броду»), занятому 200 пехотинцами. Несмотря на сильную позицию на скалах, нескольких осколочных снарядов из небольших орудий и атаки спешившейся кавалерии оказалось достаточно, чтобы выбить их и переправиться вброд вместе со всеми регулярными войсками в полном порядке, как будто выполняли упражнение по проходу дефиле на учебном полигоне. Неприятель подошел, когда весь отряд успел благополучно пересечь реку.

Потери Стюарта оказались минимальными, особенно если иметь в виду важность полученной им информации, а также явный моральный эффект от его предприятия, ибо северяне испытали настоящий ужас. Во время этой экспедиции кавалерия Стюарта прошла из Чеймберсберга в Лисберг и, преодолев порядка 90 миль (145 км) за 36 часов, совершила один из самых быстрых переходов, отмеченных в истории.

Значение кавалерии, способной сражаться пешей, отчетливо проявилось в уже нами

описанном боестолкновении, произошедшем при Пулсвилле, здесь одни и те же солдаты сначала в конном строю атаковали конницу врага, сбросив ее с высот, затем, спешившись, с помощью ружейного огня остановили продвижение пехоты противника на достаточно длительное время, чтобы артиллерия и оставшаяся часть колонны подошли на помощь.

В июне 1863 года численность кавалерии под началом Стюарта достигла очень большого количества 12 тысяч человек, эта армия располагала 24 артиллерийскими орудиями. 9 июня того же года состоялся кавалерийский бой у станции Бренди, ставший самым большим за всю войну. Тогда со стороны южан в ней принимало участие 12 тысяч конников, а со стороны северян около 15 тысяч.

По своему характеру это сражение примечательно тем, что войска с обеих сторон сражались в основном в пешем строю, пользуясь своими винтовками. Одновременно было проведено несколько доблестных конных атак. Линия сражения вытянулась почти на три мили, перестрелка разносилась по лесам у реки Раппаханнок, грохот был как во время большого полевого сражения.

В течение сражения прекрасно разработанную атаку осуществили две федеральные бригады под началом генерала Перси Уиндема (Уиндгама), которые совершили обходный маневр и почти решили исход сражения, ударив в тыл Стюарту. Однако подоспевшие два полка конфедератов произвели стремительную атаку и опрокинули северян, заставив их поспешно ретироваться, потеряв артиллерийскую батарею и большое количество убитыми, ранеными и пленными.

Исход всего сражения был решен благодаря стремительной атаке бригад Уильяма Ли и Джонса на правый фланг северян, она оказалась совершенно успешной, они сметали все на своем пути. Позиция федералов нарушилась, они отступили, перейдя реку Раппаханнок, где преследование прекратилось благодаря сильному артиллерийскому огню нескольких батарей северян, находившихся на противоположном берегу реки.

Генерал Стюарт был убит 11 мая 1864 года, он храбро сражался, располагая всего лишь 1100 человеками в бою, против генерала Шеридана, совершившего бросок на Ричмонд вместе с большим отрядом численностью 8 тысяч конников, надеясь захватить его в той же манере, в какой австриец Гаддик взял Берлин во время Семилетней войны с Фридрихом II Великим.

Стюарт был в высшей степени талантливым кавалерийским военачальником, его энергия и импульсивность казались непревзойденными, в то же время его воля и скорость реакции спасали его отряд во многих критических случаях. Его умение получать информацию о передвижениях противника было удивительным. Гибель Стюарта была тяжелой потерей для всей армии, причем особенно для главнокомандующего генерала Ли, планировавшего все свои лучшие операции на основе информации, добытой для него Стюартом и его кавалерией.

Во время продолжительных боев, которые велись в этом 1864 году на пространстве от Уилдернесса до Ганновера и Питерсберга, генерал Ли испытывал огромные трудности в осуществлении разведывательных операций и должном их проведении. Он отправлял одного офицера кавалерии за другим, чтобы те добыли информацию, постоянно восклицая в значимые моменты: «О, если бы иметь хоть на час генерала Стюарта!» Обращаясь к своему штабу, Ли замечал: «Я ничего не могу сделать, если мои молодые люди не будут меня должным образом информировать».

Стюарт считался самым одаренным командиром кавалерии из тех, кто выдвинулся во время войны, за исключением, пожалуй, генерала Форреста. Форрест, хотя и не получил какого-либо специального военного образования, действовал настолько энергично и решительно, что напоминал Оливера Кромвеля и потому пользовался особым уважением среди солдат.

Лучше привести несколько страниц из «Истории кавалерии», связанных с доблестными операциями, проведенными Форрестом и его кавалерией в войне в южных западных штатах.

Генерал Форрест был ростом 6 футов 1,5 дюйма (187 см), широкоплечим, с мощной

грудной клеткой, хорошо сложенным, с отличной выправкой. Он привлекал внимание еще до того, как стал знаменит. В начале войны ему поручили организовать кавалерийский полк из добровольцев.

Во время своего первого боя Форресту со своим полком пришлось вступить в необычайное сражение с бронированной канонерской лодкой, вооруженной 9 тяжелыми пушками. Канонерскую лодку отправили в Кантон на реке Камберленд, чтобы уничтожить несколько находившихся там складов конфедератов.

Узнав о предполагаемом нападении, совершив ночной бросок в 32 мили (51,5 км), Форрест прибыл в нужное место до прибытия туда канонерки. Велев своим людям спешиться, он расставил их под прикрытием деревьев и бревен вдоль берега реки. Канонерская лодка подошла к берегу, стала на якорь и открыла тяжелый огонь картечью. Но спрятанные за укрытиями люди Форреста, которые были искусными стрелками, с близкого расстояния стреляли во все открытые люки необычайно точно, так что вынудили канонерку закрыть все люки и убраться восвояси как можно быстрее.

В феврале 1862 года у городка Форт-Донелсон произошла операция, закончившаяся очень печально для южан. Командовавший тогда кавалерией южан Форрест доказал свои необычайные тактические способности и привлек всеобщее внимание своим поведением, явно выделявшимся по сравнению с другими ведущими офицерами. После отчаянной вылазки, во время которой Форрест обошел крайний правый фланг северян и оттеснил его на значительное расстояние, командующий южан решил сдаться.

Форрест с явным неудовольствием узнал об этом намерении и высказал свое отношение настолько страстно, что генерал Пиллоу предложил ему попытаться прорваться со своими людьми. Это было разрешено сделать только при условии, что он выйдет тотчас же, прежде чем прекратится перемирие. Форрест отправился вместе со своим отрядом и благополучно вывел его, в то время как остатки армии южан сдались на следующий день. Этот случай укрепил репутацию Форреста, и во время всякой последующей операции, где ему доводилось участвовать, он демонстрировал свои необычайные способности кавалерийского командира.

Спустя несколько дней после сражения при Шайло, где кавалерия Форреста прекрасно себя проявила, войска конфедератов начали отступление, а Форрест примерно со 150 конниками образовал отряд, прикрывавший отход. Около Монтера его настигли два кавалерийских и один пехотный полк федеральных войск. Присоединившееся к Форресту подкрепление довело численность его солдат до 350 человек. Со свойственной ему пылкостью Форрест решил атаковать многократно превосходившего его по численности противника.

Атаку произвели на большой скорости, и, когда находились на расстоянии менее 20 метров от врага, конфедераты выстрелили залпом из своих дробовиков, весьма подходивших для действий на ближней дистанции, и устремились вперед с саблями и револьверами в руках.

Их атака оказалась настолько неожиданной и стремительной, что федеральная кавалерия была тотчас опрокинута на пехоту, которая оказалась смятой и расстроенной собственными конниками. Не дав им времени опомниться и собраться, Форрест налетел на них как молния. Южане продолжали рубить врага саблями, стрелять из смертоносных револьверов, бегущая пехота и конники северян преследовались и безжалостно истреблялись. Потери северян оказались весьма тяжелыми, южане захватили много пленных. Во время этой атаки сам Форрест получил серьезное ранение.

В июле 1862 года Форрест вместе с отрядом из тысячи солдат выступил против отряда федеральных войск, находившегося под командованием генерала Криттендена, разместившегося в Мерфрисборо. После короткого отчаянного боя южане захватили в плен генерала северян и 1765 его солдат, кроме того, много лошадей, повозок, оружия, одежды и припасов. Захваченное позволило Форресту лучше вооружить свой отряд, до этого им приходилось пользоваться чем придется.

В декабре 1862 года в Трентоне Форрест обрушился на противника вместе с частью своих конников, отбросил его на позицию, которую северяне укрепили бруствером из кип хлопка и ящиков с табаком. Остановившись в пятидесяти ярдах, он отвел свой отряд на расстояние порядка двух или трех сотен ярдов, чтобы обеспечить себе прикрытие, а затем велел своим людям спешиться и выдвинуть вперед несколько пушек. Открыв сильный огонь из пушек и ружей, он причинил федератам такие потери, что вскоре они оказались вынужденными сдаться.

Его небольшой отряд, состоявший только из кавалеристов и небольшого количества артиллерии, общей численностью не более 275 человек, смог одержать полную победу. Южане захватили 400 солдат северян, 300 чернокожих, тысячу лошадей и мулов, 13 повозок, 7 зарядных ящиков, 20 тысяч артиллерийских снарядов, 400 тысяч патронов, большое количество другого вооружения и припасов.

И все это было достигнуто благодаря храброй атакой примерно 200 конников, загнавших врага на укрепленную позицию. Стремительно атакуя, конники-южане последовали за противником, спешившись и выступив в качестве пехоты. Американская Гражданская война изобилует примерами, свидетельствующими о том, что конные стрелки могли сделать то, в чем часто европейская кавалерия терпела провал, действуя храбро и искусно как в конном, так и в пешем строю.

Вернувшись к позициям конфедератов, Форрест с отрядом в 1200 конников предпринял отчаянную атаку против 1800 федералистов при Паркерс-Кросс-Роудс. Он построил боевой порядок в виде одной линии спешившихся конных стрелков, дополнительно расположив примерно по 100 конников на каждом фланге и расставив 6 пушек вдоль линии – 2 пушки в центре и по 2 орудия на каждом фланге.

После упорного боя отряд федералов потерпел поражение, их попытки отступления пресекли, и белые флаги поднялись вместе с просьбой о сдаче. Однако в этот момент две федеральные бригады ударили в тыл Форреста при поддержке нескольких пушек, открывших ураганный огонь по его отряду. Воодушевленные этим, почти разбитые федералы сразу же подняли свои ружья и возобновили сражение.

Во главе 75 конников Форрест храбро напал на орудия нового вражеского отряда, рассеял их прислугу, вогнал пехоту северян в небоеспособное состояние и захватил три орудийных передка. За это время его спешившиеся солдаты смогли вновь сесть в седла.

Когда пешие снова превратились в конников, то возобновили атаку. Быстро двигаясь, они добрались до намного превосходившей их по численности пехоты северян. Форрест же со свойственной ему горячностью устремился на ряд повозок обоза противника, захватил их и благополучно увез с поля боя. Во время этого сражения он использовал большое количество спешенной кавалерии, действующей как пехота. Таким образом ему удалось лишить противника его сильной позиции («Кампании Форреста»).

Когда же на него неожиданно нападали с тыла, он тотчас осуществлял блестящую кавалерийскую атаку, используя тех же самых людей, которые теперь держали в руках поводья, становясь кавалерией. И теперь, когда весь отряд превращался в конников, он устремлялся вперед в тыл вражеских линий, захватывая все повозки и припасы противника.

Перед нами еще один пример прекрасных боевых качеств кавалерии Форреста и ее способности действовать храбро и эффективно как конными, так и пешими. Сказанное следует приписать необычайному уму южных джентльменов, из которых в основном и состоял его отряд. Они были людьми необычайно уверенными в себе и умеющими думать, отлично понявшими, какая тактика боя оказывалась предпочтительнее, приобретшими такой опыт практических военных действий на поле боя.

Следует также признать, что Гражданская война в США сильно отличалась от европейских войн, и аналогичная организация могла бы не привести к успеху в европейских армиях, которые набирались из сельских жителей с меньшим интеллектом, чем американские граждане.

Во время сражения при Чикамоге, произошедшего 19 и 20 сентября 1863 года,

кавалерия Форреста вместе со всей кавалерией южан сражалась на флангах армии в боевом порядке, и лишь небольшая часть конников оставалась в седлах.

Спешенная кавалерия сражалась наравне с лучшей пехотой армии южан. После того как была одержана победа, Форрест снова посадил своих людей на коней и заставил преследовать отступавших федератов, захватив большое количество пленных. Подчиняясь приказу, Форрест был вынужден остановиться примерно в полумиле от Чикамоге, после того как напрасно пытался убедить своего главнокомандующего продолжить преследование и завершить сражение еще более убедительной победой. Сильно раздосадованный, Форрест вернулся на линии конфедератов, забрав с собой много пленных.

В феврале 1864 года, противодействуя рейду федеральной кавалерии под командованием генерала Смита, отряд Форреста провел ряд боев. Самым значительным был бой при Околоне, где с необычайным искусством Форрест использовал свою излюбленную систему, действуя то конным, то пешим образом, в зависимости от конкретных обстоятельств.

Бой был открыт огнем со стороны конфедератов, затем три полка, спешившись с лошадей и выстроившись в линию, обрушились на позицию федератов. Одновременно сам Форрест с одним полком конницы обошел вокруг них и атаковал правый фланг линии врага. Объединенная атака оказалась успешной, и откатившиеся назад федераты заняли вторую позицию, на холме расположившись в четыре линии. Форрест, преследовавший их с частью сил своего отряда, не решился атаковать сильную позицию противника, к тому же более многочисленного, отвел своих людей назад и спешил в одну линию на благоприятной позиции.

Тогда северяне атаковали. Атаки первых трех линий были отбиты губительным залпом спешившихся стрелков. Только последней, четвертой, самой сильной линии северян удалось прорвать позицию южан. Теперь наступает черед самой странной части этой истории.

Хотя и разбитая и смешавшаяся с массой атакующих их неприятельских конников, неспособная ни двигаться вперед, ни отступить, ни бежать, спешившаяся кавалерия конфедератов тотчас начала вести рукопашный бой со своими конными противниками. Как считают, этот бой оказался одним из самых жестоких в этой войне. Он закончился в пользу конфедератов и их револьверов. Северян разбили и рассеяли, многих захватили в плен. Те, кто пробился и направился в тыл, были еще раз разбиты резервами конфедератов, многих убили и ранили, еще большее количество захватили в плен.

Одним из выдающихся подвигов Форреста и его спешившейся кавалерии стало взятие штурмом 12 апреля 1864 года хорошо укрепленного Форт-Пилоу, вооруженного 6 орудиями и имевшего гарнизон в 580 человек.

Во время боя при Тишимонго-Крике 10 июня 1864 года большой отряд пехоты северян, выстроенный в две шеренги, атаковал три спешенных полка Форреста. Когда северяне приблизились на 30 шагов, южане, сохраняя полное спокойствие, выхватили свои револьверы и на близком расстоянии использовали их с таким смертоносным результатом, что тотчас отбросили наступавших обратно, нанеся огромный урон. Затем они устремились за отступающим противником, продолжая использовать во время преследования свои револьверы.

Потом остановились, перестроились и, когда им привели лошадей, сели на них и стали преследовать убегающих северян. Во время этой операции Форрест располагал только 3200 солдатами, почти в три раза меньше, чем у генерала северян Стержиса. Тем не менее за два дня северяне были отброшены на 58 миль с потерей 19 орудий, 21 зарядного ящика, 200 повозок и 30 полевых госпиталей с большим количеством припасов.

Южане захватили более 2000 пленных, 1900 северян мертвыми остались лежать на поле боя или на пути отступления. Ужасное поражение во многом превосходящего отряда пехоты, кавалерии и артиллерии от небольшого количества летучих конных стрелков наглядно характеризует успешность организации конницы в ходе Гражданской войны в США.

Во время блестящего рывка на Мемфис 21 августа 1864 года Форрест одним ударом захватил большой город, занятый намного превосходящими его собственными силами противником, захватил много пленных и благополучно осуществил отступление, понеся весьма небольшие потери. Этот случай интересен тем, что передовой отряд конфедератов, всего 40 отборных всадников, вооруженных револьверами, атаковал батарею из 6 артиллерийских орудий, захватил их, перебил и разогнал более 20 артиллеристов.

Кавалерия Форреста владела практически всеми видами боевых и иных действий, которые приходилось осуществлять наземным войскам, его люди действовали и как кавалерия, и как пехота, сражались на боевой линии, наносили удары по канонерским лодкам, штурмовали укрепления и строили мосты. Одновременно они приобретали новый опыт.

В октябре 1864 года Форрест решил помешать судоходству на реке Теннесси, по которой ходило много канонерских лодок и транспортных судов северян. Выбрав сильную позицию на берегу реки, он спрятал свои войска, замаскировал занявшие позиции орудия и стал ожидать приближения судов противника.

29 октября пароход «Мазепа» с баржей на буксире подвергся нападению и был выведен из строя, команда смогла высадиться на противоположный берег и тут же разбежалась. Капитан Греси из кавалерии Форреста переплыл через реку и привел пароход обратно, после чего конфедераты захватили судно вместе с грузом, содержавшим огромные запасы военного снаряжения.

Вскоре после этого подошла канонерская лодка «Ундина», сопровождавшая пароход «Венера», после ожесточенного боя, в котором свою роль сыграла артиллерия, а снайперы конфедератов одновременно вели смертоносный огонь по открытым бойницам канонерской лодки, в результате оба судна были захвачены. После ремонта их укомплектовали отборными людьми Форреста, и вскоре на обоих судах был поднят флаг конфедерации.

Форрест предпринял пробное плавание вместе со своим флотом, дойдя до форта Химен, чтобы убедиться в том, что все находится в должном состоянии для службы. Конники скакали по берегу, криками подбадривая своих товарищей, находившихся в новом качестве.

Вскоре северяне привели на реку несколько канонерских лодок, чтобы вернуть захваченные суда. Оставленный южанами на «Венере» судовой механик-северянин привел в негодность руль, и судно стало неуправляемым. Поставленный командовать судном полковник Доусон вынужден был прибиться к берегу и покинуть судно, его люди вновь сели на лошадей и опять превратились в кавалерию.

Спустя день или два «Ундина», атакованная превосходящими силами северян, также выбросилась на берег, была покинута и сожжена, а кавалеристы резво ускакали на своих лошадях, еще сильнее превознося свою службу, чем прежде. Так закончилась операция, в которой конники Форреста попытались стать моряками. Ее результатом стало уничтожение нескольких неприятельских судов, а коммуникации противника были прерваны на несколько дней. Однако южане добились прежде всего морального превосходства.

Завершим наше повествование об операциях кавалерии Форреста описанием преследования и захвата отряда полковника Стрейта в Алабаме в мае 1863 года.

Получив известие, что Стрейт собирается провести стремительный рейд в глубь Конфедерации, Форрест предпринял все возможное, чтобы помешать ему.

Сначала он встретил противника у Дей-Гапа, после короткого боя Стрейт отступил на хорошую позицию на горе Сэнд. Там Форрест снова его атаковал, но не добился успеха и после отчаянного боя отвел своих людей, чтобы перестроиться для следующей атаки.

Стрейт тотчас воспользовался представившейся возможностью, чтобы отступить и, одновременно стреляя и отступая, попытался закрепиться у Лонг-Крика. Там состоялся тяжелый бой, и северян снова обратили в бегство. Когда они отступили примерно на 10 миль, наступила ночь. Стрейт снова сделал остановку, однако быстро перемещавшийся и стремившийся к его полному уничтожению неутомимый Форрест буквально следовал за ним

по пятам. Еще одна ожесточенная схватка между ними произошла в полной темноте, и снова конники северян бежали в смятении.

Никогда не устававший лидер южан-конфедератов продолжил преследование и наседали на них следующие 10 миль, когда северяне-федералы сделали еще одну остановку. Опять сражались ночью, и снова южная кавалерия одержала победу.

После этого Форрест остановился на два часа, чтобы накормить людей и лошадей, не евших ничего уже 24 часа, позволив им передохнуть. Следовало также дать подтянуться отставшим, осмотреть их амуницию и привести отряд в порядок.

С рассветом Форрест снова возглавил движение, его люди бодро возобновили преследование. В 11 часов утра у Блуунтсвилла они снова догнали врага, опять выбили оттуда, захватив некоторую часть амуниции и припасов. Состоялась битва без остановки движения вместе с авангардом и продолжалась в течение десяти миль, вплоть до реки Блэк-Уорриор, где произошла новая стычка. Наступила ночь, Форрест велел сделать новую остановку в течение трех или четырех часов, чтобы накормить людей и лошадей, дать им передохнуть.

В полночь преследование возобновилась, пройдя 15 миль, южане догнали врага у Уилс-Крика, где снова выбили противника, захватив некоторое количество пленных, фураж и лошадей. Снова сделали остановку на несколько часов, чтобы накормить лошадей. Невероятно напряженный темп движения начал серьезно сказываться на отряде Форреста – много лошадей не могли идти дальше, много солдат отстало, поэтому у Форреста оказалось здесь для финального сражения всего 600 солдат. И эти люди, вымотанные трехсуточным почти непрерывным движением и боями, выказывали признаки усталости, многие прямо засыпали в седле. Форрест оживлял и подбадривал их энергичной речью, и небольшой отряд снова двигался.

Молодая дама из южан, жительница этой местности, увидев, что конфедераты ищут брод, подошла к генералу Форресту и предложила показать ему старый и малоизвестный брод, находившийся неподалеку. Она села сзади на его лошадь, и, двигаясь галопом, они доехали под огнем противника к нужному месту. Там конфедераты быстро пересекли реку.

Вскоре добрались до Гадстена, там Форрест выбрал 300 лучших из своих конников, снова повел вперед и, быстро переместившись на 9 или 10 миль, снова нагнал противника примерно в 5 часов 2 мая близ Тюрктауна. Там и состоялась еще одна стычка. Стрейт устроил для южан засаду, однако быстрая атака на полной скорости Форреста с его людьми, стрелявшими направо и налево из пистолетов и винтовок, позволила ему пройти через засаду с небольшими потерями, сломав линию федератов, убив, ранив и захватив некоторых из них. Теперь стемнело, и снова противник пустился в бегство, Форрест остановился на ночь, позволил собраться своим солдатам и дал лошадям жизненно необходимый отдых.

На рассвете 3 мая остатки отряда конфедератов, всего 500 боеспособных солдат, снова выступили, и примерно около 9 часов утра им удалось догнать федералов и отбросить их на некоторое расстояние. Те, откатившись, снова привели себя в порядок.

Форрест, чей пылкий дух и пламенная храбрость инстинктивно вели к нанесению тяжелых ударов, тем не менее всегда держался настороже, чтобы достичь нужного результата благодаря хитрости, если это оказывалось возможным. Он подумал, что пришло теперь время попытаться добиться сдачи противника. Его отряд был таким небольшим, что, пока шли переговоры, он должен был демонстрировать себя в разных местах, обманывая командира северян – убеждая его в том, что он окружен превосходящими силами.

Наконец условились о сдаче, и, чтобы скрыть небольшую численность своих солдат и сложности получения фуража, Форрест сказал, что берет только два полка, чтобы сопровождать своих пленных в Ром, находившийся в нескольких милях. Остальные же войска он размещает в соседних городах. Чтобы обмануть полковника Стрейта, Форрест отдал ложные приказы, управляя вымышленными войсками на своих флангах. Так и случилось, что 1700 человек северян сдались примерно 500 южанам.

О произошедшем писали достаточно подробно, вероятно, перед нами тот случай в

истории, когда преследование кавалерии, проведенное так энергично и настойчиво, стало одной из самых прославленных операций из всех, осуществленных южанами.

В течение трех дней люди Форреста проходили в среднем 41 миль (66 км) каждый день, сражаясь часами несколько раз днем и ночью. После этого в течение последних 48 часов Форрест и его люди, уставшие и обессиленные, прошли 90 миль (145 км). Ко времени сдачи северян конфедераты с трудом пытались совладать со сном. Они почти все клевали носом, с трудом открывая глаза.

Вышеприведенные описания нескольких наиболее значимых действий Моргана, Стюарта и Форреста позволяют составить четкое представление об особенностях боевых действий кавалерии в ходе Гражданской войны в США. Что же касается генералов южан, то и Форрест, и Морган не являлись профессионалами. Но именно им приписывают организацию и принятие системы кавалерийской тактики (мы можем даже сказать, что и стратегии). Она оказалась новой по многим своим особенностям и самому успешному применению современного улучшенного огнестрельного оружия к потребностям конницы.

Принципиальной же стала идея использования во время действий конницы метательного (в данном случае огнестрельного) оружия, применение лошадей исключительно для того, чтобы доставить солдат до того места, где они будут действовать пешими. Как мы уже видели, подобная идея не является новой, ее несколько раз пытались реализовать в разные времена.

Как известно, в войсках Александра II Великого существовали димахи, парфяне применяли своих стрелков, римляне часто спешивались, рыцари использовали петронели, тяжеловооруженные всадники-жандармы – аркебузы и пистолеты, драгуны часто использовались подобным же образом, хотя не всегда с успехом. Выводы оставим для исторической части настоящей работы. Здесь же мы рассмотрели причины подобной неудачи и те же, что сохраняются и в настоящее время.

Итак, во время американской Гражданской войны кавалерия прекрасно проявила себя, причем использовалась именно в качестве конных стрелков. Южане первыми начали использовать кавалерию таким образом и весьма преуспели, пока северяне не усвоили их систему и со временем стали бить конфедератов их собственным оружием благодаря превосходящим ресурсам и численному превосходству.

Мы подробно рассмотрели сначала действия южной кавалерии, теперь же перейдем дальше, чтобы показать необычайные результаты, каких достиг тот же самый тип конников в северных армиях в заключительные годы войны.

Весной 1863 года сразу же стало заметно, что власти Соединенных Штатов (северян) полностью находятся под впечатлением нового стиля кавалерии и озабочены тем, как бы создать такую огромную армию, чтобы начать ее использовать в рейдах и вторжениях за линии противника. Они предприняли огромные усилия, продолжавшиеся всю предыдущую зиму, чтобы организовать крупные отряды конных стрелков, а также обучить их сражаться по новой системе.

Первый удачный рейд со стороны северян произошел на Миссисипи в 1863 году под командованием генерала Гривсона.

17 апреля он выступил из Лагранжа с бригадой кавалерии численностью примерно 2 тысячи человек и прошел через центральную часть штата Миссисипи, ограбив всю территорию, уничтожая припасы, перерезая железнодорожные пути и телеграфные линии, сжигая мосты и склады.

Гривсон прошел через Рипли, Нью-Олбани, Понтоток, Филадельфию, Декейтер и 24 апреля прибыл в Ньютон на железной дороге Висксберг – Меридиан. Уничтожив несколько железнодорожных вагонов, паровозов и мостов, он двинулся к Джорджтауну, где пересек реку Перл и двинулся дальше к железной дороге Новый Орлеан – Джэксон. Перерезав ее в Хейлхерсте, он уничтожил находившиеся там склады и поезда, затем переместился вниз по железнодорожному пути к Брукхейвену, где также сжег железнодорожное депо и находившиеся в нем вагоны.

2 мая Грирсон прибыл в Батон-Руж, пройдя порядка 300 миль по центральной части территории противника, нанеся серьезные удары по его коммуникациям и не понеся никаких потерь. Рейду Грирсона во многом помогли экспедиции, осуществленные под командованием Доджа и Страйта, которые отвлекли на себя конницу Форреста.

Несколько дней спустя после рейда Грирсона с другой кавалерийской экспедицией на севере Виргинии началась кампания 1863 года, осуществленная федеральной конницей под командованием генерала Стоунмена (Стонемана) в тылу армии генерала Р. Э. Ли. Одновременно генерал Хукер атаковал левый фланг южан.

Первым начал действовать Авериль, который должен был оттянуть на себя конницу южан и тем самым открыть проход для Стоунмена. 1 мая Авериль завязал горячий бой с бригадой У. Г. Ф. Ли у станции Рапидан. В тот же день Стоунмен с основным отрядом численностью примерно 10 тысяч конников двинулся из Ракунфорда к Луиза-Корт-Хаус, до которого добрался ранним субботним утром 2 мая.

В тот же самый день Авериль отступил обратно к правому флангу армии Хукера. У. Ли, располагавший отрядом численностью всего только 900 человек, в тот же день вступил в бой с некоторой частью команды Стоунмена между Гордонсвиллом и Луиза-Корт-Хаус, однако в конце концов был вынужден отступить перед превосходящими силами противника.

Вечером 2 мая Стоунмен прибыл в Томпсон-Кросс-Роуд, находившийся в тылу армии конфедератов точно между ними и их базой. В этом месте он решил разделить свой отряд на части и ударить по разным направлениям. Соответственно, одна часть, состоявшая из полка под командованием генерала Уиндема, устремилась на юг в Колумбию, расположенную на реке Джеймс. Там она уничтожила все общественные здания, захватила некоторое количество лошадей и мулов и присоединилась к Стоунмену, находившемуся в ту ночь в Томпсон-Кросс-Роуд. У. Ли преследовал и изнурял его, однако, поскольку силы противника намного превосходили его собственные, не смог совершить ничего значительного.

Другой же полк под командованием полковника Килпатрика двинулся на запад к станции Хунгари, расположенной на Фредериксбергской железной дороге, и прибыл туда рано утром 4 мая. Уничтожив депо и нарушив прямое железнодорожное сообщение, он двинулся к станции Мидоубридж на Центральной железной дороге, которую также уничтожил вместе с подвижным составом. Там Килпатрик пересек реку Паманки в городе Хановер и затем реку Маттапонай, откуда устремился через Эссекс и прилегающие территории и благополучно добрался до Глостер-Пойнта, уничтожив по пути несколько железнодорожных составов и небольшие склады припасов.

Третий полк под началом полковника Девиса прошел вниз к реке Саут-Анна, разрушил Фредериксбергскую железную дорогу у станции Ашленд и уничтожил станцию, перехватил санитарный поезд, шедший из Чанселлорсвилла, и захватил пленных. Здесь северяне уничтожили несколько паровозов и, двинувшись дальше к Центральной железной дороге, сожгли депо и взорвали пути. Двигаясь затем на юг к Ричмонду, повернули на восток в направлении Уильямсберга. Остановленный отрядом, посланным перехватить их, и отбив его атаку, полковник Девис повернул свою команду налево (на север), пересек реки Паманки и Маттапонай и наконец благополучно добрался до Глостер-Пойнта.

Другие отряды, также уничтожавшие все на своем пути, присоединились к Стоунмену в Томпсон-Кросс-Роуд в среду, 5 мая, когда вся команда, за исключением отрядов Девиса и Килпатрика, сосредоточилась в Янсивилле и начала обратный марш к Ракун-Форду и Келли-Форду на соединение с Хукером, которое и произошло 8 мая.

Хотя внешне рейд выглядел вполне успешным, на самом деле он не был особенно удачным. Причиненный в его ходе ущерб коммуникациям южан оказался весьма незначительным и был быстро устранен. Хотя экспедиция происходила на большом расстоянии и охватила обширную территорию южан, разрушений практически не было, почти не захватили пленных, не оказав никакого морального эффекта на противника.

Вдобавок одновременно с рейдом произошла крупная битва при Чанселлорвилле, в

которой, после трех дней боев, генерал конфедератов одержал самую блестящую победу в войне (имея 60 тыс. против 130 тыс. у северян), осуществив один из самых храбрейших и рискованных военных планов из тех, что когда-либо разрабатывались. Он не только принес победу в битве, но и вывел армию южан из весьма затруднительного положения. Во многом поражение северян стало следствием отсутствия у них кавалерии, особенно на их правом фланге.

Сражение выиграли благодаря фланговому маршу, осуществленному корпусом Джексона в обход правого фланга Хукера. Для этого армия южан, намного уступавшая северянам в численности, разделилась на две части. Маневр оказался удачным, потому что был выполнен скрытно и оказался совершенно неожиданным для северян.

Если бы 10 тысяч конников Стоунмена вместо производства почти бесцельного рейда находились на правом фланге Хукера, то, несомненно, передвижение войск Джексона по труднодоступной местности было бы замечено, и южане были бы окружены и уничтожены. Но на самом деле они совершили свое обходное движение совершенно скрытно и с полным успехом. Таким образом, рейд Стоунмена может служить примером неудачного и несвоевременного применения очень хорошего замысла.

Если бы, выйдя в тыл генерала Ли, Стоунмен повернул на север и храбро двинулся против его расположения, то он, возможно, совершил бы самый значительный обход и, вероятно, прибыл бы в решающий момент сражения, когда неожиданная атака 10 тысяч конников с тыла конфедератов, несомненно, привела бы к полному поражению всей армии южан.

Теперь опишем некоторые особенности большого кавалерийского рейда федералов, совершенного под руководством Вильсона через Алабаму в 1865 году, невероятно успешного и оказавшего значительное влияние на исход войны на юго-западе.

В начале 1865 года практически вся кавалерия федеральной армии на Миссисипском театре военных действий численностью 22 тысячи человек разместилась в лагере на северном берегу реки Теннесси между Уотерлу и Грейвли-Спрингс. Она находилась под командованием генерала Вильсона, бывшего одним из наиболее подготовленных кавалеристов в армии северян. В течение многих недель всю свою энергию Вильсон уделял обучению, организации, вооружению и установлению дисциплины в подчиненных ему частях.

Имея возможность снабжаться за счет правительства Соединенных Штатов, его люди располагали неограниченными запасами всего необходимого, были великолепно вооружены и оснащены, вдобавок уделялось самое пристальное внимание их обучению и приведению всей этой армии в самое совершенное состояние боеспособности и мобильности.

Конники обучались действиям как в пешем, так и в конном строю – в две шеренги. Но был недостаток в лошадях, так что численность конников, у которых они были, составляла только 17 тысяч человек. Противником Вильсона был неукротимый Форрест, которого было опасно недооценивать, но как же различалось их положение! В то время как Вильсон спокойно обучал и оснащал свои войска, при каждой возможности пополняя запасы, Форресту приходилось рыскать повсюду, постоянно набирая в свои полки рекрутов и всеми средствами добывая одежду, вооружение и запасных лошадей для своих людей.

18 марта генерал Вильсон отправился в свою экспедицию в Алабаму. На самом деле это не был обычный рейд. За четыре года отчаянных боев войска южан ослабли, их запасы истощились, тогда как северяне создали мощную, хорошо вооруженную и обученную конницу, так что, по сути, речь шла о вторжении целой армии кавалерии.

Она представляла собой 12 тысяч конников вместе с артиллерией, а также 1500 пехотинцев, которые должны были охранять обозы, но были прекрасно обучены и были готовы пополнить ряды конников, если удавалось заполучить лошадей. Учитывались все факторы, чтобы придать этому отряду подвижность. Каждый солдат имел с собой 5-дневный рацион, 24 фунта зерна, 100 патронов и 2 запасные подковы.

На выючных лошадях перевозился 5-дневный дополнительный рацион сухарей, 10

дневных рационов чая, кофе, сахара и соли. Одновременно в повозках перевозились 45-дневный рацион кофе, 20-дневный сахара, 15-дневный соли и по 8 патронов на винтовку. Обоз насчитывал всего 250 повозок, рассчитывали, что с учетом захваченных у противника припасов отряд будет иметь достаточный запас всего необходимого для проведения кампании длительностью 60 дней.

Кроме того, в их распоряжении был небольшой понтонный парк из тридцати лодок, перевозившийся на пятидесяти повозках. Форрест же смог противопоставить этой надвигавшейся на него армии порядка 6400 человек, разбросанных на большом пространстве и с трудом добывавших все необходимое. Когда Вильсон стал двигаться, то проделывал это с такой скоростью, что мог атаковать Форреста до того, как тот сосредоточивал свои силы, и легко теснил южан.

Вторжение Вильсона на юг началось 22 марта из Чикасо, стремясь обмануть противника и побудить армию двигаться более свободно, он двинулся по различным дорогам, дивизия Аптона через Расселвилл и Маунт-Хоп на Джаспер, дивизия Лонга – через станцию Чероки, Франкфорт и Торнхилл, а дивизия Маккука – через Элдридж-Джаспер.

Из Джаспера весь отряд вместе направился через Элитон на Монтевалло. Здесь произошли первые бои с кавалерией конфедератов под командой Родди и Кроссланда. Слабые силы южан вскоре были оттеснены к Сикс-Майл-Крику, где попытались закрепиться, но были снова отброшены к Рендолфу.

На следующее утро некоторые из разъездов Вильсона захватили курьера конфедератов вместе с депешами, что позволило ему обнаружить расположение войск Форреста и открыло слабость сил южан, находившихся перед северянами. Тогда Вильсон тотчас решил напасть на южан, что и привело его вместе с основными силами к укреплениям, расположенным вокруг города Селма, которые и были целью его кампании. У Эбенецер-Черч в 6 милях (10 км) к северу от Плантерсвилла началась отчаянная сеча. Форрест располагал только 1500 солдатами и 6 орудиями, ему противостояла армия северян численностью примерно 9 тысяч человек.

Находившаяся впереди дивизия северян генерала Лонга начала бой. 72-й Индианский полк конной пехоты спешился, оттеснив передовые подразделения конфедератов. Продолжил атаку 17-й Индианский полк конной пехоты – на конях, галопом, с саблями наголо.

Атакующие опрокинули стрелков южан, прорвали позицию их главных сил и, обойдя левый фланг противника, вернулись назад. Конфедераты, однако, быстро восстановили порядок и продолжили бой с большим ожесточением. В это время дивизия Аптона, продвинувшаяся по дороге на восток, услышав стрельбу и шум сражения, повернула направо и поспешила к месту боя, спешилась и ударила по правому флангу конфедератов. Это повернуло ход битвы, конфедератам пришлось отступить, понеся серьезные потери. 1 апреля ночью Вильсон и его команда разбили бивак близ Плантерсвилла, в 15 милях (24 км) от Селмы. Утром на рассвете они попытались продвинуться к городу. Селма была укреплена линией бастионов, которая начиналась от реки в 3 милях (около 5 км) ниже города, огибала его на некотором расстоянии и оканчивалась также у реки выше по течению.

Как с востока, так и с запада укрепления были усилены глубоким рвом с вязким дном, болотами и труднопроходимыми ручьями. Профиль земляных укреплений оказался следующим: высота бруствера составляла 6–8 футов (1,8–2,4 м), толщина 8 футов (2,4 м), глубина рва – 5 футов (более 1,5 м), ширина доходила до 15 футов (4,5 м), высота палисада на гласисе (переднем скате бруствера) – 5 футов (более 1,5 м).

Федеральная кавалерия очутилась перед сильно укрепленной позицией с высокой стеной, фланкированной бастионами и усиленной палисадом на гласисе. Вместе со своим отрядом Вильсон подошел сюда примерно в 4 часа дня. Форрест защищал город с отрядом примерно в 3–4 тысячи человек.

Атаку начала кавалерийская дивизия северян Лонга в пешем строю, 17-й Индианский полк находился на правом фланге, затем шли 123-й Иллинойсский, 98-й Иллинойсский и 4-й

Огайский, 4-й Мичиганский – всего 1500 человек. Они прошли по открытой местности 600 ярдов (550 м), преодолели под сильным огнем палисады и другие оборонительные сооружения. Северянам удалось ворваться на бастионы и оттеснить конфедератов в город.

Дивизия Аптона таким же порядком преодолела палисады, для этого солдаты подсаживали друг друга. Город был взят, Форрест вместе со своим штабом и уцелевшими солдатами отошел по дороге на Бернвилл.

Во время этого сражения кавалерия Вильсона, располагая 8 орудиями, захватила 31 полевую пушку и одно 30-фунтовое орудие системы Паррота, 2770 пленных, включая и офицеров, несколько знамен и огромное количество припасов разного рода. Вильсон остался в Селме на несколько дней, собирая свои отряды, и использовал это время для строительства моста через реку Алабаму, которая в этом месте имеет ширину до 870 футов (265 м). 10 апреля он переправился со своим отрядом на южный берег, сначала уничтожив в Селме литейные производства, арсеналы, магазины, запасы оружия и военных припасов всякого рода. Поскольку эти запасы были самыми значительными в южных штатах, потеря их нанесла страшный удар по теряющим силы конфедератам.

Вильсону удалось захватить здесь достаточно лошадей, чтобы обеспечить ими всех своих пеших солдат, он пополнил свои запасы, уничтожил все лишние повозки и предпринял все от него зависящее, чтобы придать своему отряду максимально возможную мобильность. После этого он отправился по дороге через Монтгомери в Джорджию, намереваясь разрушить и уничтожить там все, что можно, и присоединиться к Шерману в Северной Каролине.

Вскоре отряд Вильсона взял Монтгомери, причем оказалось, что перед подходом северян южане сожгли там 99 тысяч тюков хлопка. Северяне уничтожили также все общественные склады. 14 апреля Вильсон переместился в Джорджию, 16 апреля его войска взяли укрепленные пункты Колумбус и Уэст-Пойнт, а 20 апреля он вошел в Мейкон, где до него дошли новости о перемирии. Услышав о произошедшем, президент Южной Конфедерации Джефферсон Дэвис попытался бежать, но Вильсон направил в погоню войска, и 12 мая им удалось захватить его в плен.

Таковой оказалась одна из самых примечательных военных кавалерийских экспедиций. Как мы уже показали, она стала не простым рейдом, а выглядела как вторжение армии, пробивавшей себе путь. Ее успех во многом приписывается полному истощению Конфедерации в этот последний период войны.

Следовательно, она и явилась одним из самых замечательных в истории кавалерий, напоминая романтические эпизоды Крестовых походов, когда армии почти исключительно состояли из рыцарей, спешивавшихся, чтобы атаковать укрепленные пункты. Она также стала поразительным примером того, чего можно было добиться благодаря должному использованию мощи конных стрелков, если тех отважно вели и искусно направляли.

Завершим отсылки на операции конников в американской Гражданской войне описанием одной из самых значительных служб, когда-либо осуществленных корпусом кавалерии в современное время, – операции корпуса конных стрелков Шеридана весной 1865 года в окрестностях Питерсберга и Ричмонда, акции, которая действительно оказала решающее влияние на судьбу войны и обеспечила эвакуацию Ричмонда и капитуляцию армии генерала Ли и, несомненно, представляет интерес для истории кавалерии и будет полезна для кавалерийского офицера.

За четыре года череды северных армий под командованием последовательно сменявшихся лучших генералов предпринимала непрекращающиеся попытки захватить столицу Конфедерации. Они снова и снова подходили к ней, получая мощный отпор и неся огромные потери.

Почти в каждой из крупных битв южане оказывались победителями, а умелое руководство их командующих, храбрость и стойкость людей превосходили таковые у их противников. Однако с течением времени произошли изменения, и южанам пришлось уступить той самой тактической системе, которую они создали, а их противники

усовершенствовали и блестяще применили наработки южан в гораздо большем масштабе благодаря имевшимся в их распоряжении намного большим силам и средствам.

Грант после ряда сражений занял позицию к югу от Питерсберга, где, располагая надежной базой в Сити-Пойнте, он без затруднений мог обеспечивать свою армию всем необходимым. Стоя на месте, он вел политику изматывания южан «простым истощением», всего лишь нанося удары по всей линии соприкосновения с противником. С июня 1864 до весны 1865 года генералу Гранту пришлось находиться к югу от реки Джеймс, однако все попытки выбить южан с их позиций проваливались, и слабая, но доблестная армия Ли сохраняла боевой дух, несмотря на решительные атаки противника, намного превосходящего численностью.

В январе 1865 года Грант понял, что если он сможет перерезать связи Ричмонда с центральной частью Конфедерации, добившись прекращения подвоза всего необходимого, то вынудит южан к сдаче. Выполнение данной задачи было возложено на конницу.

Припасы из внутренних районов Конфедерации поступали в Ричмонд тремя путями: по реке Джеймс, расположенной на севере, по Данвиллской железной дороге с юго-запада, основная же часть снабжения шла с юга по железнодорожному пути из Берквилла к Питерсбергу, называвшемуся Южной железнодорожной веткой.

Перекрытие всех этих путей и стало главной задачей для Гранта. Вместе с огромной армией кавалерии численностью примерно 10 тысяч человек и еще большим количеством пехотинцев Шеридан оказался в долине Шенандоа к северу от реки Джеймс, она находилась под охраной генерала Эрли с небольшим отрядом конфедератов.

В начале весны Шеридан получил приказ разгромить Эрли, продвинуться к Линчбергу, разрушить там судоходный канал, затем пересечь реку Джеймс, совершить рейд на юг, перерезать оба железнодорожных пути и соединиться в Северной Каролине с Шерманом.

Шеридан вышел 27 февраля и 2 марта достиг Уэйнсборо, совершенно раздавив генерала Эрли огромной массой федеральных конников. Затем решительным рывком он достиг канала, разрушил шлюзы и плотины, уничтожая все на своем пути, чтобы нельзя было использовать. Из-за весеннего половодья он не смог пересечь реку Джеймс и, повернув на восток, преследовал противника вдоль берегов реки по направлению к Ричмонду, который он обошел с севера. 10 марта Шеридан достиг реки Паманки, где установил связь с правым флангом Гранта.

26 марта Шеридан пересек реку Джеймс у города Сити-Пойнт и занял свою позицию в тылу Гранта. Позиции армии Гранта протянулись от города на 25 миль (более 40 км) к юго-западу и были сильно укреплены. Позиции Ли растянулись напротив, однако территория на западе оставляла возможности для использования многочисленной кавалерии, имевшейся в распоряжении Гранта.

В результате тот решил использовать своих конников широкими обходными маневрами, чтобы обойти фланг Ли и заставить его армию отступить к Ричмонду, а также перерезать железнодорожные пути, остававшиеся единственным источником поступления припасов для армии конфедератов.

Армия Ли в то время насчитывала не более 45 тысяч человек, намного уступая по силе противостоящим федеральным войскам, численность которых достигала 160 тысяч человек. Соответственно, Грант мог надежно защищать свои позиции, одновременно послав в обход правого фланга Ли большие силы. Для этой цели он выделил всю кавалерию Шеридана, поддерживав ее 2-м и 5-м армейскими корпусами. По мере того как конница осуществляла свой охват слева правого фланга южан, эти корпуса должны были постоянно укреплять занятые позиции, чтобы защитить Шеридана от удара во фланг.

29 марта 1865 года Шеридан выступил со своим кавалерийским отрядом численностью 10 тысяч человек через станцию Римс на Курт-Хаус, заняв его той же ночью. 2-й и 5-й корпуса шли на правом фланге Шеридана и поддерживали постоянную связь с левым флангом главных сил армии Гранта.

Занятые в тот день позиции были укреплены в ожидании неприятельской атаки,

которую и совершила в тот же день дивизия южан, но была отбита. Рано утром 30 марта генерал Меритт вместе с четырьмя бригадами кавалерии отправился, чтобы разведать местность на подступах к Файв-Форксу, сильно укрепленному опорному пункту на правом фланге Ли. Передовые посты конфедератов были оттеснены федеральными драгунами в укрепления, а драгунам, в свою очередь, пришлось отступить.

30 марта подошла пехота, которая остановилась на ночь на Бойдтаунской дороге, между Гравелли-Раном и Хатчерс-Раном. Утром 31 марта произошла общая атака всей федеральной пехоты на позиции конфедератов, шедшие вдоль Уайт-Окской дороги и сильно укрепленные окопами и засеками. Атаку отбили, федератов отбросили к Бойдтаунской дороге.

Находившийся слева Шеридан в это время продолжал двигаться, и конфедераты получили возможность начать действовать против него. Атаку предприняли кавалерия конфедератов Фитц-Ли и две дивизии пехоты, но ее успешно отбили. Вторая атака отрезала часть кавалерии Шеридана, вынудив ее выходить к своим, дальним окольным путем.

Затем произошел упорный и необычайно ожесточенный бой. Южане стремились отбросить Шеридана обратно, однако его конники спешили и, непрерывно стреляя из винтовок под прикрытием бруствера, на скорую руку сложенного из шпал, отразили врага, который силами всей своей кавалерией и двух пехотных дивизий предпринимал самые отчаянные попытки, чтобы выбить северян с занятой ими позиции. Когда наступила ночь, северяне удерживали свои позиции, так закончился первый день сражения в Файв-Форксе.

В своей работе «Три основных военных вопроса современности», откуда мы взяли многие подробности, приведенные ниже, Генри Хейвлок (Хавелок), комментируя эти события, делает следующие заметки, сравнивая достоинства разных систем использования кавалерии.

«Любой кавалерийский офицер признает, что если бы он оказался в похожих обстоятельствах, то есть командовал кавалерией только с карабинами, стреляющими на 300 ярдов, несколькими винтовками, бьющими на 600 ярдов, а также людьми, одетыми в стесняющее их платье, обутыми в сапоги с длинными шпорами, с болтающимися железными ножнами, то есть совершенно неспособными сражаться пешими, то сначала бы попытался, насколько это оказывалось возможным, задержать продвигающуюся пехоту огнем конных стрелков, хотя этот огонь был бы примерно таким же результативным, как из мальчишеских игрушечных ружей, и предпринял бы несколько конных атак, которые все были бы отражены, принеся ему тяжелые потери. Наконец, утешив себя аксиомой, что кавалерия является наступательной, а не оборонительной силой, он признал бы, что не сможет выстоять без поддержки и с большими потерями людей и лошадей, и все это без всякой пользы, вернулся к основному корпусу, оставив спорную территорию противнику и потеряв результаты предыдущей трехдневной работы, которую в будущем пришлось бы проделать сначала».

Оборонительная сила кавалерии Шеридана позволила его корпусам, находившимся справа, сплотиться и восстановить свою позицию, благодаря чему ему удалось избежать поражения. Ведь оборонительную силу не удалось бы проявить при любой другой системе тактики или вооружения.

В окончательном отчете, размышляя о действиях Шеридана в данном случае, Грант пишет: «В этом случае генерал Шеридан продемонстрировал особые качества командующего. Вместо того чтобы отступить всеми своими частями к главным силам армии, оправдывая свой отход столкновением с превосходящими силами противника, он спешил свою кавалерию, превратив ее в пехоту, оставил верхом только такое количество конников-коноводов, чтобы они смогли позаботиться о лошадях. Все это заставило врага развернуться на большой по протяженности пересеченной и залесенной местности, что задержало его действия».

Утром 1 апреля Шеридан двинулся, чтобы обойти с фланга конфедератов и отрезать часть их войск. Но все сорвалось из-за медлительности при передвижении корпуса Уоррена,

а также быстроты конфедератов, оперативно отступивших к своей позиции у Файв-Форкса. Затем вместе со своей кавалерией он произвел демонстративную атаку на правый фланг южан, в то время как 5-й корпус обошел и левый фланг, отрезая эти части конфедератов от Питерсберга и остальной армии Ли.

Одновременно генерал Меритт с тремя конными бригадами несколькими атаками заставил конфедератов укрыться в своих временных укреплениях, а затем спешил своих конников и атаковал эти позиции, выбив противника. Теперь все было готово к общей атаке.

5-му корпусу приказали зайти правым плечом вперед и, надавив на левый фланг конфедератов, вынудить их отойти к укреплениям Файв-Форкса. Так и сделали, и федеральная пехота стала атаковать укрепления с востока. Одновременно кавалерия, как мы уже видели, готовилась атаковать их с запада.

Три бригады спешили и яростно атаковали. Рукопашный бой был ожесточенным, несколько раз северяне приходили в смятение от этой бойни, начинали отступать, однако должны были продолжать сражение и наступали, пока южане, атакованные с трех сторон, совершенно не обессилели и не отступили, прекратив неравный бой.

Спешенные конники проникли во многих местах внутрь укреплений, встретившись со своими товарищами из 5-го корпуса пехоты, ворвавшимися в них с противоположной стороны. Южане были полностью разбиты. Конный резерв Меритта тотчас начал преследование и настолько деморализовал южан, что они не оказывали серьезного сопротивления и бежали в беспорядке.

Захватили 5 или 6 тысяч пленных, остальным беглецам пути к армии Ли были отрезаны. Общие потери южан составили примерно 13 тысяч человек, еще более ослабив конфедератов. Сражение при Файв-Форксе решило исход войны.

Теперь генералу Ли нужно было или покинуть Ричмонд и Питерсберг и отступить в западную часть Виргинии и попытаться здесь продолжить войну (на некоторое время, без всякой надежды на успех), или оставаться на своей позиции, но в этом случае быть окруженным со всех сторон и через весьма короткое время неизбежно сдаться от недостатка припасов, продовольствия и фуража.

В итоге Ли решил отступить по направлению к Данвиллу или же, если это окажется невозможным, двинуться к Линчбергу, где гористая местность предоставляла возможности для обороны против превосходящих сил противника.

Во время преследования кавалерия северян сыграла решающую роль, поэтому вполне справедливо утверждение, что Шеридан смог перерезать Ли пути для отступления исключительно потому, что его конники могли спешиться, занимать и удерживать оборонительные позиции. Эти действия происходили в условиях очень сильного огня с обеих сторон. Поэтому интересно и поучительно описать подробности.

Итак, в ночь на 3 апреля Ли продолжил свое отступление. Меритт начал преследование утром того же дня и догнал арьергард конфедератов у Немоцин-Крика, где южане уничтожили мост и окопались, стремясь защищать переправу. Меритт тотчас перешел реку вброд, затем, поддерживаемый артиллерией, обошел позицию противника и тем самым заставил его отступить.

Кавалерия вела преследование 20 миль (более 32 км), Шеридан вместе с 5-м корпусом пехоты следовал за конниками возможно быстро. За день арьергард южан потерял пленными 300 человек, также 4 пушки и 2 знамени. На рассвете преследование продолжили 9 бригад кавалерии.

Южан перехватили в Бетани, они сильно укрепились, и ночью нельзя было провести атаку. Однако в 11 часов вечера Шеридан, услышав, что враг отступает, возобновил преследование и в 6 часов утра достиг Джеттерсвилла, где встретился с 5-м пехотным корпусом, который пришел сюда по другой дороге. Они заставили отступающего к Данвиллу Ли свернуть к Линчбергу.

Пока Грант следовал вместе с основной армией, Шеридан, находившийся впереди, между Диттонсвиллом и Сейлорс-Криком, догнал арьергард конфедератов численностью 10

тысяч. Теперь случился совершенно исключительный и оригинальный способ использования кавалерии при преследовании.

Шеридан понимал, что арьергард конфедератов слишком силен, чтобы одолеть его атакой с фронта. Тогда он решил двинуться на запад, чтобы обогнать южан и головной дивизией атаковать обоз и его прикрытие.

Так он сделал, но, поскольку противник имел в своем распоряжении довольно много сил, причем превосходных солдат, эта дивизия смогла только задерживать южан, наседавая в ходе их движения. Однако подходили другие дивизии северян и, проходя вперед предыдущей, снова атаковали южан во фланг.

Благодаря такому образу действий северяне достигли реки Сейлорс-Крик раньше неприятеля, быстро заняли позицию на высотах противоположного берега и, встав таким образом поперек дороги, преградили путь южанам. Первым результатом действий Шеридана был захват 16 орудий, 400 повозок и многих пленных, а теперь целых три дивизии южан оказались отрезанными и должны были сложить оружие.

Данный способ применили и при продолжении преследования: конница кружным путем обходила южан, становилась поперек их пути отступления, спешивалась и задерживала их своим огнем. Наконец, 9 апреля 1865 г. у Аппоматокс-Курт-Хаус вся армия Ли, если только можно было назвать ее армией, была вынуждена сложить оружие.

Комментарии сэра Генри Хейвлока по данному делу заслуживают обсуждения как точка зрения высокообразованного и обладавшего огромным опытом офицера. Он пишет: «Образ действий Шеридана очень характерен и показывает, насколько хорошо обученной и умеющей применяться к разным обстоятельствам была конница северян в то время: настигнув арьергард противника, Шеридан обгоняет его, поворачивает кругом и, развернувшись к нему фронтом, с полным спокойствием выбирает удобную позицию и упорно на ней держится, несмотря на отчаянные усилия выбить его. Опыт четырехлетней войны, полное доверие, которым пользовались генералы, так хорошо показавшие себя на деле, свобода, которая им была предоставлена в изобретении и применении разного рода улучшений, – все это, вместе взятое, дало Шеридану и еще одному или двум таким же выдающимся полководцам возможность стряхнуть с себя вредную рутину европейских кавалерийских теорий и организовать свою собственную конницу не в виде звенящей, блестящей, дорогой, но почти ненужной игрушки, какова она у нас, а как род оружия, способный к серьезной деятельности на любой местности, при любых обстоятельствах и без всякой поддержки со стороны пехоты.

Не существует европейской кавалерии, с которой автор знаком, которая выполняла бы ту роль, какую сыграла конница под руководством Шеридана. В истории в наполненных событиями войн последнего или настоящего столетия в Европе нет подобных случаев разгрома сильного арьергарда».

Затем он продолжает: «Если бы какая-нибудь европейская конница без магазинных винтовок и без умения сражаться пешком пожелала преградить им дорогу огнем фланкеров или повторными атаками холодным оружием, южанам было бы легко с ней справиться. Они могли построить батальонные или бригадные каре с обозом в середине; разместить эти каре в шахматном порядке, чтобы дать им возможность взаимной поддержки, и затем, спокойно наступая, огнем проложить себе дорогу среди неприятельской конницы».

Как не вспомнить при этом известный рассказ Непира о двух каре: одного – из 5-го и 77-го британских, другого – из 21-го португальского полка, которые с полным успехом проложили себе дорогу в Эль-Бодон среди блестящих и храбрых французских кирасир Монбрена, не понеся при этом никаких потерь, как «три мужа из огненной печи»?⁸⁷ Кто из знающих военную историю не вспомнит отступления английской пехоты через открытую,

⁸⁷ Известный рассказ о попытке вавилонского царя Навуходоносора сжечь в печи трех иудеев в Книге пророка Даниила (Ветхий Завет), глава 3.

длиной 3 мили, равнину у Фуентес-д'Оноро, когда более 500 отборных всадников, старавшихся преградить ей дорогу, были оставлены лежащими, убитыми и ранеными за собой; или такого же блестящего отступления русских каре при Краоне (Краоне) и Реймсе в 1814 году?⁸⁸

Арьергард южан под командой ветерана Юэла состоял из людей, доказавших во множестве сражений, начиная с Бул-Рана (Булл-Рана), свое мужество. Дело было не в людях, но времена и средства совершенно переменились. Употребление конных стрелков для пешего боя из-за укрытий делало огонь конницы северян таким же действенным, как огонь лучшей пехоты.

Можно еще добавить, что при Эль-Бодоне, Фуентес-д'Оноро, Краоне (Краоне) и Реймсе пехота была вооружена кремневыми ружьями, не обладавшими ни меткостью, ни дальностью, между тем как южане имели отличные винтовки. Нельзя поэтому не прийти к заключению, что ни одна регулярная конница при настоящем ее положении не могла бы сделать того, что сделала конница Шеридана, особенно если мы вспомним, что ей приходилось действовать на сильно пересеченной местности⁸⁹.

Наш очерк действий конницы в американскую войну показывает, что обе стороны изобрели и применили на деле новый способ употребления конницы, обещающий большие выгоды при нынешнем состоянии огнестрельного оружия.

Читая описания рейдов Моргана, экспедиций Форреста, больших усиленных рекогносцировок Стюарта, операций Гриссона, Вильсона, маневров Шеридана у Питерсберга, о его сражении в боевой линии, о его преследованиях и тому подобном, мы ощущаем, что принцип использования конных стрелков оказался необычайно результативным, став действительно подходящим методом использования конников при нынешнем состоянии огнестрельного оружия.

Профессиональный кавалерийский офицер в Европе, возвращенный на традициях Фридриха II Великого и Наполеона, осознавая неудачу применения драгун в XVII веке, будет считать непреложной истиной, что кавалерия, опирающаяся на огнестрельное оружие, совершенно бесполезна, если не уделит должного внимания опыту американской Гражданской войны.

Утверждали, что местность в США не подходила к должному использованию кавалерии, что «сырой материал» из новобранцев не имел никаких шансов на то, что его можно было в нужной степени обучить, чтобы превратить в кавалерию, действующую эффективно. Существовало и мнение, что, хотя конные стрелки бывали весьма результативными, это не является доказательством, что хорошо обученная по старой системе кавалерия будет действовать хуже.

При этом забывают, что четыре долгих года войны с непрерывными военными действиями, возможно, эффективнее, чем самое тщательное обучение. Армия генерала Ли при Чанселлорвилле оказалась настолько результативной и прекрасно обученной, что с ней никто не смог бы сравниться в любой другой части мира, что и доказало сражение при Чанселлорвилле.

Следовательно, обсудив ту роль, какую сыграла в американской Гражданской войне кавалерия, мы теперь перейдем к кампаниям 1866 года в Австрии и 1870–1871 годов во Франции, рассмотрим теперь результаты действий кавалерии там, на местности, весьма подходящей для конников в условиях использования улучшенного вооружения, и смогла ли европейская конница превзойти те результаты, что были достигнуты конницей в Америке.

⁸⁸ Можно добавить – Багратиона при Шенграбене (5 тыс. русских против 30 тыс. французов) в 1805 г., дивизии Неверовского под Красным 2 (14) августа 1812 г. (7 тыс. русских против 15 тыс. французов).

⁸⁹ Позже, в 1916 г., русские казачьи части в Румынии многократно превосходили и по масштабам действий, и по результатам описанные достижения конницы Шеридана, сдерживая натиск немцев и австро-венгров до тех пор, пока фронт не стабилизировался.

Глава 29. Австро-прусская война 1866 года

Во время этой кампании численность кавалерии в прусской армии достигла 30 тысяч человек, не считая 7200 человек в запасных (учебных) эскадронах. Эта конница состояла (включая гвардейскую) из 10 полков кирасир по 4 эскадрона в каждом, вооруженных кирасами, шлемами, палашами и пистолетами, 15 полков улан той же численности, оснащенных пиками, саблями и пистолетами, 10 полков драгун, вооруженных саблями и игольчатыми карабинами, 13 полков гусар, оснащенных похожим образом. Кирасиры и уланы образовывали тяжелую, драгуны и гусары легкую кавалерию. Кавалерия ландвера состояла из 12 полков, 6 тяжелых и 6 легких, вооруженных и снаряженных так же, как и регулярная армия.

После войны 1859 года австрийскую кавалерию частично сократили, и в начале кампании 1866 года она состояла из 12 полков кирасир, правда не имевших кирас, упраздненных незадолго до войны. Полки обычно состояли из 4 эскадронов каждый, только в одном было 5 эскадронов, в каждом имелся дополнительный эскадрон. 2 полка драгун, 4 гусарских и 13 уланских всего насчитывали 26 621 человек.

Кавалерия итальянской армии состояла из 4 полков тяжелой линейной кавалерии, 7 полков улан, 7 полков легкой кавалерии и 1 полка гидов (разведывательного). Все полки, кроме полка гидов, имели по 6 действующих эскадронов по 150 человек в каждом, а также по запасному эскадрону. Общая численность конницы, таким образом, доходила до 12 600 человек.

Полк гидов состоял из 7 эскадронов, имел 60 офицеров, 1074 нижних чина и 858 коней. Полк этот не был приспособлен для действий на поле боя, поскольку в основном предназначался для выполнения распоряжений штабных офицеров. Тяжелая кавалерия, как и уланы, имела пики.

В войне 1866 года кавалерия не оказала значительного влияния на исход сражений, равно как не проявила себя особым образом и в других действиях. Напрасно мы станем искать в описаниях той войны массовые атаки кавалерии, подобные тем, что отличают большинство сражений Фридриха II Великого и основные битвы Наполеона.

Ни один бой, за исключением того, что произошел при Находе, не был выигран, даже хотя бы отчасти, благодаря атакам прусской конницы. В то же время австрийская легкая кавалерия, преемники тех, кто окружал армию прусского монарха, отрезал и отсекал Фридриха II от всех источников информации, настолько утратила прежнюю репутацию, что не смогла скрыть от врага перемещения собственной армии, была небрежна в сторожевой и разведывательной службе. Австрийские конники не смогли помешать прусскому гвардейскому корпусу в сражении при Кениггреце⁹⁰ проникнуть в сердцевину расположения австрийской армии, захватить ключевую позицию и тем самым обеспечить победу.

Во время боя при Гичине кавалерия под началом генерала Эдельсгейма предприняла попытку помешать продвижению пруссаков и, устремившись на скорости в атаку, изменить ход битвы в пользу австрийцев. Пруссаки перед этим заняли деревню Подульц, обвятую огнем от артиллерийского обстрела.

Во главе трех лучших австрийских кавалерийских полков Эдельсгейм отчаянно и бесстрашно бросился в горящую деревню. Однако лошади поворачивали, испугавшись пламени и дыма, и полкам пришлось отступить, понеся некоторые потери. Впоследствии устремившиеся в преследование врага пруссаки вновь подверглись атаке со стороны австрийских гусар. Продвигавшиеся пруссаки не построились в каре, но встретили атаку развернутым строем, доверяя залповому огню своих вин товок Дрейзе. Их уверенность в

⁹⁰ В нашей историографии чаще упоминается как битва при Садове.

своем оружии оказалась не напрасной, и храбрые конники отступили с тяжелыми потерями после того, как непрекращающийся и безжалостный свинцовый град пуль выкосил их ряды.

Бой при Находе 27 июня 1866 года начался сражением кавалерии между прусскими уланами и драгунами и австрийскими кирасирами. Австрийцы отступили после горячего рукопашного боя. Это был бой между пикой и палахом, проходивший практически так же, как и сражения кавалеристов предшествующих столетий.

Тяжеловооруженные конники и лошади пруссаков смогли благодаря большому весу отбрасывать более легких австрийцев. Подробности сражения не столь интересны, так как не способствуют пониманию влияния современного оружия на тактику кавалерии (поскольку сражение велось, как завещали деды).

После поражения австрийцев при Кениггреце (Садове) превосходство современного казнозарядного огнестрельного оружия стало очевидным. Отступающая пехота австрийцев отходила от Хлума на юг под огнем прусской артиллерии и кавалерии. Прикрывавшая отступление своей армии австрийская артиллерия сыграла свою роль в обеспечении отхода своих войск. И когда упоенная победой прусская кавалерия устремилась со свойственной ей дикой порывистостью против отступавшей австрийской пехоты, та, хотя и продолжала свое отступление, все же сохраняла порядок. Пехота развернулась и, когда конники подошли слишком близко, смогла выстоять и выстрелить залпом, заставив прусских конников повернуть обратно, причем многие из них были выбиты из седла.

Австрийская кавалерия прикрывала отступление, но не могла контратаковать пруссаков из-за мощного огня. Но когда кавалерия пруссаков, атакуя, заслонила свои орудия и пехоту, невольно мешая им вести огонь по австрийцам, тотчас австрийские конники смело устремились в атаку. Отчаянно сражались, они жертвовали собой, чтобы прикрыть отступление своей армии, наступая и откатываясь, по мере того как в бой бросались все новые свежие силы.

Скорее всего, кавалерия с обеих сторон не провела ни одной удачной атаки против пехоты. Потерпевшие поражение и отступающие австрийские войска всегда могли с помощью своих смертоносных орудий и нарезных ружей Лоренца сдерживать преследовавшую их конницу.

Заметим, что в обеих армиях конница была хорошо организована и оснащена, храбрые и доблестные солдаты, как явствовало из многих рукопашных боев, в которых обе стороны на скорости атаковали друг друга и отчаянно сражались, как, например, при Сааре 10 июля и при Тишновице 11 июля.

15 июля доблестную атаку совершили против австрийской артиллерии кирасиры 5-го полка под командованием полковника Бредова на дороге между Ольмюцем и Тобичау. Все перечисленные нами случаи служат прекрасным примером успешной и прекрасно разработанной атаки, мы же в качестве иллюстрации приведем детали из труда Гозье «История семинедельной войны».

«Под прикрытием холмистой местности Бредов построил свой полк уступами поэскадронно. Для атаки батареи 1-й эскадрон он поставил справа, чтобы прикрыть свой фланг от возможной атаки австрийской кавалерии, 2-й и 4-й эскадроны он направил прямо на орудия, а 3-й эскадрон, следуя за 2-м, составлял резерв».

Эскадроны двинулись вперед четким строем, вначале медленной рысью, но неуклонно. Казалось, что они просто скользят по полю, затем исподволь меняя шаг, затем стремительно при каждом шаге, таким образом все ближе продвигаясь к австрийским линиям. Все время их продвижения по ним стреляли австрийские артиллеристы, отчаянно стремясь остановить их, чтобы пруссаки не добрались до пушек.

Частые вспышки огня и разрывы снарядов разрушали плотный боевой порядок, накатывавший мощно и лихорадочно на австрийцев сквозь густые клубы дыма, плотно окутавшие дула. Фланговые эскадроны, немного отделившись от своих товарищей, взяли направление на фланги линии орудий, ожидая найти хоть какое-то укрытие. Центральные же эскадроны бросились прямо на орудия и, проскочив через промежутки между ними,

обрушились на артиллеристов. Огонь внезапно прекратился, дым начал медленно рассеиваться. Однако шум не утихал, слышались крики тех, кто падал под ударами палашей кирасир, ржание лошадей, быстрая поступь пыхтящих и возбужденных лошадей, скрежет стали, крики радости и проклятия со стороны возбужденных сражающихся. Все эти шумы поднимались к небесам, смешиваясь с молитвами, которые возносились в нескольких милях, в Брюнне (Брно), где в это воскресенье в армии принца Фридриха-Карла отслужили торжественный молебен за одержанную накануне победу.

18 орудий, 7 повозок, 168 лошадей и 100 пленных попали в руки пруссаков. Немало для всего лишь одного полка! Он потерял только 12 человек и 8 лошадей, и все благодаря неровной, слегка поднимающейся местности и быстрому движению атакующих эскадронов, что помешало артиллеристам, которые слишком высоко целили и большая часть снарядов ушла поверх голов атакующих конников. Из 18 захваченных орудий семнадцать доставили в Просниц. Одно оказалось негодным, чтобы его можно было использовать.

Пока прусские кирасиры занимались перевозкой захваченных орудий в безопасное место, от Ненаковица подошел эскадрон кавалерии противника. Полковник Бредов лично встал во главе своего 1-го эскадрона и повел его в атаку, чтобы прикрыть отход своих полков, увозивших трофеи. Этот эскадрон устремился с мощным напором на ряды противника, легких австрийских конников. Опрокинутые и рассеянные, они оказались в совершеннейшем замешательстве и никак не могли снова собраться, затем они были вынуждены отойти к Ненаковицу.

В этом бою полковник Бредов проявил себя храбрым и умелым офицером, приведенное описание фактически представляет собой том инструкций, настоящую методику, как следует атаковать артиллерию. Здесь полковник показывает, как защищать собственные фланги, держать резерв под рукой, разворачивать фланг к орудиям, захватывать их и увозить. Предусмотрительно сохранив один или два эскадрона под рукой, он смог подавить попытку противника отбить орудия. Если бы он бросил в бой весь полк, успех вряд ли был бы больше, в то же время существовала опасность, что внезапно появившийся свежий австрийский эскадрон мог бы опрокинуть пруссаков, боевой порядок которых после удачной атаки был совершенно нарушен.

Самая же блестящая атака конницы состоялась в сражении при Лангензальце 27 июня 1866 года, когда полк драгун герцога Кембриджского и Ганноверского устремился на отступавшую пехоту пруссаков и захватил некоторое количество пленных. Тяжелая кавалерия ганноверской армии произвела необычайно доблестную атаку, прорвав два прусских каре и захватив прусскую артиллерийскую батарею. Однако конники Ганновера понесли тяжелые потери от смертоносного града пуль, выпущенных из игольчатых винтовок Дрейзе. После того как кирасиры прошли несколько сотен ярдов по открытой местности, их потери убитыми и ранеными составили треть всего состава. Но это единственный случай такого рода за всю кампанию, и нужно сказать, что пруссаки отступали, когда их атаквали.

Описываемая война случилась через год после окончания американской Гражданской войны, однако опыт войны в Америке, похоже, никак не сказался на ведении военных действий в Европе. Незначительное использование австрийским командующим Бенедекком своих легких кавалеристов служит явным доказательством того, что его не очень впечатлила война, которая незадолго до этого закончилась в Новом Свете.

Действуя в своей собственной стране, среди дружественного населения, где легко и охотно добывалась любая информация, австрийская кавалерия практически никак не проявила себя в получении сведений о передвижениях противника. Австрийские конники не проводили разведывательные рейды ни на фланги пруссаков, ни на их тылы, не перехватывали обозы, не разрушали железнодорожные линии, не уничтожали телеграфные линии, не нападали на аванпосты. И фактически пренебрегали множеством обязанностей, которые последовательно и успешно осуществляли конные стрелки Америки.

Прусская кавалерия также недостаточно уяснила принципы сторожевой и разведывательной службы, действий по прикрытию вторжения своей армии. В этой войне

кавалерия согласовывала свои движения с действиями пехотных соединений и все больше отдалялась от них.

Австрийская кавалерия, как мы уже говорили, также держалась близ пехоты и не устремлялась вперед, осуществляя маневры, только когда ее атаковала надвигавшаяся прусская кавалерия. Когда конница австрийцев встречалась с кавалерией противника, то ее действия явно показывали, что обучена она прекрасно. Конники обеих армий маневрировали умело, сражались необычайно доблестно.

Но сам читатель может сравнить действия конников обеих сторон с теми, что осуществлялись в США, без всяких скидок, и разве не окажется, что результаты, достигнутые конными стрелками в Америке, явно выше тех, каких добились конники в Богемии (Чехии) в 1866 году?

Не приходится сомневаться в том, что американская система оказалась более подходящей к изменениям, произошедшим благодаря современному огнестрельному оружию.

Война 1866 года быстро закончилась, в ней практически не было кампании, состоялась только одна решающая битва. Так что вопрос об эффективности заряжавшихся с казенной части орудий и ружей и их роли в современных военных условиях должным образом не был решен.

Однако в 1870–1871 годах, когда разразилась жестокая война между Францией и Германией, в которой обе армии использовали самое совершенное оружие, представилась возможность практически попробовать такое большое количество теорий, которые предоставляли соответствующие наработки в современном военном искусстве.

Пристальное изучение результатов данной кампании имеет для нас большое значение, ибо поможет определить, каким же должно быть дальнейшее использование кавалерии во время военных действий.

Глава 30. Франко-прусская война 1870–1871 годов

Война между Францией и Германией в 1870 году стала первым случаем, когда с обеих сторон профессиональные армии использовали улучшенное нарезное оружие⁹¹. Поэтому эта война представляет единственный источник, из которого можно понять, какое влияние имеет новое оружие на действия различных родов войск и изменение относительного значения родов войск при ведении боевых действий.

Обе сражавшиеся армии располагали многочисленной, хорошо вооруженной и обученной кавалерией, хотя ее соотношение с пехотой в обеих армиях оказалось меньшим, чем во время других войн. Это произошло благодаря увеличению численности самих армий, нежели за счет сокращения конных сил.

Французская кавалерия состояла из 11 кирасирских и 1 карабинерного полков, тяжелой или резервной конницы, 13 драгунских и 9 уланских полков линейной конницы, 17 конноегерских, 9 гусарских и 3 спагисов (местная африканская кавалерия) легкой конницы. Полки гвардейской и легкой конницы имели по 6 эскадронов, в том числе 1 запасной. Другие конные полки имели 4 полевых и 1 запасной эскадрон в каждом. По два полка объединялись в бригады, а 2 или 3 бригады составляли кавалерийскую дивизию. В военное время общая

⁹¹ И немецкая и французская пехота были оснащены игольчатыми нарезными ружьями (однако французская винтовка Шасспо имела дальность боя 1500 м, а прусская системы Дрейзе только 600 м); немцы имели стальные нарезные пушки Круппа, заряжавшиеся с казны и стрелявшие до 3,5 км. У французов были нарезные бронзовые пушки Ла-Гитта, заряжавшиеся с дула и стрелявшие до 2,8 км. Французы имели на вооружении митральезы (картечницы) – предшественницы пулеметов, делавшие до 250 выстрелов в минуту и с действительной дальностью огня до 1500 м, – весьма эффективное оружие, буквально выкашивавшее наступающих в плотных построениях в начале войны пруссаков (у французов к началу войны было 24–25 митральезных батарей по 6 митральез в каждой).

численность кавалерии составляла 40 тысяч человек.

Каждый корпус, состоявший из трех или четырех пехотных дивизий, располагал прикрепленной к нему дивизией кавалерии, находившейся под прямым командованием командующего корпусом, так что командиры пехотных дивизий не могли непосредственно распоряжаться конниками. В германской армии к каждой пехотной дивизии был приписан один кавалерийский полк.

Французские командиры дивизий не раз ощущали потребность в специальных и маневренных конных частях. Так произошло, например, под Вейсенбургом, где генерал Абель Дуэ вместе со 2-й пехотной дивизией 1-го корпуса не имел ни одного взвода кавалерии, чтобы организовать разведку на своем фронте. Он занимал выдвинутое положение, и атака на него пруссаков стала неожиданной и закончилась большими потерями и отходом.

Кроме кавалерийских дивизий, прикрепленных к французским корпусам, был еще резервный кавалерийский корпус из трех дивизий, всего 48 эскадронов, 30 пушек и 6 митральез (французское название картечницы).

Вооружение конницы было следующим. Кирасиры имели палаши и пистолеты, уланы – пики, сабли и пистолеты, драгуны, егеря и гусары одинаково вооружались карабинами Шасспо, стрелявшими на 800 шагов, и саблями. Эти части состояли из конных стрелков, хотя обычно они действовали аналогично остальным конным частям, но при необходимости спешивались и вели бой в пешем строю.

Кавалерия Северогерманского союза (создан в 1867 г. под эгидой Пруссии) состояла из 10 кирасирских, 21 уланского, 21 драгунского, 18 гусарских и 6 легких полков, всего 76 полков по 4 действующих эскадрона и 1 запасному.

В полку было около 600 конников. При каждой пехотной дивизии состоял конный полк, остальные полки были сведены в дивизии и приданы разным армиям; дивизии, состоявшие из 2 бригад по 2 полка, имели по конной батарее. Кирасиры и драгуны считались тяжелой кавалерией, все остальные – легкой. Общее количество кавалерии немецкой армии, включая и южногерманские войска, составляло 369 эскадронов, или примерно 56 тысяч человек.

С самого начала войны 1870 года стало очевидно превосходство немцев в организации и в искусстве ведения войны. Войны великого Наполеона, за которыми последовали успехи в Крымской войне, и еще более отчетливые достижения в Италии в 1859 году (при Мадженте и др.) вселили во французов веру в свою непобедимость, они почивали на лаврах, не уделяя должного внимания улучшениям в военном деле. Опыт Гражданской войны США ничему не научил французов, они считали, что армии в США, набранные из обычных людей, а не профессиональных солдат, ничему не могут научить такую армию, как французская, поэтому уроки американской войны не имеют никакой ценности.

Похоже, что французы упустили из виду, что четыре года постоянных боевых действий с переменным успехом могут воспитать солдат высокого уровня, чье практическое знание военного дела будет большим, чем если вся их служба и обучение военному делу проходили в мирное время⁹².

Следовательно, французы не воспользовались опытом действий кавалерии, выработанным в Америке. Поэтому сторожевая и разведывательная служба их конницы оказалась ниже всякой критики, а действия в бою, в высшей степени храбрые и мужественные, но настолько же неосмысленные, привели только к бесплодным жертвам при Верте и Седане.

Ничто так отчетливо не бросается в глаза в описаниях кампании 1870 года, как неумение французов в исполнении сторожевой и разведывательной службы. Ей совершенно не уделяли никакого внимания, как произошло, например, при Бомоне, или, как в других

⁹² Французская армия постоянно была задействована в колониальных войнах – в Алжире, Мексике и др.

местах, она исполнялась настолько небрежно, что французские войска неоднократно подвергались атаке врага на своих биваках среди бела дня и оказывались застигнутыми врасплох.

За четыре года до начала Франко-прусской войны немецкая кавалерия уже имела дело с австрийскими конниками, чья разведывательная и сторожевая служба велась столь же неэффективно. Соответственно, немцы приобрели большую смелость в проведении разведки, чему в значительной степени способствовала бездеятельность французской кавалерии в таких операциях. С самого начала кампании немецкие конники принесли много пользы своей армии как рекогносцировками, так и неутомимым ведением наблюдения за противником и разведки на дальние расстояния во всех направлениях.

Благодаря постоянной безнаказанности немецкие разъезды ходили по тылам французов и совершали смелые и рискованные поиски небольшими группами кавалеристов, собирая и привозя весьма важную информацию, касающуюся позиций противника и его перемещений.

Тщательное обучение немецких солдат в мирное время и хорошо составленные инструкции по выполнению основных обязанностей теперь оказались необычайно значимыми для них, позволив им прекрасно выполнить ту службу, которая была возложена на них на войне.

В ночь с 23 на 24 июня разъезд прусских уланов проник за французские линии и подорвал виадук французской железной дороги у Сааргемюнда. С этого дня прусская кавалерия стала постоянно демонстрировать свое превосходство. 26 июля вюртембергский офицер Генерального штаба граф Цеппелин вместе с 4 офицерами и 4 нижними чинами прошел через французские передовые посты, расположенные у Лаутербурга, и действовал 36 часов во французском тылу, ведя разведку. Однако во время отдыха в небольшом трактире в Ширленгофе, к югу от Верта, в 10 милях в тылу от французских аванпостов, на группу неожиданно напали. Только графу Цеппелину удалось ускакать и привезти большое количество информации необычайной значимости, на основе которой был построен план продвижения армии кронпринца спустя несколько дней.

А в это время французская конница бездействовала. Генерал Абель Дуэ вместе со своей 2-й пехотной дивизией не имел никакой кавалерии. Когда его выдвинули вперед на незащищенную позицию у Вейсенбурга, его внезапно атаковал противник и Дуэ был наголову разбит в ходе наступления 3-й германской армии. Это был первый успех пруссаков, и два дня спустя за ним последовал второй, при Верте, где французское правое крыло также серьезно пострадало от продвигавшихся пруссаков. Во время этих боев французы сражались храбро и мужественно, но были атакованы неожиданно и превосходящими силами.

В сражении при Верте французская кирасирская бригада Мишеля с правого фланга французов совершила атаку прусского левого фланга, который наступал к Морсбронну и угрожал обходом правому флангу французов. Эта бригада численностью в тысячу человек двинулась на Морсбронн в трех линиях по труднопроходимой местности.

Несмотря на ружейный огонь, они храбро устремились вперед, чтобы ударить по пехоте пруссаков, не дав им выстроиться в боевой порядок. Немцы встретили атаку, находясь в том строю, в котором находились, не успев построить сплоченное каре, которое предоставило бы им возможность вести огонь с огромным преимуществом.

Тем не менее за несколько минут в результате сильнейшего ружейного огня кирасиры понесли огромные потери. Оставшиеся пытались продолжать атаку, но были захвачены в плен, и лишь немногим удалось пробиться и уйти окольными путями. Но и эти остатки бригады были атакованы прусским гусарским полком.

В результате этого боя бригада Мишеля и атаковавший вместе с ней 6-й уланский полк были почти полностью уничтожены, лишь некоторым удалось прорваться к своим. Прусские гусары потеряли 1 человека убитым, 23 были ранены, пострадали и 35 лошадей. Потери пехоты оказались весьма незначительными.

Благодаря принесенной в жертву кавалерийской бригаде французам удалось выиграть время для отступления их правого крыла. Атака была произведена блестяще и в полном

порядке: конники неслись на врага без колебаний и остановок, и все же огонь пехоты, который велся из игольчатых ружей, оказался достаточным, чтобы нанести им поражение и почти полностью уничтожить, так что пехоте даже не было необходимости строиться в каре. В этой войне мы увидим и другие примеры того, как кавалерия имела мало шансов на успех, если действовала по-старому.

После сражений при Верте и Шпихерне обескураженные своими поражениями французы были вынуждены быстро отступать в разных направлениях, правый фланг под командованием Мак-Магона отошел сначала на юг, а затем окольными путями к Шалону, а остальная часть армии (Базен) отступила к Мецу.

В то же время немецкая кавалерия действовала так великолепно, что доказала свои огромные возможности и пользу, которую она может принести в ходе боевых действий, несмотря на весьма существенное улучшение качеств огнестрельного оружия. Хотя шансы на успех для кавалерии на поле боя во многом снижались, все же сохранялись широкие возможности для ее использования, что немцы и делали, и весьма искусно.

Немецкая кавалерия спешила опередить основной корпус пехоты на один или два перехода, постоянно держа противника в поле зрения, и, распространившись далеко и широко на большое расстояние, образовывала непроходимый занавес или завесу, скрывавшую движения основной армии, позволявшую последней быть в спокойствии относительно возможных нападений противника. Она была уверена в том, что таким образом надежно прикрыта. Все эти обязанности выполнялись самым замечательным образом, храбро, энергично и искусно, показывая, какие огромные преимущества дают превосходящие численно и грамотно организованные конные войска.

В то время когда в армиях большинства стран начали уменьшать численность кавалерии, придя к выводу, что она стала не столь нужной, в прусской (и северогерманской) армии ее, напротив, укрепляли, а не уменьшали, постоянно помня об огромной ценности конницы.

Выдвинутые далеко вперед части и подразделения конников практически скрыли для французских генералов все сведения о позициях и намерениях пруссаков. Разъезды улан и гусар появлялись повсюду, и под их завесой было невозможно обнаружить, из-за какой части двигающейся завесы из конников появятся главные силы.

Немецкие корпуса шли в 20–30 милях (32–48 км) позади своих кавалерийских частей в безопасности, как во время движения, так и во время привалов и на биваках. Тем временем немецкие конники продвинулись вперед, оттеснили Мак-Магона на юг от Меца, наводнили всю территорию между войсками Мак-Магона и Базена и вскоре достигли Мозеля.

Они добрались до Нанси, главного города Лотарингии, и 12 августа город был сдан 6 уланским полкам, к которым вскоре присоединилось большее количество других конных частей. Скоро прусская кавалерия заняла всю линию Мозеля, распространившись вплоть до укреплений Меца. Именно благодаря дерзким и лихим действиям немецких конников подкрепления Мак-Магона не смогли присоединиться к основным силам французской армии.

Затем немцы пересекли Мозель у Понт-а-Мусона, и вся огромная масса кавалерии продвинулась на север, чтобы охватить правый фланг французской армии у Меца. К тому времени стало ясно, что французы намереваются отступать к Вердену, и было важно помешать, если возможно, их продвижению.

Главные силы немцев по-прежнему находились далеко позади, хотя и шли форсированным маршем. Выдвинувшаяся кавалерия должна была удерживать противника до подхода пехотных корпусов. Утром 15 августа германские передовые конные части нанесли удар по дороге Мец – Верден и смогли задержать отступление французов почти на 24 часа.

Кавалерийская дивизия генерала Фортонна, образовывавшая передовой отряд французской армии, в этом переходе натолкнулась на бригаду Редерна из 5-й прусской кавалерийской дивизии, имевшую батарею конной артиллерии. Этот небольшой отряд прусских конников храбро сражался и артиллерийским огнем задержал движение всей

южной колонны французской армии.

Необходимо отметить неэффективность и безынициативность ответных действий со стороны французских конников, поскольку генерал Фортон обладал значительным числом кавалеристов и мог легко отбросить с пути небольшую прусскую бригаду Редерна, обеспечив тем самым продолжение движения. Однако вместо того, чтобы продвинуться вперед, он отступил к Вионвилю, и этим судьба армии Базена была практически решена.

На следующий день после тяжелого марша дивизии немецкой пехоты начали подходить одна за другой, попытки французов возобновить движение на Верден привели к сражению при Марс-ла-Туре и Вионвиле, которое окончилось для французов неудачно. Французы отступили на Гравелоту, где и произошла решающая битва. Она привела к тому, что Базена окружили в Меце, где он наконец сдался.

В самый разгар сражения 16 августа в Вионвиле был критический момент, когда 6-й французский корпус под командованием маршала Канробера, численно вначале превосходивший пруссаков, с огромной силой давил и угрожал решительной атакой утомленным войскам Эльфенслебена и Флавины.

Не имея в резерве ни пехоты, ни артиллерии, Эльфенслебен решил, что его единственной надеждой было устроить решительную атаку всей своей кавалерии, что и было сделано. По общему признанию, она казалась чем-то вроде последнего средства спасения, поскольку было понятно, что все солдаты будут принесены в жертву.

Бригадой, состоявшей из 3 эскадронов 7-го кирасирского и трех из 16-го уланского полка, командовал генерал Бредов. Он построил их в одну линию, но из-за задержки в развертывании 16-го уланского полка атака началась уступами. Под сильным огнем артиллерии они устремились вперед, вскоре добрались до орудий, изрубили палашами и саблями артиллеристов и на полной скорости устремились дальше на линии пехоты, находившиеся в тылу. Она встретила атакующий эскадрон залпами из ружей.

Тем не менее линии пехоты были прорваны, палаши, сабли и пики произвели смертельный эффект, было захвачено несколько митральез. Возбужденные успехом, уносимые горячей яростью атаки, немцы уже не могли ни сплотиться, ни перестроиться. И тут на этих конников, находившихся в беспорядке, внезапно набросились французские кирасиры 7-го кирасирского полка вместе с уланами и спагисами. В своем поспешном отступлении были плохо организованы и понесли огромные потери, однако жертва была должным образом принесена, поскольку смогла задержать атаку французов, которая в противном случае оказалась бы фатальной. Это была храбрейшая атака войны, единственная в своем роде и в определенной степени успешная.

Произведенная позже в тот же день, чтобы помочь пехотной бригаде Веделя, атака 1-го полка прусских гвардейцев-драгун не была успешной, огонь нерасстроенной французской пехоты отбросил их назад с тяжелыми потерями. Вскоре после этого генерал фон Барби с 6 полками кавалерии прусского левого фланга атаковал 10 полков французской кавалерии под руководством генерала Клерамбо, который, как это ни покажется странным, встретил нападение, открыв огонь из карабинов на открытой равнине. Пруссаки, презирая этот огонь, атаковали холодным оружием, и вскоре начался короткий рукопашный бой, закончившийся в пользу немцев, чьи превосходство и мастерство явно доминировали над их противником.

В конце сражения, когда уже стемнело, была произведена атака 6-й прусской кавалерийской дивизии, когда бригада гусар под руководством Рауха прорвала несколько каре французской пехоты. Это случилось благодаря темноте, скрывшей приближение конников, и они смогли подойти на близкое расстояние. Яростный огонь, обрушенный на них из всех каре, привел к быстрому отступлению дивизии.

В сражении при Гравелот – Сен-Прива участвовали почти только пехота и артиллерия, поэтому мы на нем не останавливаемся.

В последующих операциях между 18 августа и битвой при Седане контраст между действиями кавалерии двух армий проявился очень отчетливо. По требованию французского правительства Мак-Магон был вынужден начать обходный маневр, чтобы попытаться

выручить Базена и соединиться с ним.

План этот мог быть осуществлен только в случае быстрого, искусного и скрытного его проведения. Перед французской кавалерией открывалась реальная возможность не только вернуть себе заслуженную репутацию, но и существенно помочь своей армии. Однако им удивительно последовательно удалось провалиться по всем пунктам, в чем немалая доля вины главнокомандующего.

Самым правильным решением было бы сосредоточение всей конницы на правом фланге, чтобы, выставив линию постов с поддержками, сделать из нее завесу, за которой армия скрытно выполнила бы свои передвижения. Необнаружение перемещений французов в течение одного или двух дней, бесспорно, прибавило бы им шансы на успех. Вместо этого часть конницы шла в голове колонн, часть – поровну на обоих флангах и часть была распределена по корпусам. Вначале хоть половина резервной конницы была поставлена на правом фланге, но 25 августа она была притянута к Ле-Шену, и, таким образом, правый фланг был оставлен без прикрытия как раз в том направлении, откуда угрожала наибольшая опасность; резервная же дивизия Боннемана все время двигалась на крайнем левом фланге, где никак нельзя было ждать нападения. Таким образом, в течение всего времени дальнейшего движения французская армия была прикрыта только конными частями, приданными к корпусам.

Результат оказался таким, какого и следовало ожидать: немцы вскоре обнаружили перемещения и поняли план французов, после чего вся их армия⁹³ повернулась направо и устремилась на них. Непроницаемая завеса кавалерии, распространившаяся далеко и широко вокруг, скрыла перемещения немцев. И вскоре огромные массы немецкой пехоты подошли близко к флангу и тылу французских колонн, двигавшихся вслепую, пренебрегая простыми предосторожностями.

Сначала 30 августа немцы нанесли удар по 5-му французскому корпусу генерала Фальи, разместившегося биваком к северу от Бомона. По какой-то непонятной причине французы полностью пренебрегли мерами предосторожности и не отправили кавалерию, чтобы та произвела разведку в лесах, расположенных к югу от Бомона. Произошел необъяснимый промах, поскольку французы имели все основания считать, что нападение, скорее всего, произойдет именно с этого направления.

Двигавшиеся под прикрытием лесов пруссаки подошли близко к лагерю и смогли отчетливо видеть, как французские войска готовят пищу и спокойно отдыхают, совершенно не подозревая о грозящей им опасности. Немецкие артиллерийские снаряды неожиданно разорвались среди французов, став первым признаком атаки, смело организованной и оказавшейся совершенно успешной. У французской артиллерии даже не было времени, чтобы запрячь своих лошадей, так что их пушки захватили вместе со всеми палатками, обозом и запасами.

Случившееся стало прологом к окончательному поражению при Седане. В этом последнем сражении времен империи кавалерия снова доказала, что не утратила мужество, которое всегда отличало французских солдат. В конце сражения генерал Дюкро решил произвести отчаянную попытку, чтобы задержать врага большой массой кавалерии, а затем пробиться с пехотой, шедшей сзади.

Генерал Маргерит вместе с резервной кавалерийской дивизией должен был совершить атаку и прорвать позицию врага, затем повернуть направо и смять противника в этом направлении. 2-я резервная кавалерийская дивизия Боннемана должна была поддержать эту атаку, а несколько конных полков 12-го корпуса действовать в качестве резерва.

Конница двинулась вперед, чтобы атаковать, она накатилась как смерч и, казалось, сокрушит пехоту пруссаков. Атакующая кавалерия вскоре прорвалась через цепь стрелков и

⁹³ Точнее, Маасская и 3-я армии. 1-я и 2-я армии, позже объединенные в одну особую армию, блокировали Базена в Меце.

устремилась вперед на немецкие батальоны, развернувшиеся в сомкнутые линии и встретившие их смертоносным градом пуль из игольчатых винтовок.

Атаки повторялись с блестящим мужеством. Кавалерия храбро устремлялась вперед, но ее скашивали в таких количествах, что по всему фронту линий пруссаков остались груды мертвых и умиравших людей и лошадей. Вся эта операция стала бесполезным и ужасным жертвоприношением храбрецов.

Вскоре после сражения автор получил письмо от одного выдающегося офицера. Он пишет:

«Как я полагаю, в этой кампании был окончательно решен вопрос об атаке кавалерии на пехоту, вооруженную винтовками, заряжающимися с казенной части. При каких бы обстоятельствах такая атака ни производилась – 8-м и 9-м французскими кирасирскими полками при Верте, 7-м прусским при Вионвиле 16 августа или двумя французскими легкими кавалерийскими бригадами на левом фланге при Седане, – результат оказался одним и тем же, атаки привели к ужасающим людским потерям, причем без всякого явного результата.

Генерал Шеридан оказался внимательным свидетелем четырех атак французской легкой кавалерии при Седане и предоставил мне самое подробное их описание. Я самым тщательным образом обследовал место атаки всего лишь 30 часов спустя, когда еще не были убраны лежавшие повсюду убитые солдаты и лошади, так что смог составить точное представление, как будто сам был очевидцем атаки.

Первая атака, совершенная 1-м французским гусарским полком, происходила при самых благоприятных условиях из возможных и притом была организована очень искусно. Как только прусские стрелки, шедшие перед основным корпусом пехоты, зашли на холм, за которым выжидали гусары, те тотчас обошли холм кругом, пока не оказались в тылу и на правом фланге от стрелков. Таким образом они прошли, прежде чем их заметили, и тогда они самым доблестным образом напали, атаковав всей линией.

Однако даже при столь благоприятных обстоятельствах атака не позволила добиться того результата, о котором следовало бы поговорить. Немцы сразу же построились в кучки и открыли огонь, немногие бежавшие в тыл, примерно 25 или 30 человек, были изрублены.

Огонь этих неуклюжих маленьких прусских каре нанес гусарам большие потери. Два наступавших сзади эскадрона благоразумно отклонились и вернулись под прикрытие холма. Те, кто прорвался через прусские линии, были убиты, ранены или захвачены в плен. Все происходившее не задержало продвижение прусской пехоты даже на 5 минут.

Последующие атаки, совершенные 1, 3 и 4-м африканскими полками и 6-м конноегерским полком, закончились ничем, хотя были произведены самым доблестным и упорным образом. Пруссаки просто ожидали их, построившись в линию, пока конники не приблизились на 140 метров. Произошла бесцельная бойня без всякого успеха. Склон холма был буквально покрыт мертвыми телами конников и их небольших серых арабских лошадей. Эти две бригады, состоявшие из пяти полков, вероятно, потеряли около 350 человек убитыми, не считая раненых и пленных. Большого позора и представить невозможно.

Генерал Шеридан уверял меня, что конники вели себя самым доблестным образом, накатываясь снова и снова после сигналов к атаке.

До последней минуты они были укрыты от неприятельского огня, тщательно оснащены, искусно и храбро направляемы. Протяжение атаки не превышало 350–370 метров, и все же результатом явилось полное уничтожение конницы без всякого успеха.

С огромной болью мне приходится об этом говорить. Мой друг, которого я знал в Африке еще десять лет тому назад, в чине майора командовал двумя эскадронами одного из полков. Он показал мне список своих двух эскадронов с обозначенными в нем отметками у имен солдат. Оказалось, что из 216 человек, пошедших в бой, вернулись пятьдесят восемь. При этом они находились под огнем ружей не более четверти часа».

После сражения при Седане война в основном сосредоточилась на двух осадах – Парижа и Меца. При этом кавалерия оказала прекрасную службу в поддержании линий

коммуникаций и прикрытии операций. Во время действий в некоторых французских провинциях произошло несколько дел, связанных с кавалерией, но все они имели местный масштаб.

Так, во время боя при Амьене несколько немецких эскадронов накатились на морской батальон и захватили несколько пушек. При Орлеане 4-й гусарский полк, а при Суаньи 11-й уланский полк также захватили французские орудия. Эти достигнутые на поле боя мелкие успехи вовсе не соотносимы с той огромной массой кавалерии, численностью почти 70 тысяч, которую немцы выставили в этой войне.

В начале осады Парижа французы организовали небольшие партизанские корпуса под названием франтирьеры (французские вольные стрелки). Когда они стали многочисленными, прусские уланы больше не могли свободно перемещаться на значительные расстояния, но почти всегда сопровождалась батальонами пехоты, двигавшимися вместе с ними, чтобы очищать деревни, леса и вообще закрытые места, препятствуя народному движению этих добровольных стрелков, которые сражались необычайно храбро.

Все сказанное непреложно доказывает, что значительные успехи, достигнутые прусскими конниками в начале войны, следует приписать скорее бездействию французской кавалерии либо неправильному ее использованию, но вовсе не превосходству в вооружении или организации прославленных улан.

Система прикрепления кавалерии к пехоте закономерно лишала конников подвижности. В результате конница теряла присущие ей качества, которые исчезали в тот момент, когда конницу прикрепляли к пехоте.

Тщательное изучение использования кавалерии во время американской Гражданской войны показало бы немцам, что, если бы их конница была вооружена винтовками или карабинами, она смогла бы в равной степени хорошо или даже лучше выполнить все то, что делала в ранний период войны, а позже успешно бороться против французских вольных стрелков.

В Америке конные стрелки постоянно захватывали города и селения, даже занятые пехотой и артиллерией. «Домашние стражи» (местные милиции), представлявшие тот же тип войск, что и французские вольные стрелки, никогда не могли препятствовать быстрому продвижению конников южан, которые, возможно, ответили бы смехом на идею о том, что их могут задержать и остановить, и о том, что им нужно придать пехоту на время их рейдов.

С этой точки зрения примечателен опыт франко-немецкой войны, поскольку блестящие успехи прусской кавалерии в начале кампании, возможно, заставили ожидать, что их могут смутить такие недисциплинированные и иррегулярные войска, как вольные стрелки. Случившееся стало самым поразительным уроком, который война после Седана дала кавалерийскому офицеру, и требует не так много размышлений, как выявить слабое место и постараться найти противоядие.

Таковой оказалась последняя большая война, из которой мы можем извлечь указания для действий кавалерии в будущем. В то время, когда я писал эту книгу, происходила война между Турцией и Сербией, в отношении которой можно только составить неявные и неточные описания из общественной прессы. Так что невозможно в настоящее время сказать, действительно ли можно извлечь из происходивших там боев какой-либо положительный опыт. Насколько нам удалось обнаружить, конники не оказывали существенного влияния. Следующий отрывок, приводимый из газеты, если он несет правдивую информацию, наглядно показывает ценность револьвера и потому достоин внимания:

«Во время битвы при Зайчаре сербский офицер, капитан Фрасанович проявил себя необычайным образом. Он взял свою саблю в зубы и револьвер в руку, ринулся сквозь турецкий полубатальон, захватил знамя и унес его, каждым выстрелом оставляя за собой мертвого или раненого турка».

Здесь мы закончим исторический очерк, посвященный кавалерии и ее службе. Мы проследили ее образование от туманного периода самой отдаленной Античности через все перемены и превратности промежуточных столетий вплоть до настоящего времени. Как мы

надеемся, нам удалось прояснить читателю постепенное развитие конницы до современного ее состояния. Теперь постараемся достойно завершить наши труды, чтобы решить в свете опыта прошлого и знания настоящего, что можно считать лучшей системой организации, оснащения и использования кавалерии в будущей войне.

Часть шестая. Организация, вооружение и использование кавалерии в современной войне

Глава 31. Свойства конницы

С ранних времен, когда лошадь просто использовали, чтобы перевозить знатных воинов на поле сражения, и до настоящего времени кавалерийская служба имела свои особенности, отличавшие ее от других видов войск.

Скорость лошади и смелый дух, вырабатываемый у всадников верховой ездой, во все времена отличали конницу. В то время как уравновешенность и основательность отличали пехоту и артиллерию, кавалерии были присущи смелость и храбрость.

Сначала использовалась только скорость лошади – для передвижения, а чтобы сражаться, воины спешивались. Затем появилась идея использования человека и лошади для удара, то есть бросать их на скорости на противника. В течение многих лет таким был основной метод использования конников, и легко сделать вывод, что при подобном образе действий кавалерия не могла действовать оборонительно, но только наступательно.

В результате оказывалось, что пехота могла действовать на любой местности, атаковать или защищаться одинаково успешно, кавалерия же действовала только на ровной и на открытой местности. Она не могла успешно действовать, если местность была неровной, в лесу или при атаке защищенных позиций, и вовсе не могла защититься от атаки врага, стоя на месте.

Отмеченные факты привели к сильному увеличению пехоты в составе армий, особенно после того, как введение огнестрельного оружия и пики предоставили пехоте возможность защищаться от атакующей кавалерии.

Огромную пользу кавалерия приносила в разведке и сторожевой службе, благодаря ее подвижности и скорости, чем поддерживала свою репутацию и необходимость использования в значительном числе во всех армиях.

Ради подобной службы конники всегда были особым образом обучены, не важно, как их вооружали и снаряжали и против какого противника намеревались использовать. Легкая кавалерия греков, персов, римлян была всегда необходима в выполнении разведывательных действий, как и всякая достойная легкая кавалерия в любое время и при всех меняющихся обстоятельствах во время войны, начиная с античного времени и до того периода, когда прусские уланы сеяли ужас повсюду на полях и в селениях Франции.

Важной характеристикой пригодности кавалерии считалось ее умение собирать информацию, проводить рекогносцировку, совершать набеги и рейды. Именно в таких действиях кавалерия оказывалась самой значимой силой армии, не имевшей себе равных. Когда она прикрывала продвижение своих войск или преследовала отступавшего противника, в ее способностях также не приходилось сомневаться. Все же на полях сражений, когда велся с переменным успехом постоянный и непрекращающийся бой, ее следовало применять целенаправленно.

Любопытно проследить, как мы и сделали на предшествующих страницах, те изменяющиеся условия, которые приводили к успеху то кавалерии, то пехоты, то вели к совершеннейшей неопределенности.

В ранние времена пехота оставалась единственным видом войск и составляла главную силу армий. Вскоре начали доминировать воины на колесницах, и в течение некоторого времени они составляли значимую часть в армиях многих государств. Затем при Александре

Великом кавалерия стала использовать новую тактику, с силой и непривычной скоростью накатываясь на противника, благодаря чему добивалась успеха и на некоторое время сохраняла свое доминирующее положение.

У римлян самое высокое положение долго занимала пехота, пока успехи кавалерии Ганнибала вновь не дали перевес конникам. Улучшения в выучке и уравниловность, тщательные меры, чтобы должным образом противостоять кавалерии Помпея, привели во времена Юлия Цезаря к новому возрождению престижа римской пехоты. Ослабление дисциплины, упадок доблести римской пехоты привели, как мы видели, в период империи армию к тому, что она погибла под копытами конницы варваров⁹⁴. Это снова заставило поверить, что только кавалерия должна доминировать на поле боя.

Введение феодальных отношений (ленной системы) и появление рыцарства привели к возвышению кавалерии и забвению преимуществ использования пехоты. Так продолжалось до тех пор, пока английские лучники и швейцарские пикинеры (и алебардисты) не нашли средства противостояния коннице своего времени и пехота научилась отражать атаки бронированной кавалерии луками, стрелами, пиками, алебардами, а впоследствии огнестрельным оружием.

И снова конница сплотилась, чтобы противостоять ударам, изобретательно разработав тактику, которая со временем вернула ей преимущество. В это время пехота противостояла всадникам лесом сомкнутых пик, образовывавших непреодолимое препятствие для конников, и под прикрытием пикинеров аркебузеры могли стрелять в конников, добиваясь определенного результата.

Стремясь противостоять подобной тактике, конница усилила свое защитное вооружение и таким образом смогла противостоять оружию пехоты, в свою очередь ведя огонь по пехотинцам из петронелей, аркебуз и пистолетов. Всадники, хорошо защищенные мощными латами, стреляли в густые каре пехоты, уничтожая плохо защищенных пехотинцев.

Постепенно удалось утвердить престиж конных войск, пока улучшения в огнестрельном оружии не сделали его таким мощным, что предохранительное вооружение стало бесполезным. Оно становилось все более легким, и конники выводились на поле боя шеренга за шеренгой, стреляя из своих пистолетов по пехоте с близкого расстояния, пока не удавалось сделать проход, через который они могли прорваться внутрь каре и затем порубить пехотинцев.

В течение некоторого времени после этого пехота сделалась по преимуществу хозяином положения, пока снова в полной мере не оценили кавалерию. Увидев огромные преимущества огня, пехота стала использовать штык как замену пики, посчитав, что усилившийся огонь сможет уравновесить различие между пиками и штыком в случае атаки. Сам по себе штык никогда не может стать достаточной защитой против хорошо проведенной атаки кавалерии, и сами мы не верим, что когда-либо существовала пехотная часть, которая только со штыками, не поддерживаемая огнем, могла остановить быструю атаку искусных конников.

Такова была тактическая система, когда на исторической сцене появился Фридрих II. Весь опыт прошлого проложил ему путь к великому успеху квалифицированной кавалерии. Пехота того времени была прекрасно обучена сражаться на любой, даже на самой пересеченной местности, какую только можно было отыскать, ее вооружили и тренировали так, чтобы она смогла противостоять системе кавалерийской тактики медленного и неуклюжего свойства. Естественно, что пехота стала терпеть поражения, когда на нее стремительно обрушивались массы хорошо обученных и прекрасно ведомых прусских кавалеристов.

⁹⁴ Имеется в виду битва при Адрианополе в 378 г., однако были другие битвы, когда римляне варваров успешно били.

Войны Фридриха II, постоянные и блестящие успехи его кавалерии принесли его высокую репутацию, тогда как не произведшая никаких перемен пехота, не проявившая себя новыми схемами или оружием, стремясь восстановить свое превосходство, в результате обусловила тот факт, что во время Наполеоновских войн именно кавалерия продемонстрировала свое явное превосходство на поле боя. Так обстояли дела, пока не изобрели нарезное оружие, а затем нарезное оружие, заряжавшееся с казенной части. Обладая большой дальностью действия и высокой точностью попадания, оно могло производить мощное и разрушительное огневое воздействие.

Теперь перемены сказывались в пользу пехоты, и весь опыт прошлого показал, что для кавалерии будет бесполезным жить только прошлым, надеясь, что она всегда останется успешной. Используя опыт своих предшественников, сегодня нужно пытаться применить старую и испытанную систему использования кавалерии в тех условиях, в которых она всегда действовала успешно и в прошлом.

Когда в XVI веке применение огнестрельного оружия и использование пик и алебард дали пехоте такое большое преимущество, конники того времени предприняли две необходимые меры, чтобы приспособиться к оружию, оказавшемуся настолько смертоносным в руках их оппонентов. Одна мера связывалась с возвращением первого использования конников на войне. Иначе говоря, вооружением конников как пехоты и использованием лошади только для быстрого перемещения. Таким образом были сформированы драгуны, которые использовались в течение многих поколений.

Другая система заключалась в том, чтобы скакать и стрелять из пистолетов прямо в лицо пехотинцам. Когда мы подойдем к рассмотрению организации кавалерии в будущем, то более полно рассмотрим лучшие реформы, побуждавшие кавалерию добиваться большего преимущества на основе применения современных принципов боя.

Что же касается особенностей боя в тех случаях, когда кавалерия сражалась против кавалерии, то бросается в глаза, что та сторона, которая вводила в действие последний резерв, наверняка одерживала верх. Вот почему полагалось, чтобы конница всегда сохраняла резерв. Нет более опасного времени для конницы, как в минуту после успешной атаки. Люди и лошади запыхались, линии пришли в беспорядок, повсюду суета, приказов не слышат или не слушают, и всякая атака свежих сил неприятеля в эту минуту беспорядка почти наверняка будет удачной.

Кавалерия всегда зависела от состояния лошадей. Если они не находились в соответствующем состоянии, если пренебрегали состоянием их копыт и не следили за их спинами, то лошади вскоре погибали, и тогда конница оказывалась бесполезной.

Кавалерия никогда не должна сдаваться, по крайней мере на открытой местности. Это должно быть аксиомой. Конница всегда должна прорываться, если же это оказывается невозможным, то рассеяться поодиночке, чтобы таким образом уйти от преследования. Отмеченными свойствами она всегда отличалась от других родов войск, которым это сделать трудно. Прекрасным примером служит случай, рассказанный в XX главе о Зейдлице, который прыгнул вместе со своей лошастью с моста, чтобы не быть захваченным в плен.

На поле сражения кавалерией всегда трудно управлять. Она легко рассыпается, и затем ее трудно собрать. В конном строю она может действовать только на удобной для этого местности. Конница не может вести оборонительного боя, но должна встречать атаку атакой. Конница не должна падать духом при неудаче, поскольку опрокинутая кавалерия может вновь собраться и атаковать, уверенно одерживая победу.

Кавалерия одинаково необходима, чтобы прикрывать отступление разбитой армии, и для преследования врага, когда одерживают победу. Атака кавалерии должна быть быстрой и не ожидаемой, производиться решительно и энергично. Когда дается приказ атаковать, осторожность уступает место доблести и ярости.

По сравнению с другими солдатами кавалеристам полагается быть более толковыми, лучше обученными. Во время несения охранной службы, патрулирования и разведки конникам часто приходится полагаться на самих себя и действовать по обстановке.

Подобные качества далеко не всегда требуются в пехоте или в артиллерии.

Глава 32. Организация конницы и ее подразделение

Линейная, или тяжелая, кавалерия

Тому, кто следит за развитием военной науки в последние двадцать лет, совершенно очевидно, что значительные улучшения в огнестрельном оружии существенно изменили условия ведения военных действий, область боевого использования кавалерии во многом сузилась и возможности достижения успеха существенно уменьшились. Система Фридриха II Великого сделала свое дело. Теперь нам пора подвести итоги и принять новую систему, которая бы подходила для современных реалий ведения боевых действий.

Опыт Франко-прусской войны позволил установить несколько основных моментов. Во-первых, он показал, что даже храбрейшая кавалерия, смело и энергично атакующая, почти наверняка будет перебита ужасным разрушительным огнем винтовок, заряжающихся с казенной части, и другого оружия. Прусская пехота, уверенная в мощи своего оружия, встречала натиск атакующих французских конников, находясь в своем обычном строю, и отражала последних исключительно силой огня. Во время битв при Верте, Марс-ла-Туре и Седане, независимо от того, с какой стороны производилась атака или откуда пехота встречала атаку, результат в равной степени оказывался катастрофическим для кавалерии.

При Верте французские кирасиры атаковали необычайно доблестно, но были почти полностью уничтожены. Однако их усилия вовсе не оказались напрасными, поскольку остановили продвижение пруссаков и фактически прикрыли отступление французской армии.

При Вионвиле атака кирасир и улан Бредова почти оказалась для них роковой, однако ее следует рассматривать как успешную, потому что удалось предотвратить удар, который почти наверняка привел бы к поражению прусской армии и, следовательно, во многом способствовал победе. Конники принесли огромную жертву, но, повторим, конечный результат возместил все потери.

Эти атаки были единственными, которые можно считать до известной степени успешными, число же тех, которые оказались безрезультатными, очень велико. Так, например, при Вионвиле днем 16 августа генерал Фруассар приказал, чтобы генерал де Прейль немедленно атаковал пруссаков, иначе будет все потеряно.

Атаку произвели доблестным образом в две линии. Кирасиры отважно устремились вперед, но были встречены таким огнем, что их строй нарушился, и они оказались вынужденными отступить. За несколько минут потери французских кирасир составили убитыми и ранеными 22 офицера, 208 нижних чинов и 243 лошади. Прусская пехота не потеряла в ходе этой атаки ни одного солдата.

Атаки при Седане привели к тому же – огромные потери кавалерии и никакого результата. Из опыта войны 1870–1871 годов, полученного ценой огромных потерь и почти полного уничтожения пожертвованной для этого конницы, есть возможность при известных обстоятельствах выиграть время в критическую минуту, остановить натиск врага и даже склонить колеблющийся исход сражения на свою сторону – во всех таких случаях принесенные жертвы окупаются достигнутым результатом. Но обстоятельства современной войны таковы, что случаи, когда возможно не напрасное жертвоприношение, весьма редки, и, следовательно, действия кавалерии на поле боя в соответствии со старой системой весьма ограничиваются.

Все же в будущем будут случаи, когда кавалерию могут ввести в сражение, чтобы атаковать пехоту или другие рода войск, следовательно, всем армиям полагается иметь некоторое количество кавалерии, соответствующим образом обученной, оснащенной и организованной. Принимая сказанное как допущение, сделаем вывод, что одна четвертая часть кавалерии должны быть такого типа, и тогда возникает вопрос о том, как ее следует

вооружить, оснастить и организовать.

Сама идея предполагает, что если хоть частично начать использовать другое вооружение, то необходимо произвести особые изменения, чтобы кавалерия смогла начать применять некоторые из новейших изобретений ради собственной выгоды. Конница уже делала это с огнестрельным оружием, на некоторое время, но впоследствии опять вернулась к образу действий Александра Великого. И все же рыцари, взявшие на вооружение петронели, сделали в то время лучшее из того, что было возможно.

Первая идея, которая приходит в голову, – это вооружение современной конницы теми же винтовками, что и у пехоты. Однако это оружие, требующее тщательного прицеливания и спокойной стрельбы, поэтому оно совершенно не подходит для конников в бою.

Конники, скачущие по открытому полю, являются крупной и явно выставленной мишенью для припавших к земле пехотинцев, которые, в свою очередь, почти не видны конникам издали. Следовательно, стрельба из винтовок с коня не должна допускаться ни против пехоты, ни против конницы. Таким образом выходит, что конница при атаке не может извлечь никакой пользы из самой совершенной винтовки.

Есть другое оружие, револьвер, и здесь мы находим некоторые преимущества для кавалериста. Поэтому мы и рассмотрим его применение кавалерией в будущем.

Изобретение револьвера позволило обеспечить кавалерию улучшенным огневым средством, явно более прогрессивным по сравнению со старым пистолетом, заряжавшимся с дула. Револьвер стал самым смертоносным орудием из всех изобретенных. Меч (сабля, палаш, шпага, шашка и др.), копье или пика, карабин, длинная винтовка или пушка не оказывали такого же поражающего воздействия, как он.

Причины введения револьвера оказались многочисленными. Прежде всего, его использовали в ближнем бою, когда солдаты противоборствующих сторон смешивались, и большинство выстрелов попадало в цель. Стрельба из револьвера не требует особой точности прицела. Люди просто смотрят на предмет и спускают курок, возникающее соответствие между рукой и взглядом чаще приводит к точному попаданию пули, нежели при попытке точно целиться под огнем.

Важно и то, что в ближнем бою револьверная пуля не может быть отбита, как удар холодного оружия или пущенное копье. Если пуля попадает в цель, то наносит серьезную рану. Револьвер не требует быстроты или массы лошади, чтобы придать импульс при использовании копья (пики), или совершенной выездки, необходимой для результативного использования холодного оружия конником. Кроме того, револьверная пуля поражает на более далеком расстоянии, чем любое холодное оружие.

Опыт прошлых лет наглядно показал, что та кавалерия, которая использовала пистолет, неизбежно опрокидывалась той конницей, которая устремлялась храбро вперед с холодным оружием. Это легко объяснимо. Ранее использовавшийся пистолет с кремневым замком был весьма несовершенным оружием.

Фактически он не имел почти никакого значения, поскольку движения приводили к ссыпанию пороха с полки кремневого оружия. Иногда происходило и так, что из кремня не высекалась искра или огонь не доходил до основного порохового заряда в стволе. Даже когда все сказанное устранялось, нельзя было быть уверенным, что пуля полетит в нужном направлении. Поэтому конники в то время предпочитали доброе старое холодное оружие, а те, кто полагался только на пистолеты, были биты.

Однако теперь, с введением револьверов, ситуация изменилась. Дальность его боя дошла до 200–300 ярдов (180–275 м), а точный выстрел можно делать на 75–100 ярдов (70–90 метров), поэтому в рукопашном бою он оказывался самым смертоносным орудием. Поэтому все, что говорилось по поводу старого пистолета с кремневым замком и единственным зарядом, совершенно неверно для револьвера.

С другой стороны, за последние 20 столетий холодное оружие не претерпело особых изменений, следовательно, обширные улучшения в ручном огнестрельном оружии должны были неизбежно изменить отношение между ним и холодным оружием в пользу первого.

Револьвер широко применялся во время Гражданской войны в США против сабли, карабина, винтовки или ружья, несколько примеров из истории этой войны могут подтвердить, что в будущем револьвер будет служить сильным вспомогательным средством для конницы.

В ноябре 1864 года в Виргинии произошла стычка между эскадроном майора Ричарда из партизанского отряда Мосби и эскадроном федеральной кавалерии под руководством капитана Блейзера. После острой рукопашной, в которой конфедераты использовали только револьверы, эскадрон федератов был полностью разгромлен. Потери южан составили 1 убитого и несколько раненых, в то время как потери Блейзера – 24 человека убитыми, 12 ранеными и 62 были захвачены в плен. Таким образом, убитых и раненых вместе было 36 из 100, то есть несколько более одной трети, а все потери (98 чел.) почти равнялись численности эскадрона. Соотношение убитых и раненых также явно доказывает смертоносное действие револьвера.

Сравним произошедшее со сражением, произошедшим в Эгмон-оп-Зе 2 ноября 1799 года между английскими драгунами и частью французской кавалерии, когда два полуэскадрона драгун устремились на 500 победоносных (и оттого потерявших строй) французских конников и опрокинули их. Затем эти 500 французов вернулись и атаковали англичан, усиленных еще одним полуэскадроном. Вторая схватка также велась холодным оружием, и общие потери англичан (в первой и второй схватках) составили 3 человека убитыми и 9 ранеными. С револьверами потери были бы намного больше!

В сражении при Гейльсберге 18 июня 1806 года состоялся бой между дивизией французских кирасир и двумя полками прусской конницы, где один французский офицер получил 52 раны, в то время как один из немецких офицеров получил 20 ран. Человек получил 52 удара пикой и саблей и не только остался жив, но и не потерял ни одной конечности. А много ли нужно огнестрельных ран из револьвера, чтобы человек вышел из строя?

И снова обратимся к Гражданской войне в США. Вот описание атаки, совершенной кавалерией Моргана на полк федеральной пехоты в сражении при Шайло в 1862 году. В своей истории генерал Дюк пишет: «Прежде чем федераты начали стрелять, мы близко подошли к ним. Они произвели один оглушающий залп, огонь почти достиг наших лиц, грохот раздался как гром в наших ушах. Мы тотчас устремились на них, несколько человек пытались рубить их саблями. Но из этого мало что выходило, другие делали настоящее дело, стреляя из револьверов и ружей».

Перед нами удивительное свидетельство ценности револьвера, оно отражает еще одну особенность американской кавалерии, ее способность соединять энергичную атаку с использованием огнестрельного оружия, ведь люди Моргана действовали револьверами, не снижая при этом скорости.

Опытный командир времен американской Гражданской войны генерал Стефан Д. Ли признается: «Сабля потеряла большую часть своего значения после изобретения револьвера, которым кавалерист уверенно производил свою атаку. Я убедился, что кавалерист с саблей не может долго держаться против вооруженного револьвером и, если позволят обстоятельства, предпочтет заменить саблю револьвером. По моим личным наблюдениям, револьвер, в отличие от сабли, поднимает моральный дух.

В рукопашном бою, который теперь редко случается (из-за улучшений в огнестрельном оружии), дело будет решаться силой удара и лихостью, прежде чем будут выпущены 18 выстрелов, а сила удара у хорошей кавалерии одинакова, вооружена ли она револьвером или саблей. Все же мой опыт показывает, что сабля явно уступает револьверу. Револьвер является самым лучшим оружием для кавалериста в движении и является обязательным в его вооружении».

Это свидетельство командира с огромным опытом явно заслуживает внимания, и особенно следует подчеркнуть, что он вполне рекомендует сочетать действие револьвера с силой удара конницы. То есть конница и в наше время должна быть использована точно так же, как конница Александра и Ганнибала, просто в револьвере конники обрели более

действенное оружие.

Полковник Гилмор, один из самых доблестных офицеров-южан, приводит похожее свидетельство в своей книге «Четыре года в седле». Рассуждая об одном сражении, где он использовал свою саблю, причем успешно, он делает следующее замечание: «Если бы я использовал револьвер вместо сабли, то мне удалось бы свалить нескольких, поскольку мы сражались на близком расстоянии».

В другом месте Гилмор приводит еще один пример, свидетельствующий о значимости револьвера: «Мы почти все перешли через изгородь, когда я заметил, что Кемп борется со здоровенным малым, преградившим ему путь с поднятой саблей. Кемп всегда имел два револьвера, в одном из них остался один патрон, из этого револьвера он и выстрелил в своего врага, но промахнулся, тогда бросил в него револьвер, который попал противнику в грудь».

Тот наскочил на Кемпа прежде, чем тот успел вытащить свой второй револьвер, и, схватив его за волосы, попытался стащить с лошади, одновременно ударив саблей по плечу. Кемп наклонил голову и все пытался вытащить второй револьвер. Я пробился к нему и уже поднял саблю, чтобы раскроить череп неприятеля, когда Кемп, достав револьвер, разрядил его в живот своего врага, и так смог отделаться от него».

Рассказывая о другом бое, когда его люди перемешались с врагом, он пишет: «Револьверы практически не использовались, иначе бы наши потери оказались в два раза больше».

Похожее свидетельство приводит майор Скотт в книге «Партизанская жизнь с Мосби». Он ссылается на один бой, в котором принимало участие 100 человек южан против примерно такого же количества федеральной кавалерии, во время которого южане использовали револьверы. Северяне потерпели сокрушительное поражение, потеряв 26 человек убитыми и ранеными, 54 пленными и 80 лошадей. В то же время как конфедераты потерь не имели.

Отметим и непредвзятое описание некоего федерального офицера-поручика. Он ехал с одним ординарцем и был атакован несколькими людьми Мосби. Поручик открыл огонь из револьвера и за несколько секунд убил или ранил четверых из своих противников и обратил в бегство остальных. Скотт замечает: «Вскоре этот храбрый офицер стал победителем. Его не дававший промаха револьвер повсюду сеял смерть».

Мы достаточно подробно рассмотрели опыт американской Гражданской войны, так как это единственный пример, когда револьверы широко использовались обеими сторонами. Поэтому мы хотели собрать всю возможную информацию для доказательства необходимости вооружения конницы этим оружием.

Франко-германская же война служит доказательством малой действенности холодного оружия. Германское медицинское управление недавно опубликовало отчет по поводу смертей и ран, нанесенных различными орудиями немецким войскам.

Потери немцев во всей войне 1870–1871 годов в целом составили 65 160 человек ранеными и убитыми. Из них только 218 были убиты и ранены ударами сабель и прикладов ружей. К сожалению, сведения о сабельных ударах не приводятся отдельно, однако цифра примечательная.

Что касается германской кавалерии, то в ней 138 человек были убиты и ранены саблями из общего числа потерь 2236 человек. Самое поразительное здесь небольшое количество убитых по отношению к раненым. Общее количество убитых сабельными ударами составило 6 человек на 212 раненых саблями же.

Таким образом, во всех кавалерийских боях при Верте, Вионвиле, Седане, на Луаре и северных провинциях Франции, во всех аванпостных стычках около 60 тысяч всадников (56 тысяч. – *Ред.*) в течение шестимесячной кампании было потеряно от ударов сабель всего 6 человек убитыми. Между тем в вышеприведенных примерах из американской войны в одном бою из 100 человек было убито двенадцать и ранено двадцать четыре, а в другом из такого же числа – двадцать шесть.

Автору довелось слышать ироничное замечание по поводу того, что американская кавалерия не способна решительно атаковать холодным оружием и что причина заключается

в том, что американские конники боятся холодного оружия. Вместо ответа, мы спросим у читателя, какой образ действий, исходя из результатов, более опасен и требует большей смелости – тот, когда во время незначительной стычки, длившейся всего несколько минут, были убиты 24 человека из ста, или тот, во время Франко-прусской войны, где за шестимесячную кампанию из 60 тысяч германских конников от сабли погибал один человек в месяц.

На основе вышеизложенного мы можем утверждать, что конница должна быть вооружена и саблями и револьверами. В настоящее время кавалерия, скорее всего, будет атаковать пехоту, только когда последняя расстроена, приведена в беспорядок.

При этом, если судить по опыту Франко-прусской войны, пехота встретит атаку или в развернутом строю, или в рассыпанном, причем отдельные стрелки, очевидно, соберутся в кучки, во всяком случае, пехота будет вести частный огонь по коннице вплоть до последнего момента. Огонь этот нанесет такие потери коннице и приведет ее ряды в такой беспорядок, что лошади будут обходить кучки и будут стараться проскочить в интервалы между ними, находясь все время под огнем при наступлении и отступлении.

Поэтому можно, кажется, с уверенностью сказать, что большая часть кучек останется целой и невредимой, а если некоторые и будут прорваны, то понесенные при этом потери будут самые незначительные. Следовательно, все шансы будут на стороне пехоты. Казалось бы, что сомкнутая атака, произведенная в полном порядке, смело и энергично, подобно атакам конницы Фридриха II, и теперь может иметь успех, но обсто- ятельства сильно изменились. За исключением некоторых исключительных случаев, конница, вынесшая во время пробега в несколько сот шагов сильнейший и частый огонь, наскочит на пехоту уже в полном беспорядке и совершенно расстроенной.

Что же могут сделать всадники с их саблями против пехотных кучек? Удары могут быть легко отбиты ружьем; единственная возможность успеха заключается в силе налета, но сила эта несколько не зависит от сабли; она была бы совершенно та же и у безоружного человека.

Это продемонстрировал полковник Шеуэлл во время атаки при Балаклаве. Он, не вынимая сабли, разобрал поводья в обе руки, а затем повел своих людей на полной скорости на русских конников. Ему сопутствовала удача, он пробился и остался цел, хотя практически был безоружным. Адьютант Мур в Персии при Бушере повесил свою саблю на темляк и, взяв поводья, прорвал каре противника, не получив ни одной раны.

Теперь предположим ситуацию, когда кавалерия будущего атакует пехоту, нападая на полной скорости с револьверами. Каждый человек должен быть обучен стрелять на галопе и сейчас же бросаться в брешь, которую он себе пробил выстрелами в неприятельских рядах. Разве это не означает более эффективную тактику боя, нежели простая атака с холодным оружием?

Два-три выстрела, сделанные каждым конником начиная с 75 шагов от пехоты, должны причинить некоторые потери или по крайней мере помешать спокойному прицеливанию пехотинцев, произвести некоторый беспорядок, а возможно, побудить некоторых к отступлению. Если затем коннице удастся ворваться в ряды пехоты, то разве револьвер не окажется действенным и смертоносным оружием?

Огромное значение всегда придавалось моральному эффекту сверкающих сабель на пехотинцев. Но если мы проанализируем отмеченный моральный эффект, то придем к выводу, что сами сабли практически не находили применения. Представим ситуацию, когда кавалерия идет медленным аллюром с саблями наголо. Или кавалерию, ожидающую продолжения противника стоя. Какое особое влияние окажет тогда блеск сабель на пехоту? Очевидно, никакого.

Тогда представим конников, выстроенных в правильном порядке, быстро надвигающихся на пехоту, но с саблями в ножнах, разве не произведут они огромное впечатление (даже без всякого «блеска стали»)? И разве удар их не будет более чувствителен для пехоты, чем удар конников с саблями наголо,двигающихся медленным аллюром?

Мы убеждены, что главное в атаке конницы все же сила удара, и если к этому добавить смертоносный огонь револьверов, то моральный эффект во многом увеличится. Особая вера пехоты в свое огнестрельное оружие также заставит их опасаться частых залпов револьверов, причем больше, чем сверкания сабель.

Следовательно, если желают иметь кавалерию, способную атаковать пехоту и артиллерию, тогда все доводы указывают на необходимость использования конницей револьверов – на скорости, на близком расстоянии, против каре, используя вместо сабли.

Саблю же следует использовать во время преследований и стычек с конницей противника, так, чтобы атаковать без тяжелых потерь при сближении. Тогда удастся лучше сохранить порядок и с большим успехом применять саблю. Так в армии южан, похоже, каждому конкретному солдату было позволено использовать то оружие, на которое он больше полагался. В результате часто в ходе боя солдаты использовали сабли и револьверы – одни рубили, другие стреляли.

Любая конница, организованная по такому принципу (причем солдатам надо последовательно внушать, что стрельба не должна уменьшать быстроту атаки), будет безусловно иметь много шансов на успех. Страх перед револьверными пулями мешает пехоте врага целиться и сделает потери конницы меньше. В то же время конники, сознающие свою силу в рукопашном бою, инстинктивно будут к нему стремиться. Нескольких удачных атак достаточно, чтобы поднять моральный дух конницы и ослабить уверенность пехоты, тогда одна победа последует за другой.

Длинный револьвер пригоден и против сабли. Во время американской Гражданской войны он постоянно использовался, чтобы отражать удары сабли или защищаться от колющих ударов, равно как для смертоносных выстрелов.

Чем дальше исследуешь данный предмет, тем более очевидным становится тот факт, что следует затратить огромные усилия, чтобы обеспечить кавалерию этим превосходным оружием. Доктрина эта, конечно, выглядит ересью в глазах всех старых кавалеристов, основывающихся исключительно на прошлом, они отдают предпочтение сабле, потому что в их времена она была самым удачным оружием для кавалерии.

Однако эту точку зрения поддерживает только слепое следование традиции. Разумное же исследование прошлой истории кавалерии показывает, что время от времени перемены в ведении войны всегда происходят. Мы же сами придерживаемся того мнения, что сегодня следует сделать очередные изменения. Кавалерия, предназначенная для действий на поле боя (т. е. линейная кавалерия), должна иметь револьверы.

Легкая конница и конные стрелки

Нам уже доводилось писать о том, что линейная кавалерия должна составлять только одну четвертую часть всей конницы армии. Сфера действий кавалерии на поле сражения настолько сузилась, что было бы ошибкой учреждать слишком большую численность таких конников, которые не очень пригодны для иного применения.

Легкая же кавалерия подходит для выполнения второстепенных, но весьма деятельных военных операций, именно от нее армия ждет разведывательной информации, защиты, конвоирования, поисков. Поэтому она продолжит осуществлять самую значительную и реальную службу, прикрывая марши и осуществляя охрану основной части армии.

Ни один исследователь военной истории не может не поддаться исключительному влиянию, которое операции легкой кавалерии и разведки всегда оказывали, должным образом или нет, в зависимости того, хорошо или плохо или были организованы.

Описанные на предыдущих страницах случаи настолько многочисленны и поразительны, что не нуждаются в повторном упоминании. Просто заметим, что ничем более французы не обязаны своему поражению в 1870 году, как слабым действиям их конницы в сторожевой и разведывательной службе и тщательному осуществлению такой службы немецкой кавалерией.

Скорость движения всегда была одной из главных составляющих успеха на войне. Великий Наполеон настолько вдохновился этой идеей, что считал, что армия в 10 тысяч человек, которая могла в среднем пройти 20 миль за день, оказывала такой эффект на успех кампании, как и та, что насчитывала 20 тысяч, но проходила всего 10 миль за день.

Если сказанное и верно, то, несомненно, это правильный принцип, и тогда размещение 10 тысяч человек на лошадях станет равным по значимости 20 тысячам. Однако мы увидели, что кавалерия не способна защищать позицию, не может даже эффективно проявлять себя в обороне, наконец, она не способна действовать на любой местности или атаковать укрепления.

Следовательно, в большинстве случаев перечисленные обстоятельства уменьшают значение действий таких 10 тысяч человек на дополнительной скорости. Однако, если эти солдаты по прибытии на место, где возникает в них нужда, спешатся и станут сражаться пешими, как пехота, их можно будет использовать на любом виде местности, вовсе не опасаясь того, что их отсекут в случае окружения или отступления. Именно последнее обстоятельство и привело к появлению драгун.

Когда Александр Великий преследовал Дария III, напомним, что он поместил 500 человек из своей лучшей пехоты на то же самое количество кавалерийских лошадей и таким образом двигался с предельно возможной быстротой. До его времени для этих целей использовались колесницы.

Позже данная идея возродилась в драгунах, и в течение многих лет драгуны составляли значительную часть армий. Наполеон высоко ценил такую конницу, считая, что кавалерию всех типов следует оснащать огнестрельным оружием и обучать бою пешими.

Значение драгун, способных быстро перемещаться к решающей точке боя и сражаться там пешими, начали осознавать достаточно рано. Все же отмечаются случаи, когда в течение многих лет к этим войскам относились пренебрежительно, не осознавая их истинной силы. Необычайный успех конных атак Фридриха II Великого оттеснил драгун в тень и заставил поверить, что идея драгун ошибочна. Существует также много других веских причин, которые в прошлые времена мешали полностью оценить этот тип кавалерии.

То, что сражения проводились на открытой местности, практически не предоставляло возможностей, чтобы драгуны спешивались и получали преимущество во время своих действий. Когда местность оставалась открытой и почва подходила для действий конницы, то оказывалось лучше, чтобы драгуны действовали как кавалерия и обрушивались на пехоту на скорости.

Соответственно, полки драгун превратились, как и в большинстве армий, просто в кавалерию и почти неизбежно использовались таким образом. К тому же и их вооружение не разрабатывалось таким образом, чтобы побуждать их сражаться пешими, имея преимущество, и, следовательно, принцип формирования драгун впал в немилость.

Если мы оградимся от предрассудков, вытекающих из трудностей, обусловленных бывшим состоянием военного искусства, особенно если эти трудности не существовали в настоящем, то драгуны могли бы быть возрождены. Но еще во время Гражданской войны в США драгуны обычно вооружались старомодными гладкоствольными карабинами, представлявшими собой оружие ограниченного радиуса действия с неточным прицелом.

В прежних войнах, когда пехота также вооружалась гладкоствольным ружьем, битвы выигрывались совершенно иначе, чем те действия, в которых сегодня принимают участие драгуны. Во времена Фридриха II Великого и Наполеона близкая дальность стрельбы огнестрельного оружия позволяла армиям выстраивать боевой порядок на незначительном расстоянии друг от друга. Огневой бой пехоты начинался с расстояния примерно в 300–400 шагов и продолжался до расстояния от 40–50 шагов и даже до начала штыкового боя без решительного результата.

Теперь все изменилось. Во время Франко-прусской войны стрельба из линий пехоты друг против друга часто начиналась на расстоянии в 1500 шагов и редко продолжалась до 200 шагов, причем обычно одна из сражающихся сторон не выдерживала. Фактически

огневой бой пехоты, когда велся интенсивный ружейный огонь, составлял от 150 до 600 шагов, кризис же боя наступал при сближении на 400 шагов, а дальнейшее движение было сопряжено с огромным уроном.

Следовательно, при современном оружии, обладающем большой дальностью, меткостью и скоростью стрельбы, опасная для наступающего зона (в смысле сильных потерь) и число выпускаемых на каждую сотню шагов этой зоны выстрелов, притом вполне метких, увеличились по крайней мере вчетверо.

Принимая во внимание все сказанное, видим, что при старой системе ведения военных действий драгуны спешили, чтобы защитить позицию, и, поместив своих лошадей под прикрытие, скажем отведя их на 100 или на 200 ярдов в тыл, могли только успеть произвести по несколько выстрелов до того, как в случае быстрой и яростной атаки пехота противника уже схватывалась с ними в рукопашном бою.

Бой тогда решался большей частью холодным оружием в рукопашную. И если драгунам приходилось вступать в рукопашный бой, у них было мало шансов отойти к своим лошадям и сесть на них. Такая вероятность, возможно, заставляло драгун слишком поспешно отходить к лошадям, и тогда, соответственно, они терпели поражение.

Насколько различными стали условия ведения подобного боя теперь! Драгуны или конные стрелки могут оставлять своих лошадей в тылу, заняв оборонительную позицию. После этого они начинают сильно досажать своим огнем приближающемуся неприятелю на расстоянии в тысячу шагов, наносить большие потери при 600 шагов и затем устраивать смертоносные залпы, так что исход ясно бывает предрешен, прежде чем приближающийся противник может подойти до 250 шагов.

Ничто не может помешать драгунам, обеспечив своих лошадей прикрытием, скажем в лесу или за деревней, оставаться и стрелять, пока враг не подойдет на 200 шагов, и затем бежать к своим лошадям, садиться на них и пускаться галопом, чтобы их не успели перехватить.

Сразу же отметим, что современные оружия и тактика боевых действий открыли конникам новые возможности. Сильное расширение зоны огня, огромное увеличение расстояния, на котором теперь решается исход сражения, полностью изменили условия, при которых привыкли сражаться драгуны.

Время, требуемое спешившимся конникам, чтобы, в случае поражения, снова сесть на лошадь, не изменилось, время, которым они располагают, сильно увеличилось. Сила их оружия – дальность, скорострельность и меткость – увеличилась необыкновенно. Высочайшей глупостью было бы придерживаться прежних взглядов.

Сказанное не относится к чистой теории. Кто из тех, кому доводилось читать описания действий конных стрелков в Америке, не восхищался их полезностью и эффективностью? В этой стране конники смогли удивительно умело нести наружную службу, спешиваться и сражаться в боевой линии против пехоты, кавалерии или артиллерии. Они также штурмовали укрепления, захватывали канонерские лодки, фактически делали все, что положено выполнять солдатам. И совсем удивительно, что ни пруссаки, ни французы в 1870–1871 годах не использовали опыт войны в США 1861–1865 годов.

Разве кто-либо поверит в то, что немцы не усвоили урок на основе опыта конца войны во Франции, когда французские вольные стрелки вынудили прославленных улан искать защиты или по крайней мере поддержки пехоты? Такой опыт следовало усваивать. В следующей европейской войне то государство, которое будет использовать конных стрелков в больших количествах, станет одерживать победы. Мы видим, что сейчас немцы вооружают огромное количество своих конников дальноточными карабинами, вероятно, чтобы действовать как конные стрелки.

Другим достоинством конных стрелков является сопровождение артиллерией. Вместе с конной артиллерией подвижные отряды такой кавалерии могут вести действия на любой местности, причем как в наступлении, так и в обороне. В целом же такой отряд пригоден для разведывательных действий в больших масштабах, чему его и следует обучать специально.

Надо учить солдат спешиваться и маневрировать пешими. Три человека из каждого отделения в четыре солдата спешивались, а один обычно заботился о лошадях. Третий номер из каждого отделения удерживает лошадей, одну с левой стороны и двух справа. Особое внимание надо уделять тому, чтобы обучить коневодов двигаться вместе с лошадьми (вперед, назад, кругом), следуя за продвигающимися спешившимися товарищами, двигаться быстро, помогая в случае необходимости всему отряду вновь садиться на лошадей.

Конный отряд такого типа найдет применение в любой ситуации, особенно при выполнении специальных заданий. Уже процитированный нами генерал Стефен Д. Ли замечает: «Вооружение каждого кавалериста новейшим магазинным ружьем (винтовкой) и револьверами новейшего образца, по моему убеждению, увеличивает способность конницы к действию в большей степени, чем это сделало новое оружие для пехоты или артиллерии. Командующий получает возможность переместить сильный отряд пехоты с быстротой кавалерии для значимого удара на какой-нибудь пункт поля сражения и даже театре войны».

Сильный отряд кавалерии, вооруженный таким образом, подходит практически для всех случаев: если армия находится в движении или на фланге, где следовал сильный натиск, и против коммуникаций, складов боеприпасов и фуража.

Глава 33. Вооружение и снаряжение

Тяжелая, или линейная, кавалерия

В такие подразделения и части следует набирать крепких мужчин, сажать их на сильных лошадей и обучать их как можно жестче, чтобы добиться предельной сомкнутости строя. Как уже упоминалось, вооружать их надо двумя револьверами и саблей каждого. Один револьвер надо носить на себе, другой на седле.

Что же касается одежды, то остановимся на общих моментах. Мундир должен плотно облегать тело, но не быть узким, чтобы не стеснять полной свободы движений, и особенно в пользовании конечностями. Легкий металлический шлем, хорошо защищающий от сабельного удара, считается лучшим головным убором. Кираса, реально защищающая от современного оружия, оказывается слишком тяжелой, чтобы человек мог ее носить. В большинстве случаев кирасы не защищают от пуль и оказываются бесполезными. Поскольку в боевой обстановке от конницы требуется максимально возможная скорость, чтобы как можно скорее доскакать до неприятельской пехоты, то мы считаем, что кирасы следует совершенно отменить, ограничившись для защиты от сабельных ударов погонями из металлических цепочек и прикрепленными к перчаткам легкими стальными крагами, доходящими до локтя. Они должны быть единственной разновидностью защитного вооружения.

Доходившие до колен ботфорты хорошо служат конникам, позволяя содержать ноги в тепле и защищая их во время езды от сжатия соседними конниками, а также от сырости, так что, когда солдаты попадали под дождь во время марша, на биваке они снимали сапоги и ложились спать в сухих рейтузах. Хуже, когда использовали рейтузы, покрытые кожей, как в некоторых армиях.

Итак, оснащенная подобным образом кавалерия,двигающаяся с револьверами против противостоящей ей кавалерии противника, вооруженной саблями, почти неуязвима, но сама способна наносить смертельные удары. Голова защищена шлемом, плечи – стальными погонями, ноги – ботфортами и руки – перчатками с крагами. Вооруженные винтовкой, с револьвером в руке, такие конники имеют все шансы победить любого противника в рукопашном бою.

Нанесенные саблей раны, особенно когда противники смешивались в ближнем бою, часто удивляют как незначительным числом, так и легким характером. В своих «Воспоминаниях о войне конфедератов» полковник фон Борке приводит описание ночного

неожиданного нападения, во время которого два полка кавалерии южан по ошибке обрушились друг на друга. Он замечает: «1-й и 3-й виргинские полки атаковали друг друга великолепным образом, прежде чем обнаружили свою ошибку. Атака, к счастью, завершилась, не принеся особых последствий, кроме нескольких ударов саблями».

Особое внимание следует уделить снаряжению, чтобы никоим образом не увеличивать поклажу кавалеристов. Им надо перевозить как можно меньше, резервные запасы одежды надо хранить в повозках в тылу армии. Во время кампаний солдатам надо запретить перевозить на лошадях свои чемоданы, поскольку они всегда наполнены и лошадям будет тяжело.

Драгунам и другой кавалерии надо носить длинный плащ с рукавами и обязательно с разрезом, разделяющийся при посадке на лошади и устроенный так, чтобы можно было надевать португезию как сверху, так и под него, в зависимости от ситуации. Без рукавов накидка выглядит неуклюже и нелепо.

В своей истории войны 1866 года, рассуждая о платье прусских солдат, Гозье делает вывод, который убедительно подтверждает представление о том, что кавалерии не разрешалось перевозить грузы на лошадях. Он говорит, что прусская пехота «обременялась тяжелыми ранцами, которые, хотя и были лучшего устройства, чем те, что имелись в большинстве стран, все же вряд ли требовались и, хотя имелись в наличии, редко брались в настоящую кампанию, так как их редко открывали. Железнодорожные пути и улучшенные дороги предоставили больше возможностей для солдата, сократив продолжительность кампаний и облегчив перемещения». Солдаты не должны поэтому нагружаться тяжелой поклажей, переносимой в качестве груза на спинах, превращаясь во вьючных животных.

Сказанное в первую очередь относится к кавалерии, главная ценность которой в скорости, выносливости и длительности перемещений.

Легкая конница (драгуны), или конные стрелки

Считалось, что их снаряжение должно быть легче, чем у тяжелой конницы, им не нужно то, что помешает действиям в пешем строю, например шлемы или перчатки с крагами. Вместо шлема надо использовать легкий головной убор, плотно прилегающий к голове, потому что конным стрелкам часто приходится вступать в стычки в лесах и на пересеченной местности.

Сапоги полагается носить поверх брюк, они также должны быть более легкими по сравнению с теми, какие носят тяжелые конники. Карабины следует носить в особом чехле, прикрепленном к седлу позади правой ноги. По размеру карабины лучше делать несколько длиннее, чем принято теперь, но пехотная винтовка будет слишком длинна и неудобна для действия ею с лошади. Лучше всего выбрать нечто среднее между ними; такой карабин должен, конечно, быть заряжаемым с казны, но может и не быть магазинным. Именно поэтому кавалеристы отдавали предпочтение оружию средней тяжести и обычно применяли магазинную винтовку.

Револьвер полагается носить на поясе как запасное оружие для ближнего боя, независимо от того, ведется он конным или пешим образом. Саблю же полагается прикреплять к седлу и использовать только тогда, когда всадник находится на лошади. Саблю использовали во время преследования, когда разбивали врага, и во время бегства, а также при недостатке патронов. В армии конфедератов у многих конных стрелков сабли не было вовсе.

Сабля должна была быть прикреплена к седлу, поскольку иначе она мешала, если конник спешивался. Фактически сабля, высокий кивер и плюмаж, туго стянутые брюки и шпоры все вместе делали драгуна старомодным. Когда же он спешивался, то они и вовсе оказывались бесполезными, так что он становился неуклюжим пехотинцем, что и явилось, если верно рассуждать, одной из причин неудач применения драгун в прошлом.

Удивительно, что ни в одной армии эту ситуацию так и не попытались изменить, ведь

сабля как оружие оказывалась совершенно бесполезной, когда конник спешил. Из карабина редко, если и когда-либо стреляли, находясь в седле, поскольку любая атака в конном строю проводилась с револьвером или саблей в руке. Тяжесть выюка у конных стрелков должна быть максимально уменьшена, так как на них возложена вся сторожевая и разведывательная служба, а также партизанские действия.

Определенное число конников должны брать с собой небольшие топоры или, точнее, топоры, крепящиеся к седлу в кожаных футлярах. Они распределяются повзводно и нужны для разрушения изгородей, возведения брустверов, рубки дров, постройки шалашей и укрытий, сваливания телеграфных столбов и т. д. Поэтому конникам следует всегда иметь топоры при себе, а не перевозить их в повозках.

Конных стрелков, которые по роду своей службы используются для несения разведывательной и специальной службы, следует набирать из смысленных солдат, снабжать картами театра войны, которые должны уметь читать и использовать все, по крайней мере унтер-офицеры.

Что касается лошадей, то самые высокие, тяжелые и мощные назначаются в линейную конницу, в то время как легкие и рысистые направляются в легкую кавалерию. Следует также помнить о том, что ценность кавалерии любого рода зависит прежде всего от состояния лошадей и что особенное внимание должно быть направлено на их фураж, ковку, седла, то есть поддерживать их в хорошем состоянии.

Именно сила и выносливость лошадей – основа боеспособности конников. Не надо нагружать животных слишком большими тяжестями. И всем кавалерийским офицерам надо постоянно помнить о том, что сказано выше.

Глава 34. Использование конницы на войне

Хотя сфера применения кавалерии на поле боя, бесспорно, во многом сузилась, появляется вопрос: не расширилась ли она вне поля сражения? Большое значение, которое придавало новое огнестрельное оружие конным стрелкам, настолько увеличило их эффективность, что позволило использовать их успешнее и чаще, чем в прошлом.

Железные дороги, телеграф и другие армейские коммуникации настолько важны, что их необходимо сохранять, поэтому для их охраны, а при необходимости и разрушения требуются значительные массы кавалерии. Конница будет всегда полезной для того, чтобы угрожать, а в случае необходимости нападать на тылы врага. Крупный отряд конных стрелков, сопровождаемый несколькими конными орудиями, почти наверняка может длительное время существовать в сельской местности за счет местных ресурсов. Благодаря скорости и скрытности своих перемещений такие отряды могут избегать боев и ускользать от преследования крупных сил противника, в то же время благодаря возможностям своего вооружения в зависимости от ситуации нападать на небольшие отряды врага, разрушать коммуникации или защищать себя в случае нападения.

В начале кампании такую кавалерию посылают на аванпосты или в авангарды. Ей полагается находиться под командованием отдельного кавалерийского начальника и наступать неразрывной упругой линией-завесой. Эту линию конников, уверенных в себе, способных защищаться и нападать, вовсе не следует ограничить небольшими отрядами, действующими совместно с пехотой.

Они не должны давать останавливать себя мелким подразделениям неприятельской пехоты, но, разбив их, продолжать движение, осматривая всю местность, пока не наткнутся на неприятельские передовые посты. Достигнув соприкосновения с неприятелем, они ни под каким видом не должны его терять. Атакуя неприятеля в слабых пунктах, задерживая его в сильных, понемногу определяют его силу и расположение. Если все так и сделать, боевые действия всегда завершатся успешно. Твердое давление и мобильность без особого риска выявят слабые места, позиции и сила противника будут в равной степени поколеблены.

Ничто не могло помешать такому отряду, идущему на расстоянии двух-трехдневного перехода впереди основной армии, которая движется за такими отрядами в безопасности, не ожидая внезапных нападений. Кавалерия, двигаясь быстрее, чем пехота, естественно должна быть впереди всей армии, в этом случае достигается и лучшее добывание продовольствия.

Опыт показывает, что такой образ действий самый лучший. Австрийская конница, действовавшая против Фридриха II Великого, вступив в соприкосновение с пруссаками, никогда его уже не теряла, примером будет то, что происходило при Зооре и Гохкирхене. Так же действовали казаки против Наполеона. В 1870 году наступавшие германские армии прикрывались кавалерией, находившейся далеко впереди. Однако, как только французы организовали подразделения вольных стрелков, вооружение и тактика прусской кавалерии поставили ее в трудное положение перед таким противником, не щадившим не только врагов, но и себя.

Небольшие разъезды должны постоянно быть в движении на всем фронте и на флангах армии. Это – чувствительные щупальца, глаза, уши, а часто и кормильцы армии. Главнокомандующий, не имеющий хорошей конной разведки, блуждает в потемках как слепой, может двигаться только медленно и нерешительно, не знает, куда следует наносить удары и откуда их ожидать.

Лишь гений Фридриха II Великого, удивительные искусство и стойкость его армии, выдающиеся способности его генералов позволили относительно удачно завершать свои походы в условиях, когда он был окружен завесой легкой неприятельской конницы. Наполеон же после завоевания почти всей Европы пал жертвой партизанских действий легкой конницы неприятеля.

Кавалерийские офицеры должны постоянно помнить, что на них лежит особая ответственность, которая возложена армией и государством, – получать информацию о передвижениях противника, скрывать расположение собственной армии и прикрывать ее от неожиданных нападений, делая это даже ценой больших жертв, лишений и даже смерти.

Эту обязанность кавалерия, вооруженная как конные стрелки, теперь может осуществлять более эффективно, чем когда-либо. Теперь конникам не нужна поддержка пехоты, чтобы выбить противника из-за какого-либо заграждения, не нужна им пехота и для защиты занятой позиции. Фактически в будущих войнах роль конников будет более значительной.

Особое внимание мы уделили тому, как использовать конницу для прикрытия продвижения своих войск, но это лишь часть обязанностей конников. Не менее важной задачей конницы являются рейды на коммуникации противника. Не станем вдаваться в детали, просто сошлемся на рейды Стюарта, Форреста, Моргана, Вильсона и Гирсона, ставшие прекрасным примером той пользы, какую могут приносить конные стрелки.

Во время полевого сражения конных стрелков можно использовать для совершения обходов флангов противника, особенно если фронтальные атаки по фронту будут стоить больших потерь. В оборонительных боях их также следовало использовать на позициях спешившимися, отведя должным образом лошадей в тыл, так что конные стрелки могли бы эффективно сражаться, проявляя лучшие качества пехоты. Так поступали люди Форреста при Чикамоге: после победы садились на лошадей и преследовали противника как лучшая конница.

В то же время конные стрелки могут проводить конные атаки, используя свои револьверы, с таким же успехом, как и тяжелая кавалерия. Американские конные стрелки прекрасно сражались пешими, храбро атаковали, когда им предоставлялась такая возможность, конными, и нет причин, почему бы не поступать подобным образом.

После сражения во время преследования конные стрелки приобретут необычайную ценность не только благодаря простому нападению на врага с тыла, но и совершая широкие обходные движения, стремясь перехватить пути отступления. Операции Шеридана во время отхода армии Ли в 1865 году подробно описаны в главе 28 и служат прекрасной иллюстрацией подобной тактики преследования разбитого противника.

Глава 35. Моральные факторы, боевой дух

Чтобы показать роль моральных факторов и значения боевого духа, приведем один случай, оказавший необычайное влияние, который поможет понять, что должен об этом знать и всегда иметь в виду офицер кавалерии. Придавая моральному фактору огромное значение, Наполеон однажды заметил, что моральные факторы на войне соотносятся с физическими качествами в отношении 3 к 1. Не приходится сомневаться в точности данного принципа, поскольку боевой дух солдат всегда оказывал большее влияние на результаты сражения, чем простая физическая сила.

В настоящее же время, когда люди почти не сражаются в рукопашном бою, но больше с помощью смертоносного оружия на дальних дистанциях, физическая сила требуется еще меньше, фактически больше в пехоте и меньше в кавалерии. Теперь, следовательно, именно моральный фактор решает исход сражения, а военное искусство выражается, в частности, и в искусстве поднятия боевого духа своих солдат и подавлении боевого духа врага.

Рассмотрим, например, случай, когда две линии пехоты наступают навстречу друг другу, причем одна физически сильнее. Очевидно, что более сильная при прочих равных условиях опрокинет менее сильную. Однако на деле никогда они не дойдут до столкновения — одна из них заколеблется, затем остановится, наконец, отступит назад с той или иной степенью порядка, зависящей от мужества или дисциплины войск.

Точно так же и кавалерия, атакующая на пехоту, часто отворачивает, получая залп прямо в лицо. Но вовсе не физическая сила воздействует на конников, потому что те, кто отвернул, вовсе не те, по кому ударили пули, но те, кто испытал моральное воздействие. Так что на самом деле нет никаких ограничений успеха, которого могут добиться войска, обладающие большим моральным (боевым) духом, чем обычные люди, особенно тогда, когда их противники находятся в деморализованном состоянии.

Именно боевой дух, но вовсе не физическое состояние, привел к успеху горстки солдат, находившихся под командованием Кортеса и Писарро, выступивших против огромных армий индейцев. Примечательный эпизод случился во время индийского восстания 1857 года, когда сипаи (наемные войска в Индии), вооруженные, обученные и устроенные точно так же, как и регулярные британские войска, снова и снова терпели поражение от английских войск, хотя их численное превосходство над последними было огромным.

Невозможно перечислить все обстоятельства, которые способствуют боевому духу солдат в сражении, и каждый офицер обязан уделять пристальное внимание этому моменту. Уверенность в своем командующем является одним из самых значительных факторов в обеспечении высокого боевого духа в войсках.

Именно благодаря ему во время американской Гражданской войны 1861–1865 годов Каменная Стена Джексон завоевал доверие своих солдат, поэтому не только смог наносить поражения, когда командовал ими, но и противник оказывался деморализованным, когда встречался с ним. Когда беглецы с передней линии северян кричали «Джексон идет!», паника возникала даже среди опытных солдат еще не подвергнутого обстрелу резерва.

Победа уже в первом сражении имеет очень важное значение, влияя иногда на ход всей войны. Мы находим подтверждение сказанному в истории с ранних времен. Захват инициативы также служит подъему боевого духа солдат. Это должна помнить кавалерия — лучше всегда наносить удар первым.

Наполеон замечал: «Худший план действий на войне тот, который есть малодушный или, как принято говорить, благоразумный, истинная мудрость заключается в решительности и смелости». Такова одна из важнейших аксиом Наполеона. Чем дольше изучаешь военную историю, тем более начинаешь убеждаться в том, что первым величайшим качеством командующего является правильное суждение, следующими идут неукротимая энергия и железная воля, без них даже лучшие доводы окажутся бесполезными. Энергия, неутомимость, неудержимая энергия считаются совершенно бесценными в командующем, и

в кавалерии все это также необходимо.

Джексон Каменная Стена обладал всеми перечисленными качествами в высокой степени. Его энергия побуждала его перемещать свои войска, состоявшие в основном из пехоты, с такой скоростью, что его корпус получил прозвище «пешей» кавалерии.

В один из критических моментов в Виргинской армии кто-то из штаба генерала Джексона выразил в его присутствии мысль, что армии придется отступить. Тогда генерал резко ответил ему: «Кто это говорит? Нет, мы не отступим назад, мы сейчас же начнем наступление». Так оно действительно и произошло, и противник был полностью разбит при Чанселлорвилле (Чанселлорсвилле) через день или два после этого.

Его единственным приказом людям, построившимся в боевой порядок, был клич: «Только вперед!» Таков был его приказ каждому генералу и ответ на всякий запрос. Когда после заката его смертельно ранили, единственным его донесением генералу Ли стало следующее: «Нужно атаковать врага утром». Именно железная воля и необычайная энергия Джексона поднимали и укрепляли боевой дух его людей и совершенно деморализовывали противника.

Арриан пишет о деморализации в армии Дария III в ночь перед сражением при Арбелах (Гавгамелах), возникшей от ожидания и страха, которые, как он замечает, «твердо укоренились в сердцах многих из них, превратив их в трусов». Он говорит, что это немало способствовало поражению персидской армии.

Ростопчин, генерал-губернатор Москвы в 1812 году, употребил любопытное средство, чтобы поднять дух своих людей. Он выбрал самых невзрачных из французских пленных и выставил их на обозрение народу, так чтобы несчастный вид французов поднял дух москвичей, прежде всего ополченцев. Это был удачный прием, и он не мог не достигнуть цели.

Многочисленные и разнообразные случаи, говорящие о влиянии, какое производил боевой дух, невозможно перечислить. Все же, без сомнения, необходимо изучать данный предмет, чтобы использовать сделанные выводы для поддержания боевого духа солдат.

Глава 36. Командующий кавалерией

Во всех армиях кавалерия считается самым трудным объектом для командования.

Ж. де Прель

Хотя прекрасные офицеры, командовавшие пехотой, как и замечательные артиллерийские командиры, встречаются во все времена во всех армиях, нет ничего более редкого, чем совершенный командующий кавалерией. Различные роды войск так не похожи по своим свойствам, вооружению и образу действий, что командование каждым из них требует совершенно особых талантов и способностей.

Итак, отметим, что помимо таланта от генерала кавалерии требуется такое сочетание личных качеств и способностей, которые в одном лице встречаются очень редко. Он должен обладать особыми умом, выдержкой и твердостью, которые всегда требуются от офицера, занимающего ответственный пост. И в то же время он обязан обладать необычайной, на грани безрассудства, стремительностью, решительностью и храбростью, соединенными с величайшей осторожностью и необыкновенной сообразительностью.

Что касается кавалерии, то особый ум следует проявлять в составлении плана, необычайные храбрость и стремительность при его выполнении, при отступлении после неудачи – большую осторожность, при форсированном марше или преследовании противника в случае успеха – величайшую предусмотрительность.

Необходимо, чтобы командующий кавалерией наносил удары с быстротой молнии, совершенно не колеблясь (слова «колебание» и «нерешительность» должны быть вычеркнуты из его лексикона). Однако во время бурного натиска, возбуждения от

безудержного преследования, впадая в ярость от нарастающего темпа кавалерийской атаки со сверкающими саблями наголо, под свистящими пулями, с револьверами, сеющими смерть и разрушение, командующему кавалерией необходимо сохранять полнейшее хладнокровие.

Он должен быстро принимать решение, действовать быстро, четко контролировать происходящее и твердо направлять движение атакующих конников в этих условиях, что и является отличительной чертой великого командующего кавалерией. Неудивительно, что только имена немногих из них остались в истории.

Все прославленные кавалерийские командиры выделялись своей стремительностью, энергией и решительностью действий, разница между ними была в степени осторожности и рассудительности, необходимых качествах каждого ответственного командующего. Конечно, бывали известные кавалерийские командующие, этими последними качествами не обладавшие, но никогда не было хороших командующих конницей, не обладавших стремительностью и энергией.

Командуя передовыми частями армии, командующий кавалерией обязан проявлять особую осторожность, но быть в высшей степени деятельным. Находясь перед врагом, ему следует держать в поле зрения каждую дорогу и тропинку, наблюдать за ними, а также за всеми возможными путями передвижения противника, предпринимая все мыслимые предосторожности против любой вероятной неожиданности. При рекогносцировке, напротив, следует проявлять максимальную смелость.

Фактически общий принцип следующий. Известный писатель архидиакон Денисон из Тонтона писал в одном из своих сочинений: «Терпеть не могу мелкую, пошлую, противную добродетель, называемую рассудительностью». Эти слова доказывают, что, возможно, он мог бы стать отличным кавалерийским командиром.

Другим необходимым качеством командующего кавалерией является его способность предвидеть (на основе собственной интуиции и по мельчайшим признакам) замыслы и намерения врага. Так, командовавший кавалерией конфедератов в Миссури во время американской Гражданской войны генерал Шелби явно был от природы одарен таким качеством.

Его осторожность в выставлении постов и пикетов, посылке разъездов для охраны напоминали манию и не имели себе равных. Когда ему сообщали о приближении солдат противника, он спрашивал: «Вы сами их видели?» Если ответ оказывался положительным, он тотчас задавал следующий: «Вы их пересчитали?» – «Нет, не считал». – «Ну тогда мы как следует встретим их, во славу Господа! Велите бригаде развернуться, а артиллерии выехать вперед и приготовиться открыть огонь!» Благодаря своей решительности он никогда не отступал перед противником, даже если не знал о его действительной численности, не нанеся ему потерь. Это – настоящий образ действий конницы, тот дух, который надо поддерживать и с которым ее надо вести в бой.

Мы перечислили все качества, каковыми следовало обладать командующему кавалерией. Стремясь избежать неожиданностей, он должен предпринимать одновременно все возможные меры, чтобы добиться успеха, иногда осторожностью, граничащей с опасением возможного неожиданного нападения, но всегда храбростью и безрассудной смелостью, когда наступает время активных действий, ибо только так ему удастся искупить свою осторожность.

Командующий кавалерией должен уметь выпутаться из самого затруднительного положения. Он должен всеми силами избегать препон рутинных путей, шаблонных действий. Вся его деятельность должна соответствовать современным требованиям.

Длительное обучение в рамках жестких и непреложных правил в условиях длительного мирного времени всегда приводило к сужению кругозора и ограничению природных способностей офицеров. Людей рутинно обучают упражнениям, полевым движениям и всем правилам, установленным с математической точностью.

Все это хорошо, однако нельзя этим ограничиваться. При подобной системе никогда не проявляются самостоятельное мышление, сметливость. Беспрекословное подчинение

приказам, жесткое соблюдение рутины и канцелярщины во многих армиях признаются высшей целью военной дисциплины и лучшим доказательством эффективности такой армии.

Все это не способствует умению думать. Живущие своей жизнью офицеры в атмосфере, где механическое повторение всевозможных мелочей составляет каждодневную рутину, где правила устанавливаются вперед, чем занять каждую минуту времени, никогда не будут иметь той мгновенной сообразительности, быстроты суждений, которая так необходима в постоянно меняющейся обстановке войны. Даже самые одаренные от природы натуры не могут избежать подавляющего влияния рутины такой жизни, свойственной для затяжного мирного времени.

Нет ничего хуже такой системы. Как нельзя заставить ребенка, которого обучили только алфавиту, читать без предварительного знакомства со слогами, так и от офицеров, повторяющих одни и те же мелочи год за годом, нельзя требовать, чтобы они, руководствуясь вдохновением, смогли быстро приспосабливаться к всегда меняющимся обстоятельствам и преодолевать неожиданные трудности во время реальной войны.

Последствия подобной системы ярко проявились в английской армии во время Крымской войны. Лорд Кардиган и лорд Лукан – образцы офицеров данного типа, обученные подобным образом. Мы уже видели, как английская кавалерия после сражения при Альме двигалась одной колонной по дороге, слепо следуя рутине. Польза от подобных передовых войск была такой, как если бы они находились в Китае.

Во время действий кавалерии при Балаклаве мы видим, как лорд Кардиган и его легкая бригада, сидящие на своих лошадях, являются праздными наблюдателями боя, в котором противник подставил свой фланг. Рассуждая о подобной необычайной неэффективности английского кавалерийского командования, Кинглек справедливо заметил, что «всякий хороший миссионер, всякий дельный избиратель, всякий известный охотник сумел бы действовать лучше, чем этот генерал, хотя и ветеран в военной службе, но новичок на реальной войне».

Пруссак, давно осознавшие свои ошибки в этом смысле, хотя их дисциплина остается очень строгой, приучили на своих осенних маневрах офицеров действовать самостоятельно. Причем до такой степени, что, возможно, вряд ли была другая кампания, где корпусные и дивизионные командующие решались действовать под свою личную ответственность, чем та, что произошла в 1870 году.

Любопытно заметить, что подобные недостатки в военной профессии такая же древняя черта, как и история военного искусства. Один из первых авторов, писавших на данную тему, Ксенофонт приводит описание беседы, состоявшейся между Сократом и афинским юношей, посетившим лекции того, кто обучал военному искусству. Сократ спросил его, как профессор начал учить его искусству командования.

«Он начал, – ответил юноша, – с того же, чем и закончил, поскольку учил меня тактике и ничему большему». – «Но, – ответил Сократ, – ведь это только самая незначительная часть сведений, необходимых командующему!» Перечислив нескольких таковых, Сократ спросил: «Разве ваш преподаватель учил вас только, как располагается армия, или он говорил, с какой целью и каким образом вам следует использовать каждую отдельную часть вашего войска?»

«Вовсе нет, – ответил тот. – Встречается много различных случаев, так что нельзя располагать армию или руководить ею одним и тем же способом. Клянусь Зевсом, он не давал объяснений по данному поводу». – «Иди обратно, – сказал Сократ, – и постарайся, как только сможешь, задать ему эти вопросы, ибо если он знает и вам не сообщил и вовсе не бесстыден, то наверное, покраснеет, поскольку принял от вас деньги и оставил в невежестве».

Кроме всех перечисленных способностей, командующий кавалерией должен обладать необычайной изобретательностью, достаточной самостоятельностью, чтобы идти своей дорогой, вводить улучшения и нововведения, если видит в том необходимость. Мы проследили весь путь развития такой деятельности, необходимость в которой возникала время от времени. И показали, что успех великих командующих в огромной степени

объясняется их изобретательностью, ставшей одним из их примечательных свойств.

Александр Великий ввел для своей конницы стремительную атаку, в этом смысле он явился реформатором, и новая и непривычная тактика во многом помогала ему одерживать победы. Искусство Ганнибала в применении кавалерии оказалось неожиданностью для римлян, и он одержал много побед.

Сципион Африканский подражал своему великому противнику и улучшил его систему, побив Ганнибала его же собственным оружием. Приведем в качестве примера и Генриха Птицелова, и Черного принца, которые оба оказались весьма изобретательными. Тюренн изобретательно применял задуманные планы к конкретным условиям поля боя, и это было совершенно новым подходом.

Густав II Адольф и Фридрих II в равной степени были как оригинальными изобретателями, так и смогли усовершенствовать старые идеи с мастерством, которое делало такие старые идеи чем-то новым. В то же время Наполеон удивил мир своей стратегией и тактическим использованием всех трех родов войск, причем самым совершенным образом, какого никто еще не достигал при тогдашнем состоянии военного искусства.

Невозможно определить какого-либо выдающегося полководца, который был бы слепым последователем предыдущих. Великие люди всегда производят перемены, чтобы они соответствовали искусству ведения войны в их время. Улучшения в оружии и различные изобретения, воздействующие на общественную жизнь, такие как паромоводство, телеграф и другие, оказывают свое влияние и на военную науку, и лучший командующий тот, кто способен изобретательно добиться высочайших результатов на основании того материала, который оказывается под его командованием, и в тех обстоятельствах, в которых он находится. Из всех прочих командующий кавалерией отличается тем, что он должен проникнуться этой идеей и приложить все усилия, чтобы достичь максимальной пользы для своего дела.

Об авторе этой книги

Джордж Тейлор Денисон (1839–1925) родился в г. Торонто (Канада) в семье потомственных военных.

Окончив университет в Торонто со степенью доктора права, в 1861 году он вступает в коллегия адвокатов. Однако карьера адвоката его не привлекла, и он поступает корнетом в отряд канадской конной милиции, которым командовал его отец. Прослужив сорок четыре года на военной службе, Денисон выходит в отставку в чине полковника.

Службу в конной милиции Денисон успешно сочетал с изучением истории и, кроме известного труда о кавалерии, написал еще шесть сочинений политического, военно-теоретического и военно-исторического характера, множество публицистических статей и мемуары, в которых рассказал о своей жизни.

Издание в России его книги об истории конницы связано с именем великого князя Николая Николаевича (Старшего), занимавшего в 1861–1891 годах пост генерал-инспектора русской кавалерии. В 1874 году по его инициативе был объявлен открытый конкурс на лучший труд по всемирной истории конницы с древнейших времен до второй половины XIX века. Три лучшие работы предлагалось отметить денежными премиями.

Денисон подал заявку и приступил к работе сначала в Канаде, затем в Лондоне. Для завершения своего исследования он прибыл в Санкт-Петербург, где в течение нескольких месяцев посещал архивы и библиотеку Генерального штаба. Именно в Петербурге он написал большую часть своего монументального труда.

В декабре 1876 года Денисон представил рукопись в канцелярию великого князя Николая Николаевича. Члены комиссии, командир 2-й гвардейской кавалерийской дивизии генерал-лейтенант И. В. Гурко (впоследствии ставший фельдмаршалом), профессор военной истории Николаевской академии Генерального штаба генерал-майор А. Е. Станкевич и

капитан Генерального штаба Н. Н. Сухотин, признали ее лучшим сочинением на заданную тему.

По возвращении в Канаду в 1877 году Денисон не только продолжал службу в гвардии, но и вступил в должность главного полицейского судьи Торонто. На этом посту он не только наладил работу суда, который, по отзывам современника, при нем работал «как хорошо смазанная машина», но и прославился своей принципиальностью. К большому неудовольствию городских чиновников, Денисон ежедневно контролировал их работу, сурово наказывая за взятки и волокиту. Разбирая дела по закону и по совести, он не делал различий между отставным солдатом и родовитым гражданином Торонто. При нем полицейский суд Торонто даже стал чем-то вроде достопримечательности, – так много народу собиралось на заседания.

Обладая неиссякаемой энергией, он держал «открытый дом», в котором часто собирались его друзья и единомышленники. Только в 1921 году по требованию врачей Денисон оставил должность судьи. Но здоровье продолжало ухудшаться, и 6 июня 1925 года он умер на вилле Хейдон в возрасте 85 лет. С воинскими почестями Денисона похоронили на семейном кладбище в Онтарио.

Настоящий перевод выполнен по второму английскому изданию книги, которое отличается более живым и ярким языком, чем первое.